This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

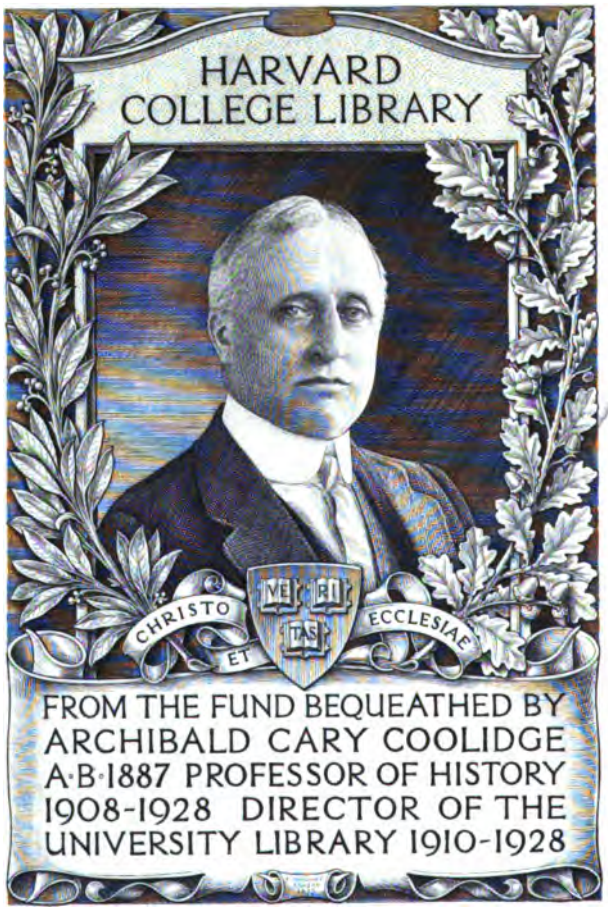
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 605.10


HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO
ET
VE
RI
TAS
ECCLESIAE
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

15200

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

№ 100,839
3

КНИГА III.

МОСКВА.
—
1893.

Printed in USSR

P Slav 605.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND
MAR 26 1934

Москва. Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	НАШИ ЛЮДИ. (Повѣсть). *Продолженіе.*—**П. Д. Боборыкина.**	1
II.	ТЕССЪ, НАСЛѢДНИЦА Д'ОРБЕРВИЛЕЙ. Романъ **Томаса Гарди.** Переводъ съ англійскаго **В. М. С.**	43
III.	РАЗСКАЗЪ НЕИЗВѢСТНАГО ЧЕЛОВѢКА. *Окончаніе.*—**А. П. Чехова**	83
IV.	СТИХОТВОРЕНІЕ.—**В. Н. Ладыженскаго**	130
V.	КОСМОПОЛИСЪ. Романъ **Поля Бурже.** Переводъ съ французскаго **М.** *Продолженіе*	133
VI.	АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ГЕРЦЕНЪ И НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЗАХАРЬИНА. (Ихъ переписка). *Продолженіе* .	201
VII.	СТИХОТВОРЕНІЕ.—**С. Г. Фруга.**	232
VIII.	АРЕНДА КРЕСТЬЯНСКИХЪ НАДѢЛОВЪ.—**К.**	1
IX.	ФИЛОСОФІЯ БЕЗЪ ФАКТОВЪ. *Окончаніе.*—**И. И. Иванова.** .	10
X.	МУРМАНСКІЙ БЕРЕГЪ, ЕГО ОБИТАТЕЛИ И ПРОМЫСЛЫ. *Продолженіе.*—**Н. В. Максимова**	24
XI.	НОВЫЯ РАБОТЫ ПО ИСТОРІИ ГРЕЦІИ.—**П. Г. Виноградова.**	47
XII.	О ПЕССИМИЗМѢ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.—**О. Т. В.**	55
XIII.	НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Что говорилось на международномъ уголовно-антропологическомъ конгрессѣ въ Брюсселѣ. *Окончаніе.*—**Д. А. Дриля**	60
XIV.	ДВА ВОСПИТАНІЯ.—**В. О. Ключевскаго**	79
XV.	ОБЪ УСПѢХАХЪ ИДЕИ МЕЖДУНАРОДНАГО ТРЕТЕЙСКАГО СУДА ВЪ НАШИ ДНИ.—**Гр. Л. А. Камаровскаго.**	100

Стр.

XVI. ВИНА ИЛИ НЕСЧАСТІЕ? (*Генрикъ Сенкевичъ:* «Безъ догмата». Романъ).—**М. А. Протопопова** 117

XVII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—**В. А. Гольцева** 145

XVIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Значеніе съѣздовъ для русской общественной жизни.—Еще объ истощеніи нашихъ естественныхъ богатствъ. — О принципахъ, которыми должно руководиться русское общество въ заботахъ объ улучшеніи народнаго хозяйства. — Проектъ надзора за хлѣбною торговлей.— Народное образованіе въ Москвѣ и Московской губерніи.— Влеченіе народа къ школѣ.—Начальныя школы и распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній. — Юлій Эдуардовичъ Янсонъ †. 154

XIX. ДѢТСТВО И ОТРОЧЕСТВО Т. Г. ШЕВЧЕНКА. — **А. Я. Конисскаго** 175

XX. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. **Книги:** Беллетристика.— Исторія и біографіи.—Политическая экономія и статистика.— Юридическія книги.— Естествознаніе. — Техническія книги.— Медицина.— Сельское хозяйство.— Учебники, книги для дѣтей и для народа.—Справочныя книги. II. **Періодическія изданія:** «Вѣстникъ Европы», *февраль*. — «Русское Богатство», *январь*.—«Сѣверный Вѣстникъ», *февраль*.—«Міръ Божій», *февраль*.—«Кіевская Старина», *іюль—декабрь 1892* г. III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 15 февраля по 15 марта 1893 г.** 113

НАШИ ЛЮДИ *).

(Повѣсть).

XXXIII.

Въ кухнѣ, у Христины, что-то шипѣло на плитѣ. Она готовила для себя и для Аннушки. Хозяйка позавтракала и ушла въ магазинъ. Жилецъ только обѣдалъ дома.

Аннушка шила въ комнаткѣ, гдѣ стояли ихъ кровати. Она усиленно выводила строчку, чтобы пересилить свою тоску. Сегодня у ней съ самаго утра сосало въ груди. Не могла она себѣ мѣста найти, думала, что работа иглой заставитъ уйти въ то, какъ выползаетъ изъ-подъ пальцевъ строчка.

Но въ груди все продолжало сосать. Боялась она и прикасаться къ своему сундуку. Опять разревется, а чухонка подниметъ ее на смѣхъ.

До сихъ поръ не могутъ онѣ съ ней спѣться душою, хотя и не ссорятся. Андреевъ правду сказалъ, Христина не понимаетъ, что дѣлается на сердцѣ у русскихъ людей.

Вчера кухарка была на балѣ, въ чухонскомъ клубѣ, и вернулась поздно. Разспросить ее она еще не успѣла. Христина, съ тѣхъ поръ, какъ къ ней сталъ похаживать тотъ черномазый сыщикъ, сильно франтитъ и, кажется, не на шутку сбирается за него замужъ.

Аннушка чурается этого человѣка и всего одинъ разъ съ нимъ разговаривала. Глаза у него не очень плутоваты. Но не вѣритъ она, чтобы онъ такъ ужь особенно былъ влюбленъ въ Христину. Хочетъ поскорѣе добиться своего.

Рада была она тому, что въ эти двѣ-три надѣли Андреевъ къ

*) *Русская Мысль*, кн. II.

нимъ не заходилъ, рада за него. Онъ могъ бы наткнуться на Христинина дружка и начать съ нимъ непріятный разговоръ, и тотъ подвелъ бы его подъ что-нибудь опасное.

Она побаивалась и за жильца. Кто его знаетъ, быть можетъ, тотъ бываетъ затѣмъ только, чтобы слѣдить за этимъ именно жильцомъ.

Нешто можно сказать про кого-нибудь изъ господъ или изъ прислуги, что ничего за нимъ не водится?

Жилецъ — тихій человѣкъ, ходитъ заниматься по письменной части въ редакцію, что ли, какую. Вечера часто дома и все пишетъ и читаетъ. Кое-когда приходятъ къ нему пріятели. Тогда разговоры идутъ долгіе. Она подслушивать не любитъ и не знаетъ, о чемъ у нихъ идетъ рѣчь. По нынѣшнему времени все возможно. Вотъ такой черномазый и изловчится, станетъ тереться около двери или рядомъ въ комнату заберется. Христина глупа, да ей и все равно. Ей и въ голову-то ничего такого не придетъ. Она, навѣрное, ни разу не подумала о томъ, что онъ, быть можетъ, въ женихи-то себя прочитъ только затѣмъ, чтобы выгадать время и обвести ее.

Но добился ли онъ у нея *всего*, этого Аннушка доподлинно не знаетъ. Скорѣе нѣтъ. Они даже ни разу не поцѣловались при ней.

— Христина! — окликнула она, наконецъ, чтобы чѣмъ-нибудь развлечься,—а, Христина!

— Чего тебѣ?—высокимъ звукомъ отозвалась кухарка.

— Весело было вчерась?

— Танцовала много. И угощеніе было хорошее.

— Отъ самихъ кавалеровъ, значитъ?

— Извѣстное дѣло!

— Ты съ кѣмъ ѣздила?

— Съ Липой.

Эту Лину—тоже чухонку—Аннушка знала. Онѣ большія пріятельницы. Та живетъ въ горничныхъ у богатыхъ нѣмцевъ, на Острову, и одѣвается какъ барыня, въ шелковыхъ платьяхъ и всегда при часахъ.

— Какіе же кавалеры-то инъ были?

— Одинъ телеграфистъ... и кэптенъ.

— Кто?—не поняла Аннушка.

— Кэптенъ... Пароходомъ командуетъ. Лѣтомъ ходитъ на острова.

— Вишь ты! Ты, небось, имъ не говоришь, что ты въ услуженіи?

Аннушка тихо разсмѣялась и у ней полегчало въ груди.

— Есть оказія!—съ болѣе громкимъ взрывомъ смѣха подтвер-

дила Христина и подошла къ двери вся красная, съ полуголыми руками.—Я имъ сказываю, что я въ компаньонкахъ живу.

— Они и вѣрятъ?

— А почему же не вѣрить?... Тамъ и гувернантки были... да хуже меня... Одна вздѣла на себя панье... старомодное.

Христина обернулась и передразнила, продолжая смѣяться, какъ та виляла своимъ панье.

— Кто нынче панье носитъ? Судомойка не надѣнетъ! Ха, ха, ха!

— И всѣ тамъ по-вашему лопочатъ?

— Понятное дѣло!

— Лина-то, небось, всѣ свои бруслеты и кольцы надѣла?— спросила шутливо Аннушка.

— Были, да сплыли.

— Какъ такъ?

Аннушка даже перестала шить и высунула голову въ дверь.

— Очень просто... Она такая... На той недѣлѣ пришелъ къ ней пасторъ... такой, знаешь... ѣздитъ вездѣ и собираетъ на...

Христина затруднялась объяснить, въ чемъ дѣло.

— На бѣдныхъ, что ли? Или на построеніе храма?

— Нѣтъ, это у васъ только монашки собираютъ на себя.

— А то какъ же? Имъ тоже на что-нибудь надо жить.

— Это попрошайки!—пустила смѣшливо Христина и отошла къ столу, продолжая говорить. У Лины былъ такой особенный пасторъ, который черныхъ людей обращаетъ.

— Во что?

— Ахъ, какая ты! Въ вѣру нашу обращаетъ. Тамъ...—она повела рукой,—въ Огненной землѣ.

— Въ Огненной?—почти суевѣрно повторила Аннушка.

— Да ты помнишь... У меня былъ одинъ такой... Ты тогда только поступила сюда.

— Вотъ что!

Аннушка нахмурила брови и вспомнила. Приходилъ, точно, какой-то лысый, съ пробритою губой и рыжею бородой, въ черномъ однобортномъ сюртукѣ, и долго говорилъ по-ихнему. Христина ему желтенькую дала подъ конецъ. Она думала, что на бѣдность, хотя господинъ этотъ чисто былъ одѣтъ.

— Ну, вотъ у Лины былъ такой. Оттуда, изъ Огненной земли, гдѣ людоѣды.

— Людоѣды?—переспросила Аннушка.—Нешто бываютъ людоѣды? Это только въ книжкахъ пишутъ.

— И какъ еще бываютъ! Хочешь, я тебѣ на картинкѣ покажу У меня книжка есть.

— Книжка? Я про то же и говорю тебѣ.

— Ха, ха! Какая ты глупая! Людоѣды всегда есть—и черные, и красные, всякіе! Вотъ ихъ-то и обращаютъ.

— Въ какую же вѣру-то?

— Въ христіанскую.

— Въ вашу-то?

— А наша какая же, коли не христіанская?—полуобиженно перебила Христина.

Аннушка промолчала. Она не любила спорить о вѣрѣ.

— Такъ что же Лина-то? Ты не досказываешь.

— Ну, пришелъ пасторъ... говорилъ долго. Она плакала, и не выдержала. Денегъ у ней не было. Взяла, да и отдала ему двѣ браслетки и брошку. Хотѣла и часы, да онъ самъ не взялъ.

— Вишь ты!... Доброй души она, даромъ, что франтиха.

— Ее только доведи до слезъ... все отдастъ. Въ прошломъ году пріѣхалъ такой же пасторъ. Она ему все жалованье отдала... пятнадцать цѣлковыхъ и безъ копѣйки осталась.

— Пятнадцать цѣлковыхъ!—повторила Аннушка.—Значитъ, душу онъ ей всю насквозь пронялъ?

Ничего такого она не ожидала. И Христина, передавая это, не смѣялась надъ простотой Лины.

Даже удивительно. Такая чухонка, безчувственная, которая рѣжетъ куръ какъ ни въ чемъ не бывало, и не издѣвается надъ своею подругой... Можетъ, и сама сдѣлаетъ то же самое.

«Ну, бруслетку не сниметъ,—поправила себя Аннушка,—и деньги всѣ не отдастъ... Шалишь!»

Однако, Христина отдала тогда бумажку. Это она собственными глазами видѣла.

Изъ передней раздался звонокъ.

«Кто бы это?»—подумала Аннушка.

Къ нимъ передъ обѣдомъ никто не приходилъ. Развѣ швейцаръ кое-когда поднимется съ письмомъ или почтальонъ.

XXXIV.

На площадкѣ стоялъ господинъ въ пальто, съ котиковымъ воротникомъ, страннаго покроя, вродѣ женской узкой пелерины. На головѣ мѣховая же шапка, тоже какая-то чудная.

Аннушка быстро вглядѣлась въ его лицо. Худой, борода длин-

ная, съ просѣдью, щеки въ морщинахъ и глаза «не по-нашему» смотрятъ.

Она, прежде всего, подумала, что это какой-нибудь французъ къ хозяйкѣ. Да нѣтъ, на француза этотъ мусьякъ не похожъ.

— Кого вамъ?—немного боязливо спросила она.

Господинъ что-то буркнулъ. Послышалось ей, какъ будто выговорилъ онъ имя Христины, но по-своему, и еще что-то прибавилъ.

Аннушка замотала головой.

— Къ мадамъ вамъ?

Онъ опять что-то промямлилъ.

— Мадамъ дома нѣтъ; передъ обѣдомъ заверните часамъ къ шести.

По глазамъ господина видно было, что онъ ни крошечки не понимаетъ по-русски.

Такъ они постояли нѣсколько секундъ — онъ на площадкѣ, она—между двумя дверьми, держась за ручку наружной двери.

Тогда онъ вынулъ изъ кармана карточку и сунулъ ей.

— Да мадамы нѣтъ! Ахъ ты, Боже мой!—нервно вскричала Аннушка.— Я по-вашему не умѣю говорить.

Но онъ тыкалъ пальцемъ въ черной замшевой перчаткѣ по карточкѣ и бормоталъ что-то.

Аннушка положительно услыхала имя Христины, только выговоренное на особый ладъ.

— Такъ вамъ Христину, значитъ, кухарку?

Господинъ широко улыбнулся, показалъ большіе желтые зубы и кивнулъ головой.

Онъ только что хотѣлъ взяться за ручку двери и войти, какъ Аннушка порывисто прикрѣпила ее на цѣпь и крикнула:

— Обождите! Я сейчасъ!

Она побоялась впустить его сразу.

По нынѣшнему времени, чуть оплошаешь и очистятъ все, что есть въ прихожей. А тамъ хозяйкина новая шуба и платья много въ шкапу. Кто его знаетъ, кто онъ такой? Еслибъ кто изъ родныхъ кухарки, изъ чухонъ, навѣрное, былъ бы проще одѣтъ и не такой лица.

Что-то онъ забалакалъ ей въ слѣдъ, но она этимъ не смутилась и побѣжала въ кухню.

Христина приготовила ѣду на кухонномъ столѣ, но сама оставалась съ засученными рукавами и въ фартукѣ, съ пятнами на у, отъ готовленья.

— Кто еще?—спросила она въ полъоборота.

— Вотъ тебѣ карточка.

— Какая?

— Смотри. Меня по-вашему читать не учили.

Взглядъ, брошенный Христиной на карточку, заставилъ ее густо покраснѣть сквозь румяна.

— Лина прислала!...

Она вскочила и стала оправляться.

— Да кто это?

— Пасторъ... Оттуда... изъ Огненной земли... отъ черныхъ.

Ея волненіе не проходило.

— Какъ же я?... Чумичкой такой?... Попроси его въ столовую. Я кофту надѣну и волосы надо поправить.

Глаза ея возбужденно заблистали. Она была польщена этимъ визитомъ миссіонера и, вмѣстѣ, какъ бы смущена не однимъ тѣмъ только, что онъ пришелъ днемъ, когда она такая «чумичка».

— Такъ въ столовую?—переспросила Аннушка.

— Ну, да, да... Не копайся!—почти съ сердцемъ кинула Христина и подбѣжала къ крану умыть руки.

Въ сѣняхъ господинъ дожидался, переступая съ ноги на ногу, и ноги его были обуты въ нерусскіе калоши, изъ сукна съ оторочкой. Кажется, ему не очень понравилось ждать у дверей.

— Пожалуйте!—крикнула ему Аннушка и глазами показала ему, что она теперь знаетъ, кто онъ таковъ.

Она сняла съ него пальто и даже хотѣла стащить «коты» съ ногъ, но онъ не допустилъ.

— Пожалуйте въ столовую,— выговорила она и, отворивъ дверь, показала ему рукой.—Христина сейчасъ придетъ.

Жестами она старалась растолковать ему, что кухарка хочетъ немного пріодѣться.

Подъ пальто господинъ этотъ оказался въ длиннополомъ однобортномъ сюртукѣ съ низкимъ стоячимъ воротникомъ, изъ-подъ котораго выглядывали бѣлые воротнички.

Это убѣдило Аннушку, что дѣйствительно пришелъ пасторъ.

Въ столовой Аннушка указала гостю на кресло и вразумительно и громко выговорила:

— Садитесь, пожалуйста... Христина сію минуту.

И поспѣшно вышла.

Христина уже успѣла надѣть широкую темную кофту, заново подрумяниться, поправить прическу и снять фартукъ. Она шла на встрѣчу Аннушкѣ.

— Въ столовой?—громкимъ шепотомъ спросила она съ праздничнымъ лицомъ, съ какимъ крестьянкой сбиралась въ кирку.

Слѣдомъ за нею Аннушка пошла до двери. Она успѣла только увидать, какъ длиннополый пасторъ «изъ Огненной земли» всталъ и протянулъ Христинѣ руку. Кажется, она ее поцѣловала, но онъ ее не крестилъ и ничего руками не сталъ выдѣлывать.

Сначала онъ самъ опустился на стулъ. Христина сразу не садилась. Онъ ей указалъ рукой и она сѣла въ почтительной позѣ, точно на исповѣди.

Больше Аннушка ничего не видала. Она застыдилась, притворила дверь и въ большомъ раздумьи пошла въ кухню. Завтракать она подождетъ Христину, хотя ей и очень хотѣлось ѣсть.

Она вспомнила еще разъ про Лину, про то, какъ такой же пасторъ такъ «пронялъ» ее, что она и деньги всѣ отдала, и золотыя вещи съ себя.

Аннушкѣ стало какъ будто завидно. Положимъ, всѣ эти, какъ ихъ тамъ звать, ходоки, что ли, норовятъ какъ можно больше собрать. Но не на себя же, а на обращеніе, хотя бы и въ лютеранскую вѣру, черныхъ людоѣдовъ. Вѣдь, каждый изъ такихъ пасторовъ—душеспасительный человѣкъ, утѣшить можетъ, наставить, ему все ты разскажешь, о чемъ сердце болитъ. Она къ кому пойдетъ?

Прошло больше десяти минутъ. Аннушка, охваченная раздумьемъ, сидѣла у стола и не замѣчала, что приготовлено на немъ кухаркой.

И вдругъ ей послышалось изъ столовой, какъ будто кто тихо плачетъ.

Аннушка встрепенулась и насторожила ухо.

«Это Христина,—подумала она.—И ее онъ пронялъ».

Черезъ двѣ минуты въ кухню вбѣжала Христина, вся въ слезахъ, но съ блистающими глазами, бросилась къ своему коммоду и начала тамъ рыться.

«Деньги достаетъ»,—рѣшила за нее Аннушка.

Христина пробѣжала опять мимо нея и ей показалось, что въ рукахъ у ней торчала зелененькая.

XXXV.

За завтракомъ Христина была такъ возбуждена, что ничего почти не ѣла.

Аннушка не стала сразу ее разспрашивать. Можетъ быть, и

въ самомъ дѣлѣ пасторъ исповѣдывалъ Христину и читалъ ей наставленіе. Она сочла бы слишкомъ безцеремоннымъ давать ходъ своему любопытству.

— Вотъ Лина какая,—заговорила, наконецъ, кухарка и засмѣялась.—Прислала-таки ко мнѣ... Вотъ три цѣлковыхъ и вылетѣло.

— Три рубля?

— А то какъ же? А я ихъ отложила: хотѣла кофточку сшить фланелевую... У Аравина купить матеріи. Теперь были, да сплыли.

— Чѣмъ же онъ тебя разжалобилъ?

— Ужь не знаю. Извѣстно, началъ говорить о людоѣдахъ.

— Все объ нихъ?

— Тамъ двухъ пасторовъ убили... черные люди, и сначала съ живыхъ кожу сняли.

— Господи!—вздохнула громко Аннушка.— Да можетъ хвастаетъ?

— Нѣтъ... Такой не станетъ. Ну, я и заплакала.

— Слышала я,—обмолвилась въ полголоса Аннушка.

— Ха, ха! Ловко умѣютъ они... Не выдержишь!

Онѣ помолчали. Христина тутъ только взялась за ложку.

— Жалко, небось, денегъ?—осторожно и съ доброю усмѣшкой спросила Аннушка.

— Что-жь, нельзя же отказать... И тѣхъ жаль! Кожу содрали съ живыхъ... Надо же ихъ крестить, а то они и всегда такіе будутъ.

— Нешто у васъ крестятъ?—освѣдомилась Аннушка съ недоумѣніемъ.

— А то какъ же?... Мы развѣ не христіане?... Только у насъ по-другому.

— Обливаютъ, что ли?

— Да... не такъ, какъ у васъ.

— Отчего же ты у меня не спросила? Я бы тебѣ размѣняла... Ну, бумажку бы рублевую... А то три цѣлковыхъ! Экое мѣсто денегъ!

— Ха, ха!... Поймалась! Ну, ничего!

И глаза Христины приняли совсѣмъ особое выраженіе, серьезное и доброе, какъ бы затуманились.

И Аннушка задумалась и стала очень медленно ѣсть. Ее поражала эта чухонка: и куръ рѣжетъ съ веселымъ лицомъ, и чувствъ въ ней нѣтъ настоящихъ, русскихъ, не скупа, но разсчетъ у ней во всемъ и любитъ чисто одѣться... А тутъ, нако поди, зеленую

ассигнацію выхватила, оттого только, что ее тотъ мусьякъ до слезъ довелъ. Ну, сдираютъ кожу съ нихъ людоѣды. Такъ, вѣдь, они по доброй волѣ идутъ, и то сказать, никто ихъ насильно не гонитъ, какъ, къ примѣру, солдатъ на войну посылаютъ.

Значитъ, у ней въ душѣ есть что-то завѣтное, куда со стороны не проберешься. Нужды нѣтъ, что она такая «своеобычная».

Пришелъ бы русскій странникъ къ нимъ въ кухню, положимъ съ Аѳона или даже отъ Гроба Господня, и сталъ бы просить, или продавалъ бы крестики. Ужь трехъ рублей она ни въ жизнь бы не дала. Двугривенный, ну, полтинникъ. И не то что прежде, когда она изъ-за всякой копѣйки дрожала для своей Вѣруньки, а и теперь, когда опять одна, какъ перстъ, здѣсь, въ Питерѣ.

А она скаредной себя не считаетъ.

Значитъ, между нею и чухонкой большая разница... Та въ святыхъ не вѣритъ, лампадки не зажигаетъ, не постится, и вдругъ на обращеніе въ лютеранскую вѣру какихъ-то черныхъ людей съ огненной, что ли, земли сейчасъ же бѣжитъ за зелененькой, приготовленной на матерію для кофточки.

Потомъ Аннушка перешла опять мыслью къ франтихѣ Линѣ, совсѣмъ ободравшей себя изъ-за этихъ же черныхъ людей.

Чудеса!

И особое чувство закралось въ нее къ Христинѣ и ея подругѣ. Онѣ не такія, какъ она. За живого, да любимаго человѣка, за свое родное дитя она въ полымя полѣзетъ, а такъ, чтобы за «мысль» одну, на это надо другую совсѣмъ душу имѣть.

— Кофею хочешь?—спросила Христина обыкновеннымъ своимъ весело-равнодушнымъ голосомъ.

Съ нея уже все соскочило. Она поднялась и подошла къ плитѣ.

— Одну чашечку выпью... Да только въ виски у меня колотитъ что-то. Ты мало цикорію кладешь, — нервно сказала Аннушка.

— Бурда будетъ, коли много цикорію набухать.

Христина все не могла справиться съ нѣкоторыми русскими согласными, но говорила совсѣмъ какъ питерская кухарка, даже любила выражаться хлёстко.

— Ну, водицей для меня разбавь.

Къ кофею Аннушка, какъ истая деревенская уроженка, не имѣла пристрастія. Чай для нея былъ дороже. Онъ успокоивалъ ее и вызывалъ пріятную испарину.

И кофей она пила, какъ чайница, съ блюдечка.

Онѣ сѣли одна противъ другой и пили молча, медленно. Въ

груди у Аннушки уже больше не сосало. Она развлеклась приходомъ пастора и разговоромъ съ Христиной. Въ такія болѣе свѣтлыя и ясныя минуты ея страдающая душа какъ бы отсутствовала и она отдавалась всему, что вокругъ нея дѣлалось, наивно и ласково.

Изъ сѣней опять позвонили.

Для хозяйки и жильца было рано.

«Это швейцаръ», — подумала Аннушка и сначала допила все съ блюдечка.

Позвонили еще разъ, и довольно сильно.

— Скорый какой!—фыркнула Христина.

— Можетъ опять твой?—спросила шутливо Аннушка.

— Второй разъ не придетъ!

Аннушка опрокинула блюдечко и, ускоряя шагъ, пошла въ переднюю. Сердце у ней вдругъ заёкало и безпричинное чувство безпокойства усилилось, когда она отмыкала цѣпь и отпирала замокъ.

Передъ дверью ждалъ почтальонъ въ башлыкѣ.

Онъ протянулъ газету для жильца и письмо.

— Кому?—спросила Аннушка.

— Аннѣ Филатовой.

На обратномъ пути въ кухню Аннушка, держа письмо въ рукахъ, заволновалась. Она отворила дверь къ жильцу и положила газету на подзеркальникъ.

Ее потянуло къ свѣту, взглянуть на конвертъ. Разбирать писанное она могла съ большимъ трудомъ.

У окна она начала разбирать адресъ... Ее ударило въ краску и въ глазахъ пошли круги.

Надпись была сдѣлана рукой ея Дмитрія, на столько она могла разобрать.

Сейчасъ же, почти судорожно, спрятала она письмо въ карманъ и, вернувшись въ кухню, сказала только Христинѣ:

— Почтальонъ былъ.

Та ничего и не спросила, занятая убираньемъ со стола, гдѣ онѣ завтракали и пили кофе.

Въ комнаткѣ, откуда притворила дверь, Аннушка вынула письмо изъ кармана, сѣла къ окну и начала тихонько раздирать конвертъ, такъ, чтобы Христинѣ не было слышно въ кухнѣ.

Письмо было городское. Она увидала это по штемпелю: печатное она разбирала легко. Значилось какое-то городское отдѣленіе.

Но сердце продолжало замирать. Была минута, когда у ней начала кружиться голова и она должна была прислонить ее къ косяку.

Вынула она письмо, на дешевой почтовой бумагѣ, и чуть-чуть не разорвала въ одномъ мѣстѣ, прихваченномъ заклейкой.

Рука—его, ея мужа, Дмитрія. Исписана цѣлая страница и еще половина.

Она могла разобрать подпись Дмитрія, но безъ фамиліи. Прописана она, какъ замужняя. И его прозвище Филатовъ.

XXXVI.

Христина ушла въ лавочку часа черезъ полтора.

Въ квартирѣ, въ полусумеркахъ хмураго зимняго дня, стояла угнетающая тишина. Только часики тикали въ столовой и сквозь двойныя рамы кое-когда доходилъ съ улицы жесткій гулъ кареты, проѣзжавшей переулкомъ, въ одну изъ Морскихъ.

Для Аннушки эти полтора часа прошли въ возростающей душевной тревогѣ.

Нѣсколько разъ принималась она читать письмо мужа.

Она могла разбирать только отдѣльныя слова. Можетъ быть, разобрала бы и все письмо съ великимъ напряженіемъ.

Но она боялась. Что изъ этого выйдетъ? Вдругъ, какъ что-нибудь такое, отчего она замертво упадетъ.

Ужь, извѣстное дѣло, не на радость этотъ приходъ въ Питеръ Дмитрія. Кто знаетъ, пожалуй, онъ и совсѣмъ не выѣзжалъ отсюда, а только скрывался?

Вѣдь, если онъ тогда ушелъ, значитъ, его наслѣдили, могли сцапать.

Опять страхъ за него и жалость начали засасывать ей сердце. Она думала, что, со смертью Вѣруньки, мужъ, какъ и дочь, тоже сталъ покойникомъ.

Анъ нѣтъ! Сейчасъ же всплылъ онъ передъ ней, какъ живой: его голова, кудрявые волосы на лбу, красивые усы и бородка, плечи... И голосъ послышался. Все въ ней задрожало отъ влеченія къ нему. Стало быть, онъ еще ей дорогъ и какъ мужчина.

Хорошо ли это? Вѣдь, у него есть другая жена? Нешто такъ можно между христіанами? Этакъ только у татаръ дозволяется.

Но жалость къ нему пересиливала. Кто знаетъ, про какую напасть онъ разсказываетъ въ этомъ письмѣ? Быть можетъ, лежитъ въ больницѣ или дошелъ до послѣдней крайности, гдѣ-нибудь хоронитъ себя въ смрадномъ подвалѣ, нечѣмъ и за ночь заплатить въ ночлежной, на Сѣнной, въ тѣхъ домахъ, о которыхъ она слыхала.

Кому отдать прочесть письмо?

Грамотѣевъ довольно въ домѣ: швейцаръ—первый; у сосѣдей, въ квартирѣ черезъ площадку задней лѣстницы, горничная все книжки читаетъ, училась въ пріютѣ.

Но какъ же довѣриться чужимъ людямъ?

Вѣдь, Дмитрій, въ такомъ письмѣ, навѣрное, самую суть открываетъ. Можно солгать... Но она не умѣетъ. Сейчасъ въ лицѣ измѣнится и слеза ее прошибетъ. Нѣтъ, нельзя!

Христина и по-печатному тихо разбираетъ русскую грамоту, а писать и читать написанное и совсѣмъ не умѣетъ. Она только по-своему грамотѣйка, на двухъ языкахъ: и по-чухонски, и по-шведски.

Ужь лучше пойти куда-нибудь въ лавочку, гдѣ ее не знаютъ, и попросить.

И это опасно!

Чѣмъ больше Аннушка убивалась надъ письмомъ мужа, тѣмъ въ нее глубже проникала жалость къ Дмитрію, страхъ за него и, въ то же время, влеченіе къ нему.

Она опять почувствовала въ себѣ женщину. Это ее смущало, почти стыдило, и дѣлало тревогу, желаніе узнать, что̀ приноситъ ей письмо Дмитрія, еще надсаднѣе.

Шитье, брошенное ею на кровать, лежало неприбраннымъ. Она не принималась за него.

Отойдя, наконецъ, отъ окна, все съ письмомъ въ рукахъ, Аннушка потянулась къ сундуку — спрятать, что ли, туда, пока не придумала ничего совершенно безопаснаго?

Послышалось ей, какъ будто отворили дверь. Она подумала, что это вернулась Христина.

Но шаги были мужскіе, въ сапогахъ.

— Кто тамъ?—окликнула она пугливо и сунула письмо въ карманъ, а сундукъ, на половину выдвинутый на средину комнаты, опять отодвинула назадъ.

— Анна Максимовна! Это я...

Она узнала голосъ Андреева и вся вспыхнула отъ радости.

Вотъ кто посланъ вывести ее изъ бѣды—прочесть письмо Дмитрія. Такой человѣкъ не выдастъ. Онъ знаетъ, что она готова всячески ему помочь. Ей вспомнился тотчасъ же ихъ душевный разговоръ, когда Андреевъ разсказалъ ей про свою зазнобу и она предостерегла его насчетъ сыщика, ухаживающаго за Христиной.

Такой человѣкъ весь на ладони. Онъ не испугается ничего, былъ самъ въ передѣлкѣ, и скажи она ему прямо, что Дмитрій двоеженецъ, онъ его же пожалѣетъ.

— Сергѣй Антоновичъ! Батюшка!...

Голосъ Аннушки дрогнулъ и она выскочила въ кухню стремительно и схватила его за обѣ руки.

Андреевъ стоялъ въ шапкѣ и шерстяномъ шарфѣ. Пальто было все то же короткое, осеннее, и на сапогахъ снѣгъ. Лицо его она нашла исхудалымъ, подъ глазами темновато. И весь онъ какой-то сгорбленный.

— Здоровы ли вы, голубчикъ? Озябли? Присядьте. Не хотите ли водочки?

Андреевъ сѣлъ на одинъ изъ табуретовъ и развязалъ шарфъ.

— Рюмочку выпью. Холодище страшный и вѣтеръ анаѳемскій.

Въ послѣдніе дни, еще до разговора съ Еленой Григорьевной, его глодало то, что онъ долженъ былъ, пробившись больше недѣли безъ работы, поступить въ одну контору разсыльнымъ.

Какъ онъ себя ни подбадривалъ, но, все-таки, служба «лакейская»; хоть онъ и не служилъ завѣдующему конторой, не подавалъ ему умываться и не чистилъ платья, но, все-таки, былъ какъ есть «наймитъ».

Но онъ это скрывалъ отъ всѣхъ своихъ знакомыхъ. И Аннушкѣ онъ не скажетъ. Гордость ѣла его и вчера онъ отъ душевной горечи съ какимъ-то озорствомъ пропилъ на пивѣ послѣднія деньги.

— Анна Максимовна, вы, вѣдь, хорошій человѣкъ?—началъ онъ, впадая въ возбужденный тонъ.—Дайте слово, что исполните мою просьбу.

— Голубчикъ... для васъ все сдѣлаю.

Ладонь руки горѣла. Ей не терпѣлось вынуть изъ кармана письмо и дать ему прочесть. Какъ же она ему откажетъ въ чемъ-нибудь въ этакую минуту?

— Только, что̀ я могу?—прибавила она.

— Можете, можете...

Онъ понизилъ голосъ и, наклоняясь къ Аннушкѣ, сѣвшей рядомъ, посмотрѣлъ ей прямо въ глаза:

— Я васъ не выдамъ... А такую услугу по гробъ не забуду.

— Говорите.

— По вечерамъ у васъ квартира совсѣмъ пустая...

— Пустая, когда жильца нѣтъ.

— И чухонка ходитъ въ гости?

— Какъ же... Въ клубѣ своемъ каждую ночь танцуетъ.

— Вотъ и превосходно... Вы помните, Анна Максимовна, я вамъ говорилъ про ту дѣвушку... Мнѣ надо ее видать по-человѣче-

ски... не на улицѣ. Номеръ взять — пакость... Она не пойдетъ. Пустите насъ... хоть на одинъ часокъ.

— Ныньче?

— Хоть ныньче, коли сподручно.

— Ныньче нельзя... А завтра никого не будетъ. И Христина собирается къ роднымъ, на Выборгскую.

Говоря это, Аннушка почувствовала, что она подкуплена страстнымъ порывомъ сейчасъ же узнать, о чемъ пишетъ Дмитрій, и что, въ другое время, она бы сказала, что это нехорошо.

— Спасибо, спасибо!

Андреевъ вскочилъ и поцѣловалъ ее въ голову.

Ея рука была уже въ карманѣ и выхватила оттуда письмо.

XXXVII.

Изъ квартиры перваго этажа того дома, гдѣ жили Прунины, горничная Устя вышла на нижнюю площадку и окликнула швейцара.

Устя не могла удержаться и передъ зеркаломъ, висѣвшимъ около двери, поправила себѣ волосы и кружевца вокругъ высокаго воротника.

Она любовалась собой, и было чѣмъ. Фигура у ней, какъ у воспитанной барышни: стройная, съ чудесною таліей. Устя большого роста, но не худа. Ея пепельные волосы взбиты на лбу и коса закручена въ комочекъ. Бѣлую и тонкую шею охватываетъ высокій воротникъ полосатой свѣтлой кофты, обшитой кружевами, съ модными кушакомъ, въ видѣ корсетика, съ мыскомъ спереди и сзади. Юбка полосатая, шерстяная.

Фартука она не носитъ и трудно ее принять за горничную.

Швейцаръ, въ ливреѣ и картузѣ, вошелъ съ улицы.

— Нефедъ! Ныньче до обѣда къ намъ никого не принимать. Барина не будетъ, а барыня занимается.

— Слушаю, Устинья Наумовна, — съ улыбочкой отозвался швейцаръ.

Онъ оглядывалъ се съ одобреніемъ, но въ глазахъ у него было еще что-то.

Нефедъ, какъ человѣкъ осторожный, не хотѣлъ ее поддразнивать, но онъ уже не со вчерашняго дня замѣчалъ, что у Виктора съ этою дѣвицей пошли лады.

Они долго совсѣмъ не знали другъ друга, и онъ ихъ познакомилъ вотъ здѣсь, у этого самаго зеркала.

Послѣ Викторъ говорилъ ему:

— Какъ это я о такой дѣвочкѣ ничего не зналъ? Это твоя вина! Нефедъ.

И пошутилъ:

— Ты для себя ее прочилъ, а?

Нефеду было извѣстно и то, что не дальше, какъ третьяго дня, Викторъ отпросился у господъ на весь вечеръ. Барыня и барышня были дома, а баринъ уѣхалъ въ клубъ и къ своей «тужуркѣ».

Викторъ подбилъ Устю въ маскарадъ, въ нѣмецкій клубъ. Въ которомъ часу они вернулись, онъ не знаетъ, но навѣрняка не раньше разсвѣта.

Оба они должны были пройти черезъ кухню; онъ имъ наружной двери не отворялъ ночью. Ну, и разумѣется такой «жохъ», какъ Викторъ, въ этомъ маскарадѣ охулки на руку не положилъ. Изъ маскарада, поди, возилъ и еще куда...

Но Нефеду не пришлось разспросить объ этомъ Виктора, да тотъ и не любитъ, чтобы съ нимъ фамильярно обращались и залѣзали ему въ душу. И вчера они встрѣтились на площадкѣ, по уговору. Викторъ пріѣхалъ съ барышней и нарочно сбѣжалъ еще разъ что-то сказать кучеру. А дѣвица эта сейчасъ же вышла, тоже о чемъ-то спросить у швейцара.

Что-жь? Они оба молоды и красивы... Можетъ, и поженятся.

— Такъ пріема, значитъ, не будетъ? — переспросилъ Нефедъ съ тою же усмѣшкой.

— Нѣтъ, не будетъ.

Устя все еще топталась около подзеркальника, гдѣ лежали афиши.

Ей что-то хотѣлось сказать швейцару, но она не желала сразу дѣлать его своимъ довѣреннымъ.

Въ маскарадѣ ей было такъ весело. Просто духъ захватываетъ до сихъ поръ. Викторъ ходилъ съ ней подъ руку, съ складною шляпой подъ мышкой. И никто бы не принялъ его за выѣзднаго. Да никто и узнать-то не могъ. А она «выглядѣла», пожалуй, еще шикарнѣе, что твоя актриса или дорогая кокотка. И платье, и маску, и кружевную мантилью она взяла изъ гардероба барыни.

Ей это не въ первой. Давно уже она беретъ, что ей надо. Двѣ пары чулокъ шелковыхъ—барыня о нихъ совсѣмъ забыла — прошены въ пяткахъ.

Не хватится! А если хватится, скажетъ: отдала въ чистку.

И корсетъ ея она носитъ. Онѣ одной таліи, только Устя похущавѣе.

Барыня прежде много выѣзжала, а теперь все пишетъ или му-

чится съ головой. Вотъ и третьяго дня она пролежала весь день и сама отпустила ее.

Устя просилась только на вечеринку.

Ничего ей не стоило поставить себя въ домѣ такъ, что къ ней сейчасъ—полное довѣріе. Живетъ второй годъ и еще ни въ чемъ ее не изловили.

Она—и за лакея. Мужицкой прислуги нѣтъ. Все на ея рукахъ: посуда, серебро, бѣлье, весь барынинъ гардеробъ, буфетъ, всѣ мелкія покупки. Съ кухаркой онѣ не ладятъ. А если въ ладу быть, значитъ, надо дѣлиться и другъ дружкѣ руку мыть. Въ услугѣ лучше ея не найти: ловка, смышлена, грамотѣ обучена, за столомъ служитъ не хуже любого оффиціанта. И тонъ у нея особенный.

Та помѣщица, которая взяла ее къ себѣ изъ деревни, воспитывала ее нарочно, чтобы сдѣлать образцовую горничную.

Нынче говоръ у всѣхъ рѣзкій, все «харшо», да «ладно». Никто не скажетъ «барыня» или «барышня», а точно съ равными разговариваетъ.

Устя не такъ подготовлена. Голосъ у нея нѣжный, тихій и отчетливый. Господа чувствуютъ себя особенно пріятно отъ одного ея тона и умѣнья держать себя и ласково глядятъ на ея ростъ, фигуру, волосы, темные небольшіе глаза, которые она умѣетъ опускать, и на короткіе хорошенькіе зубы.

Пока еще что откроется — пропажи или провинности насчетъ барынина туалета,—она съумѣетъ такимъ же манеромъ себя содержать.

— Нефедъ!—окликнула, повернувшись, Устя, — вы не знаете, у Прунинихъ всѣ дома?

Швейцаръ понялъ, что ей надо, и совершенно серьезно выговорилъ:

— А вотъ сейчасъ понесу афиши.

— Благодарствуйте, — отвѣтила Устя и поблагодарила его улыбкой своихъ темныхъ глазъ съ пушистыми рѣсницами.

Она промелькнула въ дверь квартиры, но черезъ минуту опять тихонько вышла и опять у подзеркальника стала себя оглядывать.

Викторомъ она увлечена больше, чѣмъ ей случалось до сихъ поръ. И какъ она сожалѣла, что столько времени они живутъ на одной лѣстницѣ и не познакомились!

Разумѣется, она ему сразу этого не показала. Но ихъ потянуло другъ къ другу такъ быстро, что она даже немного испугалась. Не то, чтобъ она боялась вообще мужчинъ и была неопытна. Нуж-

ды нѣтъ, что ей всего двадцать одинъ годъ... А какже показывать съ перваго «интереснаго» разговора, что мужчина ее захватилъ?

Они ходили по залѣ нѣмецкаго клуба, въ антрактахъ между танцами, въ ногу; онъ такъ ловко велъ ее и она нѣтъ-нѣтъ, да и прижмется къ нему. Это у него даже краску на лицо выбило.

Ей ужасно нравится въ немъ и то, что онъ такъ на себя смотритъ, чувствуетъ себѣ цѣну, а господъ не считаетъ вовсе выше себя. И она, вѣдь, такъ же ихъ понимаетъ, только она этого до поры до времени не показываетъ, пока вынуждена оставаться въ услуженіи. Она вѣритъ ему: онъ не хвастаетъ, говоря, что въ одинъ мѣсяцъ сталъ господъ своихъ заставлять во всемъ дѣлать какъ ему нравится.

Такимъ же точно образомъ и она.

Въ чемъ она пожелаетъ увѣрить свою барыню, она непремѣнно добьется,—ужь такой у нея пріятный и благородный голосъ.

Во время маскарада онъ два раза подводилъ ее къ буфету и угощалъ. Она съѣла три сладкихъ пирожка и бутербродъ. Пила и сельтерскую воду съ коньякомъ. Въ головѣ у ней немного зашумѣло, и когда Викторъ, подсаживая ее въ сани, крикнулъ извощику, въ какую гостиницу ѣхать, это ее отрезвило и она рѣшила про себя, что и послѣ ужина ничего между ними *такого* не выйдетъ.

И не вышло. Не очень-то легко выдержать характеръ. Такой красавецъ... И смѣлый же!... На рѣдкость! Такому палецъ въ ротъ не клади—откуситъ.

Однако... кромѣ поцѣлуевъ, ничего не было.

Это ему какъ будто и понравилось даже. Онъ ей вчера говоритъ:

— Мы съ вами, Устя, два яблока—пара.

И зубами своими бѣлыми сверкнулъ.

Она не мечтаетъ сейчасъ женить его на себѣ. Замужъ ей еще не хочется. Но такъ вотъ поводить мужчину, когда чувствуешь къ нему большое влеченіе,—прелесть!

На лѣстницѣ заслышались шаги. Устя повернулась на каблукахъ.

XXXVIII.

Викторъ сбѣжалъ внизъ и какъ будто невзначай увидалъ Устю.

Она чуть-чуть покраснѣла, но ротъ ея и движеніе темныхъ онкихъ бровей показывали, что она и тутъ хочетъ выдержать ое женское достоинство.

Ей сейчасъ же пришло на умъ то, что она—какова она была въ ту минуту—совсѣмъ не похожа на прислугу, а Виктора съ своимъ бѣлымъ галстукомъ и не очень свѣжимъ обиходнымъ фракомъ въ такіе часы, все-таки, нельзя принять ни за кого, кромѣ «услужающаго», какъ она любитъ насмѣшливо выражаться, когда разговариваетъ съ равными себѣ.

Швейцаръ зашелъ въ другую квартиру или нарочно медлилъ показываться внизу.

— Какъ себя изволите чувствовать?—спросилъ Викторъ, пожавъ ей руку.

Его тонъ былъ также умышленно-небрежный. Онъ хотѣлъ показать ей, что его долго «по губамъ мазать» нельзя.

«Не таковскій!»

— Ничего... Харшò!—Устя выговорила слово «хорошо» совершенно такъ, какъ горничныя, не имѣющія ея обхожденія, отвѣчаютъ въ Петербургѣ господамъ вмѣсто «слушаю-съ».

— Какъ будто блѣдноваты сегодня?

Они были еще на «вы», хотя тамъ, въ гостинницѣ, гдѣ они ужинали послѣ маскарада въ нѣмецкомъ клубѣ, разговоръ пошелъ на «ты».

— Нисколько.

Глазами она ему улыбнулась, но губы, немного блѣдноватыя и узкія, все еще были сжаты.

Ему хотѣлось пригласить ее куда-нибудь на этой недѣлѣ, но сегодня онъ ей этого не скажетъ.

Онъ промолчалъ.

— А васъ что-жь... не видно?—вымолвила Устя, и стала въ бокъ, закинувъ голову, и глядѣла на него однимъ только глазомъ.

Они превосходно понимали другъ друга. Ихъ «два яблока—пара», какъ онъ сказалъ третьяго дня. Изъ чего же имъ пускать въ ходъ разные фасоны? Разумѣется, всякій мужчина злится, когда не получитъ, въ первое же любовное свиданіе, *всего*. Такъ мало ли что? Онъ самъ послѣ будетъ довольнѣе. Что-жь это за «побѣда»,—это слово было отлично ей знакомо,—если дѣвушка сейчасъ же сдастся?

До пикировки у нихъ не дойдетъ ни сегодня, ни въ другіе разы.

Изъ-за чего пикироваться? Лучше ему не найти—«въ ихъ званіи». Выиграй они—Устя на двѣсти тысячъ не разсчитывала, а хоть бы двадцать пять—и кто узнаетъ въ нихъ лакея и горничную?... Поженятся или будутъ *такъ* жить. Онъ будетъ на биржѣ играть, она откроетъ модный магазинъ.

Да и теперь... Кто знаетъ свою судьбу?... Въ маскарадѣ можно, въ одинъ вечеръ, «прилестить» къ себѣ богатаго купчика или старичка... Только она не хочетъ. Надо, чтобы мужчина ей нравился. И то, что для дѣвушки даже очень возможно, за тѣмъ «человѣкъ», будь онъ такой же красивый и ловкій, какъ Викторъ, весь свой вѣкъ будетъ гоняться и поймаетъ... «фигу».

Все это сидѣло въ выраженіи хорошенькаго лица Усти, въ ея сжатомъ ртѣ и пгривыхъ, лицемѣрно-кроткихъ глазахъ.

Викторъ не прямо отвѣтилъ на ея вопросъ.

— Потѣха!—въ полголоса выговорилъ онъ и повелъ шеей,—жестъ, которымъ у него означалось всегда сознаніе своего превосходства.

— Что такое?—спросила Устя, точно удивившись тому, что онъ не отвѣчаетъ ей прямо.

— Да у насъ...

Онъ поднялъ голову и повелъ ею вверхъ и вправо, къ лѣстницѣ.

— У вашихъ господъ?

Устя не любила «кумѝть» такъ, какъ кумятъ кухарки и плохія горничныя. У тѣхъ только и разговору, что о господахъ.

Но если такой человѣкъ, какъ Викторъ, замѣчаетъ что-нибудь въ этомъ родѣ—значитъ, стоитъ заинтересоваться.

— Не знаю, долго ли тутъ наживешь...

— А что?... Капризничаютъ? Придираются?

— Положимъ... Я никакимъ мѣстомъ особенно не дорожу... У меня такое правило. Мнѣ хоть сейчасъ...—Онъ пренебрежительно усмѣхнулся.—А только не знаю, что изъ всего этого выйдетъ.

— Изъ чего?

Викторъ наклонился къ ней и шепнулъ:

— Съ барышней у насъ... не ладно.

— Какъ?

Она повела глазами на особый ладъ, кротко и почти цинично.

— Ха, ха! Въ этомъ родѣ... И папенька осерчалъ. Чувствую, что не обойдется безъ допроса... Наше дѣло сторона... Мамзель вытурятъ.

— Нѣмочку?

— Да...

Глаза Виктора зло прищурились.

— Потихоня, а и сама себѣ дружка завела... какого-то долгогривaго... Не то переодѣтый студентъ, не то какой-то струцкой, который по питейнымъ домамъ и трактирамъ смуты производитъ.

Устя засмѣялась.

— Это та?... Съ барышней которая ходитъ?

Ей пріятно было, что Викторъ говоритъ о хорошенькой мамзелѣ такимъ тономъ.

— Да, ходила, ходила, да и доходилась.

— Что-жь?... Подкупала барышня ее, что ли?

— Не знаю... Гдѣ ей?... Глупа достаточно. А у самой-то рыльце въ пуху, да еще изъ себя Маргариту представляетъ.

— Какую Маргариту?—не догадалась Устя.

— Вотъ, въ оперѣ *Фаустъ*... знаете... Когда изъ церкви выходитъ и двѣ косы висятъ по спинѣ.

Они вмѣстѣ засмѣялись.

— Вамъ-то что за сухота?—спросила Устя словомъ, вывезеннымъ изъ деревни.

— Въ каждомъ дѣлѣ,—выговорилъ Викторъ докторально,—понимающему себя человѣку надо умѣючи себя вести.

Она то же думаетъ, только не станетъ такъ важно это говорить, какъ онъ.

— Ежели баринъ,—продолжалъ Викторъ, наклоняясь къ ней и тономъ пріятеля, что̀ ей польстило,—ежели баринъ начнетъ со мною насчетъ всего этого не подходящій разговоръ, я ему отпою. Вѣдь, господа только важничаютъ, а чуть случится...

— Скандалъ въ благородномъ семействѣ,—смѣшливо и кротко подсказала Устя.

— Именно—выкажутъ себя въ самомъ паскудномъ видѣ: истерики, брань, слезы пойдутъ. Все равно, хоть они и по-французски голосятъ, не очень трудно понять.

Онъ поглядывалъ на нее значительно и въ этомъ взглядѣ Устя могла понять:

«Мнѣ-де въ этой мутной водѣ надо что-нибудь особенное выудить».

Устя не знала еще настоящаго употребленія слова «шантажъ», но слыхала его не разъ. Мысль мелькнула въ ея мозгу и слилась съ тѣмъ, на что такой ловкій парень, какъ Викторъ, могъ быть способенъ.

— Хуже нашей сестры,—сказала Устя и подняла плечи.—Хоть бы насъ-то постыдились.

— Вотъ тутъ-то и оказывается, что для нихъ мы—вродѣ мебели.

— А выходитъ, что они для насъ же комедію играютъ.

Викторъ оглянулся, какъ бы сообразивъ, что ему пора домой.

— Погодите,—игриво-ласково удержала его Устя.—Это очень

интересно,—протянула она, подражая одному актеру, котораго видѣла въ опереткѣ.

— Теперь еще первое дѣйствіе. Но скоро и финалъ будетъ.

— Вы мнѣ разскажете?

— А когда мы будемъ одни?—вдругъ спросилъ Викторъ совсѣмъ другимъ голосомъ и такъ на нее взглянулъ, что она зардѣлась.

— Я не знаю.

— Въ пятницу урвитесь. Наши въ гостяхъ обѣдаютъ... За ними я поѣду поздно.

— Хорошо... я постараюсь.

— Или такъ, или этакъ, Устинья Наумовна.

Щеки Усти опять заалѣли. Ея имя ей не нравилось, бабье, да еще Наумовна.

— Хорошо!—шепнула она, пожала руку и проскользнула въ дверь.

Викторъ кивнулъ ей вслѣдъ головою и лѣнивою, лакейскою походкой сталъ подниматься.

XXXIX.

Въ передней торчалъ мальчикъ Алеша.

Викторъ спросилъ его въ полголоса:

— Аделаида Николаевна выходила изъ своей комнаты?

— Не видалъ.

Отвѣтъ грума показался Виктору слишкомъ безцеремоннымъ.

Онъ подошелъ къ нему поближе и взялъ за плечо.

— Ты смотри... Такъ со мной нельзя разговаривать... Забылъ, небось, какъ меня по имени и отчеству зовутъ?

Алеша густо покраснѣлъ и ничего не отвѣтилъ.

— То-то!...—выговорилъ Викторъ, проходя въ корридоръ.

Онъ, въ своемъ воображеніи, представлялъ себѣ, что̀ теперь дѣлается въ разныхъ мѣстахъ квартиры. Баринъ одѣлся и, передъ выѣздомъ, не желаетъ портить себѣ расположеніе духа. Вчера между нимъ и женой былъ сильный разговоръ по-французски—чуть не до пѣтуховъ.

Барыня раскисла, у себя валяется на кушеткѣ и Глафира ее чѣмъ-нибудь лечитъ. Барышня заперлась и врядъ ли плачетъ,—не такой характеръ.

Ну, согрѣшила. Дѣло ясное, какъ Божій день. Тотъ инженеръ ловкачъ добился-таки своего... И давненько ужь, больше полуго-

да. Вотъ теперь и нельзя было скрывать отъ мамаши... А мамаша къ папашѣ. Хвать-похвать... Какъ могло это случиться? Мамзель за бока. Нѣмку сегодня разочтутъ и она сидитъ себѣ и кукситъ. Вина ея не Богъ знаетъ какая... Но не можетъ быть, чтобъ она не догадывалась. Не хотѣла докладывать барынѣ.

Вѣдь, и онъ догадываться началъ, вотъ уже съ мѣсяцъ будетъ, и тогда онъ, подмѣтивъ, какъ они разъ въ гостиной прощались, разсуждалъ такъ:

«Одно изъ двухъ: или у нихъ уже дошло до послѣдняго градуса, или близко къ этому... И такъ, и этакъ барышня можетъ изловиться на томъ, что инженеръ будетъ ей клясться и божиться—получить разводъ. Можетъ, и безъ развода пошла на это. Лѣта такія, съ природой не совладала, превозмогло влеченіе къ мужскому полу».

Не дальше, какъ дня три назадъ, передъ обѣдомъ, заѣзжала она куда-то,—къ какимъ знакомымъ—онъ не знаетъ. Барышня вышла изъ кареты и сказала ему: «Я приду пѣшкомъ; не ждите меня».

Онъ подумалъ: «тутъ дѣло не ладно». Но никому, разумѣется, не доложилъ. Какое ему дѣло? И развѣ школеный выѣздной можетъ себя иначе держать?... Кажется, кучера Власа призывалъ къ себѣ баринъ сегодня, рано поутру. Если кучеръ разболталъ насчетъ этого выѣзда, онъ съумѣетъ отвѣтить, начни Петръ Александровичъ выговаривать ему.

Въ эту минуту онъ еще не видѣлъ ясно, что̀ именно выудитъ въ этомъ фамильномъ «скандалѣ» для себя. Но такъ, «здорово живешь», онъ не дастъ себя вытурить.

Повадку господъ онъ знаетъ: какъ только что-нибудь «пакостное» въ семействѣ—прогнать прислугу. Заставить ее молчать—не хочется раскошеливаться. А того не понимаютъ они, въ своей глупости, что этакимъ манеромъ срамъ поползетъ по всему городу. Кто на деньги пошелъ, тому какой интересъ благовѣстить?... За мѣсто будетъ держаться. А гоните вы меня — съ какой же стати я васъ щадить буду?

И сдавалось ему, что именно его баринъ разочтетъ, придравшись къ чему-нибудь. А заставить молчать посуломъ не рѣшится. Кучера не разочтутъ. Женская прислуга тоже останется... Михѣевна, Глафира... Надя—врядъ ли. Навѣрняка, она ничего не знала, у ней мозгу-то не больше, чѣмъ у курицы. Поваръ—при своемъ дѣлѣ. Развѣ судомойку, благо она зазорнаго поведенія?...

Эта мысль пронизала его мозгъ, когда онъ былъ въ концѣ коридора и хотѣлъ заглянуть къ Глафирѣ, а потомъ къ Михѣевнѣ.

Онъ—и судомойка!... Ну, нѣтъ, шалите!... Особенно, коли къ его поведенію нельзя иголочки подточить. Кабы его совѣтовъ спросили въ такой «притчѣ», небось, сказали бы спасибо. Онъ поручился бы, что изъ дому никакого сора никто не вымететъ. Только глупость-то и чванство господское не позволитъ имъ этого.

И внутри у него вскипѣло злобное чувство къ тѣмъ, у кого онъ, быть можетъ, всю свою жизнь будетъ въ услуженіи.

Точно будто это невидаль какая, барышня согрѣшила и въ «такомъ» положеніи. Да нынче это сплошь и рядомъ.

Ему припоминались разговоры въ лакейскихъ и въ театральныхъ корридорахъ. Двѣ-три исторіи онъ самъ хорошо зналъ. А ужъ о томъ, что нынче барышни «флиртируютъ»,—онъ давно вычиталъ это слово и употреблялъ его,—и какъ еще?... По-американски! Цѣлою стаей врѣжутся въ какого-нибудь тенора или актера французика, письма пишутъ ему «срамныя», вымаливаютъ портреты. Только «цыпъ-цыпъ» сдѣлай—и сейчасъ «самолично» явятся къ нему на квартиру, и дѣлай изъ нихъ что хочешь... Какъ милостыни добиваются.

Фельетонные романы, читанные имъ въ его *Газетѣ*, только усиливали въ немъ убѣжденіе въ томъ, что онъ не зря «облаиваетъ» господъ.

И тутъ же пронеслись передъ нимъ сцены изъ комедіи, видѣнной имъ, не такъ еще давно, на барскомъ спектаклѣ. Довольно тамъ авторъ издѣвается надъ дурью господъ и у него мужичьё гораздо выше ихъ. Однако, и онъ что-то не пожелалъ до самой-то подноготной дойти, показать, какія дѣла дѣлаютъ: и отцы, и матери, и дѣвицы—якобы непорочныя. Видно, своя-то рубаха, все-таки, ближе къ тѣлу.

И чего тутъ сокрушаться? Ну, случился такой «карамболяжъ» въ благородномъ семействѣ,—экая важность! Это прежде, когда крѣпостные были, какъ только горничная «съ приплодомъ», сейчасъ косу прочь и въ птичницы или за коровами ходить. А нынче и «камерунгферы» въ высокопоставленныхъ домахъ не больно-то церемонятся... Когда подошло такъ, что зазорно передъ барыней, отпросилась въ деревню, а тамъ, черезъ шесть недѣль, опять явится, какъ ни въ чемъ не бывало.

Такимъ же способомъ и тутъ: теперь—постъ, скоро весна, взяли да поѣхали въ чужіе края, прямо въ Ниццу. А тамъ—въ Парижъ. Ученыхъ мадамъ тамъ не мало для прикрытія грѣха.

Комната Юліи Петровны была въ сторонѣ, по лѣвую руку узкаго корридорчика.

Викторъ остановился и сталъ прислушиваться. Какъ будто кто говорилъ на-распѣвъ.

Онъ узналъ голосъ Михѣевны. Вотъ кто убивается надъ барышней. Выкормила ее и выходила; старушка добрая, да больно ужь проста и «рабскаго сословія», какъ онъ называетъ всѣхъ такихъ.

Не слышно, чтобы барышня плакала.

Такая не заплачетъ. Она превосходно знаетъ, что у папаши есть нѣмка и что мамаша еще не такъ давно утѣшалась съ кавалерами.

Если отецъ на нее прикрикнетъ, какъ слѣдуетъ, она съумѣетъ отрѣзать: «Вы, молъ, лучше на себя оглянитесь, папенька... Я, молъ, не виновата, что вы проживаете всѣ лишнія деньги на своихъ метресокъ и за мной никакого приданаго нѣтъ; а мнѣ жить хочется, мнѣ двадцать третій годъ пошелъ. Такъ-то!»

Дверь, должно быть, отворилась, и до слуха Виктора долетѣлъ возгласъ Юліи Петровны:

— Довольно, няня! Пожалуйста безъ слезъ!

Такъ и есть. Нюнить она не будетъ, не таковская.

Онъ поспѣшно отошелъ отъ заворота въ комнату барышни и въ концѣ корридора столкнулся съ Надей, ея горничной, довольно смазливою дѣвчуркой.

— Куда?—спросилъ онъ ее и загородилъ ей дорогу.

Сегодня онъ позволилъ себѣ эту фамильярность.

— Барыня звонитъ.

— Иди... птица!—выговорилъ онъ и засмѣялся.

Онъ не могъ воздержаться отъ этого внезапнаго смѣха, вызваннаго совсѣмъ не видомъ и не тономъ Нади.

Смѣхъ былъ отвѣтомъ на то, что онъ въ какихъ-нибудь три четыре минуты перечувствовалъ и передумалъ.

«Сволочь!»—выговорилъ, безъ звука, его красивый ротъ.

Онъ заглянулъ, подъ конецъ, къ Глафирѣ. Ея не было.

«Такъ и есть,—подумалъ онъ, все еще охваченный задорнымъ настроеніемъ,—такъ и есть... Тумба эта ухаживаетъ за барыней. За преданность и молчаніе получитъ не одну красненькую!»

XL.

Изъ кабинета Петра Александровича раздался довольно рѣзкій звонокъ.

— Баринъ звонитъ, Викторъ Саввичъ,—доложилъ мальчикъ.

— Иди!—скомандовалъ ему Викторъ.

— Можетъ, васъ требуютъ?

— Говорятъ тебѣ—иди.

Онъ нарочно хотѣлъ пустить мальчика, чтобы самому «не разлетѣться зря».

Алеша выскочилъ тотчасъ же назадъ.

— Васъ требуютъ!

Викторъ былъ уже совсѣмъ готовъ къ объясненію съ бариномъ и, войдя, поклонился маленькимъ поклономъ. Лицо у него смотрѣло строго и онъ остановился не у дверей, а въ аршинѣ разстоянія отъ огромнаго письменнаго стола, за которымъ, по ту его сторону, сидѣлъ баринъ.

Одного взгляда на лицо Петра Александровича—на этотъ разъ помятое и болѣе желтое—ему довольно было, чтобы рѣшить, про себя, что онъ угадалъ вѣрно.

— Изволили кликать?—спросилъ онъ глуховато.

— Да.

Начать было не легко Петру Александровичу.

— Мнѣ стало извѣстно, Викторъ,—началъ онъ, поводя усами и слегка пыхтя,—что ты позволяешь себѣ болтать всякій вздоръ...

— Въ какомъ смыслѣ?

Викторъ почувствовалъ точно уколъ въ грудь.

Этого «фортеля» онъ не ожидалъ отъ барина.

Что это такое? Кто на него наябедничалъ? Швейцаръ Нефедъ? Не можетъ быть... Только сейчасъ «покумили» они маленько съ Устей... Обыкновенно онъ съ остальною прислугой не говоритъ о господахъ, а на сторонѣ кто же могъ его подслушать? Да и тамъ онъ всегда держитъ языкъ за зубами. Выдалъ его кучеръ; съ нимъ онъ что-то острилъ насчетъ барышни.

— Я не обязанъ, любезный, давать тебѣ объясненія. Ты слишкомъ дерзокъ...

— Однако, Петръ Александровичъ,—остановилъ онъ барина,—это—обвиненіе, и я почтительнѣйше прошу васъ привести доказательства.

— Что-о?

Щеки Петра Александровича побурѣли. Онъ всталъ и крикнулъ:

— Чтобъ въ двадцать четыре часа тебя не было! Слышишь?

— Никакъ нѣтъ.

— Что-о?

— Такъ нельзя... Вы меня не имѣете права такъ вышвыривать... На это мировые есть.

— Негодяй!

Прунинъ выскочилъ изъ-за стола.

Викторъ попятился къ двери и поблѣднѣлъ.

— Петръ Александровичъ!—заговорилъ онъ съ легкимъ дрожаніемъ въ голосѣ.—Вы это напрасно. Если вы меня ударите—вамъ плохо будетъ. Я моложе васъ и силы у меня больше.

— Вонъ!...—завопилъ Прунинъ, совершенно растерявшись.

— Нѣтъ-съ... Я отсюда не выйду. Ни передъ вами, ни передъ остальными господами я ни въ чемъ не провинился. Служилъ я превосходно, я прямо говорю это... Никакою болтовней я себя не выдалъ. Не угодно ли вамъ на очную ставку меня поставить съ кѣмъ пожелаете? Когда я къ вамъ поступилъ, не моя вина, что въ домѣ слишкомъ много разговору про господъ... и про васъ, про перваго. Только я этимъ никогда не пользовался.

— Вонъ, негодяй!... Ты слышишь? Вонъ! Я за городовымъ пошлю!

Прунинъ забѣгалъ по кабинету, внутренно изумляясь, какъ онъ, при своемъ тактѣ, могъ впутаться въ такую сцену съ лакеемъ.

— Не извольте горячиться... Я не уйду, пока вы меня не дослушаете, Петръ Александровичъ. Про васъ я никому не нашептывалъ... куда вы изволите ѣздить, въ какія мѣста... А больше что же такого... зазорнаго случилось въ вашемъ семействѣ?

Викторъ поглядѣлъ на барина пристально и не отводилъ глазъ.

Тутъ только Петръ Александровичъ догадался, съ какимъ «человѣкомъ» онъ имѣетъ дѣло. Викторъ, послѣ мамзели, конечно, первый зналъ, что у его дочери съ пріятелемъ были свиданія. Кучеръ донесъ ему, въ какой домъ она заѣзжала одна съ выѣзднымъ... И въ лицѣ этого «негодяя» не дрогнула ни одна жилка.

Развѣ такъ надо было обойтись съ нимъ? Слѣдовало или купить его молчаніе, или найти ему другое мѣсто и благовидно спустить его, наградивъ при разсчетѣ.

Такъ и предлагала ему жена, когда вчера у него была въ этомъ же кабинетѣ. Но онъ находилъ все «нелѣпымъ» изъ того, что она ему предлагала. Однако, кучеру онъ далъ десять рублей и не отказалъ ему отъ мѣста.

Почему? Боялся огласки. Почему же не побоялся теперь?

Но перемѣнить рѣзко тонъ не было возможности... Положеніе барина не позволяло.

«Дуракъ ты, дуракъ!...—повторялъ Викторъ, ни на минуту не теряя присутствія духа.—Ты мнѣ за это здорово заплатишь».

— Что-жь ты... насильно, что ли, останешься?—спросилъ Прунинъ, отходя опять къ своему креслу, за столъ.

— Зачѣмъ же?... Можно безъ всякой исторіи кончить... Какъ дѣлается у хорошихъ господъ... Вездѣ заявляютъ за двѣ недѣли... Только я и такъ не могу, Петръ Александровичъ. Я не изъ рабскаго сословія... извините меня... Я, положимъ, мѣщанинъ, но нынѣче и мѣщанинъ можетъ до всего дойти... и ученый дипломъ добыть, и милліонами ворочать, и въ генералы выйти...

— Твоихъ рацей я не намѣренъ выслушивать...

— Какъ угодно. Но я въ своемъ правѣ. Скажите вы мнѣ просто: Викторъ, мнѣ твоихъ услугъ не нужно, ищи себѣ мѣсто—вотъ тебѣ такой-то срокъ... Я бы только поклонился и смолчалъ. Что-жь дѣлать?... Контрактовъ у насъ не пишутъ съ прислугой, а мировой мнѣ ничего бы не присудилъ... Но тутъ совсѣмъ не то, Петръ Александровичъ. Вы меня обвинили... А я чистъ, какъ младенецъ... Съ какой же стати мнѣ состоять въ штрафныхъ? Вѣдь ежели вы резонно на меня разгнѣвались, вы вправѣ и въ аттестатѣ у меня это прописать, а я на это не согласенъ, воля ваша! Аттестацію я заслужилъ образцовую.

— Вотъ какъ! Ха, ха!

Больше этого смѣха Прунинъ ничего не нашелъ подходящаго.

— Себя хвалить—неприлично, но я не хвастаю. Вы сами, и барыня, и барышня были отмѣнно довольны мною, вплоть до сегодняшняго числа... Я и говорю, что служба моя была образцовая.

Викторъ сдѣлалъ два шага къ столу.

— Петръ Александровичъ,—продолжалъ онъ медленнѣе и глуше,—вы въ разстройствѣ.—Его взглядъ досказалъ барину, на что онъ намекаетъ.—На мнѣ что же сердце свое срывать?... Ваше довѣріе я бы оправдалъ во всякомъ разѣ... Непріятно вамъ держать теперь ту же прислугу, такъ я и понимаю.

Прунинъ сидѣлъ съ опущенною головой и грызъ перо. Ему хотѣлось вскочить и схватить за чубъ этого нахала, такъ отлично выдерживающаго свою роль, но онъ боялся рукопашной схватки.

Надо было, однако, выйти изъ глупаго положенія... Можетъ б ть, тотъ же нахалъ поможетъ ему.

— Ты получишь жалованье за мѣсяцъ,—выговорилъ онъ,— т ько чтобы...

— Понимаю... Но позвольте вамъ доложить, напрасно вы такъ и олите торопиться. Такого человѣка, какъ я, Петръ Александров ъ, не разсчетъ спускать въ двадцать четыре часа. Это, впро-

чемъ, ваше дѣло... На аттестацію я буду надѣяться,—добавилъ онъ, отступивъ къ дверямъ.

Прунинъ нашелъ самымъ удобнымъ кивнуть въ знакъ согласія, ничего не говоря.

Но Викторъ все еще стоялъ у дверей.

— Что еще?—нервно спросилъ Прунинъ и тутъ только поднялъ голову.

— Петръ Александровичъ... Согласитесь... Я вѣдь ничего не ожидалъ... И теперь отыскивать мѣсто мнѣ надо съ воли... Тратиться, жить на квартирѣ...

— Желаешь еще награды, что ли? Ха, ха!...

— Это какъ вамъ будетъ угодно. Вы можете и безъ всякаго съ вашей стороны расхода оказать мнѣ одолженіе.

Прунинъ промолчалъ.

— У васъ въ обществѣ... предсѣдателемъ господинъ Грузовъ... Милліоны у нихъ большіе... Лишняго оффиціанта имъ что же стоитъ взять?

«Чтобъ ты ему первому все выболталъ?»—подумалъ Прунинъ.

— Не берусь, любезный.

— Ежели вамъ это затруднительно, позвольте отъявиться къ нему отъ вашего имени... Спросятъ они меня, почему я отъ васъ отошелъ... у меня сметки хватитъ все представить въ приличномъ видѣ... За симъ, позвольте переночевать у васъ. Я все сдамъ Михѣевнѣ сегодняшняго числа, а завтра явлюсь къ вамъ поутру.

И, не дожидаясь отвѣта барина, Викторъ беззвучно выдвинулся изъ кабинета.

XLI.

Въ корридорѣ Викторъ немного постоялъ. По лицу Алеши, котораго онъ встрѣтилъ подальше передней, онъ сообразилъ, что тотъ ничего не слыхалъ. Привычки къ подслушиванью у мальчика еще не было. Онъ побѣжалъ на кухню, куда норовилъ улизнуть, и гдѣ Дарья, уже лакомая до его розовыхъ щечекъ и ушковъ, пичкала его походя.

Слѣдовательно, онъ не могъ слышать бранныхъ возгласовъ барина.

Викторъ подвигался медленно, съ опущенною головой. Онъ продолжалъ что-то обдумывать.

Комната Аделаиды Николаевны помѣщалась по правую сторону корридора, тотчасъ за гостиной.

Онъ подошелъ къ двери и слегка постучалъ въ нее. Тамъ, по его соображеніямъ, должна въ ту минуту находиться Глафира.

Дверь пріотворили. Показалось лицо Глафиры, хмурое и какъ-то особенно одутлое.

— Что нужно?—шепотомъ окликнула она.—Барыня лежатъ совсѣмъ больны, на кушеткѣ.

— Одѣтая?

— Въ капотѣ.

— Доложите... Мнѣ до нея дѣло есть.

Глафира еще сильнѣе свела свои густыя брови.

— Разстроены онѣ.

— Знаю... Да мнѣ нужно. Я отъ барина,—прибавилъ онъ вполнѣ правдивымъ тономъ.

— Я доложу.

Его сейчасъ же позвали. И когда онъ проходилъ черезъ первую половину комнаты, гдѣ стояли, за драпировкой, кровать и умывальникъ, онъ посмотрѣлъ на Глафиру съ особымъ выраженіемъ.

Она поняла, что слѣдуетъ оставить его одного съ барыней. Ей это не очень понравилось, но она сдѣлала по его. Что баринъ его прогналъ, она не могла еще предвидѣть. Кучеръ Власъ не былъ у барина въ кабинетѣ, а дорогой ему доложилъ на счетъ барышни и зубоскальныхъ словъ Виктора.

Глафира сама бы посовѣтовала барынѣ разсчесть Виктора, вообще ей довольно непріятнаго... Такой «лодырь», никакого добраго чувства къ господамъ не имѣетъ и ему особенное удовольствіе доставитъ, что у нихъ этакая напасть!... Теперь ужь всѣ про это догадались: вплоть до мальчика грума и, навѣрное, по всему дому идутъ разговоры. Власъ не разболтаетъ, но у швейцара—нюхъ анаѳемскій. Онъ—Лиса Патрикѣевна. Отъ него по всѣмъ переднимъ и кухнямъ пошло.

Но Глафира, искренно огорченная за барыню больше, чѣмъ за самоё барышню, хотя и недолюбливала Виктора, не пошла бы на то, чтобъ наушничать и возстановлять противъ него барыню.

Если та сама вызоветъ ее на разговоръ, она скажетъ свое мнѣ[illegible], но не раньше.

За перегородкой Викторъ кашлянулъ.

Его окликнула Аделаида Николаевна раскислымъ голосомъ:

— Это ты, Викторъ?

— Я, Аделаида Николаевна.

— Ты отъ барина?

— Такъ точно.

— Что же нужно?

Мужа своего она давнымъ-давно считаетъ натурой «вульгарной», только прикрывающейся извѣстнымъ лоскомъ и, главное, своимъ уклончивымъ и «постыднымъ» эгоизмомъ.

Вчера ночью онъ началъ на нее кричать. Всѣ люди могли слышать. Почему же онъ самъ не построже слѣдилъ за дочерью, которою онъ былъ всегда такъ очарованъ, и довелъ ее до того, что она въ грошъ не ставила мать ни въ чемъ?

И какая безтактность: еще посылаетъ ей, съ какимъ-то порученіемъ, лакея. Правда, у этого лакея гораздо больше порядочности и такта, чѣмъ у самого Петра Александровича.

— Что же нужно?—повторила она такимъ же кислымъ звукомъ.—Войди сюда.

Викторъ остановился въ портьерѣ матерчатой драпировки.

— Я къ вамъ, Аделаида Николаевна... пожелать вамъ добраго здоровья.

«Это еще что?»—подумала она.

— Петру Александровичу угодно было объявить мнѣ, что я уволенъ.

«За что?»—хотѣла она спросить, но не выговорила этихъ словъ, а только поднялась на кушеткѣ, гдѣ лежала съ головой, откинутой на подушку, въ свѣтломъ кашемировомъ пеньюарѣ.

— Конечно, это ихъ воля, я насильно не могу оставаться.. Но позвольте хоть передъ вами вполнѣ оправдаться.

— Да что же такое?—тревожно и брезгливо спросила она.

Но внутренно она пожалѣла: лакей былъ на рѣдкость по уму, ловкости и благообразію.

— Вы сами изволите понять,—голосъ Виктора сталъ тише,—мнѣ совсѣмъ не пристало входить въ такія препирательства... Петру Александровичу кто-то меня оклеветалъ, будто я позволилъ себѣ какіе-то неподходящіе разговоры. Это дѣло рукъ кучера Власа.

Глаза Виктора досказали барынѣ, въ чемъ дѣло. Она стала краснѣть и сейчасъ же возмутилась противъ безтактности мужа.

«Этакая гадость!—мысленно воскликнула она и завозилась на кушеткѣ.—Этого еще недоставало! Впутывать лакея!... Если онъ что-нибудь и сболтнулъ, сидя на козлахъ, то не слѣдовало это ставить ему въ вину—какъ разъ теперь!»

— А ежели,—продолжалъ Викторъ, впадая въ тонъ безупречнаго дворецкаго, дающаго объясненіе господамъ,—мнѣ, какъ выѣздному, вы или барышня приказываете туда-то ѣхать, или баринъ пошлетъ меня въ какое мѣсто,—при этомъ онъ чуть замѣтно

повелъ губой и Аделаида Николаевна поняла намекъ на нѣмку въ Новарскомъ переулкѣ,—то какъ же я могу этому воспрепятствовать, или довести до вашего свѣдѣнія, или доложить барину? Человѣку въ услуженіи не полагается заподозривать въ чемъ-нибудь господъ.

«Mais il est cent fois plus intelligent que ce butor de Петръ Александровичъ!»—чуть не вслухъ воскликнула Аделаида Николаевна и сѣла на кушетѣ, выпрямивъ спину.

— Хорошо, хорошо,—остановила она его жестомъ руки.—Я не хочу входить въ это... Петръ Александровичъ знаетъ, что дѣлаетъ.

Тонъ послѣднихъ словъ показалъ Виктору, что барыня «взъерепенится» на барина за такую выходку.

— Я понимаю-съ,—еще спокойнѣе проговорилъ Викторъ и сдѣлалъ шагъ впередъ.—Завтра я долженъ оставить должность, а сегодня, коли прикажете, все сдамъ, по столовой... Глафирѣ или Настасьѣ Михѣевнѣ.

— Ахъ, Боже мой!

Барыня схватилась за виски. Ее начало дергать въ голову отъ этого разговора.

— Послѣ, послѣ... Время еще есть. Я пришлю сказать черезъ Глафиру.

— Слушаю-съ... Петръ Александровичъ изволили обѣщать мнѣ жалованье за мѣсяцъ... Аттестацію тоже обѣщали... И васъ я покорнѣйше прошу не отказать въ томъ же... Ежели имъ самимъ будетъ не угодно подписать, то вы соблаговолите.

— Хорошо!...

«Надо ему зажать ротъ,—быстро подумала она.—И Петръ Александровичъ не могъ догадаться объ этомъ!...»

Она вспомнила, что пальто и жакетку мужа Глафира давно достала изъ его гардероба: они назначались Виктору... Ихъ она велитъ передать ему черезъ Глафиру же.

Викторъ сдѣлалъ низкій поклонъ и хотѣлъ уходить.

— Постой... Я тебя прошу... и надѣюсь, что никакихъ лишнихъ разговоровъ ты себѣ не позволишь... Кажется, и я, и барышня мы всегда къ тебѣ были милостивы.

— Я это очень чувствую.

— Глафира передастъ тебѣ... отъ меня...

Остальныя слова Викторъ какъ бы не дослышалъ и подошелъ къ ручкѣ.

Руку свою барыня ему дала и прибавила:

— Юлія Петровна нездорова и безпокоить ее нечего.

Мозговъ-то въ недохватѣ у этой полунѣмецкой мамзели. Другая бы, на ея мѣстѣ, какихъ «карамболей» понадѣлала... Такъ, здорово-живешь, не ушла бы. Не удалось сорвать съ нихъ, какъ онъ сорвалъ все, что можно было, такъ, по крайней мѣрѣ, наговорила бы имъ такое, что до сихъ поръ звенѣло бы въ ушахъ.

Да и вина-то ея, навѣрняка, больше отъ глупости... Врядъ ли она хоть разъ провожала барышню къ тому ловкачу на квартиру, врядъ ли и видѣла, какъ они цѣловались... Догадываться, быть можетъ, догадывалась—и только.

Онъ вспомнилъ тутъ, какъ онъ видѣлъ ея свиданія съ какимъ-то «лохмачомъ». Можно бы ей это теперь «поставить на видъ». Но онъ выше такой отместки. Нѣмочка, какъ ни соблюдала себя «недотрогой-царевной», слишкомъ, на его взглядъ, ничтожна, хоть и хорошенькая.

Развѣ ее можно сравнить съ Устей, даромъ что та изъ крестьянскихъ дѣвчонокъ родомъ?... Пожалуй, нѣмочка свѣжѣе и черты лица правильнѣе, но ни ума, ни ловкости, ни шельмовства, ни игры въ глазахъ и въ ямочкахъ.

Устѣ онъ сегодня ничего не скажетъ, что его разочли, а завтра онъ будетъ съ мѣстомъ—и не съ такимъ, какъ здѣсь.

Викторъ перешелъ въ переднюю; оттуда Дарья и грумъ выносили вещи мамзели на площадку. Она перешла отъ барышни къ барынѣ, и потомъ къ барину, и вездѣ не пробыла больше двухъ минутъ.

— Овца, совсѣмъ овца!—посмѣивался онъ, сидя на диванѣ передней.—По-нѣмецки воспитана, «цирлихъ-манирлихъ». Ее—по шеямъ, а она ножкой мерси пошла дѣлать по господамъ!

Ольга Ѳедоровна спустилась съ лѣстницы обыкновенною своею мелкою и легкою походкой, наклонивъ голову немного на бокъ.

Ей слѣдовало изъ Pflichtgefühl'я исполнить свой долгъ и проститься со всѣми господами.

Именно «господами». По ихъ минамъ и тону она сегодня еще яснѣе поняла, что она «вродѣ прислуги», «Art Kammermädchen»,—подумала она по-нѣмецки.

Что-жь?... Она, все-таки, заслужила, хоть и на половину только, такого ухода отъ семейства Прунинихъ. Оправдывать себя вполнѣ она не можетъ, еслибъ и хотѣла.

Швейцаръ помогъ Дарьѣ и мальчику уставить ея вещи на двухъ извощиковъ. Онъ простился съ нею почтительнымъ поклономъ и спросилъ:

— На случай писемъ вамъ куда адресовать?

Она взглянула на него и ей стало стыдно. Черезъ Нефеда получала она часто записки отъ Андреева. Онъ давно долженъ былъ догадываться, что у нихъ есть «Verhältniss».

Она поспѣшно сунула ему въ руку двугривенный.

— Пожалуйста... въ меблированныя комнаты... по Большой Мастерской, номеръ тринадцатый.

Она дала Дарьѣ и мальчику. Дарья сердечнѣе другихъ простилась съ нею и крикнула, усадивъ ее въ заднія сани:

— Всякаго благополучія, милая барышня!

День стоялъ сырой, съ рѣзкимъ вѣтромъ, бившимъ по лицу.

Передній извощикъ, съ чемоданомъ, двинулся плохою рысью. Второй потащился за нимъ, и сани застучали по выбоинамъ.

Нѣсколько лѣтъ прожила Ольга Ѳедоровна въ семействѣ Прунинихъ, и пришлось такъ уѣзжать.

А дальше что?... Теперь она вольна видѣться съ Андреевымъ хоть каждый день. Но это-то и приведетъ ее къ чему-нибудь непоправимому. У ней такое предчувствіе. Теперь уже ей не уйти отъ своей судьбы. То, что у ней есть отцовское, не спасетъ ее.

XLIII.

— Милая! Душечка! Ничего!... Свѣтъ не клиномъ сошелся!

Елена Григорьевна цѣловала ее, усадивъ въ своей комнатѣ на кушетку. Она стояла надъ ней, трепетная и проникнутая желаніемъ утѣшить ее и ободрить.

— Я ничего, — прошептала Ольга Ѳедоровна дѣтскимъ звукомъ, но уже съ твердостью нѣмецкой трудовой дѣвушки.

— Разумѣется, голубчикъ. Комнатку мы вамъ устроимъ понедѣльно. Она ходитъ двадцать рублей, а я вамъ ее по четыре рубля въ недѣлю. Меньше нельзя. И занятіе сейчасъ найдемъ.

— Какое?—наивно спросила Ольга Ѳедоровна.

— Здѣсь же, въ нашемъ Капернаумѣ. Одной барынѣ надо читать по-нѣмецки. Вы какъ читаете?

— Не очень чтобы хорошо.

— Ничего, сойдетъ. Платы большой она не дастъ, а все рубкъ въ сутки пока что получите... А тамъ пока что... Вы сколько получали?

— Пятнадцать, съ мытьемъ бѣлья.

— Не очень чтобы увлекательное содержаніе!

— На всемъ готовомъ... и подарки.

— Еще бы! Такая-то прелесть!

Елена Григорьевна еще разъ поцѣловала ее въ голову и присѣла къ ней на кушетку.

На этомъ же мѣстѣ она «отчитывала» Ольгу какихъ-нибудь три, много четыре недѣли передъ тѣмъ. Тогда она тоже расплакалась, но по-другому. Она была еще подъ впечатлѣніемъ сцены съ Андреевымъ насчетъ отдачи ему комнаты для свиданій съ Ольгой.

Она и жалѣла Ольгу, и сама оправдывала ее. Ольга тоже поплакала и кончила тѣмъ, что поблагодарила ее и нашла, что, какъ завѣдывающая номерами, она поступила «ganz nobel». Но тотчасъ послѣ того Андреевъ, все-таки, добился, что она пришла въ квартиру француженки, куда, въ комнату жильца, Аннушка три раза пустила ихъ въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ недѣль. Это она скрыла отъ Елены Григорьевны, да и теперь не рѣшилась бы признаться.

А съ тѣхъ трехъ свиданій она какъ сама не своя. Ее тянетъ къ Андрееву, тянетъ совсѣмъ непонятно для нея самой... Онъ начнетъ говорить про себя, читать свои стихи, негодовать, бранить людей и какъ устроено все на свѣтѣ, а она сидитъ и все у ней внутри вздрагиваетъ. Необъяснимая жалость къ нему можитъ ее.

И благородство его поведенія съ нею привлекло ее къ нему окончательно. Онъ не добивался ничего «нехорошаго», цѣловалъ ея руки и плакалъ. Она можетъ въ глаза глядѣть еще кому угодно, она не падшая дѣвушка.

— Благодарю, милая Елена Григорьевна,—полусмущенно начала Ольга.— Вы такой ангелъ. Только если я здѣсь буду... я должна вамъ впередъ сказать... Сережа придетъ... я не могу его прогнать.

— Кто это говоритъ голубчикъ,— Елена Григорьевна опять вскочила,—развѣ я имѣю право стѣснять васъ? Вы хозяйка вашей комнаты и вольны принимать кого вамъ угодно.

— Вы меня осуждаете.

— Не осуждаю я васъ, родная моя. На это я опять-таки не имѣю никакого права... Боюсь я за васъ... и за него. Оба вы молоды. Онъ такой пылкій. Ну, любите другъ друга. Это не малое счастье. Не всѣмъ и оно дается въ жизни.—Она подняла къ небу свои большіе глаза и вздохнула. — Но какъ связать свою судьбу съ такою проблематическою натурой?

— Какой?—переспросила Ольга.

— Шпильгагена читали, небось, голубчикъ?

— Spielhagen,—повторила нѣмецкимъ выговоромъ Ольга.— Да... Одну повѣсть... *Ultimo*.

— Не читала. А его *Проблематическія натуры?* Мы всѣ ими когда-то зачитывались.

— Problematische Naturen?—обстоятельно переспросила Ольга.

— Да... Такъ и нашъ Андреевъ... А, вѣдь, для меня это было бы червь, разъѣдающій мое нутро. Вѣдь, у меня вы съ нимъ и познакомились. Онъ—человѣкъ обреченный.

— На что?—пугливо окликнула Ольга.

— На что?... Да на все... И со страстью слабость у него есть... вамъ извѣстно?

— Да,—прошептала Ольга.—Онъ исправится.

— Чего бы лучше! Голубчикъ вы мой, птенчикъ!... Не хочу я васъ смущать; не могу говорить и противъ совѣсти. Андреевъ не для васъ. Это—русакъ неудачникъ. Онъ и самъ-то себя не можетъ взять въ руки. Я его понимаю и даже слабость къ нему имѣю, хотя онъ теперь долженъ меня стирать въ порошокъ за то, что я тогда... Ну, вы знаете за что...

— Знаю,—прошептала Ольга.

— Если онъ отъ любви къ вамъ установится, благо вамъ будетъ. Маргарита вы моя гётевская!... Фаустъ-то на что ужь былъ плѣнителенъ и ученъ, а вонъ во что ее вовлекъ... Такъ-то, ха, ха!... Ну, теперь извольте водворяться на жительство.

Елена Григорьевна опять вскочила и подошла къ двери.

— Сегодня же я спущусь къ той барынѣ, насчетъ чтенія.

Она проводила Ольгу въ корридоръ. Комната ея была черезъ два номера, подальше «закуты», а ея дверь приходилась наискось.

Вернувшись къ себѣ, Елена Григорьевна, по привычкѣ, оставила дверь изъ корридора полуоткрытой.

Ей нужно было спѣшно написать цѣлыхъ два счета жильцамъ, уѣзжающимъ сегодня, и оба они—съ разными заборами свѣчей, чаю, булокъ, бутылокъ пива, обѣдовъ и отдѣльныхъ «порціонныхъ» блюдъ.

Въ этотъ номерокъ она перебралась на-дняхъ, продолжая кочевать изъ номера въ номеръ.

Въ ящикѣ стола она начала рыться въ бланкахъ для счетовъ и изу не находила ихъ.

Изъ корридора раздался унылый женскій голосъ.

Горничная Ѳеня лѣниво прибирала рядомъ, въ комнатѣ студен- и напѣвала.

— Господи! Это что?—въ полголоса спросила себя Елена Григорьевна, остановившись искать бланки.

Ѳеня опять затянула куплетъ, и еще явственнѣе. Можно было разобрать:

«Скажи мнѣ, вѣтка Палестина,
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?...»

Ѳеня жалобно протянула эти два стиха на извѣстный лакейскій напѣвъ:

«Гусаръ на саблю опираясь...»

— Палестина!—повторила Елена Григорьевна и разсмѣялась.

Ясно, что Ѳеня склоняла слово Палестина въ мужскомъ родѣ и ставила его въ родительномъ падежѣ: Палестинъ, Палестина.

И откуда могла она выучить начало стихотворенія Лермонтова? Гдѣ подслушала и кто переложилъ его на фабрично-лакейскій мотивъ?

Но Ѳеня опять повторила эти два стиха и продолжала, тѣмъ же духомъ:

«Среди зеленыхъ деревовъ
Я слышу звонъ колоколовъ».

Тутъ Елена Григорьевна не выдержала и почти истерически расхохоталась.

Для Ѳени четверостишіе, пропѣтое ею, составляло несомнѣнно *одинъ* куплетъ, изъ одного романса.

Голосъ ея поднялся еще выше, когда она пѣла два послѣднихъ стиха:

«Среди зеленыхъ деревовъ
Я слышу звонъ колоколовъ».

Эти два стиха ей всего больше нравятся... Она слышитъ своимъ воображеніемъ «звонъ колоколовъ» какимъ-то чудодѣйственнымъ образомъ «среди зеленыхъ деревовъ». И, конечно, для нея между первыми двумя стихами и послѣдними прямая связь, если она знаетъ, что *Палестина*— это Святая земля. Оттуда «вѣтка» тамъ долженъ раздаваться и «звонъ колоколовъ», посреди кипарисовыхъ рощъ.

«Какже на *нихъ* смотрѣть иначе, какъ не юмористически?»— подумала Елена Григорьевна, все еще съ широкою улыбкой своего блѣднаго, болѣзненнаго рта, и принялась писать счетъ № 1, куда всего больше входило всякихъ «заборовъ» изъ кухни и буфета.

XLIV.

Дверь оставалась не плотно затворенной.

Елена Григорьевна выписывала своею разгонистою рукой разныя статьи «забора». Но она не могла не прислушиваться и къ звукамъ корридора.

Пѣніе Ѳени стихло. Она покончила прибирать номеръ и встрѣтилась съ Савельемъ.

Онъ всю зиму «страдаетъ» по Ѳенѣ и, кажется, у нихъ «кое-что» есть. На этакія «любви» Елена Григорьевна смотритъ снисходительно, только бы не было дома грязныхъ сценъ. Требовать цѣломудрія отъ «номерныхъ дѣвицъ»,—она ихъ такъ называетъ,—такъ же наивно, какъ трезвости отъ поваровъ. Жаль только, что Савелій, и безъ того рохля и всегда чѣмъ-то увлеченный въ пространство, теперь сдѣлался еще «шалѣе»; да всѣ деньжонки долженъ спускать на свой предметъ. И безъ того онъ неряшливъ, а теперь сталъ еще неряшливѣе; только розовый галстукъ завелъ.

— Ѳеничка!—прошелъ по корридору сладкій шепотъ Савелья.

— Что тебѣ?

— Супризецъ вашей милости.

«Опять подарокъ дѣлаетъ»,—подумала Елена Григорьевна, подводя итогъ и считая «въ умѣ».

— Мерси вамъ... А не по рукѣ?

«Перчатки даритъ»,—пояснила она себѣ.

— Съ уговоромъ браны... Ежели перемѣнить, сидѣлецъ сказалъ, исключительно слободно.

— Ха, ха! — опять громко разсмѣялась Елена Григорьевна и чуть не сбилась со счету. — *Исключительно слободно!*— повторила она.

Этого выраженія она бы не сочинила, при всей ея склонности къ юмору.

Разговоръ прекратился, Савелій и Ѳеня ушли въ закуту.

Счета были написаны. Она пересмотрѣла ихъ еще разъ, хотѣла было позвонить, но разсудила самой отнести, по дорогѣ, и отдать корридорному Игнатію.

Она уже бралась за ручку двери, все еще не совсѣмъ притворной, и ее остановилъ громкій разговоръ, поднявшійся вдругъ въ дской закутѣ.

Обыкновенно они тамъ не очень боялись разговаривать, отъ о, что дверь ея теперешняго помѣщенія наискось. Но когда зна-, что «барышня» у себя, то вели бесѣду не такъ громко. Теперь . вѣроятно, всѣ думаютъ, что ея нѣтъ въ комнатѣ.

Кто-то всхлипывалъ. Она узнала голосъ Анѳисы, жены—теперь вдовы Ѳедота.

Кочегаръ «волею Божіею» отправился къ праотцамъ на той недѣлѣ. У него открылась черная оспа и скрутила даже такого «молоткомъ сбитаго» мужика въ какихъ-нибудь двѣ-три недѣли.

Бѣдный Кочегаръ! Она очень горевала о немъ, но развѣ она виновата въ его смерти?... Хорошо еще, что никого онъ здѣсь, въ номерахъ, не заразилъ, ни изъ жильцовъ, ни изъ прислуги, спавшей съ нимъ въ одномъ мѣстѣ и въ такой тѣснотѣ и грязи.

Какъ еще пронесло!... Положимъ, они, господа, прививали себѣ, а изъ прислуги далеко не всѣ.

«Великъ Богъ земли русской!»—подумала она, но отъ всхлипыванія Анѳисы ей стало опять горько и жаль Ѳедота. Та, навѣрное, пріѣхала за его пожитками и придетъ «клянчить». На мѣсто Кочегара уже взятъ другой корридорный мужикъ—довольно плохой, хотя на видъ благообразный, избалованный болѣе легкою службой посыльнаго въ какой-то виноторговлѣ, на Островѣ.

Елена Григорьевна отошла отъ двери и стала прохаживаться по комнатѣ, просматривая еще разъ оба счета.

— Сгноили... Извѣстное дѣло.

Пропѣла Анисья. Ея говоръ на «онъ» отчетливо выдѣлялся изъ общаго гула голосовъ.

Они говорятъ о смерти Ѳедота и всѣ, сколько ихъ тамъ ни есть, обвиняютъ ее въ томъ, что она отправила Кочегара въ больницу.

Ахъ, эта Анисья! Давно ли она норовила все, при каждой встрѣчѣ, цѣловать у нея ручку за мѣсто около больной барыни. Но барыня, еще раньше Кочегара, умерла, здѣсь, въ номерахъ. До смерти, за недѣлю, она разочла Анисью, не могла вынести ея ноющаго голоса, приставаній, болтовни, пересказыванья и шипѣнья на всѣхъ. Анисья поступила куда-то въ черныя кухарки, но и тамъ не ужилась больше недѣли. Елена же Григорьевна позволила ей опять состоять при мужѣ, и та расплакалась отъ благодарности и бухнулась ей въ ноги. А теперь язвитъ.

— Небось,—продолжалъ другой голосъ,—это говорила Ѳеня,—господъ не вытурятъ.

— Ищо бы,—подхватила Анисья и музыкально зѣвнула.—господа, а то мы, грѣшные. Небось... барыня, которая внизу умела, тоже на что тяжело болѣла, а какъ ее барышня ублажала.

Анѳиса продолжала всхлипывать.

— Да и какъ тутъ не схватить чего?—заговорилъ новый корридорный мужикъ жидкимъ солдатскимъ теноркомъ.—Въ какой

конурѣ живете... Я погляжу-погляжу, да потребую: подавай мнѣ особую койку и одѣяло. На Острову, у Ѳедора Ѳедоровича, нешто я такъ жилъ?

— Вотъ еще чего захотѣлъ!—глуповато, но довольно нахально фыркнулъ Савелій.—Мы для нихъ—такъ, мразь!

— Это точно!—подтвердилъ Игнатій, до тѣхъ поръ молчавшій.

Вотъ каково настоящее къ ней чувство даже у Савелья, съ его преданнымъ видомъ и простоватымъ разгильдяйствомъ. Давно ли онъ, своимъ писарскимъ почеркомъ, выводилъ, отъ лица всѣхъ ея «преданно подчиненныхъ», адресъ, начинавшійся возгласомъ: «Великолѣпная Елена Григорьевна!»

«Вотъ тебѣ и великолѣпная!»—съ горькимъ юморомъ выговорила она, про себя, и умышленно громко заперла дверь, чтобы прекратить говоръ; тогда они догадаются, что она въ своей комнатѣ.

Но идти туда и отдать Игнатію счета для отъѣзжавшихъ жильцовъ она медлила. Не желаетъ она, чтобы Анѳиса сдѣлала ей какую-нибудь сцену. Та уже заявляла претензію на какую-то поддевку мужа, которой не хватало, по ея увѣренію. Остальная прислуга стала клясться, божиться, что никакой поддевки послѣ Ѳедота не осталось.

Анѳисѣ она уже дала изъ своихъ денегъ три рубля. Но они и сегодня будутъ наговаривать ей. Авось что-нибудь выклянчитъ.

Но это бы куда ни шло! Ее почти до слезъ разстроило сознаніе пропасти между всѣмъ этимъ людомъ и собой. Передъ своею совѣстью она чиста. Въ *ея* положеніи никто бы не относился къ нимъ съ такою мягкостью и человѣчностью. А они всѣ противъ нея, какъ только дѣло дошло до своего интереса.

И какого интереса! Что за безсмыслица всѣхъ этихъ разсужденій: Ѳедота въ больницу свезли, отъ того онъ и умеръ, въ этомъ они всѣ тамъ, въ закутѣ, убѣждены. А барыня лежала два мѣсяца и умерла въ номерахъ, въ своей комнатѣ. Всѣ ей завидуютъ и злословятъ, ставятъ барышнѣ въ вину то, что она за ней ухаживала.

Какой тутъ смыслъ человѣческій? Что за возмутительная злобность! Что за дремучая дичь!

Щеки Елены Григорьевны горѣли и пальцы нервно вздрагивали. Она все еще держала въ нихъ оба счета.

Эти два длинные счета, надъ которыми она такъ кропотливо сидѣла, вдругъ заставили ее одуматься.

Кому она сама служитъ? «Буржуямъ»,—какъ сказалъ ей недавно дерзкій Андреевъ. Да еще добровольно. Новый корридорный мужикъ, собирающійся требовать себѣ койки, тысячу разъ правъ.

Развѣ позволительно держать такъ людей, какъ держитъ она,—никто другой, какъ *она?* Она должна бы настоять у своихъ друзей «интеллигентовъ», чтобы прислуга содержалась «по-человѣчески».

«Ну, хорошо,—подавленная возразила она,—ну, хорошо. И это будетъ. И, все-таки, я для нихъ останусь барышней. Къ новому году они мнѣ опять поднесутъ адресъ, а при всякомъ поводѣ станутъ ехидно честить».

Длинные счета вздрагивали въ ея трепетныхъ пальцахъ.

П. Боборыкинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ТЕССЪ, НАСЛѢДНИЦА д'ОРБЕРВИЛЕЙ.

Романъ **Томаса Гарди.**

О бѣдное, израненное имя,
Въ своей груди я дамъ тебѣ пріютъ.
Два вероѣца Шекспира.

ФАЗА ПЕРВАЯ.

Дѣвушка.

I.

Разъ вечеромъ, во второй половинѣ мая мѣсяца, человѣкъ немолодыхъ уже лѣтъ возвращался изъ Шастона въ свою деревню Марлоттъ, въ близъ лежащей долинѣ Блэкмора или Блакмура. На ногахъ онъ держался плохо, и въ его походкѣ былъ какой-то изъянъ, заставлявшій его уклоняться влѣво отъ прямой линіи. По временамъ онъ моталъ головой, какъ бы въ подтвержденіе какой-то мысли, хотя ни о чемъ особенномъ не думалъ. На рукѣ у него висѣла пустая корзина изъ-подъ яицъ, ворсъ на его шляпѣ сильно повытерся, а на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ, снимая шляпу, хватался за поля, одинъ краешекъ былъ вырванъ совсѣмъ. Вдругъ ему встрѣтился пожилой пасторъ, ѣхавшій верхомъ на сѣрой кобылѣ и напѣвавшій въ полголоса народную пѣсню.

— Добраго вечера,—сказалъ человѣкъ съ корзиной.

— Добраго вечера, сэръ Джонъ,—сказалъ въ свою очередь асторъ.

Пѣшеходъ, сдѣлавъ еще одинъ шагъ или два, остановился и руто повернулся.

— Прошу прощенія, сэръ, но, вѣдь, въ прошлый базарный нь мы въ это же время встрѣтились съ вами на этой самой дорогѣ, и я сказалъ: «Добраго вечера», а вы отвѣчали: *Добраго вечера, сэръ Джонъ,* вотъ какъ и теперь.

— Совершенно вѣрно,—сказалъ пасторъ.

— И раньше такъ было, съ мѣсяцъ тому назадъ.

— Очень можетъ быть.

— Такъ что-жь это значитъ, что всѣ эти раза вы называли меня «сэръ Джонъ», когда я просто Джэкъ Дорбифильдъ, разнощикъ?

Пасторъ подъѣхалъ къ нему поближе.

— Да такъ, пришла фантазія,—сказалъ онъ, и послѣ минутнаго колебанія продолжалъ:—Это по случаю одного открытія, которое я сдѣлалъ нѣсколько времени тому назадъ, когда занимался изслѣдованіемъ разныхъ родословныхъ для новой исторіи графства. Я пасторъ Трингхэмъ, антикварій изъ Стагфутъ-Лэна. Да развѣ же вы не знаете, Дорбифильдъ, что вы прямой потомокъ старинной рыцарской фамиліи д'Орбервиль, которая ведетъ свое происхожденіе отъ сэра Пагана д'Орберѵиль, знаменитаго рыцаря, прибывшаго изъ Нормандіи вмѣстѣ съ Вильгельмомъ Завоевателемъ, какъ записано въ архивахъ Баттльскаго аббатства?

— Никогда и не слыхивалъ этого.

— Ну, такъ знайте, что это чистая правда. Подымите-ка на минутку подбородокъ, чтобъ мнѣ лучше схватить вашъ профиль. Да, да, это носъ и подбородокъ д'Орбервилей, только немножко загрубѣлые. Вашъ предокъ былъ однимъ изъ двѣнадцати рыцарей, оказавшихъ содѣйствіе лорду Эстремавильскому въ Нормандіи при завоеваніи имъ Глэморганшира. Многія отрасли вашей фамиліи владѣли помѣстьями по всему этому краю. Ихъ имена значатся въ лѣтописяхъ эпохи короля Стефана. Въ царствованіе короля Іоанна одна изъ нихъ была настолько богата, что подарила цѣлое помѣстье Рыцарямъ-Странноприимцамъ, а во времена Эдуарда Второго вашъ предокъ Брайанъ былъ призванъ въ Вестминстеръ, чтобы засѣдать въ великомъ совѣтѣ. Вашъ родъ пришелъ немного въ упадокъ во времена Оливера Кромвеля, но не надолго, и въ царствованіе Карла Второго его представители были за вѣрность коронѣ произведены въ рыцари Королевскаго Дуба. Въ вашей фамиліи было нѣсколько поколѣній сэръ Джоновъ, и, еслибъ рыцарство переходило по наслѣдству, подобно баронству, какъ это и дѣлалось на практикѣ въ старинные годы, когда люди передавали рыцарское званіе отъ отца къ сыну, то вы были бы теперь сэръ Джономъ.

— Неужто вправду?—прошепталъ Дорбифильдъ.

— Словомъ сказать,—закончилъ пасторъ, съ рѣшительнымъ видомъ ударивъ себя хлыстомъ по ляжкѣ,—врядъ ли есть еще такая знатная фамилія въ Англіи.

— Господи Боже, вотъ чудеса!—вскричалъ Дорбифильдъ.—А

я-то мыкался изъ года въ годъ, точно самый сѣрый крестьянинъ въ приходѣ... А скажите-ка, пасторъ Трингхэмъ, какъ давно уже ходятъ эти толки обо мнѣ?

Священникъ объяснилъ ему, что, насколько ему извѣстно, все это давно уже покрыто мракомъ забвенія, и едва ли кто объ этомъ слыхалъ. Самъ онъ началъ свои розыски прошедшею весной, когда, задавшись цѣлью прослѣдить судьбу рода д'Орбервиль, увидалъ на фурѣ Дорбифильда его фамилію и тотчасъ же сталъ наводить справки, пока у него уже не осталось никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ.

— Сначала я рѣшилъ не смущать васъ такими безполезными новостями,— сказалъ онъ.— Однакожь, наши побужденія оказываются иногда сильнѣе доводовъ разсудка. Я подумалъ, что, можетъ быть, вы и раньше меня уже знали кое-что объ этомъ.

— Да, правда, я слыхалъ, что моя семья знавала лучшіе дни, прежде чѣмъ переселилась въ Блакмуръ. Но я не обращалъ на это вниманія, я думалъ, это значитъ только, что прежде мы держали двухъ лошадей, тогда какъ теперь у насъ всего одна. Правда тоже, что у меня есть дома старинная серебряная ложка и старинная чеканная печать изъ чистаго серебра, но Господи Боже, какой можетъ быть прокъ въ чеканной печати?... И подумать только, что я и эти знатные д'Орбервили были все время одна плоть и кровь! У насъ, впрочемъ, говаривали, что у моего пра-прадѣда были какія-то тайны и что онъ не любилъ разсказывать, откуда онъ родомъ. А осмѣлюсь спросить, ваше преподобіе, гдѣ-жь курится нашъ очагъ? Я хочу сказать, гдѣ мы, д'Орбервили, жительствуемъ?

— Вы нигдѣ не жительствуете. Вы вымерли, какъ мѣстная фамилія.

— Это плохо.

— Да, вы, какъ это называютъ лживыя фамильныя хроники, угасли по мужской линіи, то-есть вашъ родъ разорился и захудалъ.

— Ну, такъ гдѣ-жь мы похоронены?

— Въ Кингсбирѣ, подъ Гринхиллемъ: тамъ цѣлые ряды вашихъ предковъ въ склепахъ съ ихъ собственными изображеніями и съ мраморными балдахинами.

— А гдѣ наши замки и помѣстья?

— У васъ ихъ нѣтъ.

— Какъ, и земель тоже нѣтъ?

— Нѣтъ, хотя прежде у васъ ихъ было множество, какъ я уже сказалъ, потому что ваша фамилія распадалась на нѣсколько вѣтвей. Въ этомъ графствѣ у васъ было одно помѣстье въ Кингсбирѣ,

другое въ Шертонѣ, третье въ Миллъпондѣ, четвертое въ Лулльстедѣ, пятое въ Веллъбриджѣ.

— А вернутъ намъ когда-нибудь наши владѣнія?

— Ничего не могу вамъ сказать на это.

— Что-жь бы вы посовѣтовали мнѣ сдѣлать, сэръ?—спросилъ послѣ небольшой паузы Дорбифильдъ.

— О, ничего, ничего, развѣ только извлечь себѣ назиданіе изъ мысли о томъ, какъ «пали сильные». Этотъ фактъ представляетъ нѣкоторый интересъ для мѣстнаго историка и генеалога,—вотъ и все. Среди поселянъ этого графства есть нѣсколько семействъ почти столь же высокаго рода. Прощайте!

— Но отчего бы вамъ не вернуться и не распить со мной по случаю этого кварту пива, пасторъ Трингхэмъ? Въ трактирѣ «Чистый Хмель» подаютъ за прилавкомъ славное пиво, хотя оно, конечно, не такъ хорошо, какъ у Ролливера.

— Нѣтъ, благодарствуйте, Дорбифильдъ, только не сегодня. Вы уже достаточно выпили!—и съ этими словами пасторъ поѣхалъ дальше, не очень-то увѣренный въ томъ, что поступилъ умно, разгласивъ этотъ любопытный обращикъ своей учености.

Когда онъ скрылся изъ вида, Дорбифильдъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ глубокомъ раздумьѣ, а потомъ сѣлъ на зеленый край дороги, поставивъ передъ собой корзину. Черезъ нѣсколько минутъ вдали показался молодой парень, шедшій въ томъ же направленіи, какого держался и Дорбифильдъ. Послѣдній, завидѣвъ его, поднялъ руку, и юноша прибавилъ шагу и подошелъ къ нему.

— Эй, малый, возьми мою корзину! Мнѣ надо дать тебѣ порученіе.

Долговязый юноша нахмурилъ брови.

— Что вы за важная птица, Джонъ Дорбифильдъ, чтобъ помыкать мною и звать меня малымъ? Мое имя вамъ такъ же хорошо извѣстно, какъ и ваше мнѣ.

— Мое имя тебѣ извѣстно, да, какъ же! Въ томъ-то и штука... въ томъ-то и штука! Выслушай-ка лучше мои приказанія и справь мнѣ одно дѣльце, которое я тебѣ поручу... Впрочемъ, Фредъ, я ужь, пожалуй, открою тебѣ свою тайну: видишь ли, я принадлежу къ знатному роду, и только что узналъ объ этомъ!— Объявивъ эту новость, Дорбифильдъ съ наслажденіемъ растянулся на муравѣ испещренной маргаритками.

Молодой парень стоялъ передъ Дорбифильдомъ, разсматривая его распростертую фигуру отъ самой маковки и до пятокъ.

— Сэръ Джонъ д'Орбервиль, вотъ кто я такой,—продолжалъ

тотъ въ своей лежачей позѣ.—То-есть, еслибъ рыцари были баронами, а это такъ и водится на самомъ дѣлѣ. Про меня все прописано въ исторіи. Знаешь ли, малый, мѣсто, которое прозывается Кингсбиръ подъ Гринхиллемъ?

— Да. Я тамъ бывалъ на гринхилльской ярмаркѣ.

— Ну, такъ подъ церковью этого города...

— Да это не городъ, тотъ Кингсбиръ, о которомъ я говорю,— по крайней мѣрѣ, когда я тамъ былъ,—это былъ не городъ, а совсѣмъ глухое, захолустное мѣстечко.

— Ничего не значитъ, малый, дѣло не въ этомъ. Подъ тамошнею церковью лежатъ мои предки... цѣлыми сотнями, въ кольчугахъ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ, въ громадныхъ свинцовыхъ гробахъ, каждый въ нѣсколько тоннъ вѣсомъ. Во всемъ графствѣ южнаго Уэссекса нѣтъ человѣка съ такими знатными и великими предками, какіе у меня.

— Ну?!

— Такъ вотъ, возьми эту корзину и ступай въ Марлоттъ, а когда дойдешь до трактира «Чистый Хмель», то скажи тамъ, чтобъ сію же минуту послали сюда лошадь и карету, чтобъ отвезти меня домой. А въ ноги пусть поставятъ бутылочку рому и запишутъ мнѣ въ счетъ. Когда же ты все это сдѣлаешь, тогда отправься съ этою корзиной ко мнѣ домой и скажи моей женѣ, чтобъ она бросила стирку, потому что ей нѣтъ надобности кончать ее. И скажи, чтобы она дожидалась меня; у меня есть для нея важныя вѣсти.

Видя, что парень стоитъ въ нерѣшительной позѣ, Дорбифильдъ сунулъ руку въ карманъ и вытащилъ шиллингъ, одинъ изъ сравнительно немногихъ шиллинговъ, бывшихъ у него за душой.

— Вотъ тебѣ за труды, малый.

Это заставило юношу иначе отнестись къ дѣлу.

— Слушаю, сэръ Джонъ. Благодарю васъ. Могу я еще чѣмъ-нибудь служить вамъ, сэръ Джонъ?

— Скажи тамъ, у меня дома, чтобы мнѣ приготовили на ужинъ... что бы такое?... Ну, жаренаго барашка, если жена достанетъ, а если не достанетъ, то пусть купитъ сосисокъ, а если и ъ нельзя достать, ну, тогда и потроха будутъ хороши.

— Слушаю, сэръ Джонъ.

Юноша взялъ корзину и, какъ только онъ пустился въ путь, стороны деревни послышались звуки мѣднаго оркестра.

— Что это значитъ?—сказалъ Дорбифильдъ.—Ужь не меня это чествуютъ?

— Это процессія женскаго клуба, сэръ Джонъ. Вѣдь, ваша дочь тоже членъ клуба.

— Да, да, конечно... я совсѣмъ и забылъ объ этомъ, размышляя о болѣе важныхъ дѣлахъ! Ну, поворачивайся и маршъ въ Марлоттъ заказывать экипажъ, а я, можетъ быть, тогда заѣду и сдѣлаю смотръ клубу.

Юноша отправился, а Дорбифильдъ сталъ дожидаться кареты, лежа на травѣ, усыпанной маргаритками, и нѣжась въ лучахъ заходящаго солнца. Долго не показывалось ни души на дорогѣ, и только слабые звуки оркестра раздавались среди ландшафта, заключеннаго въ рамку голубыхъ холмовъ.

II.

Деревня Марлоттъ лежала среди сѣверо-восточныхъ изгибовъ прекрасной, уже упомянутой нами Блакмурской долины, замкнутой и уединенной мѣстности, по которой почти не ступала нога туриста и пейзажиста, хотя эта долина находится въ четырехъ часахъ пути отъ Лондона.

Всего лучше ознакомиться съ ней, смотря на нее съ вершины окружающихъ ее холмовъ. Впрочемъ, въ ненастную погоду путешественникъ, который вздумалъ бы изслѣдовать безъ проводника всѣ ея ложбины, могъ бы остаться недоволенъ ея узкими, извилистыми и грязными тропами.

Эта плодородная и защищенная полоса земли, гдѣ поля никогда не бываютъ выжжены, а весны не знаютъ засухъ, ограничена на югѣ крутымъ мѣловымъ кряжемъ, обнимающимъ возвышенности Гембльдонъ-Хилль, Бульбарро, Неттлькомбъ-Таутъ, Догбёри, Гай-Стой и Беббъ-Даунъ. Совершивъ съ морского берега по направленію къ сѣверу трудный переходъ миль въ двадцать по известковымъ равнинамъ и по хлѣбнымъ полямъ и очутившись внезапно у самой грани одного изъ этихъ откосовъ, путникъ придетъ въ восторгъ и изумленіе при видѣ мѣстности, разстилающейся у ногъ его, на подобіе географической карты, и вполнѣ противуположной тѣмъ мѣстамъ, по которымъ онъ только что пробирался. Позади него цѣпь холмовъ размыкается, солнце такъ ярко освѣщаетъ поля, что пейзажъ принимаетъ совершенно открытый характеръ, дороги тамъ бѣлыя, изгороди низкія и голыя, атмосфера безцвѣтная. Здѣсь, въ долинѣ, міръ какъ бы построенъ въ болѣе тѣсномъ и миніатюрномъ масштабѣ; поля представляются простыми выгонами столь небольшихъ размѣровъ, что съ этой высоты раздѣляющія ихъ изгороди

кажутся сѣтью изъ темнозеленыхъ нитей, наброшенною на болѣе блѣдную зелень травы. Атмосфера внизу темная и до такой степени окрашена лазурью, что то, что художники называютъ среднимъ разстояніемъ, тоже заимствуетъ этотъ оттѣнокъ, между тѣмъ какъ вдали горизонтъ самаго густого ультрамаринового цвѣта. Пахотныхъ земель здѣсь мало; панорама открываетъ почти необозримую массу травъ и деревьевъ, покрывающихъ болѣе мелкіе холмы и долочки, расположенные въ кольцѣ болѣе крупныхъ. Такова Блакмурская долина.

Этотъ округъ представляетъ не только топографическій, но и историческій интересъ. Блакмурская долина была извѣстна въ прежнія времена подъ именемъ «Лѣсъ бѣлой лани» на основаніи любопытной легенды изъ царствованія короля Генриха III, повѣствующей о томъ, какъ нѣкій Томасъ де ла Линдъ, убившій бѣлую лань, которую передъ тѣмъ пощадилъ самъ король, былъ присужденъ къ тяжелой пенѣ. Въ тѣ дни и сравнительно до недавнихъ временъ эта мѣстность была покрыта непроходимыми лѣсами. Даже и теперь о прежнемъ ея состояніи еще свидѣтельствуютъ старинныя дубовыя рощи и неправильныя полосы строеваго лѣса, еще уцѣлѣвшія на ея склонахъ, равно какъ и дуплистыя деревья, защищающія пастбища отъ солнечныхъ лучей.

Лѣса исчезли, но сохранились нѣкоторые стародавніе обычаи, процвѣтавшіе подъ ихъ сѣнью. Впрочемъ, многіе изъ нихъ живутъ теперь въ значительно измѣненной формѣ. Такъ, напримѣръ, въ описываемый нами вечеръ майскій хороводъ воскресалъ подъ видомъ клубнаго праздника или клубной процессіи, какъ его здѣсь называли.

Это было интересное событіе для болѣе молодыхъ обитателей Марлотта, хотя истинный интересъ его ускользалъ отъ вниманія участниковъ празднества. Его особенность заключалась не столько въ сохраненіи обычая совершать торжественное шествіе и танцовать каждый годъ въ одинъ издавна опредѣленный день, сколько въ томъ, что члены этой процессіи были исключительно женщины. Въ мужскихъ клубахъ такія празднества были менѣе необычны, хотя представляли уже отживающее явленіе, но, благодаря ли природной застѣнчивости болѣе нѣжнаго пола, или саркастическому отношенію къ его представительницамъ родственниковъ мужчинъ, тѣ женскіе клубы, которые еще оставались, лишились мало-по-малу своей славы и неприкосновенности. Одинъ только марлоттскій клубъ поддерживалъ во всей полнотѣ традицію мѣстнаго праздника Це-

реры. Онъ совершалъ свою процессію сотни лѣтъ передъ тѣмъ и продолжалъ совершать ее и теперь.

Члены процессіи были всѣ въ бѣлыхъ платьяхъ—свѣтлое напоминаніе временъ стараго режима, когда веселье и майскій хороводъ были синонимами, тѣхъ временъ, когда привычка во все углубляться не низвела еще душевныя движенія на уровень монотонной умѣренности. Торжество начиналось тѣмъ, что процессія, выстроившись въ пары, обходила приходъ. Идеальный и реальный элементы слегка сталкивались между собою, когда освѣщенныя солнцемъ фигуры женщинъ и дѣвушекъ вырисовывались на фонѣ зеленыхъ изгородей и обвитыхъ плющемъ фасадовъ домовъ, такъ какъ хотя всѣ онѣ были въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, но нельзя было бы найти между ними и двухъ совсѣмъ одинаковыхъ бѣлыхъ цвѣтовъ. Одни платья были чисто-бѣлыя, въ другихъ замѣчался синеватый оттѣнокъ, иныя, на болѣе пожилыхъ женщинахъ (быть можетъ, пролежавшія нѣсколько лѣтъ безъ употребленія), переходили въ желтовато-мертвенную тѣнь и приближались по покрою къ эпохѣ Георговъ.

Вдобавокъ къ этому отличію, бѣлому платью, каждая женщина и дѣвушка держала въ правой рукѣ чисто оструганный ивовый прутъ, а въ лѣвой пучокъ бѣлыхъ цвѣтовъ.

Въ процессіи было нѣсколько немолодыхъ и даже пожилыхъ женщинъ, и ихъ посеребренные сѣдиною волосы и морщинистыя лица, носившія разрушительные слѣды времени и заботъ, производили странное, но, во всякомъ случаѣ, трогательное впечатлѣніе среди этого юнаго цвѣтника. Пожалуй, относительно каждой изъ этихъ женщинъ, умудренныхъ житейскомъ опытомъ и тревогами, можно было сдѣлать больше выводовъ и заключеній, чѣмъ объ ея молодыхъ подругахъ, когда, мысленно созерцая надвигающуюся къ ней старость, она говорила о ней: «не радуетъ она меня». Но минуемъ старшихъ, чтобы перейти къ тѣмъ, въ которыхъ жизнь трепетала со всею энергіей и жаромъ юныхъ лѣтъ.

Молодыя дѣвушки составляли большинство процессіи, и ихъ роскошныя косы отливали на солнцѣ всевозможными тонами—и золотистымъ, и чернымъ, и каштановымъ. У однѣхъ были красивые глаза, у другихъ красивый носъ, у третьихъ красивый ротъ и красивый станъ; нѣкоторыя, можетъ быть, были красивы во всѣхъ деталяхъ своей внѣшности. По тѣмъ усиліямъ, съ какими онѣ складывали губы въ чинную улыбку, являясь напоказъ передъ народомъ, по ихъ неумѣнью держать голову и придавать невозмутимое выраженіе своимъ чертамъ видно было съ перваго взгляда, что

это настоящія сельскія дѣвушки, не привыкшія встрѣчать взоры толпы.

И подобно тому, какъ каждую изъ нихъ безъ исключенія грѣло снаружи майское солнце, такъ и внутри у каждой изъ нихъ было свое маленькое солнышко, которое ласкало ей душу: какая-нибудь мечта, привязанность, какая-нибудь невинная склонность, или, наконецъ, далекая, недосягаемая надежда, быть можетъ, осужденная на голодную смерть, но все еще упорно жившая, какъ можетъ жить только надежда. Такимъ образомъ, у всѣхъ у нихъ былъ радостный, а у многихъ даже веселый видъ.

Онѣ миновали трактиръ подъ вывѣскою «Чистый Хмель» и хотѣли свернуть съ большой дороги, чтобъ пройти чрезъ калитку на лугъ, когда одна изъ нихъ сказала:

— Боже милостивый! Смотри, Тессъ *) Дорбифильдъ, вѣдь, это твой отецъ ѣдетъ домой въ колескѣ!

Одна изъ юныхъ клубистокъ обернулась при этомъ восклицаніи. Это была прелестная стройная дѣвушка; пожалуй, она и не превосходила своею красотой нѣкоторыхъ другихъ, но ея выразительный пунцовый ротикъ и большіе невинные глаза дѣлали еще краснорѣчивѣе чудный цвѣтъ лица и изящную фигуру. Въ волосахъ у нея была красная лента; среди всей этой облеченной въ бѣлыя одѣянія процессіи только одна она могла похвастаться такимъ ярким украшеніемъ. Когда она оглянулась, Дорбифильдъ уже ѣхалъ по дорогѣ въ кабріолетѣ, принадлежавшемъ хозяину трактира «Чистый Хмель»; кудрявая и плотная дѣвица, засучивъ рукава платья выше локтей, правила экипажемъ. То была бойкая служанка заведенія, по временамъ исполнявшая въ качествѣ фактотума должности грума и возницы. Дорбифильдъ, откинувшись назадъ съ блаженною миной и зажмуривъ глаза, размахивалъ руками надъ головой и распѣвалъ медленнымъ речитативомъ:

— У меня большой фамильный склепъ въ Кингсбирѣ—и знатные предки лежатъ тамъ въ свинцовыхъ гробахъ!

Клубистки принялись пересмѣиваться, за исключеніемъ той, которую звали Тессъ,—въ ней медленно началъ закипать гнѣвъ при мысли, что ея отецъ служитъ посмѣшищемъ ея подругамъ.

Онъ усталъ, вотъ и все,— торопливо сказала она,— и пошелъ подвезти его домой, потому что наша лошадь нынче отдыхаетъ.

Ну, проста же ты, Тессъ, — заговорили товарки. — Не видать развѣ, что онъ подгулялъ на базарѣ? Ха, ха, ха!

*) Тессъ—уменьшительное имя отъ Терезы.

— Слушайте, я съ вами больше ни шагу не сдѣлаю, если вы будете насмѣхаться надъ нимъ!—вскричала Тессъ, и румянецъ, покрывавшій ея щеки, разлился на все ея лицо и шею. Глаза ея сдѣлались влажными и взглядъ поникъ до земли. Видя, что онѣ не на шутку огорчили ее, дѣвушки ничего больше не сказали, и порядокъ снова возстановился. Гордость не позволила Тессъ оглянуться еще разъ, чтобы допытаться, что значило поведеніе ея отца, если только оно что-нибудь значило, и она направилась вмѣстѣ со всею процессіей къ огороженной лужайкѣ, гдѣ должны были происходить танцы. Къ тому времени, когда онѣ дошли до поляны, она совсѣмъ успокоилась, похлопывала сосѣдку своимъ ивовымъ прутомъ и разговаривала, какъ всегда.

Въ эту пору своей жизни Тессъ Дорбифильдъ была ничто иное, какъ сосудъ душевныхъ движеній, не подкрашенныхъ опытомъ. Ея полный красный ротикъ еще не отлился въ окончательную форму и нижняя губа какъ-то особенно подталкивала верхнюю, когда онѣ обѣ сходились, выговаривая какое-нибудь слово.

Различныя фазы изъ ея дѣтства проглядывали еще до сихъ поръ въ ея наружности. Когда она шла сегодня въ процессіи, то, несмотря на пышный разцвѣтъ въ ней женственности, вы могли бы подчасъ уловить ея двѣнадцатый годъ на ея щекахъ или девятый въ шаловливомъ блескѣ ея глазъ, и даже ея пятый годъ мелькалъ порою въ изгибахъ ея рта.

Однакожь, мало кто замѣчалъ это, и еще меньше было людей, считавшихъ нужнымъ принимать это въ соображеніе. Незначительное меньшинство—большею частью пришлые люди—заглядывались на нее при случайной встрѣчѣ, мгновенно очаровывались ея свѣжестью и задавались вопросомъ, придется ли имъ еще когда-нибудь увидать ее; но для всѣхъ почти она была прелестною, характерною деревенскою дѣвушкой и только.

Дорбифильдъ совсѣмъ исчезъ изъ вида въ своей тріумфальной колесницѣ, ввѣренной управленію трактирной служанки, клубъ вошелъ въ назначенное мѣсто и начались танцы. Такъ какъ мужчинъ не было въ ихъ компаніи, то дѣвушки танцовали первое время другъ съ дружкой, но когда сталъ приближаться часъ, въ который кончались работы, то мужскіе представители населенія Марлотта а также праздношатающіеся и прохожіе стали собираться вокруг лужайки и, повидимому, многіе изъ нихъ были не прочь выбрат себѣ даму.

Среди этихъ зрителей было трое молодыхъ людей изъ высшаг слоя общества, съ маленькими сумками за плечами и толстыми

палками въ рукахъ. Ихъ общее сходство и послѣдовательность возраста заставляли догадываться, что они братья, какъ это и было на самомъ дѣлѣ. На старшемъ былъ бѣлый галстукъ, высокій жилетъ и шляпа съ узкими полями, какія носятъ викаріи англиканской церкви; второй былъ еще не кончившій курса студентъ; что касается третьяго и младшаго, то для характеристики его врядъ ли было бы достаточно одного его внѣшняго вида; въ его глазахъ и костюмѣ было что-то незамкнутое, открытое, дававшее поводъ думать, что едва ли онъ уже успѣлъ вступить на какую-либо профессіональную колею. Можно было только заранѣе сказать, что это юноша, пробующій изучать то ту, то другую спеціальность, хватающійся за все, но не остановившійся пока ни на чемъ.

Эти три брата говорили своимъ случайнымъ знакомцамъ, что они рѣшили воспользоваться весенними каникулами, чтобы пройти пѣшкомъ Блакмурскую долину, направляя свой путь къ юго-западу отъ города Шастона, лежащаго на сѣверо-востокѣ.

Они облокотились на калитку у большой дороги и спросили, что̀ означаютъ эти танцы и дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ. Двое старшихъ, очевидно, не думали здѣсь мѣшкать, но младшаго, казалось, очень забавляло зрѣлище цѣлой толпы дѣвушекъ, танцовавшихъ безъ кавалеровъ, и онъ нисколько не спѣшилъ оторваться отъ него. Онъ снялъ свою сумку, положилъ ее вмѣстѣ съ палкой на завалинку и отворилъ калитку.

— Куда это ты, Энджель?—спросилъ старшій братъ.

— Мнѣ вздумалось повертѣться немножко съ ними. Да почему бы и всѣмъ намъ не отправиться... хоть на нѣсколько минутъ... вѣдь, это не задержитъ насъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, пустяки! — возразилъ старшій. — Танцовать публично съ деревенскою толпой... а если насъ кто увидитъ? Пойдемъ-ка дальше, а то мы не успѣемъ добраться засвѣтло до Стауркасля; ближе его нѣтъ мѣста, гдѣ мы могли бы найти ночлегъ; притомъ же, разъ я уже взялъ на себя трудъ захватить *Отвѣтъ Агностицизму*, то намъ надо будетъ проштудировать еще одну главу, прежде чѣмъ мы ляжемъ спать.

— Хорошо, я черезъ пять минутъ догоню тебя и Кутберта, не тронусь меня; даю честное слово, Феликсъ, что догоню васъ.

Оба старшихъ брата довольно неохотно оставили его и отправились дальше, взявши его сумку, чтобъ ему не такъ трудно было догонять ихъ, и младшій вошелъ на поляну.

— Какая жалость!— сказалъ онъ любезнымъ тономъ, обращаясь къ двумъ или тремъ дѣвушкамъ, стоявшимъ ближе къ нему,

когда наступилъ перерывъ въ танцахъ.—Гдѣ же ваши кавалеры, мои милыя?

— Они еще не покончили съ работой,—отвѣтила одна дѣвушка нобойчѣе.—Они скоро соберутся. А покамѣстъ, сэръ, не желаете ли вы замѣнить ихъ?

— Да, конечно. Но что значитъ одинъ кавалеръ при такомъ множествѣ дамъ?

— Все лучше, чѣмъ ни одного. Не очень-то весело плясать съ своею же сестрой. Ну, что же, сэръ, выбирайте!

— Шш... можно ли быть такою назойливою!—сказала другая, болѣе застѣнчивая дѣвушка.

Молодой человѣкъ, приглашенный такимъ образомъ принять участіе въ танцахъ, окинулъ взглядомъ дѣвушекъ и попытался было провести между ними сравненіе, но такъ какъ вся эта группа была совершенно нова для него, то онъ и не могъ сдѣлать настоящаго выбора. Онъ взялъ чуть ли не первую попавшуюся ему подъ руку, и это оказалась не та, которая говорила съ нимъ и надѣялась быть избранной, а также и не Тессъ Дорбифильдъ. Родословная, прадѣдовскія гробницы, старинныя хроники и д'орбервильскія черты лица были безсильны хотя бы даже настолько помочь Тессъ въ ея житейской борьбѣ, чтобы привлечь на ея сторону бальнаго кавалера въ ущербъ заурядным крестьянкамъ. Вотъ что значитъ нормандская кровь безъ поддержки викторіанскихъ капиталовъ.

Имя дѣвушки, затмившей всѣхъ другихъ, осталось для насъ неизвѣстнымъ, но она возбудила общую зависть, какъ первая, которой въ этотъ вечеръ выпало на долю счастье танцовать съ настоящимъ кавалеромъ. Однакожь, такова сила примѣра, что молодые люди изъ села, не спѣшившіе входить въ калитку, пока имъ не перерѣзалъ пути незваный пришелецъ, повысыпали теперь одинъ за другимъ на лужайку и вскорѣ среди танцующихъ парочекъ замѣтно запестрѣли фигуры деревенскихъ парней, такъ что подъ конецъ даже самая некрасивая женщина въ клубѣ была избавлена отъ печальной участи исполнять въ танцахъ роль кавалера.

Раздался бой церковныхъ часовъ и молодой студентъ сказалъ, что ему пора уходить... онъ и такъ черезъ-чуръ увлекся и забылъ что ему надо нагнать своихъ спутниковъ. Когда онъ выходилъ изъ круга, взоръ его упалъ на Тессъ Дорбифильдъ, большіе глаза которой, если ужь говорить правду, выражали легкій упрекъ за то что онъ не выбралъ ея. Онъ тоже пожалѣлъ, что, благодаря своей нерасторопности, не обратилъ на нее вниманія, и съ этимъ впечатлѣніемъ сошелъ съ поляны.

Такъ какъ онъ сильно запоздалъ, то пустился теперь, какъ стрѣла, по тропинкѣ между изгородями, по направленію къ западу, вскорѣ миновалъ оврагъ и сталъ подниматься на слѣдующій откосъ. Онъ еще не нагналъ братьевъ, но остановился перевести духъ и оглянулся назадъ. Онъ могъ еще видѣть бѣлыя фигуры дѣвушекъ, кружившіяся на зеленой полянѣ, такъ, какъ онѣ кружились, когда и онъ былъ среди нихъ. Повидимому, онѣ уже совсѣмъ забыли о немъ.

Забыли всѣ, за исключеніемъ, быть можетъ, одной. Эта бѣлая фигура стояла въ сторонѣ отъ другихъ, у плетня. Онъ узналъ въ ней красивую дѣвушку, съ которой ему не пришлось танцовать. Какъ ни ничтожно было это обстоятельство, однако, онъ инстинктивно почувствовалъ, что она обижена его невниманіемъ. Онъ подосадовалъ, что не пригласилъ ея, подосадовалъ, что не спросилъ, какъ ее зовутъ. Она была такъ скромна и такъ патетична, она казалась такою кроткой въ своемъ воздушномъ бѣломъ платьѣ, что онъ понялъ въ эту минуту, что поступилъ какъ дуракъ.

Какъ бы то ни было, горю уже нельзя было помочь и онъ повернулся и пошелъ скорымъ шагомъ, переставъ думать объ этомъ предметѣ.

III.

Что касается Тессъ Дорбифильдъ, то ей не такъ легко удалось изгнать это событіе изъ своихъ мыслей. У нея надолго прошла охота танцовать, хотя она могла бы имѣть сколько угодно кавалеровъ; но, увы, они не выражались такъ изящно, какъ молодой незнакомецъ. Лишь тогда, когда его фигура совсѣмъ исчезла на холмѣ въ сіяніи послѣднихъ солнечныхъ лучей, Тессъ стряхнула съ себя мимолетную грусть и приняла приглашеніе подошедшаго къ ней кавалера.

Она осталась на кругу до сумерокъ и танцовала съ нѣкоторымъ увлеченіемъ, но такъ какъ сердце ея пока еще было свободно, то она просто наслаждалась танцами, какъ размѣреннымъ движеніе-
, и при видѣ «сладкихъ мукъ, горькихъ радостей, чудныхъ терй и пріятныхъ томленій», которыя испытывали дѣвушки, уже
ѣдшія себѣ жениховъ, она врядъ ли подозрѣвала, на что способ-
ма въ дѣлѣ нѣжной страсти. Пререканія и ссоры молодыхъ парихъ-за чести танцовать съ ней «жигу» слегка возбуждали ее,—
ько, а когда они становились черезъ-чуръ громогласными, она
ла усмирить ихъ.

Тессъ осталась бы, пожалуй, и дольше, но ей вспомнилась странная штука, которую выкинулъ ея отецъ. Тревожась о немъ и недоумѣвая, куда же онъ дѣвался, она отдѣлилась отъ танцующихъ и направила шаги къ концу деревни, гдѣ стоялъ отцовскій коттэджъ.

Она еще находилась въ нѣсколькихъ десяткахъ ярдовъ отъ дома, какъ до нея стали доноситься другіе ритмическіе звуки, не похожіе на тѣ, отъ которыхъ она удалялась,—эти звуки были такъ знакомы ей, такъ хорошо знакомы. То были правильно слѣдовавшіе одинъ за другимъ удары, раздававшіеся извнутри дома и производимые стремительнымъ качаніемъ люльки на каменномъ полу, и въ тактъ этому движенію женскій голосъ пѣлъ быстрымъ галопомъ популярную пѣсню о *Пестрой коровѣ*:

«Въ зеленой дубравѣ лежала она.
Приди, мой дружокъ, я тебѣ укажу!»...

По временамъ качанье люльки и пѣніе разомъ прерывались и, вмѣсто пѣсни, слышалось тогда восклицаніе самаго высокаго тембра, какой только можно себѣ представить:

— Да хранитъ Господь твои брилліантовые глазки! И восковыя щечки! И атласныя ножки! И все твое ангельское тѣльце!

Послѣ этого воззванія опять начиналось качаніе и пѣніе, и *Пестрая корова* снова выступала на сцену. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда Тессъ отворила дверь и, остановившись на рогожкѣ, постланной у входа, окинула взглядомъ комнату.

Внутренность коттэджа, несмотря на оглашавшее его пѣніе, наполнила душу дѣвушки невыразимымъ унынiемъ. Послѣ веселаго праздника, бѣлыхъ платьевъ, букетовъ, оживленныхъ танцевъ на зеленой муравѣ, послѣ вспышки нѣжнаго чувства къ незнакомцу, какой переходъ къ угрюмой меланхолiи этого зрѣлища, освѣщеннаго одною свѣчкой! Кромѣ рѣзкаго контраста, она почувствовала жестокіе укоры совѣсти: она должна была бы вернуться раньше и помочь матери въ домашнихъ дѣлахъ, вмѣсто того, чтобы беззаботно веселиться внѣ дома.

Вотъ стоитъ ея мать, окруженная дѣтьми, все за тѣмъ же занятіемъ, за какимъ Тессъ оставила ее, — развѣшиваніемъ бѣлья, вымытаго еще въ понедѣльникъ и, какъ всегда, залежавшагося до конца недѣли. Изъ этого самаго корыта,—Тессъ почувствовала это съ ужаснымъ угрызеніемъ,—было вынуто наканунѣ бѣлое платье, въ которомъ она щеголяла сегодня и подолъ котораго она такъ неряшливо запачкала о росистую траву,—платье, скатанное и выглаженное руками ея матери.

Миссисъ Дорбифильдъ держалась, по обыкновенію, на одной ногѣ возлѣ корыта, а другою, какъ мы уже упоминали, качала своего маленькаго ребенка со всею энергіей, какая еще оставалась въ ней послѣ цѣлаго дня, проведеннаго за стиркой.

Стукъ-стукъ,—громыхала люлька, пламя свѣчки вытягивалось и въ быстрой пляскѣ то поднималось, то опускалось, съ локтей миссисъ Дорбифильдъ капала вода, а пѣсня стремительно приближалась къ концу послѣдней строфы, и все это время мать не сводила глазъ съ дочери. Даже и теперь, обремененная кучей дѣтей, Джоанна Дорбифильдъ была страстная любительница музыки. Какъ только какая-нибудь пѣсенка проникала изъ внѣшняго міра въ Блакмурскую долину, мать Тессъ подхватывала ее и въ одну недѣлю успѣвала затвердить мотивъ.

На чертахъ ея еще свѣтился слабый отблескъ свѣжести и даже красоты, свидѣтельствовавшій о томъ, что прелестная наружность, которой могла похвалиться Тессъ, была, главнымъ образомъ, унаслѣдована ею отъ матери, и, стало быть, не имѣла ничего общаго съ рыцарскими, историческими временами.

— Дай, я покачаю, вмѣсто тебя, колыбель, мама,—ласково сказала дочь. — Или лучше я сниму это платье и помогу тебѣ выжимать бѣлье. Я думала, что ты давно уже покончила съ нимъ.

Мать не сердилась на Тессъ за то, что она такъ надолго предоставила ея единичнымъ усиліямъ всю домашнюю работу; вообще, она рѣдко дѣлала ей подобные упреки, не особенно чувствуя надобность въ ея помощи, такъ какъ главное средство облегчать себѣ ежедневные труды заключалось для нея въ томъ, чтобы ихъ постоянно откладывать. Но сегодня она была даже въ еще болѣе благодушномъ настроеніи. Ея материнскій взоръ выражалъ какую-то мечтательность, какую-то озабоченность, восторженность, которой молодая дѣвушка не могла понять.

— Ну, я рада, что ты вернулась,— сказала мать, какъ только изъ ея устъ вылетѣлъ послѣдній звукъ пѣсни. — Во-первыхъ, я должна сходить за отцомъ, а, главное, мнѣ хочется разсказать тебѣ, что случилось. То-то ты удивишься, моя куколка, когда узнаешь!

— Случилось? Пока я была на праздникѣ?—спросила Тессъ.

— Ну, да!

— Такъ не потому ли отецъ разыгралъ изъ себя такого шута колясксѣ? Что это ему вздумалось? Я была готова провалиться сквозь землю отъ стыда.

— Это все одно къ одному. Слушай, Тессъ, оказывается, что

мы самаго знатнаго и высокаго рода во всемъ графствѣ; наши предки жили еще гораздо раньше Оливера Грёмбля, во времена поганыхъ турокъ. У насъ есть и памятники, и склепы, и гербы, и латы, и чего-чего только нѣтъ! Въ царствованіе короля Карла насъ сдѣлали рыцарями Королевскаго Дуба и настоящая наша фамилія Дорбервиль... Ну, затрепетало твое сердечко отъ такихъ вѣстей? Вотъ поэтому-то отецъ и пріѣхалъ домой въ коляскѣ, а вовсе не оттого, что онъ напился, какъ думали люди.

— Я рада это слышать. Что-жь, мама, будетъ намъ какая-нибудь польза отъ этой исторіи?

— Еще бы! Говорятъ, что намъ будетъ теперь великая перемѣна въ жизни. Разумѣется, какъ только это станетъ извѣстно, такъ къ намъ наѣдетъ въ каретахъ видимо-невидимо народу изъ такихъ же знатныхъ фамилій. Отецъ узналъ объ этомъ, когда возвращался домой изъ Стауркасля, и все по порядку пересказалъ мнѣ.

— А гдѣ же теперь отецъ?—спросила вдругъ Тессъ.

Мать, вмѣсто прямого отвѣта, отклонилась въ сторону.

— Онъ заходилъ нынче къ доктору въ Стауркаслѣ. Никакой чахотки у него нѣтъ. Докторъ говоритъ, что сердце у него обросло жиромъ. Вотъ такимъ манеромъ.

Говоря это, Джоанна Дорбифильдъ изогнула большой и указательный пальцы въ форму буквы с, а указательнымъ пальцемъ другой руки стала иллюстрировать свои слова.

— Въ настоящую минуту, говоритъ докторъ отцу, ваше сердце совсѣмъ окружено вотъ здѣсь и еще вотъ здѣсь, а это мѣсто, говоритъ, пока еще свободно. Какъ только, говоритъ, оба конца встрѣтятся, — мистрисъ Дорбифильдъ сомкнула пальцы въ полный кругъ,—вы, говоритъ, уйдете отъ насъ, какъ тѣнь, мистеръ Дорбифильдъ. Вы можете протянуть десять лѣтъ и можете умереть черезъ десять мѣсяцевъ или десять дней.

На лицѣ Тессъ изобразилась тревога. Неужели ея отецъ можетъ такъ скоро скрыться за непроницаемую мглу, несмотря на внезапно явившееся къ нимъ величіе?

— Но гдѣ же отецъ?—снова спросила она.

Мать состроила жалостную мину.

— Ну, сдѣлай милость, не гнѣвайся! Бѣдный старикъ, онъ такъ ослабъ послѣ того, какъ его взбудоражили этою новостью, что отправился съ полчаса тому назадъ къ Ролливеру. Ему надо набраться силъ къ завтрашнему путешествію съ этимъ грузомъ пчелиныхъ ульевъ, которые мы должны же доставить во-время, буд

мы знатнаго или незнатнаго рода. Ему придется встать вскорѣ послѣ полуночи, потому что, вѣдь, это не близко.

— Набраться силъ! — съ негодованіемъ воскликнула Тессъ, и изъ глазъ ея брызнули слезы.—О, Господи! Идти въ трактиръ для того, чтобы набраться силъ! А ты, мама, еще потакаешь ему!

Ея упрекъ и тонъ, которымъ она его произнесла, казалось, наполнили собой всю комнату и придали устрашенный видъ и мебели, и свѣчкѣ, и дѣтямъ, игравшимъ тутъ же, и лицу матери.

— Нѣтъ,—обиженно сказала Джоанна,—я не потакаю ему. Я все ждала тебя, чтобы ты присмотрѣла за домомъ, пока я схожу за отцомъ.

— Лучше я пойду.

— Ахъ, нѣтъ, Тессъ! Это, право, ни къ чему не поведетъ!

Тессъ не настаивала. Ей было извѣстно, что̀ значитъ нежеланіе матери пустить ее вмѣсто себя. Пальто и шляпа мистрисъ Дорбифильдъ уже были предусмотрительно разложены на стулѣ возлѣ нея, совсѣмъ готовыя для задуманной ею экскурсіи, поводъ къ которой почтенная матрона оплакивала болѣе, нежели самую необходимость ее предпринять.

— И отнеси въ сарай *Оракулъ*,— продолжала она, торопливо вытирая руки и одѣваясь.

Оракулъ представлялъ изъ себя старинную толстую книгу, лежавшую на столѣ около мистрисъ Дорбифильдъ и до того истрепавшуюся отъ ношенія въ карманѣ, что поля уже совсѣмъ подошли къ буквамъ. Тессъ взяла ее, и мать отправилась въ путь.

Эти путешествія въ трактиръ въ поискахъ за безпомощнымъ супругомъ до сихъ поръ еще оставались однимъ изъ немногихъ удовольствій мистрисъ Дорбифильдъ среди грязи и возни, неразлучныхъ съ воспитаніемъ дѣтей. Для нея было истиннымъ счастьемъ найти мужа у Ролливера и посидѣть тамъ рядомъ съ нимъ часокъ-другой, отбросивъ на это время всѣ хлопоты и попеченія о дѣтяхъ. Какое-то чудное сіяніе, словно багряный блескъ заката разливалъ тогда свой свѣтъ на ея жизнь. Заботы и всѣ другіе реальные факты принимали въ ея глазахъ метафизическую неосязаемость, спускаясь до уровня незначительныхъ мозговыхъ явленій, удобныхъ для спокойнаго созерцанія, а не стояли предъ ней, какъ неотвязчивыя конкретныя вещи, терзающія и душу, и тѣло. Малыши казались ей на разстояніи болѣе привлекательною и желанною собственностью, чѣмъ обыкновенно; мелкія событія повседневной жизни становились юмористическими и забавными, когда она припоминала ихъ у Ролливера. Она испытывала почти то же чув-

ство, какое наполняло ее въ тѣ дни, когда, сидя на этомъ самомъ мѣстѣ, возлѣ своего теперешняго мужа, въ то время еще жениха, и закрывая глаза на его нравственные недостатки, она видѣла въ немъ лишь идеальный образъ своего возлюбленнаго.

Оставшись одна съ дѣтьми, Тессъ первымъ дѣломъ отправилась въ сарай и запрятала *Оракулъ* въ солому. Странный суевѣрный ужасъ, который питала мистрисъ Дорбифильдъ къ этой замасленной книгѣ, не позволялъ ей продержать ее въ домѣ хотя бы одну только ночь, и потому, всякій разъ, какъ ей приходила охота заглянуть въ нее, она тотчасъ же послѣ того уносила ее назадъ въ сарай. Между матерью съ ея стариннымъ хламомъ быстро отживающихъ суевѣрій, народныхъ легендъ, мѣстнаго діалекта и пѣсенъ, переходившихъ изъ устъ въ уста, и дочерью, прошедшей шесть классовъ въ народной школѣ подъ руководствомъ учительницы изъ Лондона, лежала пропасть, обнимавшая не меньше двухъ столѣтій. Когда онѣ были вмѣстѣ, то вѣкъ Іакововъ и вѣкъ Викторіи сближались между собою.

Возвращаясь по садовой тропинкѣ, Тессъ раздумывала о томъ, что̀ собственно желала узнать ея мать, совѣщаясь сегодня съ *Оракуломъ*. Она догадывалась, что это имѣло отношеніе къ только что сдѣланному открытію, но не подозрѣвала, что мать загадывала ни о чемъ другомъ, какъ объ ея же судьбѣ. Однакожь, отогнавъ эти мысли, она уложила спать меньшихъ дѣтей, а сама съ помощью девятилѣтняго брата Абрагама и двѣнадцатилѣтней сестры Элизы-Луизы, которую домашніе звали «Лиза-Лу», стала прыскать бѣлье, высушенное за день. Между Тессъ и Лиза-Лу былъ промежутокъ въ четыре года (двое дѣтей, заполнявшихъ его, умерли еще въ младенчествѣ), что давало ей право, когда она оставалась одна съ братьями и сестрами, принимать на себя роль второй матери. За Абрагамомъ шли двѣ дѣвочки, Гопъ и Модести, потомъ трехлѣтній мальчуганъ и, наконецъ, крошка въ колыбели, которому только что минулъ годъ.

Всѣ эти юныя души были пассажирами на Дорбифильдскомъ кораблѣ и относительно своихъ удовольствій, своихъ нуждъ, своего здоровья и даже существованія всецѣло зависѣли отъ двухъ старшихъ Дорбифильдовъ. Если главы Дорбифильдской семьи направляли свой путь къ бѣдности, невзгодамъ, голоду, болѣзнямъ, униженіямъ, смерти,—туда же принуждены были плыть вмѣстѣ съ ними эти шестеро маленькихъ узниковъ, запрятанныхъ подъ люками, шесть безпомощныхъ существъ, которыхъ никто не спрашивалъ, хотятъ ли они жить на какихъ бы то̀ ни было услові-

яхъ, тѣмъ менѣе на такихъ суровыхъ условіяхъ, какія были связаны съ принадлежностью къ неустойчивой семьѣ Дорбифильдовъ. Любопытно было бы знать, въ силу какого авторитета поэтъ, философія котораго считается въ наши дни столь же глубокой и истинной, сколько стихъ его чистъ и воздушенъ, въ силу какого авторитета этотъ поэтъ говоритъ о «святомъ планѣ природы» *)?

Время шло, а ни отецъ, ни мать не возвращались. Тессъ выглянула за дверь и мысленно обѣжала Марлоттъ. Деревня закрывала глаза. Всюду тушили свѣчи и лампы: она видѣла въ своемъ воображеніи гасильникъ и протянутую руку.

Что мать пошла за отцомъ, это значило просто-на-просто, что надо идти теперь за двоими. Тессъ начала соображать, что человѣкъ не особенно крѣпкаго здоровья, собирающійся вскорѣ послѣ полуночи въ далекій путь, не долженъ бы сидѣть въ этотъ поздній часъ въ трактирѣ и вспрыскивать тамъ древность своего рода.

— Абрагамъ,— сказала она маленькому брату,— надѣнь-ка шляпу, ступай къ Ролливеру, ты, вѣдь, не боишься? И посмотри, тамъ ли отецъ и мать?

Мальчикъ быстро вскочилъ съ мѣста, отворилъ дверь и скрылся во мракѣ ночи. Прошло еще полчаса: ни отецъ, ни мать, ни сынъ не возвращались. Повидимому, коварный трактиръ заманилъ въ свои силки и опуталъ ими и Абрагама, точно такъ же, какъ его родителей.

— Мнѣ надо пойти самой,—сказала Тессъ.

Тогда Лиза-Лу легла спать, а Тессъ, заперевъ ихъ всѣхъ, пошла по темной, кривой улицѣ, не разсчитанной на скорое движеніе,—улицѣ, проложенной въ тѣ времена, когда люди еще не дорожили каждымъ дюймомъ земли и когда для подраздѣленія дня довольствовались часами объ одной стрѣлкѣ.

IV.

Трактиръ Ролливера, единственная пивная на этомъ концѣ длиннаго и разбросаннаго селенія, имѣла только половинный па-ентъ. Вслѣдствіе этого, такъ какъ по закону никто не могъ пить ь самомъ помѣщеніи, то всѣ явныя удобства для потребителей рого ограничивались небольшимъ столомъ, дюймовъ шесть шины и ярда два длины, прикрѣпленнымъ посредствомъ проволо-

*) Авторъ подразумѣваетъ Вордсворта и его *Lines, written in early Spring* ихи, написанные раннею весной).

ки къ садовой изгороди, и представлявшимъ изъ себя, такимъ образомъ, нѣчто вродѣ прилавка. Жаждущіе прохожіе пили, стоя на дорогѣ, и затѣмъ ставили свои кружки на этотъ столъ, подонки выливали на пыльную землю, на манеръ полинезійцевъ, и жалѣли, что не могутъ спокойно расположиться въ самомъ домѣ.

Это мы говоримъ о постороннихъ. Но были и мѣстные потребители, питавшіе такое же желаніе, а твердая воля съумѣетъ преодолѣть всякія препятствія.

Въ просторной спальнѣ верхняго этажа, окно которой было густо завѣшено большою шерстяною шалью, недавно только разжалованною въ занавѣски трактирщицей, м-съ Ролливеръ, собралось въ описываемый вечеръ около двѣнадцати человѣкъ, искавшихъ блаженства, обрѣтаемаго въ винныхъ парахъ; все это были старожилы съ ближайшаго конца Марлотта и завсегдатаи этого убѣжища. Не одна только отдаленность трактира подъ вывѣской «Чистый Хмель», таверны съ полнымъ патентомъ, находившейся на другомъ концѣ неправильно раскинувшейся деревни, дѣлала ея удобства совершенно недоступными для обитателей этой части села; гораздо болѣе важный вопросъ, крѣпость напитковъ, являлся подтвержденіемъ общему мнѣнію, что лучше пить у Ролливера, забравшись подъ самую крышу, чѣмъ у другого трактирщика въ его обширномъ домѣ.

Громоздкая кровать подъ балдахиномъ, стоявшая въ этой комнатѣ, служила сидѣньемъ для нѣсколькихъ лицъ, занявшихъ три ея стороны, двое посѣтителей взлѣзли на коммодъ, одинъ сидѣлъ на дубовомъ сундукѣ, двое на умывальномъ столѣ, еще одинъ на табуретѣ и, такимъ образомъ, всѣ нашли возможность размѣститься довольно удобно. Къ этому времени они успѣли достигнуть той степени внутренняго удовлетворенія, когда душа растворяется и, распространяясь за предѣлы тѣла, наполняетъ окружающую обстановку теплымъ дыханіемъ своей личности. Среди этого процесса комната со стоявшею въ ней мебелью становилась въ ихъ глазахъ все величественнѣе и роскошнѣе; шаль, висѣвшая на окнѣ, принимала видъ богатыхъ обоевъ; мѣдныя ручки коммода дѣлались похожими на золоченые дверные молотки, а рѣзные столбы у кровати представляли въ ихъ воображеніи нѣкоторое сродство съ великолѣпными колоннами Соломонова храма.

Разставшись съ Тессъ, мистрисъ Дорбифильдъ поспѣшно направилась сюда, отворила переднюю дверь, прошла нижнюю комнату, въ которой царилъ густой мракъ, и затѣмъ руками, очевидно, хорошо знакомыми съ секретами здѣшнихъ задвижекъ, отперла дверь на-

верхъ. По кривой лѣстницѣ ей ужь поневолѣ пришлось идти медленнѣе, и когда лицо ея выплыло изъ темноты надъ послѣднею ступенькой, то вся компанія, засѣдавшая въ спальнѣ, устремила на нее испуганные взоры.

— Это близкіе друзья, которыхъ я пригласила сюда, чтобъ угостить ихъ на собственный счетъ,—скороговоркой, какъ школьникъ, отвѣчающій урокъ, произнесла, заслышавъ шаги, м-съ Ролливеръ и осторожно выглянула на лѣстницу.

— Ахъ, это вы, мистрисъ Дорбифильдъ?... Господи, какъ вы меня напугали! Я думала, что это какой-нибудь фискалъ, подосланный правительствомъ.

Остальные члены конклава привѣтствовали м-съ Дорбифильдъ взглядами и кивками, а она двинулась къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ ея супругъ; онъ, ничего не замѣчая, распѣвалъ въ полголоса: «Я не хуже многихъ знатныхъ джентльменовъ. У меня большой фамильный склепъ въ Кингсбирѣ. Ни у кого во всемъ Уэссексѣ нѣтъ такихъ славныхъ предковъ, какъ у меня!»

— Мнѣ надо сказать тебѣ кое-что. Мнѣ пришелъ въ голову чудесный планъ,—шепнула ему на ухо жена, лицо которой такъ и сіяло радостью.—Да ну же, Джонъ, развѣ ты меня не видишь?—она растолкала его, а онъ, безсмысленно глядя на нее, продолжалъ свой речитативъ.

— Тссъ! Не пойте такъ громко, добрый сосѣдъ,—сказала трактирщица.—Что, если пройдетъ какой-нибудь правительственный чиновникъ? Вѣдь, онъ отниметъ тогда у меня патентъ!

— Онъ, конечно, сообщилъ вамъ нашу новость?—спросила м-съ Дорбифильдъ.

— Да, онъ далъ понять, въ чемъ дѣло. А какъ вы думаете вѣдь, это деньгами пахнетъ?

— О, въ этомъ-то вся штука!—тонко отвѣтила Джоанна Дорбифильдъ.—Во всякомъ случаѣ, не дурно быть сродни каретѣ, если даже и не приходится въ ней ѣздить.

Она понизила голосъ и, обратившись къ мужу, продолжала полушепотомъ:

— Я вспомнила, что въ Трантриджѣ, на краю Большой Охо живетъ знатная и богатая лэди, по фамиліи д'Орбервиль.

— А, что такое?—сказалъ сэръ Джонъ.

Она повторила свои слова.

— Эта лэди, навѣрное, намъ родственница,—прибавила она.— ч придумала послать къ ней Тессъ, чтобы заявить о нашемъ ствѣ.

— Да, это правда, что есть лэди съ такою фамиліей, теперь и я припоминаю, что есть,— сказалъ Дорбифильдъ. — Пасторъ Трингхэмъ упустилъ это изъ вида. Но она мелкота въ сравненіи съ нами; должно быть, какая-нибудь младшая вѣтвь нашей фамиліи, явившаяся гораздо позже временъ короля Нормана.

Пока обсуждался этотъ вопросъ, ни мужъ, ни жена не замѣтили, что въ комнату прокрался маленькій Абрагамъ и сталъ тихонько выжидать случая позвать родителей домой.

— Она богата и, конечно, приметъ дѣвочку подъ свое покровительство,— продолжала м-съ Дорбифильдъ,—и славное выйдетъ изъ этого дѣло. Я не вижу причины, почему бы двумъ вѣтвямъ одной фамиліи не познакомиться домами.

— Да, да, мы всѣ съ ней познакомимся!— весело прокричалъ Абрагамъ изъ-подъ кровати.—Мы всѣ отправимся къ ней въ гости, когда Тессъ будетъ жить у нея, и будемъ кататься въ ея каретѣ и носить черныя платья!

— Какъ ты попалъ сюда, мальчикъ? И что за вздоръ ты городишь? Ступай отсюда, поиграй пока на лѣстницѣ, мы сейчасъ придемъ за тобой!... Да, конечно, Тессъ должна пойти къ нашей родственницѣ. Она навѣрное понравится этой лэди... Тессъ, да не понравится! И очень возможно, что тогда на ней женится какой-нибудь знатный джентльменъ. Да я ужь это знаю!

— Какъ знаешь?

— Я гадала на нее въ *Оракулѣ*, и вышло какъ разъ то, что я говорю... Посмотрѣлъ бы ты, какая она была хорошенькая нынче,— у нея кожа такая же нѣжная и гладкая, какъ у любой герцогини.

— А что-жь, согласна дѣвочка идти?

— Я еще ее не спрашивала. Она пока ничего не знаетъ объ этой лэди. Но, конечно, это поможетъ ей сдѣлать блестящую партію; она, разумѣется, не откажется пойти.

— Тессъ какая-то странная.

— Но, въ сущности, она покладиста. Предоставь ее мнѣ.

Хотя разговоръ велся полушепотомъ, но окружающіе уловили главный его смыслъ и пришли къ выводу, что Дорбифил дамъ приходится теперь взвѣшивать болѣе важныя дѣла, чѣмъ пр стымъ смертнымъ, и что Тессъ, ихъ старшей красавицѣ-дочкѣ, о крывается завидное будущее.

— Тессъ—славная штучка; я именно это говорилъ себѣ нын че, когда она шла вокругъ прихода съ другими дѣвушками, — з мѣтилъ въ полголоса одинъ изъ пожилыхъ собутыльниковъ. — Н

Джоаннѣ Дорбифильдъ надо хорошенько смотрѣть, какъ бы къ ней въ муку не попалъ зеленый солодъ.

Это была мѣстная фраза, имѣвшая особенное значеніе, и на нее отвѣта не послѣдовало.

Разговоръ сдѣлался общимъ, но вдругъ въ нижней комнатѣ послышались шаги.

— Это близкіе друзья, которыхъ я пригласила сюда, чтобы угостить ихъ на собственный счетъ.

Хозяйка быстро проговорила формулу, всегда бывшую у нея подъ рукой для непрошенныхъ гостей, не узнавъ сразу Тессъ.

Даже на взглядъ ея матери, нѣжныя черты молодой дѣвушки показались совсѣмъ не у мѣста среди паровъ алкоголя, носившихся по комнатѣ, хотя для морщинистыхъ лицъ пожилыхъ людей такая обстановка и не была, пожалуй, неподходящей; едва ли нуженъ былъ укоръ, сверкнувшій въ темныхъ глазахъ Тессъ, чтобы заставить ея отца и мать подняться съ мѣста, торопливо допить свой эль и сойти съ лѣстницы вслѣдъ за дочерью, между тѣмъ какъ имъ въ догонку мистрисъ Ролливеръ посылала свое предостереженіе:

— Только, пожалуйста, не шумите, друзья мои, сдѣлайте милость, а то меня оставятъ безъ патента и вызовутъ въ судъ и Богъ знаетъ, что еще тогда будетъ со мной. Покойной вамъ ночи!

Они отправились всѣ вмѣстѣ. Тессъ поддерживала отца подъ одну руку, мистрисъ Дорбифильдъ — подъ другую. Собственно говоря, онъ выпилъ очень немного, врядъ ли даже четвертую долю того количества, послѣ котораго завзятый пьяница можетъ явиться въ воскресное утро въ церковь и безъ малѣйшей зацѣпки становиться на колѣни и обращаться лицомъ къ востоку. Но слабое сложеніе сэра Джона превращало въ горы его маленькіе грѣшки по этой части. Очутившись на свѣжемъ воздухѣ, онъ такъ зашатался, что сталъ толкать своихъ спутницъ то въ одну, то въ другую сторону,— можно было подумать, что они маршируютъ то по направленію къ Лондону, то по направленію къ Бату — и это производило комическій эффектъ, но, какъ и большинство комическихъ эффектовъ, было, въ сущности, не такъ ужь комично. Обѣ женщины мужественно старались скрыть эти непроизвольныя диверсіи и контръ-ирши и отъ Дорбифильда, который былъ ихъ причиной, и отъ брагама, и отъ самихъ себя. Мало-по-малу они добрались, наконецъ, до своей двери, и тутъ глава семьи внезапно затянулъ прежнюю пѣсню, какъ будто желая подкрѣпить свой духъ при видѣ сныхъ размѣровъ своей резиденціи.

— У меня фам-мильный склепъ въ Кингсбирѣ!

— Шш!... Не будь же такъ глупъ, Джэки, — сказала Джоанна.—Ты думаешь, что только одни твои предки и славились въ былые дни. А Анктелли, Хорсеи, а сами Трингхэмы? Они почти такъ же захудали, какъ и ты, хотя, конечно, твой родъ былъ поважнѣе, противъ этого ничего нельзя сказать. Слава Богу, я ни къ какой знатной фамиліи не принадлежу,—мнѣ, по крайней мѣрѣ, стыдиться нечего.

— Погоди радоваться. Мнѣ такъ сдается, что твоя семья еще больше обнищала, чѣмъ наша; вы, можетъ быть, прямо-таки были королями да королевами въ давнишнія времена.

Тессъ дала другой оборотъ разговору, напомнивъ о томъ, что̀ гораздо больше занимало ее въ данную минуту, чѣмъ всякія мысли о предкахъ.

— Я боюсь, что отецъ будетъ не въ силахъ отправиться на базаръ такъ рано.

— Я-то? Я буду совсѣмъ молодцомъ чрезъ часокъ или два,— сказалъ Дорбифильдъ.

Семья Дорбифильдовъ улеглась спать только въ одиннадцать часовъ, а пуститься въ путь съ ульями, чтобы успѣть сдать ихъ барышникамъ въ Кастербриджѣ до начала субботняго базара, надо было никакъ не позже двухъ часовъ по полуночи, такъ какъ до города было двадцать слишкомъ миль разстоянія, ѣхать приходилось по плохимъ дорогамъ, а лошадь была изъ самыхъ небойкихъ. Въ половинѣ второго мистрисъ Дорбифильдъ вошла въ большую комнату, гдѣ спала Тессъ со всѣми сестрами и братьями.

— Бѣдняга не можетъ ѣхать, — сказала она старшей дочери, большіе глаза которой открылись, какъ только мать взялась за ручку двери.

Тессъ приподнялась на кровати, блуждая мыслями въ смутномъ промежуткѣ между какимъ-то сновидѣніемъ и только что долетѣвшими до слуха ея словами.

— Но кто-нибудь долженъ же ѣхать,— отвѣчала она.—Мы и такъ уже запоздали съ ульями. Пчелы скоро перестанутъ роиться; если мы отложимъ ульи до слѣдующаго базарнаго дня, на нихъ уже не будетъ спросу, и они останутся у насъ на рукахъ.

Эта неожиданная перспектива совсѣмъ сбила съ толку мистрисъ Дорбифильдъ.

— Можетъ быть, кто-нибудь изъ молодыхъ людей поѣдетъ? Изъ тѣхъ, что вчера наперебой танцовали съ тобой?—сказала она вдругъ.

— Ахъ, нѣтъ, ни за что на свѣтѣ!—гордо объявила Тессъ.—

Чтобы всѣ узнали причину?... Узнали то, чего намъ надо стыдиться? Лучше ужь *я* пѣду, если ты пустишь со мной Абрагама.

Мать согласилась, наконецъ, устроить дѣло такимъ образомъ. Маленькаго Абрагама, спавшаго крѣпкимъ сномъ, въ уголкѣ той же комнаты, разбудили и заставили одѣваться, между тѣмъ какъ мысли его еще витали въ другомъ мірѣ. Тѣмъ временемъ и Тессъ наскоро одѣлась и братъ съ сестрой пошли съ зажженнымъ фонаремъ въ конюшню. Маленькая, расшатанная фура была уже нагружена, и дѣвушка вывела изъ конюшни Принца, старую лошадь, лишь немногимъ уступавшую въ ветхости повозкѣ.

Бѣдное животное съ недоумѣніемъ озиралось во мракѣ, оглядывая фонарь и фигуры Тессъ и Абрагама; оно какъ будто не хотѣло вѣрить, что въ этотъ часъ, когда всякое живое существо имѣетъ право искать себѣ пріюта и покоя, его хотятъ гнать на работу. Братъ и сестра, взявъ съ собой запасъ свѣчныхъ огарковъ, привѣсили фонарь на правую сторону повозки и тронулись впередъ. Пока приходилось взбираться на гору, они шли рядомъ съ Принцемъ, не желая обременять его свыше мѣры. Чтобъ разогнать сонъ, они при помощи фонаря, хлѣба съ масломъ и разговора устроили себѣ искусственное утро, такъ какъ до настоящаго было еще далеко. Абрагамъ, двигавшійся сначала точно въ столбнякѣ, началъ мало-по-малу опоминаться и заговорилъ о странныхъ формахъ, которыя принимали на фонѣ неба различные предметы, о томъ, какъ это дерево похоже на разъяреннаго тигра, выбѣгающаго изъ своего логовища, а вонъ то на голову великана.

Миновавъ маленькую равнину Стауркасля, тихо дремавшую подъ толстыми соломенными кровлями, они очутились въ болѣе возвышенной мѣстности. Еще выше, влѣво отъ нихъ, поднималась къ самымъ небесамъ опоясанная глинистыми окопами гора Бульбарро, чуть ли не самая высокая во всемъ южномъ Уэссексѣ. Тутъ длинная лента дороги отлого спускалась внизъ и затѣмъ шла ровно на далекое разстояніе. Они сѣли на передокъ фуры, и Абрагамъ задумался.

— Тессъ!—началъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Что тебѣ, Аби?

- Ты рада, что мы теперь знатные люди?

- Нѣтъ, не очень.

- Но, вѣдь, ты рада, что выйдешь замужъ за знатнаго гос-

п ча?

- Что такое?—сказала Тессъ, обернувшись къ нему.

Что наша знатная родственница выдастъ тебя за джентль-

м

— Меня? Наша знатная родственница? У насъ нѣтъ никакой такой родственницы. Съ чего ты это взялъ?

— Я слышалъ, какъ объ этомъ толковали у Ролливера, когда я ходилъ туда за отцомъ. Въ Трантриджѣ живетъ богатая лэди, она намъ сродни, и мама сказала, что если ты пойдешь къ этой лэди заявить о нашемъ родствѣ, то она поможетъ тебѣ выйти замужъ за знатнаго господина.

Сестра вдругъ смолкла и впала въ глубокое раздумье. Абрагамъ продолжалъ болтать скорѣе изъ удовольствія работать языкомъ, чѣмъ для того, чтобъ его слушали другіе, такъ что разсѣянный видъ сестры нисколько не смущалъ его. Онъ прислонился къ ульямъ и, поднявъ личико вверхъ, началъ разсуждать о звѣздахъ, безстрастно трепетавшихъ въ черныхъ безднахъ ночного неба и равнодушно взиравшихъ изъ своей дали на эти два атома человѣческаго существованія. Онъ спросилъ, какъ далеко отъ земли до этихъ мерцающихъ огоньковъ и не обитаетъ ли самъ Господь по ту ихъ сторону. Но дѣтская болтовня его поминутно возвращалась къ тому предмету, который сильнѣе дѣйствовалъ на его воображеніе, чѣмъ даже чудеса міросозданія. Если Тессъ выйдетъ замужъ за знатнаго господина и разбогатѣетъ, хватитъ ли у нея денегъ на то, чтобы купить такую большую зрительную трубку, чтобъ въ нее звѣзды были видны такъ же отчетливо, какъ Неттлькомбъ-Таутъ?

Возвращеніе брата къ этой темѣ, повидимому, неотразимо завладѣвшей всею семьей, вызвало досаду въ Тессъ.

— Полно болтать объ этомъ!—воскликнула она.

— Ты, вѣдь, сказала, Тессъ, что звѣзды—это міры?

— Да.

— Такіе же міры, какъ и нашъ?

— Не знаю, но мнѣ думается, что такіе. Иной разъ мнѣ кажется, что онѣ похожи на яблоки на нашей толстой яблонѣ. Много между ними крѣпкихъ и румяныхъ, но есть и червивыя.

— А мы на какой звѣздѣ живемъ, на румяной или на гнилой?

— На гнилой, Аби.

— Вѣдь, это жалко, что мы не выбрали крѣпкую, когда ихъ гораздо больше, чѣмъ гнилыхъ.

— Да, жалко.

— Это правда, Тессъ?—сказалъ послѣ минутнаго размышленія Абрагамъ, глубоко заинтересованный этимъ удивительнымъ открытіемъ.

— А что же было бы съ нами, еслибъ мы выбрали себѣ крѣпкую?

— Что съ нами было бы? Отецъ тогда не кашлялъ бы и не горбился бы такъ, не напился бы пьянъ вчера и могъ бы самъ отправиться нынѣче въ городъ; мама не стояла бы вѣчно надъ корытомъ, никогда не видя конца стиркѣ.

— А ты была бы сама по себѣ богатая лэди, такъ что тебѣ не надо было бы выходить за знатнаго господина, чтобы разбогатѣть?

— О, Аби, перестань... перестань говорить объ этомъ!

Предоставленный своимъ собственнымъ мыслямъ, Абрагамъ скоро началъ дремать. Тессъ не очень-то хорошо правила, но подумала, что можетъ на нѣкоторое время взять грузъ на свою полную отвѣтственность и дать брату поспать. Она устроила ему гнѣздышко возлѣ ульевъ, и, взявъ въ руки веревочныя вожжи, поѣхала прежнимъ тихимъ шагомъ.

Принцъ не требовалъ особенно напряженнаго вниманія со стороны своего возницы, такъ какъ у него не хватало энергіи на какія бы то ни было непредвидѣнныя движенія. Не развлекаемая теперь своимъ спутникомъ, Тессъ прислонилась къ ульямъ и погрузилась въ еще болѣе глубокую задумчивость. Безмолвная вереница деревьевъ и заборовъ, тянувшаяся мимо нея, начала превращаться въ фантастическія сцены, не имѣвшія ничего общаго съ дѣйствительностью, а случайный порывъ вѣтра звучалъ въ ея ушахъ, какъ вздохъ какой-то необъятной тоскующей души, сопредѣльной въ пространствѣ со вселенною, а во времени съ исторіей.

Потомъ, разсматривая цѣпь событій въ своей собственной жизни, она начала постигать всю тщету той гордости, какою исполнилось теперь сердце ея отца; знатный женихъ, рисовавшійся въ фантазіи ея матери, предсталъ передъ Тессъ въ видѣ какого-то кривляющагося человѣка, издѣвающагося надъ ея бѣдностью и надъ окутанными въ саваны ея знаменитыми предками. Все сдѣлалось какъ-то странно и причудливо, и она потеряла счетъ времени. Внезапный толчокъ сдвинулъ ее съ мѣста, и Тессъ, заснувшая, какъ и Абрагамъ, разомъ пробудилась отъ сна.

Они были гораздо дальше, чѣмъ тогда, когда она впала въ дрему, и фура остановилась. Глухой стонъ, какого она никогда въ жизни не слыхала, раздался впереди, и за нимъ послѣдовалъ громкій крикъ:

— Гей, кто тамъ?

Фонарь, привѣшенный къ фурѣ, погасъ, но другой, гораздо болѣе яркій, свѣтилъ Тессъ прямо въ лицо. Случилось что-то ужасное. Сбруя запуталась о какой-то предметъ, загораживший дорогу.

Испуганная Тессъ соскочила на землю, и ей открылась страшная истина. Стонъ исходилъ отъ бѣднаго Принца. Утренній почтовый фургонъ, летѣвшій, по обыкновенію, какъ стрѣла, по этимъ пустыннымъ дорогамъ на парѣ своихъ безшумныхъ колесъ, наѣхалъ на ея медленно двигавшуюся и не освѣщенную повозку. Острая оглобля фургона воткнулась, какъ мечъ, въ грудь несчастнаго Принца, кровь котораго лилась теперь ручьями на дорогу.

Тессъ, не зная, въ своемъ отчаяніи, что ей дѣлать, подбѣжала и прикрыла рану рукою, но единственнымъ результатомъ этого было то, что багровыя капли забрызгали ее всю, начиная съ лица и кончая подоломъ. Затѣмъ она остановилась, безпомощно смотря на Принца. Онъ тоже, пока могъ, стоялъ на ногахъ твердо и неподвижно, но вдругъ покачнулся и упалъ, какъ безжизненная масса.

Въ это время подошелъ почтальонъ и началъ тащить и разнуздывать теплое тѣло Принца. Но онъ былъ уже мертвъ, и, видя, что пока тутъ нечего дѣлать, почтальонъ вернулся къ своей лошади, которая не пострадала.

— Вы держались не своей стороны,—сказалъ онъ.—Мнѣ надо ѣхать дальше съ почтой, такъ что вамъ всего лучше подождать здѣсь съ вашимъ грузомъ. Какъ только я пріѣду въ городъ, то сейчасъ же пришлю вамъ кого-нибудь на помощь. Скоро разсвѣтетъ, вамъ нечего бояться.

Онъ сѣлъ на козлы и быстро поѣхалъ своею дорогой. Тессъ осталась ждать. Ночная мгла постепенно разсѣялась, птицы на заборахъ встрепенулись, вспорхнули и зачирикали; явственно обозначились бѣлыя очертанія дороги и казавшіяся еще бѣлѣе черты молодой дѣвушки. Огромная лужа крови передъ нею уже начала густѣть и отливать всѣми цвѣтами радуги и, когда взошло солнце, она отразила милліонъ призматическихъ оттѣнковъ. Принцъ лежалъ возлѣ, неподвижный, оцѣпенѣлый, съ полуоткрытыми глазами; трудно было бы повѣрить при видѣ маленькой раны въ его груди, что чрезъ такое узкое отверстіе могло вылиться на землю все, что давало жизнь бѣдному созданію.

— Это все я надѣлала, я одна!—восклицала обезумѣвшая отъ горя Тессъ, не отрывая взоровъ отъ этого зрѣлища. — Нѣтъ мнѣ оправданія... нѣтъ никакого. Чѣмъ будутъ теперь жить отецъ и мать? Аби, Аби!—Она стала трясти ребенка, спавшаго крѣпкимъ сномъ въ теченіе всего этого злополучнаго происшествія.—Мы не можемъ везти ульи на базаръ... Принцъ убитъ!

Когда Абрагамъ все понялъ, на его дѣтскомъ личикѣ появились такія морщины, какъ будто онъ уже прожилъ полвѣка.

— И не дальше, какъ вчера, я смѣялась и танцовала! — продолжала обвинять себя молодая дѣвушка. — Подумать только, что я могла быть такъ безразсудна!

— Это оттого, что мы живемъ на гнилой звѣздѣ, а не на крѣпкой? Правда, Тессъ?—пролепеталъ сквозь слезы Абрагамъ.

Словно застывшіе въ неизвѣстности, они простояли, какъ имъ показалось, цѣлую вѣчность въ мучительномъ ожиданіи. Но вотъ раздался какой-то звукъ, какой-то предметъ приближался къ нимъ,—это доказывало, что почтальонъ сдержалъ свое слово. Онъ послалъ къ нимъ фермерскаго работника изъ окрестностей Стауркасля на сытой лошади, которую и впрягли въ фуру съ пчелиными ульями на мѣсто бѣднаго Принца, и грузъ тронулся въ Кастербриджъ.

Вечеромъ того же дня пустая фура снова подъѣхала къ роковому мѣсту. Принцъ съ самаго утра лежалъ въ сосѣдней канавѣ, но посреди дороги еще виднѣлись запекшіеся потоки крови, раздробленные и испещренные слѣдами проѣзжавшихъ телѣгъ. Останки Принца были подняты на ту самую фуру, которую онъ прежде возилъ, и, свѣсивъ копыта, блестѣвшія своими подковами въ лучахъ заходящаго солнца, онъ проѣхалъ на ней двѣнадцать миль, отдѣлявшія его отъ Марлотта.

Тессъ вернулась домой раньше. Какъ она сообщитъ родителямъ печальную вѣсть, объ этомъ она не въ силахъ была и подумать. Она почувствовала нѣкоторое облегченіе, увидавъ по лицамъ родителей, что они уже знаютъ о своей потерѣ, но это не уменьшило упрековъ, которыми она продолжала осыпать себя за то, что не поборола одолѣвшаго ее сна.

Благодаря безпечности Дорбифильдовъ, постигшее ихъ несчастіе должно было, однако, представляться имъ не столь ужаснымъ, какимъ оно показалось бы рачительной семьѣ, хотя въ данномъ случаѣ эта потеря была равносильна разоренію, а въ другомъ означала бы лишь нѣкоторое неудобство. Лица отца и матери Тессъ не выражали ни малѣйшаго признака той неистовой ярости, съ какой обрушились бы на свою дочь родители, болѣе озабоченные ея ...агосостояніемъ. Ни отъ кого Тессъ не пришлось услыхать такихъ ...стокихъ обвиненій, какими она сама карала себя.

Когда сдѣлалось извѣстно, что, вслѣдствіе преклоннаго возрас... Принца, живодеръ и кожевникъ согласны дать за его трупъ всего ...шь нѣсколько шиллинговъ, Дорбифильдъ оказался на высотѣ по...женія.

— Нѣтъ,—твердо сказалъ онъ,—я не продамъ его стараго

тѣла. Когда мы, д'Орбервили, были рыцарями въ этой странѣ, мы не продавали своихъ боевыхъ коней на пищу собакамъ. Не надо мнѣ ихъ шиллинговъ! Принцъ вѣрно служилъ мнѣ при жизни, такъ я не разстанусь съ нимъ и теперь.

На слѣдующій день онъ такъ усердно принялся копать въ саду могилу для Принца, какъ не работалъ цѣлые мѣсяцы для обезпеченія урожаемъ своей семьи. Когда яма была вырыта, Дорбифильдъ съ женой обвязали лошадь веревкой и потащили ее по садовой дорожкѣ; за ними слѣдомъ шли всѣ дѣти; Абрагамъ и Лиза-Лу рыдали, Гопъ и Модести изливали свое горе въ оглушительныхъ взвизгиваньяхъ, и, когда Принца свалили въ могилу, всѣ они столпились вокругъ. Кормилецъ покинулъ ихъ; какъ же имъ быть безъ него?

— Онъ теперь на небѣ?—спросилъ Абрагамъ, когда рыданія его смолкли на время.

Затѣмъ Дорбифильдъ сталъ засыпать могилу землей, и дѣти опять подняли плачъ. Только одна Тессъ не плакала. Глаза ея были сухи, лицо блѣдно, точно она видѣла въ себѣ убійцу.

V.

Разнощичій промыселъ, находившійся въ прямой зависимости отъ Принца, съ его смертью тотчасъ же рушился. Вдали грозно вставали призраки нужды, быть можетъ, даже обнищанія. Дорбифильдъ былъ ненадежный работникъ. По временамъ у него являлась ретивость, но никогда нельзя было быть увѣреннымъ, что эти времена совпадутъ съ тѣми часами, когда требуется энергичная работа, а если они и совпадали, то, не имѣя привычки къ правильному труду поденщика, онъ не выказывалъ особенной выдержки.

Между тѣмъ, Тессъ подъ гнетомъ сознанія, что она втянула своихъ домашнихъ въ эту трясину, недоумѣвала, что бы ей сдѣлать, чтобы помочь имъ изъ нея выбраться, и тогда мать повѣдала ей свой планъ.

— Намъ надо воспользоваться тѣмъ, что судьба даетъ намъ въ руки, Тессъ,—сказала она.—Мы узнали о нашемъ знатномъ происхожденіи какъ разъ въ самую нужную минуту. Ты должна искать себѣ поддержки у друзей. Слушай, что я скажу тебѣ: на углу Большой Охоты живетъ очень богатая лэди, по фамиліи м-съ д'Орбервиль; она, навѣрное, приходится намъ сродни. Ты должна пойти къ ней, заявить о своемъ родствѣ и попросить ее помочь намъ въ нашемъ горѣ.

— Мнѣ бы этого не хотѣлось,—отвѣчала Тессъ.—Если есть такая лэди, то съ насъ было бы достаточно ея ласки. Зачѣмъ разсчитывать на ея помощь?

— Ты съумѣешь такъ обойти ее, моя душка, что она будетъ готова все на свѣтѣ сдѣлать для тебя. Впрочемъ, ты и не догадываешься, что еще можетъ выйти изъ этого. Я знаю, что знаю.

Удручающая мысль, что она главная виновница несчастья, побудила Тессъ отнестись на этотъ разъ съ бо̀льшимъ противъ обыкновенія почтеніемъ къ желанію, высказанному матерью, но она не могла понять, почему мать такъ радуется предпріятію, успѣхъ котораго ей самой представлялся столь сомнительнымъ. Можетъ быть, мать навела справки и узнала, что эта м-съ д'Орбервиль безпримѣрно добродѣтельная и сострадательная лэди. Но роль бѣдной родственницы страшно возмущала гордость молодой дѣвушки.

— Я лучше постараюсь найти себѣ работу,—прошептала она.

— Дорбифильдъ, рѣши самъ это дѣло,—сказала жена, обращаясь къ мужу, сидѣвшему въ уголкѣ комнаты.—Если ты скажешь ей, что она должна идти, она, конечно, пойдетъ.

— Мнѣ вовсе не по вкусу, чтобъ мои дѣти одолжались незнакомою родней,—пробормоталъ онъ.—Я глава самой благородной отрасли нашей фамиліи, я долженъ соблюдать свое достоинство.

Причины, которыя выставлялъ отецъ въ пользу того, чтобы дочь не ходила въ Трантриджъ, были для Тессъ еще непріятнѣе, чѣмъ то освѣщеніе, въ какомъ это путешествіе рисовалось ей самой.

— Ну, что-жь, мама,—уныло сказала она,—такъ какъ я убила Принца, то мнѣ, конечно, надо что-нибудь сдѣлать. Я ужь рѣшусь пойти къ этой лэди, только не требуй, чтобъ я просила у нея помощи. И не воображай, пожалуйста, что она найдетъ мнѣ жениха,—это ужь совсѣмъ глупо.

— Очень хорошо сказано, Тессъ!—наставительно замѣтилъ отецъ.

— Кто тебѣ сказалъ, что я это воображаю?—спросила Джоанна.

— Мнѣ сдается, что у тебя это на умѣ, мама. Но я пойду.

На слѣдующее утро Тессъ встала спозаранку и отправилась въ горный городокъ Шастонъ; тамъ она воспользовалась ваномъ *), ходившимъ два раза въ недѣлю отъ Шастона къ Чесборо по близости отъ Трантриджскаго прихода, гдѣ находилась резиденція неизвѣстной, таинственной м-съ д'Орбервиль.

---

*) Ванъ—нѣчто вродѣ провинціальнаго омнибуса въ Англіи.

Путь Тессъ Дорбифильдъ въ это достопамятное утро лежалъ чрезъ сѣверо-восточные изгибы долины, въ которой она родилась и гдѣ разцвѣтала ея жизнь. Блакмурская долина составляла весь ея міръ, ея жители были для нея весь родъ людской. Въ недоумѣвающіе дни дѣтства она съ околицъ и изгородей Марлотта окидывала взоромъ все протяженіе Блакмура, и то, что̀ тогда было полно для нея таинственности, оставалось и теперь почти неразгаданнымъ. Каждый день она видѣла изъ окна своей комнатки башни, селенія, смутныя очертанія бѣлыхъ замковъ и надъ всѣмъ этимъ величаво высился раскинувшійся на холмахъ городъ Шастонъ; его окна сверкали словно лампады въ сіяніи вечернихъ лучей. Она врядъ ли когда бывала въ самомъ городѣ, даже въ Блакмурской долинѣ и ея окрестностяхъ ей былъ близко знакомъ только маленькій уголокъ. Еще рѣже приходилось ей проникать за дальніе предѣлы долины. Каждый контуръ окружающихъ холмовъ былъ ей такъ же хорошо извѣстенъ, какъ лица ея родныхъ; но всѣ свои свѣдѣнія, независимыя отъ собственнаго опыта, она почерпнула въ сельской школѣ, которую оставила за годъ или за два до описываемой эпохи и гдѣ числилась одной изъ первыхъ ученицъ.

Въ эту раннюю пору своей жизни она была очень любима своими сверстницами и обыкновенно возвращалась домой изъ школы, тѣсно обнявшись съ двумя изъ своихъ подругъ и почти однолѣтокъ. Тессъ шла посерединѣ въ розовомъ ситцевомъ передникѣ замысловатаго рисунка поверхъ шерстянаго платьица, потерявшаго первоначальный цвѣтъ за свое незапамятное существованіе; толстые чулки, обтягивавшіе ея длинныя, тонкія ножки, обнаруживали на колѣняхъ цѣлую лѣстницу маленькихъ дырокъ—результатъ усерднаго разыскиванія на валу и по дорогѣ растительныхъ и минеральныхъ сокровищъ; волосы Тессъ, въ то время пепельнаго цвѣта, вились непокорными кудрями; руки двухъ дѣвочекъ, шедшихъ по ея бокамъ, покоились на ея таліи, ея же лежали на плечахъ обнимавшихъ ее подругъ.

Когда Тессъ сдѣлалась постарше и начала вникать въ положеніе домашнихъ дѣлъ, она прониклась мальтузіанскимъ негодованіемъ на свою мать, такъ опрометчиво одарявшую ее сестрицами и братцами, между тѣмъ какъ ростить и тѣхъ, которые уже были на свѣтѣ, стоило такого большого труда. По уму мать ея походила на счастливаго младенца. Джоанна Дорбифильдъ была, въ сущности, лишь сверхкомплектнымъ и даже не самымъ старшимъ ребенкомъ среди своихъ собственныхъ девятерыхъ дѣтей, когда всѣ они были живы.

Тѣмъ не менѣе, Тессъ съ любовью заботилась о малюткахъ, и вскорѣ по окончаніи ученія въ школѣ, желая по возможности облегчить ихъ судьбу, она стала ходить на сосѣднія фермы и подсоблять тамъ косить сѣно и жать хлѣбъ; еще охотнѣе нанималась она доить коровъ и сбивать масло; этому она научилась, когда отецъ ея самъ держалъ коровъ, а такъ какъ руки у нея были золотыя, то она достигла совершенства въ этихъ занятіяхъ.

Семейныя тяготы съ каждымъ днемъ все больше и больше обрушивались на ея юныя плечи, а потому и отецъ, и мать считали вполнѣ натуральнымъ, что именно Тессъ должна быть представительницей Дорбифильдовъ въ замкѣ д'Орбервиль. Надо согласиться, что въ этомъ случаѣ Дорбифильды собирались показать себя съ самой лучшей своей стороны.

Тессъ сошла съ вана въ Трантриджъ-Кроссѣ и пѣшкомъ поднялась на холмъ, примыкавшій къ мѣстности, извѣстной подъ именемъ Большой Охоты, на границахъ которой, какъ ей сказали, должно было находиться имѣнье м-съ д'Орбервиль—«Откосы». Это была не усадьба въ обычномъ смыслѣ слова, съ полями, пастбищами и арендаторомъ-брюзгою, у котораго владѣльцу приходится вытягивать доходы по грошамъ. Это было нѣчто большее, несравненно большее—это была вилла, при постройкѣ которой имѣлись въ виду исключительно сибаритскія цѣли; къ ней прилегало ровно столько акровъ докучливой земли, сколько было нужно для удовлетворенія хозяйственныхъ потребностей, а маленькая игрушечная ферма оставалась въ рукахъ владѣльца и завѣдывалъ ею управляющій.

Прежде всего показалась сторожка, горѣвшая на солнцѣ своими красными кирпичами и увитая до самой крыши барвинками. Тессъ подумала сначала, что это и есть господскій домъ, но когда она не безъ трепета отворила боковую калитку и дошла до того мѣста, гдѣ проспектъ дѣлалъ поворотъ, то настоящій домъ разомъ предсталъ передъ нею. Онъ былъ самой новѣйшей архитектуры и густокраснаго цвѣта, какъ и сторожка. За яркимъ кирпичнымъ угломъ замка, поднимавшагося подобно красной геранн на фонѣ кружавшихъ его мягкихъ красокъ, тянулся на далекое пространство нѣжно-лазурный ландшафтъ Большой Охоты, одного изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ въ Англіи лѣсовъ, несомнѣнно относящихся къ первобытнымъ временамъ, тѣхъ лѣсовъ, гдѣ на вѣковыхъ дубахъ еще встрѣчается друидическая омела, гдѣ громадные тисы, не насажденные рукою человѣка, ростутъ, какъ росли они тогда, когда изъ нихъ вырѣзывали луки. Однакожь, хотя этотъ дремучій

лѣсъ и былъ видѣнъ съ высотъ «Откосовъ», но находился онъ собственно за непосредственными предѣлами имѣнія.

Все въ этой уютной усадьбѣ было красиво, все содержалось въ порядкѣ и, видимо, процвѣтало; теплицы, занимавшія нѣсколько акровъ, спускались по склонамъ къ самой чащѣ кустарниковъ, у подошвы холмовъ. Все говорило здѣсь о деньгахъ, все напоминало новенькую, только что выбитую монетку. Конюшни, отчасти скрытыя соснами и каменными дубами и снабженныя всѣми новѣйшими приспособленіями, имѣли такой же величественный видъ, какъ любая часовня англиканской церкви, а на широкомъ газонѣ стоялъ изящный шатеръ, дверь котораго приходилась прямо противъ молодой дѣвушки.

Простодушная Тессъ Дорбифильдъ остановилась, какъ вкопанная, на краю усыпанной гравіемъ дорожки и только смотрѣла и смотрѣла. Она машинально дошла до этого мѣста, не успѣвъ еще хорошенько сообразить, куда она попала, а теперь все такъ противорѣчило ея ожиданіямъ.

— Я думала, что наша фамилія старинная, но, вѣдь, все это такъ ново!—прошептала она въ своей дѣвической наивности. Она пожалѣла, что такъ скоро поддалась уговорамъ матери «заявить о родствѣ», а не поискала помощи гдѣ-нибудь поближе къ дому.

Д'Орбервили—или Стокъ-д'Орбервили, какъ они первоначально назывались—владѣльцы этой усадьбы, представляли довольно необычную фамилію среди такого патріархальнаго околодка. Пасторъ Трингхэмъ говорилъ правду, утверждая, что нашъ кривоногій Джонъ Дорбифильдъ былъ единственный прямой потомокъ древней фамиліи д'Орбервилей во всемъ графствѣ и его окрестностяхъ; онъ могъ бы прибавить, что Стокъ-д'Орбервили, какъ онъ хорошо зналъ, имѣли такъ же мало общаго съ родословнымъ деревомъ настоящихъ д'Орбервилей, какъ и самъ пасторъ. Впрочемъ, слѣдуетъ признать, что эта семья по своимъ условіямъ могла съ большимъ разсчетомъ на успѣхъ привить къ себѣ имя, сильно нуждавшееся въ подобномъ обновленіи.

Когда старый мистеръ Симонъ Стокъ, недавно только умершій, нажилъ себѣ состояніе честною торговлей на сѣверѣ Англіи (были люди, говорившіе, что онъ нажилъ его ростовщичествомъ), онъ рѣшилъ зажить помѣщикомъ въ одномъ изъ южныхъ графствъ, подальше отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ протекла его дѣловая жизнь. Но онъ хорошо понималъ, что выступить на новое поприще землевладѣльца онъ можетъ не иначе, какъ подъ эгидой имени, не столь памятнаго тамъ и не столь мѣщанскаго, какъ два первоначальныхъ, со-

вершенно заурядныхъ слова—Симонъ Стокъ. Перелиставъ въ Британскомъ музеѣ нѣсколько сочиненій, посвященныхъ угасшимъ, полуугасшимъ, захудалымъ и разорившимся родамъ того округа Англіи, гдѣ онъ намѣревался поселиться, онъ пришелъ къ заключенію, что имя *д'Орбервиль* было и на видъ, и на слухъ не хуже многихъ другихъ, а потому фамилія д'Орбервиль и была присоединена къ его собственной и сдѣлалась его достояніемъ и достояніемъ его наслѣдниковъ на вѣчныя времена. Однако, онъ оказался настолько разсудительнымъ человѣкомъ, что, созидая свою родословную на этомъ новомъ фундаментѣ и присочиняя къ ней разныя промежуточныя звенья и перекрестные браки, не вставилъ ни одного титула, который выходилъ бы изъ рамокъ самой строгой умѣренности.

Бѣдная Тессъ и ея родители находились, разумѣется, въ полнѣйшемъ невѣдѣніи относительно этого фантастическаго измышленія; они не подозрѣвали и самой возможности присвоивать себѣ такимъ образомъ чужія фамиліи; они думали, въ простотѣ души, что если красота и бываетъ случайнымъ даромъ фортуны, то за то фамильныя имена непремѣнно ужь переходятъ естественнымъ порядкомъ.

Тессъ все еще стояла въ нерѣшимости, не зная, идти ли ей назадъ, или двинуться дальше, когда изъ темной трехъугольной двери шатра вышла какая-то фигура. Это оказался высокій молодой человѣкъ, курившій сигару.

У него былъ смуглый, почти черный цвѣтъ лица, крупныя губы, некрасиво очерченныя, но пунцовыя и гладкія, а надъ ними красовались черные, холеные усы съ завитыми концами, хотя на видъ ему было не больше двадцати трехъ или двадцати четырехъ лѣтъ. Несмотря на нѣкоторую грубость очертаній, лицо этого джентльмена и его дерзкіе глаза на выкатѣ выражали какую-то своеобразную силу.

— Ну-съ, моя красавица, чѣмъ могу служить вамъ?—сказалъ онъ, подходя къ Тессъ. И, замѣтивъ, что она стоитъ совсѣмъ ошеломленная, поспѣшилъ прибавить:—Не бойтесь меня. Я мистеръ д'Орбервиль. Вы ко мнѣ пришли или къ моей матери?

Воплощеніе ея однофамильца д'Орбервиля въ этомъ реальномъ мірѣ еще менѣе соотвѣтствовало ожиданіямъ Тессъ, чѣмъ паркъ и домокъ. Она создала въ своихъ мечтахъ почтенное, величественное лицо, въ которомъ всѣ характерныя черты д'Орбервилей прочились утонченными и одухотворенными,—лицо, изборожденное

живыми памятниками, повѣствовавшими въ гіероглифахъ о цѣлыхъ вѣкахъ исторіи Англіи и ея собственнаго рода. Но такъ какъ ей не оставалось другого выхода, то она сдѣлала надъ собою отчаянное усиліе, чтобы выполнить предстоявшую ей задачу, и отвѣчала:

— Я пришла къ вашей матушкѣ, сэръ.

— Я боюсь, что вамъ не удастся ее видѣть; она совсѣмъ больная особа, — сказалъ молодой представитель подложной фамиліи, такъ какъ это былъ никто иной, какъ мистеръ Алекъ, единственный сынъ недавно умершаго джентльмена.—Но, можетъ быть, вы передадите мнѣ то, что имѣете сказать ей? По какому собственно дѣлу вы желаете ее видѣть?

— Да это не дѣло... это... я, право, не знаю, какъ сказать...

— Что-жь это, удовольствіе?

— Ахъ, нѣтъ! Право же, сэръ, если я скажу вамъ, то вы...

Тессъ такъ ясно представился въ эту минуту комическій характеръ ея предпріятія, что, несмотря на страхъ, который ей внушалъ мистеръ д'Орбервиль, и на чувство тревоги, которое она испытывала въ этой чуждой для нея обстановкѣ, ея розовыя губки невольно сложились въ улыбку, очаровавшую смуглаго Александра.

— Это такъ глупо,—пролепетала она,— я думаю, что не рѣшусь сказать вамъ.

— Ничего не значитъ, я люблю слушать глупыя вещи. Попытайтесь-ка еще разъ, моя голубушка, — сказалъ онъ ласковымъ тономъ.

— Мама просила меня отправиться сюда, — продолжала Тессъ,—впрочемъ, я и сама хотѣла идти. Но я не думала, что все это такъ выйдетъ. Я пришла, сэръ, сказать, что мы изъ той же фамиліи, какъ и вы.

— Вотъ какъ! Бѣдные родственники?

— Да.

— Стоки?

— Нѣтъ, д'Орбервили.

— Ну, да, конечно, я хотѣлъ сказать д'Орбервили.

— Нашу фамилію исковеркали и передѣлали въ Дорбифильдъ, но у насъ есть нѣсколько доказательствъ того, что мы д'Орбервили. Во-первыхъ, это говорятъ антикваріи, а потомъ... потомъ у насъ есть старинная печать и старинная, очень старинная серебряная ложка съ круглымъ черпальцемъ, какъ у суповыхъ ложекъ; на ручкѣ у нея вырѣзанъ левъ, а надъ нимъ замокъ. Но она

ужъ никуда не годится, такъ что мама размѣшиваетъ ею гороховую похлебку.

— Въ моемъ гербѣ дѣйствительно есть серебряный замокъ,— добродушно отвѣтилъ Алекъ.

— Такъ вотъ мама говорила, что мы должны доложить вамъ о своемъ родствѣ потому, что по несчастной случайности мы лишились лошади, и потому, что мы самая старшая отрасль нашей фамиліи.

— Это, конечно, очень внимательно со стороны вашей матушки. И, что касается меня, я не жалѣю, что ей пришелъ въ голову такой планъ!—Говоря это, Алекъ бросилъ на Тессъ взглядъ, заставившій ее слегка покраснѣть.—И такъ, моя красавица, вы пришли къ намъ, какъ къ родственникамъ, чтобъ сдѣлать намъ дружескій визитъ?

— Я полагаю, что такъ,—робко промолвила Тессъ и съ безпокойствомъ взглянула на замокъ.

— Что-жь, бѣды тутъ нѣтъ. Гдѣ-жь вы живете? Кто вашъ отецъ?

Она дала ему краткія свѣдѣнія о своей семьѣ, а на его дальнѣйшіе разспросы сказала, что намѣрена возвратиться съ тѣмъ же ваномъ, съ какимъ пріѣхала.

— Онъ еще не такъ скоро вернется въ Трантриджъ - Кроссъ. Не хотите ли пока осмотрѣть со мною паркъ, моя прелестная кузиночка?

Тессъ желала по возможности сократить свой визитъ, но молодой человѣкъ сталъ настаивать и она согласилась пойти съ нимъ. Онъ показалъ ей всѣ газоны, цвѣточныя клумбы, оранжереи, а оттуда повелъ ее въ фруктовый садъ и спросилъ, любитъ ли она землянику.

— Да, сэръ, когда она поспѣетъ,—сказала Тессъ.

— Вы видите, она тутъ уже поспѣла.

Д'Орбервиль нагнулся и началъ рвать для нея ягоды, передавая ихъ ей изъ рукъ въ руки; но вдругъ, выбравъ особенно крупный экземпляръ «Британской королевы», онъ всталъ и, держа ягоду а стебелекъ, поднесъ ее къ губамъ молодой дѣвушки.

— Нѣтъ, нѣтъ!—быстро сказала она, защищая свой ротъ альцами.—Я лучше возьму ее въ руки.

— Какой вздоръ!—настойчиво повторялъ онъ, и, не зная, какъ й быть, она раскрыла губы и проглотила ягоду.

Такъ пробродили они нѣсколько времени, и Тессъ, впавшая въ

какое-то оцѣпенѣлое, полугипнотическое состояніе, ѣла всѣ ягоды, которыя подавалъ ей д'Орбервиль. Потомъ онъ наполнилъ земляникой ея маленькую корзиночку и они перешли къ розовымъ кустамъ; онъ нарвалъ розъ и заставилъ ее приколоть ихъ къ груди. Она повиновалась, двигаясь, какъ во снѣ, и когда ей ужь было некуда дѣвать ихъ, онъ самъ воткнулъ ей два бутона въ шляпу и въ своей безграничной щедрости набросалъ ей еще цѣлый ворохъ въ корзинку. Наконецъ, Алекъ взглянулъ на часы.

— Теперь,—сказалъ онъ,—вамъ надо перекусить чего-нибудь, а потомъ пора будетъ пуститься въ путь, если вы хотите захватить ванъ, идущій въ Шастонъ. Пойдемте сюда, я поищу для васъ чего-нибудь съѣстного.

Стокъ-д'Орбервиль вернулся съ Тессъ на лужайку передъ домомъ и попросилъ ее подождать его въ шатрѣ, а самъ скоро опять явился на сцену съ легкимъ полдникомъ въ корзинкѣ, которую и поставилъ передъ дѣвушкой. Очевидно, молодой джентльменъ не желалъ, чтобы прислуга нарушила этотъ пріятный *tête-à-tête*.

— Васъ не безпокоитъ моя сигара?—спросилъ онъ.

— О, нѣтъ, сэръ, нисколько!

Сквозь клубы дыма, наполнявшіе шатеръ, онъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ она мило и безсознательно уплетала кусокъ за кускомъ, и Тессъ Дорбифильдъ, невинно любуясь розами, приколотыми къ ея корсажу, не догадывалась, что за этою голубою наркотическою мглой сидитъ «трагическое зло» ея драмы,—тотъ человѣкъ, которому было суждено сдѣлаться кровавымъ лучомъ въ спектрѣ ея юной жизни. Природа надѣлила ее однимъ преимуществомъ, послужившимъ ей на пагубу въ эту минуту; оно-то и приковало къ ней глаза Алека д'Орбервиль. Это была роскошь формъ, пышный расцвѣтъ стана, дѣлавшій ее болѣе похожей на женщину, чѣмъ она была ею въ дѣйствительности. Тессъ унаслѣдовала эту полноту отъ матери, но безъ того свойства, на которое она указывала. Она часто смущала ее, но подруги говорили, что время сгладитъ этотъ недостатокъ.

Тессъ не долго просидѣла за полдникомъ.

— Теперь я пойду домой, сэръ,—сказала она, поднявшись съ мѣста.

— А какъ же васъ зовутъ?—спросилъ онъ, провожая ее по проспекту.

— Тессъ Дорбифильдъ, изъ Марлотта.

— И вы говорите, что у вашихъ родителей пала лошадь?

— Это я убила ее!—отвѣчала она, и слезы выступили у нея на глазахъ, когда она стала разсказывать о смерти Принца.—И я не знаю, какъ мнѣ помочь теперь отцу.

— Я подумаю, можетъ быть, мнѣ удастся что-нибудь сдѣлать. Моя мать должна найти вамъ какое-нибудь подходящее мѣсто. Но только, Тессъ, оставьте этотъ вздоръ насчетъ д'Орбервилей. Вы просто «Дорбифильдъ», вы знаете, вѣдь, что это совсѣмъ другая фамилія.

— Я и не желаю лучшей, сэръ,—сказала она съ чувствомъ собственнаго достоинства.

На минуту, только на минуту, когда они дошли до поворота проспекта, между высокими пихтами и рододендронами, прежде чѣмъ показалась сторожка, онъ наклонилъ свое лицо къ лицу молодой дѣвушки, какъ будто... но нѣтъ, онъ передумалъ и отпустилъ ее.

Такъ началась эта исторія. Если бы Тессъ могла предугадать всю важность этой встрѣчи, она, быть можетъ, спросила бы, почему судьба опредѣлила ей попасться въ этотъ день на глаза и понравиться этому, не для нея созданному человѣку, а не встрѣтиться съ другимъ юношей, отвѣчавшимъ почти во всемъ тѣмъ требованіямъ, которыя можетъ предъявлять настоящая и истинная человѣческая взаимность; но для него она была въ это время лишь мимолетнымъ, полузабытымъ впечатлѣніемъ.

Въ нелогическомъ выполненіи логическаго плана вселенной призывъ рѣдко встрѣчаетъ отзвукъ,—человѣкъ, котораго суждено полюбить, рѣдко появляется въ часъ, опредѣленный для любви. Природа не часто говоритъ своему бѣдному созданію: «смотри!» въ тотъ моментъ, когда увидѣть значитъ получить въ руки возможность счастья, рѣдко отвѣчаетъ: «здѣсь!» на окликъ человѣческаго существа: «гдѣ?», пока прятки не превратятся, наконецъ, въ скучную, избитую игру. Мы можемъ задаваться вопросомъ, найдутъ ли себѣ эти анахронизмы на вершинѣ и апогеѣ человѣческаго развитія нѣкоторую поправку въ болѣе тонкомъ взаимномъ пониманіи, болѣе тѣсномъ взаимодѣйствіи соціальнаго механизма, въ настоя-
е время бросающаго насъ то въ ту, то въ другую сторону, но
ьзя предсказать, что такое совершенство наступитъ когда-ли-
нельзя даже считать его возможнымъ. Достаточно того, что въ
иномъ случаѣ, какъ въ милліонахъ ему подобныхъ, двѣ полови-
приблизительно совершеннаго цѣлаго не очутились лицомъ къ
цу въ подходящую для этого минуту, а самымъ безтолковымъ
азомъ блуждали по землѣ, ничего не зная другъ о другѣ, по-

ка не пробилъ запоздалый часъ. И изъ этого нелѣпаго промедленія возникли тревоги, разочарованія, столкновенія, катастрофы, то, что̀ принято называть трагическою судьбой.

Вернувшись въ шатеръ, д'Орбервиль сѣлъ верхомъ на стулъ и задумался; на лицѣ его мелькала довольная усмѣшка. Потомъ онъ громко захохоталъ.

— Чортъ возьми! Что за забавная штука! Ха, ха, ха! И что за прелестная дѣвочка!

В. С.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РАЗСКАЗЪ НЕИЗВѢСТНАГО ЧЕЛОВѢКА *).

VIII.

Рождественскія святки прошли скучно, въ смутныхъ ожиданіяхъ чего-то недобраго. Наканунѣ новаго года за утреннимъ кофе Орловъ неожиданно объявилъ, что начальство посылаетъ его съ особыми полномочіями къ сенатору, ревизующему губерніи.

— Не хочется ѣхать, да не придумаешь отговорки!—сказалъ онъ съ досадой.—Надо ѣхать, ничего не подѣлаешь.

Отъ такой новости у Зинаиды Ѳедоровны мгновенно покраснѣли глаза.

— На долго?—спросила она.

— Дней на пять.

— Я, признаться, рада, что ты ѣдешь,—сказала она, подумавъ.—Развлечешься... Влюбишься въ кого-нибудь дорогой и потомъ мнѣ разскажешь.

Она при всякомъ удобномъ случаѣ старалась дать понять Орлову, что она его нисколько не стѣсняетъ и что онъ можетъ располагать собою, какъ хочетъ, и эта нехитрая, шитая бѣлыми нитками политика никого не обманывала и только лишній разъ напоминала Орлову, что онъ не свободенъ.

— Я поѣду сегодня вечеромъ,—сказалъ онъ угрюмо и сталъ читать газеты.

Я замѣтилъ, что за завтракомъ и обѣдомъ ему было не по се—и грустно, и неловко; онъ чувствовалъ смущеніе передъ самимъ собой, какъ когда-то въ первый день ея пріѣзда. И въ самомъ дѣлѣ, глядя на него, можно было подумать, что ему не хотѣлось уѣзжать изъ дому. Зинаида Ѳедоровна собиралась проводить его на вокзалъ, но онъ отговорилъ ее, сказавши, что онъ уѣзжаетъ не въ

*) *Русская Мысль*, кн. II.

Америку и не на пять лѣтъ, а только всего на пять дней, даже меньше.

Въ восьмомъ часу происходило прощаніе. Онъ обнялъ ее одною рукой и поцѣловалъ въ лобъ и въ губы.

— Будь умницей, не скучай безъ меня,—проговорилъ онъ ласковымъ, сердечнымъ тономъ, который и меня тронулъ.—Храни тебя Создатель.

Она жадно вглядывалась въ его лицо, чтобы покрѣпче запечатлѣть въ памяти дорогія черты, потомъ граціозно обвила его шею руками и положила голову ему на грудь.

— Прости мнѣ наши недоразумѣнія,—сказала она по-французски.—Мужъ и жена не могутъ не ссориться, если любятъ, а я люблю тебя до сумасшествія. Не забывай... Телеграфируй почаще и подробнѣе.

Орловъ поцѣловалъ ее еще разъ и, не сказавъ ни слова, вышелъ въ смущеніи. Когда уже за дверью щелкнулъ замокъ, онъ остановился на срединѣ лѣстницы въ раздумьи и взглянулъ наверхъ. Мнѣ казалось, что если бы сверху въ это время донесся хоть одинъ звукъ, то онъ вернулся бы. Но было тихо, даже ни въ одной квартирѣ гаммъ не играли. Онъ поправилъ на себѣ шинель и сталъ нерѣшительно спускаться внизъ.

У подъѣзда давно уже ждали извощики Ефимъ и Данило, фавориты Орлова, избалованные его подачками и дѣлавшіе видъ, что они со своими лошадями существуютъ только ради его одного. Оба были сыты, жадны и презрительно грубы со мной. Швейцаръ разсказывалъ мнѣ, будто оба они, когда бывали свободны, катали по вечерамъ Полю и за это она была ихъ любовницей и сбывала имъ краденыя у господъ вещи. Такіе люди, какъ Орловъ, и не подозрѣваютъ, какою хорошею питательною средой служатъ ихъ деньги и даже ихъ жизнь для всей этой мерзкой плѣсени, покрывающей половину Петербурга.

Орловъ сѣлъ на одного, я съ двумя чемоданами на другаго. Былъ сильный морозъ и на перекресткахъ дымились костры. Отъ быстрой ѣзды холодный вѣтеръ щипалъ мнѣ лицо и руки, захватывало духъ и я, закрывъ глаза, думалъ: какая она великолѣпная женщина! Мнѣ припоминалось, съ какою кроткою, стыдливою граціей обнимала она Орлова и какъ дрожалъ ея голосъ, когда она прощалась. Каждый камень находитъ себѣ дорогую оправу и даже битое стекло считается хорошимъ товаромъ, но почему же, думалъ я, такая драгоцѣнность, какъ любовь этой изящной, молодой, неглупой и честной женщины, играетъ въ обиходѣ такую обидную роль? Одинъ

старинный соціологъ смотрѣлъ на всякую дурную страсть, какъ на силу, которую при умѣньи можно направить къ добру, а у насъ и благородная, красивая страсть зарождается и потомъ вымираетъ, какъ безсиліе, никуда не направленная, не понятая или опошленная. Почему это?

Извощики неожиданно остановились. Я открылъ глаза и увидѣлъ, что мы стоимъ на Сергіевской, около большого дома, гдѣ жилъ Пекарскій. Орловъ вышелъ изъ саней и скрылся въ подъѣздѣ. «Пошелъ проститься, должно быть», — подумалъ я, опять закрывая глаза. Минутъ черезъ пять въ дверяхъ показался лакей Пекарскаго, безъ шапки, и крикнулъ мнѣ, пожимаясь отъ мороза:

— Глухой, что ли? Отпусти извощиковъ и ступай наверхъ! Зовутъ!

Ничего не понимая, я отправился во второй этажъ. Я и раньше бывалъ въ квартирѣ Пекарскаго, то-есть стоялъ въ передней и смотрѣлъ въ залу, и послѣ сырой, мрачной улицы она всякій разъ поражала меня блескомъ своихъ картинныхъ рамъ, бронзы и роскошной мебели. Теперь въ этомъ блескѣ я увидѣлъ Грузина, Кукушкина и немного погодя Орлова.

— Вотъ что, Степанъ,—сказалъ онъ, подходя ко мнѣ.—Я проживу здѣсь до пятницы или субботы. Если будутъ письма и телеграммы, то каждый день приноси ихъ сюда. Дома, конечно, скажешь, что я уѣхалъ и велѣлъ кланяться. Ступай съ Богомъ.

Когда я вернулся домой, Зинаида Ѳедоровна лежала въ гостиной на софѣ и ѣла грушу. Горѣла только одна свѣча, вставленная въ канделябру.

— Не опоздали къ поѣзду?—спросила Зинаида Ѳедоровна.

— Никакъ нѣтъ. Приказали кланяться.

Я пошелъ къ себѣ въ лакейскую и тоже легъ. Дѣлать было нечего и читать не хотѣлось. Я не удивлялся и не возмущался, а только напрягалъ мысли, чтобы понять, для чего понадобился этотъ грубый, мальчишескій обманъ? Вѣдь, такъ только подростки обманываютъ своихъ любовницъ. Неужели онъ, много читающій и разсуждающій человѣкъ, не могъ придумать чего-нибудь поумнѣе? Признаюсь, я былъ не плохого мнѣнія объ его умѣ. Я думалъ, что если ему понадобилось обмануть своего министра или другаго сильнаго и интереснаго человѣка, то онъ употребилъ бы на это много энергіи и искусства, и обманъ вышелъ бы великолѣпенъ. Но чтобы обмануть какое-нибудь ничтожество, для этого годится все, что приходитъ въ голову; удался обманъ—хорошо, не удался — можно будетъ солгать во второй разъ такъ же просто и скоро. Чѣмъ мень-

ше уважаютъ того, кому лгутъ, тѣмъ меньше и дешевле способы лжи. Я думалъ такъ и старался не понимать.

Въ полночь, когда въ верхнемъ этажѣ надъ нами, встрѣчая новый годъ, задвигали стульями и прокричали ура, Зинаида Ѳедоровна позвонила мнѣ изъ комнаты, что рядомъ съ кабинетомъ. Она, вялая отъ долгаго лежанья на спинѣ и съ безпорядочною прической, что, впрочемъ, шло къ ея мягкимъ чертамъ, сидѣла за столомъ и писала что-то на клочкѣ бумаги.

— Нужно отправить телеграмму,—сказала она и улыбнулась, вообразивъ себѣ, вѣроятно, то впечатлѣніе, какое произведетъ ея телеграмма.—Поѣзжайте скорѣе на вокзалъ и попросите послать вслѣдъ.

Выйдя затѣмъ на улицу, я прочелъ на клочкѣ: «Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ. Скорѣй телеграфируй, скучно ужасно. Прошла цѣлая вѣчность. Жалѣю, что нельзя послать по телеграфу тысячу поцѣлуевъ и самое сердце. Будь веселъ, радость моя. Зина».

Я послалъ эту телеграмму и на другой день утромъ отдалъ росписку.

IX.

Хуже всего, что Орловъ необдуманно посвятилъ въ тайну своего обмана также и Полю, приказавъ ей принести ему сорочки на Сергіевскую. Послѣ этого она съ злорадствомъ и съ непостижимою для меня ненавистью смотрѣла на Зинаиду Ѳедоровну и не переставала у себя въ комнатѣ и въ передней фыркать отъ удовольствія.

— Зажилась, пора и честь знать!—говорила она съ восторгомъ.—Самой бы надо понимать...

Наглость ея превысила всякія ожиданія. Она уже нюхомъ чуяла, что Зинаидѣ Ѳедоровнѣ осталось у насъ недолго жить, и, чтобы не упустить времени, тащила у нея все, что попадалось на глаза, и я видѣлъ у нея въ рукахъ то флаконы, то черепаховыя шпильки, или заставалъ ее, когда она спарывала мѣтки съ платковъ. На новый годъ мы никакъ не могли найти новыхъ ботинокъ съ пуговицами. А на другой день послѣ этого Зинаида Ѳедоровна позвала меня въ свою комнату и объявила мнѣ въ полголоса, такъ какъ отъ волненія не могла говорить громко, что у нея пропало черное платье. потомъ она ходила по всѣмъ комнатамъ, блѣдная, съ испуганнымъ и негодующимъ лицомъ и разговаривала сама съ собой:

— Каково? Нѣтъ, каково? Вѣдь, это неслыханная дерзость!

За обѣдомъ она хотѣла налить себѣ супу, но не могла,—дрожа-

ли руки. И губы у нея дрожали. Она безпомощно поглядывала на супъ и пирожки, ожидая, когда уймется дрожь, и вдругъ не выдержала и посмотрѣла на Полю.

— Вы, Поля, можете выйти отсюда,—сказала она.—Достаточно одного Степана.

— Ничего, постою-съ,—отвѣтила Поля.

— Незачѣмъ вамъ тутъ стоять. Вы уходите отсюда совсѣмъ... совсѣмъ!—продолжала Зинаида Ѳедоровна, вставая въ сильномъ волненіи.—Можете искать себѣ другое мѣсто. Сейчасъ же уходите!

— Безъ приказанія барина я не могу уйти. Они меня нанимали. Какъ прикажутъ они, такъ и будетъ.

— Я тоже приказываю вамъ! Я тутъ хозяйка!—сказала Зинаида Ѳедоровна и вся покраснѣла.

— Можетъ, вы и хозяйка, но разсчитать меня можетъ только баринъ. Они меня нанимали.

— Вы не смѣете оставаться здѣсь ни одной минуты!—крикнула Зинаида Ѳедоровна и ударила ножомъ по тарелкѣ.—Вы воровка! Слышите?

— Шесть лѣтъ въ людяхъ живу и никто меня воровкой не обзывалъ!—визгливо крикнула Поля и вдругъ зарыдала.—Что я у васъ украла, что? Вы видѣли?

Зинаида Ѳедоровна бросила на столъ салфетку и, осунувшись, съ жалкимъ, страдальческимъ лицомъ, быстро вышла изъ столовой. Поля, громко рыдая и что-то причитывая, тоже вышла. Супъ и рябчикъ остыли. Въ уксусѣ цикорнаго салата купался край брошенной салфетки. И почему-то вся эта ресторанная роскошь, украшавшая столъ, показалась мнѣ скудною, воровскою, похожею на Полю. Самый жалкій и преступный видъ имѣли два пирожка на тарелочкѣ. «Сегодня насъ унесутъ обратно въ ресторанъ,—какъ бы говорили они,—а завтра опять подадутъ къ обѣду какому-нибудь чиновнику или знаменитой пѣвицѣ».

— Важная барыня, подумаешь! — доносилось до моего слуха изъ комнаты Поли. — Если бы я захотѣла, давно бы такою же ба-ыней была, да стыдъ есть! Посмотримъ, кто изъ насъ первая уй-тъ! Да!

Что я могъ сдѣлать? Убить эту дѣвку? Я съумѣлъ бы это сдѣ-ать, но есть созданія вродѣ мокрицъ, которыхъ противно убивать. оворить? Но что я могъ сказать ей?

Позвонила Зинаида Ѳедоровна. Она сидѣла у себя въ комнатѣ, углу на стулѣ, съ такимъ выраженіемъ во всей фигурѣ, а осо-

бенно въ опущенныхъ плечахъ, какъ будто ее въ наказаніе посадили въ уголъ; глаза у нея были большіе, какъ у молодой козы.

— Телеграммы не приносили?—спросила она.

— Никакъ нѣтъ.

— Справьтесь у швейцара, можетъ быть, есть телеграмма. Да не уходите изъ дому, — сказала она мнѣ вслѣдъ, — мнѣ страшно оставаться одной.

Потомъ мнѣ почти каждый часъ приходилось бѣгать внизъ къ швейцару и спрашивать, нѣтъ ли телеграммы. Что за жуткое время! Зинаида Ѳедоровна, чтобы не видѣть Поли, обѣдала и пила чай у себя въ комнатѣ, тутъ же и спала на короткомъ диванѣ, похожемъ на букву Э, и сама убирала за собой постель. Въ первые дни я носилъ ея телеграммы, но, не получая отвѣта, она перестала вѣрить мнѣ и сама ѣздила на телеграфъ. Глядя на нее, я тоже съ нетерпѣніемъ ждалъ телеграммы. Я надѣялся, что онъ придумаетъ какую-нибудь ложь, напримѣръ, распорядится, чтобы ей послали телеграмму съ какой-нибудь станціи. Вѣдь, онъ же не тупой человѣкъ и, вѣроятно, знаетъ, въ какомъ она состояніи. Если онъ слишкомъ заигрался въ карты, думалъ я, или успѣлъ уже увлечься другою женщиной, то, конечно, напомнятъ ему о насъ и Грузинъ, и Кукушкинъ. Но я ожидалъ тоже напрасно. Разъ пять на день я входилъ къ Зинаидѣ Ѳедоровнѣ съ крѣпкимъ намѣреніемъ разсказать ей всю правду, но она глядѣла, какъ коза, плечи у нея были опущены, губы шевелились, и я уходилъ назадъ, не сказавъ ни слова. Состраданіе и жалость отнимали у меня все мужество, и я радъ былъ лгать не только ей, но даже себѣ, и когда бѣгалъ внизъ къ швейцару, то вѣрилъ, что сейчасъ мы получимъ телеграмму. Поля, какъ ни въ чемъ не бывало, веселая и довольная, убирала кабинетъ барина и спальню, рылась безъ всякой надобности въ шкафахъ и нарочно громко стучала посудой, а проходя мимо двери Зинаиды Ѳедоровны, напѣвала что-то и кашляла. Ей нравилось, что отъ нея прятались. «Меня, конечно, разсчитаютъ теперь,—говорили ея глаза,—но за то натѣшусь же я напослѣдокъ!» Вечеромъ она надѣвала шляпку и бурнусъ со стеклярусомъ и уходила куда-то. Часа въ два или три она звонилась, и я долженъ былъ отворять ей и выслушивать замѣчанія насчетъ своего кашля. Тотчасъ же слышался другой звонокъ, я бѣжалъ къ комнатѣ, что рядомъ съ кабинетомъ, и Зинаида Ѳедоровна, просунувъ въ дверь голову, спрашивала: «Кто это звонилъ?» А сама смотрѣла мнѣ на руки—нѣтъ ли въ нихъ телеграммы?

Когда, наконецъ, въ субботу позвонили снизу и на лѣстницѣ

послышался знакомый голосъ, она до такой степени обрадовалась, что зарыдала; она бросилась къ нему на встрѣчу, обняла его, цѣловала ему грудь и рукава, говорила что-то такое, чего нельзя было понять. Швейцаръ внесъ чемоданы, послышался веселый голосъ Поли. Точно кто на каникулы пріѣхалъ!

— Отчего ты не телеграфировалъ? — говорила Зинаида Ѳедоровна, тяжело дыша отъ радости. — Отчего? Я замучилась, я едва пережила это время... О, Боже мой!

— Очень просто! Мы съ сенаторомъ въ первый же день поѣхали въ Москву и я не получалъ твоихъ телеграммъ...— сказалъ Орловъ, вытирая мокрые отъ инея усы. Послѣ обѣда я, душа моя, дамъ тебѣ самый подробный отчетъ, а теперь спать, спать и спать... Замаялся въ вагонѣ...

Видно было, что онъ не спалъ всю почь и много пилъ ночью. На пальцахъ и даже на локтяхъ у него были еще слѣды карточнаго мѣлка. Зинаида Ѳедоровна уложила его въ постель и всѣ мы потомъ до самаго вечера ходили на цыпочкахъ. Обѣдъ прошелъ вполнѣ благополучно, несмотря даже на то, что вмѣстѣ со мною прислуживала Поля и что у Орлова, повидимому, сильно болѣла голова. Когда ушли въ кабинетъ пить кофе, Зинаида Ѳедоровна заговорила о чемъ-то быстро, въ полголоса и ея французская рѣчь журчала, какъ ручей, который, прежде чѣмъ влиться въ рѣку, дѣлаетъ на берегу около камней тысячу изгибовъ; потомъ послышался громкій вздохъ Орлова и его голосъ.

— Боже мой!—сказалъ онъ по-французски.—Неужели у васъ нѣтъ новостей посвѣжѣе, чѣмъ эта вѣчная пѣсня о злодѣйкѣ горничной?

— Но, милый, она меня обокрала и наговорила мнѣ дерзостей.

— Но отчего она меня не обкрадываетъ и не говоритъ мнѣ дерзостей? Отчего я никогда не замѣчаю ни горничныхъ, ни дворниковъ, ни лакеевъ? Нѣтъ, милая моя, вы просто капризничаете и не хотите имѣть характера... Я даже подозрѣваю, что вы беременны. Ну не капризъ ли въ самомъ дѣлѣ? Когда я предлагалъ вамъ уволить ее, вы потребовали, чтобы она осталась, а теперь хотите, чтобы я прогналъ ее. А я въ такихъ случаяхъ упрямый человѣкъ: на капризъ я отвѣчаю тоже капризомъ. Вы хотите, чтобы она ушла, ну, а я вотъ хочу, чтобы она осталась. Это единственный способъ излечить васъ отъ нервовъ.

— Ну, будетъ, будетъ!—сказала испуганно Зинаида Ѳедоровна.—Перестанемъ говорить объ этомъ... Отложимъ до завтра. Теперь разскажи мнѣ о Москвѣ... Что Москва?

X.

На другой день—это было 7 января, день Іоанна Крестителя—Орловъ послѣ завтрака надѣлъ черный фракъ и орденъ, чтобы ѣхать къ отцу поздравлять его съ ангеломъ. Нужно было ѣхать къ двумъ часамъ, а когда онъ кончилъ одѣваться, была только половина втораго. Не зная, куда употребить эти полчаса, онъ ходилъ по гостиной и декламировалъ поздравительные стихи, которые онъ читалъ когда-то въ дѣтствѣ отцу и матери. Тутъ же сидѣла и съ улыбкой слушала его Зинаида Ѳедоровна, собравшаяся ѣхать къ портнихѣ или въ магазинъ. Не знаю, съ чего у нихъ начался разговоръ, но когда я принесъ Орлову перчатки, онъ стоялъ передъ Зинаидою Ѳедоровной и съ капризнымъ, умоляющимъ лицомъ говорилъ ей:

— Ради Бога, ради всего святого, не говорите вы о томъ, что уже извѣстно всѣмъ и каждому! И что за несчастная способность у нашихъ умныхъ, мыслящихъ дамъ говорить съ глубокомысленнымъ видомъ и съ азартомъ о томъ, что давно уже набило оскомину даже гимназистамъ! Ахъ, если бы вы исключили изъ нашей супружеской программы всѣ эти серьезные вопросы! Какъ бы одолжили!

— Мы, женщины, не можемъ смѣть свое сужденіе имѣть.

— Но что со мной дѣлать, если я не люблю, когда меня подъ видомъ чего-то новаго изо дня въ день угощаютъ старою, ржавою селедкой? Впрочемъ, я даю вамъ въ этомъ отношеніи полную свободу, будьте либеральны и цитируйте какихъ угодно авторовъ, но сдѣлайте мнѣ уступку, не трактуйте въ моемъ присутствіи только о двухъ вещахъ: о зловредности высшаго свѣта и о ненормальностяхъ брака. Поймите же вы, наконецъ. Высшій свѣтъ бранятъ всегда съ исключительною только цѣлью, чтобы противупоставить его тому свѣту, гдѣ живутъ купцы, попы, мѣщане и мужики, разные тамъ Сидоры и Никиты. Но чѣмъ же этотъ свѣтъ, скажите на милость, лучше высшаго? Чѣмъ? Вѣдь, та же ложь кругомъ, та же дикость, тѣ же сплетни, наряды, карты, пошлые разговоры и та же скука. Оба свѣта одинаково великолѣпны и бранить въ отдѣльности тотъ или другой значитъ прямо-таки лгать. Я вамъ прямо скажу: если бы мнѣ предложили выбирать по совѣсти между тѣмъ и другимъ, то я, не задумываясь, остановился бы на высшемъ, такъ какъ всѣ мои вкусы на его сторонѣ. Нашъ свѣтъ и пошлъ, и пустъ, но за то мы съ вами хоть порядочно говоримъ по-французски, кое-что почитываемъ и не толкаемъ другъ друга подъ микитки, даже

когда сильно ссоримся, а у Сидоровъ, Никитъ и у ихъ степенствъ— потрафляемъ, таперича, чтобъ тебѣ повылазило, и полная разнузданность кабацкихъ нравовъ и идолопоклонство.

— Мужикъ и купецъ кормятъ васъ.

— Да, ну, такъ что-же? Это рекомендуетъ съ дурной стороны не меня только, но и ихъ такъ же. Они кормятъ меня и ломаютъ передо мною шапку, значитъ, у нихъ не хватаетъ ума и честности поступать иначе. Я никого не браню и не хвалю, а только хочу сказать: высшій свѣтъ и низшій—оба лучше. Сердцемъ и умомъ я противъ обоихъ, но вкусы мои на сторонѣ перваго. Ну-съ, что же касается теперь ненормальностей брака, — продолжалъ Орловъ, взглянувъ на часы, — то пора вамъ понять, что никакихъ ненормальностей нѣтъ, а есть пока только неопредѣленныя требованія къ браку. Что вы хотите отъ брака? Въ законномъ и незаконномъ сожительствѣ, въ союзѣ съ мужемъ и любовникомъ, однимъ словомъ, во всѣхъ бракахъ, союзахъ и сожительствахъ, хорошихъ и дурныхъ,— одна и та же сущность. Вы, дамы, живете только для одной этой сущности, она составляетъ для васъ единственную цѣль и благо, она для васъ все, безъ нея ваше существованіе не имѣло бы для васъ смысла. Вамъ ничего не нужно, кромѣ сущности, вы и брали только одну ее, но съ тѣхъ поръ, какъ вы начитались повѣстей, вамъ стало стыдно брать, и вы мечетесь изъ стороны въ сторону, мѣняете, очертя голову, мужчинъ и, чтобы оправдать эту сумятицу, заговорили о ненормальностяхъ брака. Разъ вы не можете и не хотите устранить сущности, самаго главнаго вашего врага и деспота, разъ вы продолжаете рабски служить ему, то какіе тутъ могутъ быть серьезные разговоры? Все, что вы ни скажете мнѣ, будетъ крайне неопредѣленно, натянуто и не ново. Да и не повѣрю я вамъ.

Я пошелъ узнать у швейцара, есть ли извощикъ, и, когда вернулся, то засталъ уже ссору. Какъ выражаются моряки, «вѣтеръ крѣпчалъ».

— Вы, я вижу, хотите сегодня поразить меня вашимъ цинизмомъ,—говорила Зинаида Ѳедоровна, ходя въ сильномъ волненіи по гостиной.—Мнѣ отвратительно васъ слушать. Я чиста передъ Богомъ и людьми, и мнѣ не въ чемъ раскаиваться. Я ушла отъ мужа отъ вамъ и горжусь этимъ. Горжусь, клянусь вамъ моею честью!

— Ну, и прекрасно.

— Если вы честный, порядочный человѣкъ, то вы тоже должны гордиться моимъ поступкомъ. Онъ возвышаетъ меня и васъ надъ сотнями людей, которые хотѣли бы поступить такъ же, какъ я, но не рѣшаются изъ малодушія или мелкихъ разсчетовъ. Но вы не

порядочны. Вы боитесь свободы и насмѣхаетесь надъ честнымъ порывомъ изъ страха, чтобы какой-нибудь невѣжда не заподозрилъ въ васъ честности. Вы боитесь показывать меня своимъ знакомымъ, для васъ нѣтъ выше наказанія, какъ ѣхать вмѣстѣ со мною по улицѣ... Что? Развѣ это не правда? Почему вы до сихъ поръ не представили меня вашему отцу и вашей кузинѣ? Почему? Нѣтъ, мнѣ это надоѣло, наконецъ!—крикнула Зинаида Ѳедоровна и топнула ногой.—Я требую того, что мнѣ принадлежитъ по праву. Извольте представить меня вашему отцу!

— Если онъ вамъ нуженъ, то представьтесь ему сами. Онъ принимаетъ ежедневно по утрамъ отъ десяти до половины одиннадцатаго.

— Какъ вы низки!—сказала Зинаида Ѳедоровна, въ отчаяніи ломая руки.—Если даже вы теперь не искренни и говорите не то, что думаете, то за одну эту жестокость можно возненавидѣть васъ. О, какъ вы низки!

— Мы все ходимъ вокругъ да около и никакъ не договоримся до настоящей сути. Вся суть въ томъ, что вы ошиблись и не хотите въ этомъ сознаться вслухъ. Вы воображали, что я герой и что у меня какіе-то необычайные идеи и идеалы, а на повѣрку-то вышло, что я самый заурядный чиновникъ, картежникъ и не имѣю пристрастія ни къ какимъ идеямъ. Я достойный отпрыскъ того самаго гнилого свѣта, изъ котораго вы бѣжали, возмущенная его пустотой и пошлостью. Сознайтесь же и будьте справедливы: негодуйте не на меня, а на себя, такъ какъ ошиблись вы, а не я.

— Да, я сознаюсь: я ошиблась!

— Вотъ и прекрасно. До главнаго договорились, слава Богу. Теперь слушайте дальше, если угодно. Возвыситься до васъ я не могу, такъ какъ ужь слишкомъ испорченъ; унизиться до меня вы тоже не можете, такъ какъ высоки слишкомъ. Остается, стало быть, одно...

— Что?—быстро спросила Зинаида Ѳедоровна, притаивъ дыханіе и ставши вдругъ блѣдною, какъ бумага.

— Остается позвать на помощь логику...

— Георгій, за что вы меня мучаете?—сказала Зинаида Ѳедоровна вдругъ по-русски, надтреснувшимъ голосомъ.—За что? Поймите мои страданія...

Это ужь были слезы. Орловъ, испугавшійся, по обыкновенію, быстро пошелъ въ кабинетъ и, не знаю почему, желалъ ли онъ причинить ей лишнюю боль, или вспомнилъ, что это практикуется

въ подобныхъ случаяхъ, заперъ за собою дверь на ключъ. Она вскрикнула и побѣжала за нимъ вдогонку, шурша платьемъ.

— Это что значитъ?—спросила она, стучась въ дверь.—Это... это что значитъ?—повторила она тонкимъ, обрывающимся отъ негодованія голосомъ.—А, вы вотъ какъ? Такъ знайте же, я ненавижу, презираю васъ! Между нами все уже кончено! Все!

Послышался истерическій плачъ, перемѣшанный съ хохотомъ. Въ гостиной что-то небольшое упало со стола и разбилось. Орловъ пробрался изъ кабинета въ переднюю черезъ другую дверь и, трусливо оглядываясь въ сторону плача, какъ будто за нимъ вдогонку посылали пули, быстро надѣлъ шинель и цилиндръ и вышелъ.

Прошло полчаса, потомъ часъ, а она все еще плакала. Я вспомнилъ, что у нея нѣтъ ни отца, ни матери, ни родныхъ,— никого въ свѣтѣ, что здѣсь она живетъ между человѣкомъ, который ее ненавидитъ, и Полей, которая ее обкрадываетъ,—и какою безотрадною и страшною показалась мнѣ ея жизнь! Я, самъ не знаю зачѣмъ, пошелъ къ ней въ гостиную. Слабая, безпомощная, съ прекрасными волосами и съ гибкою, точеною таліей, она, казавшаяся мнѣ образцомъ нѣжности и изящества, лежала на кушеткѣ лицомъ внизъ и вздрагивала всѣмъ тѣломъ.

— Сударыня, не прикажете ли сходить за докторомъ?—спросилъ я тихо.

— Нѣтъ, не нужно... пустяки,—сказала она и посмотрѣла на меня заплаканными глазами.—У меня немножко голова болитъ... Благодарю.

Больше я ничего не придумалъ сказать и вышелъ.

Въ седьмомъ часу я спросилъ у нея, не пора ли сходить за обѣдомъ, и она сказала, что надо подождать Георгія Ивановича, такъ какъ онъ утромъ говорилъ, что обѣдать сегодня будетъ дома. А поздно вечеромъ она писала письмо за письмомъ и посылала меня то къ Пекарскому, то къ Кукушкину, то къ Грузину и, наконецъ, куда мнѣ угодно, лишь бы только я поскорѣе нашелъ Орлова и вручилъ ему письмо. Когда я всякій разъ возвращался обратно съ письмомъ, она, какъ въ горячкѣ, бранила меня, умоляла, совала мнѣ въ руки деньги... Пережила она длинную, мучительную ночь. Разговаривая сама съ собой въ гостиной, она увѣряла себя, что она не поняла Орлова, что ужъ онъ не проститъ ее никогда и, пожалуй, отравится теперь гдѣ-нибудь въ номерѣ или застрѣлится...

На другой день онъ вернулся къ обѣду, и они помирились.

Въ первый четвергъ послѣ перерыва, вызваннаго поѣздкой къ

сенатору, Орловъ жаловался своимъ пріятелямъ на невыносимо тяжелую жизнь и, чтобы не казаться смѣшнымъ, самъ язвилъ себя насмѣшками. Смѣялся онъ въ этотъ вечеръ какъ-то странно, только голосомъ, а не лицомъ, много курилъ и даже о пустякахъ, не касавшихся его семейной жизни, говорилъ съ раздраженіемъ.

— Господа, кто-нибудь изъ васъ скажите ей, что я ее обманываю,— сказалъ онъ за ужиномъ. — Вѣдь, это, согласитесь, наконецъ, не жизнь, а инквизиція. Слезы, вопли, умные разговоры, просьбы о прощеніи, опять слезы и вопли, а въ итогѣ то, что у меня нѣтъ теперь собственной квартиры, я замучился и ее замучилъ. Неужели такая жизнь протянется еще мѣсяцъ или два? Неужели? А, вѣдь, это возможно!

— А ты самъ съ ней поговори,—сказалъ Пекарскій.

— Пробовалъ, но не могу! Можно смѣло говорить какую угодно правду человѣку сильному, самостоятельному, разсуждающему, а, вѣдь, тутъ имѣешь дѣло съ существомъ слабымъ, кислымъ, безцвѣтнымъ, у котораго ни воли, ни характера, ни логики. Я не выношу слезъ, онѣ меня обезоруживаютъ. Когда она плачетъ, то я готовъ клясться въ вѣчной любви и самъ плакать.

Пекарскій не понялъ, почесалъ въ раздумьи свой широкій лобъ и сказалъ:

— Право, нанялъ бы ты ей отдѣльную квартиру... Вѣдь, это такъ просто!

— Ей нуженъ я, а не квартира. Да что говорить?—вздохнулъ Орловъ. — Я слышу только безконечные разговоры, но не вижу выхода изъ своего положенія. Вотъ ужь воистину безъ вины виноватъ! Не назывался груздемъ, а, все-таки, полѣзай въ кузовъ. Всю свою жизнь открещивался отъ роли героя и вдругъ нежданно-негаданно, словно на смѣхъ, попалъ въ самые настоящіе герои. Увѣряю теперь честнымъ словомъ, что я вовсе не герой, привожу тому неопровержимыя доказательства, но мнѣ не вѣрятъ. Почему не вѣрятъ? Должно быть, у меня въ физіономіи есть что-нибудь геройское.

— А вы поѣзжайте ревизовать губерніи, — сказалъ Кукушкинъ со смѣхомъ.

— Да, только это и остается. Погожу немного и опять произведу Пекарскаго въ сенаторы.

Черезъ недѣлю послѣ этого разговора Орловъ объявилъ за кофе, что его опять командируютъ къ сенатору, и въ тотъ же день вечеромъ уѣхалъ со своими чемоданами къ Пекарскому.

XI.

На порогѣ стоялъ старикъ лѣтъ шестидесяти, въ длинной до земли шубѣ и въ бобровой шапкѣ.

— Дома Георгій Ивановичъ?—спросилъ онъ.

Сначала я подумалъ, что это одинъ изъ ростовщиковъ, кредиторовъ Грузина, которые иногда хаживали къ Орлову за мелкими получками, но когда онъ вошелъ въ переднюю и распахнулъ шубу, я увидалъ густыя брови и характерно сжатыя губы, которыя я такъ хорошо изучилъ по фотографіямъ, и два ряда звѣздъ на форменномъ фракѣ. Я узналъ его: это былъ отецъ Орлова, извѣстный государственный человѣкъ.

Я отвѣтилъ ему, что Георгія Ивановича нѣтъ дома. Старикъ крѣпко сжалъ губы и въ раздумьи поглядѣлъ въ сторону, показывая мнѣ свой сухой, беззубый профиль.

— Я оставлю ему записку,—рѣшилъ онъ.—Проводи меня.

Онъ оставилъ въ передней калоши и, не снимая своей длинной, тяжелой шубы, пошелъ въ кабинетъ. Тутъ онъ сѣлъ въ кресло передъ письменнымъ столомъ и, прежде чѣмъ взяться за перо, минуты три думалъ о чемъ-то, заслонивъ глаза рукою, какъ отъ солнца,—точь-въ-точь, какъ это дѣлалъ его сынъ, когда бывалъ не въ духѣ. Лицо у него было грустное, задумчивое, съ выраженіемъ той покорности, какую мнѣ приходилось видѣть на лицахъ только у людей старыхъ и религіозныхъ. Я стоялъ позади, глядѣлъ на его лысину и на ямку въ затылкѣ, и для меня было ясно, какъ день, что этотъ слабый, больной старикъ теперь въ моихъ рукахъ. Вѣдь, во всей квартирѣ, кромѣ меня и моего врага, не было ни души. Стоило бы мнѣ только употребить немножко физической силы, потомъ сорвать часы, чтобы замаскировать цѣли, и уйти чернымъ ходомъ, и я получилъ бы неизмѣримо больше, чѣмъ могъ разсчитывать, когда поступалъ въ лакеи. Я думалъ: едва ли когда представится мнѣ болѣе счастливый случай. Но, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, я совершенно равнодушно посматривалъ то на лысину, то на ямку, то на мѣхъ и покойно размышлялъ объ отношеніяхъ этого человѣка къ своему единственному сыну и о томъ, что людямъ, избалованнымъ богатствомъ и властью, вѣроятно, не хочется умирать...

— Ты давно служишь у моего сына?—спросилъ онъ, выводя на бумагѣ крупныя буквы.

— Третій мѣсяцъ, ваше высокопревосходительство.

Онъ кончилъ писать и всталъ. У меня еще оставалось время.

Я торопилъ себя и сжималъ кулаки, стараясь выдавить изъ своей души хотя каплю прежней ненависти; я вспоминалъ, какимъ страстнымъ, упрямымъ и неутомимымъ врагомъ я былъ еще такъ недавно... Но трудно зажечь спичку о рыхлый камень. Старое, грустное лицо и холодный блескъ звѣздъ вызывали во мнѣ только мелкія, дешевыя и ненужныя мысли о бренности всего земного, о скорой смерти...

— Прощай, братецъ! — сказалъ старикъ, надѣлъ шапку и вышелъ.

И такъ, нельзя уже было сомнѣваться: во мнѣ произошла какая-то перемѣна и я сталъ другимъ человѣкомъ. Чтобы провѣрить себя, я началъ было вспоминать свое прошлое, но тотчасъ же мнѣ стало жутко, какъ будто я нечаянно заглянулъ въ темный уголъ. Вспомнилъ я своихъ товарищей и знакомыхъ, и первая мысль моя была о томъ, какъ я покраснѣю и растеряюсь, когда встрѣчу кого-нибудь изъ нихъ. Кто же я теперь такой? О чемъ мнѣ думать и что дѣлать? Куда идти? Для чего я живу?

Ничего я не понималъ и ясно сознавалъ только одно: надо поскорѣе укладываться. До посѣщенія старика мое лакейство имѣло еще смыслъ, теперь же оно было смѣшно и оскорбительно. Если я сейчасъ же не сниму этого лакейскаго фрака,—думалъ я,—то мнѣ будетъ казаться, что я надѣлъ и ношу его только ради теплаго угла и куска хлѣба. Слезы капали у меня въ раскрытый чемоданъ, было нестерпимо грустно, но какъ хотѣлось жить! Я готовъ былъ обнять и вмѣстить въ свою короткую жизнь все, доступное человѣку. Мнѣ хотѣлось и лекціи читать, и стучать молотомъ гдѣ-нибудь въ большомъ заводѣ, и стоять на вахтѣ, и пахать. Меня тянуло всюду, о чемъ бы я ни вспомнилъ: и на Невскій, и въ поле, и въ море... Когда вернулась Зинаида Ѳедоровна, я бросился отворять ей и съ особенною нѣжностью снялъ съ нея шубу и калоши. Въ послѣдній разъ!

Кромѣ старика, въ этотъ день приходило къ намъ еще двое. Вечеромъ, когда совсѣмъ уже стемнѣло, неожиданно пришелъ Грузинъ, чтобы взять для Орлова какія-то бумаги. Онъ открылъ столъ, досталъ нужныя бумаги и, свернувъ ихъ въ трубку, приказалъ мнѣ положить въ передней около его шапки, а самъ пошелъ къ Зинаидѣ Ѳедоровнѣ. Она лежала въ гостиной на софѣ, подложивъ руки подъ голову. Прошло уже пять или шесть дней, какъ Орловъ уѣхалъ на ревизію, и никому не было извѣстно, когда онъ вернется, но она вела уже себя не такъ, какъ въ первую его поѣздку. Она уже не посылала телеграммъ и не ожидала ихъ. Поли, которая все еще

жила у насъ, она какъ будто не замѣчала и не обнаруживала ни малѣйшаго волненія, когда та служила за обѣдомъ или крала какую-нибудь дорогую вещь. «Пусть!»—читалъ я на ея лѣнивомъ, безстрастномъ, очень блѣдномъ лицѣ. Ей ужь, какъ Орлову, изъ упрямства хотѣлось быть несчастной; она на зло себѣ и всему на свѣтѣ по цѣлымъ днямъ лежала неподвижно на софѣ, желая себѣ только одного дурнаго и выжидая, когда сами обстоятельства поднимутъ ее съ софы и укажутъ ей, что дѣлать... Вѣроятно, она воображала себѣ пріѣздъ Орлова и неизбѣжныя ссоры съ нимъ, потомъ его охлажденіе, измѣны, потомъ какъ она разойдется съ нимъ, и эти мучительныя мысли доставляли ей своеобразное наслажденіе. Но что бы она почувствовала, если бы вдругъ узнала настоящую правду?

— Я васъ люблю, кума,—сказалъ Грузинъ, здороваясь и цѣлуя ей руку. — Вы добрая... А Жоржинька-то уѣхалъ! — солгалъ онъ.—Уѣхалъ, злодѣй!

Онъ со вздохомъ сѣлъ и нѣжно погладилъ ее по рукѣ.

— Позвольте, голубка, посидѣть у васъ часокъ, — сказалъ онъ.—Домой мнѣ идти не хочется, а къ Биршовымъ еще рано. Сегодня у Биршовыхъ день рожденія ихъ Кати. Славная дѣвочка!

Я подалъ ему стаканъ чаю и графинчикъ съ коньякомъ. Онъ медленно, съ видимою неохотой выпилъ чай и, возвращая мнѣ стаканъ, спросилъ робко:

— А нѣтъ ли у васъ, дружокъ, чего - нибудь... покушать? Я еще не обѣдалъ.

У насъ ничего не было. Я сходилъ въ ресторанъ и принесъ ему обыкновенный обѣдъ изъ пяти блюдъ.

— За ваше здоровье, голубчикъ!—сказалъ онъ Зинаидѣ Ѳедоровнѣ и выпилъ рюмку водки.—Ваша крестница милый ребенокъ, я ее очень люблю, только жаль, у нея золотушка. Ахъ, дѣти, дѣти!—вздохнулъ онъ.—Что ни говорите, кума, а пріятно быть отцомъ. Жоржинькѣ непонятно это чувство.

Онъ еще выпилъ. Тощій, блѣдный, съ салфеткой на груди, точно въ передникѣ, онъ съ жадностью ѣлъ и, поднимая брови, виновато поглядывалъ то на Зинаиду Ѳедоровну, то на меня. Сущій ребенокъ! Казалось, что если бы я не далъ ему рябчика или желе, онъ заплакалъ бы. Утоливъ голодъ, онъ повеселѣлъ и сталъ со смѣхомъ разсказывать что-то о семьѣ Биршовыхъ, но, замѣтивъ, что это скучно и что Зинаида Ѳедоровна не смѣется, замолчалъ. И какъ-то вдругъ стало скучно. Послѣ обѣда оба сидѣли въ гостиной при свѣтѣ одной только лампы и молчали: ему тяжело было лгать,

а она, повидимому, хотѣла спросить его о чемъ-то, но не рѣшалась. Такъ прошло съ полчаса. Грузинъ сѣлъ на табуретъ передъ роялемъ и сказалъ:

— А пожалуй, что мнѣ и пора.

— Нѣтъ, посидите... Намъ поговорить надо.

Опять помолчали. Онъ тронулъ одинъ клавишъ, потомъ заигралъ и тихо запѣлъ: «Что день грядущій мнѣ готовитъ?»—но, по обыкновенію, тотчасъ же всталъ и встряхнулъ головой.

— Сыграйте, кумъ, что-нибудь, — попросила Зинаида Ѳедоровна.

— Что же?—спросилъ онъ, пожавъ плечами.—Я все уже перезабылъ. Давно бросилъ.

Онъ нехотя сѣлъ и, подумавъ, заигралъ бетховенскую квазифантазію. Какъ прекрасно онъ игралъ! Сначала захотѣлось плакать и вспомнилось почему-то посѣщеніе старика, рѣшившее мою судьбу, потомъ же стало казаться, что жизнь моя не такъ ужь плоха, какъ я думалъ, и что сегодня я могу начать свою жизнь снова. Чахотка не помѣшаетъ, отъ нея можно вылечиться въ Каирѣ или на Мадейрѣ. Матеріала же для радостной, плодотворной и высокой жизни на этомъ свѣтѣ такъ много! Я замечтался, но къ великой моей досадѣ Грузинъ скоро сталъ сбиваться и фантазировать.

— Кумъ!—сказала съ огорченіемъ Зинаида Ѳедоровна.

— Все перезабылъ!—вздохнулъ Грузинъ.

Глядя на потолокъ и припоминая, онъ съ чудеснымъ выраженіемъ и съ теплотой сыгралъ двѣ пьесы Чайковскаго: *Баркаролу* и, кажется, *Подснѣжникъ*. Лицо у него было такое, какъ всегда—не умное и не глупое, и мнѣ казалось просто чудомъ, что человѣкъ, котораго я привыкъ видѣть среди самой пошлой обстановки, былъ способенъ на такой высокій и недосягаемый для меня подъемъ чувства. Зинаида Ѳедоровна раскраснѣлась и въ волненіи стала ходить по гостиной.

— А вотъ погодите, кума, если вспомню, я сыграю вамъ одну штучку, — сказалъ онъ. — Я слышалъ, какъ ее играли на віолончели.

Сначала робко и подбирая, затѣмъ съ увѣренностью онъ заигралъ *Лебединую пѣсню* Сенъ-Санса. Сыгралъ и повторилъ.

— Мило, вѣдь?—сказалъ онъ.

Взволнованная Зинаида Ѳедоровна остановилась около него спросила дрожащимъ голосомъ:

— Кумъ, скажите мнѣ искренно, по-дружески: что вы обо мнѣ думаете?

— Что же сказать? — проговорилъ онъ, поднимая брови. — Я люблю васъ и думаю о васъ одно только хорошее. Если же вы хотите, чтобъ я говорилъ вообще по интересующему васъ вопросу,— продолжалъ онъ, вытирая себѣ рукавъ около локтя и хмурясь,—то, милая, знаете ли... Свободная любовь не даетъ хорошимъ людямъ счастья. Вы честны, благородны, самоотверженны, но тѣмъ хуже для васъ. Чтобы чувствовать себя свободнымъ и, въ то же время, счастливымъ, мнѣ кажется, надо не скрывать отъ себя, что жизнь жестока, груба и безпощадна въ своемъ консерватизмѣ, и надо отвѣчать ей тѣмъ, чего она стоитъ, то-есть быть такъ же, какъ она, наглымъ, грубымъ и безпощаднымъ. Я такъ думаю.

— Куда мнѣ!—печально улыбнулась Зинаида Ѳедоровна.— Я уже утомилась, кумъ... Я такъ утомилась, что случись со мной несчастье, я, кажется, не пошевельну пальцемъ для своего спасенія...

— Ступайте, кума, въ монастырь...

Я не понялъ, какъ это онъ сказалъ — шутя или серьезно, но замѣтилъ, что послѣ его словъ у Зинаиды Ѳедоровны, а потомъ и у него самого на глазахъ заблестѣли слезы. Оба вздохнули и помолчали.

— Ну-съ,—сказалъ онъ,—сидѣли-сидѣли, да поѣхали. Прощайте, кумушка милая. Дай Богъ вамъ здоровья.

Онъ поцѣловалъ ей обѣ руки и, нѣжно погладивъ ихъ, сказалъ, что непремѣнно побываетъ еще на-дняхъ. Надѣвая въ передней свое пальто, похожее на дѣтскій капотикъ, онъ долго шарилъ въ карманахъ, чтобы дать мнѣ на чай, но ничего не нашелъ.

— Прощай, голубчикъ!—сказалъ онъ грустно и вышелъ.

Никогда не забуду того настроенія, какое оставилъ послѣ себя этотъ человѣкъ. Я чувствовалъ себя бодро и ждалъ уже одного только хорошаго, а Зинаида Ѳедоровна все еще продолжала въ волненіи ходить по гостиной. Не лежала, а ходила—ужь одно это хорошо. Я хотѣлъ воспользоваться этимъ настроеніемъ, чтобъ откровенно поговорить съ ней и тотчасъ же снять лакейскій фракъ и уйти, но едва я успѣлъ проводить Грузина, какъ послышался звонокъ. Это пришель Кукушкинъ.

— Дома Георгій Ивановичъ?—спросилъ онъ.—Вернулся? Ты говоришь: нѣтъ? Экая жалость! Въ такомъ случаѣ, пойду поцѣлую хозяйкѣ ручку и—вонъ... Зинаида Ѳедоровна, можно?—крикнулъ онъ.—Я хочу вамъ ручку поцѣловать. Извините, что такъ поздно.

Онъ просидѣлъ въ гостиной не долго, не больше десяти минутъ, но мнѣ казалось, что онъ сидѣлъ тамъ цѣлый годъ. Меня точно ловитая муха укусила. «Зачѣмъ сюда ходитъ это ничтожество?—

спрашивалъ я себя.—Что ему тутъ нужно?» Я кусалъ себѣ губы отъ негодованія и досады и уже ненавидѣлъ Зинаиду Ѳедоровну. «Почему она не гонитъ его отъ себя?»—возмущался я, хотя было очевидно, что она скучала съ нимъ и нарочно, чтобы сберечь свое настроеніе, не отходила отъ рояля и тихо подбирала пьесу Сенъ-Санса, которую игралъ Грузинъ.

Когда я подавалъ ему шубу, онъ въ знакъ особаго ко мнѣ расположенія спросилъ меня, женатъ ли я и какъ это я могу обходиться безъ жены.

— Я бѣдный человѣкъ, но люблю себя побаловать,— сказалъ онъ.—Шалуны мы съ тобой, Степанъ! — добавилъ онъ со вздохомъ.—Шалуны!

Несмотря на свой громадный житейскій опытъ, я тогда мало зналъ людей, и очень возможно, что я часто преувеличивалъ ничтожное и вовсе не замѣчалъ важнаго. Мнѣ почему-то вдругъ показалось, что Кукушкинъ хихикаетъ и льститъ мнѣ не даромъ: ужь не надѣется ли онъ, что я, какъ хамъ, буду болтать всюду по чужимъ лакейскимъ и кухнямъ о томъ, что онъ часто бываетъ у насъ по вечерамъ въ отсутствіе Орлова и иногда просиживаетъ съ Зинаидой Ѳедоровной до поздней ночи? А когда мои сплетни дойдутъ до ушей его знакомыхъ, онъ будетъ конфузливо опускать глаза и грозить мизинцемъ,—нельзя-де трогать чужихъ тайнъ! «И развѣ самъ онъ,—думалъ я, глядя на его маленькое, медовое лицо,—не будетъ сегодня же за картами дѣлать видъ и, пожалуй, проговариваться, что онъ уже отбилъ у Орлова Зинаиду Ѳедоровну?»

Та ненависть, которой такъ недоставало мнѣ въ полдень, когда приходилъ старикъ, теперь овладѣла всѣмъ моимъ существомъ. Кукушкинъ вышелъ, наконецъ, и я, прислушиваясь къ шарканью его кожаныхъ калошъ, чувствовалъ страстное желаніе послать ему вдогонку на прощанье какое-нибудь грубое ругательство, но сдержалъ себя. А когда шаги затихли на лѣстницѣ, я вернулся въ переднюю и, самъ не зная, что дѣлаю, схватилъ свертокъ бумагъ, забытый Грузинымъ, и опрометью побѣжалъ внизъ. Безъ пальто и безъ шапки я выбѣжалъ на улицу. Было не холодно, но шелъ крупный снѣгъ и дулъ вѣтеръ.

— Ваше превосходительство!—крикнулъ я, догоняя Кукушкина.—Ваше превосходительство!

Онъ остановился около фонаря и оглянулся съ недоумѣніемъ.

— Ваше превосходительство! — проговорилъ я, задыхаясь и глядя съ ненавистью на его недоумѣвающее лицо. — Ваше превосходительство!

И, не придумавъ, что сказать, я раза два ударилъ его бумажнымъ сверткомъ по лицу. Ничего не понимая и даже не удивляясь,—до такой степени я ошеломилъ его,—онъ прислонился спиной къ фонарю и инстинктивно заслонилъ руками лицо. Въ это время мимо проходилъ какой-то военный докторъ и видѣлъ, какъ я билъ человѣка, но только съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на насъ и пошелъ дальше.

Мнѣ стало гадко и я побѣжалъ обратно въ домъ.

XII.

Съ мокрою отъ снѣга головой и запыхавшись, я прибѣжалъ въ лакейскую и тотчасъ же, не давая себѣ опомниться, сбросилъ фракъ, надѣлъ пиджакъ и пальто и вынесъ свой чемоданъ въ переднюю. Бѣжать! Но, прежде чѣмъ уйти, я поскорѣе сѣлъ и сталъ быстро писать къ Орлову письмо:

«Оставляю вамъ свой фальшивый паспортъ,— началъ я, — и взамѣнъ уношу съ собою образъ фальшиваго человѣка. Вкрасться въ домъ подъ чужимъ именемъ, наблюдать изъ-подъ лакейской маски интимную жизнь, все видѣть и слышать, чтобы потомъ непрошенно изобличить во лжи, — все это, скажете вы, похоже на воровство. Да, но мнѣ теперь не до благородства. Я пережилъ десятки вашихъ ужиновъ и обѣдовъ, когда вы говорили и дѣлали, что хотѣли, а я долженъ былъ слушать, видѣть и молчать,—я не хочу подарить вамъ этого. Къ тому же, если около васъ нѣтъ живой души, которая осмѣлилась бы говорить вамъ правду и не льстить, то пусть хоть лакей Степанъ умоетъ вамъ вашу великолѣпную физіономію».

Это начало мнѣ не понравилось. Для чего я пишу? Какая надобность? Не есть ли это письмо выраженіе той же самой мелкой, грошовой ненависти, которая погнала меня на улицу за Кукушкинымъ? Когда человѣкъ уступаетъ мелкимъ чувствамъ, то это вѣрнѣйшій признакъ его душевнаго безсилія и упадка.

Я мучительно грызъ себя и мрачныя мысли лѣниво ковыряли въ моемъ мозгу. Большія окна съ темными портьерами, постель, помканный фракъ на полу и мокрые слѣды отъ моихъ ногъ смотрели сурово и печально. И тишина была какая-то особенная...

Вѣроятно, оттого, что я выбѣгалъ на улицу безъ шапки и кашъ, у меня поднялся сильный жаръ. Горѣло лицо, ломили ноги во всемъ тѣлѣ была вялость. Тяжелую голову клонило къ столу, въ мысляхъ было какое-то раздвоеніе, когда кажется, что за каждою мыслью въ мозгу движется и ея тѣнь.

«Я болѣнъ, слабъ и нравственно угнетенъ,—продолжалъ я,—и не могу написать вамъ подробно и связно, какъ бы слѣдовало. Въ первую минуту у меня было желаніе оскорбить и унизить васъ, но теперь уже мнѣ не кажется, что я имѣю на это право. Вы и я—оба упали и оба уже никогда не встанемъ, и мое письмо, если бы даже оно было краснорѣчиво, сильно и страшно, все-таки, походило бы на стукъ по гробовой крышкѣ: какъ ни стучи — не разбудишь! Никакія усилія уже не могутъ согрѣть вашей проклятой холодной крови, и это вы знаете лучше, чѣмъ я. Зачѣмъ же писать? Но голова и сердце горятъ у меня, я почему-то продолжаю писать и съ такимъ волненіемъ, какъ будто это письмо можетъ еще спасти васъ и меня. Отъ жара мысли не вяжутся въ головѣ и перо какъ-то безсмысленно скрипитъ по бумагѣ, но вопросъ, который я хочу задать вамъ, стоитъ передо мной ясно, какъ огненный.

«Отчего я раньше времени ослабѣлъ и упалъ, объяснить не трудно. Я, подобно библейскому силачу, поднялъ на себя Газскія ворота, чтобы отнести ихъ на вершину горы, но только когда уже изнемогъ и навѣки простился со своею молодостью, замѣтилъ, что эти ворота мнѣ не по плечамъ и что я обманулъ себя. Къ тому же, у меня была непрерывная, жестокая боль. Я испыталъ голодъ, холодъ, болѣзни, лишеніе свободы; личнаго счастья я не зналъ и не знаю, пріюта у меня нѣтъ, воспоминанія мои тяжки и совѣсть моя часто боится ихъ. Но отчего вы-то упали, вы? Какія роковыя, дьявольскія причины помѣшали вашей жизни развернуться полнымъ весеннимъ цвѣтомъ, отчего вы, не успѣвъ начать жить, поторопились сбросить съ себя образъ и подобіе Божіе и теперь, какъ трусливое животное, жметесь въ оврагѣ и питаетесь падалью? Отчего? Когда въ первый день нашего знакомства я, вмѣстѣ съ Полей, прислуживалъ вамъ за кофе, то вы произвели на меня впечатлѣніе азіата, того самаго, который по цѣлымъ днямъ сидитъ на перинѣ и куритъ кальянъ. Это первое впечатлѣніе не оставляло меня до сегодня. Какія бы вы книги ни читали и какъ бы ловко ни сидѣлъ на васъ европейскій фракъ, я, приглядываясь къ вамъ, всякій разъ думалъ, что лучшей критики вы не могли бы написать на себя, какъ если бы завѣщали похоронить себя на татарскомъ кладбищѣ. Посудите сами: съ какою нѣжною, чисто-ханскою заботливостью вы оберегаете себя отъ голода, холода, физическаго напряженія,—отъ всего, что можетъ причинить вамъ боль и безпокойство! Передъ дѣйствительною жизнью и природой, съ которою борется всякій здоровый и нормальный человѣкъ, вы разыграли труса и съ головою спрятались въ халатъ. Какъ вамъ мягко, уют-

но, тепло, удобно—и какъ скучно! Да, бываетъ убійственно, безпросвѣтно скучно, какъ въ одиночной тюрьмѣ, но вы умѣете прятаться и отъ этого врага: вы по восьми часовъ въ сутки играете въ карты.

«А ваша иронія? О, какъ хорошо я ее понимаю! Живая, свободная, бодрая мысль пытлива и властна; для лѣниваго, празднаго ума она невыносима. Чтобы она не тревожила вашего покоя, вы, подобно тысячамъ вашихъ сверстниковъ, поспѣшили смолоду набросить на нее халатъ, поставить въ условныя рамки; называется ли этотъ халатъ на вашемъ петербургскомъ языкѣ ироническимъ отношеніемъ къ жизни, или какъ-нибудь иначе, но халатъ остается халатомъ и сдержанная, припугнутая мысль не смѣетъ прыгнуть черезъ тотъ палисадникъ, который вы поставили ей. А когда вы при мнѣ глумились надъ идеями, которыя якобы *всѣ* вамъ извѣстны, то я видѣлъ въ васъ дизертира, который позорно бѣжалъ съ поля битвы, но, чтобы заглушить совѣсть, смѣется надъ войной и надъ храбростью. Цинизмъ заглушаетъ боль. Въ какой-то повѣсти Достоевскаго старикъ топчетъ ногами портретъ своей любимой дочери, потому что онъ передъ нею неправъ, а вы гадко и пошловато посмѣиваетесь надъ идеями добра и правды, потому что уже не въ силахъ вернуться къ нимъ. Всякій искренній и правдивый намекъ на ваше паденіе страшенъ вамъ, и вы нарочно окружаете себя людьми, которые умѣютъ только льстить вашимъ слабостямъ. И не даромъ, не даромъ вы такъ боитесь слезъ!

«Кстати, вспомните ваши отношенія къ женщинѣ. Безстыдство мы унаслѣдовали съ плотью и кровью и въ безстыдствѣ воспитаны, но, вѣдь, на то мы и люди, чтобы побѣждать въ себѣ звѣря. Съ возмужалостью, когда вамъ стали извѣстны *всѣ* идеи, вы не могли не увидѣть правды; вы ее знали, но вы не пошли за ней, а испугались ея, и, чтобы обмануть свою совѣсть, стали громко увѣрять себя, что виноваты не вы, а сама женщина, что она такъ же низменна, какъ и ваши отношенія къ ней. Развѣ холодные, скабрёзные анекдоты, лошадиный смѣхъ, всѣ ваши безчисленныя теоріи о сущности, неопредѣленныхъ требованіяхъ къ бу, о десяти су, которыя платитъ женщинѣ французскій рабочі ваши вѣчныя ссылки на бабью логику, лживость, слабость и п ч.,—развѣ все это не похоже на желаніе во что бы то ни стало п гнуть женщину такъ низко къ грязи, чтобы она и ваши отношія къ ней стояли на одномъ уровнѣ? Вы—слабый, несчастный, н мпатичный человѣкъ».

Въ гостиной заиграла на роялѣ Зинаида Ѳедоровна, стараясь

вспомнить пьесу Сенъ-Санса, которую игралъ Грузинъ. Я пошелъ и легъ на постель, но, вспомнивъ, что мнѣ пора уходить, поднялся черезъ силу и съ тяжелою, горячею головой опять пошелъ къ столу.

«Но вотъ огненный вопросъ,—продолжалъ я.—Отчего мы утомились? Отчего мы вначалѣ такіе страстные, смѣлые, благородные, вѣрующіе, къ 30—35 годамъ становимся уже полными банкротами, такъ что отъ нашей вѣры, страсти и отваги не остается даже пыли? Отчего въ этомъ возрастѣ одинъ изъ насъ гаснетъ въ чахоткѣ, другой пускаетъ себѣ пулю въ лобъ, третій ищетъ забвенія въ водкѣ и картахъ, четвертый, чтобы заглушить страхъ и тоску, цинически топчетъ ногами портретъ своей чистой, прекрасной молодости? Отчего мы, упавши разъ, уже не стараемся подняться и, потерявши одно, не ищемъ другого? Отчего?»

А дальше, кажется, совсѣмъ бредъ:

«Разбойникъ, висѣвшій на крестѣ, съумѣлъ вернуть себѣ жизненную радость и смѣлую, осуществимую надежду, хотя, быть можетъ, ему оставалось жить не больше часа. У васъ впереди еще длинные годы, и я, вѣроятно, умру не такъ скоро, какъ кажется. Что, если бы какимъ-нибудь чудомъ настоящее оказалось только сномъ, страшнымъ кошмаромъ, и мы проснулись бы обновленные, чистые, сильные, гордые своею правдой?... Сладкія мечты жгутъ меня и я едва дышу отъ волненія. Мнѣ страшно хочется жить, хочется, чтобы наша жизнь была свята, высока и торжественна, какъ сводъ небесный. Будемъ же жить! Солнце не восходитъ два раза въ день и жизнь дается не дважды,—хватайтесь же цѣпко за остатки вашей жизни и спасайте ихъ...»

Больше я не написалъ ни одного слова. Мыслей было много въ головѣ, но всѣ онѣ расплывались и не укладывались въ строки. Не окончивъ письма, я подписалъ свое званіе, имя и фамилію и пошелъ въ кабинетъ. Было темно. Я нащупалъ столъ и положилъ письмо. Должно быть, въ потемкахъ я натыкался на мебель и производилъ шумъ.

— Кто тамъ?—послышался тревожный голосъ изъ гостиной.

И тотчасъ же на столѣ часы проиграли свою короткую музыку и нѣжно пробили часъ ночи.

XIII.

Въ потемкахъ я, по крайней мѣрѣ, съ полминуты царапалъ дверь, нащупывая ее, потомъ медленно отворилъ и вошелъ въ гостиную. Зинаида Ѳедоровна лежала на кушеткѣ и, поднявшись

на локоть, глядѣла мнѣ на встрѣчу. Не рѣшаясь заговорить, я медленно прошелъ мимо и она проводила меня взглядомъ. Я постоялъ немного въ залѣ и опять прошелъ мимо, и она посмотрѣла на меня внимательно и съ недоумѣніемъ, даже со страхомъ. Наконецъ, я остановился и проговорилъ черезъ силу:

— Онъ не вернется!

Она быстро встала на ноги и смотрѣла на меня, не понимая.

— Онъ не вернется! — повторилъ я и у меня страшно застучало сердце.—Онъ не вернется, потому что не уѣзжалъ изъ Петербурга. Онъ живетъ у Пекарскаго.

Она поняла и повѣрила мнѣ,— это я видѣлъ по ея внезапной блѣдности и по тому, какъ она вдругъ скрестила на груди руки со страхомъ и мольбой. Въ мгновеніе въ ея памяти промелькнуло ея недавнее прошлое, она сообразила и съ неумолимою ясностью увидѣла всю правду. Но, въ то же время, она вспомнила, что я лакей, низшее существо... Проходимецъ съ всклокоченными волосами, съ краснымъ отъ жара лицомъ, быть можетъ, пьяный, въ какомъ-то пошломъ пальто, грубо, какъ комъ грязи, влетѣлъ въ ея интимную жизнь, и это оскорбило ее. Она сказала мнѣ сурово:

— Васъ не спрашиваютъ. Подите отсюда прочь.

— О, вѣрьте мнѣ!—сказалъ я съ увлеченіемъ, протягивая къ ней руки.—Я не лакей, я такой же свободный, какъ и вы.

Я назвалъ себя и быстро, быстро, чтобы она не перебила меня или не ушла къ себѣ, объяснилъ, кто я и зачѣмъ тутъ живу. Это новое открытіе поразило ее сильнѣе, чѣмъ первое. У нея, все-таки, была надежда, что лакей солгалъ, ошибся, сказалъ глупость, теперь же, послѣ этого открытія, у нея насчетъ Орлова не оставалось никакихъ сомнѣній. По выраженію ея несчастныхъ глазъ и лица, которое вдругъ стало некрасиво, потому что постарѣло и потеряло свою мягкость, я видѣлъ, что ей нестерпимо тяжело, что я не къ добру началъ этотъ разговоръ, но, все-таки, я продолжалъ со страннымъ, непонятнымъ увлеченіемъ:

— Сенаторъ и ревизія были придуманы, чтобы обмануть васъ. Въ январѣ онъ такъ же, какъ и теперь, никуда не уѣзжалъ, а жилъ у Пекарскаго, и я видѣлся съ нимъ каждый день и участвовалъ въ обманѣ. Вами тяготились, ваше присутствіе здѣсь ненавидѣли, надъ вами смѣялись... Если бы вы могли подслушать, какъ онъ и его друзья издѣвались здѣсь надъ вами и вашею любовью, и какъ они сплетали ваше имя со своими анекдотами, то вы бы умерли отъ униженія. Бѣгите отсюда! Бѣгите!

— Ну, что-жь?—проговорила она дрожащимъ голосомъ и провела рукой по волосамъ.—Ну, что-жь? Пусть...

Глаза ея, полные слезъ, глядѣли гордо, съ презрѣніемъ и ненавистью, не на меня, а черезъ мое плечо; губы дрожали и все лицо было поразительно блѣдно и дышало гнѣвомъ. Грубая, мелкая ложь Орлова, который прятался отъ нея, чтобъ не говорить ей правды, возмущала ее и казалась ей презрѣнною, смѣшною; она улыбалась, и мнѣ было жутко отъ ея улыбки.

— Ну, что-жь?—повторила она и опять провела рукой по волосамъ.—Пусть... Онъ воображаетъ, что я умру отъ униженія, а мнѣ... смѣшно. Напрасно онъ прячется.—Она отошла отъ рояля и сказала, пожавъ плечами: — Напрасно... Было бы проще объясниться, чѣмъ прятаться и скитаться по чужимъ квартирамъ. У меня есть глаза, я сама давно уже видѣла... и ждала его пріѣзда, чтобъ окончательно объясниться. Но не будемъ говорить объ этомъ. Скажите мнѣ, что же собственно побудило васъ пойти въ лакеи? Это дѣлаетъ честь вашей находчивости и смѣлости, но развѣ не было другихъ ходовъ? Воображаю, сколько вы испортили себѣ крови! Даже невѣроятно какъ-то.

Но вдругъ глаза у нея стали большіе, плечи безпомощно опустились, и уже казалось невѣроятнымъ, что она только что глядѣла съ ненавистью и презрѣніемъ. Лицо ея теперь выражало одно только безнадежное, отчаянное горе. Она сѣла въ кресло около стола и, склонивши голову на ручку дивана, горько заплакала. Въ гостиной горѣла одна только свѣча въ канделябрѣ, и около креселъ, гдѣ она сидѣла, было темно, но я видѣлъ, какъ вздрагивали ея голова и плечи и какъ волосы, выбиваясь изъ прически, закрывали шею, лицо, руки... Въ ея тихомъ, ровномъ плачѣ, не истерическомъ, а обыкновенномъ женскомъ плачѣ, слышались оскорбленіе, униженная гордость, обида и то безысходное, безнадежное, чего нельзя уже исправить и къ чему нельзя привыкнуть. Въ моей взволнованной, страдающей душѣ ея плачъ отдавался эхомъ; я уже забылъ про свою болѣзнь, свои мечты и про все на свѣтѣ, ходилъ по гостиной и бормоталъ растерянно:

— Что же это за жизнь? Что они дѣлаютъ, Боже мой? У нихъ молодость, умъ, здоровье, свобода, богатство, красота, любовь,— однимъ словомъ все, все, что нужно для счастья, они же мѣшаютъ все это въ какой-то хаосъ, въ тьму... О, нельзя такъ жить! Нельзя! Это—безуміе, преступленіе, а не жизнь!

— Какое униженіе! — проговорила она сквозь плачъ.— Жить

вмѣстѣ... улыбаться мнѣ, въ то время, какъ я ему въ тягость, смѣшна...

Она приподняла голову и, глядя на меня заплаканными глазами сквозь волосы, мокрые отъ слезъ, и поправляя эти волосы, мѣшавшіе ей смотрѣть на меня, спросила:

— Они смѣялись?

— Этимъ людямъ были смѣшны и вы, и ваша любовь... и Тургеневъ, котораго вы начитались. И если мы оба сейчасъ умремъ съ отчаянія, то это имъ будетъ тоже смѣшно. Они сочинятъ смѣшной анекдотъ и будутъ разсказывать его на вашей паннихидѣ. Да что о нихъ говорить?—сказалъ я съ нетерпѣніемъ.—Надо бѣжать отсюда. Я не могу оставаться здѣсь дольше ни одной минуты. Мнѣ невыносимо тяжело!

И я самъ заплакалъ отъ нервнаго напряженія.

— Вы все знаете и слышали все... — сказала она, вставая и подходя ко мнѣ.—Я вѣрю вамъ. Скажите же мнѣ искренно, неужели я поступила дурно? Я не любила мужа и ушла отъ него къ Георгію Ивановичу, котораго люблю. Это дурно, смѣшно? Это ошибка? Скажите: я должна была поступить какъ-нибудь иначе?

— Да, надо было поступить иначе! Вы хотѣли порвать со средой, которая вамъ ненавистна, и начать новую жизнь, но вамъ только кажется, что вы это сдѣлали,—сказалъ я съ раздраженіемъ и мнѣ почему-то было пріятно говорить такимъ тономъ.—Вы были женой и, чтобъ начать новую жизнь, сдѣлались любовницей—только всего! Изъ спальни одного тунеядца и пошляка перешли въ спальню другого такого же. Хорошо обновленіе!

— Но, вѣдь, я любила Георгія Ивановича! — сказала Зинаида Ѳедоровна и умоляюще сложила на груди руки.

— Надо было пожертвовать этою любовью.

Она опять заплакала, а я, чувствуя себя жестокимъ и неправымъ, отошелъ къ роялю и сѣлъ.

— Что же мы ждемъ?—спросилъ я уныло.—Уже третій часъ.

— Ничего я не жду...—сказала она.—Я пропала.

Прошло въ молчаніи нѣсколько минутъ.

— Я поступила дурно,—проговорила она,—и теперь несу наказаніе. Мнѣ захотѣлось новой жизни, личнаго счастья, а нужно было жертвовать, смириться. Я не должна была оставлять мужа.

— Полно, полно! — сказалъ я съ мягкою укоризной. — Вѣдь, вы не поѣдете къ мужу и не станете каяться. Зачѣмъ же говорить такъ? Давайте лучше обдумаемъ вмѣстѣ, что намъ дѣлать. Ни вамъ, ни мнѣ уже нельзя оставаться здѣсь... Куда вы намѣрены ѣхать

отсюда?—Я подошелъ къ ней и продолжалъ нѣжно, со слезами въ голосѣ:—Довѣрьтесь мнѣ, прошу васъ. Въ Петербургѣ у васъ нѣтъ ни одной родной души, но за то есть вѣрный, преданный слуга. Вѣдь, вы позволите мнѣ такъ называть себя? Умоляю васъ, не возвращайтесь къ этимъ людямъ! Нехорошій, гнилой здѣсь воздухъ! Этимъ истасканнымъ джентльменамъ нужны вы только, когда они наиболѣе расположены къ любовнымъ изліяніямъ и бываютъ въ ударѣ,—это онъ самъ говорилъ; тутъ нужны вы только, когда бываете нарядны, остроумны, фальшивы и ловко обманываете вашего мужа, а порывъ, чистота, ясный умъ, честные взгляды—это тургеневщина, плохія повѣсти, это скучно и мѣшаетъ жить. Вы шли къ Орлову и думали, что исполняете свой долгъ, а васъ осмѣяли и ошикали въ первый же день; вы, въ простотѣ сердечной, воображали, что вы идейный человѣкъ, а на самомъ дѣлѣ вышло, что вы смѣшная, назойливая любовница, отъ которой ничѣмъ не отдѣлаешься. Онъ—ваша жертва. Всему Петербургу уже извѣстно, что у него, у бѣдняги, по вашей милости нѣтъ уже собственной квартиры; онъ вездѣ жалуется и старается громче смѣяться, потому что ему стыдно, стыдно, что онъ такъ глупо влетѣлъ, не предусмотрѣлъ скандала, то-есть вашего переѣзда къ нему. Жить съ этими людьми, любить ихъ, имѣть съ ними общее—значитъ играть жалкую, унизительную роль. Подальше отъ нихъ!—продолжалъ я горячо, съ вдохновеніемъ, какого у меня давно уже не было, и глубоко вѣря въ то, что говорю и хочу сказать.—Оставьте этихъ несчастныхъ, чуждыхъ вамъ людей, и пойдемте въ иную среду. Тамъ займете вы положеніе достойное васъ...

Вдругъ въ передней раздался звонокъ. У меня ёкнуло сердце. Ужь не Орловъ ли это, которому пожаловался на меня Кукушкинъ? Какъ мы съ нимъ встрѣтимся? Я пошелъ отворять. Но это была Поля. Она вошла, стряхнула въ передней со своего бурнуса снѣгъ и, не сказавъ мнѣ ни слова, отправилась къ себѣ. Когда я вернулся въ гостиную, Зинаида Ѳедоровна, блѣдная, какъ мертвецъ, стояла среди комнаты и большими глазами смотрѣла мнѣ на встрѣчу.

— Кто это пришелъ?—спросила она

— Поля,—отвѣчалъ я.

Она провела рукой по волосамъ и въ изнеможеніи закрыла глаза.

— Я сейчасъ уѣду отсюда,—сказала она.—Вы будете добры, проводите меня на Петербургскую сторону. Теперь который часъ?

— Безъ четверти три.

XIV.

Когда мы, немного погодя, вышли изъ дому, на улицѣ было темно и безлюдно. Шелъ мокрый снѣгъ и влажный вѣтеръ хлесталъ по лицу. Помнится, тогда было начало марта, стояла оттепель и уже нѣсколько дней извощики ѣздили на колесахъ. Подъ впечатлѣніемъ черной лѣстницы, холода, ночныхъ потемокъ и дворника въ тулупѣ, который опросилъ насъ, прежде чѣмъ выпустилъ за ворота, Зинаида Ѳедоровна совсѣмъ ослабѣла и пала духомъ. Когда мы сѣли въ пролетку и накрылись верхомъ, она дрожа всѣмъ тѣломъ, торопливо заговорила, что она очень мнѣ благодарна и не сомнѣвается въ моемъ доброжелательствѣ, но что ей стыдно, что я изъ-за нея безпокоюсь.

— Я понимаю, понимаю... — бормотала она. — Когда сегодня былъ Грузинъ, я чувствовала, что онъ лжетъ и что-то скрываетъ. Ну, что-жь? Пусть. Но, все-таки, мнѣ совѣстно, что вы такъ безпокоитесь.

У нея оставались еще сомнѣнія. Чтобы окончательно разсѣять ихъ, я приказалъ извощику ѣхать по Сергіевской; остановивши его у подъѣзда Пекарскаго, я вылѣзъ изъ пролетки и позвонилъ. Когда вышелъ швейцаръ, я громко, чтобы могла слышать Зинаида Ѳедоровна, спросилъ, дома ли Георгій Ивановичъ?

— Дома,—отвѣтилъ онъ.—Съ полчаса какъ пріѣхалъ. Должно, ужь спитъ. А тебѣ что?

Зинаида Ѳедоровна не выдержала и высунулась изъ пролетки.

— А давно Георгій Ивановичъ живетъ здѣсь?—спросила она.

— Уже третью недѣлю.

— И никуда не уѣзжалъ?

— Никуда, — отвѣтилъ швейцаръ и посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Передай ему завтра пораньше, — сказалъ я,—что къ нему изъ Варшавы сестра пріѣхала. Прощай.

Затѣмъ мы поѣхали дальше. Въ пролеткѣ не было фартука и снѣгъ валилъ на насъ хлопьями, и вѣтеръ, особенно на Невѣ, пронзывалъ до костей. Мнѣ стало казаться, что мы давно уже ѣдемъ, давно страдаемъ и что я давно уже слышу, какъ дрожитъ дыханіе Зинаиды Ѳедоровны. Я мелькомъ, въ какомъ-то полубреду, точно засыпая, оглянулся на свою странную, безтолковую жизнь, и вспомнилъ, какъ у Тургенева кто-то говоритъ: «И да поможетъ Господь всѣмъ безпріютнымъ скитальцамъ!» Вспомнилась мнѣ также почему-то и мелодрама *Парижскіе нищіе*, которую я раза два видѣлъ

въ дѣтствѣ. И почему-то, когда я, чтобы встряхнуться отъ этого полубреда, выглянулъ изъ-подъ верха и увидѣлъ разсвѣтъ, всѣ образы прошлаго, всѣ туманныя мысли вдругъ слились у меня въ одну ясную, крѣпкую мысль: я и Зинаида Ѳедоровна погибли уже безвозвратно. Это была увѣренность, какъ будто синее холодное небо содержало въ себѣ пророчество, но черезъ мгновеніе я думалъ уже о другомъ и вѣрилъ въ другое.

— Что же я теперь?—опять забормотала Зинаида Ѳедоровна голосомъ, сиплымъ отъ холода и сырости.—Куда мнѣ сунуться и что дѣлать? Грузинъ сказалъ: ступайте въ монастырь. О, я пошла бы! Перемѣнила бы одежду, свое лицо, имя, мысли... все, все, и спряталась бы навѣки... Но меня не пустятъ въ монастырь. Я беременна.

— Мы завтра поѣдемъ съ вами за границу,—сказалъ я.

— Нельзя это. Мужъ не дастъ мнѣ паспорта.

— Я провезу васъ безъ паспорта.

Извощикъ остановился около двухъэтажнаго деревяннаго дома, выкрашеннаго въ темный цвѣтъ. Я позвонилъ. Принимая отъ меня небольшую легкую корзинку,—единственный багажъ, который мы взяли съ собой,—Зинаида Ѳедоровна какъ-то кисло улыбнулась и сказала:

— Это мои bijoux...

Но она такъ ослабѣла, что была не въ силахъ держать эти bijoux. Намъ долго не отворяли. Послѣ третьяго или четвертаго звонка въ окнахъ замелькалъ свѣтъ и послышались шаги, кашель, шепотъ; наконецъ, щелкнулъ замокъ и въ дверяхъ показалась полная баба съ краснымъ, испуганнымъ лицомъ. Позади ея, на нѣкоторомъ разстояніи, стояла маленькая худенькая старушка съ стриженными сѣдыми волосами, въ бѣлой кофточкѣ и со свѣчой въ рукахъ. Зинаида Ѳедоровна вбѣжала въ сѣни и бросилась къ этой старушкѣ на шею.

— Нина, я обманута!—громко зарыдала она.—Я обманута грубо, гадко! Нина! Нина!

Я отдалъ бабѣ корзинку. Дверь заперли, но все еще слышались рыданія и крикъ: «Нина!» Я сѣлъ въ пролетку и приказалъ извощику ѣхать не спѣша къ Невскому. Нужно было подумать и о своемъ ночлегѣ.

На другой день, передъ вечеромъ, я былъ у Зинаиды Ѳедоровны. Она сильно измѣнилась. На ея блѣдномъ, сильно похудѣвшемъ лицѣ не было уже и слѣда слезъ, и выраженіе было другое, какое-то особенное. Не знаю, оттого ли, что я видѣлъ ее теперь при дру-

гой обстановкѣ, далеко не роскошной, и что отношенія наши были уже иныя, или, быть можетъ, сильное горе положило уже на нее свою печать, она не казалась теперь такою изящною и нарядною, какъ всегда; фигура ея стала какъ будто мельче, лицо меньше; въ движеніяхъ, въ походкѣ, въ мимикѣ ея лица я замѣтилъ излишнюю порывистость, нервность, какъ будто она спѣшила, и не было прежней мягкости даже въ ея улыбкѣ. Я былъ одѣтъ теперь въ дорогую пару, которую купилъ себѣ днемъ. Она окинула взглядомъ, прежде всего, эту пару и шляпу въ моей рукѣ, потомъ остановила нетерпѣливый, испытующій взглядъ на моемъ лицѣ, какъ бы изучая его.

— Ваше превращеніе мнѣ все еще кажется какимъ-то чудомъ...—сказала она.—Извините, что я съ такимъ любопытствомъ осматриваю васъ. Вѣдь, вы необыкновенный человѣкъ.

Я разсказалъ ей еще разъ, кто я и зачѣмъ жилъ у Орлова, и разсказывалъ объ этомъ дольше и подробнѣе, чѣмъ вчера. Она слушала съ большимъ вниманіемъ и, не давъ мнѣ кончить, проговорила:

— Тамъ у меня все уже кончено. Знаете, я не выдержала и написала письмо. Вотъ отвѣтъ.

На листкѣ, который она подала мнѣ, почеркомъ Орлова было написано: «Я не стану оправдываться. Но согласитесь: ошиблись вы, а не я. Желаю счастья и прошу поскорѣе забыть уважающаго васъ Г. О.

«PS. Посылаю ваши вещи».

Сундуки и корзины, присланные Орловымъ, стояли тутъ же въ гостиной и среди нихъ находился также и мой жалкій чемоданъ.

— Значитъ...—сказала Зинаида Ѳедоровна и не договорила.

Мы помолчали. Она взяла отъ меня записку и минуты двѣ держала ее передъ глазами, и въ это время лицо ея приняло то самое надменное, презрительное и гордое, черствое выраженіе, какое у нея было вчера въ началѣ нашего объясненія; на глазахъ у нея выступили слезы, не робкія, не горькія, а гордыя, сердитыя слезы.

— Слушайте,—сказала она, порывисто поднимаясь и отходя къ окну, чтобы я не видѣлъ ея лица.—Я рѣшила такъ: завтра же ду съ вами за границу.

— И прекрасно. Я готовъ ѣхать хоть сегодня.

— Вербуйте меня. Вы читали Бальзака?—спросила она вдругъ, обернувшись.—Читали? Его романъ *Père Goriot* кончается тѣмъ, то герой глядитъ съ вершины холма на Парижъ и грозитъ этому

городу: «Теперь мы раздѣлаемся!»—и послѣ этого начинаетъ новую жизнь. Такъ и я, когда изъ вагона взгляну въ послѣдній разъ на Петербургъ, то скажу ему: «Теперь мы раздѣлаемся!» И ужь раздѣлаюсь!

И, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, съ злорадствомъ, которое такъ не шло къ ней, она сказала:

— Хорошо!

XV.

Въ Венеціи у меня начались плевритическія боли. Вѣроятно, я простудился вечеромъ, когда мы плыли въ гондолѣ съ вокзала въ Hôtel Bauer. Пришлось съ перваго же дня лечь въ постель и пролежать недѣли двѣ. Каждое утро, пока я былъ болѣнъ, приходила ко мнѣ изъ своего номера Зинаида Ѳедоровна, чтобы вмѣстѣ пить кофе, и потомъ читала мнѣ вслухъ французскія и русскія книги, которыя мы купили по пути въ Вѣнѣ. Эти книги были мнѣ давно уже знакомы или же не интересны, но около меня звучалъ милый, добрый голосъ, и содержаніе всѣхъ ихъ сводилось къ одному: я не одинокъ. Она уходила гулять, возвращалась въ своемъ свѣтло-сѣромъ платьѣ, въ легкой соломенной шляпѣ, веселая, согрѣтая весеннимъ солнцемъ, и, сѣвши у постели, нагнувшись низко къ моему лицу, разсказывала что-нибудь про Венецію и ласково журила, что я болѣнъ и не могу гулять съ ней.

Ночью мнѣ было холодно, больно и скучно, но днемъ я упивался жизнью,—лучшаго выраженія не придумаешь. Яркое, горячее солнце, бьющее въ открытыя окна и въ дверь на балконѣ, крики внизу, плесканье веселъ, звонъ колоколовъ, раскатистый громъ пушки въ полдень и чувство полной, полной свободы дѣлали со мной то, что я чувствовалъ на своихъ бокахъ, вмѣсто мушекъ, сильныя, широкія крылья, которыя уносили меня въ мечтахъ Богъ вѣсть куда. А какая прелесть, сколько гордости въ сознаніи, что съ моею жизнью идетъ рядомъ и неразлучно другая жизнь, что я слуга, сторожъ, другъ, необходимый спутникъ существа молодого, красиваго и богатаго, но слабаго, оскорбленнаго, одинокаго! Даже болѣть пріятно, когда знаешь, что есть люди, которые ждутъ твоего выздоровленія, какъ праздника. Разъ я слышалъ, какъ она за дверью шепталась съ моимъ докторомъ, и потомъ вошла ко мнѣ съ заплаканными глазами,—плохой знакъ для больного,—но я былъ растроганъ и едва самъ не заплакалъ отъ умиленія.

Но вотъ мнѣ позволили выходить на балконъ. Солнце и легкій

вѣтерокъ съ моря нѣжатъ и ласкаютъ мое больное тѣло. Я смотрю внизъ на давно знакомый Canal Grande и на гондолы, которыя плывутъ съ женственною граціей, плавно и величаво, какъ будто живутъ и сами чувствуютъ свою красоту, синее небо и всю роскошь этой оригинальной, обаятельной культуры. Пахнетъ моремъ. Гдѣ-то играютъ на гитарѣ и поютъ въ два голоса. Какъ хорошо! Какъ не похоже на ту петербургскую ночь, когда шелъ мокрый снѣгъ и такъ грубо хлесталъ по лицу! Вотъ, если взглянуть прямо черезъ каналъ, Лидо, правѣе—пароходы, еще правѣе—грандіозная Maria la Salute, а за всѣмъ этимъ далеко взморье и на горизонтѣ на просторѣ солнце рябитъ по водѣ такъ ярко, что больно смотрѣть. Тянетъ душу туда, къ родному, хорошему морю, которому я отдалъ свою молодость. Жить хочется! Жить и—больше ничего!

Черезъ двѣ недѣли я сталъ ходить, куда мнѣ угодно. Утромъ прогулки вмѣстѣ съ ней и осмотръ достопримѣчательностей. Я любилъ сидѣть въ гондолѣ на солнышкѣ, слушать гондольера, не понимать и по цѣлымъ часамъ смотрѣть на домикъ, гдѣ, говорятъ, жила Дездемона,—наивный, грустный домикъ съ дѣвственнымъ выраженіемъ, легкій, какъ кружево, до того легкій, что, кажется, его можно сдвинуть съ мѣста одною рукой. Я подолгу стоялъ у могилы Кановы и не отрывалъ глазъ съ плачущаго льва. А въ дворцѣ дожей, пока она ходила по комнатамъ, я все время стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ и глядѣлъ въ тотъ уголъ, гдѣ замазали черною краской несчастнаго Марино Фальеро. Хорошо быть художникомъ, поэтомъ, драматургомъ, думалъ я при этомъ, но если это недоступно для меня, то хотя бы удариться въ мистицизмъ! Эхъ, къ этому безмятежному спокойствію и удовлетворенію, какое наполняетъ душу, хотя бы кусочекъ какой-нибудь вѣры!

Вечеромъ ѣли устрицъ, пили вино, катались по каналу. Помню, наша черная гондола тихо качается на одномъ мѣстѣ, подъ ней чуть слышно хлюпаетъ вода. Тамъ и сямъ дрожатъ и колышатся отраженія звѣздъ и прибрежныхъ огней. Недалеко отъ насъ въ гондолѣ, увѣшанной цвѣтными фонарями, которые отражаются въ водѣ, сидятъ какіе-то люди и поютъ. Звукъ гитаръ, скрипокъ, мандо[illegible]ъ, мужскіе и женскіе голоса раздаются въ потемкахъ и к[illegible]ется, что вмѣстѣ съ теплымъ, влажнымъ воздухомъ вдыхаешь в[illegible]бя и эти звуки. Зинаида Ѳедоровна, блѣдная, съ серьезнымъ, п[illegible] суровымъ лицомъ, сидитъ рядомъ со мной, крѣпко стиснувъ г[illegible] и руки. Она думаетъ о чемъ-то и не пошевельнетъ даже б[illegible]ью, и такъ ушла въ себя самоё, что не слышитъ моихъ вопро-с[illegible] замѣчаній. Ея лицо, поза и неподвижный, ничего не выра-

жающій взглядъ, и до невѣроятнаго унылыя, жуткія и, какъ снѣгъ, холодныя воспоминанія, а кругомъ bella Венеція, мандолины и пѣсня съ энергическимъ вскрикомъ: «Jam-mo!... Jam-mo!...», и мечты, мечты—какіе житейскіе контрасты! Когда она сидѣла такимъ образомъ, стиснувъ руки, окаменѣлая, скорбная, мнѣ представлялось, что оба мы участвуемъ въ какомъ-то романѣ, въ старинномъ вкусѣ, подъ названіемъ: *Злосчастная*, *Покинутая* или что-нибудь вродѣ. Оба мы—ложно-классическія фигуры: она—злосчастная, брошенная, а я—вѣрный, преданный другъ, мечтатель и, если угодно, лишній человѣкъ, неудачникъ, неспособный уже ни на что, какъ только кашлять и мечтать, да пожалуй еще жертвовать собой... но кому и на что нужны теперь мои жертвы? Да и чѣмъ жертвовать, спрашивается?

Послѣ вечерней прогулки мы каждый разъ пили чай въ ея номерѣ и разговаривали. На то и другое уходило обыкновенно часа два. Мы не боялись трогать старыхъ, еще не зажившихъ ранъ,—напротивъ, я почему-то испытывалъ даже нѣкоторое удовольствіе, когда разсказывалъ ей о своей жизни у Орлова, описывая въ мельчайшихъ подробностяхъ всѣ ужины и разговоры, и когда дѣлалъ характеристику Орлова и его пріятелей, болѣе рѣзкую и немилостивую, чѣмъ въ этомъ разсказѣ, или откровенно касался тѣхъ отношеній, которыя мнѣ были извѣстны и не могли быть отъ меня скрыты, такъ какъ въ качествѣ домашняго человѣка я все видѣлъ и все слышалъ.

— Минутами я васъ ненавидѣлъ,—говорилъ я.—Когда онъ ломался, капризничалъ, снисходилъ и лгалъ, то я только руками разводилъ, какъ это вы ничего не видите, не понимаете, когда все такъ ясно,—мало того, цѣлуете ему руки, стоите на колѣняхъ, льстите... Воистину слѣпа любовь!

— Когда я... цѣловала руки и стояла на колѣняхъ, я любила...—говорила она, краснѣя.—Не всякому дано свыше быть прозорливымъ. Не угадала человѣка—и все тутъ.

— Какъ же вы могли не угадать?—изумлялся я.—Разъ вы знаете его среду и видите, что онъ доволенъ и не думаетъ покидать ее, то гдѣ же тутъ загадка, скажите на милость? Хорошъ сфинксъ! Сфинксъ—каммеръ-юнкеръ! Я ни въ чемъ васъ не упрекаю, храни Богъ, разговоръ у насъ принципіальнаго свойства,—продолжалъ я, чувствуя, что въ моей манерѣ говорить нѣтъ свѣтскости и что я совсѣмъ не умѣю нѣжно обращаться съ чужою душой; раньше, до знакомства съ ней, я никогда не замѣчалъ въ себѣ этого недостатка.—Но какъ вы могли не угадать?—повторялъ я, но уже тише и неувѣреннѣе.

— Вы хотите сказать, что презираете мое прошлое, и вы правы,—говорила она, расхаживая въ сильномъ волненіи по номеру.— Вы принадлежите къ особенному разряду людей, которыхъ нельзя мѣрить на обыкновенный аршинъ, ваши нравственныя требованія отличаются исключительною строгостью и, я понимаю, вы не можете прощать; я понимаю васъ и, если иной разъ я протестую, то это не значитъ, что я хочу снисхожденія или иначе смотрю на вещи, чѣмъ вы; говорю я прежній вздоръ просто съ непривычки, оттого, что еще не успѣла износить своихъ старыхъ платьевъ и предразсудковъ. Я сама ненавижу и презираю свое прошлое, и Орлова, и свою любовь... Какая это любовь? Это эгоизмъ, грубый, пошлый эгоизмъ!—продолжала она, сверкая глазами.—Я любила Орлова, то-есть, другими словами, хотѣла, чтобъ онъ принадлежалъ только мнѣ,—и въ этомъ вся жизнь, все страданіе! Теперь даже смѣшно все это,—говорила она, подходя къ окну и глядя внизъ на каналъ.— Всѣ эти любви только туманятъ совѣсть и сбиваютъ съ толку. Въ жизни или вовсе нѣтъ смысла, или же онъ только въ одномъ—въ борьбѣ. Въ борьбѣ не на жизнь, а на смерть! Наступить каблукомъ на подлую змѣиную голову и чтобы она—кракъ! Вотъ въ чемъ смыслъ.

Я разсказывалъ ей длинныя исторіи изъ своего прошлаго и описывалъ свои въ самомъ дѣлѣ изумительныя похожденія. Но о той перемѣнѣ, какая произошла во мнѣ, я не обмолвился ни однимъ словомъ. Я хотѣлъ, чтобъ она сама догадалась. Сидя съ ней съ глазу на глазъ или оставаясь одинъ, и по вечерамъ, когда было темно, я совсѣмъ не думалъ объ этой перемѣнѣ и вспоминалъ о ней равнодушно, днемъ же при встрѣчахъ, особенно съ русскими, я начиналъ съ тревогой оглядываться, безъ толку суетиться, и было у меня такое чувство, какъ будто я прячусь. Но, все-таки, мнѣ было хорошо. Эти короткіе припадки безпокойства не мѣшали мнѣ жить.

Она съ большимъ вниманіемъ слушала мои исторіи и въ интересныхъ мѣстахъ потирала руки, какъ будто съ досадой, что ей не удалось еще пережить такія же приключенія, страхи и радости, но вдругъ задумывалась, уходила въ себя, и я уже видѣлъ по ея лицу, что она не слушаетъ меня.

— Не пора ли намъ на боковую?—говорилъ я.

— Да, пора...—отвѣчала она вяло, осипшимъ голосомъ.

Я закрывалъ окна, выходящія на каналъ, и спрашивалъ: не затопить ли каминъ?

— Нѣтъ, Богъ съ нимъ... Мнѣ не холодно,—говорила она, вяло улыбаясь,—я только ослабѣла вся. Знаете, мнѣ кажется, что за

послѣднее время я страшно поумнѣла. У меня теперь необыкновенныя, оригинальныя мысли. Когда я, напримѣръ, думаю о прошломъ, о своей тогдашней жизни... ну, о людяхъ вообще, то все это сливается у меня въ одно—въ образъ моей мачихи. Грубая, наглая, бездушная, фальшивая, развратная и, къ тому же, еще морфинистка. Отецъ, слабый и, безхарактерный, женился на моей матери изъза денегъ и вогналъ ее въ чахотку, а эту вотъ свою вторую жену, мою мачиху, любилъ страстно, безъ памяти... Натерпѣлась я! Ну, да что говорить! Такъ вотъ все, говорю я, сливается въ одинъ образъ... И мнѣ досадно: зачѣмъ мачиха умерла? Хотѣлось бы теперь встрѣтиться съ ней!...

— Зачѣмъ?

— Голову бы ей отрубила,—отвѣчала она со смѣхомъ.—Впрочемъ, я шучу,—продолжала она осипшимъ голосомъ, провожая меня до передней.—Это другіе бы ей голову рубили, а я бы только гарцовала на бѣломъ конѣ передъ толпой... со знаменемъ... И чтобы музыка гремѣла. Ну, тамъ увидимъ, что будетъ,—говорила она живо, красиво встряхивая головой,—а пока спокойной ночи. Выздоравливайте. Какъ только поправитесь, займемся нашими дѣлами... Пора.

Когда я, уже простившись, брался за ручку двери, она говорила:

— Какъ думаете? Поля все еще живетъ у него?

— Вѣроятно.

И я уходилъ къ себѣ. Такъ мы прожили цѣлый мѣсяцъ. Въ одинъ пасмурный полдень, когда оба мы стояли у окна въ моемъ номерѣ и молча глядѣли на тучи, которыя надвигались съ моря, и на посинѣвшій каналъ и ожидали, что сейчасъ хлынетъ дождь, и когда ужь узкая, густая полоса дождя, какъ марля, закрыла церковь на Лидо, намъ обоимъ вдругъ стало скучно. Въ тотъ же день мы уѣхали во Флоренцію.

XVI.

Дѣло происходило уже осенью, въ Ниццѣ. Однажды утромъ, зайдя къ ней въ номеръ, я засталъ ее въ такомъ положеніи: она сидѣла въ креслѣ, положивъ ногу на ногу, сгорбившись, осунувшись, такъ что въ первую минуту показалась мнѣ не взрослою женщиной, а точно карлицей, и, закрывъ лицо руками, плакала горько, навзрыдъ, и ея длинные, не причесанные волосы падали ей на колѣни. Впечатлѣніе чуднаго, удивительнаго моря, которое я

только что наблюдалъ, вдругъ оставило меня и мое сердце сжалось отъ боли.

— О чемъ вы?—спросилъ я; она отняла одну руку отъ лица, которое на этотъ разъ показалось мнѣ болѣзненно сѣрымъ и желтымъ, и махнула мнѣ, чтобъ я вышелъ.—Ну, о чемъ вы?—повторилъ я, и въ первый разъ за все время нашего знакомства поцѣловалъ у ней руку.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего!—проговорила она быстро.—Ахъ, ничего, ничего... Уйдите... Видите, я не одѣта.

Я вышелъ въ страшномъ смущеніи и съ болью въ сердцѣ. Покой и безпечальное настроеніе, въ какомъ я такъ долго находился, были отравлены, и я въ отчаяніи схватилъ себя за голову. Состраданіе, жалость, страстное желаніе пасть къ ея ногамъ, умолять, чтобы она не плакала въ одиночку, а дѣлилась бы со мной своимъ горемъ; но этого мало: предчувствіе новыхъ слезъ, новыхъ скорбей и потерь вдругъ овладѣло мной, и ровный шумъ моря заворчалъ въ моихъ ушахъ уже какъ мрачное пророчество. О чемъ, о чемъ она плачетъ?—спрашивалъ я, вспоминая ея лицо и страдальческій взглядъ и холодѣя отъ ужаса.—Вѣдь, прошлаго не жаль, оно ненавистно, съ нимъ уже покончено... Пугаетъ ее будущее? Или, быть можетъ, тутъ какія-нибудь особенныя причины, отъ меня скрытыя, которыя навсегда останутся для меня тайной, такъ какъ я не знаю ни жизни, ни людей? Вразуми меня, Господи! Я вспомнилъ, что она беременна. Беременность, очевидно, безпокоила и непріятно смущала ее, такъ какъ она старалась скрывать ее не только отъ людей, но даже отъ себя самой. Дома она ходила въ просторной блузѣ или въ кофточкѣ съ преувеличенно пышными складками на груди, а уходя куда-нибудь, затягивалась въ корсетъ такъ сильно, что два раза во время прогулокъ съ ней случались обмороки. Со мной она никогда не говорила о своей беременности и однажды, когда я заикнулся о томъ, что ей не мѣшало бы посовѣтоваться съ докторомъ, она вся покраснѣла и заговорила о чемъ-то другомъ. Если въ самомъ дѣлѣ ее тревожитъ беременность,—думалъ я,—то тутъ я плохой утѣшитель и совѣтчикъ. Тутъ я чужой человѣкъ.

Когда я часъ спустя вошелъ къ ней нерѣшительно, она была уже одѣта и причесана.

— Полно, полно!—сказалъ я, видя, что она держитъ платокъ наготовѣ и скоро опять заплачетъ.—Давайте-ка лучше пойдемъ къ морю и потолкуемъ о чемъ-нибудь.

— Не могу я говорить... Простите, я теперь въ такомъ

настроеніи, когда хочется быть одной. И, пожалуйста, Владиміръ Ивановичъ, когда въ другой разъ захотите войти ко мнѣ, то предварительно стучите въ дверь.

Это она проговорила сухо, поднявъ брови и не глядя на меня; и слово «предварительно» прозвучало какъ то особенно черство, не по-женски. Я вышелъ. Холодныя мурашки бѣгали у меня по спинѣ, возвращалось проклятое, петербургское настроеніе и всѣ мои мечты свернулись и сжались, какъ листья отъ жара. Я чувствовалъ, что я опять одинокъ, что близости между нами нѣтъ. Я для нея то же, что вотъ для этой пальмы паутина, которая повисла на ней случайно и которую сорветъ и унесетъ вѣтеръ. Я прогулялся по скверу, гдѣ играла музыка, зашелъ въ казино; тутъ я оглядывалъ разодѣтыхъ, сильно пахнущихъ кокотокъ, но уже не какъ зритель, а съ отвращеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, онѣ здѣсь отвратительныя, съ наглыми, коммерчески-равнодушными лицами, и каждая взглядывала на меня такъ, какъ будто хотѣла сказать: «Ты одинокъ, и прекрасно...» Потомъ я вышелъ на террасу и долго глядѣлъ на море. Вдали на горизонтѣ ни одного паруса, на лѣвомъ берегу въ лиловатой мглѣ горы, сады, башни, дома, на всемъ играетъ солнце, но все чуждо, равнодушно, путаница какая-то. Слезы на глазахъ? Что за страданіе!

Когда же передъ вечеромъ она встрѣтилась мнѣ на набережной и съ доброю, кроткою улыбкой похвалила погоду и предложила пройтись съ ней, радость волной хлынула мнѣ въ душу и я забылъ все. Мы ходили по берегу и смотрѣли, какъ бѣднота ловитъ сѣтями и корзинами мелкую рыбешку, которая тучами ходитъ по поверхности моря. Уже садилось солнце.

— Простите меня,—сказала она тихо.—Я виновата.

И, чтобъ я не увидѣлъ слезъ, которыя заблестѣли на ея глазахъ, она быстро спустилась внизъ къ самой водѣ. Около корзинъ и сѣтей по мокрымъ камнямъ прыгали рыбешки. Она собрала ихъ полную горсть и бросила въ волны.

XVII.

Она, попрежнему, приходила ко мнѣ по утрамъ пить кофе, но мы уже не обѣдали вмѣстѣ; ей, какъ она говорила, не хотѣлось ѣсть и питалась она только кофе, чаемъ и разными пустяками, вродѣ апельсиновъ и карамели.

И разговоровъ у насъ по вечерамъ уже не было. Не знаю, почему такъ. Послѣ того, какъ я засталъ ее въ слезахъ, она стала

относиться ко мнѣ какъ-то слегка, подчасъ небрежно, даже съ ироніей, и называла меня почему-то «сударь мой». То, что раньше казалось ей страшнымъ, удивительнымъ, героическимъ и что возбуждало въ ней зависть и восторгъ, теперь не трогало ее вовсе, и обыкновенно, выслушавъ меня, она слегка потягивалась и говорила:

— Да, было дѣло подъ Полтавой, сударь мой, было.

Случалось даже, что я не встрѣчался съ ней по цѣлымъ днямъ. Бывало, постучишься робко и виновато въ ея дверь—отвѣта нѣтъ; постучишься еще разъ—молчаніе... Стоишь около двери и слушаешь; но вотъ мимо проходитъ горничная и холодно заявляетъ: «madame est partie...» Затѣмъ ходишь по корридору гостиницы, ходишь, ходишь... Какіе-то англичане, полногрудыя дамы, гарсоны во фракахъ... Нехорошее предчувствіе, по обыкновенію, овладѣваетъ мной. И когда я долго смотрю на длинный полосатый коверъ, который тянется черезъ весь корридоръ, мнѣ приходитъ на мысль, что въ жизни этой женщины я играю странную, фальшивую роль и что уже не въ моихъ силахъ измѣнить эту роль; я бѣгу къ себѣ въ номеръ, падаю на постель и думаю, думаю и не могу ничего придумать, и для меня ясно только, что мнѣ страстно, мучительно хочется жить, и что чѣмъ некрасивѣе, желтѣе становится ея лицо, чѣмъ суше и черствѣе черты, чѣмъ меньше гибкости и стройности въ ея тѣлѣ, тѣмъ она ближе ко мнѣ и тѣмъ сильнѣе я чувствую наше родство. Пусть я—«сударь мой», пусть этотъ легкій, пренебрежительный тонъ, пусть даже она зло посмѣется надо мной, пусть что угодно, но только не оставляла бы меня. Мнѣ теперь страшно одному.

Потомъ я опять выхожу въ корридоръ, съ тревогой прислушиваюсь... Я не обѣдаю, не замѣчаю, какъ наступаетъ вечеръ. Наконецъ, часу въ одиннадцатомъ слышатся знакомые шаги и на поворотѣ около лѣстницы показывается Зинаида Ѳедоровна.

— Прогуливаетесь?—спрашиваетъ она, проходя мимо.—Вы бы лучше шли наружу... Спокойной ночи!

— Но развѣ мы уже не увидимся сегодня?

— Уже поздно, кажется. Впрочемъ, какъ хотите.

— Скажите, гдѣ вы были?—спросилъ я однажды, входя за нею въ номеръ.

— Гдѣ? Въ Монте-Карло,—сказала она, садясь и быстро сбрасывая съ себя перчатки и шляпку; она достала изъ кармана штукъ десять золотыхъ монетъ и, позвякивая ими, сказала:—Вотъ, сударь мой. Выиграла.

— Ну, вы не станете играть въ рулетку.

— Отчего же? Я и завтра опять поѣду. Позвоните, однако, чтобы мнѣ чаю дали. Я съ утра ничего не ѣла.

Я вообразилъ, какъ она съ нехорошимъ болѣзненнымъ лицомъ, беременная, сильно затянутая, стоитъ около игорнаго стола въ толпѣ кокотокъ, выжившихъ изъ ума старухъ и всякой дряни, которая жмется у золота, какъ мухи у меда, и не скажу, чтобъ эта картина подѣйствовала на меня непріятно. Но вспомнилъ я, что она всѣ эти дни уходила одна и не брала меня съ собой, и мнѣ стало обидно и горько.

— Я не вѣрю вамъ,—сказалъ я.—Вы не поѣдете въ этотъ притонъ.

— Не волнуйтесь. Много я не могу проиграть. Я ставлю только на дюжины да на noir.

— Дѣло не въ проигрышѣ,—сказалъ я съ досадой.—Развѣ вамъ не приходило на мысль, когда вы тамъ играли, что блескъ золота, всѣ эти женщины, старыя и молодыя, крупье, вся обстановка, что все это—подлая, гнусная насмѣшка надъ трудомъ рабочаго, надъ кровавымъ потомъ?

— Если не играть, то что же тутъ дѣлать?—спросила она и пожала однимъ плечомъ.—И трудъ рабочаго, и кровавый потъ—это краснорѣчіе вы отложите до другого раза, а теперь разъ вы начали, то позвольте мнѣ продолжать; позвольте мнѣ поставить ребромъ вопросъ: что мнѣ тутъ дѣлать и что я буду дѣлать? Вы понимаете, что я хочу спросить...—добавила она тихо и съ сожалѣніемъ, какъ будто уже знала, что я ей отвѣчу.

— Что дѣлать?—сказалъ я, пожавъ плечами.—На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить сразу.

— Я прошу отвѣта по совѣсти, Владиміръ Ивановичъ, — сказала она и лицо ея дрогнуло.—Разъ я рѣшилась задать вамъ этотъ вопросъ, то не для того, чтобы слышать общія фразы. Я васъ спрашиваю,—продолжала она, стуча ладонью по столу, какъ бы отмѣривая тактъ,—что я должна здѣсь дѣлать? И не только здѣсь въ Ниццѣ, но вообще?

Я молчалъ и смотрѣлъ въ окно на море. Сердце у меня страшно забилось.

— Владиміръ Ивановичъ...—сказала она тихо и прерывисто дыша; ей тяжело было говорить.—Владиміръ Ивановичъ, если вы сами не вѣрите въ дѣло, если вы уже не думаете вернуться къ нему, то зачѣмъ... зачѣмъ вы тащили меня изъ Петербурга? Зачѣмъ обѣщали и зачѣмъ возбудили во мнѣ сумасшедшія надежды? Убѣжденія ваши измѣнились, вы стали другимъ человѣкомъ и никто не

винитъ васъ въ этомъ—убѣжденія не всегда въ нашей власти, но... но, Владиміръ Ивановичъ, Бога ради, зачѣмъ вы неискренни?—продолжала она тихо, подходя ко мнѣ.—Когда я всѣ эти мѣсяцы мечтала вслухъ, бредила, восхищалась своими планами, перестраивала свою жизнь на новый ладъ, то почему вы не говорили мнѣ правды, а молчали, или поощряли разсказами и держали себя такъ, какъ будто вполнѣ сочувствовали мнѣ? Почему? Для чего это было нужно?

— Трудно сознаваться въ своемъ банкротствѣ,—проговорилъ я, оборачиваясь, но не глядя на нее.—Да, я не вѣрю, утомился, палъ духомъ... Тяжело быть искреннимъ, страшно тяжело, и я молчалъ. Не дай Богу никому пережить то, что я пережилъ.

Мнѣ показалось, что я сейчасъ заплачу, и я замолчалъ.

— Владиміръ Ивановичъ,—сказала она и взяла меня за обѣ руки.—Вы много пережили и испытали, знаете больше, чѣмъ я; подумайте серьезно и скажите: что мнѣ дѣлать? Когда я мало-помалу убѣдилась, что вы не вѣрите, то и у меня поколебалась вѣра и я тоже... пала духомъ. Научите меня. Если вы сами уже не въ силахъ идти и вести за собой другихъ, то, по крайней мѣрѣ, укажите, куда мнѣ идти. Согласитесь, вѣдь, я живой, чувствующій и разсуждающій человѣкъ... Попасть въ ложное положеніе... играть жалкую, унизительную роль... мнѣ это тяжело. Я не упрекаю, не обвиняю васъ, а только прошу.

Принесли чай.

— Ну, что же? — спросила Зинаида Ѳедоровна, когда гарсонъ вышелъ.—Что вы мнѣ скажете?

— Не только свѣту, что въ окнѣ,—отвѣтилъ я.—И кромѣ меня есть люди, Зинаида Ѳедоровна.

— Такъ вотъ укажите мнѣ ихъ,—живо сказала она.—Я объ этомъ только и прошу васъ.

— И еще я хочу сказать,—продолжалъ я.—Служить идеѣ можно не на одномъ какомъ-нибудь поприщѣ. Если ошиблись, извѣрились на одномъ, то можно отыскать другое. Міръ идей широкъ и неисчерпаемъ.

— Міръ идей!—проговорила она и насмѣшливо поглядѣла мнѣ въ лицо.—Такъ ужь лучше мы перестанемъ... Что ужь тутъ...

Она покраснѣла и пошла къ столу наливать чай.

— Міръ идей!—повторила она и отбросила салфетку въ сторону, и лицо ея приняло негодующее, брезгливое выраженіе.—Всѣ ти ваши прекрасныя идеи, я вижу, сводятся къ одному неизбѣжному, необходимому шагу: я должна сдѣлаться вашею любовницей. Вотъ что нужно. Носиться съ идеями и не быть любовницей честнѣй-

шаго, идейнѣйшаго человѣка — значитъ не понимать идей. Надо начинать съ этого... то-есть съ любовницы, а остальное само приложится.

— Вы раздражены, Зинаида Ѳедоровна,—сказалъ я.

— Нѣтъ, я искренна! — крикнула она, тяжело дыша. — Я искренна!

— Вы искренни, быть можетъ, но вы заблуждаетесь, и мнѣ больно слушать васъ.

— Я заблуждаюсь!—засмѣялась она.—Кто бы говорилъ, да не вы, сударь мой! Пусть я покажусь вамъ неделикатной, жестокой, но куда ни шло: вы любите меня? Вѣдь, любите?

Я покраснѣлъ и пожалъ плечами.

— Да, пожимайте плечами!—продолжала она насмѣшливо.— Когда вы были больны, я слышала, какъ вы бредили мной, потомъ постоянно эти обожающіе глаза, вздохи, благонамѣренные разговоры о близости, духовномъ родствѣ... Но, главное, почему вы до сихъ поръ были не искренни? Почему вы скрывали то, что есть, а говорили о томъ, чего нѣтъ? Сказали бы съ самаго начала, какія собственно идеи заставили васъ вытащить меня изъ Петербурга, такъ бы ужь я и знала. Отравилась бы тогда, какъ хотѣла, и не была бы теперь этой нудной комеди... Э, да что говорить!—она махнула на меня рукой и сѣла.

— Похоже на то, какъ будто вы подозрѣваете во мнѣ безчестныя намѣренія,—обидѣлся я.

— Ну, да ужь ладно! Что ужь тутъ! Я не намѣренія подозрѣваю въ васъ, а то, что у васъ никакихъ намѣреній не было. Будь они у васъ, я бы ужь знала ихъ. Кромѣ идей и любви, у васъ ни чего не было,—засмѣялась она.—Теперь идеи и любовь, а въ перспективѣ—я любовница. Таковъ ужь порядокъ вещей и въ жизни, и въ романахъ... Вотъ вы бранили его,—сказала она и ударила ладонью по столу,—а, вѣдь, поневолѣ съ нимъ согласишься. Не даромъ онъ презираетъ всѣ эти идеи.

— Онъ не презираетъ идей, а боится ихъ!—крикнулъ я.—Онъ трусъ и лжецъ!

— Ну, да ужь ладно! Онъ трусъ, лжецъ и обманулъ меня, а вы? Извините за откровенность: вы кто? Онъ обманулъ и бросилъ меня на произволъ судьбы въ Петербургѣ, а вы обманули и бросили меня здѣсь. Но тотъ хоть идей не приплеталъ къ обману, а вы...

— Бога ради, зачѣмъ вы это говорите?—ужаснулся я, ломая руки и быстро подходя къ ней.—Если Орловъ и я обманули васъ, то причемъ тутъ идеи? Чѣмъ онѣ виноваты? Вѣдь, не я и не Орловъ

ихъ выдумали... Нѣтъ, Зинаида Ѳедоровна, нѣтъ, это цинизмъ, нельзя такъ отчаиваться, выслушайте меня,—продолжалъ я, ухватившись за мысль, которая вдругъ неясно блеснула у меня въ головѣ и, казалось, могла еще спасти насъ обоихъ.—Слушайте меня... Я, чахоточный, испытавшій на своемъ вѣку, кажется, все, что только можно испытать человѣку, крѣпко понялъ мозгомъ и своею болью, что назначеніе человѣка или ни въ чемъ, или же только въ одномъ—въ самоотверженной любви къ ближнему. Вотъ куда мы должны идти и въ чемъ наше назначеніе! Вотъ моя вѣра!

Дальше я хотѣлъ сказать о милосердіи, о всепрощеніи, о томъ, что можно служить истинѣ независимо отъ принадлежности къ той или другой категоріи или партіи, но голосъ мой вдругъ зазвучалъ неискренно, я смутился и въ отчаяніи махнулъ рукой.

— Мнѣ жить хочется! — проговорилъ я искренно.— Жить, жить—и больше ничего! Я хочу мира, тишины... я хочу тепла, вотъ этого моря, вашей близости. О, какъ бы я хотѣлъ внушить и вамъ эту страстную жажду жизни! Она, быть можетъ, болѣзнь, да, вѣроятно, и есть болѣзнь, но съ ней хорошо. Какъ бы мы жили! Вы только что говорили про любовь, но для меня было бы довольно и одной близости вашей, вашего голоса, выраженія лица... Я бы служилъ вамъ, берегъ и, какъ говорится, лелѣялъ бы васъ... Вашего ребенка я любилъ бы какъ своего... и я уже люблю его.

Она покраснѣла и сказала быстро, чтобы помѣшать мнѣ говорить:

— Вы любите жизнь, а я ее ненавижу. Стало быть, дороги у насъ разныя.

Она налила себѣ чаю, но не дотронулась до него, пошла въ спальню и легла.

— Я полагаю, намъ бы лучше прекратить этотъ разговоръ,— сказала она мнѣ оттуда.—Для меня все уже кончено и ничего мнѣ не нужно... Что-жь тутъ разговарить еще?

— Нѣтъ, не все кончено!

— Ну, да ладно!... Знаю я! Вотъ еслибъ, впрочемъ, я встрѣтилась еще съ третьимъ какимъ-нибудь идейнымъ человѣкомъ, потомъ съ четвертымъ, съ пятымъ... быть можетъ, вышло бы что-нибудь,—сказала она тихо себѣ самой, съ насмѣшкой.—Но надоѣло... Будетъ!

Я постоялъ, прошелся изъ угла въ уголъ и вышелъ въ коридоръ. Когда потомъ, поздно ночью, я подошелъ къ ея двери и прислушался, мнѣ явственно послышался плачъ.

Я попрошу позволенія не описывать того состоянія души, какое

у меня было въ эту безсонную ночь и затѣмъ въ послѣдующіе дни. Я плакалъ, смѣялся надъ собой, молился, приходилъ къ убѣжденію, что я съ ума сошелъ, и радовался, что я сумасшедшій... На другой день утромъ лакей, подавая мнѣ платье, сообщилъ мнѣ съ улыбкой, что госпожа изъ 13-го номера родитъ. Я кое-какъ одѣлся и, замирая отъ ужаса, поспѣшилъ къ Зинаидѣ Ѳедоровнѣ. Въ ея номерѣ находились докторъ, акушерка и пожилая русская дама изъ Харькова, которую звали Дарьей Михайловной. Пахло эѳирными каплями. Едва я переступилъ порогъ, какъ изъ комнатки, гдѣ лежала она, послышался тихій, жалобный стонъ. Только этого стона еще недоставало мнѣ, чтобы въ одно мгновеніе увидѣть всю горькую, жестокую правду отъ начала до конца и вновь пережить все прошлое. Точно вѣтеръ донесъ мнѣ его изъ Россіи, я вспомнилъ Орлова, его иронію, Полю, Неву, снѣгъ хлопьями, потомъ пролетку безъ фартука, пророчество, какое я прочелъ на холодномъ утреннемъ небѣ, и отчаянный крикъ: «Нина! Нина!» Я бросился назадъ.

Мнѣ почему-то казалось, что нужно непремѣнно послать Орлову телеграмму. Я побѣжалъ на телеграфъ, схватилъ перо и написалъ: «Мы погубили...»—и зачеркнулъ. «Мы обманули...»—зачеркнулъ. «Обманутая, оскорбленная...» — зачеркнулъ. Я написалъ, что она невыносимо страдаетъ, погибла но бросилъ и это. Испачкавъ и порвавъ нѣсколько листковъ, я бросилъ чиновнику лиру и выбѣжалъ вонъ.

Когда я, собравшись съ силами, опять пришелъ къ ней, въ номерѣ были акушерка и дама изъ Харькова. Я поклонился имъ и остановился около двери съ такимъ чувствомъ, какъ будто въ номерѣ былъ покойникъ.

— Вы сходите къ ней,—сказала дама.

Я вошелъ къ Зинаидѣ Ѳедоровнѣ. Она лежала съ закрытыми глазами, сильно похудѣвшая, блѣдная, въ бѣломъ чепчикѣ съ кружевами. Помню, два выраженія были на ея лицѣ: одно равнодушное, холодное, вялое, другое дѣтское и безпомощное, какое придавалъ ей бѣлый чепчикъ. Она не слышала, какъ я вошелъ или, быть можетъ, слышала, но не обратила на меня вниманія. Я стоялъ, смотрѣлъ на нее и ждалъ, когда она откроетъ глаза. Я рѣшилъ, крѣпко рѣшилъ, что, наконецъ, я оставлю этотъ вѣчный страхъ казаться чувствительнымъ, упаду передъ ней на колѣни и буду говорить все, все...

Но вотъ лицо ея покривилось отъ боли, она стиснула зубы, вытянулась и простонала, стараясь сдержать себя. Потомъ она откры-

ла глаза и стала глядѣть въ потолокъ, какъ бы соображая, что съ ней... На ея лицѣ выразилось отвращеніе.

— Гадко,—прошептала она.

— Зинаида Ѳедоровна,—позвалъ я слабо.

Она равнодушно, вяло поглядѣла на меня и закрыла глаза. Я вышелъ.

Ночью Дарья Михайловна сообщила мнѣ, что родилась дѣвочка, но что роженица въ опасномъ положеніи: докторъ подозрѣваетъ, что она приняла ядъ. А на другой день въ полдень Зинаида Ѳедоровна скончалась.

XVIII.

Прошло два года... Обстоятельства измѣнились, я опять поѣхалъ въ Петербургъ и могъ жить тутъ, уже не скрываясь. Я уже не боялся быть и казаться чувствительнымъ и весь ушелъ въ отеческое или, вѣрнѣе, идолопоклонническое чувство, какое возбуждала во мнѣ Соня, дочь Зинаиды Ѳедоровны. Я кормилъ ее изъ своихъ рукъ, купалъ, укладывалъ спать, не сводилъ съ нея глазъ по цѣлымъ ночамъ и истерически вскрикивалъ, когда мнѣ казалось, что нянька ее сейчасъ уронитъ. Моя жажда обыкновенной обывательской жизни съ теченіемъ времени становилась все сильнѣе и раздражительнѣе, но широкія мечты остановились около Сони, какъ будто нашли въ ней, наконецъ, именно то, что имъ нужно было. Я любилъ эту дѣвочку безумно. Въ ея жизни я видѣлъ продолженіе своей жизни и мнѣ не то чтобы казалось, а я чувствовалъ, почти вѣровалъ, что когда, наконецъ, я сброшу съ себя длинное, костлявое, бородатое тѣло, то буду жить въ этихъ голубыхъ глазкахъ, въ бѣлокурыхъ шелковыхъ волосикахъ и въ этихъ пухлыхъ, розовыхъ ручонкахъ, которыя такъ любовно гладятъ меня по лицу и обнимаютъ мою шею... Но «что ужь тутъ», какъ говорила покойная въ послѣдніе дни своей жизни, «ну, да ужь ладно»... Пора перестать говорить о себѣ.

Судьба Сони пугала меня. Отцомъ ея былъ Орловъ, въ метрическомъ свидѣтельствѣ она называлась Красновскою, а единственный человѣкъ, который зналъ объ ея существованіи и для котораго но было интересно, то-есть я, уже дотягивалъ свою пѣсню. Нужно ыло подумать о ней серьезно.

На другой же день по пріѣздѣ въ Петербургъ я отправился къ рлову. Отворилъ мнѣ толстый старикъ съ рыжими бакенами и езъ усовъ, повидимому, нѣмецъ. Поля, убиравшая въ гостиной, е узнала меня, но за то Орловъ узналъ тотчасъ же.

— А, господинъ крамольникъ!— сказалъ онъ, оглядывая меня съ любопытствомъ и смѣясь.—Какими судьбами?

Онъ нисколько не измѣнился: все то же холеное, лощеное, непріятное лицо, та же иронія... И на столѣ, какъ въ прежнее время, лежала какая-то новая книга съ заложеннымъ въ нее ножомъ изъ слоновой кости. Очевидно, читалъ до моего прихода. Онъ усадилъ меня, предложилъ сигару и съ деликатностью, свойственною только отлично воспитаннымъ людямъ, скрывая непріятное чувство, какое возбуждали въ немъ мое лицо и тощая фигура, замѣтилъ вскользь, что я нисколько не измѣнился и что меня легко узнать, несмотря даже на то, что я обросъ бородою. Поговорили о погодѣ, о Парижѣ... Чтобы поскорѣе отдѣлаться отъ тяжелаго, неизбѣжнаго вопроса, который томилъ и его, и меня, онъ спросилъ:

— Зинаида Ѳедоровна умерла?

— Да, умерла,—отвѣтилъ я.

— Отъ родовъ?

— Да, отъ родовъ. Докторъ подозрѣвалъ другую причину смерти, но... и для васъ, и для меня покойнѣе думать, что она умерла отъ родовъ.

Онъ вздохнулъ изъ приличія и помолчалъ. Пролетѣлъ тихій ангелъ.

— Такъ-съ,—пробормоталъ онъ, щурясь на свои ногти.—А у меня все по-старому, никакихъ особенныхъ перемѣнъ,—живо заговорилъ онъ, замѣтивъ, что я оглядываю кабинетъ.—Отецъ, какъ вы знаете, въ отставкѣ и уже на покоѣ, я все тамъ же. Пекарскаго помните? Онъ все такой же... Грузинъ въ прошломъ году умеръ отъ дифтерита... Ну-съ, Кукушкинъ живъ и частенько вспоминаетъ о васъ. Кстати,— продолжалъ Орловъ, застѣнчиво опуская глаза,— когда Кубушкинъ узналъ, кто вы, то сталъ вездѣ разсказывать, что вы будто учинили на него нападеніе, хотѣли его убить... и онъ едва спасся. Было ли что-нибудь подобное? Экій, прости Господи, барабошка!

Я промолчалъ.

— Старые слуги не забываютъ своихъ господъ... Это очень мило съ вашей стороны,— пошутилъ Орловъ.— Однако, не хотите ли вина или кофе? Я прикажу сварить.

— Нѣтъ, благодарю... Я къ вамъ по очень важному дѣлу, Георгій Ивановичъ.

— Я не охотникъ до важныхъ дѣлъ, но вамъ радъ служить. Что прикажете?

— Видите ли,— началъ я, волнуясь,— со мной въ настоящее

время находится здѣсь дочь покойной Зинаиды Ѳедоровны... то-есть ваша дочь. До сихъ поръ я занимался ея воспитаніемъ, но, какъ видите, не сегодня-завтра я превращусь въ звукъ пустой. Мнѣ хотѣлось бы умереть съ мыслью, что она пристроена.

Орловъ слегка покраснѣлъ, нахмурился и сурово, мелькомъ взглянулъ на меня. На него непріятно подѣйствовало не столько «важное дѣло», какъ слова мои о превращеніи въ звукъ пустой, о смерти.

— Да, объ этомъ надо подумать,—сказалъ онъ, заслоняя глаза, какъ отъ солнца.—Благодарю васъ. Вы говорите: дѣвочка?

— Да, дѣвочка. Чудная дѣвочка!

— Такъ... Это не мопсъ, а человѣкъ... надо серьезно подумать. Я готовъ принять участіе и... и очень обязанъ вамъ...

Онъ всталъ, прошелся, кусая ногти, и остановился передъ картиной.

— Объ этомъ надо подумать,—сказалъ онъ глухо, стоя ко мнѣ спиной.—Я сегодня побываю у Пекарскаго и попрошу его съѣздить къ Красновскому. Думаю, что Красновскій не будетъ долго ломаться и согласится взять эту дѣвочку.

— Но, простите, я не знаю, причемъ тутъ г. Красновскій,— сказалъ я, тоже вставая и подходя къ картинѣ въ другомъ концѣ кабинета.

— Но, вѣдь, она носитъ его фамилію, надѣюсь! — сказалъ Орловъ.

— Да, онъ обязанъ по закону принять къ себѣ этого ребенка, но я пришелъ къ вамъ, Георгій Ивановичъ, не для того, чтобъ толковать законы.

— Да, да, вы правы,—живо заговорилъ онъ.—Я, кажется, говорю вздоръ. Но вы не волнуйтесь. Мы все это обсудимъ къ взаимному удовольствію. Не одно, такъ другое, не другое, такъ третье, а такъ или иначе этотъ щекотливый вопросъ будетъ рѣшонъ. Пекарскій все устроитъ. Вы будете добры, оставите мнѣ свой адресъ и я сообщу вамъ немедленно то рѣшеніе, къ какому мы придемъ. Вы гдѣ живете?

Орловъ записалъ мой адресъ, вздохнулъ и сказалъ съ улыбкой:

— Что за коммиссія, Создатель, быть малой дочери отцомъ! Но Пекарскій все устроитъ. Это «вумный» мужчина. А вы долго прожили въ Парижѣ?

— Мѣсяца два.

Мы помолчали. Орловъ, очевидно, боялся, что я опять заговорю о дѣвочкѣ и, чтобы отвлечь мое вниманіе въ другую сторону, сказалъ:

— Вы, вѣроятно, уже забыли про свое письмо. А я берегу его. Ваше тогдашнее настроеніе я понимаю и, признаться, уважаю это письмо. Проклятая, холодная кровь, азіатъ, лошадиный смѣхъ— это мило и характерно,—продолжалъ онъ, иронически улыбаясь.— И основная мысль, пожалуй, близка къ правдѣ, хотя можно было бы спорить безъ конца. То-есть,—замялся онъ,—спорить не съ самою мыслью, а съ вашимъ отношеніемъ къ вопросу, съ вашимъ, такъ сказать, темпераментомъ. Да, моя жизнь ненормальна, испорчена, не годится ни къ чорту, и начать новую жизнь мнѣ мѣшаетъ трусость,—тутъ вы совершенно правы. Но что вы такъ близко принимаете это къ сердцу, волнуетесь и приходите въ отчаяніе,—это не резонъ, тутъ вы совсѣмъ неправы.

— Вы бросаете бумагу въ огонь и хотите, чтобъ она не горѣла? Живой человѣкъ не можетъ не волноваться и не отчаяваться, когда видитъ, что самъ погибаетъ и вокругъ гибнутъ другіе.

— Кто говоритъ! Я вовсе не проповѣдую равнодушія, а хочу только объективнаго отношенія къ жизни. Чѣмъ объективнѣе, тѣмъ меньше риску впасть въ ошибку. Надо смотрѣть въ корень и искать въ каждомъ явленіи причину всѣхъ причинъ. Мы ослабѣли, опустились, пали, наконецъ, наше поколѣніе всплошную состоитъ изъ неврастениковъ и нытиковъ, мы только и знаемъ, что толкуемъ объ усталости и переутомленіи, но виноваты въ этомъ не вы и не я; мы слишкомъ мелки, чтобы отъ нашего произвола могла зависѣть судьба цѣлаго поколѣнія. Тутъ, надо думать, причины большія, общія, имѣющія съ точки зрѣнія біологической свой солидный raison d'être. Мы неврастеники, кисляи, отступники, но, быть можетъ, это нужно и полезно для тѣхъ поколѣній, которыя будутъ жить послѣ насъ. Ни единый волосъ не падаетъ съ головы безъ воли Отца Небеснаго,—другими словами, въ природѣ и въ человѣческой средѣ ничто не творится зря. Все обосновано и все необходимо. А если такъ, то чего же намъ особенно безпокоиться и бить себя по персямъ?

— Такъ-то-такъ,— сказалъ я, подумавъ. —Я вѣрю, слѣдующимъ поколѣніямъ будетъ легче и виднѣй; къ ихъ услугамъ будетъ нашъ опытъ. Но, вѣдь, хочется жить независимо отъ будущихъ поколѣній и не только для нихъ. Жизнь дается одинъ разъ и хочется прожить ее бодро, осмысленно, красиво... Хочется играть видную, самостоятельную, благородную роль, хочется дѣлать исторію, чтобы тѣ же поколѣнія не имѣли права сказать про каждаго изъ насъ: то было ничтожество, или то былъ ренегатъ, или еще хуже того... Я вѣрю и въ цѣлесообразность, и въ необходимость того, что про-

исходить вокругъ, но какое мнѣ дѣло до этой необходимости, зачѣмъ пропадать моему «я»?

— Ну, что дѣлать?—вздохнулъ Орловъ, поднимаясь и какъ бы давая понять, что разговоръ нашъ уже конченъ.—Нашему поколѣнію—крышка. Съ этимъ мириться нужно.

Я взялся за шапку.

— Только полчаса посидѣли, а сколько вопросовъ рѣшили, подумаешь!—говорилъ Орловъ, провожая меня до передней.—Такъ я позабочусь о томъ... Сегодня же повидаюсь съ Пекарскимъ. Будьте безъ сумлѣнія.

Онъ остановился въ ожиданіи, пока я одѣнусь, и видимо чувствуя удовольствіе отъ того, что я сейчасъ уйду.

— Георгій Ивановичъ, возвратите мнѣ мое письмо,—сказалъ я.

— Слушаю-съ!

Онъ пошелъ въ кабинетъ и черезъ минуту вернулся съ письмомъ. Я поблагодарилъ и вышелъ.

На другой день я получилъ отъ него письмо. Онъ поздравлялъ меня съ благополучнымъ рѣшеніемъ вопроса. У Пекарскаго есть знакомая дама, писалъ онъ, которая держитъ пансіонъ, что-то вродѣ дѣтскаго сада, куда принимаются даже очень маленькія дѣти. На даму можно положиться вполнѣ, но, прежде чѣмъ входить съ нею въ соглашеніе, не мѣшаетъ переговорить съ Красновскимъ—этого требуетъ формальность. Совѣтовалъ мнѣ немедленно отправиться къ Пекарскому и кстати прихватить съ собою метрическое свидѣтельство, если таковое имѣется. «Примите увѣреніе въ искреннемъ уваженіи и преданности вашего покорнаго слуги»...

Пока я читалъ это письмо, Соня сидѣла на столѣ и смотрѣла на меня внимательно, не мигая, какъ будто знала, что рѣшается ея участь. Я безпомощно всхлипнулъ, прижалъ ее къ себѣ и забормоталъ:

— Ну, да ужь ладно... Что ужь тутъ... Ладно...

Антонъ Чеховъ.

Изъ не отосланнаго письма.

... Зачѣмъ я вамъ пишу? Не правда ли, смѣшно
Будить мечты, которымъ нѣтъ возврата?
Но ночь томитъ меня, стучась въ мое окно;
Такъ холодомъ душа моя объята,
Что вы простите мнѣ желанье поболтать
Хоть издали съ давно забытымъ другомъ...
Не бойтесь, о любви не стану я рыдать,
Не ждите-жь слезъ съ презрительнымъ испугомъ!
Любовь свободная,—безъ рабства и цѣпей,
Гдѣ нищихъ нѣтъ и, значитъ, подаяній,—
Какъ сонъ, вы помните, жила въ душѣ моей,
И свѣтлый рой моихъ воспоминаній
Не долженъ васъ смутить. Я помню кроткій взоръ,
Вашъ милый взоръ, гдѣ я читалъ участье,
Да ласково тогда звучавшій мнѣ укоръ
За то, что я не могъ повѣрить въ счастье.
Вѣдь, вы не сердитесь? Не правда ли, смѣшно
Встрѣчать теперь холодною улыбкой,
Что въ нѣдрахъ прошлаго безъ слезъ погребено,
Что, можетъ быть, признали вы ошибкой?
Мнѣ просто хочется сказать вамъ, что всегда,
Гдѣ-бъ ни былъ я, о васъ воспоминанья
Зовутъ меня къ труду, какъ путника звѣзда
Зоветъ опять на долгій путь скитанья,
И хочется сказать спасибо вамъ за все:
За счастья мигъ, блеснувшій предо мною,
За этотъ краткій мигъ, сознаніе мое
Зажегшій вновь надеждою святою.

За это прошлое—еще спасибо вамъ...
Я вамъ пишу, и сердцу легче стало,
И мысль моя летитъ къ далекимъ берегамъ,
Гдѣ, вѣроятно, вы—царицей бала.
И кстати ночь прошла. Надъ дремлющимъ селомъ
Разсвѣтъ встаетъ чуть видной полосою
И тѣни по степи расходятся кругомъ
Какой-то странной синевою.
Еще мгновеніе—и яркій блескъ лучей
Зальетъ снѣга, алмазами усѣетъ,
И ночи скучный мракъ и боль въ душѣ моей
На цѣлый день властительно развѣетъ...

И онъ пришелъ ко мнѣ, желанный мой разсвѣтъ!
Мнѣ стыдно, что рука моя солгала:
Я знаю, безъ тебя мнѣ въ мірѣ счастья нѣтъ,
Мнѣ въ эту ночь лишь гордость диктовала
Слова намѣренно-небрежнаго письма,
И я имъ самъ не вѣрилъ ни мгновенья:
Жизнь безъ тебя пуста, какъ мрачная тюрьма,
Гдѣ каждый новый день—звено мученья...
Жить только для тебя, и жить тобой одной,
Дѣлиться всѣмъ, что жизнь бы намъ послала,
И вмѣстѣ-бъ пошутить надъ ревностью—змѣей,
Которая мнѣ душу истерзала!
Прости мнѣ, милая: я дольше лгать не могъ,
Мнѣ въ эту ночь такъ тягостно и больно,
Что тщетно я борюсь съ собой и—видитъ Богъ—
Признанье вырвалось невольно.

Вл. Ладыженскій.

КОСМОПОЛИСЪ*).

Романъ Поля Бурже.

VII.

Лидія Майтлэндъ.

Сокрушенія Монфанона, которыя онъ выражалъ такъ наивно, какъ только пришелъ въ себя, должны были очень быстро усилиться въ сердцѣ этого честнаго человѣка. Онъ былъ правъ, сказавши съ самаго начала, что дѣло плохо. Ссору, усложненную оскорбленіемъ дѣйствіемъ или попыткою его нанести, крайне мудрено покончить миролюбиво, какъ маркизъ самъ же замѣтилъ это Шапрону, съ первыхъ его словъ. Для этого нужны чудеса дипломатіи. Малѣйшая потеря хладнокровія со стороны секундантовъ равносильна тогда катастрофѣ. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, событія слѣдуютъ одно за другимъ очень быстро, и пессимистическія ожиданія раздражительнаго маркиза оправдались тотчасъ же послѣ того, какъ были имъ высказаны. Только что онъ и Дорсенъ уѣхали изъ палаццо Саворелли, какъ туда явился Горка, вызванный барономъ къ десяти часамъ. Онъ рѣзко отказался отъ всякаго соглашенія, обусловливаемаго извиненіемъ съ его стороны, и это послужило сигналомъ для благоразумнаго Гафнера и для не менѣе благоразумнаго Ардеа къ рѣшительному отступленію. Для обоихъ было очевидно, что никакое соглашеніе немыслимо при столкновеніи неистовствующаго Горки съ такимъ непокладистымъ господиномъ какимъ оказался наиболѣе авторитетный изъ секундантовъ Флора на. И съ обоюднаго согласія они обратились къ Горкѣ съ просьбой освободить ихъ отъ дальнѣйшаго участія въ дѣлѣ. Помолвка Фанни была слишкомъ уважительною причиной для того, чтобы Болеславъ не возвратилъ имъ тотчасъ же ихъ слова. Ихъ удаленіе являлось

*) *Русская Мысль*, кн. II.

второю катастрофой. Въ нетерпѣніи найти скорѣе другихъ секундантовъ, способныхъ говорить твердо и громко, Болеславъ кинулся въ Охотничій клубъ. Случаю угодно было натолкнуть Горку на двухъ его товарищей: на маркиза Чибо, римлянина, и князя Пьетрапетроза, неаполитанца, какъ нарочно на такихъ людей, которые умѣютъ самое простое дѣло довести до наихудшихъ послѣдствій. Эти молодые люди лучшихъ итальянскихъ фамилій, оба, несомнѣнно, умные, очень честные и очень добрые, принадлежали къ особенному сорту встрѣчающихся въ Вѣнѣ, въ Мадридѣ и Петербургѣ, какъ въ Миланѣ и Римѣ, *клумбэновъ* иностранцевъ, гипнотизированныхъ Парижемъ. И какимъ Парижемъ! Тѣмъ, гдѣ вѣчный праздникъ, изящный и шумный, гдѣ утро уходитъ на занятіе моднымъ спортомъ, день—на скачки, на фехтовальныя залы и на посѣщеніе контрабандныхъ квартирокъ, вечеръ—на театръ, ночь—на картежную игру. Этотъ Парижъ эмигрируетъ, сообразуясь съ извѣстнымъ временемъ, поочередно—въ Монте-Карло на садку голубей, въ Довиль на недѣлю скачекъ, въ Э-ле-Бенъ на сезонъ баккара; у этого Парижа свои особые нравы, свой языкъ, свои хроники и даже свой космополитизмъ, и такъ деспотически онъ властвуетъ надъ нѣкоторыми умами по всей Европѣ, что Чибо, напримѣръ, и другъ его Пьетрапетроза въ руки не берутъ иной французской газеты, кромѣ бульварной. И въ ней, прежде всего, прочитываютъ извѣстія, въ которыхъ подробнѣйшимъ образомъ разсказывается о новосельяхъ въ полусвѣтѣ, объ ужинахъ прославленныхъ кутилъ, о крупной игрѣ въ томъ или другомъ изъ модныхъ клубовъ, о результатахъ матча на пистолетахъ у Гастина и объ ассо между знаменитыми бойцами. Неисчерпаемыми темами ихъ разговоровъ были разсужденія о томъ, кто изящнѣе—остроумная Гледисъ Гарвей или Леона д'Асти, чьи «контры» быстрѣе—Машо или генерала Гарнье, выдержитъ или не выдержитъ маленькій Лотрекъ такую игру, какую онъ ведетъ. Вынужденные томиться въ Римѣ за недостаткомъ средствъ, а также и по волѣ — одинъ своего дяди, другой — старика дѣда, отъ которыхъ имъ должно было достаться наслѣдство, оба жили цѣлый годъ мечтами о зимнемъ мѣсяцѣ, который удастся имъ провести въ Ниццѣ, и о поѣздкѣ на шесть недѣль въ Парижъ во время большихъ скачекъ. Соперничая другъ съ другомъ чуть не до драки и самымъ комическимъ образомъ оспаривая другъ у друга чтожнѣйшаго изъ завсегдатаевъ клуба Елисейскихъ Полей или площади Ройяль, случайно попавшаго въ Вѣчный городъ, передъ своими коллегами Охотничьяго, они напускали на себя ничѣмъ неоцѣнимый видъ авгуровъ, какъ только телеграфъ приносилъ имъ сла-

достную возможность изрекать свои сужденія о крупномъ скандальномъ процессѣ въ Парижѣ. Эта безобидная манія, превратившая толстаго, краснощекаго Чибо и длиннаго, худого Пьетрапетрозу въ двухъ восхитительныхъ фантошей для наблюденій Дорсена за всю зиму, должна была сдѣлать и сдѣлала ихъ опаснѣйшими повѣренными, выбранными Горкой для его мести. Съ какимъ восторгомъ и съ какою важностью они взялись за это дѣло, поймете всякій по этому легкому наброску, а равнымъ образомъ и то, съ какою точностью и корректностью заявились они въ девять часовъ утра для переговоровъ съ секундантами противной стороны. Въ началѣ перваго часа всѣ условія дуэли были установлены до мельчайшихъ подробностей. Вся энергія, выказанная Монфанономъ въ теченіе трехъ смертельныхъ часовъ совѣщанія, привела лишь къ нѣкоторому смягченію условій: рѣшено было обмѣняться двумя выстрѣлами съ каждой стороны на разстояніи двадцати пяти шаговъ, по командѣ. Дуэль назначена на слѣдующее утро въ Римской кампаньи на участкѣ земли, принадлежащемъ Чибо и примыкающемъ къ трактиру, не далеко отъ классической могилы Цецилія Метеллы. Для того, чтобы добиться такой дистанціи и употребленія новыхъ пистолетовъ, нуженъ былъ тотъ престижъ, которымъ маркизъ внезапно облекся въ глазахъ секундантовъ Горки, произнеся легендарное еще въ провинціи и въ чужихъ краяхъ имя Грамонъ-Кадерусса. *Sic transit gloria mundi!* Когда закончены были переговоры, у Монфанона слезы нависли на рѣсницахъ.

— Моя это вина, — стоналъ онъ, — моя вина. Съ Гафнеромъ мы отдѣлались бы пречудеснымъ протоколикомъ, прибавивши къ нему кое-чего своего. Самъ же онъ предлагалъ... Милѣйшій Шапронъ! Все это я ему натворилъ и обязанъ теперь не покидать его, идти за нимъ до конца. И вотъ я опять ввязался въ дуэль, въ мои то годы!... Замѣтили вы, какъ эти молодые снобсы спустили тонъ, когда я заговорилъ о моей дуэли съ бѣднягой Кадеруссомъ?... Пятьдесятъ два года слишкомъ и вести себя не умѣю!... Отправимся сейчасъ же въ улицу Леопарди. Я хочу прощенія у него просить, понимаете, и дать ему нѣсколько совѣтовъ. Мы заберемъ его съ собой къ одному изъ моихъ старыхъ друзей, у котораго есть садъ совсѣмъ пустынный, близь виллы Памфили... А, проклятая злость Да и какъ просто было согласиться вчера на предложеніе того. Съ пе ремѣной двухъ-трехъ словъ, я увѣренъ, все вышло бы прилично..

— Утѣшьтесь, маркизъ,—отвѣтилъ Флоранъ, когда огорченный Монфанонъ передалъ ему плачевный результатъ переговоровъ.—Я это предпочитаю. Господина Горку надо было проучить, и сожалѣю

я только объ одномъ, что не поучилъ его, какъ слѣдуетъ... Стрѣляться пришлось бы все равно, да уже и не даромъ бы, по крайней мѣрѣ.

— Занимались вы когда-нибудь стрѣльбой изъ пистолета?— спросилъ Монфанонъ.

— О, я много охотился и считаю себя не первоклассникъ, а все же порядочнымъ стрѣлкомъ...

— Это такъ же похоже одно на другое, какъ ночь и день,— перебилъ маркизъ.—Въ три часа заѣзжайте за мной, я дамъ вамъ урокъ... А затѣмъ, смѣлымъ Богъ владѣетъ!

Хотя Флоранъ и заслужилъ такое мнѣніе о его смѣлости, доказательствомъ чего служили его веселые отвѣты, тѣмъ не менѣе, очень тяжелыми показались ему первыя минуты, когда онъ остался одинъ, по уходѣ секундантовъ. Маршалъ Ней, знатокъ по этой части, оставилъ намъ очень грубое, но дивное изреченіе въ устахъ такого героя, который во время знаменитаго движенія на Оршу, въ положеніи самомъ отчаянномъ, проговорилъ только: «Nous ne sommer par bien» *)... Каково ни есть его изреченіе, мы приведемъ его, потому что въ немъ заключается вѣчно неизмѣнная человѣческая правда: «Quel est donc le J... F... qui prétend n'avoir jamais eu peur» **)... То, что испыталъ Шапронъ въ эти минуты, было весьма естественною тревогой, нервностью человѣка, смотрящаго на часы и думающаго: «Черезъ двадцать четыре часа стрѣлки будутъ опять на тѣхъ же мѣстахъ циферблата. А я, живъ ли я буду?»... Но это была натура мужественная, не склонная падать духомъ. Онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, чтобы одолѣть слабость, и рѣшилъ ранѣе, чѣмъ идти къ своимъ друзьямъ, написать распоряженіе на случай смерти. Давно уже онъ рѣшилъ все состояніе оставить зятю. Въ этомъ смыслѣ онъ и написалъ завѣщаніе, вначалѣ немного дрожащею рукой, а потомъ совершенно твердымъ почеркомъ. Послѣ завѣщанія онъ написалъ еще два письма: одно — тому же зятю, другое — сестрѣ. Когда онъ покончилъ съ этими приготовленіями, часы показывали два часа и сорокъ минутъ.

— Ждать еще семнадцать съ половиной часовъ, — сказалъ онъ,—но съ нервами я, кажется, справился. Пройдусь немного, и они совсѣмъ угомонятся.

Онъ рѣшилъ, такимъ образомъ, пѣшкомъ дойти до мѣста, назначеннаго Монфанономъ. Три конверта онъ тщательно заперъ въ ящикъ стола, мимоходомъ удостовѣрился, что Линкольна нѣтъ въ

*) „Намъ не хорошо"...

**) „Какой же ..... осмѣлится сказать, будто никогда не трусилъ?"

мастерской, и спросилъ у лакея, дома ли мадамъ Майтлэндъ. Слуга отвѣтилъ, что она одѣвается и къ тремъ часамъ приказала подать карету.

«Хорошо, — подумалъ Флоранъ, — ни тотъ, ни другая не имѣютъ ни малѣйшаго подозрѣнія. Я спасенъ».

Но какъ бы удивился онъ, если бы могъ, направляясь своею обычною немного лѣнивою походкой въ сторону Капитолія, мысленно вернуться въ только что покинутую курильную комнату! Онъ увидалъ бы женщину, безъ шума проскользнувшую туда въ дверь, отворенную украдкой, со всѣми воровскими предосторожностями,—увидалъ бы, какъ она, не сдвигая съ мѣста, пересматриваетъ всѣ разбросанныя по столу бумаги. Замѣтивши карточи Дорсена и маркиза, она нахмурила брови, потомъ вынула изъ бювара промокающую бумагу, поднесла къ зеркалу, стараясь разобрать на ней отпечатавшіеся наоборотъ адресы. Увидалъ бы онъ, наконецъ, что эта женщина вынула изъ кармана связку ключей, выбрала одинъ изъ нихъ, отперла ящикъ, такъ аккуратно запертый Флораномъ, и достала три конверта, положенныя туда незапечатанными... И эта женщина, съ лицомъ, искаженнымъ тревогой, читающая чужія письма, добытыя отвратительнымъ способомъ, доказывающимъ постыдную привычку къ шпіонству,—эта женщина была его родная сестра, его Лидія, которую онъ считалъ такою кроткою и простою, которой онъ только что написалъ нѣжное прощальное письмо на случай смерти... Лидія въ ужасъ привела бы его, если бы увидалъ онъ теперь ея искаженное страстями лицо, миловидность котораго сходила за незначительность! Сама она, дерзкая шпіонка, дрожала такъ, что едва на ногахъ стояла. Глаза расширились, грудь сильно колыхалась, зубы стучали,—настолько великъ былъ ужасъ, охватившій ее при сдѣланномъ ею открытіи, при сознаніи, что она всему причиной. Не она ли писала Горкѣ анонимныя письма съ доносами объ интригѣ Линкольна съ мадамъ Стено? Не она ли подбирала, чтобы сильнѣе отравить эти страшныя письма, такія фразы, которыя могли бы наиболѣе чувствительно задѣть самолюбіе покинутаго любовника? Да, она ускорила возвращеніе ревнивца въ увѣренности, что его трагическая месть обрушится на ненавистныя головы ея мужа и венеціанки. И вотъ месть разразилась. И надъ кѣмъ же?—надъ единственнымъ существомъ, которое Лидія любитъ во всемъ мірѣ, надъ ея братомъ, которому грозитъ опасность по ея винѣ. Мысль эта такъ сразила молодую женщину, что она упала на кресло, гдѣ четверть часа назадъ сидѣлъ Флоранъ, и съ безумнымъ выраженіемъ повторяла:

— Онъ стрѣляться будетъ... Онъ будетъ стрѣляться, онъ, вмѣсто другаго!...

Вся интимная жизнь жестокой и мрачной души отразилась въ этомъ крикѣ, въ которомъ страстная тревога за брата слилась съ безпощадною ненавистью къ мужу. Самая ненависть эта была логическимъ послѣдствіемъ юности и дѣтства, безъ разсказа о которыхъ непонятною представилась бы преступная двуличность такого молодого существа. Юность и дѣтство отъ начала уже предвѣщали, на что можетъ стать Лидія способною впослѣдствіи. Но не было при дѣвочкѣ никого, кто во-время могъ бы исправить въ ней проявленія наслѣдственности отъ угнетенной расы, какъ уже было отмѣчено, въ двухъ отвратительнѣйшихъ чертахъ характера, въ фальшивости и въ вѣроломствѣ. Да и кто же помнитъ, по отношенію къ дѣтямъ, пренебрегаемую на практикѣ, хотя и очень банальную въ теоріи, истину, а именно, что недостатки десятилѣтняго возраста превращаются въ пороки къ тридцати годамъ? Совсѣмъ маленькою дѣвочкой Лидія лгала такъ же естественно, какъ естественно былъ правдивъ ея братъ. Если бы кто захотѣлъ вникнуть въ смыслъ ея лжи, тотъ увидалъ бы, что лгала она всегда изъ желанія отличиться, показать себя въ освѣщеніи наиболѣе благопріятномъ для ея преждевременныхъ претензій. Въ то же время развивался уже въ ней зародышъ другого недостатка: инстинктивная ревность, безсознательная, почти болѣзненная. Дѣвочка видѣть не могла новой игрушки въ рукахъ Флорана безъ того, чтобы не надуться тотчасъ же. Не выносила она, чтобы братъ обнялъ отца, и кидалась между ними, и такъ же точно не могла терпѣть, чтобы Флоранъ безъ нея игралъ съ товарищами. Если бы Наполеонъ Шапронъ занялся такъ же внимательно характеромъ дѣтей, какъ занимался продажей хлопка и сахарнаго тросника, онъ съ ужасомъ увидалъ бы эти первыя очертанія нехорошей личности. Но, сходный въ этомъ съ своимъ сыномъ, онъ былъ изъ числа людей, неспособныхъ судить того, кого они любятъ. Къ тому же, Лидія и Флоранъ представляли собою для его оскорбленнаго чувства полупарія единственное прибѣжище, единственную сладкую утѣху въ его вдовствѣ и мизантропіи. Онъ любилъ ихъ до обожанія, свойственнаго большимъ труженикамъ и крайне опаснаго, когда у дѣтей нѣтъ матери, исправляющей вредъ, причиняемый слабостью отца. Зарождающіеся пороки Лидіи вызывали у плантатора очаровательныя фантазіи. Лгала она, и добрѣйшій отецъ восхищался: «Какая она умница!...» Злилась она отъ ревности, онъ прижималъ дѣвочку къ своей широкой груди и вздыхалъ: «Какъ чувствительна!...» Слѣдствіемъ такого эгоистическаго

ослѣпленія, — ибо такъ любить дѣтей значитъ любить ихъ ради себя, а не ради нихъ,—было то, что маленькая дѣвочка вступила въ Рокгэмптонъ глубоко испорченнымъ существомъ. Но она была хорошенькая, по милости страннаго смѣшенія въ ней трехъ расъ; она была такъ оригинально мила и привлекательна, что только глазъ геніальной воспитательницы могъ бы разобрать подъ прелестною внѣшностью уже опредѣлившіяся черты истиннаго ея характера. Такихъ воспитательницъ не много, хотя въ монастыряхъ онѣ встрѣчаются менѣе рѣдко, чѣмъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ Рокгэмптонѣ такой не было, когда Лидія поступила въ этотъ пріютъ благочестія, ставшій для нея весьма гибельнымъ по причинѣ совершенно противуположной той, которая превратила для Флорана лужайки мирнаго Бомона въ райскую обитель дружбы.

Между пансіонерками, среди которыхъ должно было завершиться развитіе Лидіи, оказались четыре дѣвушки изъ Филадельфіи, года на два постарше ея, привезенныя прямо изъ Америки. Онѣ привезли съ собою непобѣдимый предразсудокъ родины противъ негритянской крови и необыкновенное умѣнье распознавать ея примѣсь въ самыхъ ничтожныхъ дозахъ, на что такіе мастера настоящіе янки. Маленькая Лидія Шапронъ была записана француженкой, и это ввело ихъ вначалѣ въ нѣкоторое сомнѣніе. Но сомнѣніе перешло скоро въ увѣренность, а увѣренность привела къ отвращенію, котораго онѣ и не думали скрывать. Онѣ не были бы дѣтьми, если бы не были безпощадны. И начали онѣ донимать Лидію множествомъ мелочныхъ непріятностей, причемъ имъ, все-таки, не удалось вселить въ другихъ то пренебреженіе, которое онѣ ей выказывали. Монастыри и пансіоны похожи на всѣ другія человѣческія общества. И тамъ съ несправедливымъ презрѣніемъ происходитъ то же, что съ кольцомъ въ игрѣ въ веревочку, которое перебѣгаетъ изъ рукъ въ руки и безпрестанно возвращается на прежнее мѣсто. Всѣ, презирающіе сами, кѣмъ-нибудь презираемы,—кара заслуженная, но не исправляющая нашего высокомѣрія, какъ и житейскія кары не излечиваютъ нашихъ недостатковъ. Гонительницы Лидіи сами подвергались оскорбленіямъ со стороны подругъ, родившихся въ Англіи, за нѣкоторую особенность ихъ американскаго говора. Ихъ враждебное отношеніе къ хорошенькой маленькой француженкѣ оказало свое вліяніе. Эта пансіонская драма ограничилась, само собою разумѣется, рядомъ мелкихъ и ничтожныхъ эпизодовъ, почти неуловимыхъ для воспитательницъ. Страсти дѣтей не менѣе сильны, чѣмъ наши, но онѣ такъ часто прерываются играми и такъ скоропреходящи, что нѣтъ возможности оп-

редѣлить точно ихъ силу, ни описать ихъ иначе, какъ по ихъ послѣдствіямъ, вообще очень отдаленнымъ. Самолюбіе Лидіи было уязвлено неизлечимо такимъ открытіемъ особенности ея происхожденія. Ей вспомнились нѣкоторые случаи ея жизни въ Америкѣ, и она лучше поняла ихъ значеніе. Припомнила она также портретъ своей бабушки, цвѣтъ лица, руки, волосы отца, и въ юную душу заползло чувство нехорошаго стыда за свое рожденіе, за свою семью,—чувство, испытываемое дѣтьми много чаще, чѣмъ это кажется нашему оптимизму, и оказывающееся однимъ изъ гибельнѣйшихъ ферментовъ, которыми обусловливается нравственная порча. У Лидіи, отъ природы ревнивой и лживой, первые уколы самолюбія отозвались тотчасъ же на ревности и лживости. Всякое превосходство, хотя бы самое ничтожное, замѣченное Лидіей у которой-нибудь изъ подругъ, становилось для нея источникомъ страданія, и она принялась личными побѣдами возмѣщать различіе расовое, сознаніе котораго причиняетъ всегда жестокую боль тщеславнымъ натурамъ. Чтобъ обезпечить себѣ такого рода побѣды, она задумала всѣхъ очаровывать, съ кѣмъ ей приходилось сближаться, учительницъ и подругъ, и она начала постоянно разыгрывать комедію искусственныхъ позъ и чувствъ, къ чему весьма быстро приводитъ желаніе нравиться во что бы то ни стало,— очень милое и опасное настроеніе, происходящее не столько отъ сердечной доброты, сколько отъ фальшивости душевной. Лучше, пожалуй, на-чистоту выказывать передъ всѣми ничѣмъ не прикрытый эгоизмъ, чѣмъ безпрерывно поддѣлываться подъ чужія требованія, чтобы всѣмъ угодить. Въ восемнадцать лѣтъ, пройдя такую школу постояннаго притворства, Лидія была, при самой привлекательной внѣшности, существомъ глубоко, хотя и безсознательно, порочнымъ, не способнымъ ни на какую привязанность, — по-настоящему она любила только брата,—существомъ, готовымъ ежечасно отдаться порывамъ ненависти, естественно назрѣвающимъ въ душахъ надменныхъ, сухихъ и лживыхъ. И вотъ, наконецъ, замужество уже вполнѣ развило въ ней одну изъ наиболѣе гибельныхъ страстей—зависть.

Это отвратительное чувство, одно изъ тѣхъ, что властвуютъ надъ міромъ, было недостаточно изслѣдовано моралистами потому, вѣроятно, что слишкомъ позорно оно для человѣческаго сердца, и нижеслѣдующій фактъ можетъ, вслѣдствіе этого, показаться невѣроятнымъ. Лидія Майтлэндъ нѣсколько лѣтъ уже завидовала своему мужу, завидовала, быть можетъ, такъ же, какъ соперники художника, какъ хорошенькая женщина завидуетъ другой женщи-

нѣ, какъ банкиръ завидуетъ другому банкиру и политическій дѣятель—своему противнику, — ожесточенною и безпощадною завистью, доходящею до физической боли, при видѣ успѣха, и до восторговъ наслажденія, при неудачахъ. Весьма ошибочно предположеніе, будто проявленія этой преступной страсти ограничиваются областью профессіональнаго соревнованія. Въ извѣстной степени своего развитія зависть подкапывается не подъ качества человѣка только, а подъ самую личность его, и такъ-то, именно, завидовала Лидія Линкольну. Быть можетъ, анализъ этого очень тонкаго въ своемъ безобразіи чувства объяснитъ тѣмъ, кто прослѣдитъ его развитіе, нѣкоторыя изъ антипатій, на которыя имъ доводилось наталкиваться въ кругу близкихъ имъ людей. Дѣло въ томъ, что не между супругами только встрѣчаются примѣры затаенной зависти, но и между любовниками и ихъ любовницами, между друзьями, братьями, а иногда,—увы!—между отцами и сыновьями, между матерями и дочерьми. Лидія согласилась на бракъ съ Линкольномъ Майтлэндомъ отчасти изъ повиновенія желаніямъ брата, а больше изъ тщеславія, такъ какъ женихъ былъ американецъ Соединенныхъ Штатовъ, и такое замужство представлялось своего рода побѣдой, одержанной надъ предразсудкомъ, о которомъ она никогда не забывала, но никогда и не говорила. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ совмѣстной жизни, какъ для Лидіи стало ясно, что Майтлэндъ никогда не проститъ себѣ этой женитьбы. Хотя онъ дѣлалъ видъ, будто относится презрительно къ своимъ соотечественникамъ и въ душѣ нисколько не сочувствуетъ идеямъ своей родины, гдѣ не былъ съ пятилѣтняго возраста, но оказался далеко не равнодушнымъ къ разговорамъ, которые бракъ его вызвалъ въ Нью-Йоркѣ и отголоски которыхъ доходили до него съ разныхъ сторонъ. Онъ считалъ Лидію виновницей своего униженія, и она это почувствовала. Рожденіе ребенка, по всей вѣроятности, ослабило бы эти первыя впечатлѣнія, и если бы не передѣлало, то все же значительно смягчило бы черствое сердце молодой женщины. Но ребенка не было. Не успѣли они еще закончить своего путешествія новобрачныхъ въ сопровожденіи Флорана, какъ жизнь ихъ сполна уже опредѣлилась условнымъ молчаніемъ, ложащимся въ основу неудачныхъ браковъ, всѣхъ тѣхъ, когда супруги, по прекрасному и простому народному выраженію, не живутъ душа въ душу. Со времени этого путешествія по Испаніи, которое должно бы быть сплошнымъ очарованіемъ, молодая женщина начала ревниво относиться къ явному предпочтенію, оказываемому Флораномъ передъ нею Майтлэнду. Въ первый разъ она поняла, какое

мѣсто занимаетъ въ сердцѣ ея брата страстная дружба къ Линкольну. Флоранъ любилъ и ее, свою сестру, но она была, все-таки, на второмъ планѣ. И сознаніе этого отзывалось въ ней ежедневными, ежечасными уколами, наболѣвшими скоро до настоящей сердечной раны. По возвращеніи въ Парижъ, гдѣ они прожили три года, эта рана значительно увеличилась уже отъ одного того, что могучая личность художника тотчасъ же заслонила собою личность жены, совершенно просто, почти механически, какъ крупное дерево, ростущее рядомъ съ меньшимъ, отнимаетъ у него свѣтъ солнца и притокъ воздуха. Пестрое общество любителей, художниковъ и писателей, бывавшихъ у Линкольна, собиралось тутъ ради него только. Домъ, нанятый имъ, былъ для него приспособленъ, нѣкоторыя перемѣны, сдѣланныя въ квартирѣ, были для него сдѣланы. Короче сказать, Лидія, какъ и Флоранъ, всецѣло очутились въ подчиненіи самой деспотической въ мірѣ силѣ—силѣ знаменитаго таланта. Цѣлую книгу пришлось бы написать, чтобы передать со всею точностью ежедневныя и непрерывныя униженія, которыя довели молодую женщину до того, что она возненавидѣла этотъ талантъ и эту знаменитость такъ же пламенно, какъ обожалъ ихъ Флоранъ. При этомъ, она осталась, однако же, честною женщиной въ томъ смыслѣ, какой придается этому выраженію въ обществѣ, полагающемъ, будто все безчестье для женщины заключается въ любовныхъ увлеченіяхъ. Она жила въ вѣчно напряженномъ состояніи истеріи, какъ большинство прирожденныхъ комедіантокъ, а потому и оставалась неизмѣнно холодною. За то въ ней разрослись все болѣе и болѣе инстинкты очень безчестнаго человѣка. Она кончила тѣмъ, что стала ненавидѣть Линкольна съ отвращеніемъ, переходившимъ съ его физическаго существа на всѣ нравственныя проявленія личности и охватывавшимъ всѣ частности ихъ совмѣстной жизни. Ненавидѣла она въ немъ чистоту крови бѣлаго человѣка, сдѣлавшую этого крупнаго и сильнаго молодца превосходнымъ типомъ англо-саксонской красоты, тогда какъ сама она была худощава, точно высохшая, несмотря на хорошенькое личико, неопредѣленнаго склада. Ненавидѣла она его вкусы, его умѣнье придать изящный и оригинальный видъ той обстановкѣ, въ которой онъ жилъ, тогда какъ она, въ силу сохранившихся въ ней варварскихъ инстинктовъ и неловкости, неспособна была сколько-нибудь удачно расположить матеріи и цвѣта. Когда приходилось признать какой-либо успѣхъ художника, ея сердце обливалось желчью. Если же онъ недоволенъ былъ своею работой и поддавался мучительнымъ сомнѣніямъ относительно собственнаго художе-

ственнаго таланта, Лидія ликовала отъ радости, которую портило ей только печальное настроеніе, находившее на Флорана вслѣдствіе такой внутренней борьбы Линкольна. Видѣть она не могла взгляда брата, устремленнаго на Майтлэнда, съ выраженіемъ глазъ доброй собаки, радующейся веселью хозяина и страдающей отъ его горя, безъ того, чтобы не почувствовать, подобно Альбѣ Стено, укола въ сердце.

Преклоненіе брата передъ его кумиромъ тѣмъ мучительнѣе было для нея, что, съ безошибочною зоркостью антипатіи, она видѣла всю громадность его заблужденія. Она насквозь видѣла души обоихъ старыхъ школьныхъ товарищей и знала, что въ ихъ дружбѣ, какъ это почти всегда бываетъ, одинъ все отдаетъ и получаетъ за то лишь самую грубую благодарность, какою охотникъ или хозяинъ награждаетъ вѣрнаго пса. Съ ея стороны были попытки тонкими и хитрыми подходами, на которые женщины большія мастерицы, открыть глаза Флорана на характеръ Линкольна. И всѣ онѣ привели къ сознанію собственнаго безсилія. Такимъ образомъ, въ ея сердцѣ накопились безъ числа самыя враждебныя впечатлѣнія и слились въ одно чувство жестокаго, мрачнаго озлобленія, способнаго, при первомъ подходящемъ случаѣ, ошеломить страшнымъ взрывомъ всякаго, кто не слѣдилъ за его медленнымъ и ничѣмъ неудержимымъ наростаніемъ. Тогда, въ невѣдѣніи своемъ, мы говоримъ слова: безсознательность, ненормальность или уродство. Въ сферѣ нравственной такъ же точно нѣтъ абсолютныхъ уродовъ, какъ не существуетъ ихъ въ мірѣ физическомъ. Сами преступленія подчинены извѣстнымъ законамъ развитія. Не было надобности ни въ какомъ драматическомъ переломѣ характера для того, чтобы маленькая дѣвочка, плакавшая изъ-за новой игрушки, попавшей въ руки брата, превратилась въ Лидію Майтлэндъ, воровски отпирающую чужіе замки, разсылающую анонимныя письма, жаждущую мести до потери совѣсти. Произошло это логически и день за день постепенно.

Много разъ, прежде чѣмъ мадамъ Стено влюбилась въ художника, Лидія выискивала случай удовлетворить свою глубокую, смертельную зависть, поразивши Линкольна наиболѣе чувствительнымъ для него образомъ. Но ничего не могла она сдѣлать, кромѣ мелочныхъ женскихъ гадостей: подстраивать, какъ бы по неловкости, чтобы мужъ прочитывалъ всѣ статьи сколько-нибудь непріятныя, написанныя о его картинахъ, хвалить при немъ, какъ бы въ простотѣ сердечной, особенно выдающихся его соперниковъ, выбалтывать при немъ, какъ бы невзначай, малѣйшіе неблагопріят-

ные отзывы о его выставкахъ, изобрѣтать всякую пустяковину, раздражавшую, главнымъ образомъ, Флорана. Самъ же Майтлэндъ былъ изъ числа тружениковъ искусства, слишкомъ довольныхъ результатами своей дѣятельности для того, чтобы придавать большое значеніе людскимъ сужденіямъ. Съ другой стороны, до охватившей его страсти къ догарессѣ онъ никогда не любилъ. Таковы многіе художники, довольствующіеся великолѣпными натурщицами, при чемъ пылкость темперамента не переходитъ изъ чувственности въ чувство. Привыкшіе смотрѣть на человѣческое тѣло съ своей особенной точки зрѣнія, они находятъ въ красотѣ, которая показалась бы намъ чисто-животною, основы для пластическихъ восторговъ, иногда вполнѣ удовлетворяющихъ всѣ ихъ требованія. И вслѣдствіе этого съ особенною силой захватываетъ ихъ страсть, когда къ подобному, нѣсколько грубому, опьяненію, производимому женщиной, присоединяется ея утонченный умъ, прелесть настоящаго изящества и чарующая нѣжность чувства. Все это нашелъ художникъ въ графинѣ Стено и тотчасъ же ею увлекся съ пыломъ первой любви. Да и на самомъ дѣлѣ то была его первая любовь. Графиня чутьемъ своей страстной натуры угадала это. Лидія то же угадала чутьемъ своей ненависти. Съ первыхъ же дней она знала, въ чемъ тутъ дѣло, благодаря своей наблюдательности, изощренной не менѣе ея притворства, и благодаря употребленію средствъ болѣе убѣдительныхъ, чѣмъ догадливость. Она всегда пользовалась такими дрянными способами добираться до правды, которые,—смѣемъ въ томъ признаться, — обычны девяти женщинамъ изъ десятка. И сколько мужчинъ, на этотъ счетъ, оказываются женщинами, по выраженію баснописца! Въ пансіонѣ Лидія принадлежала къ числу дѣвочекъ, проскальзывающихъ въ дортуары и въ классы, чтобы порыться въ открытыхъ ящикахъ и шкатулкахъ подругъ. Ставши взрослою, она не пропускала ни одного попадавшаго ей въ руки письма безъ того, чтобы не умудриться прочесть сквозь конвертъ или, по крайней мѣрѣ, угадать, по штемпелю, по печати, по почерку на адресѣ, кѣмъ оно писано. Инстинктивное любопытство было въ ней до того сильно, что даже у рѣшотки телеграфа не могла она преодолѣть желанія заглянуть черезъ плечо стоящаго впереди нея, чтобы прочесть содержаніе чужой депеши. Ни разу горничная не одѣла ее, не причесала ей головы безъ того, чтобы Лидія не выспросила до мельчайшихъ подробностей, что говорится въ кухнѣ и въ прихожей. Изъ этого источника узнала она о ссорѣ Флорана съ Горкой въ сѣняхъ, изъ него явствуетъ, между прочимъ, что и шпіонство черезъ слугъ да-

етъ вѣрныя свѣдѣнія. Но явствуетъ также и врожденная низость выспрашивающаго, и то, что, при случаѣ, онъ не остановится ни передъ какою гадостью. Когда Лидія Майтлэндъ заподозрила связь своего мужа съ графиней Стено, она не задумалась отпереть его письменный столъ, какъ не задумалась потомъ забраться въ ящикъ брата. Прочтенныя при этомъ письма были такого рода, что довели ея жажду мести до настоящаго бѣшенства. Изъ нихъ она убѣдилась не только въ счастливой обоюдной любви, оскорблявшей въ Лидіи безплодную женщину, не извѣдавшую ни наслажденія, ни материнства, но нашла въ нихъ и многочисленныя доказательства такого глубокаго расоваго презрѣнія къ ней графини, будто Венеція составляетъ часть Соединенныхъ Штатовъ. Въ этомъ углу Адріатики живо еще не мало племенныхъ предразсудковъ, какъ и во всѣхъ странахъ, гдѣ сталкивались между собою и перемѣшивались различныя народности. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, достаточно слышать, какъ венеціянецъ обзываетъ славянъ — *Cziavoni* и левантинцевъ—*Gregugni*. Въ своихъ письмахъ мадамъ Стено, писавшая ихъ такъ же, какъ она говорила, безъ малѣйшей сдержанности и со всею свободой страсти, называла Лидію не иначе, какъ *la Morettina* *), и, по довольно естественной нелогичности, къ имени брата этой *мореттины* неизмѣнно прибавляла какой-нибудь дружескій эпитетъ. Если любовница относится такъ къ Флорану, то, стало быть, она не опасается никакой враждебности со стороны шурина своего любовника. Лидія отлично понимала это и видѣла въ томъ новое доказательство преданности Флорана къ Линкольну. Еще разъ онъ давалъ предпочтеніе другу передъ сестрой, и при какихъ обстоятельствахъ! Отъ чтенія этихъ писемъ нестерпимо болѣзненно открылись сразу всѣ самыя затаенныя раны ея сердца. Удающійся портретъ Альбы, могущій выйти первоклассным художественнымъ произведеніемъ, окончательно уже толкнулъ Лидію на отвратительный и звѣрскій поступокъ. Она рѣшилась сообщить покинутому любовнику мадамъ Стено о ея новой любви и отправила двѣнадцать писемъ, искусно сочиненныхъ и побудившихъ Горку вернуться. Его возвращеніе даже слишкомъ замедлилось, по мнѣнію этой наслѣдницы Яго, и она рѣшилась добраться до графини Стено черезъ Альбу посредствомъ еще болѣе преступнаго доноса. Какимъ выраженіемъ заклеймить посылку къ дочери анонимной записки, раскрывающей двойную интригу ея матери? Но Лидія была въ одномъ изъ тѣхъ періодовъ отчаяннаго злодѣйства, когда са-

*) *Morettina*—негритянка.

мыя омерзительныя средства кажутся наилучшими, и неповинную Альбу охватывала своею ненавистью къ Майтлэнду изъ-за ея портрета. Такой изворотъ чувства показываетъ, что именно завистью была переполнена ея темная душа... О, какое наслажденіе далъ ей успѣхъ этого двойного предательства! Какую дикую радость, съ примѣсью горечи и восторга, испытывала она третьяго дня, при видѣ нервнаго состоянія несчастной Альбы и сдерживаемаго бѣшенства Болеслава! Она мечтала уже о томъ, какъ вызоветъ на дуэль Майтлэнда этотъ соперникъ, извѣстный ей мастеръ во всѣхъ упражненіяхъ спорта, одинаково искусный боецъ на шпагахъ и стрѣлокъ изъ пистолета. Лидія не была бы правнукою лузіанской рабыни, если бы съ естественною энергіей ненависти въ ней не соединялась значительная доза суевѣрія. Одна ворожея предсказала ей когда-то по рукѣ, что она причинитъ кому-то насильственную смерть... «Ему»,—думала она, глядя на мужа съ затаеннымъ трепетомъ надежды... И вотъ теперь она держала въ рукахъ доказательство, неоспоримое доказательство того, что вся ея злостная махинація привела къ опасности другого,—и кого же? И эти письма, и это завѣщаніе Флорана ясно показывали, что дуэль грозитъ самому дорогому ей существу! Она довела единственнаго любимаго ею человѣка до трагической необходимости стрѣляться!... Ударъ для сердца, полнаго дикой энергіи звѣрскаго атавизма, былъ такъ неожиданъ, такъ силенъ, такъ болѣзненъ, что Лидія разразилась громкими криками, облокотившись на бюро брата, сидя передъ его письмами.

— Онъ будетъ стрѣляться! Онъ!... И по моей винѣ!—повторяла она, потомъ положила письма на прежнее мѣсто, заперла ящикъ и, вставая, проговорила громко:—Нѣтъ, не бывать этому! Я помѣшаю, хотя бы для этого мнѣ пришлось между ними кинуться. Не хочу я этого, не хочу!...

Говорить это легко, а исполнить далеко не такъ просто. И Лидія поняла это и безпомощно заломала руки,—тонкія руки, которыя мадамъ Стено въ одной изъ своихъ записокъ называла обезьяньими лапками,—настолько гибки были ихъ точно вывихнутые, ишкомъ длинные пальцы. Потомъ у нея вырвался отчаянный ль, взывающій о невозможномъ, обычное: «Но какъ же?»— ікъ множества преступниковъ передъ нежданнымъ и гибельнымъ нихъ самихъ исходомъ ихъ самыхъ тонкихъ разсчетовъ. По- сказалъ въ стихахъ, передающихъ исторію всѣхъ нашихъ про- пковъ, малыхъ и крупныхъ:

«The Gods are just, and of our pleasant vices
Make instruments to plague us...»

«Боги справедливы, и изъ обычныхъ намъ пороковъ они дѣлаютъ орудія нашей пытки»... И надо полагать, что такая вѣра въ справедливость непонятнаго намъ судьи очень глубоко въ насъ вкоренилась, такъ какъ безотчетный страхъ охватываетъ самыя сильныя души, когда предвидится опасность вполнѣ заслуженной бѣды. Лидіи вдругъ припомнилось предсказаніе ворожеи, и она еще разъ вскрикнула, вытирая руки точно лунатикъ. Ей казалось, будто на нихъ кровь ея родного брата... Нѣтъ, не будетъ дуэли! Но какъ помѣшать?... «Какъ? Какъ?—повторяла она.—Флорана нѣтъ дома,—стало быть, не можетъ она броситься къ нему съ мольбой. Когда онъ вернется, не будетъ ли уже слишкомъ поздно?... Нѣтъ и Линкольна. Гдѣ онъ? Быть можетъ, на свиданіи съ Катериной Стено». Образъ этой восхитительной жрицы любви въ объятіяхъ художника, упивающейся восторгами, о которыхъ она такъ свободно говоритъ въ своихъ пламенныхъ письмахъ, пронесся въ воображеніи заѣдаемой завистью женщины. Какая иронія видѣть такъ, промелькнувшими съ быстротою молніи, двухъ любовниковъ, которыхъ она хотѣла бы поразить, уничтожить въ ту минуту, когда въ ихъ глазахъ блестятъ восторги наслажденія! Лидія вырвала бы эти глаза у него и у нея, вырвала бы ихъ и растоптала бы своими ногами. Новый приливъ ненависти затуманилъ ей голову. Боже! какъ она ихъ ненавидѣла, и какъ безсильна ея ненависть! Но когда-нибудь настанетъ же и ея время. А теперь съ другимъ дѣломъ надо торопиться. Помѣшать завтрашней дуэли, спасти брата? Къ кому обратиться? Къ Дорсену? Къ Монфанону? Къ барону Гафнеру? Къ Пеппино Ардеа? Она перебрала ихъ потому, что послѣдовательныя посѣщенія этихъ господъ навели ее на мысль объ ихъ участіи въ дуэли въ качествѣ секундантовъ, и нашла всѣхъ четверыхъ для своей цѣли непригодными, недостаточно авторитетными, чтобы уладить дѣло. Ея мысль остановилась, наконецъ, на самомъ противникѣ Флорана, на Болеславѣ Горкѣ, съ женою котораго она была дружна, съ его же стороны встрѣчала всегда самую любезную предупредительность. Поѣхать къ нему и умолять, чтобы пощадилъ онъ ея брата? Не на Флорана злобствуетъ покинутый любовникъ. Быть можетъ, ея слезы тронутъ его? Онъ скажетъ ей, что было причиной ссоры и о чемъ упрашивать ей брата, чтобъ онъ сдѣлалъ для прекращенія этой ссоры? Въ крайнемъ случаѣ, ей удастся, быть можетъ, вымолить у Горки обѣщаніе стрѣлять на воздухъ, если дуэль на пистолетахъ, или выбить шпагу у Флора-

на, если они дерутся на шпагахъ? Подобно всѣмъ, не имѣющимъ понятія о дѣлѣ, она вѣрила въ чудеса фехтовальнаго искусства и въ стрѣлковъ, не дѣлающихъ никогда промаха, и, какъ всѣ женщины, имѣла совершенно невѣрныя представленія о взаимныхъ отношеніяхъ мужчинъ, когда нанесено оскорбленіе. Но какъ же могли бы женщины допустить непреклонную суровость нѣкоторыхъ условностей, лежащихъ въ основѣ мужскихъ отношеній, когда сами онѣ не встрѣчаютъ ничего подобнаго ни въ своихъ столкновеніяхъ съ мужчинами, ни въ ссорахъ между собою? Привыкшія постоянно руководствоваться болѣе инстинктами, чѣмъ условными постановленіями,—болѣе чувствомъ, чѣмъ разумомъ, онѣ оказываются передъ всякими кодексами, — будь то кодексъ правосудія или кодексъ чести,—въ положеніи абсолютнаго непониманія, худшаго, чѣмъ незнаніе. Дуэль, напримѣръ, представляется имъ чѣмъ-то совершенно произвольнымъ, могущимъ измѣняться по волѣ одного изъ противниковъ. Въ театрахъ съ особеннымъ воодушевленіемъ апплодируютъ необычайному крику героини драмы Ожье: *Теперь иди драться!* При подобныхъ обстоятельствахъ одна женщина изъ сотни скажетъ, быть можетъ, то же самое, да и то въ надеждѣ, что ее не послушаютъ. Остальныя девяносто девять схватятся за мысль Лидіи Майтлэндъ: бѣжать къ противнику дорогого имъ человѣка, просить, умолять пощадить его жизнь. Спѣшимъ добавить, что большинство не исполнитъ этого. И ограничатся онѣ тѣмъ, что, обливаясь слезами, зашьютъ какую-нибудь освященную медальку въ жилетъ своего любимца, препоручая его Провидѣнію, которое представляется имъ тоже имѣющимъ своихъ фаворитовъ. Лидія хорошо сознавала, что Флоранъ пришелъ бы въ страшное негодованіе, еслибъ узналъ о ея поѣздкѣ къ Горкѣ. Но кто же скажетъ ему объ этомъ? Ее била лихорадка ужаса и раскаянія, слишкомъ сильная для того, чтобы Лидія не пустилась дѣйствовать во что бы то ни стало. Доложили, что подана карета. Молодая женщина вышла и приказала ѣхать къ палаццетто Доріа. Въ какихъ выраженіяхъ заговоритъ она съ человѣкомъ, къ которому явится съ необычайнымъ и безумнымъ визитомъ? А! Не все ли равно? Заговоритъ по вдохновенію минуты... Желаніе предотвратить дуэль было настолько сильно, что въ успѣхѣ она не сомнѣвалась. И тяжелымъ ударомъ было для нея, когда швейцаръ въ галунахъ сообщилъ, что графа нѣтъ дома. Въ ту же минуту ее окликнулъ чей-то голосъ съ веселымъ смѣхомъ. Звала ее графиня Модъ Горка, возвращавшаяся съ прогулки съ своимъ маленькимъ сыномъ. Она узнала купе Лидіи и заговорила:

— Какъ хорошо, что я немного поспѣшила вернуться. Вижу, что вы побоялись грозы, какъ и мы, и выѣхали въ закрытой каретѣ. Зайдете ко мнѣ?—и, замѣтивши, что молодая женщина, которой она пожимала руку, вся дрожитъ, Модъ встревожилась:—Что съ вами? Вы нездоровы?... Боже мой! Что съ нею? Ей дурно... Лука,—обратилась она къ сыну,—бѣги скорѣе и прикажи принести большой флаконъ... Роза тамъ знаетъ... Скорѣе, бѣгомъ...

— Ничего,—отвѣтила Лидія, закрывшая было глаза, какъ бы готовая на самомъ дѣлѣ лишиться чувствъ. — Видите, мнѣ уже лучше... Я думаю, всего благоразумнѣе будетъ вернуться домой.

— Одну я васъ не пущу,—сказала Модъ, садясь въ карету, а такъ какъ принесли флаконъ съ солями, то она дала его понюхать Лидіи Майтлэндъ и говорила съ нею, какъ съ больнымъ ребенкомъ:—Бѣдненькая моя! Какъ щеки-то горятъ... Ну, возможно ли выѣзжать такою... Въ улицу Леопарди,— крикнула она кучеру,—и скорѣе!...

Карета помчалась. Мадамъ Горка продолжала сжимать маленькія ручки Лидіи, къ которой обращалась съ нѣжнымъ, крайне ироническимъ при данныхъ обстоятельствахъ, названіемъ: «Бѣдненькая моя!...» Модъ была одною изъ тѣхъ женщинъ, какихъ часто мы видимъ въ Англіи, къ чести здоровой и сильной британской цивилизаціи,—безконечно добрыхъ и энергичныхъ, въ то же время. Высокая и крѣпкая настолько же, насколько Лидія была тонка и почти тщедушна, она скорѣе согласилась бы отнести жену Майтлэнда до ея кровати на своихъ сильныхъ рукахъ, привычныхъ играть въ теннисъ, чѣмъ покинула бы ее въ томъ тревожномъ состоніи, въ какомъ встрѣтила у своего дома. Мягкосердечная и практичная, *matter of fact*, по выраженію ея соотечественниковъ, она начала разспрашивать свою больную о симптомахъ, предшествовавшихъ ея заболѣванію, и вдругъ увидала съ изумленіемъ, какъ ея разстроенное уже лицо измѣнилось еще болѣе, полились слезы изъ глазъ, все тѣло задрожало отъ рыданій. Съ Лидіей сдѣлался настоящій нервный припадокъ, вызванный пережитыми волненіями, новою неудачей въ томъ, что не застала она Болеслава, и, вѣроятно, также лаской, съ какою обращалась къ ней Модъ. Лидія изорвала зубами свой платокъ и простонала:

— Нѣтъ, не больна я... Но мысли этой я перенести не могу... Нѣтъ, не въ силахъ я... О, такъ съ ума сойти можно!—и, обратившись къ спутницѣ, она въ свою очередь сжала ея руку и сказала:—Вы ничего, стало быть, не знаете? Не подозрѣваете ничего?... Я окончательно обезумѣть могу, видя васъ такою спокойною,

довольною, счастливою, какъ будто каждая минута сегодня не должна быть такъ же дорога для васъ, какъ для меня... Вѣдь, если одинъ мнѣ братъ, такъ другой, вѣдь, мужъ вамъ... И вы любите его. Любите, несомнѣнно, если простили ему то, что вы прощаете...

Она говорила точно въ опьяненіи, которымъ ее отуманивало чрезмѣрное нервное возбужденіе, и, всегда крайне скрытная, она высказала самую затаенную свою мысль. Она думала, что не сообщитъ ничего новаго графинѣ Горка столь прямымъ намекомъ на связь Болеслава съ мадамъ Стено. Лидія была увѣрена, какъ и весь Римъ, впрочемъ, въ томъ, что Модъ знаетъ о невѣрностяхъ мужа и мирится съ ними изъ-за героическаго самопожертвованія, оправдываемаго чувствами матери. Сколько женщинъ приносило такъ въ жертву свою супружескую гордость ради охраненія семейнаго очага, котораго не покидаетъ отецъ, по крайней мѣрѣ, открыто! Весь Римъ ошибался и Лидіи Майтлэндъ предстояло убѣдиться въ этомъ самымъ неожиданнымъ образомъ. Въ голову жены Болеслава не западало никогда и тѣни мысли о возможности подобной интриги между ея мужемъ и матерью ея лучшей пріятельницы. Но, чтобы предположить это, надо было допустить и понять всю глубину наивности, какую сохранила, несмотря на свои двадцать семь лѣтъ, эта красивая и нравственно здоровая англичанка съ ясными и кроткими глазами. Она принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыя внушаютъ уваженіе самымъ дерзкимъ мужчинамъ и передъ которыми тщательно сдерживаютъ языки самыя безстыдныя на слова женщины. Никогда не приходилось ей выслушивать подлинныхъ откровенностей, которыя просвѣщаютъ въ извѣстномъ и нехорошемъ смыслѣ вполнѣ безукоризненныхъ женщинъ. Модъ вращалась въ очень вольномъ кружкѣ мадамъ Стено и ничуть не утратила своихъ чистыхъ иллюзій,—аномалія, во многомъ зависѣвшая отъ склада ея ума. Ей нравились только положительныя знанія и серьезные разговоры. Она была превосходно образована и абсолютно лишена способности распознавать характеры. Дорсенъ говорилъ про нее много справедливѣе, чѣмъ самъ думалъ: «Мадамъ Горка замужемъ за человѣкомъ, который никогда ей не былъ представленъ»,—разумѣя этимъ, вопреки сложившемуся общему мнѣнію, го мадамъ Горка понятія не имѣетъ о характерѣ своего мужа, во-ервыхъ, и, во-вторыхъ, о его супружескихъ измѣнахъ, жертвою торыхъ она была. Романистъ оказывался, однако же, не совсѣмъ равымъ. Неискренность Болеслава была слишкомъ постоянною для ого, чтобы жена его, существо страстно, безусловно правдивое, страдала отъ этого. Но цѣлая пропасть лежитъ между подобны-

ми страданіями и раскрытіемъ опредѣленнаго факта, на который указывала Лидія. Модъ была такъ далека отъ подозрѣній этого рода, что фразы спутницы вызывали въ ней только удивленіе и страхъ передъ таинственною опасностью, существованіе которой смущеніе Лидіи доказывало лучше ея словъ.

— Вашъ братъ? Мой мужъ?—проговорила мадамъ Горка.—Я васъ не понимаю...

— Очень естественно,—отвѣтила Лидія,—онъ все скрылъ отъ васъ такъ же, какъ Флоранъ скрылъ отъ меня... А дѣло въ томъ, что они дерутся на дуэли завтра утромъ... Не дрожите же и вы теперь,—продолжала она, обхватывая Модъ Горку руками. — Мы вдвоемъ можемъ предупредить этотъ ужасъ, и мы предупредимъ его.

— На дуэли? Завтра утромъ?—повторила Модъ растерянно.—Болеславъ дерется завтра съ вашимъ братомъ? Нѣтъ, это невозможно! Кто сказалъ вамъ объ этомъ? Откуда вы знаете?

— Доказательство я читала своими глазами,—продолжала Лидія.—Я читала завѣщаніе Флорана, читала письма, написанныя имъ Майтлэнду и мнѣ на случай несчастія... И, наконецъ, развѣ я была бы въ такомъ состояніи, въ какомъ вы меня видите, если бы это не была правда?

— О, я вѣрю вамъ!—воскликнула Модъ, прижимая руки къ глазамъ какъ бы для того, чтобы уничтожить страшное видѣніе.—Но гдѣ могли они видѣться? Болеславъ вернулся всего два дня назадъ. Что произошло между ними? Что сказали они другъ другу? Не рискуютъ же, въ самомъ дѣлѣ, жизнью изъ-за пустяковъ, когда есть жена и ребенокъ, какъ у Болеслава?... Да отвѣчайте же... Умоляю васъ. Скажите мнѣ все. Я все хочу знать. Изъ-за чего, въ сущности, эта дуэль?

— Изъ-за чего же, какъ не изъ-за этой женщины?—перебила Лидія, вложившая въ два послѣднія слова столько дикаго презрѣнія, будто публично плюнула въ лицо Катринѣ Стено. Но этотъ новый приливъ злобы стихъ передъ изумленіемъ, въ которое привелъ ее слѣдующій вопросъ графини Горка:

— Какая женщина? Я уже совсѣмъ ничего не понимаю...

— Когда будемъ у меня, тогда я и буду говорить...—отвѣтила Лидія и посмотрѣла на Модъ съ такимъ недоумѣніемъ, что одинъ подобный взглядъ былъ уже самымъ страшнымъ разъясненіемъ для той, на кого такъ смотрятъ.

Отвѣтъ былъ данъ, впрочемъ, въ то время, когда карета поворачивала за второй уголъ улицы Леопарди. Обѣ женщины смолкли. Теперь уже Модъ нуждалась въ дружеской заботѣ, настолько взвол-

новали до глубины души все существо ея тѣ нѣсколько словъ, которыя сказала Лидія. Эта спутница, сидѣвшая съ нею рядомъ въ быстро мчавшейся каретѣ и внушавшая ей такую жалость четверть часа назадъ, наводила не нее теперь неодолимый страхъ. Модъ казалось, что съ нею ѣдетъ кто-то другой. Въ этой женщинѣ, тонкія ноздри которой дрожали отъ страсти, губы складывались въ горькую усмѣшку, глаза искрились бѣшенствомъ, она не узнавала хорошенькой мадамъ Майтлэндъ, настолько молчаливой и сдержанной, что слыла она за ничтожную. Что сообщитъ ей этотъ голосъ, такой музыкальный обычно, сдѣлавшійся вдругъ рѣзкимъ до грубости и передавшій уже о большой опасности, грозящей Болеславу? Про какую женщину говорилъ этотъ страшный голосъ и что значитъ это внезапное молчаніе? Лидія, съ своей стороны, хорошо понимала причину необычайнаго волненія, въ которое она привела Модъ, отнюдь не преднамѣренно, конечно. Съ минуту она раздумывала о томъ, что дальнѣйшія разоблаченія передъ женщиной, столь очевидно обманутой, были бы новымъ преступленіемъ. Но, въ то же время, она сообразила, что полное раскрытіе всего приведетъ, несомнѣнно, къ двумъ результатамъ. Раскрывши глаза графинѣ Горка, она сдѣлаетъ ее смертельнымъ врагомъ Катерины Стено, а затѣмъ Модъ, страстно влюбленная въ своего мужа, ни за что не допуститъ его до дуэли изъ-за бывшей любовницы. Такимъ образомъ, когда онѣ вошли вмѣстѣ въ маленькій салонъ мавританскаго дома, рѣшеніе Лидіи сложилось окончательно: не скрывать ничего, ей извѣстнаго, отъ несчастной Модъ. И когда мадамъ Горка, съ замирающимъ сердцемъ и задыхающимся голосомъ, спросила:

— Теперь объясните вы мнѣ то, что хотѣли сказать?...

Лидія проговорила:

— Спрашивайте, я буду отвѣчать. Сказала я уже слишкомъ много для того, чтобы отступить...

— Вы предполагаете, будто какая-то женщина можетъ быть причиной дуэли вашего брата съ моимъ мужемъ?

— Въ этомъ я убѣждена,—отвѣтила Лидія.

— Такъ назовите ее...

— Мадамъ Стено.

— Мадамъ Стено? — повторила Модъ. — Катерина Стено приняла дуэли? Но почему?

— Потому, что она любовница моего мужа,—рѣзко возразила Лидія, — какъ была она любовницей вашего... потому, что Горка, безумѣвши отъ ревности, пріѣзжалъ сюда вызывать Линкольна и стрѣтился съ моимъ братомъ, не допустившимъ его войти... Наго-

ворили они другъ другу дерзостей, какихъ, я не знаю, но знаю, что это и есть причина дуэли... Имѣла я право или нѣтъ сказать вамъ, что драться они будутъ изъ-за женщины?

— Любовница моего мужа!—воскликнула Модъ.— Вы говорите, что мадамъ Стено любовница моего мужа?... Не правда. Вы лжете, лжете, лжете! Я вамъ не вѣрю...

— Не вѣрите?—Лидія пожала своими тонкими плечами.— Какой же мнѣ разсчетъ васъ обманывать, и будто можно лгать, когда дѣло идетъ о жизни единственнаго дорогого въ мірѣ человѣка? Вѣдь, никого, кромѣ брата, у меня нѣтъ на свѣтѣ и, можетъ быть, завтра не будетъ и его... Нѣтъ, вы мнѣ повѣрите. Я хочу, чтобы и вы возненавидѣли эту негодницу, мы обѣ отомстимъ ей, какъ обѣ мы не хотимъ этой дуэли, затѣянной, повторяю вамъ, изъ-за нея, изъ-за нея одной... Не вѣрите мнѣ? А знаете ли, кто заставилъ вернуться вашего мужа? Вы не ждали его, признайтесь въ этомъ?... Я заставила, слышите, я... Я писала ему, что дѣлаютъ Стено и Линкольнъ, изо дня въ день писала про ихъ любовь, про ихъ свиданія, про ихъ счастье... О, я знала, что не промахнусь, и онъ пріѣхалъ. Черезъ всю Европу промчался, чтобы отомстить... И это не доказательство?...

— Вы этого не сдѣлали!— воскликнула мадамъ Горка, отступая въ ужасѣ.—Это слишкомъ мерзко...

— Да, я это сдѣлала, — возразила Лидія съ какою-то дикою гордостью.—И почему бы не сдѣлать? Я вправѣ была такъ поступить, когда она въ моемъ домѣ отнимаетъ у меня мужа. Стоитъ вамъ, вернувшись къ себѣ, порыться тамъ, куда Горка запираетъ свои письма, и вы найдете, завѣряю васъ, нѣжныя посланія этой женщины. У этой гадины страсть писать... Тогда вы мнѣ повѣрите или еще разъ повторите, что я лгу?...

— Никогда въ жизни,—проговорила Модъ съ выраженіемъ болѣзненнаго негодованія на прекрасномъ, благородномъ лицѣ, — нѣтъ, никогда не дойду я до такой низости!

— Хорошо же! Такъ я за васъ дойду,—сказала Лидія.— Чего вы не посмѣете, то посмѣю я, и вы будете меня просить помочь вамъ отомстить... Пойдемте...—и, взявши за руку пораженную гостью, она увлекла ее въ мастерскую Линкольна, гдѣ въ эту минуту никого не было.

Лидія подошла къ испанскому шкафчику изъ тѣхъ, что называютъ *bargeños*, и открыла откидную доску, расписанную краснымъ съ золотомъ въ арабскомъ стилѣ, нажала двѣ маленькихъ задвижки, за которыми открылся потайной ящикъ, и вынула изъ

него связку писемъ. Модъ Горка смотрѣла на эти предательскія дѣйствія съ такимъ содроганіемъ ужаса, съ какимъ увидала бы, что при ней кто-нибудь убиваетъ и грабитъ. Вся правдивая душа ея была глубоко возмущена сценой, одно присутствіе при которой уже дѣлало ее полусообщницей. Но, въ то же время, ею овладѣло, какъ мужемъ ея нѣсколько дней назадъ, безумное желаніе узнать правду, превращающееся, въ моменты острыхъ приступовъ сомнѣнія, въ неодолимую потребность, въ вопль нравственнаго существа нашего, столько же настоятельный, какъ мученія голода или жажды. И Модъ продолжала слушать страшную рѣчь сестры Флорана.

— А будетъ ли для васъ доказательствомъ, когда вы увидите это написаннымъ ею собственноручно?... Да,— говорила Лидія съ безпощадною ироніей,—охотница писать наша счастливая соперница. И надо отдать ей справедливость, не останавливается она передъ признаніями въ своихъ письмахъ... пишетъ, какъ чувствуетъ... По-видимому, преемникъ ревновалъ къ предшественнику. Вотъ смотрите, это будетъ ли доказательствомъ?—и, перелистовавши нѣсколько писемъ, какъ особа достаточно изучившая всю пачку, Лидія протянула одинъ изъ листковъ, отъ котораго Модъ не въ силахъ уже была отвести глазъ. То, что она прочла на этомъ листкѣ, вырвало у нея крикъ отчаянія. Прочла же она всего десятокъ строкъ, которыя, къ слову замѣтить, доказывали, насколько психологъ Дорсенъ ошибался, думая, что Майтлэнду неизвѣстны прежнія отношенія его любовницы къ Горкѣ. Графиня Стено тѣмъ и была великолѣпна, что смѣлостью въ своихъ увлеченіяхъ доходила до героизма, искренна была безусловно и не терпѣла мелочности, обычной при любовныхъ интригахъ. Ей противнымъ показалось бы оспаривать шагъ за шагомъ и ложь за ложью передъ новымъ любовникомъ что-либо изъ своего прошлаго, а полупризнанія, свойственныя женщинамъ, представились бы ей еще худшею низостью. Она не пыталась скрыть отъ Майтлэнда связь, которую обрывала ради него, и вотъ на одну изъ фразъ, гдѣ она говоритъ объ этомъ прямо, упалъ взглядъ мадамъ Горки. «Ты будешь доволенъ мною,—читала она,— и не увижу я больше въ твоихъ милыхъ глазахъ, которые цѣлую, какъ я люблю цѣловать, выраженія недовѣрія, очень для меня непріятнаго. Я прекратила даже переписку съ Г... Если потребуешь, я поссорюсь и съ Модъ, несмотря на извѣстныя тебѣ причины, дѣлающія это крайне затруднительнымъ. Станешь ли и послѣ этого еще ревновать?... Откровенность, съ которою я говорю объ этой связи, не служитъ ли лучшимъ ручательствомъ въ томъ, что съ нею покончено? Смотри же, не смѣй ревновать. Пой-

ми сколько-нибудь то, что я такъ хорошо понимаю: мнѣ казалось, будто я любила, а жизнь моя началась лишь съ того дня, когда ты охватилъ меня своими объятіями. Ты разбудилъ во мнѣ женщину, которой никто не зналъ»...

— Хорошо пишетъ, не правда ли?—сказала Лидія, и глаза ея сверкнули дикимъ торжествомъ.—Теперь вѣрите мнѣ? Понимаете, что въ настоящее время у насъ съ вами одна цѣль—отомстить за нанесенное намъ обѣимъ оскорбленіе? И мы отомстимъ... Понимаете вы также, что не можете допустить вашего мужа до дуэли съ моимъ братомъ? Вы обязаны сдѣлать это для меня, такъ какъ, вѣдь, я дала вамъ средство держать въ рукахъ мужа... Пригрозите ему разводомъ. Состояніе вамъ принадлежитъ, ребенка вамъ оставятъ. Повторяю вамъ, мужъ у васъ въ рукахъ и не вырвется. Но вы должны помѣшать дуэли... Обѣщаете мнѣ это?...

— О, какое же дѣло мнѣ теперь, будетъ онъ драться на дуэли или не будетъ? — заговорила Модъ. — Разъ онъ измѣнялъ мнѣ столько времени, развѣ я уже не вдова?... Не подходите ко мнѣ,— добавила она, глядя на Лидію растерянными глазами и вздрагивая отъ волновавшаго ее отвращенія. — Не говорите со мной никогда больше. Вы гадки мнѣ такъ же, какъ онъ... Уйти отсюда скорѣе... Быть съ вами въ одной комнатѣ невыносимо мнѣ... О, какой позоръ!...

Она отступила къ двери, не спуская глазъ съ предательницы, и та съ мрачнымъ, вызывающимъ видомъ выдержала ея взглядъ, полный глубокаго презрѣнія. Модъ вышла, повторяя: «Какой позоръ!...»—и Лидія не проговорила ни слова, она точно замерла отъ удивленія передъ результатомъ, столь противуположнымъ всѣмъ ея ожиданіямъ. Но не такова была эта страшная женщина, чтобы предаваться сожалѣніямъ и раскаянію. Послѣ минутной задумчивости, она нервнымъ движеніемъ руки скомкала письмо, только что показанное Модъ, рискуя, что потомъ эта измятая бумага ее самое выдастъ Майтлэнду, и громко заговорила:

— Подлая женщина! Боже, до чего она подла! Она любитъ, она проститъ! Неужели же нѣтъ человѣка, чтобы помочь мнѣ?... Нѣтъ никого, кто бы поразилъ ихъ въ безстыдномъ ихъ счастьи?...

Подумавши еще немного, съ лицомъ еще болѣе искаженнымъ, она бросила письма въ ящикъ, заперла его и черезъ полчаса приказала позвать посыльнаго, которому передала письмо для немедленной доставки. Оно было адресовано инспектору полиціи того участка. Въ письмѣ она предупреждала о назначенной на завтра дуэли съ обозначеніемъ именъ противниковъ и ихъ четырехъ се-

кундантовъ. Если бы не боязнь передъ братомъ, на этотъ разъ она подписалась бы, не колеблясь.

— Съ этого слѣдовало начать, — разсуждала она сама съ собою, когда дверь маленькаго салона затворилась за посыльнымъ.—Жандармы съумѣютъ помѣшать дуэли, если я ничего не добьюсь, умоляя Флорана... Что же касается этого...—она взглянула на портретъ Линкольна, стоявшій на бюро, у котораго она писала.—Не разсказать ли ему, что тутъ происходитъ?... Нѣтъ, ни о чемъ я просить его не хочу. Слишкомъ ненавижу я его...—и съ звѣрскою улыбкой, открывшей ея зубы въ углахъ тонкихъ губъ, она закончила:—Какъ бы то ни было, а Модъ Горка будетъ, все-таки, дѣйствовать за одно со мною, вопреки даже собственному желанію. Есть человѣкъ, которому она никогда не проститъ, это—Катерина Стено...

И, несмотря на страшную тревогу, ея мрачная душа ликовала отъ радости при мысли, что удалось ей этого достигнуть.

VIII.

Дуэль.

Модъ Горка чуть не выбѣжала изъ мавританскаго дома улицы Леопарди и быстро пошла, сама не зная куда, ничего не видя и не слыша, подобно тому, какъ звѣрь, раненый пулей на ловищѣ, несется по кустамъ, чтобъ убѣжать отъ опасности, отъ своей раны, отъ самого себя. Нѣкоторыя внезапно захватывающія насъ душевныя страданія вызываютъ ближайшія послѣдствія, одинаковыя съ нежданно поражающею физическою болью. Въ томъ и другомъ случаѣ реагируетъ сама жизнь, слишкомъ глубоко задѣтая, возмущающаяся съ безсознательною и почти безумною энергіей. Было немного болѣе половины четвертаго часа, когда несчастная женщина вышла изъ мастерской, не имѣя силъ выносить присутствіе Лидіи Майтлэндъ, которая, изъ-за своей мрачной мстительности, такъ жестоко и съ такими неопровержимыми доказательствами открыла ей весь ужасъ отвратительной, ничѣмъ нескупимой измѣны мужа. И только къ шести часамъ Модъ опомнилась по-настоящему. Самое простое обстоятельство заставило ее очнуться отъ безпамятства, въ которомъ она проходила болѣе двухъ часовъ. Разразилась гроза, собиравшаяся съ полудня. Модъ, едва замѣтившая первыя крупныя капли дождя, принуждена была куда-нибудь укрыться, когда ливень хлынулъ цѣлымъ потокомъ, и очутилась подъ правымъ крыломъ колоннады святого Петра. Какъ по-

пала она туда?... Сама она не могла сообразить этого въ точности. Смутно припоминалось ей, что бродила она по какимъ-то закоулкамъ тѣсныхъ улицъ, перешла черезъ Тибръ,—вѣроятно, по мосту Гарибальди,—миновала большой садъ,—должно быть, на Яникулѣ,—и видѣла какую-то часть укрѣпленій. Правдоподобнѣе всего, что она вышла изъ города воротами святого Понкратія и дошла до воротъ Кавальери вдоль ломанной линіи прекрасныхъ стѣнъ Урбана. Этотъ уголокъ Рима, съ видомъ на зонточныя сосны виллы Памфили съ одной стороны и на задній фасъ Ватикана съ другой, служитъ обычнымъ мѣстомъ зимнихъ прогулокъ для нѣкоторыхъ кардиналовъ, любящихъ погрѣться тутъ на послѣполуденномъ солнцѣ, въ увѣренности повстрѣчать лишь очень малое число незнакомыхъ людей. Въ маѣ это уже совсѣмъ пустое мѣсто, выжженное солнцемъ. Оно накаляетъ кирпичи, два вѣка бурѣющіе подъ его жгучими лучами, и ласкаетъ чешуйки зеленыхъ и сѣрыхъ ящерицъ, перебѣгающихъ между геральдическими пчелами герба папы Урбана VIII изъ рода Барберини. Инстинктъ сослужилъ графинѣ Горка, по крайней мѣрѣ, ту службу, что завелъ въ мѣста, гдѣ она никого не встрѣтила... Теперь возвращалось къ ней полное сознаніе дѣйствительности, и она узнавала все окружающее ее, картину, знакомую и дорогую ея сердцу ревностной католички: обширную площадь, обелискъ Сикста V въ центрѣ, фонтаны, обѣгающій ихъ кругомъ грандіозный портикъ, увѣнчанный статуями епископовъ и мучениковъ, ватиканскій дворецъ на углу, а тамъ, въ глубинѣ, громаду папскаго собора, съ Христомъ-Спасителемъ и апостолами на величественномъ фронтонѣ. При всякихъ иныхъ обстоятельствахъ, набожная молодая женщина увидала бы въ случайности, приведшей ее сюда почти безсознательно, указаніе свыше, призывъ войти въ этотъ храмъ и молить силы перенести страданія у Господа, сказавшаго намъ: «Кто хочетъ идти за Мною, отвергнись себя и возьми крестъ свой, и слѣдуй за Мною...» Но она не пережила еще перваго, остраго приступа тяжелаго горя, когда невозможно молиться,—такъ сильно возмущено все существо наше. Впослѣдствіи мы съумѣемъ признать руку Провидѣнія, ниспославшаго намъ испытаніе. Въ началѣ же мы видимъ только страшную несправедливость судьбы, и все въ насъ дрожитъ до мельчайшаго фибра, вся энергія души нашей возстаетъ противъ поразившаго ее удара. Потрясеніе Модъ было въ особенности глубоко и сильно потому, что такой ударъ нанесенъ былъ ей ошеломляюще нежданно. Каждый день случается, что такая же, какъ она, честная женщина удостовѣряется въ измѣнѣ любимаго ею мужа. Но обыкновенно не

опровержимымъ доказательствамъ измѣны предшествуютъ продолжительныя подозрѣнія. Мужъ охладѣваетъ къ своей семьѣ, замѣчается перемѣна въ его повседневныхъ привычкахъ. Неуловимые оттѣнки даютъ чувствовать оскорбленной супругѣ слѣдъ соперницы, что ревность женщины распознаетъ съ такимъ же безъошибочнымъ чутьемъ, съ какимъ собака открываетъ въ домѣ присутствіе чужого человѣка. И хотя, въ концѣ-концовъ, сердце надрывается, при переходѣ отъ подозрѣній къ полной увѣренности, все же надрывается сердце уже подготовленное. Никакой подобной подготовки, никакого приспособленія души, такъ сказать, къ ужасной дѣйствительности Модъ не испытала. Ловко подстроившая ея сближеніе съ Альбой, мадамъ Стено замаскировала всѣ мелкіе признаки, способные ее выдать. Болеславу не было надобности въ чемъ-либо нарушать обычное теченіе семейной жизни для того, чтобы на полной свободѣ видаться съ любовницей, пользуясь короткостью, созданною и поддерживаемою самою его женой. А потому и обманута она была вполнѣ и безусловно. Въ виду невѣрности мужа, ослѣпленіе ея было такъ велико, что казалось неправдоподобнымъ равнодушнымъ и постороннимъ людямъ. Имъ непонятно было незамѣтное и постепенное наростаніе привычки, обусловившее подобную слѣпоту. И тѣмъ ужаснѣе оказалось внезапное прозрѣніе. Все общество считаетъ иного мужа слишкомъ покладистымъ супругомъ, иную женщину слишкомъ снисходительною женой, и вдругъ нежданное убійство или самоубійство повергаетъ всѣхъ въ неописуемое удивленіе, причемъ никто не хочетъ признать даже въ такомъ безумномъ поступкѣ доказательства моментальной потери всѣхъ иллюзій, дѣйствующей быстрѣе и гибельнѣе, чѣмъ порывы страстной любви. Если же такого рода внутренній разгромъ не приводитъ къ столь ужаснымъ послѣдствіямъ, тогда въ насъ самихъ уничтожаетъ онъ безвозвратно послѣдніе проблески душевной свѣжести и уже навсегда внѣдряетъ мысль, что никому вѣрить нельзя послѣ такого жестокаго обмана. Наступающая затѣмъ, на многіе годы, на всю жизнь иногда, невозможность смягчиться, надѣяться, вѣрить сдѣлала то, что Модъ Горка осталась на мѣстѣ и, опершись на пьедестъ колонны, смотрѣла на безостановочно льющійся дождь, а не правилась въ сторону міровой базилики, гдѣ исповѣдальни на всѣхъ языкахъ даютъ отпущеніе всѣмъ грѣхамъ и врачуютъ всѣ орби. Преклонить передъ ними колѣна есть уже утѣшеніе, но— ы!—несчастная женщина не прошла еще первой стадіи по пути аданія.

Модъ смотрѣла на ливень, и ей какъ будто легче становилось

при видѣ дико разбушевавшейся грозы, похожей на катаклизмъ природы,—такъ ярки были молніи, такъ грохотала обширная площадь подъ ударами грома, смѣшивающимися съ порывами вѣтра и шумомъ водяныхъ потоковъ. Въ умѣ молодой женщины начинали вновь чередоваться образы послѣ того, какъ улегся ослѣплявшій ее вихрь страданія, подхватившій ее съ перваго момента, когда она взглянула на предательское письмо. Каждое слово на этомъ листкѣ опять проходило передъ ея глазами и жгло ихъ до нестерпимой боли, до невозможности открыть ихъ. Въ памяти проходили два послѣдніе года ея жизни съ того времени, какъ она сошлась съ графиней Стено, и все ей представлялось настолько яснымъ, что она со стономъ повторяла: «Какъ онъ могъ?...» Опять видѣла она себя въ Венеціи, куда увезъ ее Болеславъ послѣ смерти ихъ дочери, чтобы въ мирной тиши лагунъ успокоилось ея острое горе. Какъ добра была мадамъ Стено, или, по крайней мѣрѣ, какою доброю она ей казалась, какою нѣжною, и понимающею ее, и сочувствующею ей! Ихъ свѣтское знакомство въ Римѣ мало-по-малу перешло въ дружбу. Тутъ, безъ сомнѣнія, и начинается измѣна. Воровка любви прокралась подъ личиною сочувствія, которому такъ вѣрила Модъ. Видя графиню такою душевною, она сочла за клеветы свѣтское злословіе относительно женщины, способной на столь трогательную мягкость сердца. И какъ разъ въ это время негодница отнимала у нея Болеслава! Въ головѣ мелькали тысячи подробностей, которыхъ она не понимала тогда: катанья любовниковъ въ гондолѣ, которымъ она не придавала никакого значенія, поѣздка Болеслава въ имѣніе Стено, откуда онъ вернулся лишь на другой день подъ предлогомъ, что опоздалъ къ поѣзду, ихъ бесѣды съ глазу на глазъ на балконѣ палаццо Стено, въ то время, какъ сама она говорила съ Альбой. Да, тамъ, въ Венеціи, на ея глазахъ, началась ихъ преступная связь, а она объ этомъ и не догадывалась, отдавшись всѣмъ сердцемъ своимъ неутѣшному горю объ отлетѣвшемъ ихъ ангелѣ! «О, какъ онъ могъ?...»—стонала Модъ, а воспоминанія тянулись длинною вереницей. И передъ умственнымъ взоромъ несчастной жены, сразу и трагически, раскрывались всѣ окна, такъ тщательно замаскированныя предательскою ловкостью Горки и графини. Модъ видѣла вновь мѣсяцы, слѣдовавшіе за ихъ возвращеніемъ въ Римъ, и обычный порядокъ ихъ жизни, столь удобный для обоихъ сообщниковъ. Сколько разъ она увозила катать ся Альбу, освобождая такимъ образомъ ея мать отъ стѣснительнаг для нея присутствія дочери, освобождая своего мужа отъ себя самой И любовники оставались наединѣ цѣлыми часами.... Сколько разъ,

возвращаясь въ палаццетто Доріа, она находила Катерину Стено въ библіотекѣ, сидящею на диванѣ рядомъ съ Болеславомъ, и ей въ голову не приходило мысли, что эта женщина являлась сюда въ ея отсутствіе цѣловать ея мужа, говорить ему о любви, расточать ему ласки, привлекательныя своею запретностью и опасностью! Вспомнилась ихъ встрѣча въ Байрейтѣ прошедшимъ лѣтомъ, когда она, Модъ, уѣзжала въ Англію одна съ сыномъ, а ея мужъ вызвался сопровождать графиню и Альбу изъ Рима въ Баварію. Они условились съѣхаться въ Нюренбергѣ. Ясно представились ей теперь помѣщеніе въ отелѣ, гдѣ они свидѣлись, и спальня мадамъ Стено вблизи комнаты Болеслава, и ласки любовниковъ въ тиши ночи, на полной свободѣ, въ то время, какъ Альба мирно спала тутъ же рядомъ, а сама она съ маленькимъ Лукой мчалась въ вагонѣ... И еще разъ изъ груди ея вырвался крикъ: «А! какъ онъ могъ?...»—и тотчасъ промелькнувшая мысль о курьерскомъ поѣздѣ вызвала въ памяти недавнее возвращеніе Болеслава, прокатившаго чуть не черезъ всю Европу, изъ-за анонимнаго доноса, чтобы двадцатью четырьмя часами ранѣе быть съ этою женщиной. Каково доказательство страсти, когда мужчина обезумѣлъ до невозможности дольше выносить сомнѣніе и разлуку! Ясно, какъ онъ увлеченъ этою любовницей, которая не любитъ его даже, такъ какъ измѣняетъ ему ради Майтлэнда... И изъ-за нея онъ дерется на дуэли!... Въ этотъ мигъ ревность отозвалась въ сердцѣ обманутой жены еще бо́льшимъ страданіемъ, чѣмъ какое причиняло негодованіе. И она, англичанка, высокая, сильная, съ мускулистымъ, почти мужскимъ тѣломъ, крѣпкимъ, но тяжелымъ, сравнивала себя мысленно съ этою гибкою нтальянкой, обладающею стройною фигурой, мягкими жестами, маленькими руками, узкими ногами,—сравнивала съ этимъ жаднымъ до наслажденій созданіемъ, отъ каждаго движенія котораго вѣяло страстностью, и уже не въ состояніи была простонать много разъ повторенное: «Какъ онъ могъ?...» Она вдругъ съ полною отчетливостью поняла все могущество очарованія соперницы. Для честной любящей женщины смертельнымъ ударомъ является сознаніе, что сама она осквернена одною мыслью о томъ опьяненіи, какое испытывалъ ея мужъ въ объятіяхъ болѣе красивыхъ рукъ, болѣе ласкающихъ и притягивающихъ, чѣмъ ея руки. Въ то же время, это было толчкомъ, пробудившимъ всю силу воли и души, измученной, но гордой. Ее охватило такое глубокое, такое полное отвращеніе отъ всей атмосферы лжи и мерзости, въ которой Болеславъ жилъ цѣлыхъ два года, что Модъ какъ бы выпрямилась, стала сразу опять сильною и непреклонною. Не обра-

щая вниманія на дождь, она пошла по направленію къ своему дому съ рѣшеніемъ, настолько опредѣленно и твердо сложившимся въ ея умѣ, какъ будто оно вырабатывалось недѣлями и мѣсяцами:

«Ни одного дня я не останусь больше подъ одною кровлей съ этимъ человѣкомъ. Завтра же возьму сына и уѣду въ Англію».

Очень многія женщины, при аналогичныхъ обстоятельствахъ, клялись покинуть мужей и объ угрозахъ своихъ забывали тотчасъ же, какъ только появлялся измѣнившій и, все-таки, любимый человѣкъ. Модъ была не изъ такихъ, несмотря на страстную любовь къ мужу. Любила она его несомнѣнно, всѣмъ существомъ своимъ любила очаровательнаго Болеслава, за котораго вышла замужъ противъ желанія своихъ родныхъ, которому всѣмъ пожертвовала, согласившись жить вдали отъ родины и семьи потому, что онъ такъ хотѣлъ,—жить и дышать только для него и для ихъ сына. Въ ея характерѣ была,—какъ то показывали немного длинный и рѣзкій подбородокъ, нѣсколько тупой носъ и энергичный лобъ,—та особенно стойкая непреклонность, которая составляетъ отличительную черту натуръ, безусловно прямыхъ. Отвращеніе должно было убить въ ней любовь или, по меньшей мѣрѣ, — такъ какъ властны мы лишь надъ поступками своими, а не чувствами,—Модъ должна была почитать унизительнымъ для себя продолжать любить человѣка, котораго она презирала. Въ данную же минуту въ сердцѣ царило безраздѣльно ничѣмъ неизгладимое презрѣніе. Въ ней до высокой степени приподнятъ былъ почти религіозный, фанатическій взглядъ на честность, встрѣчающійся вездѣ, гдѣ развито чувство личнаго благородства, и составляющій въ Англіи основное начало нравственнаго воспитанія. Не мало страданій причиняло ей всегда сознаніе нѣкоторой неустойчивости въ натурѣ Болеслава. Но если ей и тяжело было видѣть въ немъ склонность къ преувеличеніямъ на словахъ, къ притворству и опасную податливость совѣсти, то она, изъ высокой любви къ нему, находила оправданіе этихъ недостатковъ, приписывая ихъ плохому воспитанію. Горка съ дѣтства очутился замѣшаннымъ въ семейную драму, такъ какъ его отецъ и мать жили врозь, и ни тотъ, ни другая не могли имѣть на него исключительнаго вліянія. Но чѣмъ же можно оправдать, какъ извинить позорный обманъ, длящійся два года, безстыдную измѣну, ютившуюся у самаго домашняго очага, безчестность, обдуманную, спокойную, ежедневную и ежечасную? И вотъ, войдя, наконецъ, въ полаццетто Доріа, Модъ, при всемъ отчаяніи своемъ, почувствовала нѣкоторое успокоеніе, которое даетъ человѣку непоколебимо твердое и справедливое рѣшеніе. Она пережила страш-

ную душевную драму и теперь почти обычнымъ, спокойнымъ голосомъ спросила слугу:

— Дома графъ?

Но что же сталось съ нею, когда слуга, отвѣтивши утвердительно, добавилъ:

— У насъ мадамъ и мадемуазель Стено, ожидаютъ васъ въ гостиной...

При извѣстіи, что женщина, отнявшая у нея мужа, находится тутъ, въ ея домѣ, Модъ почувствовала, какъ,—по энергичному простонародному выраженію,—вся кровь въ ней всколыхнулась разомъ. Не было ничего необыкновеннаго въ томъ, что графиня Стено пріѣхала къ ней съ визитомъ, какъ всегда, и еще менѣе необыкновеннымъ представлялось то, что пріѣхала она, именно, въ этотъ день, такъ какъ, весьма правдоподобно, что до нея дошелъ уже слухъ о назначенной на завтра дуэли. И, однако, это посѣщеніе и въ такую минуту настолько пламенно подняло все негодованіе Модъ, что первымъ инстинктивнымъ движеніемъ ея было войти и выгнать любовницу Болеслава, какъ выгоняютъ служанку, уличенную въ кражѣ. Вдругъ образъ Альбы промелькнулъ въ ея головѣ, образъ нѣжной и чистой Альбы, ея лучшаго друга. Во все время бурной смѣны мыслей съ минуты рокового открытія она не разъ подумала о молодой дѣвушкѣ. Но слишкомъ удручающее горе настолько поглощало всѣ ея душевныя силы, что Модъ не сознавала живой въ ея сердцѣ дружбы къ этому милому и прелестному существу. Чувство это шевельнулось въ ней въ тотъ моментъ, когда она готова была разсчитаться съ соперницей, какъ вправѣ была и даже обязана была сдѣлать. Необычайная жалость залила ея сердце и заставила ее остановиться среди обширныхъ сѣней, украшенныхъ статуями и колоннами, мимо которыхъ она направлялась къ гостиной. Модъ вернула лакея въ тотъ мигъ, когда онъ уже готовъ былъ взяться за ручку двери. Слишкомъ горько поразило молодую женщину сходство ея собственнаго нравственнаго положенія съ положеніемъ Альбы, и въ это мгновеніе она испытала такое же чувство, какое сама Альба часто испытывала по ношенію къ Фанни Гафнеръ,—чувство глубокой симпатіи къ раданію, которое будетъ тождественно съ переживаемыми ею са-ою мученіями. Модъ физически не въ состояніи была подать руку адамъ Стено послѣ того, что она узнала, ни заговорить съ нею аче, какъ для того только, чтобы выгнать ее изъ дома. Сказать же присутствіи Альбы хотя одну фразу, сдѣлать жестъ одинъ, ко-рые открыли бы бѣдняжкѣ правду о ея матери и правду этого ро-

да,—нѣтъ, то было бы совершенно безпощадное и не заслуженное мщеніе! Графиня Горка повернула въ сторону и направилась въ свои комнаты, приказавши слугѣ попросить туда же Болеслава. Она придумала средство удовлетворить свой справедливый гнѣвъ, не затрогивая сердца дѣвушки, оставшейся, все-таки, добрымъ ея другомъ, ничуть неповинной въ томъ, что двое недостойныхъ людей воспользовались ея непониманіемъ и прятались за нею. Едва войдя въ будуаръ, рядомъ съ спальней, Модъ сѣла къ бюро, на которомъ стоялъ портретъ мадамъ Стено въ группѣ, составленной изъ Болеслава, Альбы и ея самой. Нагло-торжествующая улыбка на портретѣ вызвала вновь въ оскорбленной женщинѣ приливъ бѣшеной злобы, едва утихшей, вѣрнѣе же—прерванной на нѣсколько минутъ жалостью. Модъ взяла рамку, бросила на полъ, растоптала ногами, потомъ начала писать на первомъ попавшемся подъ дрожащую руку листкѣ бумаги одну изъ тѣхъ записокъ, какія возможны только въ минуты страстнаго возбужденія, не останавливающагося ни передъ какими выраженіями: «Я все знаю. Два года вы любовница моего мужа. Не отрицайте этого. Я прочла признаніе, написанное вами собственноручно. Я не хочу ни говорить съ вами, ни когда-либо васъ видѣть. Нога ваша не должна переступать порога моего дома. Если сегодня я не выгоняю васъ лично, то ради вашей дочери только. Въ другой разъ меня уже ничто не удержитъ». И она смѣло подписала: «Модъ Горка», въ ту минуту, когда шумъ отворенной и тотчасъ же затворенной двери заставилъ ее оглянуться. Передъ нею стоялъ Болеславъ. Двусмысленное выраженіе его лица окончательно вывело изъ себя несчастную женщину. Онъ вернулся домой болѣе часа назадъ и уже зналъ, что Модъ поѣхала проводить въ улицу Леопарди мадамъ Майтлэндъ, чувствовавшую себя дурно, и ждалъ возвращенія жены съ тревожнымъ нетерпѣніемъ, волнуясь мыслью, что сестра Флора́на, навѣрное, разстроена завтрашнею дуэлью и что, въ такомъ случаѣ, Модъ также знаетъ уже объ этомъ. Есть разговоры и, въ особенности, прощанія, избѣжать которыхъ всегда старается мужчина передъ дуэлью. Хотя Болеславъ и заставилъ себя улыбнуться, но въ томъ онъ уже не сомнѣвался, что про дуэль жена знаетъ. Ничѣмъ инымъ нельзя было объяснить ея очень замѣтнаго волненія. Могъ ли онъ угадать, что извѣстна ей не только про дуэль, но и про его любовную интригу, длившуюся два года и теперь только покончennую? Такъ какъ жена молчала и въ молчаніи этомъ чувствовалось нѣчто угрожающее, то онъ, чтобы скрыть смущеніе, хотѣлъ взять ея руку и поцѣловать, по всегдашнему своему обыкновенію. Модъ остановила его такимъ

взглядомъ, какого онъ еще не видывалъ у нея, и сказала, подавая ему листокъ бумаги, лежавшій передъ нею:

— Хотите прочесть эту записку, прежде чѣмъ я отошлю ее мадамъ Стено, которая съ дочерью дожидается тамъ въ гостиной?

Болеславъ взялъ письмо, пробѣжалъ глазами ужасныя строки и поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ. Пораженъ онъ былъ настолько, что возвратилъ записку женѣ, не проговоривши ни слова, не пытаясь помѣшать,—какъ то обязанъ былъ сдѣлать,—нанесенію оскорбленія своей бывшей любовницѣ, которую все еще любилъ такъ сильно, что рисковалъ изъ-за нея жизнью. Горка, такой смѣлый и ловкій, былъ совершенно уничтоженъ неожиданностью, способною выбить изъ колен всѣ душевныя силы человѣка. Молча онъ смотрѣлъ, какъ Модъ вложила письмо въ конвертъ, написала адресъ и позвонила,—молча выслушалъ, какъ она сказала лакею:

— Передайте эту записку графинѣ Стено и скажите, что я прошу меня извинить... Я чувствую себя слишкомъ дурно для того, чтобы принять кого бы то ни было. Если онѣ будутъ настаивать, объясните, что я приказала рѣшительно всѣмъ отказывать. Понимаете? Рѣшительно всѣмъ...

Слуга взялъ конвертъ, вышелъ изъ комнаты и уже, вѣроятно, исполнилъ данное ему порученіе, а супруги все еще сидѣли другъ противъ друга, и ни одинъ изъ нихъ не прерывалъ этого новаго, страшнаго молчанія. Оба сознавали всю важность переживаемыхъ ими минутъ. Съ того дня, какъ кардиналъ Маннингъ соединилъ ихъ судьбу въ старинной капеллѣ Эбрегемъ-Кэстля, имъ не доводилось стоять передъ столь трагическимъ кризисомъ. Въ подобные моменты сполна раскрывается вся сущность людскихъ характеровъ. Смѣлой и благородной Модъ на умъ не приходило обдумывать свои рѣчи. Не было у нея желанія дразнить свою ревность выпытываніемъ бо̀льшихъ подробностей, ни обострять сильнѣе оскорбленія, которыя она вправѣ была нанести человѣку, къ которому въ это утро еще она обращалась съ такимъ довѣріемъ, такъ просто и нѣжно. Все низменное и жестокое до конца должно было оставаться чуждымъ этой женщинѣ, ни чуть не колебавшейся, въ то же время, относительно принятаго ею гордаго рѣшенія. Нѣтъ, отъ мужа, котораго она такъ любила, такъ возвышала и который упалъ такъ низко, она ждала искренняго вопля, правдиваго признанія, звучащаго встрепенувшимся въ немъ остаткомъ чести. И если онъ молчалъ, то не потому, чтобы намѣревался отрицать что-либо. Содержаніе записки не оставляло никакого сомнѣнія въ убѣдительности доказательствъ, бывшихъ въ рукахъ у Модъ и имѣющихся у нея и теперь,

навѣрное. Какъ они къ ней попали? Этотъ вопросъ въ голову не приходилъ Болеславу, находившемуся всецѣло во власти впечатлѣнія, вполнѣ опредѣляющаго удивительную сложность его натуры. Наиболѣе характерною, быть можетъ, исключительною чертой славянъ является необыкновенная сила вліянія минуты на нервное возбужденіе, если можно употребить столь странную формулу для уясненія моральнаго состоянія, особенно удивительнаго на взглядъ людей Запада и латынянъ. Кажется, будто славяне, съ ихъ перемѣнчивымъ сердцемъ, надѣлены способностью приподнимать внутренно волненія, частичныя, преходящія и, тѣмъ не менѣе, искреннія до того, что самое сердце сполна ими захватывается. Интензивность ихъ кратковременнаго возбужденія дѣлаетъ ихъ безсознательными комедіантами, говорящими такъ, будто ихъ съ необычайною силой волнуютъ нѣкоторыя чувства, причемъ на слѣдующій день могутъ выразиться чувства, совершенно противуположнаго свойства, съ такою же точно пылкостью,—съ такою же фальшью, говорятъ жертвы такихъ натуръ, тѣмъ болѣе обманчивыхъ, чѣмъ онѣ впечатлительнѣе. Болеславъ совершенно искренно страдалъ, узнавши, что женѣ извѣстна его преступная интрига, и сокрушался за Модъ не менѣе, чѣмъ за себя самого. И этого было достаточно для того, чтобы въ теченіе нѣсколькихъ минутъ или нѣсколькихъ часовъ захвачено было все поле его моральной оптики. Не кривя душою, онъ разыгралъ роль страстнаго, но слабаго мужа, который любитъ жену, измѣняя ей. Въ его любовномъ приключеніи было нѣчто на то похожее, но лишь въ очень слабой степени. И, все-таки, онъ думалъ, что не лжетъ и не лгалъ на самомъ дѣлѣ, когда прервалъ молчаніе и заговорилъ, обращаясь къ женѣ, которую обманывалъ годами:

— Вы сурово расплатились, Модъ, но были вправѣ такъ поступить... Я не знаю, кто сообщилъ вамъ о моемъ безумствѣ, крайне предосудительномъ, недостойномъ и очень несчастномъ тоже... Мнѣ извѣстно, что есть у меня враги въ Римѣ, старающіеся всячески погубить меня, и я увѣренъ, что они не оставили мнѣ средствъ оправдываться. Да еслибъ и оставили, я не стану этого дѣлать. Я обманывалъ васъ и жестоко страдалъ отъ этого...—Онъ смолкъ послѣ этихъ словъ, сказанныхъ съ трепетомъ убѣжденія, отнюдь не притворнаго. Онъ уже забылъ, что десять минутъ назадъ вошелъ въ комнату съ твердымъ намѣреніемъ скрыть дуэль и причины дуэли отъ жены, ради примиренія съ которою въ эту минуту онъ, не задумываясь, жизнью бы пожертвовалъ. Голосомъ, дрожащимъ отъ нѣжности, Болеславъ продолжалъ:—Что бы вамъ ни говорили, что бы вы ни читали, клянусь вамъ, вы не все знаете!...

— Съ меня довольно,—прервала его Модъ,—такъ какъ я знаю, что вы были любовникомъ этой женщины, матери моего лучшаго друга, тутъ, при мнѣ, на моихъ глазахъ... Если бы вы страдали отъ обмана, какъ вы говорите, вы признались бы мнѣ во всемъ, не дожидаясь той минуты, когда будутъ у меня въ рукахъ неопровержимыя доказательства вашей безчестности... Вы сбрасываете маску, вѣрнѣе же—я сорвала ее съ васъ. Ничего мнѣ больше не нужно... Что же касается подробностей этой гнусной исторіи, увольте меня отъ нихъ. Не за тѣмъ, чтобы выслушивать ихъ, я вернулась въ домъ, гдѣ каждая мелочь напоминаетъ мнѣ, какъ я вѣрила вамъ, наивно, безусловно, слѣпо, и какъ вы измѣняли мнѣ, не одинъ день, а каждый день, какъ измѣняли третьяго дня, вчера, сегодня утромъ, часъ назадъ... Повторяю вамъ, съ меня довольно...

— Но мнѣ-то этого мало!—воскликнулъ Болеславъ.—Да, все, сказанное вами, правда, и я заслужилъ, чтобы вы мнѣ ее высказали. Но въ бумагахъ, которыя вамъ кѣмъ-то выданы, вы не могли прочесть того, что въ теченіе двухъ лѣтъ я храню въ глубинѣ моего сердца и что должно изъ него вылиться,—знайте же, при всѣхъ моихъ ужасныхъ заблужденіяхъ, я никогда не переставалъ любить васъ... А, не отстраняйтесь отъ меня, не смотрите на меня такимъ взглядомъ... Я еще разъ почувствовалъ, по той боли, которую причинили мнѣ ваши слова, что есть во мнѣ нѣчто, не переставшее никогда принадлежать вамъ одной. Та женщина воспользовалась безумiемъ, захватила мои чувства, мою страсть, всѣ дурные инстинкты... Вамъ я продолжалъ поклоняться, нѣжно любить, боготворить васъ... Если я лгалъ вамъ, то лишь потому, что хорошо зналъ, какъ въ тотъ день, когда вы узнаете о моемъ проступкѣ, я увижу васъ огорченною и безпощадною, какою вижу теперь, какою видѣть васъ мнѣ тяжело невыносимо... О, судите меня, карайте, проклинайте меня, но знайте, что, несмотря ни на что, я васъ любилъ, я васъ люблю!...

И это онъ проговорилъ съ увлеченіемъ, нисколько не притворнымъ. Самъ ставши жертвою измѣны, причинившей ему большія страданія, онъ отлично понималъ цѣну безупречной женщины, лишиться которой рисковалъ въ эту минуту. Если ему не дастся растрогать ее теперь, наканунѣ дня, назначеннаго для дуэли, то когда же онъ сможетъ ее растрогать? А потому онъ приблизился къ ней съ умоляющимъ и страстнымъ жестомъ обожанія первыхъ временъ ихъ брака, когда онъ говорилъ ей о своей любви. Воспоминаніе объ этомъ пронеслось, вѣроятно, въ сердцѣ Модъ и

возмутило ее, такъ какъ она отодвинулась еще дальше отъ мужа съ настоящимъ отвращеніемъ и отвѣтила:

— Замолчите. Эта ложь еще хуже всѣхъ другихъ. Отъ нея я еще болѣе страдаю. Мнѣ стыдно за васъ, стыдно видѣть, что не хватаетъ у васъ даже смѣлости говорить правду. Богъ мнѣ свидѣтель въ томъ, что я, все-таки, могла бы сохранить къ вамъ уваженіе, если бы вы мнѣ сказали: «Я разлюбилъ васъ. У меня есть любовница. Мнѣ надо было лгать вамъ, и я лгалъ. Я всѣмъ пожертвовалъ моей страсти, моею честью, моими обязанностями, моими клятвами, а за-одно уже и вами». А! Говорите такъ со мною, чтобы я хоть въ этомъ-то, наконецъ, почувствовала правду... А вы осмѣливаетесь, послѣ всего, что со мною сдѣлали, повторять увѣренія въ любви... Это возбуждаетъ во мнѣ еще больше отвращенія, и это мнѣ еще болѣе горько...

— Да,—сказалъ Болеславъ,—вы вправѣ такъ думать. Вамъ, такой правдивой и искренней, никогда не понять, что такое слабость воли, которая хочетъ и не хочетъ, то поднимается, то падаетъ. Но, однако, еслибъ я не любилъ васъ, то изъ-за чего я сталъ бы увѣрять васъ въ этомъ? Развѣ есть мнѣ чѣмъ дорожить теперь? А! Если бы вы знали, какія минуты я переживаю, наканунѣ какого дня я умоляю васъ повѣрить мнѣ, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что все, лучшее во мнѣ, никогда не переставало принадлежать вамъ!...—Намекъ на дуэль онъ пускалъ въ ходъ, какъ самое сильное средство, чтобы вернуть себѣ сердце глубоко оскорбленной супруги. Такъ какъ она ни разу не упомянула про дуэль, то, очевидно, потому, что про нее еще не знаетъ. Отвѣтъ Модъ снова взволновалъ его и ясно показалъ, до какой степени чувство негодованія парализовало все въ его женѣ, даже любовь. Онъ повторилъ: — Если бы вы знали!

— Что у васъ дуэль завтра, это я знаю,—сказала Модъ,— и знаю, что изъ-за вашей любовницы...

— Не правда это,—воскликнулъ онъ,—не изъ-за нея...

— Какъ?—продолжала Модъ съ возростающею силой.—Не изъ-за нея вы ѣздили въ улицу Леопарди вызывать вашего соперника? Измѣнила, вѣдь, она вамъ, такъ оно и слѣдовало. Не изъ-за нея вы хотѣли войти въ домъ наперекоръ шурину этого соперника, потомъ поспорили съ нимъ, потомъ дошло до дуэли? Не изъ-за нея и не ради мести вы вернулись изъ Варшавы, получивши анонимныя письма, сообщавшія вамъ обо всемъ? И даже все узнавши, вы не почувствовали отвращенія къ этой особѣ?... Еслибъ она соблаговолила лгать вамъ, вы и теперь были бы у

ея ногъ... И вы смѣете говорить мнѣ о любви, когда не съумѣли избавить меня отъ униженія узнать обо всѣхъ этихъ гадостяхъ, объ этихъ низостяхъ, объ этомъ срамѣ отъ посторонняго лица!...

— Отъ кого?—спросилъ онъ.—Назовите, по крайней мѣрѣ, Іуду-предателя...

— Не произносите этого имени,—прервала Модъ горько,—право на это вы потеряли... А затѣмъ и не ищите далеко, я сегодня никого не видала, кромѣ мадамъ Майтлэндъ.

— Мадамъ Майтлэндъ?—потворилъ Болеславъ.—Лидія Майтлэндъ донесла вамъ на меня? Она писала анонимныя письма?

— Она хотѣла отомстить,—отвѣтила Модъ,—и имѣла право на это, такъ какъ ваша любовница отняла у нея мужа.

— Ну, такъ и я же отомщу,—вскричалъ Горка,—я убью у нея этого мужа, если онъ уже ей такъ дорогъ, послѣ того, какъ убью ея брата! Обоихъ убью, одного за другимъ!...—и подвижное лицо Болеслава, только что выражавшее самую пламенную мольбу, исказилось теперь ненавистью и бѣшенствомъ, и та же перемѣна произошла въ его безпорядочно-измѣнчивомъ настроеніи.—Какая надобность мнѣ щадить что-либо и кого-либо теперь, — продолжалъ онъ,—когда я не могу оберегать васъ, единственнаго человѣка, сдерживавшаго меня?... Мнѣ слишкомъ ясно, что между нами все кончено. Ваша гордость и ваше раздраженіе сильнѣе, чѣмъ ваша любовь. Еслибъ это было иначе, вы умоляли бы меня не драться на дуэли и не теперь, а уже потомъ сдѣлали бы мнѣ всѣ упреки, которые сдѣлать вы были вправѣ, не отрицаю я этого... Но, разъ вы меня уже не любите, горе тому, кто окажется на моемъ пути! Горе Лидіи Майтлэндъ и всѣмъ, кого она любитъ!

— Теперь вы искренни, по крайней мѣрѣ,—отвѣтила Модъ съ прежнею горечью.—Вы находите, что недостаточно перенесла я униженій? Вы желали бы, чтобъ я, жена ваша, умоляла васъ не драться на дуэли за эту тварь? И вы не понимаете, что самая дуэль эта есть величайшее изъ нанесенныхъ мнѣ оскорбленій?... Дѣло въ томъ, однако,—продолжала она торжественнымъ тономъ,—что я просила васъ придти сюда не для того, чтобы вести крайне желые и настолько же безполезные разговоры, а для того, чтобы общить вамъ принятое мною рѣшеніе... Я надѣюсь, что для приденія его въ исполненіе вы не вынудите меня прибѣгать къ мъ средствамъ, какими я вправѣ воспользоваться на основаніи кона...

— Я не заслужилъ того, чтобы вы такъ заговорили со мной,—ѣтилъ Болеславъ высокомѣрно.

— Сегодня я переночую еще здѣсь,—продолжала Модъ, оставляя безъ возраженія отвѣтъ мужа,—но въ послѣдній разъ, и завтра уѣду въ Англію.

— Какъ вамъ угодно,—сказалъ онъ и поклонился.

— И возьму съ собою моего сына,—докончила она.

— Нашего сына?—отвѣтилъ Горка холоднымъ тономъ человѣка, успѣвшаго уже оправиться послѣ того, какъ отвергнутъ былъ его порывъ нѣжности.—Этого не будетъ. Я не соглашаюсь.

— Не соглашаетесь?—сказала Модъ.—Въ такомъ случаѣ, судиться будемъ! Я предвидѣла, — прибавила она, въ свою очередь, гордо, — что вы заставите меня обратиться къ суду. Но я тоже не остановлюсь ни передъ чѣмъ. Измѣняя мнѣ, какъ вы это сдѣлали, вы измѣнили и вашему сыну. Не оставлю я вамъ его. Вы недостойны этого...

— Послушайте, Модъ,— заговорилъ Болеславъ печально, послѣ нѣкотораго молчанія,—мы видимся, быть можетъ, въ послѣдній разъ... Завтра, если я буду убитъ, вы можете поступать, какъ хотите... Если я живъ останусь, то обѣщаю вамъ не противиться никакому правильному соглашенію... Объ одномъ я васъ прошу, и на это имѣю право, несмотря на всѣ мои поступки, прошу въ память первыхъ лѣтъ нашего супружества, прошу во имя нашего сына, разставаясь со мною, проститься не такъ, я не говорю — простить меня, пожалѣть прошу...

— А вы пожалѣли меня,— возразила она,—когда, увлеченные вашею страстью, въ погонѣ за нею, растоптали мое сердце?... Нѣтъ!—и Модъ направилась къ двери, окинувши Болеслава такимъ уничтожающимъ взглядомъ, что онъ опустилъ глаза.—Нѣтъ у васъ жены и нѣтъ у меня мужа... Я, вѣдь, не Лидія Майтлэндъ, не мщу ни анонимными письмами, ни доносами. Но простить?... Никогда,— слышите это?—никогда!...

Въ эти слова Модъ вложила всю непреклонную силу своего характера. Она вышла изъ комнаты, и Болеславъ не попытался даже удержать жену. Когда часъ спустя слуга пришелъ доложить, что поданъ обѣдъ, то нашелъ несчастнаго Горку на томъ же мѣстѣ, облокотившимся на мраморную доску камина и склонившимъ голову на руку. Онъ слишкомъ хорошо зналъ Модъ для того, чтобы надѣяться на измѣненіе ея рѣшенія. Къ тому же, самъ онъ, при всѣхъ своихъ заблужденіяхъ, безумствахъ и порывахъ, былъ, все-таки настоящимъ джентльменомъ и никогда не дозволилъ бы себѣ прибѣгнуть къ насилію и удерживать жену вопреки ея волѣ. Она, несомнѣнно, уѣдетъ. Если онъ сейчасъ преувеличивалъ выраже

нія своихъ чувствъ, говоря женѣ, вѣрнѣе же, воображая самъ, будто никогда не переставалъ любить ее, то въ дѣйствительности, несмотря на увлеченія, онъ сохранялъ къ ней совершенно особливую привязанность, сложившуюся изъ благодарности, раскаянія, уваженія и, надо правду сказать, отчасти эгоизма. Въ ней Болеславу дорого было ея сердце, въ преданности котораго онъ былъ увѣренъ безусловно, и, кромѣ того, подобно многимъ мужьямъ, обманывающимъ безупречныхъ женъ, онъ гордился ею, не переставая измѣнять. Болеславъ считалъ, что черезъ нее и самъ онъ становится выше, и жить ему легче. Въ его глазахъ она оставалась тою женщиной, къ которой мужчина всегда возвращается, какъ къ вѣрному другу, въ минуты испытаній, какъ къ тихой пристани послѣ бури, убѣжденный, что найдетъ миръ нравственный и отдыхъ отъ утомленій страсти. Каково же будетъ его существованіе, если она покинетъ его? А она покинетъ, ея рѣшеніе неизмѣнно. Все кругомъ рушилось: любовницу, которой онъ пожертвовалъ благороднымъ и любящимъ сердцемъ жены, онъ потерялъ при такихъ отвратительныхъ условіяхъ, что два года страсти къ ней представлялись позоромъ; жена готова уѣхать... Удастся ли удержать при себѣ сына? Пріѣхалъ онъ съ тѣмъ, чтобы отомстить, и ему не удалось даже настигнуть соперника. Вѣчный рабъ своей впечатлительности, Горка, сраженный столькими ударами, впалъ въ такое уныніе, что ему сладостною показалась опасность, которой предстояло подвергнуться завтра, и, въ то же время, вся душа его наполнялась горечью гнѣва при мысли о всѣхъ людяхъ, замѣшанныхъ въ эту исторію. Ему хотѣлось бы своими руками раздавить, уничтожить графиню Стено и Майтлэнда, Лидію и Флорана, а также и Дорсена за то, что неправильнымъ увѣреніемъ подъ честнымъ словомъ романистъ ввелъ его въ заблужденіе на нѣсколько часовъ и тѣмъ усилилъ до крайности его жажду мести. Еще болѣе шумнымъ вихремъ понеслись мысли въ головѣ Болеслава, когда онъ сѣлъ за обѣдъ вдвоемъ съ сыномъ. Этимъ утромъ видѣлъ онъ тутъ же передъ собою улыбку и глаза своей жены. Ея отсутствіе, причину котораго онъ хорошо понималъ въ эту минуту, было ему настолько тяжело, что онъ захотѣлъ сдѣлать послѣднюю попытку и послѣ обѣда послалъ маленькаго Луку узнать, можетъ ли его мать принять ихъ обоихъ. Ребенокъ вернулся съ отрицательнымъ отвѣтомъ.

— Мама спитъ. Она сказала, чтобъ ее не будили.

Такъ дѣло и осталось непоправимымъ. Модъ не увидитъ мужа ранѣе завтрашняго дня, если Болеславъ останется живъ. Хотя онъ

убѣдился въ это утро въ томъ, что ни мало не утратилъ прежняго искусства въ стрѣльбѣ изъ пистолета, упражняясь въ присутствіи восхищенныхъ свидѣтелей, тѣмъ не менѣе, дуэль есть, все-таки, лотерея. Онъ могъ быть убитъ, и если возможность вѣчной разлуки не смягчила сердца оскорбленной женщины, то какія же еще просьбы способны поколебать ее? Его воображенію она представлялась лежащею въ темной комнатѣ, съ наглухо закрытыми ставнями, измученная мрачными страданіями, которыя вызываютъ проклятія и не допускаютъ прощенія. О, какъ опять невыносимо горько стало ему! И чтобы узнала она, по крайней мѣрѣ, какъ велики его терзанія, и чтобы въ свидѣтельствѣ о томъ не осталось у нея никакого сомнѣнія, онъ взялъ сына на руки, прижалъ къ своей груди и сказалъ:

— Если маму ты увидишь прежде меня, то разскажи ей, какъ грустно провели мы вечеръ безъ нея.

— Что съ тобою, папа? — воскликнулъ ребенокъ. — Ты всю щеку мнѣ намочилъ. Ты плачешь?

— Разскажи ей и объ этомъ, обѣщай мнѣ разсказать непремѣнно,—отвѣтилъ отецъ,—чтобы мама знала, какъ мы ее любимъ, и берегла бы себя.

— Она не была больна, — сказалъ мальчикъ, — когда послѣ завтрака мы гуляли съ нею. Она была такая веселая...

— И я думаю, что ничего дурного не случится, — закончилъ Горка.

Онъ поспѣшилъ отпустить сына и уйти. Его давила такая невыносимая тоска, что физически ему страшно показалось оставаться одному дома. Но куда идти? Машинально онъ направился въ клубъ, хотя было еще слишкомъ рано для того, чтобы встрѣтить тамъ многочисленное общество. Налицо оказались Пьетрапетроза и Чибо. Они тутъ обѣдали и, развалившись на диванѣ, обсуждали въ полголоса съ серьезнымъ видомъ посланниковъ египетскій или болгарскій вопросы.

— У тебя видъ страшно разстроенный, — сказали они въ одинъ голосъ Болеславу. — Все утро былъ такимъ, какъ и слѣдуетъ...

— Да,— замѣтилъ Чибо,— тебѣ надо было обѣдать съ нами, какъ мы тебя просили...

— Когда на завтра предстоитъ дуэль,—продолжалъ сентенціозно Пьетрапетроза,—не слѣдуетъ видѣться ни съ женою, ни съ любовницей. Надѣюсь, мадамъ Горка ничего не подозрѣваетъ?

— Ничего рѣшительно,—отвѣтилъ Болеславъ,—но вы совер-

шенно правы. Было бы много лучше, еслибъ я остался съ вами. Ну, да все равно, мы разгонимъ черныя мысли за картами и за ужиномъ.

— Играть и ужинать!—воскликнулъ Пьетрапетроза.—А рука-то? О рукѣ подумай, дрожать будетъ и ты промахнешься... Я видѣлъ, какъ Казаль у Гастина изъ пятидесяти пуль ни одной не посадилъ въ точку потому, что предшествовавшею ночью игралъ въ банкъ.

— Легонькій обѣдъ,—говорилъ Чибо,—спать въ десять часовъ, встать въ половинѣ седьмого, съѣсть тотчасъ же два яйца въ смятку и запить рюмкой стараго портвейна, вотъ тебѣ наставленіе Машо...

— Слѣдовать которому я не буду, — возразилъ Болеславъ.— Даю вамъ мое слово въ томъ, что не увидали бы вы меня въ такомъ состояніи, если бы, кромѣ дуэли, не было у меня другихъ причинъ волненія...

Онъ проговорилъ эту фразу трагическимъ голосомъ, и оба итальянца почувствовали, что сказано это было отъ души. Они обмѣнялись взглядами, ни о чемъ не спрашивая Болеслава. Оба достаточно были себѣ на умѣ и хорошо знали мельчайшія сплетни той большой деревни, какую представляетъ изъ себя Римъ, а потому и угадали настоящую причину дуэли. Съ другой стороны, и Горка былъ имъ слишкомъ хорошо извѣстенъ для того, чтобы выходки его не возбуждали постоянно нѣкотораго ихъ недовѣрія. На этотъ разъ, однако, въ тонѣ его голоса такъ просто сказалось искреннее волненіе, что они отнеслись къ нему очень сочувственно и, не сговариваясь между собою, рѣшили не мѣшать капризамъ своего кліента, съ которымъ разстались лишь въ два часа ночи, къ полному, впрочемъ, своему удовольствію. Садясь за банкъ около полуночи, несмотря на напоминаніе о неудачныхъ картонахъ Казаля, Болеславъ предложилъ имъ извѣстную долю въ игрѣ, которую велъ такъ отчаянно и необыкновенно счастливо, что, въ концѣ-концовъ, на долю каждаго изъ нихъ досталось по двѣсти или по триста полуимперіаловъ. Это давало имъ возможность пробыть сколько лишнихъ дней въ Парижѣ при слѣдующей поѣздкѣ. И чести ихъ надо замѣтить, что, разставаясь, они сокрушались о томъ, что въ игрѣ везло ихъ пріятелю.

— Боюсь я за него,— говорилъ Чибо.— Счастье въ картахъ канунѣ дуэли—плохой признакъ, очень плохой...

— Тѣмъ болѣе, что былъ тутъ *нѣкто*...—замѣтилъ Пьетрапетроза, дѣлая пальцами «рожки», ограждающіе отъ *jettatura*. Ни

за что въ мірѣ онъ не произнесъ бы имени того лица, противъ дурного глаза котораго онъ пускалъ въ ходъ такое средство. Но Чибо понялъ, о комъ рѣчь, и, вынувши изъ кармана панталонъ часы, которые онъ такъ носилъ, по-англійски, на цѣпочкѣ, прикрѣпленной къ поясу, показалъ между брелоками маленькій рогъ изъ золота*).

— Я весь вечеръ не выпускалъ его изъ руки, —сказалъ онъ.— Всего хуже то, что Горка всю ночь не заснетъ, и тогда рука...

Оправдаться должно было лишь первое изъ двухъ предсказаній. Въ ряду странныхъ явленій, которыя наблюдались при чрезмѣрно сильныхъ нервныхъ возбужденіяхъ, слѣдуетъ отмѣтить поразительную неутомимость, истощающую, вѣроятно, какіе-нибудь скрытые запасы жизненной энергіи и кажущуюся въ данную минуту чѣмъ-то непостижимымъ. Вернувшись домой такъ безумно поздно, Болеславъ совсѣмъ не ложился. Остатокъ ночи онъ употребилъ на то, что написалъ длинное письмо женѣ и письмо сыну съ тѣмъ, чтобъ оно было передано по назначенію, когда ему минетъ восемнадцать лѣтъ. Сдѣлалъ это Горка на случай смерти. Потомъ сталъ приводить въ порядокъ свои бумаги и натолкнулся на пачку писемъ мадамъ Стено. Отъ прочтенія нѣкоторыхъ изъ нихъ и отъ пересмотра портретовъ измѣнившей любовницы раздраженіе его возросло до такой степени, что все это онъ завернулъ въ одинъ пакетъ и адресовалъ Линкольну Майтлэнду. Но, едва запечатавши свою посылку, Болеславъ пожалъ плечами и проговорилъ: «На что это нужно?» Онъ снялъ кусокъ матеріи, закрывавшій каминъ, и, положивши пакетъ на рѣшетку, поджегъ его. Совсѣмъ уже разсвѣло, а онъ все еще перетряхивалъ щипцами обгорѣвшіе остатки того, что̀ напоминало о самой пламенной, все захватывающей страсти, поджигалъ отдѣльные клочки непрогорѣвшей бумаги. Его лицо едва замѣтно поблѣднѣло отъ столь неразумно проведенной ночи, которая могла оказаться послѣднею въ его жизни. И, однако, хорошо знавшіе его пріятели вздрогнули при видѣ его зловѣщаго спокойствія, когда около восьми часовъ утра онъ вышелъ изъ своего кабріолета у трактира, гдѣ условлено было съѣхаться. Наканунѣ еще онъ распорядился относительно собственнаго экипажа, чтобы отклонить подозрѣнія жены, привыкшей къ его обычнымъ раннимъ выѣздамъ. Подъ вліяніемъ послѣдующей нравственной растерянности онъ забылъ отмѣнить это приказаніе и, благодаря такой случайности, ускользнулъ отъ двухъ полицейскихъ агентовъ, поставленныхъ

*) Въ Италіи очень распространено повѣрье въ „порчу съ глазу“, противъ которой вѣрнѣйшимъ средствомъ почитаются амулеты въ видѣ роговъ или показываніе пальцами роговъ, какъ дѣлаютъ дѣтямъ „козу“.

для наблюденія за палаццетто Доріа, по доносу Лидіи Майтлэндъ. Наемный экипажъ полицейскихъ скоро потерялъ слѣдъ рѣзвой англійской лошади, которою правилъ Горка такъ, какъ могъ только править человѣкъ его темперамента и въ его настроеніи. Такъ и не привела ни къ чему, съ этой стороны, предосторожность сестры Шапрона, и не больше удачи было относительно самого Флорана, такъ какъ, во избѣжаніе всякихъ объясненій съ Линкольномъ, онъ, подъ предлогомъ поѣздки въ гости за городъ, пообѣдалъ и переночевалъ въ гостиницѣ. Туда за нимъ и заѣхали Монфаномъ и Дорсенъ, чтобы везти его на мѣсто въ классическомъ ландо. Почти противъ цирка Максенція, на Аппіевой дорогѣ, ихъ обогналъ Болеславъ въ своемъ кабріолетѣ.

— Можете быть совершенно спокойнымъ,— обратился Монфанонъ къ Флорану, — нѣтъ возможности цѣлить вѣрно, когда вотъ такъ утомишь руку.

То былъ единственный намекъ на дуэль во время переѣзда, длившагося около часа. Флоранъ говорилъ, какъ всегда, предлагая вопросы, свидѣтельствовавшіе о его крайней любознательности относительно различныхъ предметовъ, могущихъ, по большей части, пригодиться его зятю. И маркизъ отвѣчалъ, съ своею извѣстною эрудиціей, охотно передавая воспоминанія, связанныя съ этою мѣстностью, усѣянною могилами, разрушенными водопроводами, развалившимися виллами и замкнутою на горизонтѣ чудною линіей Альбанскихъ горъ. Дорсенъ былъ молчаливъ все время. Ему въ первый разъ приходилось участвовать въ дуэли, и внутренняя его тревога достигла крайней степени. Мрачныя предчувствія сжимали его сердце и, съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ каждую минуту опасался, какъ бы не заговорило въ Монфанонѣ религіозное чувство и не представилась бы необходимость искать другого секунданта, откладывать развязку, близкую, по крайней мѣрѣ, теперь. Однако, борьба, происходившая въ «старомъ бойцѣ лиги» между искреннимъ христіаниномъ и родовитымъ дворяниномъ, за всю дорогу проявилась лишь въ незамѣтномъ почти движеніи. Въ ту минуту, когда экипажъ проѣзжалъ мимо входа въ катакомбу святаго Каллиста, бывшій папскій
авъ отвернулся въ сторону. Потомъ онъ заговорилъ съ новымъ
одушевленіемъ и замолчалъ въ свою очередь, когда они миновали
гилу Цецилія и свернули на боковую дорогу въ направленіи віа
деатина. Тутъ была расположена *Osteria del tempo Perso* на
асткѣ, принадлежащемъ Чибо, гдѣ назначена дуэль. Передъ тракрчикомъ, надъ вывѣской котораго красовался гербъ папы Инночтія VIII, уже стояли три экипажа: кабріолетъ Болеслава, ландо,

привезшее, вѣроятно, Чибо, Пьетрапетрозу и врача, и простой фіакръ, въ которомъ пріѣхалъ какой-то коммиссіонеръ. Такой необычный съѣздъ экипажей легко могъ привлечь вниманіе обхода карабинеровъ, но Чибо ручался за скромность трактирщика, на самомъ дѣлѣ относившагося къ владѣльцу дачи съ подобострастіемъ вассала къ своему господину, что довольно часто еще встрѣчается въ Италіи. А потому отъ троихъ пріѣхавшихъ не потребовалось никакихъ объясненій. Какъ только они вышли изъ экипажа, служанка повела ихъ черезъ общую залу, гдѣ въ эту минуту завтракали два охотника, поставившіе свои ружья между ногъ и, въ качествѣ истыхъ римлянъ, не удостоившіе даже взглянуть на новыхъ посѣтителей. А эти послѣдніе прошли черезъ залу во дворикъ, потомъ со двора черезъ сарай въ очень большую загородь съ раскиданными тамъ и сямъ зонточными соснами. Этотъ своего рода выгонъ служилъ когда-то пастбищемъ для лошадей, принадлежавшихъ Чибо. Чтобы увеличить сколько-нибудь свои скудные доходы, онъ попробовалъ скупать лошадей по дешевымъ цѣнамъ, подкармливать ихъ и перепродавать извощикамъ съ незначительнымъ барышомъ. Спекуляція не удалась, и мѣсто осталось необработаннымъ и ни къ чему непригоднымъ, кромѣ такихъ случаевъ, какъ въ это утро.

— Мы пріѣхали послѣдними,—сказалъ Монфанонъ, взглядывая на свои часы,—но, все-таки, пятью минутами раньше назначеннаго... Помните, — прибавилъ онъ тихо, обращаясь къ Флорану,—стоять совсѣмъ бокомъ, послѣ выстрѣла тотчасъ же согнуть руку прямо вверхъ... Въ особенности не шевелить пальцами...

— Благодарю васъ,— отвѣтилъ Флоранъ и взглянулъ на маркиза и Дорсена такими глазами, какими обыкновенно смотрѣлъ только на Линкольна, — и знайте, что бы ни случилось, за все васъ благодарю и отъ всего моего сердца...

Молодой человѣкъ вложилъ столько задушевности въ это прощаніе, такъ проста была его смѣлость, такъ великолѣпно и естественно самопожертвованіе за зятя, и, наконецъ, въ теченіе этихъ двухъ дней оба секунданта настолько успѣли оцѣнить всю прелесть его натуры, совершенно чуждой самомнѣнія, что тотъ и другой пожали ему руку съ чувствомъ искреннихъ друзей. Тотчасъ же оба они всецѣло отдались ряду приготовленій, безъ чего роли свидѣтелей дуэли была бы физически невыносима для людей сколько-нибудь впечатлительныхъ. При участіи такихъ опытныхъ секундантовъ, какъ Монфанонъ, Чибо и Пьетрапетроза, все обдѣлывается быстро. Кодексъ точенъ, какъ программа балета. Черезъ двадцать минутъ по приходѣ послѣднихъ пріѣхавшихъ противники

уже стояли другъ противъ друга. Сигналъ данъ, раздались одновременно два выстрѣла, и Флоранъ склонился на траву, уже опаленную солнцемъ. Шапронъ былъ раненъ въ ляжку. Впослѣдствіи Дорсенъ часто разсказывалъ, какъ о странной чертѣ литературной маніи, что въ ту секунду, когда упалъ раненый, самъ онъ, несмотря на страшную тревогу, смотрѣлъ на Монфанона, наблюдалъ за нимъ. Онъ добавляетъ, что никогда не видалъ лица, выражающаго болѣе сильное сокрушеніе кающагося, чѣмъ лицо маркиза, который, пренебрегая въ эту минуту чьимъ бы то ни было мнѣніемъ, набожно перекрестился. Вѣрующій христіанинъ катакомбъ, отправившійся прямо отъ алтаря, чтобы совершить благое дѣло, потомъ увлеченный гнѣвомъ до необходимости стать участникомъ дуэли, молилъ, очевидно, Господа Бога о прощеніи. Какъ долженъ былъ сердцемъ своимъ каяться этотъ искренно вѣрующій человѣкъ, почти мистикъ, столь странно замѣшавшійся въ дѣло, кончившееся кровавою развязкой! Утѣшеніемъ, по крайней мѣрѣ, послужило ему заявленіе врача, послѣ перваго осмотра, когда Флорана перенесли въ особую комнату, приготовленную по распоряженію Чибо, что онъ ручается за благополучный исходъ. Пуля могла быть даже извлечена тотчасъ же, а такъ какъ ни кость, ни важнѣйшіе мускулы повреждены не были, то и на выздоровленіе потребуется лишь нѣсколько недѣль.

— Теперь намъ остается составить нашъ протоколъ,—сказалъ Чибо, передавшій заключеніе врача.

Въ эту минуту, когда секунданты собирались уже направиться въ домикъ для окончанія послѣдней и успокоительной формальности, произошелъ инцидентъ, совершенно неожиданный, долженствовавшій превратить самую заурядную до сихъ поръ дуэль въ одинъ изъ тѣхъ достопамятныхъ случаевъ, о которыхъ безъ конца судятъ и рядятъ передъ камнями клубовъ и въ фехтовальныхъ залахъ. Если Пьетрапетроза и Чибо не перестали съ этого утра вѣрить въ «дурной глазъ» того «нѣкто», котораго не назвали ни тотъ, ни другой, то надо прямо сказать, что весьма они неправы, такъ какъ счастье въ игрѣ, подкрѣпивши ихъ средства на прожитокъ въ Паижѣ, было ничто въ сравненіи съ удачей, давшей имъ возможность бсуждать съ Казалями, Машо и другими спеціалистами по дуэльой части казусъ, почти единственный и происшедшій при ихъ учаіи. Болеславъ Горка, ходившій взадъ и впередъ съ того момента, акъ упалъ его противникъ, и, повидимому, нисколько не интересовшійся большею или меньшею опасностью его раны, подошелъ группѣ, состоявшей изъ четырехъ секундантовъ, и заговорилъ

тономъ, отнюдь не предвѣщавшимъ невѣроятной выходки, послѣдовавшей затѣмъ съ его стороны.

— Прошу у васъ одну минуту, господа,—сказалъ онъ,—мнѣ бы хотѣлось въ вашемъ присутствіи сказать нѣсколько словъ господину Дорсену...

— Къ вашимъ услугамъ, Горка,—отвѣтилъ романистъ, ничуть не ошибавшійся относительно враждебныхъ намѣреній своего бывшаго друга. Онъ не предвидѣлъ, въ какой формѣ выразится эта враждебность, но на его душѣ все еще камнемъ лежало неправильно данное честное слово, и онъ готовъ былъ отвѣтить за это.

— Разговоръ будетъ короткій, господа, — продолжалъ Болеславъ съ тою же высокомѣрно-церемонною вѣжливостью, — вы знаете, что намъ надо покончить одинъ счетъ... А такъ какъ я имѣю основаніе не довѣрять особенно много вашей чести, то желаю отнять у васъ всякую возможность отвертѣться,—и, прежде чѣмъ кто-нибудь успѣлъ предупредить неслыханный поступокъ, онъ взмахнулъ перчаткой и ударилъ ею по лицу Дорсена. Въ то время, какъ говорилъ Болеславъ, романистъ сильно поблѣднѣлъ. На страшное нанесенное ему оскорбленіе онъ не могъ отвѣтить равносильнымъ оскорбленіемъ, такъ какъ трое свидѣтелей этой сцены бросились между нимъ и Горкой. Жюльенъ отстранилъ ихъ рѣшительнымъ жестомъ.

— Берегитесь, господа, — сказалъ онъ. — Препятствуя мнѣ расправиться съ господиномъ Горкой, какъ онъ того заслуживаетъ, вы принимаете на себя обязательство въ томъ, что я получу удовлетвореніе иного рода. И требую я его немедленно... Я не уйду отсюда, не получивши его.

— А я не уйду, не давши вамъ его,—отвѣтилъ Болеславъ.— Этого только я и хочу.

— Нѣтъ, Дорсенъ,—воскликнулъ Монфанонъ, первый удержавшій уже поднятую руку писателя,—такъ вы стрѣляться не будете... Начать съ того, что на это вы не имѣете права. Необходимо, чтобы прошло, по меньшей мѣрѣ, двадцать четыре часа съ той минуты, когда возникъ поводъ къ дуэли, до времени самой дуэли... И вы, господа, не будете секундантами господина Горки послѣ того, какъ онъ позволилъ себѣ столь важное нарушеніе всѣхъ правилъ дуэли... Если вы согласитесь, это будетъ варварствомъ, безуміемъ чѣмъ хотите... но это уже не дуэль...

— Я повторяю вамъ, Монфанонъ,—возразилъ Дорсенъ,—что не уйду отсюда и не выпущу господина Горку, не получивши удовлетворенія, получить которое считаю себя вправѣ сейчасъ же...

— И я повторяю, что готовъ сейчасъ же къ услугамъ господина Дорсена,—повторилъ Болеславъ.

— Хорошо, господа,—сказалъ Монфанонъ.—Намъ же остается только предоставить вамъ раздѣлываться, какъ вамъ будетъ угодно, а самимъ удалиться... Надѣюсь, вы того же мнѣнія?—обратился онъ къ Чибо и Пьетрапетрозѣ, которые не дали прямого отвѣта.

— Конечно,—проговорилъ одинъ изъ нихъ,—дѣло очень затруднительное...

— Хотя примѣры бывали,—замѣтилъ другой.

— Да,— поддержалъ Чибо,— хотя бы двѣ послѣдовательныхъ дуэли Анри де-Пена...

— Мнѣ это представляется достаточно авторитетнымъ указаніемъ,—заключилъ Пьетрапетроза.

— Никакой авторитетъ не можетъ тутъ устоять,— вступился опять Монфанонъ.—Я, съ своей стороны, знаю, что пріѣхалъ не за тѣмъ, чтобы присутствовать при бойнѣ, и присутствовать не буду... Я ухожу, господа, и разсчитываю, что вы сдѣлаете то же, такъ какъ не допускаю предположенія, что вы позовете кучеровъ играть роль секундантовъ... До свиданія, Дорсенъ... Въ моей дружбѣ вы сомнѣваться не можете. Я полагаю, что даю тому истинное доказательство, не допуская васъ до дуэли при такихъ условіяхъ...

Войдя въ трактиръ, старый дворянинъ поджидалъ минутъ десять въ увѣренности, что удаленіе его вынудитъ сдѣлать то же Чибо и Пьетрапетрозу и что вторая дуэль, такъ необычайно сплетающаяся съ первою, будетъ отсрочена до завтра. Онъ правду сказалъ: искренняя дружба къ Дорсену вызывала крайнія его опасенія передъ дуэлью, устраивавшеюся такимъ образомъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ крайняго раздраженія, доходящаго до бѣшенства. Безобразный поступокъ Горки не допускалъ, разумѣется, возможности избѣжать второй дуэли. Но чѣмъ тяжелѣе нанесенное оскорбленіе, тѣмъ необходимѣе, чтобы условія дуэли были опредѣлены спокойно и послѣ самаго серьезнаго обсужденія. Чтобы какъ-нибудь скоротать нетерпѣливое ожиданіе прихода четверыхъ молодыхъ людей, Монфанонъ попросилъ трактирщика указать, куда перенесли Флорана, и ошелъ во второй этажъ дома въ узкую комнату, гдѣ врачъ оканвалъ перевязку раны.

— Видите,—сказалъ Шапронъ съ болѣзненною, но спокойною ыбкой,— отдѣлался тѣмъ, что похромаю съ мѣсяцъ... А гдѣ же рсенъ?

— Надѣюсь, что придетъ сейчасъ,—сказалъ Монфанонъ и прожалъ сердитымъ тономъ:—Дорсенъ—сумасшедшій, вотъ что та-

кое Дорсенъ. А Горка—дикій звѣрь, котораго слѣдовало бы пристрѣлить, какъ бѣшенаго волка, вотъ что такое этотъ полякъ...—и старикъ разсказалъ эпизодъ съ пощечиной, поразившій обоихъ слушателей настолько, что докторъ забылъ даже о перевязкѣ и стоялъ съ бинтомъ въ рукахъ.—И они затѣяли было стрѣляться сейчасъ же, какъ какіе-нибудь краснокожіе. Взяли бы уже заодно, да и перескальпировали другъ друга... А эти Чибо съ Пьетрапетрозой согласились бы на такую дуэль, если бы я не помѣшалъ... Къ счастью, недостаетъ имъ двухъ секундантовъ и не легко въ римской Кампаньи найти двухъ молодцовъ, умѣющихъ подписать протоколъ, по заведенному ими теперь обычаю непремѣнно марать бумагу... Мы разъ добыли, я и одинъ мой пріятель, пару секундантовъ такого сорта, по двадцати франковъ на рыло, но то было въ Парижѣ въ 62 году...—и онъ принялся разсказывать эту старую исторію изъ желанія заглушить свое безпокойство, выразившееся снова въ отрывочныхъ фразахъ.—Не хотятъ они, кажется, разойтись такъ скоро. Немыслимо, однако, чтобы стали стрѣляться... Нельзя ли видѣть отсюда, что они тамъ дѣлаютъ?—Онъ направился къ окну, выходившему въ сторону выгона. То, что онъ тамъ увидалъ, довело до крайняго предѣла волненіе этого превосходнѣйшаго человѣка.—Несчастные!...—воскликнулъ онъ.—Это безобразіе! Они просто обезумѣли... и секундантовъ нашли, кого это они выискали?... А, двухъ охотниковъ изъ трактира!... О, Боже мой, Боже мой!...

Продолжать онъ уже не могъ. Врачъ тоже бросился къ окну, не обращая вниманія на то, что Флоранъ, съ своей стороны, коекакъ тащился туда же. Минуту ли они тамъ пробыли, или четверть часа, или и того дольше, этого они опредѣлить никогда не могли,—настолько поразили ихъ неописуемые волненіе и ужасъ. Какъ и предвидѣлъ Монфанонъ, дуэль происходила при страшныхъ условіяхъ. Пьетрапетроза, распоряжавшійся, повидимому, всѣмъ дѣломъ, отмѣрилъ сначала довольно большую дистанцію, шаговъ въ пятьдесятъ, и обозначилъ потомъ на землѣ двѣ линіи на разстояніи метровъ десяти или двѣнадцати одна отъ другой.

— Они выбрали дуэль на-ходу и съ барьеромъ...—простоналъ старый дуэлистъ, котораго не обманула его многолѣтняя опытность. Дорсенъ и Горка, поставленные другъ противъ друга, стали на самомъ дѣлѣ сходиться, то поднимая, то опуская пистолеты, съ ужасающею медленностью людей, рѣшившихся во что бы ни стало уложить противника. Раздался первый выстрѣлъ. То стрѣлялъ Болеславъ. Дорсенъ остался невредимымъ. До барьера ему оставалось

сдѣлать нѣсколько шаговъ, и онъ ихъ сдѣлалъ, остановился и сталъ цѣлить съ такимъ очевиднымъ намѣреніемъ убить Горку, что Чибо не выдержалъ и ясно послышался его крикъ:

— Да стрѣляйте же!... Бога ради, стрѣляйте!...

Жюльенъ нажалъ спускъ, какъ бы безсознательно повинуясь командѣ, совершенно противной правиламъ, но настолько естественной, что никто этого даже не замѣтилъ. Выстрѣлъ грянулъ, и трое зрителей, высунувшихся изъ окна, одновременно вскрикнули, увидавши, какъ опустилась рука Горки и выпалъ изъ нея пистолетъ, самъ же онъ остался на ногахъ.

— Ничего,—вскричалъ докторъ,—только рука перебита...

— Господь Богъ былъ къ намъ милосерднѣе, чѣмъ мы того стоимъ...—проговорилъ маркизъ.

— Ну, теперь, по крайней мѣрѣ, угомонится этотъ бѣсноватый... Молодецъ Дорсенъ!—сказалъ Флоранъ, думая о зятѣ. Потомъ онъ оперся на Монфанона и на врача, чтобы добраться до дивана, и весело прибавилъ:—Кончайте скорѣе, докторъ, ваша помощь сейчасъ тамъ понадобится...

IX.

Альба Стено.

Привычный взглядъ медика опредѣлилъ вѣрно. Пуля попала Болеславу въ руку около кисти. Двумя сантиметрами правѣе или лѣвѣе, и онъ, навѣрное, былъ бы убитъ на мѣстѣ. Теперь же онъ отдѣлался поврежденіемъ кости, что заставитъ его не выходить нѣсколько дней изъ комнаты и нѣсколько недѣль носить повязку. Человѣку, доведенному страстью до бѣшенства, такой сравнительно благополучный исходъ долженъ былъ представляться наиболѣе прискорбнымъ. И дѣйствительно, когда Горку привезли домой и его постоянный врачъ сдѣлалъ окончательную перевязку и предписалъ на первое время лихорадочнаго состоянія лежать въ постели, при полнѣйшемъ покоѣ, Болеславъ испыталъ новый приступъ безсильной злобы, болѣе сильный, чѣмъ тѣ, которые онъ пережилъ наканунѣ и въ это утро. Всѣ способности его души, самыя возвышенныя, какъ и самыя низменныя, страдали одновременно и причиняли ему большія терзанія, чѣмъ раненая рука. Какъ жестоко задѣто было, прежде всего, его самолюбіе и почти болѣзненная потребность изображать изъ себя въ глазахъ всѣхъ, знающихъ его, личность необыкновенную! Онъ несся изъ Варшавы черезъ половину Европы грознымъ мстителемъ за попранную любовь и началъ съ того, что

не могъ добраться до своего соперника. Вмѣсто того, чтобы вызвать его на дуэль тотчасъ же, въ салонѣ мадамъ Стено, онъ сталъ выжидать, и другой успѣлъ замѣнить собою ненавистнаго ему человѣка. Смерть этого другого дала бы, по крайней мѣрѣ, трагическую развязку очень нелѣпой исторіи, а онъ лишь чуть-чуть его ранилъ. Накидываясь на Дорсена, онъ хотѣлъ раздѣлаться съ измѣнникомъ, котораго считалъ виновнымъ въ нарушеніи самаго священнаго довѣрія. А дѣло кончилось тѣмъ, что этому обманувшему другу онъ далъ случай страшно осрамить его самого, не говоря уже о томъ, что себя онъ надолго поставилъ въ невозможность стрѣляться еще разъ. Ни одно изъ лицъ, нанесшихъ ему оскорбленіе, не будетъ наказано,—ни его грубый и негодный соперникъ, ни измѣнившая любовница, ни это чудовище, Лидія Майтлэндъ, всю подлость которой онъ только что узналъ. Всѣ они счастливы, всѣ торжествуютъ въ этотъ ясный майскій день, тогда какъ онъ стонетъ тутъ на одрѣ болѣзни. Какъ нельзя опредѣленнѣе подтвердили ему это въ тотъ же день оба его секунданта, единственные посѣтители, которымъ онъ не велѣлъ отказывать и которые явились около пяти часовъ. Они пріѣхали со скачекъ Торъ-ди-Квинто, происходившихъ въ этотъ день.

— Все идетъ хорошо,— началъ Чибо,— я ручаюсь въ томъ, что никто не проболтался... Я уже говорилъ тебѣ, что на моего трактирщика можно положиться, а тѣмъ секундантамъ и кучерамъ мы заплатили за молчаніе...

— Мадамъ Стено и ея дочь были на скачкахъ?—спросилъ Болеславъ.

— Да,— отвѣтилъ гость, застигнутый врасплохъ неожиданнымъ вопросомъ и не успѣвшій, съ обычною своею дипломатіей, увернуться отъ прямого отвѣта.

— Съ кѣмъ были?—продолжалъ спрашивать Горка.

— Однѣ,—сказалъ на этотъ разъ Чибо съ такою поспѣшностью, что Болеславъ понялъ желаніе собесѣдника скрыть правду.

— А мадамъ Майтлэндъ?

— И она была съ мужемъ,—заговорилъ Пьетрапетроза, не понимая знаковъ, которые дѣлалъ ему Чибо глазами,—да весь Римъ былъ...— и затѣмъ, занятый исключительно необычайною новостью, онъ продолжалъ:—Знаешь, оффиціально уже объявлено о помолвкѣ Ардеа съ дочерью Гафнера. И они были всѣ трое—женихъ, невѣста и папаша, счастливые, довольные! Премило было, честное слово. Кардиналъ Гверильо будетъ крестить красавицу Фанни...

— А Дорсенъ?—спросилъ опять больной.

— Тамъ же разгуливалъ и ломался больше, чѣмъ когда-либо,— вступился Чибо.—Я потѣшу тебя и передамъ диковинный отвѣтъ, которымъ онъ насъ угостилъ. Мы спросили, какъ могъ онъ, при своей нервности,— ты видалъ его за картами,— цѣлить въ тебя такъ, какъ онъ цѣлилъ, не дрогнувши. Надо ему отдать справедливость, въ самомъ дѣлѣ не дрогнулъ... Угадай, что онъ отвѣтилъ?... Что вспомнилъ онъ наставленіе своего учителя Стендаля: прочесть про себя четыре латинскихъ стиха, прежде чѣмъ спустить курокъ.— А можно узнать, какіе стихи вы выбрали для этого случая?—спросилъ я.—Пожалуйста,—сказалъ онъ и продекламировалъ:—*Tityre, tu patulae recubans...*

— Болѣе, чѣмъ когда-нибудь, — перебилъ Пьетрапетроза,— теперь кстати припомнить остроту Казаля, когда этотъ *снобсъ* Фагонъ хвастался передъ нами въ маленькомъ клубѣ наставленіями, полученными отъ камердинера принца Уэльскаго... Если этотъ молодой человѣкъ не потѣшается надъ нами, то мнѣ его жаль до крайности...

Хотя пріятели, сходящіеся въ обожаніи Парижа, сотню разъ повторяли другъ другу эту плохую остроту, совершенно напрасно приписываемую одному изъ остроумнѣйшихъ прожигателей жизни нашего времени, они, все-таки, оба громко расхохотались и тѣмъ окончательно разстроили нервы раненаго. Онъ сослался на необходимость покоя, чтобы спровадить этихъ молодцовъ, въ симпатіи которыхъ онъ былъ увѣренъ, которые только что доказали ему свою порядочность и расположеніе и, тѣмъ не менѣе, страшно раздражали, вызвавши передъ нимъ, по его же, впрочемъ, разспросамъ, насмѣшливо ликующіе образы ненавистныхъ людей. Когда переживаешь извѣстнаго рода страданія, разговоры, подобные тѣмъ, что простодушно вели тутъ римскіе подражатели Казаля, становятся буквально невыносимы. Человѣку хочется побыть одному, чтобы въ тиши, по крайней мѣрѣ, выпить всю чашу горечи отчаянной и немощной злости, которая въ эту минуту переполняла сердце Горки. Присутствіе на скачкахъ его бывшей любовницы и въ этотъ ень именно было для него ужаснѣе всего остального. Онъ не сонѣвался въ томъ, что ей извѣстно о двойной дуэли и о его ранѣ гъ Майтлэнда, которому, несомнѣнно, сообщилъ объ этомъ Шапнъ. Изъ-за нея онъ стрѣлялся, а она отправилась въ тотъ же день асоваться въ обществѣ, улыбаться и кокетничать, какъ будто а года страстной любви не установили между ними никакой святочно самъ онъ былъ для графини Стено не болѣе, какъ знако-

мый, котораго заурядъ съ другими приглашаютъ на обѣды и вечера! Болеславъ отлично зналъ ея привычки и всегдашнее влеченіе жадно наслаждаться присутствіемъ человѣка, котораго она любитъ. Сомнѣнія не могло быть въ томъ, что на скачкахъ она назначила свиданіе Майтлэнду, какъ бывало назначала свиданія ему, Болеславу, и художникъ поѣхалъ въ то время, какъ у него на рукахъ былъ раненый, храбрый, благородный родственникъ, котораго онъ допустилъ стрѣляться за себя! Поистинѣ, себялюбивый и грубый американецъ былъ достойнымъ любовникомъ этой негодной твари. Мысль объ этихъ двухъ счастливцахъ терзала раненаго самою жгучею ревностью, къ которой примѣшивалось отвращеніе, и, въ то же время, какъ бы въ видѣ контраста, онъ думалъ о своей женѣ, о гордой и нѣжной Модъ, которой онъ лишился такъ же точно, какъ и Катерины Стено. Припоминались ему дни другихъ болѣзней, когда отъ его постели не отходила кроткая, дивная сидѣлка. Онъ опять видѣлъ правдивый взглядъ супруги, которой онъ измѣнилъ, ея заботливыя руки, никому не уступавшія ухода за нимъ. Теперь она не захотѣла видѣть его даже, когда онъ отправлялся на дуэль, которая могла кончиться смертью. Вернулся онъ, а она не справилась даже о состояніи его здоровья. Врачъ сдѣлалъ безъ нея перевязку, и Болеславъ ничего не зналъ о женѣ, кромѣ того, что передалъ ему ихъ сынъ. Выждавъ нѣкоторое время, Горка приказалъ позвать ребенка и объяснилъ ему, какъ то было условлено съ секундантами, что онъ сломалъ руку, упавши съ лѣстницы. Маленькій Лука сказалъ:

— Когда же тебѣ можно будетъ къ намъ пріѣхать?... Мама говорила, что мы уѣзжаемъ въ Англію сегодня вечеромъ или завтра. У насъ уже почти все уложено...

Сегодня вечеромъ или завтра? Стало быть, Модъ рѣшилась привести въ исполненіе свою угрозу, уѣзжаетъ навсегда и не желаетъ имѣть съ нимъ никакихъ объясненій? Онъ лишенъ возможности еще разъ начать говорить этой женщинѣ что-либо въ свое оправданіе, и она, конечно, не придетъ на его призывъ, если уже оскорбленная гордость дала ей силу не смягчиться къ нему, когда онъ подвергался смертельной опасности. Передъ очевидностью такого полнаго крушенія всего окружающаго, Болеславъ почувствовалъ такой страшный упадокъ духа, такую глубокую безнадежность, при которыхъ человѣкъ ни на что уже не разсчитываетъ, ничего не желаетъ, кромѣ успокоенія навѣки. Онъ все еще мысленно повторялъ: «Если, однако, попытать еще разъ?» И тотчасъ самъ себѣ отвѣчалъ: «Нѣтъ, не захочетъ она»... Когда слуга доложилъ, что его желаетъ

видѣть графиня, въ головѣ Болеслава была такая путаница, что въ первое мгновеніе ему представилось, будто докладываютъ о графинѣ Стено, и онъ почти въ ужасъ пришелъ отъ возможности появленія этой женщины. За эти нѣсколько дней, въ вихрѣ событій, онъ пережилъ до крайности сильныя ощущенія. Но даже передъ дуломъ пистолета Дорсена не испытывалъ онъ того, что почувствовалъ, когда къ его постели приблизилось воплощенное угрызеніе совѣсти: на лицѣ Модъ, молодомъ и свѣжемъ, всегда блестящемъ красотою и здоровьемъ, поддерживаемымъ, по обыкновенію англичанъ, ежедневно свѣжимъ воздухомъ и движеніемъ, Болеславъ увидалъ несомнѣнные слѣды слезъ, горя и безсонницы. Поблѣднѣвшія щеки, потемнѣвшія вѣки, пересохшія губы и ихъ горькое выраженіе, и въ особенности лихорадочный блескъ глазъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ свидѣтельствовали о томъ, какой страшный ударъ перенесла эта несчастная женщина, всегда такая уравновѣшенная. Только что миновавшіе двадцать четыре часа подѣйствовали на нее, какъ дѣйствуетъ иногда продолжительная болѣзнь, подрывающая всѣ жизненныя силы организма. Это была другая женщина. Такая быстрая перемѣна, столь поразительная и трагическая, заставила Болеслава забыть о собственныхъ страданіяхъ. Онъ чувствовалъ только безграничное сожалѣніе, превратившееся въ ужасъ, когда эта женщина, измученная горемъ, сѣла около него и въ ея глазахъ онъ увидалъ то же выраженіе неумолимой холодности, которое заставило его отшатнуться еще наканунѣ. Тѣмъ не менѣе, она была тутъ, и одно появленіе ея, совершенно неожиданное, даже при столь мрачныхъ условіяхъ, оказывалось безконечно сладостнымъ для молодого человѣка. Онъ заговорилъ съ нѣжною, полудѣтскою мягкостью, которую умѣлъ напускать на себя, когда хотѣлъ нравиться:

— Вы поняли, что слишкомъ жестоко было бы уѣхать, не повидавшись со мною. Просить васъ объ этомъ я не посмѣлъ, но для меня это единственная радость, доступная въ моемъ положеніи... Благодарю васъ за не...

— Не благодарите,— отвѣтила Модъ и покачала головой,— не ради васъ я пришла сюда. Я здѣсь по обязанности... Дайте мнѣ договорить, — остановила она жестомъ возраженіе больного,— отвѣтите мнѣ потомъ... Если бы дѣло шло только о васъ и обо мнѣ, я е увидалась бы съ вами... Но, какъ уже я говорила вчера, у насъ сть сынъ...

— А!—болѣзненно вскричалъ Болеславъ.—Вы пришли мучить ня еще больше. Могли бы вы принять во вниманіе, что не въ сихъ я обсуждать съ вами этотъ тяжелый для меня вопросъ... Ка-

жется, я уже говорилъ вамъ, что вашихъ правъ я не нарушу, при условіи, что и вы не нарушите моихъ правъ.

— Не о моихъ правахъ пришла я говорить съ вами и не о вашихъ,—перебила Модъ,—а о правахъ ребенка, о которыхъ я только и думаю. Когда я разсталась съ вами вчера, я такъ страдала, что ничего не сознавала, кромѣ моего страданія. И тогда, въ минуту нравственной агоніи, я припомнила слова, которыя часто повторялъ мой отецъ: «Когда человѣкъ страдаетъ, онъ долженъ смѣло и прямо взглянуть на свое горе, и оно всегда чему-нибудь его научитъ». Мнѣ стыдно стало за мою слабость, и я прямо взглянула на мое горе. Оно научило меня, прежде всего, тому, что я обязана принять его, какъ справедливую кару за мое замужство вопреки совѣтамъ и желанію моего бѣднаго отца...

— О, не отказывайтесь отъ нашего прошлаго,— воскликнулъ молодой человѣкъ,—оно дорого мнѣ, несмотря ни на что...

— Нѣтъ, отъ него я не отказываюсь,— продолжала Модъ,—и именно, вспоминая о немъ, о моихъ тогдашнихъ впечатлѣніяхъ, я нашла не оправданіе, конечно, а объясненіе вашему поведенію... Я припомнила ваши разсказы о несчастномъ дѣтствѣ и юности, о томъ, какъ вы росли при живыхъ врозь родителяхъ, проводя шесть мѣсяцевъ у отца, шесть мѣсяцевъ у матери, какъ не хотѣли вы и не могли судить ихъ обоихъ и принуждены были скрывать отъ одного изъ нихъ ваши чувства къ другому. Я въ первый разъ поняла, что разлука родителей только измучила ваше сердце, и она-то исковеркала вашъ характеръ... И мнѣ ясно стало, что Луку ждетъ то же самое. Слушайте, Болеславъ, говорю я вамъ, какъ передъ Богомъ. Когда эта мысль пришла мнѣ въ голову, я отнюдь не думала оставаться жить съ вами. Отнынѣ мнѣ это будетъ страшно тяжело. Нѣтъ, я рѣшила, что сынъ останется со мною, со мною одной, подъ исключительнымъ моимъ вліяніемъ... На этомъ я и остановилась сегодня утромъ, когда видѣла, что вы уѣзжаете, что вы уѣхали еще это сдѣлать, еще разъ мною пожертвовать! Если бы на самомъ дѣлѣ вы раскаялись, не нанесли бы вы мнѣ этого послѣдняго оскорбленія... Потомъ, когда вы вернулись и мнѣ сказали, что у васъ прострѣлена рука, я пошла сама сообщить сыну о вашей болѣзни... Тутъ я поняла, насколько любитъ онъ васъ, какое мѣсто занимаете вы въ его сердцѣ, и поняла я также, что если, по закону, онъ будетъ отданъ мнѣ, въ чемъ я увѣрена, все таки, его дѣтство будетъ такимъ же, какимъ было ваше дѣтство, и его юность—такою, какою была ваша юность... И тогда,—продолжала Модъ голосомъ, въ которомъ ясно сказывалось ея волненіе,—

разъ вы заговорили о правахъ, я признала, что не имѣю права касаться души ребенка, его нѣжной любви къ вамъ, и я пришла вамъ сказать: вы много зла мнѣ сдѣлали. Вы убили во мнѣ нѣчто такое, что уже никогда не возродится. Я чувствую, какъ много лѣтъ на моемъ умѣ и на сердцѣ будетъ лежать тяжелый гнетъ при мысли, что вы измѣнили мнѣ. Но я сознаю также, что разлука, на которую я рѣшалась, представляется крайне опасною для нашего сына. Въ убѣжденіи, что я отклоню отъ сына такую опасность, я почерпну силы оставаться жить съ вами и я останусь... Но отъ человѣка нельзя требовать невозможнаго, и разсчитывать на свои силы я могу лишь при одномъ условіи...

— При какомъ?—спросилъ Болеславъ. Рѣчь Модъ,—такъ какъ то была настоящая рѣчь, обдуманная, въ которой каждая фраза была основательно взвѣшена,—своею разумною опредѣленностью нисколько не подходила къ состоянію нервнаго возбужденія, въ которомъ находился Горка за эти дни. Слова жены произвели на него болѣе непріятное впечатлѣніе, чѣмъ могли бы то сдѣлать самые страстные упреки. Нѣкоторыя изъ ея фразъ, тѣ, напримѣръ, въ которыхъ она указала на его исковерканный характеръ, затронули его такъ, какъ затрогиваютъ въ насъ самолюбіе истины, въ которыхъ мы не сознаемся, хотя и знаемъ ихъ про себя. Въ то же время, сладко было ему напоминаніе о нѣжной любви жены, и онъ почувствовалъ, что если въ эту минуту не помирится съ Модъ, то семейная жизнь его будетъ разбита навсегда. Все это, въ извѣстной мѣрѣ, выразилось въ словахъ, которыя онъ добавилъ къ вопросу:—Да, при какомъ условіи? Хотя вы и не пощадили меня, хотя могли бы высказать тоже самое въ другихъ выраженіяхъ, хотя, въ особенности, горько мнѣ осужденіе моего характера, на основаніи одного прискорбнаго увлеченія, я, все-таки, люблю васъ, люблю моего сына и напередъ соглашаюсь на ваши условія. Я слишкомъ уважаю васъ для того, чтобы усомниться въ совмѣстимости ихъ съ моимъ достоинствомъ. Что же касается дуэли, то вы сами хорошо знаете, что слишкомъ поздно было отступать, не опозоривши себя...

— Прежде всего, я хотѣла бы имѣть ваше обѣщаніе,—отвѣчала мадамъ Горка, не возражая на послѣднія слова мужа,—что во все время, пока вы не будете выходить, вы никого не прикажете принимать также точно, какъ и я... Я не допускаю появленія въ моемъ домѣ этой особы, ни кого-либо, кто бы заговорилъ о ней со мною или съ вами...

— Обѣщаю вамъ это,—сказалъ молодой человѣкъ, чувствуя,

какимъ тепломъ повѣяло на его душу отъ этого перваго доказательства ревности, не заглушенной въ сердцѣ любящей женщины негодованіемъ оскорбленной супруги, и онъ добавилъ съ улыбкой:—Для меня это небольшое лишеніе... Дальше что?

— Дальше?... Какъ только докторъ позволитъ, мы уѣдемъ въ Англію. Будущую зиму мы проведемъ, гдѣ хотите, но никогда не вернемся въ этотъ домъ, никогда не будемъ въ этомъ городѣ...

— Обѣщаю и это,—сказалъ Болеславъ.—Съ моей стороны это тоже не жертва. А еще?

— А еще...—проговорила она тихо, какъ бы стыдясь себя самой.—Вы никогда не будете писать, не будете стараться разузнать о ней...

— Даю въ томъ мое слово,—отвѣтилъ Болеславъ, взявши ея руку и еще разъ спросилъ:—А дальше?

— А дальше ничего,—сказала Модъ и высвободила свою руку, но сдѣлала это очень мягко, а сама тотчасъ же, какъ бы исполняя уже обѣщаніе простить, поправила подушку подъ головой больного.

— Нѣтъ, моя благородная Модъ, есть нѣчто и дальше,—возразилъ Болеславъ.—Дальше я съумѣю доказать вамъ, насколько справедливо сказанное мною вчера, когда я увѣрялъ, что люблю васъ, несмотря на мои заблужденія. Сегодня вернулась ко мнѣ мать. Я хочу возвратить жену, мою милую жену, и я ее верну...

Она ничего не отвѣтила. Глядя на мужа въ то время, какъ онъ говорилъ эти послѣднія слова съ преобразившимся лицомъ, Модъ испытывала волненіе, отъ котораго никогда уже не въ состояніи была избавиться. Подъ гнетомъ постигшаго ее горя вполнѣ прояснился взглядъ молодой женщины на все внутреннее существо ея мужа, и гибкость славянской натуры, которая прежде очаровывала ее, тревожа нѣсколько, стала съ этой минуты приводить ее въ ужасъ. Этотъ неустойчивый и снисходительный къ себѣ человѣкъ уже все простилъ себѣ. Достаточно было ему составить проектъ искупленія проступка въ теченіе долгихъ лѣтъ, и въ собственномъ мнѣніи онъ уже считалъ себя совершающимъ этотъ великій подвигъ, ставилъ себя такъ высоко, будто съумѣлъ преодолѣть всѣ его трудности. Въ продолженіе восьми дней, отдѣлявшихъ этотъ разговоръ отъ ихъ отъѣзда, онъ въ точности сдержалъ слово, данное женѣ. Чибо и Пьетрапетроза, Гафнеръ и Ардеа тщетно пытались увидаться съ нимъ, и, когда тронулся поѣздъ, уносившій супруговъ во Флоренцію и дальше на сѣверъ, Болеславъ счелъ себя вправѣ съ гордостью спросить жену:

— Довольны вы мною?

— Я довольна тѣмъ, что мы уѣхали изъ Рима, — отвѣтила она уклончиво, и это было на самомъ дѣлѣ такъ, по двумъ причинамъ: прежде всего, потому, что не вдавалась она ни въ какія иллюзіи по поводу нравственнаго подъема Болеслава, чѣмъ онъ такъ гордился. Модъ знала, насколько неустойчивая его воля способна поддаться первому случайному впечатлѣнію. А затѣмъ,—въ чемъ она не сознавалась мужу,—печаль о порванной дружбѣ сливалась въ ея душѣ съ горемъ обманутой супруги. Внезапное раскрытіе позорнаго поведенія матери Альбы не убило въ ней глубокаго расположенія къ молодой дѣвушкѣ, и въ теченіе всей этой недѣли, ушедшей на приготовленія къ отъѣзду, мадамъ Горка не переставала волноваться въ душѣ вопросами: «Что думаетъ она о моемъ молчаніи?... Что сказала ей мать?... Что сама она поняла?...» Ни разу не вышла Модъ изъ дома безъ опасенія: «А ну какъ я встрѣчу ее?...» Ни одной почты не получила она безъ страха увидать конвертъ съ адресомъ, написаннымъ Альбой неровнымъ и нервнымъ почеркомъ, обличавшимъ затаенную душевную тревогу этой странной дѣвушки. Модъ нѣжно любила маленькую, бѣдную контессину, питала къ ней своеобразное чувство дружбы, возникающее нерѣдко между молодыми женщинами и молодыми дѣвушками,—чувство очень сильное и очень тонкое, сходное нѣкоторыми своими оттѣнками съ привязанностью старшей сестры къ младшей сестрѣ. Тутъ сказывается немного и наивное покровительство, и немного также романтическая и мечтательная грусть. Старшая изъ друзей строга и ворчлива. Она пытается образумить, не безъ нѣкоторой зависти, впрочемъ, слишкомъ пылкій энтузіазмъ младшей. Она выслушиваетъ, вызываетъ откровенности подруги съ трогательною важностью руководительницы, опытность которой часто сама нуждается въ совѣтахъ. Меньшая—любопытна и восторженна; она высказывается съ совершенною неподдѣльностью чуднаго пробужденія мысли и чувства послѣднихъ лѣтъ, предшествующихъ замужству. А въ томъ случаѣ, когда между меньшою пріятельницей и ея матерью существуетъ душевный разладъ, какъ это было между Альбой и графиней Стено, тогда привязанность къ сестрѣ, избранной сердцемъ, становится настолько глубокой, что не можетъ быть порвана безъ большой печали съ той и другой стороны. Отъ почему, удаляясь отъ Рима, Модъ чувствовала одновременно облегченіе и горе, — облегченіе вслѣдствіе того, что не придется уже ей имѣть объясненіе съ Альбой, горе же причиняла ей мысль, что никогда не будетъ она имѣть возможности оправдать

свои дѣйствія передъ юною пріятельницей, никогда также не будетъ у нея средства помочь ей выдти изъ житейскихъ затрудненій и никогда, наконецъ, нельзя будетъ любить ее открыто, какъ она любила ее теперь въ тайнѣ. Смотря на исчезающій въ мглистой ночи городъ съ его линіями огней, мадамъ Горка говорила себѣ:

«Пусть думаетъ обо мнѣ дурно, лишь бы не угадала ничего!... Кто помѣшаетъ ей теперь отдаться своему чувству къ опасному и хитрому Дорсену? Кто утѣшитъ ее въ минуты печали? Кто защититъ ее отъ родной матери? Я, быть можетъ, дурно поступила, написавши этой женщинѣ такое письмо, которое передали ей, къ тому же, при дочери... Бѣдная, несчастная дѣвочка!... Богъ да хранитъ тебя!»

Модъ обратилась къ сыну и рукой ласкала его волосы, какъ бы для того, чтобы очевидностью лежащаго на ней долга отогнать тоску, сжимавшую ея сердце при воспоминаніи о привязанности, навсегда принесенной въ жертву. Но отъ природы она была женщиною слишкомъ дѣятельной и слишкомъ вкоренилась въ ней прекрасная британская привычка къ контролю надъ собой для того, чтобы надолго поддаваться гнету праздной чувствительности. Тѣмъ не менѣе, даже въ настоящее время, по прошествіи многихъ, многихъ мѣсяцевъ съ дня мрачнаго событія, случившагося вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда, она не можетъ безъ содроганія вспомнить объ охватившемъ ее въ вагонѣ курьерскаго поѣзда предчувствіи катастрофы, уже готовой разразиться надъ неповинною Альбой. Тѣ два лица, имена которыхъ подсказала ей дружба, совершенно немощная въ данную минуту, на самомъ дѣлѣ стали, въ силу крайне различныхъ обстоятельствъ, роковыми орудіями судьбы, рѣшившей участь ея бѣднаго друга. А также оправдалось, какъ нельзя болѣе, смутное раскаяніе Модъ въ томъ, что ея ужасная записка была передана мадамъ Стено въ присутствіи молодой дѣвушки. Когда слуга подалъ это письмо графинѣ и сказалъ, что мадамъ Горка извиняется и принять никого не можетъ, по нездоровью, первымъ движеніемъ Альбы Стено было пойти въ комнату доброй пріятельницы.

— Я пойду поцѣловать ее и спросить, не нужно ли ей чего,— сказала Альба.

— Графиня приказала рѣшительно никого не допускать къ себѣ,—въ замѣшательствѣ отвѣтилъ слуга, и, въ то же время, мадамъ Стено, только что развернувшая записку, проговорила измѣнившимся голосомъ, тонъ котораго поразилъ молодую дѣвшку:

— Уйдемъ, я чувствую себя тоже нехорошо...

Эта надменная женщина, привыкшая все подчинять своей во-

лѣ, дрогнула на самомъ дѣлѣ слишкомъ болѣзненно передъ страшно оскорбительными словами, выгонявшими ее, Катерину Стено, съ такимъ позоромъ. Побѣлѣла она до корня своихъ чудныхъ бѣлокурыхъ волосъ, лицо исказилось, и Альба въ первый и въ послѣдній разъ видѣла, какъ дрожитъ она всѣмъ тѣломъ. Продолжалось это всего нѣсколько минутъ. Едва онѣ сошли съ лѣстницы, какъ уже опять одержала верхъ энергія этого смѣлаго характера, способнаго выдерживать самыя сильныя потрясенія и моментально оправляться для дѣйствія. Но, какъ ни быстро произошло это, случившагося было достаточно для того, чтобы взволновать дѣвушку. Ни на секунду она не усомнилась въ томъ, что записка была причиной такой перемѣны въ лицѣ графини. Не менѣе необычайнымъ представлялось и то обстоятельство, что Модъ не захотѣла принять въ своей комнатѣ ее, своего друга. Что случилось? Что содержитъ въ себѣ это письмо? Что скрываютъ отъ нея? Если наканунѣ она почувствовала уколъ въ сердцѣ лишь отъ того, что догадалась про сцену бурнаго объясненія между своею матерью и Болеславомъ Горкой, то какъ же было ей не встревожиться до ужаса при видѣ того состоянія, въ какое привели графиню Стено нѣсколько строкъ, написанныхъ женою Болеслава? Припомнилось анонимное письмо, а съ тѣмъ вмѣстѣ вернулись всѣ подозрѣнія, которыя Альба отгоняла отъ себя въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ. Нѣкоторыя предположенія иногда настолько точно подходятъ къ извѣстнымъ фактамъ, что допустить ихъ—значитъ уже признать ихъ справедливость. Такого, именно, рода была мысль, промелькнувшая въ эту минуту въ головѣ Альбы. Дѣвушка подумала, что какая-нибудь случайность, быть можетъ, такой же подлый доносъ, открылъ глаза Модъ на отношенія мадамъ Стено къ Болеславу, и что въ этомъ состоитъ разгадка ужаса, въ который записка привела графиню. Хотя эта послѣдняя ничего не знала о внутренней драмѣ, разыгрывавшейся въ продолженіе мѣсяцевъ въ душѣ дочери, она была слишкомъ умна для того, чтобы не понять, что ея смущеніе, въ эту рѣшительную минуту, было крайне несвоевременнымъ и что необходимо объяснить его чѣмъ-нибудь. Къ тому же, разрывъ съ Модъ оказывался дѣломъ непоправимымъ, и участіе въ немъ Альбы—неизбѣжнымъ. Какъ только мадамъ Стено, преступная, но нѣжно любящая мать, сообразила это, такъ рѣшеніе ея сложилось моментально ложное объясненіе было уже готово:

— Угадай, что написала мнѣ Модъ,—рѣзко обратилась она къ дочери, когда онѣ рядомъ сѣли въ карету. Боже, какимъ цѣлебнымъ бальзамомъ вылилась на сердце Альбы эта простая фраза!

Мать сію минуту покажетъ записку. Очень мимолетна была эта радость. Записка осталась тамъ, куда сунула ее графиня, нервно сложивши, въ разрѣзѣ перчатки.— Модъ обвиняетъ меня въ томъ,— продолжала мадамъ Стено,—будто по моей милости должна произойти дуэль между ея мужемъ и Флораномъ Шапрономъ, и ссорится со мною письмомъ, не повидавшись, не переговоривши со мной!...

— У Болеслава Горки дуэль съ Флораномъ Шапрономъ?—переспросила молодая дѣвушка.

— Да,—отвѣтила мать,—я знала объ этомъ черезъ Гафнера. Тебѣ ничего не говорила изъ-за того, чтобы ты не волновалась за Модъ, и ее поджидала такъ долго, желая ободрить въ томъ случаѣ, если она сильно встревожена... И вотъ какъ она отблагодарила меня за мое расположеніе! Горка обидѣлся, кажется, на Шапрона за одно его выраженіе о полякахъ, за одну изъ невинныхъ и глупыхъ остротъ, какія мы слышимъ каждый день относительно любой національности, о насъ, итальянцахъ, о французахъ, нѣмцахъ, англичанахъ, евреяхъ, и которыя ровно ничего не доказываютъ... Я, шутя, повторила этотъ пустякъ Горкѣ... Тебя беру въ судьи. Моя ли вина, если, вмѣсто того, чтобы разсмѣяться, онъ отправился оскорбить бѣднягу Флорана, и изъ этого произойдетъ безсмысленная дуэль? И Модъ пишетъ, что никогда мнѣ этого не проститъ, что я дурной другъ, что я сдѣлала это нарочно, чтобы вывести изъ себя ея мужа!... Ну, и смотри она сама за своимъ мужемъ, запирай его, если онъ сумасшедшій человѣкъ! А я то ихъ такъ принимала, создала имъ положеніе въ Римѣ, сейчасъ даже только о ней и думала!... Вотъ что я тебѣ скажу,—прибавила она, сжимая руку дочери съ настолько же неподдѣльнымъ раздраженіемъ, насколько лживы были слова,—я запрещаю тебѣ видѣться съ нею и писать ей. Если она не пришлетъ извиненій въ томъ, что написала въ своемъ нелѣпомъ посланіи, я знать ее не хочу больше. Слишкомъ глупо быть настолько доброй!...

Слушая этотъ разсказъ, Альба въ первый разъ осталась убѣжденною въ томъ, что мать лжетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ сердце дѣвушки закралось подозрѣніе по отношенію къ матери, къ единственному существу, которымъ она восхищалась, которое боготворила, не мало пережила она приступовъ недовѣрія. Разговоръ съ графиней всегда разсѣивалъ всѣ ея сомнѣнія. Происходило это потому, что, внѣ своихъ любовныхъ похожденій, мадамъ Стено была неизмѣнно чистосердечна и правдива. Близкіе ей люди невольно подчинялись тому впечатлѣнію, что она наименѣе склонная къ притворству изъ женщинъ. Ея обычная смѣлость и своего рода не-

возмутимость, которыя она выказывала, отдаваясь своимъ увлеченіямъ, сообщали ей, даже когда обманывала она по необходимости, тотъ видъ величія, который внушаетъ довѣріе какъ бы силою магнетизма. Лгала она, впрочемъ, только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Ея отвращеніе отъ всего мелочнаго побуждало ее предпочитать молчаніе, что въ дѣйствительности оказывается самымъ вѣрнымъ средствомъ обмануть. Когда же представлялась безысходная необходимость прибѣгнуть къ положительной лжи, мадамъ Стено умудрялась придумать что-нибудь очень простое и очень близкое къ правдѣ, какъ это сдѣлала и теперь. Милѣйшій малый, Шапронъ, имѣлъ на самомъ дѣлѣ слабость повторять безпрерывно готовыя острыя словечки, среди которыхъ весьма много національныхъ эпиграммъ, одинаково плохихъ и несправедливыхъ. Альба легко могла припомнить не одинъ, а двадцать случаевъ, когда этотъ превосходный человѣкъ подпускалъ немудрыя шуточки, которыми могъ, пожалуй, обидѣться не въ мѣру щекотливый собесѣдникъ. И молодая дѣвушка отнюдь не сочла бы абсолютно невозможнымъ, что дуэль между Горкой и Шапрономъ вызвана столкновеніемъ этого рода. Но дѣло въ томъ, что Шапронъ былъ почти братомъ Майтлэнда, новаго друга, съ которымъ сблизилась мадамъ Стено въ отсутствіе польскаго графа, — и какимъ братомъ? — про котораго Дорсенъ говорилъ: «Онъ не задумается сжечь Римъ, чтобы сварить яйцо мужу своей сестры». Когда мадамъ Стено сообщила дочери о дуэли, неотразимое и немедленное заключеніе сложилось въ умѣ несчастной дѣвушки: «Флоранъ выходитъ на дуэль за своего зятя»... И изъ-за кого же, какъ не изъ-за мадамъ Стено? Мысль эта не продержалась бы и одной секунды передъ весьма правдоподобнымъ объясненіемъ графини, если бы въ душѣ Альбы не было доказательства, что мать говорила ей неправду. Дѣвушка любила Модъ Горку такъ же сильно, какъ Модъ любила ее. Она знала деликатность своей вѣрной и нѣжной пріятельницы такъ же, какъ та знала ея впечатлительность. Для того, чтобы Модъ такъ поступила съ нею, чтобы написала ея матери письмо, вызывающее необходимость немедленной ссоры, Модъ должна имѣть очень серьезныя основанія, серьезныя до ужаса. Другое доказательство, чисто-матеріальное, тотчасъ же присоединилось къ нравственному доводу. Если графиня, при своемъ характерѣ и при своихъ привычкахъ, не показала дочери письма Модъ тутъ же, сейчасъ, стало быть, письма этого показать нельзя... Напрасно Альба упрекала себя за новый приливъ сомнѣній, напрасно старалась увѣрить себя, что въ тотъ же вечеръ, завтра или послѣ зав-

тра получитъ отъ доброй пріятельницы письмо, которое подтвердитъ объясненіе, данное ей матерью. На завтра она узнала о подробностяхъ дуэли, переданныхъ Майтлэндомъ графинѣ Стено, о дикой выходкѣ Горки противъ Дорсена, о хладнокровіи романиста и о благополучномъ, сравнительно, исходѣ двойной дуэли.

— Вотъ видишь,—говорила мадамъ Стено дочери,—насколько я была права, сказавши, что Горка съ ума сошелъ... Кажется, послѣ дуэли съ нимъ былъ, несмотря на рану, припадокъ буйнаго помѣшательства, и теперь его держатъ подъ тщательнымъ надзоромъ, никого къ нему не допускаютъ... Понимаешь теперь, какъ Модъ рѣшилась взвалить на меня отвѣтственность за припадокъ сумасшествія, повидимому, наслѣдственнаго въ семьѣ Горки?...

Такова была на самомъ дѣлѣ сплетня, которую венеціанка, ея друзья Гафнеръ, Ардеа и другіе разносили по Риму, чтобы уменьшить скандалъ. Обвиненіе въ помѣшательствѣ—довольно обычное средство, пускаемое въ ходъ женщинами, которыя довели страсть мужчины до бѣшенства и хотятъ лишить всякаго значенія поступки и слова этого человѣка. Въ данномъ случаѣ, неистовство Болеслава и двѣ его дуэли, черезъ четверть часа одна слѣдомъ за другою, — причемъ невозможно было доискаться настоящей причины его столкновенія съ Шапрономъ, потомъ съ Дорсеномъ,—въ достаточной мѣрѣ подтверждали такую клевету. Когда въ городѣ сдѣлалось извѣстно, что двери палаццетто Дорія положительно для всѣхъ заперты, что Модъ Горка никого не принимаетъ, что, наконецъ, она увозитъ мужа при обстоятельствахъ, дѣлающихъ отъѣздъ похожимъ на бѣгство, то уже ни у кого не осталось сомнѣнія въ разстройствѣ умственныхъ способностей молодого человѣка. О мадамъ Стено и ея любовной связи съ несчастнымъ не было уже и рѣчи, разговоры сводились къ опасности, которой могла подвергнуться графиня въ томъ случаѣ, если бы припадокъ безумія разразился у нея въ домѣ. За то общественное мнѣніе отнеслось съ большою строгостью къ секундантамъ, допустившимъ, при очевидности помѣшательства, неправильность двойной дуэли. Пересуды по поводу этой исторіи надѣлали такого шума, что едва не вступились власти, и безъ сильнаго вліянія одного родственника Пьетрапетро[illegible], занимавшаго видное мѣсто въ тогдашнемъ министерствѣ, ге[illegible] этого приключенія очутились бы непремѣнно на скамьѣ подсу[illegible] мыхъ. А тѣмъ временемъ всѣ настолько были ими заняты, что [illegible] ковинная помолвка Ардеа, принятіе католичества дочерью Гафне[illegible], выкупъ дворца Кастанья,—событія неизмѣримо большей важно[illegible] для римскаго общества,—отодвинулись на второй планъ. Два че[illegible]

вѣка оказались въ хорошихъ барышахъ отъ всей этой болтовни, первоначальный источникъ которой остался неизвѣстнымъ. Первымъ былъ хозяинъ трактирчика *Tempo Perso*, такъ какъ въ теченіе нѣсколькихъ дней его простая харчевня привлекала цѣлыя толпы посѣтителей и онъ распродалъ неслыханное до того времени число графиновъ альбанскаго вина и корзинъ свѣжихъ яицъ. Вторымъ былъ издатель Дорсена, у котораго римскіе книгопродавцы затребовали нѣсколько сотенъ его книгъ.

— Случись это со мною въ Парижѣ,—говорилъ писатель Альбѣ Стено, передавая ей столь нежданный результатъ дуэли, — я, быть можетъ, узналъ бы, наконецъ, какое наслажденіе даетъ тридцатая тысяча...

Такъ шутилъ Дорсенъ черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Горки, выйдя изъ параднаго обѣда, даннаго графиней Стено въ честь Пеппино Ардеа и Фанни Гафнеръ. Со времени дуэли онъ снова попалъ въ милость у графини, сдѣлался опять обычнымъ гостемъ въ ея домѣ и бывалъ особенно часто потому, что съ каждымъ днемъ его все больше и больше заинтересовывала возроставшая печаль юной контессины. Загадочность характера молодой дѣвушки занимала его все сильнѣе съ каждымъ визитомъ, такъ что, несмотря на жары начинавшагося опаснаго римскаго лѣта, романистъ со дня на день откладывалъ многократно уже оповѣщенное возвращеніе въ Парижъ. На какія догадки навела ее дуэль, о которой она разспрашивала Жюльена съ волненіемъ, едва скрываемымъ ея свѣтло-голубыми глазами, такими прозрачными и непроницаемыми, какъ вода нѣкоторыхъ альпійскихъ озеръ у подножія ледниковъ? Онъ полагалъ, что хорошо поступаетъ, поддерживая всѣми силами сказку про сумасшествіе Болеслава Горки, хотя зналъ лучше, чѣмъ кто-либо, какая это ложь. Не было ли это, впрочемъ, самымъ вѣрнымъ средствомъ совершенно выгородить мадамъ Стено? Почему же, во время этого разсказа, онъ замѣтилъ, какъ еще болѣе необъяснимая грусть заволокла красивые глаза Альбы, точно онъ нанесъ ей новый ударъ? Онъ не сообразилъ того, что со дня, когда при ней произнесено было слово «помѣшанный» о мужѣ ея друга Модъ, контессину мучило очень простое и неотразимое разсужденіе: «Если Болеславъ сошелъ съ ума, какъ всѣ говорятъ въ одно слово, почему же Модъ, такая правдивая и любящая меня, обвиняетъ въ этой дуэли мою мать, изъ-за этого и со мною даже поссорилась, уѣхала, не написавши мнѣ ни строчки въ объясненіе?... Нѣтъ, тутъ есть что-то другое». Чтобы понять, что такое, въ сущности, это «другое», молодой дѣвушкѣ стоило только вспомнить лицо матери, когда

та читала письмо Модъ. Десять дней прошло со времени той сцены, а она постоянно видѣла лицо мадамъ Стено и ужасъ, исказившій ея обычно твердыя и гордыя черты. Несчастная дѣвушка не могла отдѣлаться отъ неотвязной мысли: «Моя мать нечестная женщина»... Мысль была тѣмъ ужаснѣе, что, при всей своей чистотѣ, Альба не была уже ничего непонимающею дѣвочкой. Наслушавшись слишкомъ вольныхъ иногда разговоровъ въ салонѣ графини, начитавшись романовъ безъ всякаго разбора, она имѣла довольно опредѣленное понятіе о существенномъ значеніи словъ: любовникъ и любовница, и почти невыносимо-мучительно было для нея примѣненіе ихъ къ отношеніямъ ея матери къ Горкѣ, а потомъ къ Майтлэнду. Такую пытку ей пришлось выносить въ продолженіе всего обѣда, по окончаніи котораго Дорсепъ подошелъ весело поболтать съ нею. За обѣдомъ Альба сидѣла рядомъ съ художникомъ, и одно дыханіе этого человѣка, его движенія, звукъ его голоса, его манера пить и ѣсть, близость его тѣла причиняли дѣвушкѣ такія острыя страданія, что она не въ состояніи была ни къ чему прикоснуться, и пила ледяную воду стаканъ за стаканомъ изъ опасенія дурноты. Во время этого убійственнаго обѣда, мучительно тянувшагося, при блескѣ роскошнаго серебра и великолѣпнаго венеціанскаго хрусталя, при обиліи цвѣтовъ и искрящихся драгоцѣнныхъ камней, она нѣсколько разъ подмѣчала взгляды Майтлэнда, устремленные на графиню съ такимъ выраженіемъ, которое у Альбы вызвало бы крикъ негодованія,—настолько угадывала она инстинктивно ихъ страстную чувственность, и разъ ей показалось, будто ея мать отвѣтила взглядомъ художнику. Тогда она почувствовала съ ужасающею ясностью то, что представлялось ей обыкновенно очень смутно,—безстыдный характеръ красоты своей матери. Съ жемчугами въ бѣлокурыхъ волосахъ, съ обнаженными плечами, въ блѣдно-зеленомъ корсажѣ, особенно выставлявшемъ несравненную прелесть ея тѣла, съ влажными губами и страстными глазами подъ длинными рѣсницами, догаресса занимала середину стола съ видомъ императрицы и куртизанки, въ то же время. Она напоминала увѣковѣченную пламенною кистью Тиціана Катерину Корнаро, извѣстную любовными похожденіями венеціанку, королеву острова Кипра, имъ которой она достойно носила. Сколько лѣтъ Альба гордилась дивною очаровательностью графини, гордилась ея скульптурными руками, гордилась ея величественнымъ видомъ, лицомъ, не подчиняющимся вліянію времени, пышнымъ живымъ цвѣткомъ, какимъ была эта поразительная женщина. Во время обѣда Альбѣ было почти стыдно за нее. Тяжело ей было также видѣть Лидію Майтлэндъ, си-

дѣвшую немного дальше съ такимъ натянутымъ выраженіемъ глазъ, рта и щекъ, будто она удручена горькою думой. Въ головѣ дѣвушки промелькнула мысль: «Стало быть, и Лидія подозрѣваетъ?...» Возможно ли, однако, чтобы ея мать, великодушіе и доброта которой ей хорошо извѣстны, стала улыбаться такою восхитительноспокойною улыбкой, имѣя на душѣ подобныя тайны? Возможно ли, чтобъ она многіе мѣсяцы предательски обманывала Модъ съ тѣмъ же радостнымъ блескомъ въ глазахъ? Чтобы отогнать страшныя подозрѣнія, давившія ее, какъ угрызенія совѣсти, Альба обвела взглядомъ весь столъ и увидала Пеппино и красавицу Фанни, сидящихъ рядомъ, и барона Гафнера, изукрасившагося брошеткой орденовъ. Иныя лица, и ложь другая! Князь улыбался невѣстѣ, точно влюбленный, а самъ рѣшился жениться на ней, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ гнусной борьбы противъ унизительнаго брака, ради того, чтобы завѣдомо краденными деньгами заплатить долги, надѣланные для безсмысленныхъ кутежей. Отецъ тоже улыбался нѣжно дочери и продавалъ ее изъ чванства. Таковы были горькія мысли, тѣнь которыхъ Дорсенъ могъ уловить на губахъ и во взглядахъ своей юной пріятельницы, но только тѣнь ихъ, а не сущность. И романистъ попробовалъ развлечь Альбу послѣ обѣда, когда шумные разговоры за кофеемъ дали имъ возможность немного отдѣлиться вдвоемъ отъ многочисленнаго общества, наполнявшаго пріемную.

— Что же это? — вдругъ прервалъ онъ самъ себя среди разсказа, въ которомъ, по поводу изданій и рекламъ, передалъ два или три анекдота про литературное лавочничество. — Вмѣсто того, чтобы слушать вашего друга Дорсена, вы, контессина, оторваться не можете отъ какихъ-то *blue devils* *), порхающихъ по комнатѣ...

— Чтобы имъ запорхать, было бы достаточно и поменьше того, что здѣсь есть, — отвѣтила Альба и указала на Фанни Гафнеръ и князя Ардеа, сидѣвшихъ на диванѣ. — Вѣрно ли сбылось, что я вамъ говорила съ недѣлю назадъ? Но вамъ еще не видна вся иронія происходящаго здѣсь. Вы не присутствовали, какъ я, третьяго дня при крещеніи бѣдняжки Фанни.

— Да, правда, — сказалъ Жюльенъ, — вы, вѣдь, были крестною матерью... Я мечталъ видѣть Льва XIII воспріемникомъ и принцессу изъ дома Бурбоновъ кумою... Тріумфъ Гафнера былъ бы еще блистательнѣе...

— Пришлось ограничиться его представителемъ и вашею по-

*) *Blue* — голубой, синій, *devil* — чортъ; игра словъ: *blue devils* — голубые чортики, — унынie, меланхолія.

корною слугой, — отвѣтила Альба съ нервнымъ смѣхомъ, смѣнившимся тотчасъ же скорбнымъ выраженіемъ. — Довольны ли теперь своею ученицей?... Я дѣлаю успѣхи: начинаю смѣяться, когда мнѣ плакать хочется... Но и сами вы не стали бы смѣяться, если бы видѣли умиленіе нашей прелестной Фанни... Она была олицетвореніемъ блаженства вѣрующихъ... Не насмѣхайтесь надъ этимъ.

— А гдѣ происходила церемонія? — спросилъ Дорсенъ, повинуясь чуть не съ мольбою выраженному приказанію.

— Въ капеллѣ у монахинь Божественной Вечери.

— Хорошо знаю, — прервалъ писатель, — одинъ изъ прелестнѣйшихъ уголковъ Рима! Это въ бывшемъ дворцѣ Пьянчьяни, въ большомъ домѣ почти насупротивъ королевской литографіи, гдѣ продаются фантастическіе о-форты великаго Пиранези *), его глубоко-поэтическія руины и тюрьмы... Онъ — итальянскій Гойа **) въ литографскомъ дѣлѣ... Тамъ, на верхней террасѣ, есть садъ, составляющій какъ бы кайму кровли изъ цвѣтовъ и зелени... Чтобы добраться до капеллы, надо пройти винтовою лѣстницей, вѣрнѣе — подъемомъ безъ ступенекъ, гдѣ встрѣчаешь монахинь въ фіолетовыхъ платьяхъ, въ черныхъ накидкахъ, въ бѣлыхъ головныхъ уборахъ и вышитыхъ нагрудникахъ. Лица у всѣхъ такія изящныя... Однимъ словомъ, настоящее послѣднее пристанище для одной изъ моихъ героинь... Меня водилъ туда мой старый другъ Монфанонъ. Когда мы забирались наверхъ, на башню, недѣль шесть назадъ, вдругъ послышалось съ дюжину голосовъ маленькихъ дѣвочекъ. Голосочки тоненькіе, жиденькіе пѣли: *Questo Cuor tu lovedrai...* ***). То была процессія дѣвочекъ, готовящихся къ причастію. Онѣ шли намъ на встрѣчу съ горящими свѣчами, прозрачное пламя которыхъ едва мерцало въ яркомъ свѣтѣ угасавшаго дня... Восхитительно это было!... А мнѣ, все-таки, позвольте теперь посмѣяться надъ тѣмъ, какъ будетъ сердиться Монфанонъ, когда я разскажу ему про крещеніе мадемуазель Гафнеръ. Не знаю только, гдѣ мнѣ разыскать стараго лигёра. Спрятался куда-то со времени нашей дуэли, вѣроятно, въ какомъ-нибудь монастырѣ отбываетъ покаяніе. Я вамъ говорилъ, что для него міръ не двигался съ эпохи Франциска Гиза. Маркизъ признаетъ за протестантами и евреями только одно право — отправляться на костеръ... И когда мон-

---

*) *Пиранези*, Джіанбатиста, знаменитый художникъ, археологъ и граверъ, род. въ Венеціи въ октябрѣ 1720 г., умеръ въ Римѣ 9 ноября 1778 г.

**) *Гойа (Goya)*, Франческо, знаменитый испанскій художникъ и граверъ, любимецъ короля Карла IV, род. въ 1746 г. въ Аррагоніи, умеръ въ Бордо въ 1828 г.

***) „Это сердце Іисуса, ты его увидишь“.

синьоръ Гверильо говоритъ ему о религіозности Фанни, онъ кипятится и изъ себя выходитъ. Пойди она на мученическую смерть, какъ святая Блондина, онъ, все равно, сталъ бы вопить о богохульствѣ и комедіантствѣ...

— Онъ не видалъ ее третьяго дня,— сказала Альба,— не видалъ ея лица, когда она читала *Вѣрую*... Меня нельзя заподозрить въ мистицизмѣ, вы знаете это, и на меня часто находятъ минуты сомнѣнія. Бываютъ такіе часы, когда я совсѣмъ ничему не вѣрю, такою дрянною и мрачною кажется мнѣ жизнь... Но я никогда не забуду выраженія ея лица... Она видѣла Бога!... Тутъ было нѣсколько монахинь съ очень растроганными и умиленными лицами. Старый кардиналъ очень почтенный епископъ... Рядомъ съ Фанни всѣ они казались святыми, окружающими Мадонну, какъ на картинахъ старѣйшихъ мастеровъ, которыхъ любить вы меня научили. Когда кончался обрядъ крещенія, угадайте, что она мнѣ сказала?... «Пойдемте молиться о моемъ добромъ отцѣ и о его обращеніи!...» Насколько же меланхолично такое ослѣпленіе?...

— Дѣло въ томъ,— возразилъ Дорсенъ, возвращаясь къ шутливому тону,— что въ словарѣ ея папаши это слово имѣетъ иное значеніе: обращеніе—имя существительное средняго рода, употребляется исключительно, когда рѣчь идетъ о цѣнностяхъ... *) Давайте, однако, поразсудимъ хорошенько, дорогая контессина. На какомъ основаніи находите вы дряннымъ и мрачнымъ, что дочь судитъ объ отцѣ по себѣ самой? Вы должны бы, напротивъ, радоваться этому... И почему представляется вамъ меланхоличнымъ, что эта чудная, святая дѣвушка—дочь отъявленнаго вора?... Какъ бы хотѣлось мнѣ, чтобы на самомъ дѣлѣ вы были моею ученицей, и не очень бы смѣшнымъ показалось, если бы я здѣсь, въ этомъ уголкѣ гостиной, далъ вамъ урокъ психо-аналитики... Я бы сказалъ вамъ: когда вамъ встрѣтится одна изъ аномалій, вызывающихъ ваше негодованіе, подумайте о причинахъ. Это очень легко. Хотя и протестантка, Фанни родомъ еврейка, то-есть дочь гонимаго племени, среди котораго, естественно, рядомъ съ пороками, присущими угнетеннымъ расамъ, должны были развиться и соотвѣтствующія добродѣтели, а именно: любовь семейная, преданность, робкая самоотверженность женщины, сознающей, что ею скрашивается жизнь у постоянно угрожаемаго очага, что она нѣжный цвѣтокъ, благоухающій въ мрачной тюрьмѣ. Вотъ вамъ то, что ка-

*) Въ подлинникѣ непереводимая игра словъ на двоякомъ значеніи слова: *conversion*—обращеніе въ христіанство и конверсія процентныхъ бумагъ. Для Гафнера *conversion* имѣетъ только одинъ смыслъ: конверсія ренты.

сается любви къ отцу. Такъ же просто объясненіе ея благочестія. Позвольте мнѣ быть немного педантомъ,—это, впрочемъ, разрѣшаетъ мнѣ и моя профессія,—и употребить важное, но препротивное слово—атавизмъ. Это, какъ вы знаете или, быть можетъ, не знаете,—возрожденіе въ насъ одного изъ предковъ черезъ сотню лѣтъ, черезъ пятьсотъ, черезъ двѣ тысячи лѣтъ. Припомните теперь Библію и цѣлый рядъ благочестивыхъ женскихъ фигуръ: Ревекку, Руфь, Эсфирь, Елизавету, двухъ Марій, Веронику, отершую ликъ Спасителя... И вотъ одна изъ нихъ возродилась въ дочери Гафнера, какъ пѣвецъ *Пѣсни пѣсней* возродился въ Генрихѣ Гейне, какъ одинъ изъ пророковъ возрождался въ Спинозѣ и какой-нибудь изъ Искаріотовъ ожилъ въ самомъ разбойникѣ Гафнерѣ... Если вы посмотрите на жизнь съ этой точки зрѣнія, всѣ окружающіе васъ люди представятся вамъ вотъ такими,—онъ указалъ своей собесѣдницѣ на гобеленъ, закрывавшій стѣну надъ ихъ головами,—и все на свѣтѣ сводится къ случаю развернуть передъ собою мысленно пестрый коверъ съ постоянно возобновляющимся удивленіемъ передъ дивнымъ ткачомъ, природой, никогда не перестающимъ вырабатывать рисунки, одинъ любопытнѣе другого... А затѣмъ лекція моя покончена, вы же были такъ добры, что ни разу даже не зѣвнули, слушая ее...

— Все это очень хорошо,—отвѣтила Альба серьезно. Она такъ и впивалась въ Дорсена, пока онъ говорилъ, съ инстинктивною склонностью къ идеямъ этого рода, которая доказывала лучше, чѣмъ свѣтскія розсказни, ея настоящее происхожденіе.—Только вы не принимаете въ разсчетъ страданія. А, вѣдь, нельзя же смотрѣть, какъ на коверъ, какъ на картину, какъ на вещь,—на существо, которое не по своей волѣ явилось на свѣтъ и которое жестоко страдаетъ. Вы, человѣкъ съ сердцемъ, скажите, что станется съ вашею теоріей, когда вы увидите, что человѣкъ плачетъ?

— Кому же, однако, можетъ здѣсь придти охота плакать?—возразилъ романистъ.—Не Гафнеру, конечно, такъ какъ онъ заполучаетъ въ зятья князя. Не этому князю, такъ какъ баронъ съ десяткомъ милліоновъ дѣлается его тестемъ. И не Фанни, потому что она вѣритъ, какъ никто уже теперь не вѣритъ, и только что окрестилась...—и въ голосѣ Дорсена зазвучала ласка:—Только вы, моя маленькая графиня, играете въ опасную игру проливанія слезъ за другихъ, за тѣхъ, кто заплакалъ бы, если бы сознавалъ несчастья, которыхъ не сознаетъ.

— Но я предвижу, что, рано ли, поздно ли, Фанни сознаетъ свое несчастье,—отвѣтила молодая дѣвушка.—Я не знаю, когда

она поймет, что такое ея отецъ, но она уже начинаетъ понимать, что такое Ардеа. Въ этомъ я вполнѣ увѣрена... Вглядитесь въ нее внимательно вотъ въ эту минуту...

Дорсенъ посмотрѣлъ на жениха и невѣсту. Фанни слушала, что говорилъ ей князь, и тѣнь недовольства лежала на ея прекрасномъ лицѣ. Онъ же громко смѣялся съ видомъ человѣка, разсказывающаго анекдотъ, по его мнѣнію, очень остроумный, и не подозрѣвающаго или не желающаго знать, что его разсказъ непріятно задѣваетъ чувство деликатности слушателя. Это была уже совсѣмъ не та парочка, которая въ первые дни послѣ помолвки дала Жюльену основаніе заключить о полной иллюзіи молодой дѣвушки по отношенію къ ея будущему мужу.

— Вы правы, контессина,— сказалъ писатель,— разочарованіе началось. Немножко рано это.

— Да, немножко рано,—отвѣтила Альба,—и, все-таки, слишкомъ поздно. Повѣрите ли, бываютъ минуты, когда я задумываюсь надъ вопросомъ, не обязана ли я сказать ей всю правду, насколько я ее знаю, о ея замужствѣ, о подставномъ кредиторѣ, объ аукціонной продажѣ и о торгѣ Ардеа?

— Не дѣлайте этого,— сказалъ Дорсенъ.— Да и на что это нужно? Этотъ ли, другой ли, и всякій, кто бы тамъ ни былъ, женится только на ея милліонахъ, будьте въ томъ увѣрены. Надо же, чтобы и на землѣ была расплата за милліоны, и это одинъ изъ ея видовъ... Я опасаюсь, однако, навлечь на васъ выговоръ вашей матушки, такъ какъ совсѣмъ завладѣлъ вами, и самому мнѣ необходимо еще сдѣлать два визита сегодня вечеромъ..

— А вы ихъ отложите,— сказала Альба, и ея почти трагическая серьезность вдругъ уступила мѣсто полу-дѣтскому капризу,— я васъ прошу, не уѣзжайте...

— Необходимо,— повторилъ Жюльенъ,— во-первыхъ, сегодня послѣдняя среда старой герцогини Пьетрапетроза, и послѣ недавнихъ любезностей ея внука...

— Она такая безобразная,— сказала Альба,— не промѣняете ли вы меня на нее?...

— Во-вторыхъ, завтра уѣзжаетъ моя соотечественница, мадамъ де-Совъ, съ которою вы меня встрѣтили въ Капитолійскомъ музеѣ, и я сегодня долженъ съ нею проститься... Про нее вы не скажете, что она такая безобразная...

— Да, она очень хорошенькая,—согласилась Альба, становясь опять грустною. Съ ея губъ была готова сорваться новая просьба,

но такъ и осталась невысказанной. Потомъ молодая дѣвушка проговорила съ умоляющимъ взглядомъ:—Возвращайтесь, по крайней мѣрѣ. Обѣщайте мнѣ, что вернетесь послѣ вашихъ двухъ визитовъ. Часа въ полтора вы отдѣлаетесь. Двѣнадцати еще не будетъ... Знаете, вѣдь, что отъ насъ никогда не разъѣзжаются ранѣе часа, а иногда сидятъ и до двухъ... Вернетесь?

— Если можно будетъ, пріѣду... А на всякій случай, до завтра въ мастерской, вашъ портретъ смотрѣть.

— Когда такъ, то прощайте,— сказала она упавшимъ голосомъ.

М.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Александръ Ивановичъ Герценъ и Наталья Александровна Захарьина *).

(Ихъ переписка).

---

15 октября 1835 г. Москва.

Почему же ты винишь себя, другъ мой? За что дѣлаешь себѣ упрекъ? Развѣ можно назвать измѣной, преступленіемъ равнодушіе съ твоей стороны къ той особѣ, которою ты былъ любимъ?[1]) Нѣтъ, ибо я знаю нѣкоторую особу, которая также восхищалась тобою, видя, можетъ быть, половину твоихъ достоинствъ, и довольно бы было одного твоего взгляда, чтобы заставить ее *мечтать*[2]); но ты не зналъ этого и не замѣчалъ, и виноватъ ли ты въ этомъ? Твой идеалъ, мой другъ, долженъ быть такъ чистъ и прекрасенъ, такъ высокъ, что мудрено найти его на землѣ. Я не видала ни одной дѣвицы, которая бы была совершенно тебя достойна.

Я съ восхищеніемъ перечитывала твое письмо,—о, братъ мой, о, благородный другъ мой! какъ виднѣется въ немъ прекрасная душа твоя, ты видишь преступленіе тамъ, гдѣ нѣтъ и малѣйшей вины. Счастлива, счастлива *она*[3]), даже будучи не любима тобою; счастлива, что могла подняться до того, чтобы понять тебя и любить тебя!

Ты пишешь, что тратишь много времени: «здѣсь мнѣ большой шагъ надъ кавалерами,— кто же не воспользуется такимъ случа-

---

*) *Русская Мысль*, кн. I.

[1]) Дѣло идетъ о Гаэтанѣ, т.-е. о Л. В. П.; большое и прекрасное лирическое отступленіе посвящаетъ ей А. И. въ своихъ *Запискахъ*, которое кончаетъ словами: Мнѣ было бы грустно, моя Гаэтана, если бы ты не съ тою же ясною улыбкой вспоминала о нашей встрѣчѣ. Неужели что-нибудь горькое примѣшивается къ памяти обо мнѣ? Мнѣ это было бы очень больно!"

[2]) Эта особа, по всему вѣроятію, Эмилія Михайловна Аксбергъ, гувернантка, которой А. И. очень нравился.

[3]) Л. В. П.—Гаэтана *Записокъ*.

емъ?» Пусть каждый, кромѣ тебя; никогда бы я не желала видѣть тебя ни за карточнымъ столомъ, ни съ фигурною фразой, которая ничто не значитъ для той, кто сама что-нибудь значитъ. Впрочемъ, прости мнѣ, мой другъ, это замѣчаніе,—можетъ, ты свѣтъ знаешь лучше, нежели я сама себя; мнѣ только больно, когда густое покрывало толпы задѣваетъ тебя, но надъ тобою оно рѣдѣетъ; ты среди ея горишь, какъ алмазъ въ грязи, и какъ ярко, и какъ чисто твое сіяніе! Тогда какъ ты проводишь жизнь твою въ шумѣ, *въ веселіи,* въ суетѣ,—дни мои текутъ такъ тихо и однообразно. Чуждая свѣта, я чужда и безчисленныхъ его переворотовъ и несчастій; почти никого не вижу, ничего не слышу; вотъ уже мѣсяцъ, какъ мы изъ деревни, и еще моя нога нигдѣ не была, кромѣ церкви; жизнь моя похожа на монастырскую жизнь вполнѣ. Изрѣдка Москва дунетъ на меня—и холодъ обдастъ мою душу, и страшно станетъ, но у меня есть міръ, гдѣ я отдыхаю, гдѣ согрѣваюсь, гдѣ пью отраду и утѣшеніе.

Эмилія любитъ Николая Сатина [1]); когда его семейство было здѣсь, она у нихъ часто была, мать и сестра его любятъ ее ужасно, а онъ пишетъ ей, что не можетъ жить безъ нея. Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится! Обстоятельства ихъ такъ раздѣляютъ, и меня беретъ ужасъ за Emilie. О, дай Богъ, чтобы душа ея послѣ стольких бурныхъ плаваній нашла надежную пристань! Онъ давно *нравился* ей, но она не говорила, что любитъ его, думая, что онъ только куртизируетъ ей, даже и мнѣ долго-долго не говорила о любви; вдругъ приходитъ ко мнѣ съ кольцомъ на рукѣ, которымъ обручилась съ N. [2]), и говоритъ, что дала ему слово.

Теперь я читаю въ первый разъ *Les Croisades* [3]); высокая душа Матильды и благородная душа Малекъ-Аделя изгнали совершенно изъ моей памяти гнусный поступокъ, который поразилъ меня. Какъ я люблю и уважаю Малекъ-Аделя и какъ боюсь, чтобы Матильда не пала, боюсь разстаться съ мыслью, что душа, живущая въ ней, презираетъ все земное!

Каждый доброжелательный *требуетъ* названія друга, и у меня много доброжелательныхъ, я люблю многихъ, но друзей у меня мало, мало, очень мало, и это *малое* составляетъ для меня *многое*, и

---

[1]) Сатинъ, Николай Михайловичъ, товарищъ Александра Ивановича, съ длинными волосами, „прелестный à la Шиллеръ и прихрамывающій à la Байронъ“, какъ говоритъ о немъ Т. П. Пассекъ. Онъ одновременно съ А. И. былъ сосланъ въ Симбирскъ, откуда возвращенъ въ 1837 году по болѣзни.

[2]) Съ Ник. Мих. Сатинымъ.

[3]) Романъ *Крестовые походы* или *Матильда*—любимое произведеніе того времени.

я живу имъ, и у меня нѣтъ иного счастья, ни иного блаженства. Сашу Бобор. [1]) я не назову моимъ другомъ, но въ ней такъ много благороднаго, душа ея такъ близка моей душѣ, такъ созвучна съ нею, что я могу назвать ее сестрой, и свиданіе съ нею всегда мнѣ приноситъ большое удовольствіе.

И такъ, ты принимаешься писать романъ, а развѣ кончилъ ужь *Легенду?*... [2]).

Прощай, твоя сестра *Наташа*.

Октября 22-е 1835 г. Москва.

Ужь поздно, спѣшу хоть строчку написать тебѣ: сегодня мнѣ минуло 18 лѣтъ, ужасъ! Я съ какою-то грустью смотрю, смотрю на быстроту времени, которая мчитъ, уноситъ съ собою все, почти все; особенно этотъ день мнѣ бываетъ грустно, — прошедшее, настоящее и будущее поперемѣнно занимаютъ душу, воображеніе рисуетъ картины и ясныя, и мрачныя, сердце что-то не на мѣстѣ, сомнѣніе тревожитъ духъ, но чѣмъ все это оканчивается? Въ это болѣзненное состояніе души, въ это время, когда земное не представляетъ намъ, кромѣ унылаго и печальнаго, душа рвется прочь отъ земли, ей свободнѣе летѣть *туда*, она улетаетъ въ свою отчизну, тамъ все ей родное и тамъ она пьетъ радость, утѣшеніе и съ надеждою вѣчности слетаетъ вновь на землю; тутъ уже изгнаніе ея не такъ ей ужасно, горесть не такъ уже доступна ей, она полна еще неба, и все вокругъ (н)ея дышетъ небомъ, на всемъ такъ ясно видѣнъ отпечатокъ божества. *Теперь* мнѣ вовсе не грустно. Другъ мой, какъ отъ тебя давно я не получала, вотъ это только затмѣваетъ теперь ясность души моей, а папенька прислалъ мнѣ отъ тебя на платье матерію, называемую по-вятски (кущигук-гукъ). Давеча былъ Бобор. [3]) и привезъ мнѣ письмо отъ Саши; это сдѣлало мнѣ большое удовольствіе. Егоръ Ивановичъ обѣдалъ у насъ, — награди его Богъ за его добродушіе; много обязана я его дружбѣ и (цѣню) все въ полной мѣрѣ.

Ну, прощай же, пора спать, я хотѣла только поговорить съ тобою. Сегодня хоть перомъ, мой другъ. Прощай. 12 час. вечера.

24-е.

Вчера мы были у папеньки [4]); ты не можешь себѣ представить,

---

[1]) Александру Александровну Боборыкину.

[2]) *Легенду о св. Феодорѣ* А. И., какъ извѣстно, значительно передѣлалъ и переиначалъ въ Вяткѣ. Далѣе послѣ слова *Легенду* слѣдуетъ пропускъ.

[3]) Боборыкинъ, братъ Александры Александровны Боборыкиной.

[4]) У И. А. Яковлева на Старой Конюшенной. Здѣсь въ 1830 году онъ прикупилъ рядомъ съ своимъ домомъ еще два дома: гр. Ростопчиной и Тучкова.

мой другъ, съ какимъ восхищеніемъ я ѣхала туда; тамъ все такъ громко говоритъ о тебѣ, и, притомъ же, я была увѣрена, что увижу маменьку; это бы было первое свиданіе съ тѣхъ поръ, какъ мы съ нею были у тебя.

Но нѣтъ! лучше бы не ѣздила,—слышала только ея голосъ, а не видалась [1]), и, уѣзжая, украдкою взглянула въ твою комнату... Неужели, неужели въ самомъ дѣлѣ вѣроятно, что разлука уменьшаетъ нашу привязанность и что время уноситъ даже самое воспоминаніе?—нѣтъ, это—мысль тѣхъ, которые никогда не любили, не имѣли друзей, я не вѣрю, не вѣрю этому; никогда я тебя столько не любила, какъ теперь, и можетъ ли быть, чтобы тотъ, кто далъ мнѣ узнать жизнь и счастье, сдѣлался, наконецъ, мнѣ чужимъ?!

Кажется, я писала тебѣ въ прошломъ письмѣ, что читаю *Les Croisades;* какая торжественная минута для Матильды, когда Малекъ-Адель сдѣлался христіаниномъ, и что за душа! Вотъ какъ ярко горитъ на ней (печать) божества, какая благодать; а ты, мой другъ, завидуешь чистотѣ *моей души*. Пока прощай, еще до свободной минуты.

Наташа.

7 часовъ утра.

27 октября 1835 г. Москва.

Другъ мой!

Вѣрую, вѣрую, что насъ съ тобою соединяетъ дружба, дружба самая высокая, которой нѣтъ примѣра [2]). На землѣ у меня нѣтъ существа драгоцѣннѣе тебя, я люблю тебя болѣе всѣхъ на свѣтѣ. Ежели это чувство болѣе, выше дружбы,—я не умѣю назвать его, но вѣрь ему. Никогда, никогда я не буду любить, никогда не позволю никакому чувству въ душѣ моей стать выше того чувства, которое я имѣю къ тебѣ. Мнѣ любить—значитъ найти существо выше, достойнѣе тебя, но *я* никогда его не найду. Въ душѣ моей одно чувство выше любви къ тебѣ — любовь къ Богу, но эти два чувства такъ тѣсны, такъ соединены между собою; безъ любви къ Богу я не могу любить тебя, безъ любви къ тебѣ не могу любить Бога. Ежели дружба не можетъ такъ сблизить два существа, ни подняться такъ высоко, пусть это будетъ чувство между *земною любовью и дружбой*. Когда я думаю не согласно съ тобою, я обманываюсь, а ты вѣришь ему?

---

[1]) Кн. Хованская не желала, чтобы Н. А. видалась и сближалась съ Луизой Ивановной.

[2]) Это отвѣтъ на письмо отъ 14 октября, гдѣ А. И. спрашивалъ: „Вѣришь ли ты, что чувство, которое ты имѣешь ко мнѣ, одна дружба?“ И т. д.

«Любить, не желая полнаго обладанія предметомъ любви своей»,—я понимаю тебя; кажется, понимаю; но почему ты все, писанное тобою, называешь безумнымъ—не понимаю.

Прежде ты пугалъ меня ужасною участью голубя, теперь—бездною, пропастью; не страшна мнѣ участь голубя, сладко мнѣ его страданіе, радостно погибну я съ моею ракетой, ежели ей суждена гибель [1]); не устрашусь бури на волнующемся морѣ страстей,—вѣдь, я буду плыть съ тобою, съ тобою, и съ кѣмъ же, съ кѣмъ мнѣ надежнѣе плаваніе, другъ мой, скажи мнѣ, съ кѣмъ? Кого, кого я должна любить на землѣ болѣе тебя, братъ мой, скажи, мнѣ, кого? Ни съ кѣмъ и никого! Да, ни съ кѣмъ и никого!...

Ужасенъ сонъ твой, еще ужаснѣе мысль твоя на яву: когда я не сестра тебѣ, когда мы чужіе... о, нѣтъ, нѣтъ, братъ мой, не отвергай сестры твоей, нѣтъ... но, вѣдь, это ты? Пусть такъ! Но въ душѣ отверженной ты будешь братомъ вѣчно, вѣчно!

29-е октября.

Третьяго дня я не могла писать болѣе; прочтя твое письмо, тотчасъ стала отвѣчать на него, но вдругъ такъ стѣснилось что-то въ груди, что-то сильно взволновало душу, и всю ночь я безпрестанно просыпалась, будто ты все будилъ меня. Кстати, я скажу тебѣ мой сонъ. На-днихъ видится мнѣ: съ одной стороны небо покрыто *черною тучей* такъ, что не различишь съ землею, съ другой—ясно и чисто, и на этомъ свѣтломъ небѣ сіяетъ *крестъ*, посреди (н)его полоса, будто онъ треснулъ. Какое несчастье еще предстоитъ мнѣ?... Я видѣла тебя заключеннымъ, испытала ужасную минуту разста(ва)нья и теперь въ разлукѣ, что же еще можетъ угрожать мнѣ? Вѣчная разлука? — я не боюсь ея, *тамъ* мы будемъ вмѣстѣ. И рѣшительно все, касающееся до одной меня, не страшитъ меня. Впрочемъ, я не вѣрю снамъ. Ты получилъ вѣсть отъ *него* [2]), слава Богу. А я все придумывала, не могу ли я какимъ-нибудь образомъ достать отъ него и прислать тебѣ, но все оставалась при своей мысли. И такъ, мы съ нимъ сроднились тобою; я не знала семьи, рано-рано оставили меня родные [3]), одинокая всю жизнь, всѣмъ чужая... въ тебѣ все мое родство. Другъ мой, напиши же къ Emilie, теперь ты знаешь, кому она отдала свое

---

1) А. И. называлъ себя ракетой, а ее голубемъ, участь котораго должна быть рашна рядомъ съ ракетой.

2) Отъ Н. П. Огарева.

3) Въ 1825 году, простудившись во время наводненія, умеръ ея отецъ въ Петербургѣ. Мать поѣхала съ нею и съ другими дѣтьми въ шацкое имѣніе Тамбовской губ. Но дорогою при проѣздѣ черезъ Москву, когда Н. А. было всего 7 лѣтъ, . Хованская взяла ее къ себѣ на воспитаніе.

сердце; они счастливы будутъ, я въ этомъ не сомнѣваюсь. Мнѣ жаль ее, она до сихъ поръ въ деревнѣ, ей, вѣрно, тамъ скучно, напиши къ ней, пожалуйста. Она меня поразила разъ своимъ замѣчаніемъ... но, прости мнѣ, я не напишу его тебѣ [1]).

Вечеръ того же числа.

Все спитъ вокругъ меня, одна я съ моею думой, съ моимъ Александромъ. Бывало, какую грусть наводило на меня мое положеніе: оно казалось мнѣ ужаснымъ, каждый часъ былъ отравленъ горькою мыслью, ничто не радовало меня вполнѣ, и грудь ребенка знала мученія одиночества, сиротства, самая молитва не давала душѣ больной лѣкарства, самая мысль о Богѣ была несовершенна, самая вѣра мертва, но явился ты... и я узнала теперь, что есть границы желаніямъ смертныхъ, что, будучи на землѣ, мы можемъ жить въ небѣ, узнала, что есть для человѣка состояніе, въ которомъ душа поетъ одни гимны благодарности.

Слава въ вышнихъ Богу!!!...

Прощай, въ моей комнатѣ страшный холодъ, я ужасно иззябла [2]). Жму руку на прощанье, руку моего брата, о, ради Бога—брата! Всѣхъ, кто только умѣетъ и какъ умѣетъ, буду просить снять свой силуэтъ и самый похожій пришлю тебѣ. Прощай еще разъ, мысленно обнимаю тебя.

Твоя сестра *Наташа*.

Я воображаю, что я въ Сибири, на моемъ окнѣ ледъ толще (ладони), только свѣтъ фонарный, перебѣгая по льдинкамъ и переливаясь разными цвѣтами, напоминаетъ Москву. Хочешь ли, я пришлю тебѣ прочесть одну изъ записокъ Саши [3]); вотъ ты увидишь, какъ она мила, будешь имѣть о ней какое-нибудь понятіе.

1835 г., ноября 12. Москва.

Каждый разъ, когда начинаю къ тебѣ писать, мой другъ, думаю, зачѣмъ мнѣ писать къ *тебѣ?* Всѣ мои мысли, всѣ чувства тебѣ извѣстны; сердце и душа моя раскрыты тебѣ, и ты, можетъ быть, знаешь меня лучше, нежели я сама, но не утерплю, мой другъ, и опять пишу тебѣ. Вѣрно, ты еще не получалъ моего письма — отвѣтъ на твое послѣднее? Я опять повторяю торжественно, въ душѣ моей нѣтъ чувства выше того, которое я имѣю къ тебѣ кромѣ любви къ Богу!...

---

[1]) Замѣчаніе касалось дружбы Н. А. къ А. И. Эм. Мих. видѣла здѣсь скорѣе любовь, чѣмъ дружбу, и разъ прямо это высказала. Н. А. оскорбилась, ей показалось, что въ такомъ взглядѣ есть что-то оскорбительное.

[2]) Н. А. жила у кн. Хованской наверху, въ мезонинѣ.

[3]) Должно быть, Саши Боборыкиной.

Другъ мой, Александръ! Ежели ты постигаешь, сколько я люблю тебя, ежели вѣришь, что *ты своею* дружбой далъ мнѣ познать прекрасное и высокое, заставилъ любить Творца, созданіе, жизнь и самоё себя... да, *ежели ты вѣришь мнѣ*, — я не требую отъ тебя болѣе.

Съ какою полною радостью, съ какимъ неизъяснимымъ восторгомъ смотрю я *теперь* на жизнь, какъ прекрасна и какъ полна жизнь *моя!*

Поздравляю тебя съ твоими именинами [1])! Я по-своему буду праздновать этотъ прекрасный день; грустно, что мы не вмѣстѣ. Я давно дошила для тебя мой подарокъ [2]), но все еще въ отдѣлкѣ у мастера, и очень жаль, что я не могу его прислать тебѣ теперь. Emilie пишетъ мнѣ, поздравляетъ меня съ *дорогимъ именинникомъ*, также и тебя, дорогой мой, поручила поздравить. Сама она не пишетъ тебѣ, потому что ждетъ отъ тебя письма, въ которомъ ты будешь писать объ N. [3]). Я и безъ того не очень здорова, и вчера получила отъ нея письмо и еще болѣе разстроилась,—она огорчена. N. ей не пишетъ давно очень, и она думаетъ, что уже разлюбилъ ее, измѣнилъ, и Богъ знаетъ что, но... ежели такъ въ самомъ дѣлѣ? О, нѣтъ, это ужасно! Вѣдь, ты знаешь его? Можетъ ли онъ такъ жестоко издѣваться надъ безталанною сиротой?...

Какъ ужасно провела ночь и какъ не хорошо себя чувствую,—спокойствіе и счастіе Emilie мнѣ дорого, очень дорого. Напиши ей, будемъ утѣшать ее, мой другъ; она вѣруетъ въ насъ обоихъ, въ нашей дружбѣ только можетъ найти отраду въ горести; мнѣ жаль ее, очень жаль; отдохнувши, стану ей писать.

Вѣришь ли, мой другъ, какъ мнѣ непріятно теперь, что многія меня *жалѣютъ*, находятъ жизнь мою, мое положеніе ужасными,—увѣряю всѣхъ, что я счастлива, что не желаю болѣе, и... не вѣрятъ!... Будь мое положеніе еще ужаснѣе, несноснѣе, одинъ лучъ *моего солнца* разгонитъ всѣ мрачныя тучи и въ душѣ моей, и въ небѣ. Прощай, мой другъ, не пишу болѣе, потому что...

Твоя сестра и другъ *Наташа*.

---

12 ноября 1835 г. (Вятка).

Natalie! Давно я не писалъ къ тебѣ; что дѣлать, давно не была душа моя чиста и свѣтла. Нѣтъ, моя теперешняя жизнь дурна; какъ я ни стараюсь стать выше всего этого, не могу. Ссылка ху-

---

[1]) Именины Александра Ивановича приходились 23 ноября.

[2]) Портфель, который она сама вышивала.

[3]) О Н. М. Сатинѣ.

же тюрьмы. Шумныя удовольствія, коими я иногда хочу убить время, оставляютъ пустоту, туманъ. И нѣтъ души созвучной... правда, есть здѣсь одно существо, которое понимаетъ меня, существо, наполненное поэзіи,—это та дама [1]), о которой я какъ-то разъ тебѣ писалъ, шутя, и это существо глубоко избито судьбою и, можетъ, несчастнѣе меня. 15 лѣтъ отдана она замужъ за развратнаго и сквернаго человѣка, и онъ доселѣ живъ и тиранъ ея. Неужели въ самомъ дѣлѣ на то только природа даетъ душу высокую, благородную, чтобы мучить ее? Нѣтъ, эти мученія выдумалъ самъ человѣкъ, некого винить.

Еще сосланный—Витбергъ [2]), мы живемъ вмѣстѣ,—человѣкъ колоссальный, художникъ въ душѣ и съ душою высокой. Это важное пріобрѣтеніе для меня. Человѣкъ, который когда-либо создалъ мысль высокую, который на исполненіе одной мысли посвятилъ всю жизнь, высокъ и еще выше, когда люди отняли возможность у него проявить свою мысль, когда обстоятельства гнетутъ его.

Тебя, я думаю, испугала или удивила моя прошлая записка, которую я окончилъ ужаснымъ вопросомъ о нашей дружбѣ [3]). Я съ трепетомъ запечаталъ ее. Но не бойся никакой истины. Объ этомъ предметѣ мнѣ нельзя было молчать, грудь моя слишкомъ тѣсна, чтобы хранить его молча. Но теперь ни слова болѣе до тѣхъ поръ, пока не получу отвѣтъ твой.

Ты оправдываешь меня въ моемъ поступкѣ, о которомъ я писалъ тебѣ. Нѣтъ, я не правъ, ибо ты не знаешь всѣхъ обстоятельствъ. Я былъ далекъ отъ обмана; но я видѣлъ, что *она* еще не удовлетворяетъ тому требованію, которое я дѣлаю существу, съ коимъ я могъ бы слить свою жизнь. Зачѣмъ же я увлекъ ее? Зачѣмъ не остановилъ, прежде нежели она, убѣжденная въ моей любви, сказала, что она любитъ меня? Что я увлекъ ее, это не мудрено, я знаю силу своего характера и вліяніе, которое могу имѣть. Зачѣмъ же я воспользовался этимъ, чтобы приковать ее къ себѣ?... И, можетъ, въ этомъ участвовало самолюбіе... Зачѣмъ ты, другъ мой, такъ чисто думаешь обо мнѣ? Ты придаешь мнѣ много своего. О, какъ бы я былъ счастливъ, ежели бы былъ то, что ты думаешь! Я краснѣлъ, читая твою записку. Нѣтъ, не отъ излишества

---

[1]) Прасковья Петровна Медвѣдева (г-жа Р. *Записокъ*).

[2]) Александръ Лаврентьевичъ Витбергъ, знаменитый художникъ, строитель Храма Спасителя на Воробьевыхъ горахъ при императорѣ Александрѣ I и сосланный въ Вятку при Николаѣ I.

[3]) *„Вѣришь ли ты, что чувство, которое ты имѣешь ко мнѣ, одна дружба? Вѣришь ли ты, что чувство, которое я имѣю къ тебѣ, одна дружба? Я не вѣрю“*

благородства обвинялъ я себя, а потому, что я виноватъ. Я много утратилъ души... Тебѣ неизвѣстно, что такое за слѣды, за морщины на сердцѣ оставляетъ развратъ. Увы!

Une mer y passerait, sans laver la tache,
Car l'abime est immense et la tache est au fond [1]).

О какой особѣ ты говоришь, которую заставлялъ мечтать взглядъ мой?... Я догадываюсь, но скажи мнѣ просто, *что за секреты?*

Ты хочешь, чтобъ я писалъ къ Emilie о любви ея, пожалуй, но это мудрено. Напиши ей, что я тебѣ пишу, что онъ [2]) самый благородный человѣкъ, что онъ поэтъ, что ежели она будетъ его жена, она будетъ счастлива, я ей ручаюсь; но онъ молодъ, я никогда не посовѣтую ему жениться, а, впрочемъ, у него душа не моя, онъ можетъ быть счастливъ въ тѣснотѣ семейнаго круга, а мнѣ, мнѣ нуженъ просторъ. Прощай мой другъ, мой ангелъ.

Александръ.

Москва, 18 ноября 1835 г.

Еще поздравляю тебя, мой другъ [3])! Воспоминаніе о тебѣ нераздѣльно съ моимъ существованіемъ, а на этотъ день я переселюсь къ тебѣ совершенно. Я счастливыми почитаю тѣ минуты, въ которыя мнѣ не мѣшаютъ быть съ тобою; ты такъ живо представляешься мнѣ, твои движенія, твои привычки,—все, все такъ ярко въ моей памяти, настоящее, дѣйствительное съ его горемъ и радостью исчезаетъ, я вся живу въ мечтѣ, мечта осуществляется, заслоняетъ собою грозныя 1,000 верстъ; дружба освѣщаетъ картину счастія, вѣра въ Провидѣніе льетъ въ душу какую-то небесную радость, благодать, и тутъ-то, въ эти минуты, небо мнѣ ближе, нежели земля!

Вотъ что, мой другъ, прежде ты писалъ мнѣ: «Нѣтъ, любить я не долженъ, это исковеркаетъ меня всего, это оврагъ, въ которомъ я погублю свою будущность, а моя будущность не мнѣ принадлежитъ...» Потомъ еще пишешь: «Я очень боюсь *этого чувства*, оно либо потухнетъ, либо сожжетъ меня». Прочитавъ это, я це болѣе склонилась передъ тобою, ты еще выше сталъ,—что а душа! До какой степени самоотверженіе! Съ твоимъ огненнымъ характеромъ, съ твоею пламенною душой отдать себя вовсе чело-

---

[1]) „Цѣлое море воды протечетъ—и не смоетъ пятна, потому что пропасть глубока, а пятно на днѣ ея".

[2]) Николай Михайловичъ Сатинъ.

[3]) Поздравленіе со днемъ именинъ.

вѣчеству, побѣдить страсти, заглушить голосъ любви, голосъ сердца!... Но въ послѣднемъ письмѣ твоемъ. «Любить, можно ли жить съ моею душой, съ моимъ бѣшенствомъ безъ любви,—любить—стало быть!» Александръ! когда ты забылъ, что ты уже не свой,—я напомню тебѣ, что ты не долженъ поколебать твердѣйшаго столпа, Христа человѣчества [1]). Сначала я читала твое письмо спокойно, и теперь мнѣ страшно за тебя,—нѣтъ, погоди любить, мой Александръ, докончи, докончи начатое тобою. Я въ радости, жду къ Николину дню Emilie; давно мы съ ней разстались, и переписка была затруднительна; душа моя переполнена, надо отлить въ чью-нибудь душу, а здѣсь меня никто такъ не знаетъ, какъ она, можетъ быть, никто такъ и не любитъ, какъ она, а ей, я знаю, теперь я нужна необходимо, въ ея сердцѣ столько любви, столько страданія, и кому ближе она къ сердцу, какъ не мнѣ? Правда, у нея есть родныя сестры, но я ей ближе ихъ. Такъ судьба меня сроднила съ ней, она дѣлитъ со мной свое горе, я дѣлю съ ней мое счастье и оттого счастливѣе вдвое. Повѣришь ли ты, мой другъ, кому *доступна* моя душа, тѣ завидуютъ мнѣ; да, завидуютъ... скажи, не бьется ли радостно твое сердце?...

20-е, середа.

Такой маленькій листокъ я пишу столько дней. Что дѣлать? Вотъ жизнь, которой завидуютъ!... И каково же, другъ мой, не дописавъ, должна оставить перо! Что дѣлать? Прощай, Господь съ тобою!

Твоя *Наташа.*

1835 г., ноября 24. Москва.

Полно же, другъ мой, унывать, полно, какъ бы ни дурна была твоя жизнь, какъ бы она ни была мрачна и холодна, Онъ указалъ тебѣ *этотъ путь*. Грустно мнѣ, больно видѣть страданія души *твоей!* Ужасна должна быть жизнь, могущая поколебать *тебя*, но и *я* не отчаяваюсь, вѣдь, *все* и *все твое* въ Его рукахъ.

«Буди, Господи, милость Твоя на насъ, *якоже уповахомъ на Тя!*» Не будемъ роптать на нашу участь, она—отъ Него, да будетъ съ нами Его воля! Впрочемъ, тебѣ не нужны утѣшенія мои: Тотъ, Кто посылаетъ тебѣ испытанія, да пошлетъ и твердость сносить ихъ безъ роптанія. Вѣдь, и ты человѣкъ, надо же отдать дань его слабост

Твои именины, мой другъ, я ходила къ обѣдни. Никогда я так не молилась; я шла молиться за тебя! Кажется, небо отворилос мнѣ, кажется, я видѣла самого Бога, такъ я была къ Нему (бли

[1]) Т.-е. что онъ долженъ отдать себя на служеніе человѣчеству, а не отдавать личной жизни.

ка) во время молитвы. И весь день была у тебя въ гостяхъ и весь день было легко и радостно, какъ будто разстоянія не существовало между нами. Какъ же лучше было провести мнѣ *этотъ день?*...

25-е, понедѣльникъ.

Нѣтъ, мой другъ, твой вопросъ [1]) не испугалъ меня, и что же страшнаго въ немъ? Ты хотѣлъ знать, до какой степени я люблю тебя, но я никогда не буду умѣть выразить вполнѣ свою душу, ты безъ словъ поймешь меня; долго бы, много бы нужно было говорить, чтобы дать нѣкоторое понятіе о томъ, что я чувствую, но для чего это? Другимъ какое дѣло, да и я не подѣлюсь ни съ кѣмъ; кто *знаетъ* меня, тотъ и пойметъ, ежели хочетъ, мою душу, а ты, ты понялъ меня въ Крутицахъ, когда я молчала? Другъ мой! Вѣрь же, что я не боюсь тебя, что слова твои не пугаютъ меня. «Это самое благородное, самое святое чувство, Наташа»,—сказалъ ты мнѣ разъ, и я сама знаю это, чувствую, какъ оно свято, какъ чисто, какъ ведетъ къ прекрасному, къ добродѣтели... Этому-то чувству я посвятила мое сердце, мою душу, ему-то посвящу всю жизнь, все существованіе. Я поставила дружбу выше любви; да, мой Александръ, дружба въ душѣ моей выше, выше любви! Я никого никогда не буду, не могу любить. Единственная цѣль дѣвушки, какъ думаютъ многіе, а, можетъ быть, и всѣ,—выдти замужъ,—да, только выдти замужъ, то-есть пристроиться, нажить свой домъ, свое хозяйство, свою волю. Особенно это мнѣніе простирается на тѣхъ, которыя съ дѣтства угнетены судьбою, лишены средствъ жить въ довольствѣ, которымъ одна надежда на улучшеніе жизни—замужство. Но я никогда не допущу этого,—нѣтъ, это вовсе не справедливо. Я знаю многихъ угнетенныхъ судьбою, но души ихъ слишкомъ благородны, чтобъ искать человѣка, могущаго только единственно облегчить ихъ бѣдность. Какъ моя участь ни казалась мнѣ прежде ужасною, мысль эта не касалась меня, я даже не вѣрила, чтобъ она существовала. Найти существо, въ которомъ бы все носило печать Создателя, печать яркую, не стертую землею, душу, достойную вполнѣ быть храмомъ Божества,—однимъ словомъ, существо, которому бы я не видала подобныхъ, вотъ единственное желаніе, которое я имѣла съ 14 лѣтъ. Тогда я еще не понимала тебя вполнѣ; зная тебя только *урывками, предугадывала* существованіе моего идеала въ тебѣ,— и не ошиблась... О, Богъ знаетъ, что

[1]) Вопросъ о томъ, одну ли дружбу она чувствуетъ къ нему.

было бы со мною, ежели бы ошиблась!... Найдя *это существо*, у меня осталось въ груди еще желаніе достигнуть его дружбы, и когда ты мнѣ протянулъ руку, другъ мой, ты далъ мнѣ болѣе, нежели жизнь. Найдя въ тебѣ все, что̀ я желала, болѣе, нежели что смѣла желать, я отдалась тебѣ душою и могу-ль дѣлиться ею съ кѣмъ? Нѣтъ, слишкомъ глубоко пустила корни свои дружба во всемъ существѣ моемъ; одну ее я буду лелѣять, ею только буду любоваться, садъ души моей только ея цвѣтами буду украшать, ничья рука не коснется сорвать мой любимый цвѣтокъ; любовь къ Богу, какъ роса, какъ лучъ солнца, дастъ жизнь моимъ цвѣтамъ.

(Вятка) 25 ноября.

Ну, слава Богу, я получилъ отвѣтъ на безумное письмо мое; твоя душа такъ высока и чиста, что она *его не поняла вполнѣ*. Нѣтъ, нѣтъ, вѣрь мнѣ, это былъ бѣшеный порывъ, болѣе ничего, это было изступленіе дружбы. И мудрено ли? Отдаленный отъ всѣхъ друзей, одинъ голосъ вызывалъ меня изъ тяжелаго усыпленія, и этотъ голосъ былъ не мужской, а чистый голосъ, святой голосъ дѣвы, и эта дѣва—ты, да, твои записки всегда пробуждали меня. Отъ этого чувство дружбы и благодарности все усиливалось болѣе и болѣе и, наконецъ, вырвалось судорожно. Почему называю я безумнымъ то письмо, спрашиваешь ты?—потому, что въ немъ затемнено чувство дружбы другимъ чувствомъ, да, тогда, когда я писалъ это, я былъ не братъ тебѣ, но твоя записка все исправила; ты подобна той дѣвѣ изъ чужбины, о которой мечтаетъ Шиллеръ [1]), которая своимъ достоинствомъ, своею высотой оттолкнула все земное.

Ты приказывала мнѣ писать къ Emilie о ея любви, исполню это, но именно какъ приказъ, не по своей волѣ. Я съ ней не такъ близокъ, чтобъ писать о подобныхъ предметахъ. Да и о чемъ тутъ совѣтовать? *Онъ любитъ*, *она любитъ*, все дѣло въ шляпѣ. Будутъ ли они счастливы? Разумѣется, онъ благороденъ, имѣетъ много поэзіи и мало характера. Впрочемъ, рано ему жениться. И потому, прежде нежели я напишу рѣшительно, уговори ее, чтобъ она написала мнѣ хоть строчку объ этомъ, я тогда буду въ правѣ. Не сердись, что я мало пишу, ужасно усталъ и что-то не способенъ ни къ чему, а потому прощай, *сестра моя*.

Твой братъ *Александръ*.

Отдери остальную часть и пошли Emilie.

---

[1]) Стихотвореніе Шиллера: *Das Mädchen aus der Fremde — Дѣва изъ чужбины*.

26 ноября 1835 г. Москва.

Другъ мой, со мною было ужасное вчера вечеромъ; ужасное, говорю я, потому что не ужасно ли благородному сердцу огорчить того, кому обязанъ? Ты знаешь, что дѣлалъ для меня Егоръ Ив., я имѣла самыя сильныя доказательства его дружбы, всегда была ему признательна и любила его искренно съ дѣтства; когда стала болѣе понимать, цѣнила еще болѣе его одолженія и всегда готова была сдѣлать все для него, что бы могло ему принести удовольствіе.

Но любила съ такою довѣренностью, такъ дѣтски... хотя иногда и замѣчала, что онъ любитъ меня болѣе, нежели бы я желала, но пропускала это такъ, безъ вниманія, даже не хотѣла замѣчать. Иногда онъ меня спрашивалъ, поѣхала ли бы я съ нимъ въ Петрозаводскъ, въ Сибирь,—я всегда обращала это въ шутку, смѣялась и говорила, что, какъ ни люблю его, а не рѣшусь съ нимъ ѣхать никуда, потомъ спрашивалъ, пошла ли бы я за него,—опять я смѣялась и показывала, будто принимаю за шутку. Всегда избѣгала случаевъ оставаться съ нимъ одна, но никакъ не давала ему замѣтить этого, чтобы не огорчить его недовѣрчивостью; вчера мы остались одни за фортепіано (я привыкла къ его ласкамъ), онъ называлъ меня самыми нѣжными именами, вдругъ глаза наполнились слезами, онъ задрожалъ,—ужь и тутъ я испугалась ужасно,—съ необыкновеннымъ чувствомъ спросилъ меня, люблю ли я его столько, чтобъ выдти за него? Другъ мой, ты знаешь меня, можешь вообразить, каково мнѣ это было... «Поражайте иль дайте жизнь!»—прибавилъ онъ, съ трудомъ произнося слова. Въ то время, какъ слышала я это признаніе любви, сердце мое было такъ далеко, такъ далеко отъ того, кто произносилъ его! Мнѣ жаль его было, ужасъ, какъ жаль, но что же было дѣлать? Обыкновенно въ этихъ случаяхъ у меня рождается необыкновенная твердость. Сердце мое не смущалось, когда я отвѣчала холодно князю Обол. [1]),—посторонній, не заслуживающій вовсе моего вниманія человѣкъ (такіе люди мнѣ всегда надоѣдаютъ),—а тутъ родство, привычка, одолженія, притомъ же, я привыкла его любить,—мнѣ жаль его было, я не могла вдругъ огорчить его, я молчала. «Что-жь, вы не рѣшаетесь дать мнѣ жизнь и сдѣлать ее счастливою на вѣкъ?»—«Я любила съ всегда, какъ *брата*, люблю, и...» Онъ не далъ мнѣ договорить: «Какъ брата, не болѣе?»—«Нѣтъ!»—сказала я твердо, не могболѣе сносить его вида и ушла. Ужасно, мой другъ, ужасно, ей-

---

[1]) Князю Сергѣю Оболенскому, который ѣзжалъ въ домъ княгини Хованской и торый женился потомъ на Бочкаревой.

Богу! Тебѣ невѣроятно это? О, я сама не вѣрю, все это будто сонъ,— и безъ того несчастливъ онъ [1]), а тутъ еще я довершаю его несчастіе! Но что же мнѣ дѣлать? Это сверхъ моихъ силъ, я готова для него сдѣлать многое, но ужь это не въ моей власти! Не могу вообразить, что я опять его буду видѣть такъ часто,—это мое мученіе! Сначала онъ дѣлалъ всѣ доказательства, почему я должна непремѣнно выдти замужъ, представлялъ мое положеніе теперешнее и будущее, — что предстоитъ мнѣ впередъ(и). Безъ пріюта, безъ покрова... О, все это правда, я сама слишкомъ ясно вижу всѣ обстоятельства, но меня они нисколько не устрашаютъ: монастырь, дальняя пустынь—развѣ не есть убѣжище безпріютной сиротѣ? Скорѣй туда, нежели (дать) поработить себя той жизни, на которую я и теперь смотрю съ отвращеніемъ, назвать мужемъ человѣка, къ которому не имѣешь ни малѣйшей любви! Назвать только — и то ужасно, а посвятить ему жизнь, еще болѣе—сердце, душу!... О, другъ мой, милый другъ, нѣтъ, пусть лучше вѣтеръ носитъ меня по степямъ, какъ перекати-поле, безъ пріюта, безъ покрова, авось донесетъ до родной (Вятки)!

Не пиши ему объ этомъ.

Съ этимъ письмомъ, я думаю, ты получишь портфель моей работы; онъ подаренъ тебѣ въ день твоихъ именинъ, но не былъ готовъ; прими его, какъ самое малѣйшее доказательство безграничной любви моей къ тебѣ и дружбы. Каждая шелковинка въ этой работѣ унизана моими мыслями, изъ коихъ нѣтъ ни одной, въ которой бы ты не былъ первый предметъ ихъ.

Ты все винишь себя... ежели ты виноватъ въ самомъ дѣлѣ, не довольно ли твоего раскаянія? Это еще сильнѣйшее доказательство благородства твоей души. Нѣтъ, мой другъ, какъ ты ни хочешь умалить себя, для меня ты будешь все также высокъ, также прекраснъ; мнѣ кажется, я родилась съ этою мыслью, съ нею пойду и въ вѣчность. Небо предназначило тебѣ быть моею звѣздой, зачѣмъ же ты хочешь затмиться, моя звѣзда? Гори, гори, играй ярче, съ тобою розыграется и сердце мое!...

Отчего ты съ трепетомъ (писалъ) твое письмо, гдѣ спрашивалъ о дружбѣ? Оттого, что ты мало вѣруешь въ твою сестру ты боялся за меня, не правда ли, мой другъ?

---

[1]) „Съ 12 до 30 лѣтъ Егоръ Ивановичъ провелъ подъ ножомъ хирурга". Отец... его не любилъ. Все въ жизни складывалось для него несчастливо. Онъ даже жизнь кончилъ чуть не нищимъ: жилъ въ такой бѣдности, что если бы не помощь добрых людей—старшей дочери А. И., Натальи (Таши) Александровны, которая ему помогала, ему бы пришлось голодать и холодать.

Нѣтъ, мой Александръ, не такъ мало вѣры въ тебя имѣетъ твоя Наташа, — оно навело на меня небольшое замѣшательство оттого, (что) я знала, что ты не спокоенъ. Не бойся меня, я замолчу, я исчезну, ежели это нужно будетъ для тебя. Ты хочешь знать, о комъ я говорила тебѣ, — не любопытство ли, не самолюбіе ли это? Я не могу сказать этого. Конечно, тебѣ все равно!

Къ Эмиліи писала въ тотъ же день, какъ получила отъ тебя.

Прощай, мой другъ, сегодня у насъ всенощная; съ нѣкоторыхъ поръ я люблю даже и эту службу. Непріятное и лѣнивое пѣніе дьячка я не слушаю, оно деретъ уши; душа поетъ свои гимны, но я люблю часы молитвъ, тутъ каждый болѣе или менѣе сближается съ божествомъ, я чувствую необыкновенную отраду послѣ молитвы. Бываешь ли ты у обѣдни? Прощай, Александръ, прощай, мой другъ, обнимаю тебя.

Наташа твоя.

А знаешь ли, какой у насъ былъ пиръ-горой въ твои именины? Всѣхъ, кого можно было, я поила за твое здоровье, и Костенька [1]) проплясала цѣлый вечеръ.

Прощай.

2 декабря 1835 г. Москва.

Какъ я счастлива сегодня, мой другъ! Знаешь ли? У меня была маменька [2]). Воспоминаніе этого дня не только не изгладится въ душѣ моей, (но) даже и на рукѣ: она подарила мнѣ кольцо, которое никогда не оставитъ ея. Ты по(нимаешь) мою радость,—это было первое свиданіе послѣ того, какъ мы разстались съ ней въ слезахъ, съ растерзаннымъ сердцемъ, съ душою, полною горькой разлуки. Въ этомъ свиданіи много неизъяснимаго. Теперь нѣтъ этой живой боли роковой минуты прощанія, которая терзала тогда мою душу; но разлука все еще длится, и сердце, полное надежды, съ трепетомъ считаетъ каждое кольцо этой длинной цѣпи,—много ли еще? Неизвѣстно... и нѣмая боль давитъ, тѣснитъ, а тутъ, возлѣ, нѣтъ души, могущей раздѣлить эту боль, нѣтъ сердца, въ которомъ бы отдалось эхо біенія моего! Увидѣвшись съ маменькой, я чувствовала созвучіе во всемъ. Моя любовь къ тебѣ, надежда, грусть, воспоминанія,—все слышало звонкій отголосокъ въ душѣ твоей родной,—я не была тогда отдѣльною частью ея, мы были одно; этотъ часъ пролетѣлъ для меня однимъ мгновеніемъ и оставилъ въ душѣ

---

[1]) Наталья Константиновна—няня, которую прозвали Костенькой и которая очень любила Наталью Александровну и Александра Ивановича.

[2]) Луиза Ивановна.

черту на всю жизнь. И такъ, съ тобою есть люди съ душою,—зачѣмъ же ссылка представляется тебѣ такъ грозною? Боже мой, чего бы я ни отдала за то, чтобы видѣть тебя... но что же отдать мнѣ? У меня ничего нѣтъ, кромѣ тебя!

3-е, вторникъ. Полночь.

Сегодня вечеромъ получила я твое письмо. Другъ мой, это уже второе, гдѣ замѣтна въ тебѣ разсѣянность, или ты смущенъ, или занятъ?

Я знала, что твое письмо испугало тебя больше, нежели меня. Успокойся, другъ мой Александръ, оно не перемѣнило во мнѣ рѣшительно ничего, оно не могло заставить меня любить тебя ни больше, ни меньше. Не страшись, ради Бога, не страшись за меня,—путь мой не туда, куда стремятся люди бурнымъ потокомъ, и ведетъ меня по немъ не рука человѣка; только едва достигаетъ до моего слуха шумъ этого страшно-волнующагося моря, куда впадаетъ бурный потокъ, но и его заглушаетъ твой голосъ. Повторяю, не бойся, въ существѣ моемъ нѣтъ меня, *я* исчезла, въ немъ живетъ лишь *онъ* и *ты*. Это не пугаетъ тебя, вѣдь, (я) сестра твоя. Я посвящаю все въ мірѣ—дружбѣ, никакое другое чувство не владѣло такъ сильно моею душой («а любовь къ Алекс. Сер.?»[1])—скажешь ты. Другъ мой, я еще тогда почти не вышла изъ ребячества, да это и не *любовь* была, и не довольно ли было одного твоего слова, чтобъ изгнать его совершенно изъ мысли?). Я поставлю его выше всѣхъ чувствъ на свѣтѣ послѣ любви къ Богу; пусть ему созидаютъ храмъ чистые сердцемъ, пусть несчастные открываютъ въ немъ полное небо блаженства, пусть толпа поклоняется ему!

Другъ мой! отчего же ты такъ разсѣянъ, отчего такъ грустенъ? Но нѣтъ, болѣе ни слова. Мнѣ самой что-то стало грустно, что-то стѣснило сердце. Прощай!

Твоя *Наташа*.

Emilie сама скоро будетъ въ Москвѣ; я отдамъ ей твое письмо. *Благодарю!*...

Давно уже 3-й часъ, а я не могу заснуть. Окончивъ письмо мое, я взяла ящикъ съ твоими письмами; на одномъ изъ нихъ ясныя, крупныя слезы,—это послѣднее письмо твое ко мнѣ въ Москвѣ [2]),—о, ужасное время! Когда я получила его, мнѣ тяжелѣе было, нежели когда я уѣзжала съ Крутицъ.

---

[1]) Должно быть, Александръ Сергѣевичъ Бирюковъ, молодой человѣкъ, служившій въ министерствѣ юстиціи. О немъ еще будетъ упоминаться впереди.

[2]) Послѣднее письмо отъ А. И. къ Н. А. 10 апрѣля 1835 года, въ день его отъѣзда въ Пермь.

Вѣришь ли, что я провожу по нѣскольку часовъ въ какомъ-то забвеніи настоящаго и живу совершенно этимъ днемъ? Это счастливѣйшій день въ моей жизни... и ужасный день! Я перечитывала многія изъ твоихъ писемъ,—нѣтъ, все грустно, пишу къ *тебѣ*, все грустно,—есть утѣшеніе выше, прощай, обращаюсь къ Нему!

4-е. Потому я тебя такъ просила написать къ Emilie, что она желала этого и дожидалась отъ тебя хоть одно(го) слов(а), чтобы написать самой. Вчера, простившись съ тобою, я заснула,—Онъ послалъ мнѣ утѣшеніе во снѣ — я видѣла тебя. А развѣ не существуетъ средняго чувства между любовью и дружбой?

Вятка, 5 декабря 1835 г.

C'est bien plus que la terre et le ciel—c'est l'amour [1]).

Другъ мой Наташа! Твоя записка отъ 18 ноября упрекаетъ меня въ недостаткѣ самоотверженія, въ томъ, что я противорѣчилъ себѣ. Помнишь ли ты, сколько разъ я твердилъ тебѣ, что ты слишкомъ поэтически поняла мой характеръ, сальный лучъ свѣчи блеститъ отраженный въ брилліантѣ. Твоя душа еще такъ свѣжа и такъ небесна, что она отразила въ себѣ одно свѣтлое души моей, и этотъ свѣтъ есть свѣтъ земнаго огня, (много) яркости, но дымъ, но копоть, но мракъ съ нимъ неразрывенъ. Вспомнимъ сначала жизнь мою. Чрезвычайно пламенный характеръ и дѣятельность были у меня соединены съ чувствительностью. Первый ударъ, нанесенный мнѣ людьми [2]), былъ смертный ударъ чувствительности, на могилѣ ея родилась эта жгучая иронія, которая болѣе бѣситъ, нежели смѣшитъ. Я думалъ затушить всѣ чувства этимъ смѣхомъ, но чувства взяли свое и выразились любовью къ идеѣ, къ высокой мысли, къ славѣ. Но еще душа моя не совсѣмъ была искушена. Развратъ, не совсѣмъ порочный,—порочнымъ я бывалъ рѣдко,—но развратъ, какой бы ни былъ, истощаетъ душу, оставляетъ крупинки яда, которыя всѣ будутъ дѣйствовать.

Une mer y passerait, sans laver la tache.

Car l'abime est immense et la tache (est) au fond.

Я сказалъ: «не совсѣмъ пороченъ», это только потому, что я былъ холоденъ въ порокахъ. Хладнокровіе, изысканность—вотъ знаки порока. Это были увлеченія, бѣшенство—тѣмъ хуже; годушѣ, увлекающейся низкимъ! Ядъ былъ принятъ, но *судьба*

---

[1]) „Это много больше земли и неба, это—любовь!"

[2]) Это когда онъ въ первый разъ узналъ, что его мать не жена его отца и онъ—законный сынъ.

готовила уже противоядіе, и это противоядіе—тюрьма. Прелестное время для души! Тамъ я былъ высокъ и благороденъ, тамъ я былъ поэтъ, великій человѣкъ. Какъ презиралъ я утѣшенія, какъ твердо переносилъ все и какъ твердо выдержалъ искушенія [1])!... Это лучшая эпоха моей жизни; она была горька для моихъ родителей, для моихъ друзей, но я былъ счастливъ. За тюрьмою слѣдовала ссылка. Слушай исповѣдь до конца, я съ тобой говорю все, открываю все. Въ Перми я не успѣлъ оглядѣться, но здѣсь, пришедши въ обыкновенную жизнь, окруженный мелочами смѣшными и подлыми, притѣсненіями маленькими, душа моя упала съ высоты и вмѣстѣ съ потребностью faire-niente [2])... чувственныя наслажденія и опять развратъ, слѣдственно. Такъ провелъ я нѣсколько мѣсяцевъ—это ужасно! Иногда, получая твою записку, кровь вспыхивала, я стыдился себя, грызъ губы, смотрѣлъ въ щель на тотъ міръ свѣта, откуда упалъ, и—божусь тебѣ—не имѣлъ силъ подняться. Одинъ твой голосъ будилъ меня, онъ одинъ выходилъ изъ того міра, гдѣ цвѣла моя душа, и я любилъ тебя все болѣе и болѣе, и минуты прощанія нашего ежедневно бродили, какъ сновидѣніе, въ моей головѣ. Я не занимался и теперь ничего не дѣлаю, ибо занятія по службѣ отнимаютъ бездну времени [3]), я привыкалъ къ вздорной жизни гостиныхъ (и провинціальныхъ); скажу прямо, мнѣ нравилось играть первую роль въ обществѣ, забывая, что это общество въ Вяткѣ. Наконецъ, душа устала, утомилась; она до того падала, что захотѣла воспрянуть оттого, что увидѣла всю пустоту, ужасную пустоту, наполненную смрадомъ, больнымъ дыханіемъ поддѣльныхъ страстей. Тогда сквозь всего этого тумана блеснула молнія и при ея свѣтѣ исчезъ туманъ, день еще не насталъ, но туманъ очистился. И это огненное слово было—любовь. Сначала я хотѣлъ оттолкнуть эту мысль или это пророческое чувство, я боялся его, и тогда-то я писалъ, что не *долженъ любить, что боюсь этого чувства*. Но голосъ въ груди былъ слишкомъ силенъ. Опостылѣли мнѣ эти объятія, которыя сегодня обнимаютъ одного, а завтра другого, гадокъ сталъ поцѣлуй губъ, которыя еще не простыли отъ вчерашнихъ поцѣлуевъ. Мнѣ понадобилась душа, а не тѣло. Мысль любви высочайшая, отстраняющая все нечистое мысль святая, любовь — это все, ибо самая идея христіанства есть любовь, самое христіанство—любовь.

---

[1]) Выпущено слово.

[2]) Далѣе не разобрано слово.

[3]) Съ 9 утра до 2 онъ просиживалъ въ канцеляріи губернатора, а также и по вечерамъ ежедневно съ 5 до 8 ч.

Ты говоришь: «докончи начатое тобою». Нѣтъ, я не совсѣмъ погибъ, я не отчаяваюсь въ будущемъ.

Прощай, отдохну.

12 декабря.

Маменька пишетъ, что ты посылаешь твой портретъ; жду его съ нетерпѣніемъ; я люблю тебя, люблю твои черты, пусть еще чаще напоминаютъ онѣ мнѣ мою Natalie. Прощай. Сегодня у меня болитъ голова, пустота вездѣ—и въ душѣ, и въ сердцѣ, и не хочется думать, и не хочется курить сигару.

Прощай, кланяйся Emilie.

Твой братъ *Александръ*.

Полночь. 16-е декаб. 1835 г. Москва.

Съ тѣхъ поръ, какъ я писала къ тебѣ въ послѣдній разъ, грусть тѣснила мое сердце, душа моя страдала среди этой пустыни, гдѣ ни травки, ни малѣйшаго звука. Провидѣніе поселило ее на ней для того, чтобы она полнѣе постигла *тотъ край*, гдѣ обитаетъ жизнь, небо, Богъ. Я возношусь въ тотъ край, когда душа моя чиста, когда говоритъ о небѣ, зоветъ небо, рвется къ небу. О, какъ дивенъ этотъ край! Тамъ я обнимаю съ любовью и того, при комъ леденѣю въ пустынѣ [1]), тамъ все существо мое—одна любовь, тамъ... о, вообрази, каково я люблю *тебя тамъ!* Ты не раздѣленъ съ божествомъ, другъ мой, дивное созданіе Бога, достойное созданіе Творца! Александръ, пусть мы розно на землѣ, пусть, но небо насъ соединитъ. Я чувствую въ душѣ моей канунъ небеснаго праздника. Кругомъ меня ледяныя горы, одинъ лучъ души моей растае(вае)тъ ихъ. Кругомъ меня пусто, одна мысль о тебѣ окружитъ меня ангелами. Ко мнѣ нѣтъ воззванія,—твое слово, одно слово—для меня пѣснь вселенной! Братъ мой, жизнь моя, и ты такъ далекъ!

Я бы превратилась въ одно изъ тѣхъ бездушныхъ, жалкихъ созданій, которыя, можетъ быть, могутъ находиться близко тебя, приняла бы безобразную, отвратительную наружность, но чтобы посмотрѣть только на тебя издали. Ты правъ, правъ, разлука ужасна, я не могу болѣе сносить ее съ такою твердостью. Addio. 1 часъ пробилъ, всѣ покоятся крѣпкимъ сномъ; вотъ часы молитвы, вотъ мгновенія души. Съ тѣмъ взяла перо, чтобы написать, что вчера видѣла Emilie, но до завтра.

---

[1]) Княгиню М. А. Хованскую или Марью Степановну Макашеву, компаньонку Агини.

17-е, вторникъ.

Отдала Emilie твое письмо; она хотѣла отвѣчать. Николай ея не пишетъ къ ней. Боже мой, зачѣмъ я счастливѣе тѣхъ, кто милы моему сердцу? Она погибнетъ, ежели онъ измѣнитъ ей; ахъ, люди, люди!... [1]). Какъ много прекраснаго, святого губятъ ваши холодныя, черствыя сердца! Какъ много чувствъ гаснетъ отъ вашего дыханія! Эти примѣры ужасаютъ меня,—но чего бояться мнѣ?... О, если бы можно, я искупила бы своими страданіями (страданія) друзей моихъ, я бы отдала имъ свое счастье, свою жизнь; но пусть такъ, пусть они выпиваютъ до дна горькую чашу. Блаженство неба замѣнитъ земное! Вѣра, она не оставляетъ меня, съ нею я смотрю съ твердостью на несчастіе ближнихъ. Всѣ, кого я люблю, болѣе или менѣе поражены ударами судьбы; или несчастія выводятъ душу изъ мрака, или даютъ ей [2]) полетъ на небо. Ужасны слѣды ударовъ, сердце обливается кровью видѣть глубокія раны, слышать стоны страждущаго, но играетъ радостью, когда въ этихъ стонахъ звучитъ ясный, чистый голосъ неба; онъ примиряетъ страдальца съ землею, съ бѣдствіями, поетъ ему пѣснь о вѣчности и подъ эту пѣсню утихаетъ бурное море и страстей, и мученій. Какъ прекрасенъ человѣкъ въ несчастіи съ чистою вѣрой въ Провидѣніе! Тутъ онъ есть таковъ, какимъ его создалъ Богъ, тутъ онъ отдаетъ людямъ все, что они послали въ него, очищаетъ душу отъ всего, что они навѣяли на нее. Почему не пройти одно(му) мгновені(ю) мрака, когда тысячи солнцевъ свѣтятъ на насъ въ вѣчности? Почему не прожить нѣсколько лѣтъ въ разлукѣ на землѣ, когда будешь вѣчно вмѣстѣ на небѣ?

Придетъ лѣто, я пойду въ Кіевъ, оттуда къ тебѣ. Это у меня изъ головы не выходитъ, но какъ устроить? (какой вздоръ!—скажешь ты).

21-е, суббота, 2 часа пополуночи.

Восторгъ! Сейчасъ отъ тебя письмо. Я скоро устаю ждать отъ тебя писемъ, дѣлаюсь больна душою, тоскую, скучаю, и жизнь становится несносна. Утромъ я узнала, что пріѣхалъ Эрнъ [3]); нѣсколько часовъ показались мнѣ цѣлымъ годомъ, я была внѣ себя отъ нетерпѣнія, наконецъ, слава Богу!... Другъ мой! ей-Богу, ты уже слишкомъ много придаешь мнѣ и слишкомъ отнимаешь у себя; ну, ежели я въ самомъ дѣлѣ такая, какъ ты говоришь,—какъ же я

[1]) Пропускъ.

[2]) Далѣе не разобрано слово.

[3]) Гавріилъ Каспаровичъ Эрнъ, молодой чиновникъ, служившій у вятскаго губернатора, который боготворилъ А. П.

должна смотрѣть на того, кто меня сдѣлалъ такою, кто всю жизнь мою былъ единственнымъ свѣтиломъ, единственнымъ спасителемъ? Не будь тебя, и я на вѣкъ, на вѣкъ осталась бы ничтожною, погибла бы во мракѣ; ежели бы не твой, чей бы голосъ вызвалъ меня изъ этого ничтожества, изъ этого мрака? Да и если не тебѣ, кому быть моимъ ангеломъ-спасителемъ? Ты мнѣ посланъ Богомъ, ты провидѣніе Его, Александръ, другъ мой, спаситель мой! Нѣтъ, ты не лучъ сальной свѣчи, а солнце, и это солнце свѣтитъ, играетъ и смотрится въ душѣ моей, какъ въ чистыхъ водахъ ручья; о, посмотри въ этотъ ручей, какъ прекрасенъ, какъ дивенъ ты въ струяхъ его! И этому солнцу нѣтъ заката, ручей не знаетъ ночи, не знакомъ ни съ луною, ни со звѣздами, онъ любитъ одно солнце, видитъ одно солнце и спокойно катитъ свѣтлыя воды, гдѣ отражается одно солнце. Любовь... я не знаю ея, я не могу любить, душа полна однимъ тобою, нѣтъ мѣста въ ней другому существу, другому чувству, кромѣ любви къ нему, дружбы къ тебѣ. Я не думала упрекать тебя, а только хотѣла напомнить тебѣ, чтобъ ты *не отнималъ чужаго*. Да что же такое любовь? Неужели это выше того, какъ я люблю тебя, неужели идеалъ любви можетъ быть прекраснѣе тебя, неужели у меня остается еще мысль, которая не посвящена тебѣ, неужели я могу любить болѣе?... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Хоть ежели суждено судьбою мнѣ всю жизнь быть такъ далеко отъ тебя,—душа моя вознесется на небо съ тѣмъ чувствомъ, которымъ полна теперь; ее не могутъ поколебать ни разстояніе, ни время, ни обстоятельства. Можетъ, и оттуда донесется къ тебѣ пѣснь ея,—пѣснь, которою она воспоетъ тебя на небѣ. Но полно, неужели ты не любишь меня столько, чтобы вѣрить мнѣ, и неужели этого мало тебѣ? Пусть твоя душа дочитаетъ въ душѣ моей то, чего я не умѣю вылить на бумагу.

Ты хочешь сказать, мой другъ, что я ослѣплена, что я пристрастна къ тебѣ, потому вижу въ тебѣ одно хорошее,—нѣтъ, мнѣ кажется, я вижу тебя такъ, какъ ты есть, и любуюсь тобою и люблю тебя. Но послушай, что хочешь говори, ужь и ты не властенъ помрачить сіяніе того, кому я поклоняюсь въ храмѣ души моей, злучить меня съ тѣмъ, съ кѣмъ ни смерть, ни небо не разлучатъ. ı можешь заставить умолкнуть звук(и) души моей, можешь заавить меня исчезнуть, я буду послушна во всемъ, затвори двери ши, одна буду внимать ей, уйду въ землю, но не можешь ты отть чувствъ, мыслей, души моей,—они посвящены тебѣ, они пол- тобою, они—ея собственность.

И такъ, тебѣ не страшно болѣе чувство любви, оно близко душѣ

твоей, оно не погубитъ тебя! Люби, люби, плыви по морю любви, оно бурно, темно, оно страшно волнуется, можетъ, волны его вознесутъ корабль твой къ небесамъ!... Приди иногда взглянуть на чистыя и безмятежныя струи ручья; въ водахъ его ты увидишь и небо, и самого себя, приди отдохнуть на берегу его, прислушайся къ журчанію его, ты узнаешь голосъ, знакомый, родной, голосъ твоего друга, твоей

Наташи.

22-е дек. 1835 г. Москва.

Еще пишу тебѣ, можетъ, это въ послѣдній разъ нынѣшній годъ. Мнѣ грустно, мой другъ, что ты обманулся [1]), это и тебѣ, я думаю, было досадно, но не тужи; мудрено устроить, а буду всячески стараться, и, во что бы то ни стало, у тебя будетъ мой портретъ. Я не надѣюсь имѣть твой, мой другъ, но образъ твой начертанъ въ душѣ моей не кистью художника. Ну, видишь ли, Александръ, какъ прекрасна, какъ высока душа твоя? Ты споткнулся, увидѣлъ, что пропасть близка, собралъ силы, вспорхнулъ и теперь съ высоты глядишь съ раскаяніемъ на то бѣдное мѣсто, гдѣ стоялъ прежде, гдѣ близокъ былъ къ гибели. Нѣтъ, я не находила подобныхъ тебѣ! И передъ тобою мелькало прощаніе на Крутицахъ, другъ мой; скажу откровенно: я не думала, чтобъ ты любилъ меня столько и теперь... Но, нѣтъ, нѣтъ, другъ мой, прости, прости мою недовѣрчивость, клянусь, это отъ того, что я слишкомъ мало цѣню себя; свою душу, свои мысли я люблю только потому, что онѣ полны тобою, жизнь моя драгоцѣнна только тѣмъ, что она посвящена тебѣ, тѣмъ, что она твоя; что во мнѣ есть хорошаго, это только то, что я умѣла постигнуть тебя, что душа моя стала вся отвѣтомъ на одно воззваніе души твоей. Словомъ, въ себѣ я люблю тебя.

Что будетъ со мною далѣе. Придетъ ли время, когда я увижу тебя? Нѣтъ, грустно мнѣ переноситься въ мое будущее. Гдѣ я буду? Куда еще бросятъ меня люди? Мнѣ все равно, тамъ или нигдѣ; я знаю, гдѣ ни буду, вездѣ далеко отъ тебя. Петербургъ... страшно! Тамъ все чужое, кромѣ кладбища [2]); Москва... здѣсь нѣтъ тебя; Вятка... о, Вятка, Вятка! Тамъ я давно живу душою, тамъ моя обитель, тамъ мое солнце, тамъ мой Александръ, тамъ я не буду.

23-е, понедѣльникъ.

Возможно ли! Два года минетъ, какъ мы безпечно веселились

---

[1]) Луиза Ивановна обнадежила А. И., что у него будетъ портретъ Н. А. И. ждалъ, а оказалось, что портрета не сняли.

[2]) Отецъ Натальи Александровны, Александръ Алексѣевичъ Яковлевъ, умеръ Петербургѣ, гдѣ и похороненъ.

праздникѣ [1])! Помнишь ли ты это время? Тогда и мысль о разлукѣ не туманила моей души, а теперь?... Много, много въ моей памяти дней, часовъ, мгновеній, которыхъ свѣтъ не помрачитъ ни сіяніе, ни мракъ будущихъ. Даже повѣришь ли ты, тотъ день, когда я тебя видѣла въ первый разъ съ папенькой и съ Егор. Ив. въ домѣ княж. Анны Бор. [2]), такъ же ясенъ и теперь, какъ тогда. Ты сидѣлъ у окна противъ солнца, и мнѣ больно было смотрѣть на тебя; я полюбила тебя, но боялась подойти къ тебѣ (страхъ этотъ продолжался до 9 апр. 1835 года).

Признаніе Е. И. [3]) нисколько не разрушило нашей дружбы; онъ, кажется, довольно покоенъ, не упоминаетъ мнѣ болѣе ничего, даже, кажется, не надѣется, и я, право, довольна, что все это кончилось. Онъ собирается въ Петрозаводскъ; мнѣ жаль: я привыкла къ нему, тогда и сообщенія съ вашимъ домомъ прекратятся [4]).

Боже мой, какъ бы я желала видѣть Эрна! Я еще никого не видала изъ Вятки отъ тебя; право, я кинулась бы ему на шею; ежелибъ и Петръ [5]) твой пріѣхалъ, Богъ знаетъ, какъ бы я обрадовалась ему! Слышала, въ какой опасности находился ты при переѣздѣ Волги [6]), сердце замерло, и во снѣ тотъ день видѣлось, что я

---

[1]) Н. А. вспоминаетъ, какъ въ 1834 году на Рождествѣ она и А. И. были на вечерѣ у Насакиныхъ, родственниковъ кн. Хованской.

[2]) Въ домѣ княжны Анны Борисовны Мещерской, который находился въ Москвѣ, на углу Большой и Малой Бронной, тамъ, гдѣ теперь земля Полякова, гдѣ стоитъ еврейская синагога. Въ домѣ княжны Мещерской помѣщалась тогда и княгиня Хованская съ Натальей Александровной. Въ новый же домъ—на Поварскую—онѣ переѣхали, когда Натальѣ Александровнѣ было 14 лѣтъ. Вотъ какъ описываетъ А. И. эту встрѣчу съ 7-ми лѣтнею сестрой: „Въ длинномъ траурномъ шерстяномъ платьѣ, блѣдная до синеватаго отлива, дѣвочка сидѣла у окна, когда меня привезъ черезъ нѣсколько дней отецъ мой къ княгинѣ. Она сидѣла молча, удивленная, испуганная, и глядѣла въ окно, боясь смотрѣть на что-нибудь другое“...

[3]) Т.-е. признаніе въ любви Егора Ивановича.

[4]) И. А. Яковлевъ считалъ себя больнымъ, всегда кутался, никуда не выходилъ изъ дому, а потому не бывалъ и у кн. Хованской. Кн. тоже никуда, кромѣ церкви, не выѣзжала и только изрѣдка ѣздила къ подъѣзду дома Яковлева, спрашивала черезъ лакея о здоровьи и уѣзжала. Луизы Ивановны кн. не любила и потому рѣдко бывала въ домѣ Хованской. Единственную связь между обоими домами поддерживалъ Егоръ Ивановичъ.

[5]) Петръ Ѳедоровичъ—камердинеръ, который сопровождалъ А. И. въ ссылку. Онъ же провожалъ его и на лекціи въ университетъ.

[6]) На Волгѣ А. И. чуть не утонулъ. Рѣка была въ разливѣ, переправа подъ названью верстъ въ 15. Ѣхать пришлось на плохомъ досчаникѣ. На серединѣ дороги досчаникъ далъ течь,—гибель была неизбѣжна. Мимо проходила барка. Стали просить о помощи. Но бурлаки не обратили вниманія, и барка прошла мимо. Досчаникъ, къ счастію, сталъ на мель. Въ это время подъѣхалъ крестьянинъ на небольшой лодкѣ съ женой, спросилъ: въ чемъ дѣло, и заткнулъ дыру чѣмъ пришлось. Досчаникъ снова двинулся, и хоть всѣми неправдами, а довезъ до Казани. Опасность грозила каждую минуту, тѣмъ болѣе, что погода стояла бурная, дождливая.

спасаю тебя отъ смерти. Да сохранитъ тебя вездѣ и во всемъ десница Всевышняго! Прощай, мой другъ, прощай, мой Александръ, молитвы и благословеніе друга съ тобою.

25-е, среда, 3 ч. утра.

(Всѣ у заутрени).

Въ первый разъ встала такъ рано; это для того, чтобы первой поздравить тебя, мой другъ. Не хочу провести такой великій праздникъ безъ того, чтобы не сказать съ тобою нѣсколько словъ,— это облегчитъ меня на цѣлый день. Какъ ужь грустно будетъ, два года тому назадъ и ты былъ у насъ сегодняшній день. Помнишь ли и какъ упалъ? Прощай. Обнимаю тебя.

Вятка, 25 декабря.

Natalie! Въ твоей запискѣ отъ 2 дек. есть фраза, которую тебѣ самъ Богъ продиктовалъ. Эта фраза однимъ разомъ ярко и звонко проговорила, что̀ ты мнѣ и что̀ я тебѣ, и я перечиталъ сто разъ ее, я поцѣловалъ ее со слезами на глазахъ: «чего бы я ни отдала, чтобъ видѣться съ тобою... Но что же отдать мнѣ? У меня ничего нѣтъ, *кромѣ тебя*». Другъ мой, да, я твой, да, ты поняла меня; теперь мнѣ ясно, почему ты не испугалась той записки. Ты отдала свою судьбу въ мои руки, я отдалъ самого себя тебѣ. Насъ ничто не разорветъ никогда. «Не бойся меня, я исчезну, ежели это нужно для тебя». Для чего ты это написала? Въ этихъ словахъ кроется мысль холодная, но я молчу,—мало ли что иногда приходить въ голову?

Происшествіе, бывшее съ тобою, потрясло меня сильно [1]). Да, это ужасно прибавлять несчастіе несчастному! Что ты при этомъ не была холодна, этому вѣрю, я разлюбилъ бы тебя, ежелибъ ты могла тутъ быть холодною. Есть ужасная вещь—*предопредѣленіе;* оно ежели гонитъ кого, то гонитъ до погибели. Старайся всѣми средствами затушить эту страсть въ немъ, но помни, что всякое холодное слово—ножъ въ сердце. Я воображаю себя на его мѣстѣ... нѣтъ, этого не могу вообразить, ибо я не могу тебя представить безъ любви ко мнѣ. Грусть на меня нагнало это извѣстіе тѣмъ болѣе, что я не ждалъ его.

Я понялъ тебя въ Крутицахъ, когда ты молчала,—пишешь ты,—да, я тогда много понялъ.

Моя тоска, о которой ты говоришь, проходитъ,—теперь есть у меня человѣкъ, который понимаетъ всякій восторгъ—поэтъ и несчастный Витбергъ. Я не могу жить въ одиночествѣ. Онъ посланникомъ неба явился ко мнѣ. И такъ, судьба умѣетъ и гнать, и лѣ-

---

[1]) Объясненіе въ любви Егора Ивановича.

чить раны. Какъ онъ любитъ свою жену, съ какимъ восторгомъ говоритъ о ней! Почему ты съ такимъ пренебреженіемъ говоришь о замужствѣ? Тебѣ довольно дружбы; но то, что ты разумѣешь, ангелъ мой, подъ словомъ дружбы, не есть дружба; иначе никогда не вылились бы изъ души твоей эти слова: «я отдалась душою и могу ли дѣлиться ею съ кѣмъ?» Тогда ты могла бы дѣлиться.

Твоей работы портфель я получилъ, благодарю... но знаешь ли, что я съ досадою получилъ (его [1]). Я съ чего-то вообразилъ, что посланъ твой портретъ, вмѣсто него—портфель. Мой портретъ у тебя будетъ, Витбергъ сниметъ съ меня для папеньки (замѣть, что великій человѣкъ нарисуетъ *почти* первый мой портретъ), но я уже просилъ, чтобы тебѣ доставили хорошую копію. Пусть онъ утѣшаетъ тебя въ разлукѣ, а разлука наша долга, Наташа, она не кончится Вяткою. Но, наконецъ, когда все пройдетъ, когда и годы странствованія промчатся, когда опредѣлится путь, по коему я *могу* идти,—тогда, тогда не будетъ разлуки, тогда склоню я голову на грудь твою (ежели она не будетъ принадлежать другому), тогда повѣрю я, что есть полное блаженство, тогда, тогда... но тогда—это далеко, далеко, ангелъ мой.

Прощай, твой *Александръ*.

25-го декабря.

Съ праздникомъ поздравляю и съ новымъ годомъ. Что-то будетъ въ эти новые 365 дней?... Грустно встрѣтилъ я 1835 годъ. А помнишь ли 6 января 1834 года у Насакина [2]), ты, Emilie и (луна) дѣйствующія лица?

Москва, 1835 г. Декабря 31-го.

Какъ грустно и какъ скучно провожу я этотъ праздникъ, другъ мой Александръ! Все, что ни толпится вокругъ меня, все чуждо мнѣ; чѣмъ многолюднѣе, тѣмъ больше мое одиночество; не знаю, право, отъ чего. Грусть овладѣла мною, и я до безразсудства предалась ей, а тутъ еще, вообрази, Emilie присылаетъ сказать, что она отчаянно больна! Посылаю къ ней [3]), она велитъ сказать мнѣ, что

---

[1]) Въ оригиналѣ стоитъ „ее".

[2]) У княгини Хованской было двѣ дочери: Наталья Ѳедоровна и Екатерина ѳдоровна. Одна изъ нихъ—меньшая, Екатерина Ѳедоровна,—была выдана за Насакина. Въ эту пору уже обѣ дочери княгини лежали въ могилѣ. Насакинъ былъ женатъ на другой. 6 генв. 1834 года у Насакиныхъ былъ вечеръ. Объ этомъ же вечерѣ вспоминаетъ и Н. А. въ письмѣ отъ 23 декабря.

[3]) У Эмиліи Михайловны были въ Москвѣ сестры, у которыхъ она и жила, когда была безъ мѣста.

приготовляется къ смерти [1]), завѣщаетъ положить себя въ Симоновѣ и меня приглашаетъ туда же. Боже мой! въ эту минуту мнѣ представилось все въ ничтожномъ видѣ, я готова была, я желала умереть (прости мнѣ это), я видѣла гробъ и въ немъ Emilie. О, въ эту минуту я легла бы подлѣ нея, радостно простилась бы со всѣмъ на свѣтѣ, но не брани меня, я вспомнила о тебѣ въ это время,—вспомнила, что тамъ, далеко, есть существо, въ которомъ заключается для меня все на свѣтѣ; разставаясь съ Emilie, я не разсталась бы со всѣмъ... Но до сихъ поръ все еще грустно. Сію минуту пришли отъ Emilie. Ей, слава Богу, лучше. Я ея не увижу до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ (не) выздоровѣетъ. Не была я нигдѣ и маменьку съ тѣхъ поръ не видала, и Саша Боб. больна, и я не очень здорова. О, mon âme! pourquoi êtes-vous triste et pourquoi me troublez-vous [2])?

Какъ-то разъ и я гадала. Тебѣ вылилась изъ воску фигура въ видѣ колонны и сверху человѣкъ съ трубою—слава! Я *хочу* вѣрить этому. А мнѣ вышелъ лѣсъ пустой, безъ листьевъ.

Вотъ въ другой разъ прерываютъ меня за этимъ письмомъ; еще радостная вѣсть отъ Саши: и ей лучше, и скоро пріѣдетъ ко мнѣ. Теперь жду отъ тебя.

Прощай до завтра; не люблю я писать въ такое грустное расположеніе. Обѣщаю тебѣ быть умнѣе, съ 1835 годомъ оставлю, отгоню прочь отъ себя всѣ мрачныя мысли; не хочу поздравлять тебя съ новымъ годомъ томнымъ голосомъ, не хочу присылать тебѣ желаній унылаго сердца. Дай погрустить послѣдніе часы, дай проститься со всѣмъ, что онъ, 1835 годъ, унесетъ съ собою, а тамъ, а тамъ... что Богъ дастъ, то и будь! (3 часа пополудни).

Бьетъ 12 часовъ... Съ новымъ годомъ, другъ мой! Жму руку, цѣлую тебя; что-жь пожелать мнѣ тебѣ, чѣмъ подарить тебя?... Вотъ мое сердце, вотъ душа моя со всѣми желаніями и благословеніями, выбирай или возьми всѣ; но ихъ слишкомъ много, тебѣ тяжело будетъ, человѣкъ не въ силахъ сносить столько счастья на землѣ, сколько я желаю его тебѣ, хоть, можетъ быть, это малѣйшая часть того, которое ожидаетъ *тамъ*. На что слова? Прислушайся къ каждому слову моей души, внемли ея звукамъ... довольно!...

Мнѣ не грустно теперь; насъ раздѣляетъ 1,000 верстъ, и мы такъ близки! Я чувствую твое присутствіе, вижу тебя, слышу твой голосъ,—кажется, воздухъ, которымъ дышу, полонъ тобою,—нѣтъ, я счастлива! Зачѣмъ же падаю, зачѣмъ? Другъ мой, прости мнѣ: это

---

[1]) Эмилія Михайловна такъ огорчена была кажущимся ей охлажденіемъ Н. М. Сатина, что сильно захворала и въ отчаяніи молила о смерти.

[2]) „О, моя душа! почему ты печальна, почему смущаешь меня?“

болото, которое я перехожу по узенькой дощечкѣ, втянуло бы и самаго сильнаго, я оступаюсь иногда, но еще благодарю небо, имѣю силы спастись. Оно не оставляетъ меня гибнуть въ отчаяніи. Душа расцвѣтаетъ для новой жизни, для новой радости. Да расцвѣтетъ и твоя душа къ новой жизни и къ новой радости! Небо, его ангелы, самъ Богъ да будутъ съ тобою! Вся жизнь твоя да будетъ свѣтла, какъ солнце! Другъ мой, душа моя такъ полна въ сію минуту молитвой о тебѣ, что я не могу говорить.

Прощай, мой Александръ, твоя

Наташа.

1-е января 1836 года.

Emilie лучше, но все еще не можетъ писать сама; она тебѣ кланяется и поздравляетъ съ новымъ годомъ и желаетъ много, много.

2-е января 1836 года.

Туманъ исчезъ, опять свѣтло и ясно! Только недостаетъ письма отъ тебя, и я бы возвратилась совершенно въ прежнее состояніе. До сихъ поръ не могу дать себѣ отчета въ этой неразгаданной грусти. Откуда и отчего она? Стоитъ ли обращать вниманіе на все то, что окружаетъ меня? Это, право, ужасно глупо! Впрочемъ, не сердись ты на меня, другъ: видишь, не довольно ли у меня силы, не довольно ли я разсудительна? Насталъ праздникъ, и кто не проводитъ его съ родными, съ друзьями, а я? Я одна-одинёхонька! Вотъ этого довольно было, чтобъ разстроить меня, а тутъ еще въ прибавокъ... но что объ этомъ говорить? Эмилія моя выздоравливаетъ, сегодня ожидаетъ къ себѣ Эрна замаскированною дамой; это презабавно. Говорятъ, онъ похожъ на тебя; ужасно жаль, что не увижу его.

Боже мой, когда-то мы увидимъ тебя, нашъ дальній, милый другъ? Почти миновался первый годъ, но сколько еще ихъ впереди? Ты, вѣрно, торжествуешь въ Вяткѣ, но я знаю, что это тебя не утѣшаетъ: много людей, но нѣтъ груди, которая бы обручалась съ тобою каждою мыслью, много глазъ (прекрасныхъ), но нѣтъ взора, въ которомъ бы ты сіялъ, какъ солнце въ небѣ, а здѣсь, въ Москвѣ, есть люди, которыхъ грѣетъ воздухъ Вятки!... Я первая, я не боюсь срывать цвѣтовъ съ души и переносить ихъ на бумагу, которая принесетъ ихъ въ Вятку, я не боюсь за нихъ холода: тамъ они не замерзнутъ.

Небо чисто, небо ясно,
Въ небѣ звѣздочка горитъ!
Не люби ее такъ страстно.
Для тебя-ль она горитъ,

Для меня ли, я не знаю,
Но при ней мнѣ такъ свѣтло;
Но при ней я не страдаю,
Безъ нея мнѣ тяжело!

Прощай, мой милый другъ, пой пѣсни, веселись; придетъ пора, и мы запоемъ вмѣстѣ... Меня прервали, забыла, что̀ хотѣла написать. Спѣшу.

Прощай, не грусти же, смотри, какъ я весела.

Твоя *Наташа*.

2 января [1]) 1836 г. (Москва).

Да, самъ Богъ водилъ мою руку, когда я писала тебѣ, что *у меня ничего нѣтъ, кромѣ тебя*. Самъ Богъ, мой Александръ! Онъ далъ мнѣ *все* въ одномъ тебѣ, Онъ далъ мнѣ душу, способную любить одного тебя. Какъ хороша я теперь, другъ мой, какъ полно счастья все существо мое, какая музыка въ душѣ моей! Теперь я вся гимнъ любви, слушай эту музыку: она небесная, она отъ Бога, она твоя! Самъ Богъ обручилъ наши души, онъ создалъ насъ другъ для друга, и если здѣсь намъ суждена разлука, *тамъ*, мой другъ, намъ вѣчное соединеніе,—тамъ, въ отчизнѣ! Какъ обширна, какъ прекрасна моя душа теперь, мой Александръ; она обняла, отразила *твою* душу! Теперь мнѣ ясны и этотъ страхъ души, и этотъ трепетъ сердца, когда въ Крутицахъ ты бросилъ на меня взглядъ,—этотъ взглядъ, полный чѣмъ-то непонятнымъ, неразгаданнымъ,—взглядъ, котораго лучъ и теперь озаряетъ мою душу, когда сказалъ ты мнѣ: «*и такъ, участь голубя не пугаетъ тебя?*» Еслибъ открылъ ты тогда мою душу, еслибъ вслушался въ ея звуки!... Теперь мнѣ ясно, зачѣмъ я такъ долго, долго останавливалась на этомъ таинственномъ: «*можетъ быть*»... но окончить нельзя, за мной пришли. «Богъ знаетъ, что *можетъ быть*, но что ты мнѣ посланъ Богомъ, что душа моя—отголосокъ твоей души, это я знаю»,—сказала я тогда. И съ тѣхъ поръ, мой другъ, въ душѣ моей не оставалось мысли, которая бы не была создана тобою, въ жизни минуты, которая бы не была посвящена тебѣ. Богъ создалъ меня съ любовью къ тебѣ. «Тогда, тогда не будетъ разлуки, тогда склоню я голову на грудь твою (ежели она не будетъ принадлежать другому)»... Когда въ этой груди послалъ тебя самъ Богъ, тебя одного, одного тебя, мой Александръ... ты одинъ склонишь твою голову на грудь мою, одинъ назовешь меня твоею. И когда придетъ это *тогда*, и когда буду я съ тобою?... *Оно* далеко, говоришь ты... Я отдамъ цѣ-

[1]) Это второе письмо въ одинъ день—отвѣтъ на полученное изъ Вятки.

лую жизнь за минуту счастья съ тобою! Въ тебѣ, мой другъ, заключается весь міръ для меня, въ тебѣ я молюсь, въ тебѣ удивляюсь Создателю, въ тебѣ боготворю природу,—словомъ, я живу въ тебѣ. Не правда ли, Саша, я создана только для того, чтобъ любить тебя? О, сколько недостаетъ въ здѣшнемъ мірѣ звуковъ для того, чтобы вполнѣ излить душу, вполнѣ передать ея блаженство! Тогда, мой другъ, и разлука не была бы такъ ужасна.

Но я не смѣю, боюсь думать, чтобъ для насъ не насталъ часъ свиданія; скорѣе Богъ отниметъ душу, нежели предастъ ее такому мученію. Какая встрѣча, какое свиданіе! При одной мысли сердце рвется вонъ изъ груди.

Много получишь ты отъ меня писемъ, мой другъ, многое выбросила бы теперь я изъ нихъ, но они уже отосланы, ты самъ выбрось, что тебѣ не нравится.

Помню, помню 6 января, помню каждое твое слово, и луна, замазанная киселемъ, и восточная звѣзда. О, тогда мысль о тебѣ мелькала въ моей душѣ, какъ быстрая молнія: то озаритъ яркимъ блескомъ и въ мигъ исчезнетъ, то вдругъ растворится небо, и она трепетно-блѣдно сіяетъ и потомъ опять исчезнетъ, и страшно мнѣ было, и я пугалась этой молніи, а теперь, теперь... пусть эта молнія разгоняетъ своимъ сіяніемъ всѣ тучи надъ твоею головой, пусть душа моя будетъ пристанью твоей душѣ въ долгое, бурное твое плаваніе. Теперь я не скажу, чтобы когда-нибудь тебѣ было нужно, чтобъ я исчезла,—нѣтъ, я (не) думаю этого, ни одно тонкое облако сомнѣнія не затемнитъ твоего сіянія.

У меня будетъ портретъ твой? Другъ мой, какъ понимаешь ты мою душу, какъ проникаетъ взоръ твой глубину ея! Не досадуй на бѣдный мой портфель, и портретъ мой будетъ у тебя, непремѣнно будетъ, и почти первый, потому что еще я питалась груднымъ молокомъ, когда снимали съ меня портретъ у папеньки [1]).

Не легла бы всю ночь, не уснула бы, не люблю я сонъ, онъ разлучаетъ иногда меня съ тобою. Прощай, милый, единственный другъ мой.

Твоя *Наташа*.

Полночь. Вотъ уже шесть часовъ, какъ я получила твое письмо. Я здорова теперь совершенно.

Пятница, 3-е.

Вообрази, мой другъ, я видѣла сегодня маменьку и Эрна. Тебѣ не нужно говорить, въ какомъ я была восторгѣ. Маменька мнѣ

---

[1]) У Александра Алексѣевича Яковлева.

дала слово, что у меня будетъ твой портретъ. Эрну я хотѣла сказать много, много, но наше свиданіе продолжалось только нѣсколько минутъ. Я увѣрена, что они приняли меня за сумасшедшую, я была не въ состояніи принять холодную наружность при встрѣчѣ съ Вятскимъ [1]), я была такъ, какъ я есть, и, повѣришь ли, мнѣ грустно было разстаться съ нимъ, я бы умчалась съ нимъ въ дальній путь, въ тотъ край, гдѣ живетъ моя душа, гдѣ ей свѣтло, какъ въ раю. Долго и много говорила я о тебѣ съ Прасковьей Ан. [2]), въ это время подлѣ нея я забыла всю Москву, боялась пропустить хоть одно ея слово, и что-жь тутъ удивительнаго?

Скажи, мой другъ, неужели это можетъ статься, чтобъ Сатинъ не любилъ Emilie? Нѣтъ, право, это невозможно! Мнѣ ужасно больно, что Emilie такъ мало любятъ; можно ли, одно то, что онъ къ ней не пишетъ, увѣрило ее совершенно, что онъ измѣнилъ ей; такъ мало вѣры, такъ много холода въ ея душѣ (любовь ли—это, не вѣря въ его любовь?).

Прощай, мой другъ, Александръ.

Твоя *Наташа*.

4-е. Сегодня я была въ Донскомъ монастырѣ въ первый разъ, тамъ хорошо поютъ, только я люблю видъ кладбища. Это такъ громко говоритъ о разлукѣ; разлука — смерть, а смерть — разлука. На кладбищѣ я съ тобою разсталась въ послѣдній разъ [3]). Ваганькова колокольня... Ахъ, что-то Огаревъ? Получаешь ли ты отъ него? Люблю я его, очень люблю. У него нѣтъ души, изъ которой бы онъ могъ пить хоть каплю утѣшенія.

---

15 января 1836 г. (Вятка).

Я удрученъ счастьемъ, моя слабая земная грудь едва въ состояніи перенесть все блаженство, весь рай, которымъ даришь ты меня. Мы поняли другъ друга! Намъ не нужно, вмѣсто одного чувства, принимать другое. Не дружба, любовь! Я тебя люблю, Natalie, люблю ужасно, сильно, насколько душа моя можетъ любить. Ты выпол-

---

[1]) Тотъ же Эрнъ называется Вятскимъ, потому что пріѣхалъ изъ Вятки.

[2]) Съ Прасковьей Андреевной Эрнъ, матерью Гавріила Каспаровича Эрнъ.

[3]) Въ день ареста, 20 іюля, Александръ Ивановичъ вмѣстѣ съ Натальей Александровной гуляли по Ваганькову кладбищу. „У заставы мы простились, — писала Н. А. къ Ал. Г. Кліентовой черезъ мѣсяцъ послѣ событія,—мнѣ что-то грустно было разстаться съ нимъ; пока кареты наши ѣхали въ рядъ, я смотрѣла на него; они поскакали впередъ, я посмотрѣла имъ въ задъ, какъ будто простилась, и слышала только одинъ грустный шумъ ихъ экипажа. Такъ, Саша, въ послѣдній разъ я видѣла моего брата, въ послѣдній разъ я слышала нашего соловья, въ послѣдній глядѣла а нашего ненагляднаго“ (*Русская Старина* 1892 г., мартъ).

нила мой идеалъ, ты забѣжала требованіямъ моей души. Намъ нельзя не любить другъ друга. Да, наши души обручены, да будутъ и жизни наши слиты вмѣстѣ. Вотъ тебѣ моя рука, она твоя, вотъ тебѣ моя клятва, ея не нарушитъ ни время, ни обстоятельства. Всѣ мои желанія, думалъ я въ иныя минуты грусти, несбыточны; гдѣ найду я это существо, о которомъ иногда болитъ душа? Такія существа бываютъ созданія поэтовъ, а не между людей. И возлѣ меня, вблизи, расцвѣло существо, говорю безъ увеличеній, превзошедшее изящностью самую мечту, и это существо меня любитъ, это существо—ты, мой ангелъ. Ежели всѣ мои желанія такъ сбудутся, то гдѣ я возьму достойную молитву Богу?

Я получилъ письмо отъ Emilie. Всегда отъ души любилъ ея пылкій, страстный нравъ. Это письмо сильно потрясло меня, она много страдаетъ, жаль ее. Впрочемъ, двумя мѣстами въ ея письмѣ я очень недоволенъ. Первое меня даже взбѣсило; поелику тутъ о тебѣ, то считаю за нужное выписать оное и объяснить: «Тебѣ нравится,—пишетъ она,—Pauline, про которую я уже знаю, *но не скажу Наташѣ*». Да кто же проситъ, чтобы скрывать мои поступки или мысли, или что̀ бы то ни было (отъ тебя), которой я все открываю? Я умѣю самъ отвѣчать за мои дѣйствія и, вѣрно, въ нихъ нѣтъ такого, чего бы ты не могла знать. Я ей извиняю, потому что она второпяхъ, вѣрно, писала, не думая. О какой Pauline рѣчь, я хорошенько не знаю, но очень понимаю, что это какая-нибудь сплетня Зонненберга [1]). Здѣсь двѣ Pauline и обѣ очень хороши, и обѣ нравятся мнѣ и, pour passer le temps [2]), я ими обѣими очень занятъ. Но гдѣ же тутъ тайна отъ тебя? [3])...

При семъ (письмо) къ Emilie; отошли, запечатавъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Карлъ Ивановичъ Зонненбергъ былъ И. А. Яковлевымъ отрекомендованъ въ увернеры къ Н. П. Огареву, когда тотъ былъ маленькій; затѣмъ Зонненбергъ проживалъ въ домѣ Яковлева, занимался разною торговлей, ѣздилъ по торговымъ дѣламъ въ Ирбитъ, и вотъ тогда-то ему поручилъ И. А. Яковлевъ устроить по пути все для А. И., когда тотъ жилъ въ ссылкѣ.

[2]) „Для препровожденія времени“.

[3]) Выпущено нѣсколько строкъ.

*
* *

Не упрекай меня за то, что въ шумѣ свѣта,
Предъ пестрой мишурой нарядной суеты,
Я забывалъ порой печаль и гнѣвъ поэта —
Завѣтный крестъ пѣвца неволи и нужды.
Они живутъ во мнѣ: подъ шуткою игривой,
Забавой шумною, смѣющимся стихомъ
Ихъ тайная струя течетъ въ душѣ тоскливой,
Подобно ручейку на берегу морскомъ:
Нахлынули валы, весь берегъ затопила
Прибоя гордаго ликующая сила,—
Не видно никому прибрежнаго ручья;
Но тамъ, подъ буйными, шумливыми валами,
Все такъ же бьетъ, кропя незримыми слезами
Подножье скалъ родныхъ, подземная струя...

С. Фругъ.

Аренда крестьянскихъ надѣловъ *).

Если разумно требованіе русской экономической политики, по которому наше крестьянство должно быть обезпечено землею, то появленіе сотенъ тысячъ безземельныхъ домохозяйствъ надо признать крайне печальнымъ явленіемъ. Очень часто получившіе надѣлы крестьяне цѣликомъ или частями сдаютъ ихъ въ аренду, отказываясь, такимъ образомъ, отъ земледѣльческаго труда и отъ своего хозяйства. Массовая сдача надѣловъ стала постояннымъ, ежегодно повторяющимся явленіемъ, въ силу чего значительное число нашихъ надѣльныхъ домохозяйствъ надо считать фактически безземельными.

Сдача надѣловъ не можетъ быть объяснена случайными причинами, такъ какъ контингентъ сдатчиковъ очень великъ; точно также она не можетъ быть объяснена и избыткомъ земли у сдающихъ надѣлы домохозяевъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, земля сдается крестьянами, которые могли бы сами обработать ее; часто сдается весь надѣлъ или такая часть послѣдняго, что обработка остающейся не можетъ дать достаточно продуктовъ для удовлетворенія необходимѣйшихъ потребностей домохозяйства. Хозяйственный упадокъ крестьянскихъ дворовъ является главною причиной сдачи надѣловъ. Какъ только создаются такія условія, при которыхъ сельское крестьянское хозяйство становится невыгоднымъ, земледѣльцы тѣмъ или другимъ способомъ бросаютъ свои земли. Въ прямой связи съ пошатнувшимся хозяйствомъ стоитъ одинъ изъ ближайшихъ поводовъ къ сдачѣ земли—необходимость имѣть въ опредѣленное время деньги, которыя не удалось достать продажей продуктовъ сельскаго хозяйства и промыслами.

Переходя теперь къ перечисленію ближайшихъ поводовъ, влекущихъ собою сдачу надѣловъ, замѣтимъ, что большая часть этихъ поводовъ зываетъ и паденіе крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства. Прежде его, придется остановиться на той выдающейся роли, которую играетъ этомъ отношеніи малоземелье или измельченіе крестьянскихъ надѣловъ. тратывать цѣлый сезонъ на обработку клочка пашни, выручкой съ ко-

*) Составлено на основаніи земскихъ статистическихъ изслѣдованій.

тораго нельзя даже прокормиться, невыгодно, и крестьянинъ подчиняетъ разсчету свою, быть можетъ, и крѣпкую, любовь къ земледѣльческому труду. Въ Петербургскомъ уѣздѣ, наприм., къ сдачѣ земли прибѣгаютъ, главнымъ образомъ, малоземельные крестьяне. Въ Московской губ. даже богачи не находятъ разсчета тратить время на обработку скуднаго надѣла. Въ Золотоношскомъ уѣздѣ, Полтавской губ., и во многихъ другихъ мѣстахъ малоземелье опять-таки является одною изъ главныхъ причинъ сдачи надѣловъ.

Отсутствіе или недостатокъ въ надѣлѣ тѣхъ угодій, которыя необходимы для содержанія лошади, а иногда и коровы, влечетъ за собою появленіе безлошадныхъ и безкоровныхъ дворовъ, а послѣдніе кончаютъ обыкновенно тѣмъ, что сдаютъ свои надѣлы въ аренду. Въ Мамадышскомъ уѣздѣ, Казанской губ., чѣмъ болѣе безлошадныхъ дворовъ въ данной группѣ крестьянъ, тѣмъ болѣе сдается въ ней пашни. Въ Царевококшайскомъ уѣздѣ, той же губерніи, крестьяне сдаютъ надѣлы благодаря недостатку рабочаго скота. Въ Малмыжскомъ уѣздѣ, Вятской губ., въ Гдовскомъ, Петербургской губ., въ Золотоношскомъ, Полтавской губ., въ Славяносербскомъ, Екатеринославской, и во многихъ другихъ мѣстахъ недостатокъ скота опять-таки обусловливаетъ сдачу земли.

Недостатокъ рабочихъ рукъ въ хозяйствѣ приводитъ къ тому же результату. Нѣтъ, разумѣется, надобности подтверждать эти слова ссылками на изслѣдованія земскихъ статистиковъ, и мы укажемъ здѣсь только на отходъ, который, являясь слѣдствіемъ неустойчивости крестьянскаго хозяйства, отнимаетъ у послѣдняго руки, создавая все тотъ же видъ обезземеленія. Въ Орловскомъ уѣздѣ, Вятской губ., результатомъ отхода является или простое забрасываніе надѣла, или отдача его въ аренду; съ увеличеніемъ процента отходчиковъ ростетъ въ этомъ уѣздѣ и процентъ сдающихъ землю домохозяйствъ. Тоже самое надо сказать о Гдовскомъ уѣздѣ, Петербургской губ., о Тетюшскомъ, Казанской, и о другихъ мѣстахъ. «Между тѣмъ, какъ бѣдняки,—писалъ Приклонскій объ олонецкихъ отхожихъ рабочихъ,—покидаютъ землю и уходятъ на сторону; богачи хорошо знаютъ цѣну земли, понимаютъ, что она кормилица и источникъ богатства, поэтому стараются пріобрѣтать ее у разорившихся крестьянъ».

Нерѣдко надѣлъ сдается кредиторамъ, какъ залогъ за взятыя деньги; сдатчикъ не получаетъ арендной платы, которая въ лучшемъ случаѣ засчитывается арендаторомъ за долгъ, а нерѣдко и за одни проценты. Въ 1886 г. крестьяне Орловской губ. часто отдавали свои земли кулакамъ въ счетъ уплаты старыхъ долговъ или за новые долги, сдѣланные въ виду необходимости удовлетворить насущныя потребности. Въ Краснослободской волости, Трубчевскаго уѣзда, той же губерніи, кредитныя сдѣлки обезпечиваются цѣнными покосами крестьянъ. Наиболѣе тяжелымъ видомъ сдачи считается въ Таврической губ. тотъ, при которомъ земля сдается за долгъ, а арендная плата не выдается сдатчику, считаясь процентомъ на занятыя деньги; на ряду съ этимъ, по безвыгодности для крестьянъ, стоитъ и тотъ

типъ аренды, при которомъ земля по контракту сдается за уплату всего долга на нѣсколько лѣтъ.

Взысканіе податей и связанная съ нимъ нужда въ деньгахъ на уплату послѣднихъ является однимъ изъ важнѣйшихъ мотивовъ сдачи земли. Здѣсь имѣетъ важное значеніе способъ взиманія податей и мы читаемъ о немъ въ оффиціальномъ изданіи министерства государственныхъ имуществъ слѣдующее: «Земство по своимъ сборамъ старается не прибѣгать къ продажѣ сельско-хозяйственнаго имущества; что же касается взысканія податей, то въ этомъ отношеніи самый способъ взысканія, отличаясь крайнею энергіей безъ соображенія хозяйственныхъ условій времени и мѣста, наноситъ неизгладимые ущербы крестьянскому благосостоянію» *). Въ силу этого, во время взысканія податей крестьяне массами сдаютъ свои надѣлы для того, чтобы достать нужныя деньги. Въ 1885 году собирали недоимки въ Раненбургскомъ уѣздѣ, Рязанской губ. Въ одномъ селеніи, состоящемъ изъ 50 дворовъ, только шесть сохранили свои надѣлы, въ другомъ—съ небольшимъ десять изъ восьмидесяти, и «вообще можно сказать безъ преувеличенія, что въ селеніяхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, гдѣ произведены были взысканія, удержали свои надѣлы не болѣе одной трети. Всѣ остальные сдали свои надѣлы въ наемъ и большею частью для уплаты податей». Земскія статистическія изслѣдованія даютъ не мало матеріала, подтверждающаго только что высказанное положеніе. Въ Царевококшайскомъ уѣздѣ, Казанской губер., надѣлы особенно часто сдаются благодаря усиленному взысканію недоимокъ. Какъ только начинается взысканіе платежей въ Тамбовскомъ уѣздѣ, крестьяне занимаютъ деньги, а заемъ обыкновенно дѣлается посредствомъ отдачи надѣла или его части болѣе состоятельному односельчанину. Въ Бузулукскомъ уѣздѣ, Самарской губ., сдача надѣльной земли производится обыкновенно лѣтомъ или осенью, «когда собираются подати и взыскиваются недоимки».

Нельзя не упомянуть здѣсь о той фискальной мѣрѣ, которая прямо предписываетъ сдавать надѣлъ недоимщика въ аренду. 188 статья общаго положенія о крестьянахъ даетъ обществу право отобрать у недоимщика часть полевыхъ угодій или весь надѣлъ и сдать его за подати въ аренду. Если эта статья и не часто примѣняется, то просто потому, что заключающаяся въ ней угроза понуждаетъ крестьянъ добровольно сдавать свою землю, не дожидаясь насильственнаго отобранія ея. Нечего и говорить, какое пагубное вліяніе имѣетъ эта статья въ рукахъ ловкихъ кулаковъ-арендаторовъ и какъ легко злоупотребляютъ они ею. Только что указанная фискальная мѣра, лишая бѣдняка главнѣйшаго средства производства, является, развѣ, вопіющею насмѣшкой надъ требованіями разумной финансовой политики. Несправедливость этой мѣры подчеркивается и тѣмъ обстоятельствомъ, что подати не имѣютъ никакого отношенія къ величинѣ поземель-

*) Матеріалы для изученія современнаго положенія землевладѣнія и сельско-хозяйственной промышленности въ Россіи, вып. 3, стр. 32.

наго дохода, въ силу чего нѣтъ возможности ссылаться на то, что надѣлъ въ рукахъ болѣе умѣлаго хозяина даетъ возможность уплатить изъ своего дохода подати и прокормить землепашца.

Малоземелье, отсутствіе рабочаго скота, рабочихъ рукъ считаются главными причинами сдачи надѣловъ. Съ малоземельемъ всегда тѣсно связана трудность достать деньги для удовлетворенія необходимыхъ потребностей и для уплаты податей. Понятно, что въ видѣ исключенія эти затрудненія могутъ явиться и при многоземельи. Въ Золотоношскомъ уѣздѣ, Полтавской губ., наприм., надѣлы сдаются подъ вліяніемъ трехъ названныхъ причинъ въ 73 случаяхъ изъ ста и только въ 27 случаяхъ—по другимъ причинамъ. Послѣднія являются для даннаго уѣзда слѣдующими: 1) отсутствіе достаточныхъ побужденій для занятія земледѣліемъ (обиліе земли, дающее возможность жить арендною платой, бездѣтность), 2) личныя качества хозяевъ (наприм., пьянство), 3) болѣе выгодныя занятія, 4) обремененіе долгами и платежами. Въ другихъ мѣстностяхъ отсутствіе или недостатокъ удобренія, сѣмянъ, пахотныхъ орудій (все это тѣсно связано съ тѣмъ же малоземельемъ), болѣе случайныя причины, наприм., болѣзнь, заставляетъ иногда крестьянина сдавать землю.

Переходя къ вопросу о томъ, кто сдаетъ крестьянскія земли, мы встрѣчаемся съ двумя случаями: во-первыхъ, общество сдаетъ часть мірской земли, главнымъ образомъ, для того, чтобъ обратить вырученныя за аренду деньги на уплату податей. Иногда сдается неудобно расположенная земля,—земля, которую нельзя равномѣрно подѣлить; иногда является необходимость достать деньги для покрытія какого-либо экстраординарнаго расхода; во-вторыхъ, отдѣльные домохозяева сдаютъ отведенные имъ надѣлы. Крестьяне сдаютъ свои надѣлы или цѣликомъ, или полосами. Полосами сдаются обыкновенно болѣе цѣнныя угодія—лучшія пахотныя земли, сѣнокосныя пашни.

Число домохозяевъ, сдающихъ свои надѣлы, очень велико: по словамъ г. С—скаго, въ 29 общинныхъ губерніяхъ не менѣе 500,000 дворовъ, получившихъ надѣлы по мірской разверсткѣ, не пользуются ими лично, а сдаютъ въ аренду.

Приведемъ здѣсь цифровыя данныя по 26 уѣздамъ, на основаніи которыхъ можно видѣть, какъ велики группы сдающихъ земли крестьянъ:

У ѣ з д ы:	2) % домохозяйствъ сдающихъ весь надѣлъ.	3) % домохозяйствъ сдающихъ часть надѣла.	4) % тѣхъ и другихъ домохозяйствъ	5) % сдаваемой пашни къ общему ея количеству.
Княгинскій уѣзд., Нижегор. губерн.	14,2	3,7	—	11,2
Васильскій » » »	6,3	4,6	—	5,9
Петербургскій у., Петербургской губ. . . .	8,9	12	—	8,7
Гдовскій уѣздъ, » » . . .	3,4	—	—	2,7

Юхновскій у., Смоленской губ.	—	—	9,6	—
Бугульминскій у., Самарской губ.	9,1	12,2	—	—
Бузулукскій » » »	6,7	5,6	—	—
Бѣлгородскій у., Курской губ.	—	—	8	—
Новооскольскій у. » »	—	—	8,3	—
Мценскій у., Орловск. губ. около	10,3	16,5	—	—
Мамадышскій уѣздъ, Казанской губ. . . .	1,5	—	—	—
Тетюшскій » » » . . .	—	—	—	14,4
Уржумскій уѣздъ, Вятской губ.	10,6	—	—	—
Малмыжскій » » »	7,1	—	—	3,8
Тамбовскій уѣздъ, Тамбовской губ.	14	7	—	—
Кролевецкій уѣздъ, Черниговской губ. . .	—	—	16	—
Аткарскій уѣздъ, Саратовской губ.	8,8	—	—	—
Петровскій » » »	8	—	—	—
Саратовскій » » »	19	—	—	—
Царицынскій » » »	22	—	—	—
Вольскій » » » около . .	4½	—	—	—
Балашевскій » » » болѣе. .	8	—	—	—
Кузнецкій » » »	9	—	—	—
Хвалынскій » » »	19	—	—	—
Сердобскій » » »	11	—	—	—
Камышинскій уѣздъ » »	7	—	—	—

Переходя теперь къ арендным цѣнамъ за крестьянскіе надѣлы, надо замѣтить, что послѣднія стоятъ ниже арендныхъ цѣнъ за частно-владѣльческія земли. Изслѣдователи Княгининскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, объясняютъ это явленіе слѣдующимъ образомъ: «Въ крестьянскомъ хозяйствѣ сдача земли въ наемъ является обыкновенно слѣдствіемъ хозяйственнаго упадка двора, а не результатомъ коммерческаго разсчета. Поэтому и самыя арендныя цѣны въ значительной мѣрѣ носятъ на себѣ характеръ случайности. Мы зачастую можемъ видѣть, что очень хорошія земли въ селеніяхъ, гдѣ земледѣльческое хозяйство пошатнулось и гдѣ значительное количество домохозяевъ не въ силахъ управиться со своими надѣлами, сдаются по цѣнамъ крайне низкимъ, тогда какъ рядомъ, въ селеніяхъ «исправныхъ», гораздо худшія земли, за которыя крѣпко держатся ихъ владѣльцы, могутъ имѣть очень высокую цѣну въ тѣхъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, когда онѣ сдаются въ аренду. Даже въ одномъ и томъ же селеніи цѣны надѣловъ могутъ рѣзко разниться, смотря по индивидуальнымъ условіямъ сдающихъ домохозяевъ: дѣло въ томъ, что рынокъ, на которомъ могутъ обращаться надѣльныя земли, весьма ограниченъ,—по большей части наемъ и сдача земли практикуются между общественниками или сосѣльчанами и потому уравнивающее вліяніе конкурренціи съемщиковъ можетъ оказывать незначительное вліяніе на наемныя цѣны». Случайный характеръ, индивидуальныя особенности сдачъ въ общемъ выводѣ не имѣютъ, разумѣется, значенія и арендныя цѣны безспорно регулируются спро-

сомъ и предложеніемъ на надѣльныя земли. Въ силу того, что надѣлы сдаются во время наибольшей нужды въ деньгахъ со стороны рядового крестьянства, представители послѣдняго рѣдко выступаютъ въ это время въ роли арендаторовъ и надѣльная земля громаднѣйшею частью попадаетъ въ руки зажиточныхъ крестьянъ.

Аренда же со стороны неоднообщественниковъ крайне затруднена *чересполосностью* крестьянскихъ надѣловъ и противодѣйствіемъ арендаторовъ-односельчанъ. Послѣдніе часто добиваются составленія общественныхъ приговоровъ, запрещающихъ сдачу надѣловъ постороннимъ съемщикамъ. Мотивы, приводимые зажиточными крестьянами въ пользу устраненія отъ аренды неоднообщественниковъ, сводятся къ тому, что постороннія лица будутъ истощать землю, плохо ее обрабатывать и т. п. Правда, и мѣстные арендаторы грѣшатъ тѣмъ же самымъ (арендаторы всегда относятся къ землѣ, взятой на одинъ годъ, небрежнѣе хозяина), но на крестьянскихъ сходахъ не принято выступать съ грубо-эгоистическими требованіями, разъ они ничѣмъ не замаскированы. Нужда въ деньгахъ,—время взноса податей, нехватка хлѣба,—сразу охватываетъ собою значительныя группы населенія и масса крестьянъ сразу предлагаютъ свои земли въ аренду. Въ виду этихъ двухъ условій, предложеніе надѣльной земли превышаетъ спросъ на нее и арендныя цѣны за надѣльныя угодья стоятъ ниже такихъ же цѣнъ за частно-владѣльческія земли.

Въ силу этого, бываетъ и такъ, что крестьянинъ, сдавшій во время острой нужды въ деньгахъ свой надѣлъ въ аренду, самъ же снимаетъ землю у частнаго владѣльца, уплачивая послѣднему много бо̀льшую арендную плату. Такія невыгодныя для крестьянина сдѣлки могутъ быть заключены даже одновременно. Разгадка этого явленія сводится къ тому, что крестьянинъ сдаетъ надѣлъ за наличныя деньги, а арендуетъ землю, уплачивая за нее отработками; такое явленіе констатировано, наприм., для Тамбовскаго уѣзда и для другихъ мѣстностей. Иногда крестьянинъ нуждается въ такой суммѣ денегъ, что ему приходится сдать надѣлъ на нѣсколько лѣтъ въ долгосрочную аренду. Въ послѣднемъ случаѣ арендаторомъ можетъ сдѣлаться только очень зажиточный мужикъ, нерѣдко одинъ на все селеніе, и, пользуясь отсутствіемъ конкурренціи, онъ еще сильнѣе понижаетъ плату за землю.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ, показывающихъ, какое значеніе имѣетъ время сдачи на высоту арендныхъ цѣнъ. Въ Бугурусланскомъ уѣздѣ, Самарской губ., сдача надѣльной земли производится по большей части осенью и зимою, во время наибольшей нужды въ деньгахъ на уплату различныхъ сборовъ, долговъ и другого рода обязательствъ, уплата по которымъ всегда пріурочивается къ сбору хлѣба. Зимой, когда малосостоятельнымъ домохозяевамъ не хватаетъ хлѣба для прокормленія своихъ семействъ, единственнымъ способомъ достать хлѣбъ или деньги является сдача земли подъ будущій посѣвъ. Въ обоихъ случаяхъ арендная плата стоитъ гораздо ниже платы за землю, сданную во̀-время». Для Малмыжскаго уѣзда, Вятской губ.,

мы имѣемъ другую картину. Недостатокъ сѣмянъ побуждаетъ малыжцевъ сдавать свои надѣлы. Но, надѣясь достать посѣвныя сѣмена, крестьяне не сдаютъ своей земли до послѣдней возможности. Надежда эта зачастую не оправдывается, и вотъ передъ наступленіемъ послѣдняго сѣва всѣ домохозяева наперерывъ спѣшатъ сдать свои земли для того, чтобы не оставить ихъ пустырями. Такъ какъ крестьяне боятся остаться съ безполезною для даннаго года землею, то они сильно роняютъ цѣну на надѣлы, которые сдаются за третью и даже четвертую часть своей обычной цѣны. «Этимъ временемъ и пользуются всѣ, кто состоятельнѣе». Разумѣется, встрѣчаются и другія причины низкой цѣны за сдаваемыя земли, наприм., *черезполосность*, истощеніе почвы, но нужда въ деньгахъ, все-таки, является главною причиной. Въ Мценскомъ уѣздѣ, Орловской губ., наприм., низкая арендная цѣна крестьянскихъ земель зависитъ отъ трехъ причинъ: во-первыхъ, отъ сильной нужды въ деньгахъ для удовлетворенія неотложныхъ потребностей; во-вторыхъ, отъ того, что крестьянскіе надѣлы истощены; въ-третьихъ, отъ того, что *черезполосность* мѣшаетъ жителямъ другихъ мѣстностей арендовать эти земли. Тѣ же причины дешевой сдачи земли наблюдаются и въ Новооскольскомъ уѣздѣ, Курской губ., гдѣ надѣльныя земли сдаются дешевле владѣльческихъ, во-первыхъ, потому, что онѣ болѣе выпаханы, во-вторыхъ, потому, что *черезполосны* и разбиты на мелкіе загоны, въ-третьихъ, потому, что сдаются по нуждѣ и владѣльцевъ надѣловъ всегда можно поприжать». Въ Бузулукскомъ уѣздѣ, Самарской губ., крестьянскія земли сдаются всегда за наличныя деньги, обыкновенно во время сбора податей, и цѣна на нихъ стоитъ однимъ, двумя, тремя рублями дешевле цѣны за внѣнадѣльныя земли. Дѣло въ томъ, что эти земли сдаются по нуждѣ, а въ иныхъ мѣстахъ крестьянскіе надѣлы плохого качества.

Въ общемъ на цѣну надѣловъ (земельныхъ душъ) рѣшающее вліяніе оказываютъ спросъ и продложеніе, въ частныхъ же случаяхъ имѣютъ значеніе и такія явленія, какъ *черезполосность*, разстояніе участка отъ селеній, истощеніе почвы и т. п.

Сравнительная дороговизна внѣнадѣльной аренды — общее явленіе. Въ Волоколамскомъ уѣздѣ, Московской губ., десятина крестьянскаго надѣла сдается на 18% дешевле десятины частно-владѣльческой земли, въ Богородскомъ уѣздѣ такая же десятина сдается дешевле на 43%, въ Коломенскомъ уѣздѣ цѣна надѣльной десятины равна минимальной цѣнѣ за десятину самыхъ худшихъ владѣльческихъ земель. Въ Орловской губ. десятина крестьянской земли сдается за 7 р. 74 к., а десятина частно-владѣльческой за 12 р. 4 к., въ Воронежской губ. крестьянская земля сдается за 6 р. 69 к. десятина, частно-владѣльческая за 10 р. 3 к., въ Тамбовскомъ уѣздѣ десятина надѣла сдается за 9½ р., а десятина внѣнадѣльной земли за 15 руб. Такое явленіе наблюдалось и во многихъ другихъ мѣстахъ и такая разница въ платѣ не можетъ быть объяснена одною разнокачественностью крестьянскихъ и частно-владѣльческихъ земель. Въ Тамбовскомъ уѣздѣ, наприм., и другая пашня «большею частью одинаковаго качества» сдается, какъ

мы видѣли, по разной цѣнѣ. Это объясняется, по словамъ изслѣдователей уѣзда, единственно тѣмъ, что крестьяне съемщики частно-владѣльческой земли одолжаются у сдатчиковъ, не внося арендаго платежа до уборки и вывозки урожая, а крестьяне сдатчики, напротивъ, одолжаются у своихъ съемщиковъ, забирая арендную плату за долги до посѣва.

Разсматривая условія аренды крестьянскихъ надѣловъ, надо различать двѣ комбинаціи доходности и лежащихъ на землѣ платежей. Первый случай — это тотъ, когда доходъ отъ земли превышаетъ лежащія на ней повинности; въ этомъ случаѣ арендаторъ цѣлаго надѣла принимаетъ на себя уплату платежей и доплачиваетъ сдатчику верхи, т.-е. разность между арендною платой и лежащими на надѣлѣ податями. Бываетъ такъ, что сдатчикъ земли самъ платитъ подати, получая арендную плату цѣликомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ «верхи» выдаются частью урожая; такая уплата встрѣчается сравнительно рѣдко, наприм., при отходѣ работника, оставившаго дома семью. Въ зависимости отъ величины податей и отъ высоты поземельнаго дохода измѣняется и величина «верховъ»; иногда «верхи» бываютъ крайне ничтожны, выражаясь, наприм., въ одной соломѣ, половѣ съ надѣла и т. п.

Во второмъ случаѣ сумма податей превышаетъ доходность надѣла; здѣсь сдатчикъ платитъ «верхи» арендатору или беретъ арендную плату меньше лежащихъ на надѣлѣ платежей и самъ платитъ подати. Въ Гдовскомъ уѣздѣ, Петербургской губерніи, наприм., въ среднемъ выводѣ надѣлы сдаются на одинъ слишкомъ рубль ниже лежащихъ на нихъ платежей. Въ Малмыжскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи, душесдатчикъ даетъ съемщику какое-либо вознагражденіе, наприм., рублевку, штофъ водки *). Иногда земля сдается совсѣмъ даромъ, такъ что и подати уплачиваетъ сдатчикъ, получая только ту выгоду, что его пашня не засаривается.

Третій случай, когда сумма податей совпадаетъ съ доходностью земли, встрѣчается, разумѣется, очень рѣдко. Здѣсь опять-таки приходится доплачивать сдатчику; въ томъ же случаѣ, когда земля сдается безъ всякихъ доплатъ, съемщикъ, безъ всякаго сомнѣнія, все-таки, получаетъ какую-либо выгоду. Въ Вятскомъ уѣздѣ, наприм., крестьяне сдаютъ свои надѣлы изъ платежа податей или, какъ здѣсь говорятъ, «изъ обуза повинностей». Разумѣется, и въ Вятскомъ уѣздѣ земля даетъ нѣсколько большій доходъ, который и поступаетъ въ руки съемщика, такъ какъ нельзя допустить, что онъ работаетъ изъ одного удовольствія.

Замѣтимъ здѣсь, что богатый съемщикъ зачастую не работаетъ на арендованной землѣ. Кабальные крестьяне трудятся на снятыхъ ими надѣлахъ, не получая за это денегъ, не уменьшая иной разъ и лежащаго на нихъ долга, такъ какъ потраченный ими трудъ разсчитывается за проценты. По-

*) Незначительность этихъ доплатъ объясняется и тѣмъ, что тратимый на обработку надѣла трудъ не входитъ, при вычисленіи дохода, въ составъ „издержекъ производства“, а также и тѣмъ, что арендная плата, все-таки ниже поземельнаго дохода·

мимо этого, такой арендаторъ не поцеремонится засѣять поле дорогими, хотя и истощающими почву растеніями, не стѣсняется иной разъ и вовсе истощить ее.

Нельзя не упомянуть здѣсь о своеобразныхъ злоупотребленіяхъ богатыхъ съемщиковъ, создающихъ контингентъ постоянно безземельныхъ крестьянъ. Въ Малмыжскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи, наприм., въ урожайныхъ мѣстностяхъ многіе состоятельные крестьяне, зная, что ревизіи ожидать въ скоромъ времени нельзя, зная даже, что ее совсѣмъ не будетъ, снимаютъ «души» изъ окупа повинностей у своихъ бѣдныхъ односельчанъ «до будущей ревизіи», причемъ заключаютъ относительно этого формальныя условія. «Простодушные душесдатчики, почему-то ожидающіе ежегодно ревизій, охотно поддаются на такія условія и, въ концѣ-концовъ, остаются безъ земли».

Сдавшіе надѣлы крестьяне зачастую перестаютъ быть пахарями и занимаются или промыслами, или работой по найму, или просто нищенствомъ (Мценскій уѣздъ, Орловской губерніи, наприм.).

Понятно, что сдача надѣловъ безъ единовременной аренды чужой земли ведетъ за собою полное паденіе земледѣльческаго хозяйства; если же крестьянинъ пашетъ чужую землю, то его хозяйство становится менѣе устойчивымъ. Не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда земля сдается на нѣсколько лѣтъ, замѣтимъ, что одинъ годъ, въ теченіе котораго крестьянинъ не можетъ кормить скотъ, копить удобреніе, сберечь сѣмена, зачастую превращаетъ земледѣльца въ пролетарія. Добыть же въ теченіе года столько денегъ, чтобы хватило не только на проживаніе семьи, но и на покупку всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые остаются у земледѣльца, какъ продуктъ его натуральнаго хозяйства, очень трудно, а при дешевизнѣ промысловаго труда—часто и невозможно.

Такимъ образомъ, сдача надѣловъ въ аренду можетъ считаться послѣднимъ шагомъ въ дѣлѣ паденія самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства, а многочисленность случаевъ такой сдачи даетъ основаніе бояться, что и къ Россіи будутъ скоро примѣнимы слова аббата Розье: «*Общинныя* земли называются достояніемъ бѣдныхъ; скорѣе ихъ слѣдовало бы назвать достояніемъ богатыхъ»...

К.

Философія безъ фактовъ *).

IV.

Ни одинъ вопросъ политики не могъ казаться греческимъ философамъ болѣе доступнымъ, чѣмъ вопросъ о политическихъ формахъ. Эллинскій міръ представилъ невѣроятное количество примѣровъ всевозможныхъ общественныхъ устройствъ. Новые историки думаютъ, что эллинамъ неизвѣстна была форма представительства. Это не совсѣмъ вѣрно. Теоретически она ясна была Периклу и ея практическому осуществленію помѣшало лишь исконное стремленіе эллиновъ къ образованію массы отдѣльныхъ, независимыхъ политическихъ единицъ. И при всемъ этомъ въ европейской Греціи встрѣчаются представительныя собранія, вродѣ знаменитаго Амфиктіонова судилища. Основы конституціонной монархіи осуществлены были въ Спартѣ. Тамъ ежемѣсячно цари клялись соблюдать законы государства, а эфоры, отъ лица общества, обѣщали сохранять права государя, пока онъ останется вѣренъ своей клятвѣ. Слѣдовательно, и новѣйшая политика внесла мало новаго въ теорію государства сравнительно съ античною практикой. За то въ эллинскомъ мірѣ большинство политическихъ формъ являются въ такомъ прозрачномъ, стройномъ видѣ, что описаніе любой изъ нихъ можно принять за идеалъ данной формы. Смѣна этихъ формъ идетъ также наиболѣе простымъ путемъ. Многіе вопросы, возмущающіе потокъ современной жизни, очень долго остаются неизвѣстными античному обществу. Наприм., экономическій вопросъ съ самаго начала въ высшей степени просто былъ рѣшенъ институтомъ рабства. Поэтому, въ самой бурной исторіи—аѳинской, въ наиболѣе горячіе моменты ея развитія, мы почти не слышимъ о соціальномъ броженіи. Достаточно было одной экономической реформы Солона, чтобы пресѣчь соціальныя смуты навсегда. Съ этихъ поръ аѳинянинъ могъ вполнѣ отдаться политикѣ. И это дѣйствительно былъ политикъ «съ головы до пятъ». Ксенофонтъ приходитъ въ изумленіе отъ массы общественныхъ обязанностей, лежавшихъ на аѳинскомъ гражданинѣ. Сократу чуть ли не ежедневно приходится сдер-

*) *Русская Мысль*, кн. II.

живать пылкихъ юношей, стремящихся раньше времени на политическое поприще. То же явленіе, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, повторялось во всей Элладѣ. Аристотель на каждомъ шагу видѣлъ подтвержденіе своей характеристикѣ человѣка, какъ *существа политическаго* даже въ тѣсномъ значеніи этого термина. Всякое разсужденіе о политикѣ, какое бы направленіе оно ни принимало, могло имѣть у эллина реальную практическую почву. Ему стоило только обозрѣть въ памяти даже ближайшіе факты эллинской исторіи, и въ умѣ являлась стройная система политической философіи. Окружающая жизнь стремилась въ высшей степени пестрымъ и энергическимъ потокомъ. Мысли не требовалось изобрѣтать своихъ новыхъ комбинацій. Ей достаточно было добросовѣстно слѣдить за фактами внѣшней жизни, и выводы приходили сами собой. Платонъ поднялся въ недосягаемую высоту надъ земнымъ міромъ и, все-таки, захотѣлъ говорить объ этомъ мірѣ. Пока онъ говорилъ о мірѣ идей, въ его картинахъ была красота, хотя и обманчивая. Въ его рѣчахъ о мірѣ людей нѣтъ ни красоты, ни той истины, которой мы вправѣ ожидать отъ эллина, говорящаго о политикѣ.

Платонъ, кромѣ своей идеальной формы, насчитываетъ еще четыре *порочныхъ* формы. Свою онъ называетъ аристократіей, четыре прочихъ: тимархіей или тимократіей, олигархіей, демократіей и тираніей. Перемѣны формъ, по мнѣнію Платона, зависятъ отъ перемѣнъ въ *правящемъ классѣ государства*. Такой взглядъ совершенно естественъ у человѣка, видящаго государство исключительно въ лицѣ привилегированныхъ кастъ. Мы видѣли, для Платона производительная часть общества является въ видѣ рабочаго скота. Не мудрено, что такіе граждане не могутъ, въ глазахъ философа, вліять на политическую жизнь. А, между тѣмъ, стоило Платону внимательнѣе припомнить исторію хотя бы только Аѳинъ, онъ не впалъ бы въ капитальное для политика заблужденіе. Всѣ реформы въ Аѳинахъ вызваны были перемѣнами, происходившими постепенно не въ правящихъ, а въ *управляемыхъ классахъ*. Солонъ ввелъ цензъ и, по мнѣнію большинства изслѣдователей, принялъ даже въ разсчетъ движимую собственность, въ виду развитія торговли и промышленности. Это развитіе создало новую силу—*капиталъ*, болѣе могучую, чѣмъ сила предъидущей эпохи—*происхожденіе*. Матеріальное развитіе, благодаря географическимъ условіямъ Аѳинъ, шло такъ быстро, что уже Клисѳенъ, менѣе чѣмъ вѣкъ спустя послѣ Солона, долженъ былъ принять въ число гражданъ массу метековъ даже разбогатѣвшихъ рабовъ. Во время персидскихъ войнъ большинство ріумфовъ досталось на долю аѳинскаго флота. Матросы въ Аѳинахъ напрались изъ бѣднѣйшаго класса населенія, четвертаго. Теперь эти бѣдяки почувствовали свою силу и были допущены, по совѣту Аристида, о всѣмъ должностямъ наравнѣ съ наиболѣе состоятельными классами. Іерикъ это демократическое теченіе довелъ до конца. Мы видимъ, что :ѣ побужденія къ политическимъ реформамъ основывались на преобразо-ніи *управляемаго* слоя Аѳинъ и смыслъ реформъ заключается въ по-

степенномъ возведеніи подданныхъ въ рангъ правителей. Этимъ, конечно, измѣнялся и классъ правителей, но эти измѣненія не были самостоятельнымъ замкнутымъ движеніемъ въ самомъ правящемъ классѣ, какъ это представляетъ Платонъ, а были измѣненіями внѣшнихъ силъ и отсюда отражались на центральномъ слоѣ. Послѣ такихъ убѣдительныхъ уроковъ исторіи Платонъ находитъ цѣлесообразнѣе всего обратиться къ *миѳическому* объясненію перехода аристократическаго образа правленія въ тимократическій. Въ данномъ мѣстѣ трактата слѣдуетъ разсужденіе о счастливыхъ и несчастныхъ зачатіяхъ потомства. Мѣсто это не разъяснено до сихъ поръ критикой, и любители всякихъ метафизическихъ пареній могутъ сами прочесть о періодахъ «совершеннаго числа» и «геометрическаго». Во всей этой безднѣ таинственныхъ образовъ и туманныхъ словъ ясно лишь одно: Платонъ измѣненіе политической формы приписываетъ неудачнымъ бракамъ философовъ, породившимъ потомство въ несчастное время. Какъ это происходитъ, это тайна философа. Намъ онъ также не разъяснитъ, какое онъ имѣетъ право говорить о *переходѣ* своей идеальной формы въ тимократію, т.-е., по его взглядамъ, спартанское или критское устройство. Развѣ государство нашего философа гдѣ-нибудь существовало? Вѣдь, онъ самъ говорилъ, что это государство существуетъ развѣ только на небѣ, да, можетъ быть, въ будущемъ оно возникнетъ послѣ пріема, разсказаннаго нами выше.

Перечисляя пороки первой несовершенной формы, онъ, между прочимъ, приводитъ довольно странное соображеніе. Оказывается, матери очень много вредятъ государству. Онѣ возбуждаютъ у сыновей честолюбіе, между тѣмъ какъ отцы отказываются отъ почестей въ дурномъ государствѣ. Если это частный случай, онъ не имѣетъ никакого значенія въ разсужденіи объ общихъ вопросахъ. Если Платонъ считаетъ его общимъ явленіемъ, мы совершенно не въ состояніи указать источника его свѣдѣній, даже привести примѣръ.

Тимархія переходитъ въ слѣдующую форму — олигархію, вслѣдствіе жажды къ наживѣ.

Платонъ не указалъ намъ, какими *реальными* признаками *тимархія* отличается отъ *аристократіи*. Въ тимархіи господствуетъ честолюбіе (φιλότιμος πολιτεία) и любовь къ гимнастикѣ. Эти качества, сами по себѣ, не въ состояніи создать отдѣльный политическій символъ. Спартанское государство вовсе не этими качествами типично, какъ политическая форма. Совершенно не отъ гимнастики зависѣло создать такую сложную конституцію, какъ совмѣстное существованіе сената, царей, эфоровъ, народа. Неясность платоновскаго представленія о Спартѣ, какъ *тимархіи*, оставляетъ насъ въ недоумѣніи, какимъ образомъ совершится переходъ этой формы въ *олигархію*? Этическое соображеніе философа, что люди станутъ уважать болѣе богатство, чѣмъ добродѣтель, ничего не объясняетъ. Что же люди уважали въ *тимархіи*? Если добродѣтель, тогда тимархія—*аристократія*, если богатство, тогда тимархія—*олигархія*. Платонъ самъ гов

рить, что добродѣтель и богатство—два груза на вѣсахъ людскаго уваженія. Остаются, слѣдовательно, только двѣ формы—аристократія и олигархія. Изъ исторіи мы не знаемъ примѣра перехода аристократіи (исторической, не философской) въ олигархію. Вездѣ—и въ эллинскихъ городахъ, и позже въ итальянскихъ—аристократія не преобразовывалась въ другой видъ аристократіи—денежной, а становилась постепенно *демократіей*. Мы видѣли этотъ процессъ въ аѳинской исторіи. Во Флоренціи внутренняя исторія концентрируется около борьбы сначала высшихъ цеховъ—popolo grosso, потомъ высшихъ цеховъ—popolo minuto—за политическія права. Этотъ popolo grosso—Солоновы три класса, popolo minuto—ναυτικός ὄχλος, четвертый классъ. Процессы, слѣдовательно, въ обѣихъ республикахъ тождественны.

Платонъ совершенно удовлетворяется своимъ замѣчаніемъ о стремленіи къ наживѣ. Это стремленіе, въ его глазахъ, производитъ также гибель олигархіи. Процессъ образованія демократіи у Платона изложенъ весьма любопытно. Правители-олигархи изъ чрезмѣрной любви къ наживѣ станутъ отдавать въ заемъ деньги, поощрять мотовство юношей. Въ государствѣ окажется множество обремененныхъ долгами, людей благородныхъ, слѣдовательно, недовольныхъ. Революціонный духъ выразится въ убійствѣ богачей и создастъ демократію.

Можно подумать, что мы читаемъ не прославленнаго философа, а наивнаго мечтателя. Неужели демократія является только тамъ, гдѣ правители—ростовщики? Неужели благородные разорившіеся юноши начнутъ революцію ради демократіи? Примѣръ Каталины говоритъ совершенно другое. Его не зналъ Платонъ, но «благородныхъ юношей»-революціонеровъ и въ его отечествѣ было достаточно. Всѣ они становились тираннами. Никто ни одной минуты не задумывался о демократіи.

Само демократическое устройство Платонъ представляетъ въ еще болѣе странномъ видѣ, чѣмъ причины его возникновенія. Въ глазахъ Платона демократія и анархія—синонимы. Эта форма потому и кажется наилучшей, что при ней *всякому можно дѣлать, что ему угодно*. Это государственное устройство—пріятное, анархическое и пестрое (ἡδεῖα πολιτεία καὶ ἄναρχος καὶ ποικίλη). *Оно право равенства раздаетъ всѣмъ—и равнымъ, и неравнымъ*. Всѣ нравственныя понятія являются здѣсь въ извращенномъ видѣ: благоразуміе считаютъ трусостью, умѣренность и приличіе—дикостью и рабствомъ, анархію называютъ свободой, нахальство—воспитанностью, безстыдство—доблестью. Предаются безразлично всячемъ наслажденіямъ; въ общемъ строѣ жизни нѣтъ ни порядка, ни руководящей цѣли. Уваженіе къ старшимъ и учителямъ невѣдомо. Даже рабы держатъ себя не менѣе свободно, чѣмъ господа. Даже *животныя* ведутъ себя такъ, что имъ приходится давать дорогу,—они привыкли къ гордому вольному аллюру. Законовъ нѣтъ. Всякій господинъ своей воли...

Мы приводимъ *буквально* платоновскую характеристику демократіи. Мы знаемъ, это не рѣчь философа, а газетный памфлетъ уличной печати.

Мы здѣсь слышимъ исконную партійную вражду аристократа къ народу, а не разсужденіе политика. Платонъ тономъ своихъ разсужденій превзошелъ самыя безцеремонныя выходки комическихъ авторовъ. Тѣ нападали на *отдѣльныхъ* личностей аѳинскаго демоса и на *отдѣльныя* проявленія демократическаго строя, но они уважали этотъ демосъ, воспитавшій свободу мысли и слова. Самъ Аристофанъ высоко цѣнилъ вниманіе народа, надъ которымъ онъ такъ часто издѣвался. Поэтъ не могъ забыть, когда демосъ отказалъ ему въ наградѣ за одну изъ его комедій. Поэтъ никогда не позволялъ себѣ весь государственный строй отечества представить въ карикатурѣ. Онъ понималъ, что только при такомъ строѣ мыслимо было его творчество, возможна была философія и литература. Философъ не обнаружилъ политическаго такта поэта, и аѳинскую демократію представилъ въ видѣ разнузданнаго лагеря дикарей. Философъ страшно наклеветалъ на своего великаго учителя, вложивъ въ его уста свои злостныя инвективы. Сократъ, полный истиннаго патріотизма и мудрой гуманности, защищалъ свой народъ и указывалъ всѣмъ сомнѣвающимся на прекрасныя стороны Аѳинскаго государства *). Онъ до конца вѣрилъ въ этотъ часто увлекающійся и легкомысленный демосъ, но носившій въ своей природѣ источникъ всего, чѣмъ красна жизнь культурнаго человѣчества. Учитель Платона не принадлежалъ ни къ какой партіи. Но Платонъ могъ бы прислушаться къ голосамъ, шедшимъ отъ представителей враждебнаго демократіи лагеря. Онъ могъ прочесть чудную рѣчь Перикла, приводимую Ѳукидидомъ. Историкъ, понесшій семейныя горести отъ вождей демократіи, нашелъ въ себѣ достаточно безпристрастія и политическаго смысла, чтобы на страницахъ своего сочиненія дать мѣсто самой возвышенной, самой лирической идеализаціи аѳинской демократіи. Скажутъ, что Платонъ понесъ также утрату въ лицѣ своего учителя и, можетъ быть, эта утрата вызвала у него поношенія на демократію. Но, вѣдь, остался послѣ Сократа и другой, не менѣе обездоленный ученикъ—Ксенофонтъ. На него глубоко подѣйствовала смерть учителя и онъ оставилъ памятникъ своей любви къ нему, далеко превосходящій все, что Платонъ сдѣлалъ для истиннаго освѣщенія личности учителя въ глазахъ потомства. И, все-таки, Ксенофонтъ написалъ одну изъ самыхъ безпристрастныхъ характеристикъ аѳинской демократіи. Всѣ эти люди умѣли отличить частныя заблужденія отъ общаго строя, выдѣлить увлеченія и ошибки *демоса* изъ общей характеристики *демократіи*. Одинъ Платонъ заклеймилъ позоромъ и насмѣшкой эту демократію. Его ученикъ, Аристотель, увидитъ еще болѣе печальныя времена аѳинской политики. Онъ также будетъ питать симпатіи къ иному политическому строю. Но по временамъ съ его устъ, какъ бы невольно, будетъ срываться изумленіе предъ общественнымъ строемъ эллинской столицы. А, между тѣмъ, Аристотель разсуждаетъ, имѣя передъ глазами реальные факты. Его учитель неизмѣнно витаетъ въ областяхъ чистой мысли и, все-таки, про-

*) *Met.*, III, 5.

износитъ смертный приговоръ надъ тѣмъ, что совершалось передъ глазами, къ чему стоило только приблизиться, чтобы перемѣнить мнѣніе.

Благодаря разнузданной свободѣ, демократія переходитъ въ тиранніи. Платонъ, слѣдовательно, знаетъ только одинъ источникъ тираніи—демократію, дошедшую до крайней степени свободы. Здѣсь, въ сущности, дѣло не въ *свободѣ*, какъ политическомъ элементѣ, а въ томъ же измѣненіи слоя гражданъ, которое, какъ мы видѣли, производитъ всѣ преобразованія политической формы. Возникновеніе тираніи коренится въ экономическихъ и соціальныхъ основахъ, а не политическихъ. Тираннъ, возникшій на почвѣ демократіи, вездѣ въ древнемъ мірѣ являлся тѣмъ, что у насъ назвали бы соціальнымъ вождемъ. Это были вожди не людей, обладавшихъ извѣстными политическими правами, какъ думаетъ Платонъ, а совершенно безправныхъ пролетаріевъ. Античныя демократіи, по самому существу, могли обнять лишь ограниченный кругъ гражданъ. Съ теченіемъ времени эти демократіи перерастали самихъ себя. Массѣ населенія не было мѣста въ старыхъ рамкахъ. Прочной представительной системы античный міръ не выработалъ, и поэтому демократія, разростаясь, неминуемо разрушалась. Слѣдовательно, не обиліе демократическихъ благъ вызывало гибель демократіи, а невозможность громадному количеству гражданъ одинаково пользоваться этими благами и функціонировать, сохраняя принципъ демократіи—*власть надъ всѣми и чрезъ всѣхъ*. Вся эта масса новыхъ гражданъ, всегда обездоленныхъ въ экономическомъ отношеніи, какъ младшіе члены стараго общества, и являлась матеріаломъ въ рукахъ тирановъ. Процессъ, слѣдовательно, шелъ вовсе не отъ той причины и не тѣмъ путемъ, какъ это объясняетъ Платонъ. И здѣсь дѣйствуетъ тотъ же основной источникъ заблужденій Платона—пренебреженіе экономическими и соціальными явленіями, и болѣе всего пренебреженіе данными исторіи.

Наконецъ, мы должны замѣтить, что тираніи далеко не всегда выростали на почвѣ демократіи. Аѳинскія тираніи появлялись именно въ то время, когда демократическая свобода была только въ зачаточномъ состояніи, когда даже не могло быть и рѣчи о самомъ терминѣ — *демократія*, т.-е. *народовластіе*.

Мы ограничимся этими замѣчаніями объ ученіи Платона о политическихъ формахъ. Мы высказали далеко не всѣ соображенія, какія вызываетъ въ насъ платоновскій трактатъ. Но и ихъ достаточно, чтобы судить—не говоримъ о практическомъ, а даже о теоретическомъ, чисто-идейномъ значеніи разсужденій философа. Судьба, неотразимо-безжалостная ко всякому мыслителю, покидающему реальную почву дѣйствительной жизни, всею силой разразилась надъ ученикомъ, но не послѣдователемъ Сократа. Мы видѣли, какъ философъ безвыходно запутался въ сѣтяхъ своей діалектики, увидѣли, какъ эта діалектика оказалась безрезультатною, какъ самый идеалъ философа растаялъ въ туманѣ неуясненныхъ представленій и необоснованныхъ доказательствъ. Мы еще можемъ примириться съ неясностью идеальныхъ построеній: это довольно обычная судьба метафизическаго мыш-

ленія. Но самый процессъ этого мышленія, цѣль доказательствъ, сами эти доказательства должны удовлетворять требованіямъ формальной логики. Если же и путь къ окончательнымъ выводамъ ведетъ чрезъ софизмы, противорѣчія,—трудъ философа теряетъ всякое положительное значеніе. Мы уже знакомы съ нѣкоторыми умозаключеніями Платона. Приведемъ еще нѣсколько, наиболѣе важныхъ, и на этомъ закончимъ наши замѣчанія о *Республикѣ*.

V.

Общій планъ разбираемаго сочиненія далеко не можетъ похвалиться стройностью. Мы уже говорили, что первая книга представляетъ рядъ софизмовъ, стоящихъ внѣ связи съ главнымъ теченіемъ мысли. Это теченіе нѣсколько разъ прерывается и дробится на нѣсколько побочныхъ вѣтвей. Наприм., Платонъ въ двухъ мѣстахъ говоритъ о воспитаніи, первое разсужденіе прерывая вопросомъ: что такое справедливость? Разсужденіе о формахъ оканчиваетъ разсужденіемъ о душевныхъ состояніяхъ человѣка. И вообще вопросы о личности и государствѣ переплетены въ крайне пестрый узоръ и часто трудно распознать, характеризуетъ ли философъ данную политическую форму, или человѣка, живущаго въ этой формѣ. Объ искусствѣ Платонъ принимается говорить также нѣсколько разъ, противорѣча, какъ мы указывали выше, собственнымъ словамъ довольно рѣзко. Послѣднее разсужденіе о поэзіи совершенно неожиданно переходитъ въ трактатъ о безсмертіи души, который оканчивается пророчествомъ о какомъ-то тысячелѣтнемъ путешествіи за гробомъ.

Великую славу пріобрѣлъ Платонъ своимъ ученіемъ о безсмертіи души. Нѣкоторые пункты въ его доказательствахъ этого высокаго догмата не лишены интереса. Первое доказательство безсмертія души у Платона такое: у каждаго предмета есть ему свойственное отъ природы зло (τὸ ξύμφυτον κακόν) и это зло разрушаетъ этотъ предметъ. Если же какое-либо зло, свойственное предмету, не разрушаетъ его, а дѣлаетъ его лишь хуже, то этотъ предметъ безсмертенъ. Всѣ пороки лишь дѣлаютъ душу дурной: *отъ нихъ человѣкъ непосредственно не умираетъ, слѣд., душа—безсмертна*. На это можно замѣтить, что даже если бы человѣкъ и умиралъ отъ нравственныхъ пороковъ, это не доказывало бы смертность *души*, такъ какъ a priori философомъ принято существованіе души независимо отъ тѣла, а обыкновенная смерть—есть смерть тѣла. Слѣдовательно, одна изъ посылокъ по меньшей мѣрѣ безполезна. Второе доказательство слѣдующее. Если *среди людей* справедливые получаютъ подъ старость награду, а несправедливые подвергаются насмѣшкамъ и карѣ, то тѣмъ болѣе боги не могутъ оставить безъ награды людей добродѣтельныхъ по смерти. Первая часть предложенія, какъ всякій видитъ, совершенно не можетъ являться основаніемъ для сдѣланнаго вывода.

Такъ же поверхностно доказывается Платономъ, что справедливый человѣкъ—мудрый и добродѣтельный. Ходъ доказательства такой.

1) Музыкантъ и врачъ и вообще человѣкъ свѣдущій (ἐπιστήμων) хотятъ быть выше (πλεονεκτεῖν) только невѣждъ, а не себѣ подобныхъ, ученыхъ. Невѣжда хочетъ превосходить всѣхъ—и ученыхъ, и невѣждъ.

2) Справедливый стремится стать выше не подобнаго себѣ, а человѣка на него не похожаго, т.-е. несправедливаго, слѣд., справедливый—свѣдущій—ἐπιστήμων.

Несправедливый хочетъ превзойти всѣхъ и справедливыхъ и несправедливыхъ, слѣд., онъ невѣжда—ἀμαθής.

3) Но ἐπιστήμων, т.-е. *ученый*, *знающій*—человѣкъ добродѣтельный и мудрый (ἀγαθὸς καὶ σοφός). *Неученый*, невѣжда—дурной, κακός.

Слѣдов., справедливый—мудръ и добродѣтеленъ, а несправедливый—глупъ и порочепъ.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что *справедливость*, *добродѣтель*—ἀρετή.

Платонъ пользуется этимъ терминомъ и уже чисто-софистическимъ путемъ доказываетъ, что *справедливость—счастье*—per se.

1) *Функція* (ἔργον) *всякаго чувства* зависитъ *отъ способности*, которою обладаетъ это чувство—отъ ἀρετή: зрѣніе—отъ способности видѣть, слухъ—слышать и т. д.

Функціи души также должны имѣть свои способности—ἀρεταὶ.

2) *Чувства*, лишенныя своихъ *способностей*, лишаются нормальной жизни, перестаютъ функціонировать.

Душа, лишенная своихъ *способностей*, тоже лишается счастливой, нормальной жизни.

Слѣдов., счастье души неразлучно съ ея ἀρεταὶ, слѣд., ἀρεταὶ—счастье, а поэтому справедливость, какъ ἀρετή, тоже счастье.

Ясно, что доказательство построено на двоякомъ смыслѣ средняго термина—ἀρετή, который значитъ и virtus, и нѣм. Naturkraft—извѣстное прирожденное свойство, стремленіе. Это одинъ изъ элементарнѣйшихъ софизмовъ формальной логики.

Но болѣе всего Платонъ злоупотребляетъ сравненіями и аналогіями. Ими переполненъ весь трактатъ. Мы видѣли, что центральный вопросъ разсужденія—объ идеѣ блага—философъ прекратилъ сравненіемъ идеи блага съ солнцемъ. Если мы прибавимъ ко всему этому лиризмъ и мистическое созерцаніе идеальнаго и загробнаго міра, мы исчерпаемъ всѣ рессурсы мышленія Платона. Съ такими рессурсами мысль философа никогда не могла дойти до устойчивыхъ принциповъ, ясныхъ представленій. Естественно, что въ остальныхъ политическихъ трактатахъ Платона мы встрѣчаемъ самое полное и энергическое отрицаніе идей *Республики*.

V.

Въ *Республикѣ* сказался юношескій идеализмъ Платона. Философъ самъ сознается, что такой государственный строй могъ сниться ему только въ годы молодыхъ увлеченій, въ годы отвлеченной вѣры въ человѣческія

способности. Мы видѣли, что этотъ идеализмъ и эта вѣра создали далеко не тѣ мечты, какія привыкли мы приписывать молодости и идеальному настроенію. Для насъ юношескій идеализмъ является въ видѣ восторженныхъ грезъ объ общечеловѣческомъ счастьѣ, о неограниченномъ воплощеніи всего лучшаго, что когда-либо создавалось искусствомъ и поэзіей. Платону чужда самая идея общечеловѣческаго блага, т.-е. человѣческаго равенства и свободы. Его государство отмѣчено тѣмъ же аристократизмомъ, какой осуществлялся во многихъ городахъ эллинскаго міра. Правда, это не аристократизмъ происхожденія и богатства,—платоновскіе аристократы—знатоки особой, таинственной жизни—*діалектики*. Наука эта, мы видѣли, не имѣетъ ничего общаго съ земною человѣческою жизнью и главное свое достоинство полагаетъ въ полномъ отчужденіи отъ нашего будничнаго міра. И, все-таки, ея послѣдователямъ философъ приноситъ въ жертву трудъ и личность всѣхъ, не имѣвшихъ счастья родиться діалектиками. Ради діалектиковъ и усовершенствованія ихъ науки философъ и строитъ свое государство. Весь *идеализмъ* этого построенія заключается только въ томъ, что оно неприменимо на землѣ, и, по сознанію автора, возможно только развѣ на небѣ. Искусство и поэзія—эта плоть и кровь *нашего* идеализма—изгоняются философомъ изъ его государства, и оно, такимъ образомъ, ни единою стороной не напоминаетъ тѣхъ идеаловъ, какіе могутъ вырости на почвѣ жизненной мысли и человѣческаго творчества. Несмотря на это, судьба платоновскихъ идеаловъ въ дальнѣйшемъ развитіи оказалась такая же, какая весьма часто постигаетъ обычный юношескій идеализмъ. Философъ, подъ вліяніемъ опыта и лѣтъ, отказался отъ своихъ идеаловъ. Это сожженіе того, чему поклонялся авторъ, было самое полное и энергичное. Памятникомъ его служитъ самый пространный діалогъ — *Законы*. Нѣкоторые нѣмецкіе ученые думали, что діалогъ не принадлежитъ Платону, но свидѣтельство Аристотеля устраняетъ всякія сомнѣнія на этотъ счетъ. Целлеръ, одно время сторонникъ отрицательной критики, впослѣдствіи измѣнилъ свой взглядъ и теперь принадлежность діалога Платону считается вполнѣ достовѣрной.

Діалогъ писанъ философомъ приблизительно въ послѣднія десять лѣтъ жизни, остался за смертью отчасти необработаннымъ, но является въ полномъ смыслѣ послѣднимъ словомъ политическаго мышленія Платона. Философу съ самаго начала была не безъизвѣстна практическая неосновательность его идеальнаго строя, въ теченіе жизни онъ убѣдился, что ни единая его идея не можетъ быть осуществлена въ дѣйствительности. Теперь отрицаніе замѣнило былые порывы: отрицается не только идеальное построеніе, но изъ человѣческаго общества окончательно и настойчиво изгоняется самая *идея*. Мысль и наука, по мнѣнію Платона-старца,—враги человѣчества и безусловно должны быть устранены въ благоустроенномъ государствѣ. На мѣсто нихъ должна быть поставлена религіозная вѣра, догматическая и нетерпимая. Идеалъ Платона теперь покоится въ отдаленномъ прошломъ, когда не могло быть и рѣчи о произведеніяхъ искус-

ства и научныхъ изслѣдованіяхъ,—люди жили и воспитывались исключительно для физической борьбы. Войну философъ признаетъ естественнымъ состояніемъ человѣческаго общества и поэтому ея интересы должны поглощать всѣ силы и стремленія людей. Граждане должны быть закалены противъ всѣхъ испытаній, одинаково—и противъ лишеній, и противъ удовольствій. Въ послѣднемъ пунктѣ Платонъ видитъ оригинальность своей мысли: онъ первый хочетъ научить людей быть устойчивыми среди всевозможныхъ искушеній. Спарта—лучшее изъ государствъ—учила только выносить лишенія. Платонъ дѣйствительно довольно своеобразно закаляетъ своихъ гражданъ.

Онъ предоставляетъ имъ увлекаться всевозможными наслажденіями и, прежде всего, неумѣреннымъ пьянствомъ, въ надеждѣ, что впослѣдствіи изъ опытныхъ пьяницъ выйдутъ стоики. Философа ни на минуту не занимаетъ вопросъ о возможной побѣдѣ наслажденій не только надъ духовными, но даже надъ физическими силами испытуемыхъ. Напротивъ, роль попоекъ Платонъ расширяетъ дальше и все въ тѣхъ же воспитательныхъ цѣляхъ. Онъ совѣтуетъ напаивать до пьяна стариковъ, чтобы заставить ихъ пѣть и плясать вмѣстѣ съ юношами. Оргіи стариковъ необходимы для пропаганды извѣстныхъ религіозныхъ догматовъ, которые философу кажутся насущными въ человѣческомъ обществѣ, но которые не всѣмъ кажутся убѣдительными. Наприм., всѣ граждане должны быть убѣждены, что жизнь несправедливаго человѣка исполнена бѣдствій, даже если бы это положеніе и не оправдывалось опытомъ. Вѣдь, убѣдили же людей,—разсуждаетъ Платонъ,—въ существованіи Кадма, легендарнаго царя и героя, почему же три хора изъ юношей, мужей и старцевъ, постоянно напѣвающіе какой угодно догматъ во время пиршествъ, не убѣдятъ въ его истинѣ всѣхъ сомнѣвающихся?

Платонъ всѣми силами хочетъ обезпечить успѣхъ своей пропаганды. Пассивное воспріятіе идей философу кажется высшимъ достоинствомъ человѣка. Чтобы создать такого рода воспринимателей, Платонъ совѣтуетъ устранить чтеніе всякаго рода произведеній, кромѣ законовъ, причемъ текстъ закона долженъ быть положенъ на музыку и замѣнить лирическую поэзію. Сомнѣваться въ чемъ бы то ни было—преступленіе; всѣ порядки въ государствѣ должны быть признаваемы непогрѣшимыми, особенно передъ лицомъ иностранцевъ. Развѣ только старцы въ частной бесѣдѣ съ правителями могутъ осудить какое-либо установленіе. Вообще весь авторитетъ—и политическій, и нравственный—олицетворяется въ старцахъ. Коллегія старцевъ—важнѣйшая правительственная власть; проклятіе или благословеніе старца въ частной жизни управляетъ всею дальнѣйшею жизнью человѣка, и рядомъ съ этимъ Платонъ узаконяетъ судебный процессъ противъ отца, потерявшаго разсудокъ отъ старости.

Вся умственная и политическая жизнь этого новаго платоновскаго государства зиждется на религіозныхъ догматахъ. Религія эта сама по себѣ въ высшей степени замѣчательна. Она ничто иное, какъ восточное

звѣздопоклонство, приправленное личными соображеніями философа. Астрономія у Платона тождественна съ религіознымъ ученіемъ. Разногласіе въ астрономическихъ теоріяхъ влечетъ наиболѣе жестокую кару. Это—ересь въ самомъ тяжеломъ смыслѣ слова. Ученіе объ ересяхъ разработано Платономъ съ особенною тщательностью. Въ каждомъ небесномъ свѣтилѣ Платонъ находитъ живущее въ немъ божество. Философъ такъ увѣренъ въ этой истинѣ, что, по его мнѣнію, не найдется безумца, который сталъ бы противъ нея спорить. Такою же аксіомой Платонъ считаетъ ученіе о переселеніи душъ. Значеніе этой истины Платонъ не объяснилъ, хотя, повидимому, склоненъ думать, что странствованіе душъ ведетъ ихъ къ совершенству. Съ другой стороны, философъ вѣритъ въ преобладаніе злыхъ душъ надъ добрыми. Вообще положительная часть платоновской религіи страдаетъ такою же мистическою темнотой, какъ и ученіе о высшемъ благѣ въ *Республикѣ*. Но за то философъ усердно позаботился оградить свои догматы отъ нечестивыхъ покушеній критики.

Ученіе Платона объ ереси получило почти такую же славу, какъ и его идеальное государство. Платонъ знаетъ три рода ереси: безусловное невѣріе въ существующее божество, вѣра въ него, но сомнѣніе въ божественномъ промыслѣ, и, наконецъ, вѣра въ божество и его промыслъ и при этомъ убѣжденіе, что божество можно умилостивить жертвами и молитвами. Во главѣ этихъ, такъ сказать, частныхъ ересей стоитъ одна общая, подавляющая своею преступностью: сомнѣніе въ томъ, что небесныя свѣтила—существа одушевленныя. Платонъ посвящаетъ этой ереси цѣлый рядъ страстныхъ нападокъ. Но и остальныя три ереси караются съ отмѣнною жестокостью. Мы должны бы ожидать, что философъ, раньше чѣмъ изрекать кару, позаботится мотивировать свой догматъ. Если съ общефилософской точки зрѣнія первая ересь не можетъ и возбуждать возраженій, двѣ остальныхъ могутъ быть отвергнуты на основаніи собственнаго діалога Платона. Самъ философъ признаетъ въ мірѣ преобладаніе зла; онъ увѣренъ, что въ мірѣ все идетъ къ худшему и что въ миѳическій періодъ все было гораздо лучше. Всѣ идеи Платона проникнуты глубокимъ сомнѣніемъ въ человѣческой природѣ. Мы видѣли, Платонъ не довѣряетъ ни человѣческому творчеству, ни мысли. Единственное средство спасти міръ отъ бѣдствій—лишить человѣка личности и иниціативы, превратить его въ безличный механизмъ, пассивно и неуклонно поддающійся всяческимъ воздѣйствіямъ извнѣ. Если принять въ разсчетъ такіе взгляды на міровую жизнь и человѣческую природу, неминуемо долженъ возникнуть вопросъ: въ чемъ же заключается роль божественнаго промысла въ мірѣ и въ человѣкѣ? Еретики могутъ подкрѣпить свои сомнѣнія буквальными выраженіями самого законодателя. Еще призрачнѣе основаніе третьей ереси. Платонъ, признавъ преступленіемъ молитвы и жертвоприношенія съ цѣлью умилостивить божество, въ томъ же діалогѣ узаконяетъ всѣ эти обряды.

Несмотря на эти противорѣчія, карательный кодексъ относительно ере

сей развитъ Платономъ съ особенными подробностями. Философъ учреждаетъ три тюрьмы по числу еретическихъ преступленій. Въ тюрьмахъ нѣкоторые еретики могутъ, въ цѣляхъ исправленія, содержаться въ цѣпяхъ до пяти лѣтъ; потомъ слѣдуетъ казнь. Есть еретики, которыхъ законодатель хотѣлъ бы казнить по нѣскольку разъ: это — еретики лицемѣры, незамѣтными путями подрывающіе вѣрованія.

Платонъ—единственный примѣръ древняго мыслителя-фанатика. Ни греки, ни римляне не знали религіозныхъ преслѣдованій и впослѣдствіи даже гоненія на христіанъ мотивировались и вызывались политическими соображеніями. Можно себѣ представить, въ какомъ положеніи очутилась бы мысль, попавши подъ цензуру платоновскихъ магистратовъ. Нечего и говорить, что существованіе людей, подобныхъ Сократу, совершенно невозможно въ такомъ государствѣ. Ученикъ, такимъ образомъ, кончилъ тѣмъ, что присоединилъ свой голосъ къ приговору надъ своимъ великимъ учителемъ. Сто лѣтъ спустя послѣ Платона стоикъ Клеантъ обвинялъ въ нечестіи знаменитаго астронома Аристарха, доказывавшаго движеніе земли вокругъ солнца. Клеантъ свои обвиненія могъ подкрѣпить авторитетомъ Платона, и оба философа, такимъ образомъ, имѣютъ полное право считаться предшественниками католической инквизиціи во всѣхъ ея направленіяхъ.

Всю свою строгость Платонъ самъ разрушаетъ ученіемъ о преступности. Философъ не вѣритъ въ свободу воли и, слѣдовательно, по его мнѣнію, нѣтъ *добровольныхъ* преступленій. Преступникъ—преступенъ противъ своей воли. Это субъектъ нравственно больной, подлежащій, слѣдовательно, излеченію. Если излеченіе для него невозможно, онъ долженъ быть убитъ. Преступленіе и всякая несправедливость, по ученію Платона, личное несчастье, но никто по своей волѣ не хочетъ быть несчастнымъ, слѣдовательно, и преступнымъ. За что же послѣ этого казнить человѣка и безъ того несчастнаго?—этого Платонъ не объясняетъ, а, напротивъ, развиваетъ свою теорію до такихъ предѣловъ, что не остается мѣста никакой карѣ. Человѣкъ совершаетъ преступленіе, прежде всего, подъ вліяніемъ страстей, совершаетъ въ то время, когда контроль разума отсутствуетъ, когда, по логикѣ Платона, человѣкъ несчастливъ въ истинномъ смыслѣ слова. Кромѣ того, преступное дѣйствіе возможно при ложномъ взглядѣ на вещи, при ошибочныхъ нравственныхъ и иныхъ убѣжденіяхъ. Въ этомъ случаѣ преступленіе, по мнѣнію Платона, перестаетъ быть преступленіемъ: искреннее убѣжденіе,—говоритъ философъ,—отнимаетъ у преступленія характеръ преступности. Слѣдовательно, и здѣсь не ожетъ быть мѣста наказанію.

Такимъ образомъ, философъ попадаетъ въ заколдованный кругъ. Въ нову политики, нравственности и религіи Платонъ положилъ догматъ о ждествѣ несправедливости и личнаго несчастія: ради этого догмата онъ же установилъ пьянство старцевъ въ цѣляхъ сильнѣйшей пропаганды. , все-таки, въ результатѣ философъ принужденъ узаконить энергическое ѣшательство правительственной власти въ осуществленіе высшей спра-

ведливости. Несвобода воли и смертная казнь, слѣпой оптимизмъ въ вопросахъ нравственности и цѣлый инквизиціонный кодексъ,—всѣ эти противорѣчія остаются неуясненными и непримиренными.

Мы видимъ, хотя Платонъ и отрѣшился отъ своего такъ называемаго идеализма, онъ, все-таки, нисколько не приблизился къ дѣйствительности. Тотъ же произволъ въ оцѣнкѣ нравственной жизни человѣка, та же вѣра въ механическое воздѣйствіе на человѣческую личность, тотъ же деспотизмъ въ установленіи излюбленныхъ теорій. Этотъ деспотизмъ теперь сталъ еще энергичнѣе и страшнѣе, такъ какъ *идея*, дѣятельность мысли исключены изъ программы гражданской жизни. Философъ превращается въ инквизитора ради совершенно неожиданныхъ увлеченій — ради звѣздопоклонства и другихъ ученій фанатическаго Востока. Если въ *Республикѣ* Платонъ порывалъ свои природныя связи съ Аѳинскимъ государствомъ, съ единственною прогрессивною культурой въ древнемъ мірѣ,—въ *Законахъ* философъ объявилъ войну вообще европейскому міру. Мистицизмъ и боязнь мысли, свойственные восточнымъ деспотіямъ, увлекли разочарованнаго идеалиста, и въ то время, когда окружающая дѣйствительность Эллады блистала произведеніями искусства и жила вѣчно-безпокойною, вѣчно-неудовлетворенною мыслью,—ученикъ Сократа грезилъ о тюрьмахъ и оковахъ.

Результатъ, впрочемъ, для насъ нисколько не удивительный. Вѣдь, еще въ *Республикѣ* мы читали гордое презрѣніе философа къ знанію и общечеловѣческой культурѣ, и взамѣнъ этого — восторги предъ какою-то неслыханною наукой — діалектикой, ради величественнаго, но совершенно неопредѣленнаго неизвѣстнаго—*высшаго блага*. Всѣ эти мечты висѣли въ воздухѣ, лишенныя плоти и духа дѣйствительности. Презрѣніе къ наукѣ и цивилизаціи осталось то же: философъ только съ теченіемъ времени изъ состоянія надменнаго спокойствія перешелъ въ наступленіе: теперь онъ не только презираетъ научную и особенно критическую мысль,—онъ объявляетъ ей гоненіе на жизнь и смерть. Платонъ даже въ годы «идеализма» не былъ сторонникомъ знанія и прогресса; онъ только грезилъ и фантазировалъ, изобрѣталъ софизмы, аналогіи, сравненія, метафоры. Эта наклонность къ грезамъ и софизмамъ нисколько не уменьшилась съ лѣтами. Въ *Законахъ* изображено на столько же мало вѣроятное государство, какъ и въ *Республикѣ*. За то прибавились чисто-реакціонный фанатизмъ и старческая нетерпимость.

Такимъ образомъ, съ культурной точки зрѣнія политическая философія Платона лишена положительныхъ достоинствъ. Она или отвергаетъ самыя основы цивилизаціи, или съ фанатизмомъ инквизиціи преслѣдуетъ вообще развитіе духовныхъ сторонъ человѣка. А, между тѣмъ, подъ вліяніемъ этой философіи Платонъ произнесъ приговоръ надъ политикой роднаго города, сначала отступился отъ преданій своего учителя, а потомъ косвенно присоединилъ свой голосъ къ его обвинителямъ. И мы видѣли, какая неотразимая, *внутренняя* кара постигла фантастическую, реакціон-

ную мысль философа. Мы могли оцѣнить силу логики и доказательствъ тамъ, гдѣ Платонъ находилъ нужнымъ доказывать свои мысли,—въ первомъ діалогѣ. Эти доказательства были чисто-софистическаго свойства. Во второмъ трактатѣ нѣтъ и такихъ доказательствъ. Философъ изрекаетъ аксіомы подобно оракулу и заранѣе произноситъ проклятіе надъ сомнѣвающимися.

Жизненную, здравую мысль Сократа суждено было принять на себя философу, слывущему ученикомъ Платона, но совершенно чуждому и платоновской философіи, и общему духу своего учителя. Находились люди, дерзавшіе обвинять великаго мыслителя въ измѣнѣ своему наставнику. Насколько эта измѣна касается теоретическихъ результатовъ, ее можно только привѣтствовать. Намъ неизвѣстно достовѣрно, насколько лично Платонъ потерпѣлъ отъ отступничества своего ученика, но несомнѣнно, что человѣческая мысль въ лицѣ Аристотеля много выиграла въ силѣ и цивилизующемъ значеніи. Можно сказать, что Аристотель поднялъ нравственное и просвѣтительное достоинство эллинскаго генія своею дѣятельностью и именно тамъ, гдѣ эта дѣятельность прямо и безповоротно уничтожала фантастическія построенія Платона.

Ив. Ивановъ.

Мурманскій берегъ, его обитатели и промыслы *).

Въ становищѣ Шельпино находится факторія Савина. Одно, два судна скупщиковъ и десятка полтора промышленныхъ судовъ. Цѣна на рыбу дешевле. Въ Гавриловѣ была въ горячее время 50 коп. за пудъ, здѣсь—40—45 коп.

Слѣдующее становище—Рында. Ничѣмъ эта Рында не замѣчательна. Странно только, что утки совсѣмъ не пугливыя. На берегу стоитъ домикъ, въ два окошечка, а на другой сторонѣ рѣчки — большое кладбище. Качаются два судёнышка. Огромные кресты, поставленные на скалахъ въ разныхъ мѣстахъ, бросаются въ глаза. Этими крестами обозначены входы въ бухты, всѣ выходы во всѣхъ становищахъ; кресты служатъ створными знаками, замѣняютъ отличительные башни и маяки; но не съ гидрографическими цѣлями были они воздвигнуты стариками. Старики выгоняли этими крестами злыхъ духовъ со скалъ.

Слѣдующее къ востоку, послѣ Рынды, становище называется «Семь острововъ». Я прохожу это становище молчаніемъ, потому что оно пустынно. По мѣрѣ удаленія къ востоку, въ становищахъ вообще замѣчается меньшее количество скупщиковъ и промысловыхъ шнякъ. Вблизи отъ «Семи острововъ» вытекаетъ изъ Лапландіи рѣка Харловка, въ устьяхъ которой ловится песчанка. Но большія суда стоять здѣсь не могутъ и идутъ въ становище «Семь острововъ» (въ 6-ти верстахъ отъ Харловки).

Затѣмъ слѣдуютъ становище «Восточная Лица» и послѣдняя станція у устья рѣки Іоканги, гдѣ живутъ лѣтомъ лопари; здѣсь рѣдко кто выѣзжаетъ на пароходъ. Лопари промышляютъ семгу.

— Кто снимаетъ вашу рѣку въ аренду?—спрашиваю у лопаря.

— Савинъ,—отвѣчаетъ тотъ.

— А сколько онъ вамъ платитъ?

— Ничего не платитъ.

— Какъ же это такъ?

— Онъ обязуется брать у насъ семгу осеннюю по пяти рублей за

*) *Русская Мысль*, кн. I.

удъ, а лѣтнюю—по три рубля, а мы обязуемся брать у него хлѣбъ. А если онъ дастъ намъ хлѣбъ не по архангельской цѣнѣ, мы вольны ему отказать.

— А вы знаете архангельскія цѣны?

— Никакъ нѣтъ, мы ихъ не знаемъ.

Этимъ можно закончить описаніе «народонаселенія» Мурманскаго берега. Пароходъ проходитъ Орловскій маякъ, что на углу Бѣлаго моря и Ледовитаго океана, заходитъ въ с. Паной (на Терскомъ берегу) и идетъ въ Архангельскъ.

Этимъ, однако, не исчерпывается описаніе «промышленной жизни Мурманскаго берега». Это одинъ изъ курьезнѣйшихъ береговъ Россіи. Нѣтъ другой окраины, о которой было бы такъ много писано. Въ то же время, нѣтъ другой окраины, о которой существовали бы столь разнорѣчивыя мнѣнія. Одни называютъ эту окраину «разоренною окраиной», другіе считаютъ ее «источникомъ неисчерпаемыхъ богатствъ».

По примѣрамъ крушенія великихъ предпріятій, по убогому виду колоній, по примѣрамъ ежегоднаго банкротства поморовъ, можно, дѣйствительно, придти къ заключенію, что наша сѣверная окраина разоряется, но, съ другой стороны, мы видимъ блистательные примѣры быстраго обогащенія (Шильфельдъ). Наконецъ, если сѣверяне разоряются, то почему это происходитъ? Вслѣдствіе ли того, что сѣверная окраина вовсе не представляетъ источника неисчерпаемыхъ богатствъ, или по другимъ причинамъ, которыя слѣдуетъ искать, быть можетъ, въ ненормальности торговыхъ отношеній поморовъ къ купцамъ и экономическихъ отношеній хозяевъ къ промышленникамъ?

Я занимался промысломъ весной въ Норвегіи, а лѣтомъ—на Мурманскомъ берегу и пришелъ къ заключенію, что Мурманскій берегъ представляетъ источникъ неисчерпаемаго богатства, какъ и берега Финмаркена, гдѣ, впрочемъ, весной природа щедрѣе награждаетъ людей рыбой. За то лѣтомъ рыба на Мурманѣ ловится гораздо лучше, нежели въ Норвегіи. Всѣ норвежскіе рыбопромышленники мечтаютъ о правѣ ловли на Мурманѣ, какъ о величайшемъ счастьѣ, которое имъ не дается. «Почему же,— говорятъ они,—русскіе имѣютъ право промышлять у насъ, а мы не имѣемъ права промышлять у нихъ?»

Если капиталисты наши разорялись на Мурманѣ, если наши поморы продолжаютъ разоряться и въ настоящее время, то намъ слѣдуетъ: 1) вникнуть въ способы ловли рыбы на Мурманѣ и сравнить ихъ со способами, принятыми норвежцами, обогатившимися насчетъ рыбнаго промысла и создавшими на берегахъ Финмаркена благоустроенные города въ періодъ времени какихъ-нибудь восьмидесяти лѣтъ; 2) взглянуть трезвыми и безпристрастными глазами на способы торговли, практикуемые поморами, и на экономическія отношенія поморовъ къ купцамъ, и, наконецъ, 3) разсмотрѣть экономическія отношенія хозяевъ къ покрученникамъ. Тогда мы найдемъ причину разоренія капиталистовъ, попробовавшихъ поработать на

Мурманѣ, и поморовъ, тѣснѣйшимъ образомъ связанныхъ съ судьбой сѣвернаго края.

Ради изученія способовъ ловли и отношеній норвежскихъ купцовъ къ поморамъ, я отправился раннею весной (въ первыхъ числахъ марта) въ Финмаркенъ изъ Колы, проѣхавъ предварительно Лапландію отъ востока на западъ. Мнѣ пришлось ѣхать на оленяхъ до Паз-рѣки, гдѣ, на границѣ Россіи и Норвегіи, стоитъ церковь во имя свв. Бориса и Глѣба, живетъ священникъ и находится послѣдній лопарскій погостъ. Вблизи проживаютъ норвежцы: ленсманъ, почтмейстерша, пасторъ, купецъ и докторъ, образуя поселокъ. Къ поселку этому подходитъ пароходъ, субсидируемый норвежскимъ правительствомъ и совершающій рейсы зимой и лѣтомъ по всѣмъ селеніямъ и становищамъ Финмаркена. Сюда приходятъ сѣверные финляндцы, отправляющіеся ежегодно весной на промыселъ. Корелы Кемскаго уѣзда, работающіе ежегодно у милліонера Бродкорпа въ г. Вардэ, въ качествѣ чернорабочихъ на берегу, ѣздятъ въ количествѣ ста слишкомъ человѣкъ черезъ Колу и Печеньгу на пароходѣ мурманскаго товарищества, отходящемъ первымъ рейсомъ.

Пріѣхавъ въ г. Вардэ, я убѣдился въ энергіи и въ высокомъ подъемѣ промышленнаго духа норвежскаго народа. Вардэ—скорѣе огромное становище, нежели городъ. Но становище это обставлено всѣми аттрибутами культуры: я видѣлъ маленькую, но прекрасную гавань, переполненную рыбопромышленными ёлами, плавающими подъ косыми парусами, способными къ лавировкѣ и къ выдержкѣ штормовъ. Гавань защищена каменною стѣнкой и обставлена бочками на мертвыхъ якоряхъ, рынами на берегу, маячными огнями. Городъ соединенъ телеграфомъ съ городами всего свѣта. Купцы провели телефоны. Граждане открыли школы, завели общественныя собранія. Правительство дало субсидіи пароходамъ, дѣлающимъ рейсы вдоль береговъ Финмаркена и всей Норвегіи. Дума открыла общественный кабакъ, доходъ съ котораго употребляется на устройство гавани. Купцы устроили паровыя саловарки. Скупщики прислали въ Вардэ паровыя и парусныя суда въ такомъ количествѣ, что въ гавани не было гдѣ яблоку упасть. Дѣятельность кипѣла живымъ ключомъ, несмотря на то, что городъ былъ закутанъ въ сугробахъ снѣга и на морѣ ревѣла буря, сопровождающаяся метелью. Но въ недѣлю выпадали два-три денька, которыми пользовались рыбаки и выходили въ океанъ на ловлю трески. Они не ожидали штилей, зная, что ихъ весной не бываетъ. Та погода, которая считается на Мурманѣ бурей и во время которой наши поморы не ходятъ въ океанъ бросать яруса, называется въ Норвегіи «хорошею погодой» и выгоняетъ на море всѣхъ рыбаковъ. Они удили при NO и при NW, и во время метелей, и во время кильныхъ качекъ. А рѣдкій штилевой день въ концѣ апрѣля возбуждалъ неудовольствіе, потому что приходилось выходить на веслахъ и терять много времени попустому. Конструкція ёлъ не вызываетъ потребности въ ея усовершенствованіи. Большое промысловое суденышко, подъ кливеромъ, фокомъ и бизанью, съ теплою каютой на кормѣ, отопляемою печью

представляло удобства, какихъ нѣтъ на русской шнякѣ, возбуждающей смѣхъ и презрѣніе моряка. Ела идетъ круто къ вѣтру, прекрасно слушаетъ руля, не погружается сильно въ воду, остойчива и ея паруса имѣютъ рифы, взявши которые можно выдерживать въ океанѣ сильныя непогоды. Шняка наша тяжела, неуклюжа, неповоротлива и, вооруженная парусомъ «благодатью», т.-е. однимъ только прямымъ парусомъ, рѣшительно не способна къ лавировкѣ. На шнякѣ нѣтъ каюты, гдѣ люди могли бы обогрѣться и просушиться. Она сильно погружается въ воду и ходитъ тихо подъ веслами. Волненіе легко заливаетъ ее, когда она въ грузу. Несмотря на то, что парусъ имѣетъ рифъ, шняка не можетъ выходить въ море въ непогоду и держаться, когда въ такую же непогоду выходитъ и держится норвежская ёла. А русскій карбасъ, замѣняющій ёлу малаго размѣра, представляетъ до такой степени жалкую коробку, что совѣстно и страшно становится за помора, выѣзжающаго на немъ. Видно, что карбасъ, сшитый веревкой изъ древесной коры, достался промышленнику за мѣдный грошъ. Плавающій преимущественно подъ веслами, онъ можетъ выходить въ океанъ только при спокойномъ состояніи воды или спускаться по вѣтру подъ маленькимъ парусомъ, подобно тому, какъ спускается и русская шняка, застигнутая непогодой, не заботясь о томъ, чтобы вернуться въ становище, изъ котораго она вышла, а моля Бога, чтобы попасть куда-нибудь, лишь бы только не пропасть въ океанѣ. Карбасъ течетъ по всѣмъ швамъ и наполняется на половину водой, прежде чѣмъ рыбакъ вытянетъ ярусъ изъ воды. Ему приходится отливать его на пути въ становище.

Норвежцы не останавливаются на типѣ ёлы. «Листерботы» начали вытѣснять ёлы. Листерботъ—небольшая яхточка въ 30 — 40 тоннъ, вооруженная двумя кливерами, фокомъ, топселемъ и бизанью. Зарифленный листерботъ способенъ вынести любую бурю, будучи палубною яхточкой, съ трюмомъ, закрывающимся люками. На кормѣ находится каюта, отапливаемая печью, съ пятью и даже шестью постелями для рыбаковъ. Листерботъ крѣпче ёлы и береть больше груза. Рыбаки пришли къ заключенію, что промышленникъ на ёлѣ, въ особенности на малой, теряетъ много времени попустому, возвращаясь въ гавань послѣ каждаго сравнительно малаго улова. На листерботѣ же можно выйти на нѣсколько сутокъ, выбирать любыя мѣста на океанѣ, сообразно мѣстонахожденію рыбы, удить до тѣхъ поръ, пока трюмъ листербота не наполнится рыбой, становиться на якорь, ложиться въ дрейфъ, забѣгать въ непогоду въ любую сосѣднюю бухточку и возвращаться въ гавань съ полнымъ грузомъ, не теряя золотого времени. Прогрессируя въ этомъ направленіи, норвежецъ можетъ дойти до американскаго пріема ловли трески. Американцы выходятъ въ море на большихъ парусныхъ судахъ, пускаютъ шлюпки (особенной конструкціи), на которыхъ завозятъ ярусъ, вытягиваютъ ихъ, доставляютъ рыбу на судно, солятъ ее въ трюмѣ и, когда наполнятъ его, возвращаются въ портъ. Все это дѣлается по пословицѣ: «время—деньги». А вотъ эта-то пословица и неизвѣстна нашимъ поморамъ, которые должны были бы ее усвоить, потому что лѣто на Мурма-

нѣ коротко, а для весенняго промысла у нихъ нѣтъ соотвѣтственныхъ морскихъ приспособленій. Сравнивая способъ ловли рыбы, практикуемый норвежцами съ листербота, со способомъ ловли, практикуемымъ нашими поморами со шняки, преимущество листербота сказывается особенно разительно при употребленіи тѣми и другими промышленниками ярусовъ. Ярусъ—это длинная веревка (бичева), верстъ въ 6 длиной, на которую черезъ каждую сажень или полторы сажени навязывается маленькій кончикъ тоненькой веревочки съ крюкомъ, наживленнымъ мойвой или песчанкой. Веревка эта опускается на дно океана. Ея положеніе обозначается «кубасами», деревянными поплавками съ палкой на подобіе вѣхи, а кубасы, плавающіе на водѣ, соединяются съ ярусомъ бичевой, называемою стоянкой. Таковы яруса, употребляемые на Мурманскомъ берегу. Когда нашъ поморъ завезетъ такой ярусъ на пространствѣ въ 6 верстъ, то онъ привязывается къ послѣдней крайней стоянкѣ (крайніе кубасы имѣютъ якоря, особеннымъ образомъ сдѣланные изъ камня, вставленнаго въ деревянную раму съ двумя рогулями), и выжидаетъ 6-ть часовъ, до момента перемѣны теченія, т.-е. онъ выѣзжаетъ въ море «на куйпугѣ» въ моментъ самой малой воды или въ моментъ самой большой воды, смотря по тому, какъ справился съ наживкой яруса; придя на мѣсто, онъ выбрасываетъ ярусъ при одномъ теченіи, положимъ, при восточномъ, затѣмъ выжидаетъ 6 часовъ, когда вода перемѣнится (отъ прилива къ отливу или отъ отлива къ приливу), и выбираетъ ярусъ при другомъ теченіи, т.-е. при западномъ, и наоборотъ. Но, вѣдь, сколько времени надо ему употребить, чтобы выбросить и выбрать ярусъ въ 6 верстъ? Эта операція занимаетъ сутки времени. Въ продолженіе этихъ сутокъ можетъ произойти нѣсколько перемѣнъ погоды. Допустимъ одну перемѣну къ худшему, какъ это часто бываетъ. Рыбакъ, застигнутый непогодой, бросаетъ ярусъ на произволъ судьбы въ 10—15 верстахъ отъ берега и убѣгаетъ въ становище, если вѣтеръ дуетъ въ прямой парусъ; при другомъ вѣтрѣ онъ попадаетъ безъ яруса въ какое-нибудь сосѣднее становище и выжидаетъ перемѣны погоды къ лучшему. Въ случаѣ перемѣны, онъ гребетъ безконечное количество верстъ, ищетъ мѣсто, гдѣ брошенъ былъ ярусъ, и долго не находитъ его. Сколько времени тратитъ онъ попустому даже въ лучшемъ случаѣ, когда онъ находитъ ярусъ. Но часто случается, что его ярусъ вытаскиваютъ другіе промышленники, пока онъ собирается или доходитъ до мѣста. Правда, они умѣютъ какъ-то находить присвоенные другъ у друга яруса по примѣтамъ, а рыба, однако, пропадаетъ,—пропадаетъ «тряска». «Тряской» называется выѣздъ, каждый завозъ яруса и его подъемъ. А иногда бываетъ, что бѣглецъ не находитъ яруса. Это случается, когда онъ наброситъ его на чужой ярусъ или когда съ другой шняки набросятъ ярусъ на его ярусъ и подымутъ его на крюкахъ. Въ этихъ случаяхъ злоумышленники имѣютъ обыкновеніе обрѣзать чужіе яруса, снимать съ нихъ рыбу и опускать въ воду обрѣзанные куски, разобщенные съ кубасами. И такъ, яруса

ропадаютъ, причиняя убытокъ въ 150—200 р. Въ результатѣ — потеря ремени и денегъ.

Не такъ поступаютъ норвежцы. Они дѣлаютъ четыре яруса, но коротихъ. Выйдя на листерботѣ въ море, они бросаютъ якорь или ложатся ъ дрейфъ, спускаютъ шлюпку и слѣдятъ за погодой. Если вѣтеръ стихаетъ и волненіе уменьшается, они завозятъ сначала два яруса и выбираютъ хъ, не выжидая 6-ти часовъ, т.-е. перемѣны теченія. И трехъ часовъ времени достаточно, чтобы рыба попала на каждый крюкъ, если она находится на мѣстѣ завоза. Вѣдь, наши поморы выжидаютъ перемѣны теченія олько для того, чтобы выбрать ярусъ «по теченію».

Если они завезли ярусъ при восточномъ теченіи, то надо выбрать его ри западномъ, и наоборотъ; иначе невозможно выбрать ярусъ длиною въ верстъ,—силъ не хватитъ. Если погода позволяетъ, норвежцы, выбравъ ва яруса, завозятъ и выбираютъ другіе два. Но, въ случаѣ перемѣны погоды къ худшему, они ограничиваются завозомъ одного яруса, стараются ыбрать его поскорѣе, легко справляясь съ короткимъ ярусомъ, снимаются ъ якоря и идутъ въ портъ, прежде чѣмъ разразилась буря. При коротомъ ярусѣ легче работать и труднѣе набросить его на чужой ярусъ. Таовы преимущества листербота.

Вникая далѣе въ суть морского дѣла, приходишь къ заключенію, что парусныя суда Норвегіи несравненно лучше поморскихъ. Конструкціи красивыя, соотвѣтственныя требованіямъ корабельной архитектуры, крѣпленія адежныя, вооруженіе чистое, соотвѣтственное требованіямъ морской практики. Старыя парусныя суда, но съ крѣпкимъ корпусомъ, передѣлываются часто въ пароходы, т.-е. на судно ставится котелъ и слабосильная машинка—и пароходъ готовъ. На пароходѣ этомъ нельзя возить пассажировъ, но соленая треска находитъ прекрасное помѣщеніе въ трюмѣ и перевозится съ выигрышемъ времени. Норвежцы—мастера строить отличные пароходы и создаютъ свой флотъ, занимающій третье мѣсто среди флотовъ всего свѣта, на собственныхъ верфяхъ, изъ своего матеріала и помощью рукъ своихъ. Убѣждаясь въ этомъ, представляешь себѣ и жертвы, принесенныя правительствомъ на созданіе флота и выработку моряка, потому что одною практикой не вырабатывается ни морякъ, ни техникъ, а нужны школы, образцы, верфи, субсидіи, чтобы поднять промышленный духъ народа. Ничего этого у насъ на Сѣверѣ нѣтъ. Нашъ сѣверный флотъ не имѣетъ поэтому кредита на Западѣ и ни одна страховая контора не рѣшается брать на страхъ поморскія суда.

И такъ, залогъ успѣха норвежцевъ въ дѣлѣ рыбнаго промысла сравнительно съ отсталостью нашихъ поморовъ заключается въ томъ, что норвежецъ—*прекрасный морякъ*, а поморъ—*полуморякъ*, полулежебока, полуземледѣлецъ изъ Кареліи или изъ Онеги.

Независимо отъ этого, сама природа помогаетъ норвежцу болѣе, нежели помору. Рыба всегда ловится у береговъ Финмаркена: зимою, весною, лѣтомъ и осенью. Самый лучшій уловъ считается весенній. Рыба подходитъ

близко къ берегамъ и стоитъ плотною массой. Когда опускаешь удочку на днище, то рука чувствуетъ, какъ грузило проходитъ сквозь плотную массу рыбы. Весною принятъ удобный способъ ловли (до 1 мая, а потомъ начинается ярусный). Удочка состоитъ изъ лески, тонкой бичевы (60—120 саж.), грузила (15 фунт.), крюка съ металлическою рыбкой и шкива, по которому вытягиваютъ леску. Крюкъ опускаютъ на днище, приподымаютъ его сажени на 3 отъ дна и начинаютъ дергать. Рука чувствуетъ, когда рыба попадаетъ на крюкъ. И такъ какъ рыба стоитъ плотною массой, то большій процентъ попадаетъ на крюкъ бокомъ, животомъ, хвостомъ, жабрами или головой, а меньшій процентъ попадаетъ ртомъ. Десять процентовъ срывается съ крючка. Замѣчено, что въ бурныя погоды и во время метелей, при NO и NW, рыба ловится лучше; при южныхъ вѣтрахъ—хуже. Листерботъ или ёла ищетъ мѣсто стоянки рыбы, находитъ его, спускаетъ паруса и рыбаки начинаютъ удить. Они таскаютъ рыбу поминутно, безостановочно. Это—буквально золотое дно. А когда начинается быстрое теченіе, то бросаютъ якорь. Трюмъ листербота наполняется рыбой въ трое сутокъ. Рыбакъ затрачиваетъ на снасть 3 рубля (6 кронъ). Это весь его расходъ, если онъ не покупаетъ ёлы, а промышляетъ на чужой.

Постоянный уловъ рыбы въ продолженіе круглаго года въ связи съ наличностью такихъ промысловыхъ судовъ, на которыхъ безопасно промышлять зимою и можно согрѣться въ каютѣ, привели норвежца къ осѣдлому образу жизни на берегахъ Финмаркена. Колонизація совершилась естественнымъ образомъ. Морская практичность помогла эксплуатаціи даровъ природы, а вмѣстѣ съ колонизаціей сократились всѣ накладные расходы по передвиженію. И рыбакамъ выпала счастливая доля «изъ ничего» составлять благосостояніе. Рыбное богатство привлекло купечество и рыбаковъ съ западнаго берега Норвегіи и коммерческій флотъ. Создался городъ, а вмѣстѣ съ городомъ явились телефоны, телеграфы, школы, общественные кабаки и т. д.

Касаясь экономическихъ отношеній хозяевъ къ промышленникамъ, слѣдуетъ признать, что и этотъ факторъ промышленной жизни установился такъ, что возбудилъ энергію промышленника, терпѣніе и трудолюбіе. Промышленники въ Финмаркенѣ экономически свободные люди. Никто никого не порабощаетъ деньгами, никто никому не задастъ, ни къ чему не обязываетъ, а люди вѣрятъ другъ другу такъ же просто, какъ и вездѣ, кредитуются, выплачиваютъ или банкротятся, смотря по ходу дѣлъ. Тамъ нѣтъ хозяевъ, покрута и покрученниковъ. Богатые люди помогаютъ бѣднякамъ, и не безкорыстно, а съ выгодою для себя же. Бѣднякъ покупаетъ у [бо]гача ёлу въ кредитъ и выплачиваетъ ему рыбой, если они сходятся [въ] цѣнѣ. Никто не запрещаетъ должнику продать рыбу въ другія руки [по] лучшей цѣнѣ и возвратить заимодавцу деньги съ процентами. Листер[боты] покупаются частью за наличныя деньги, частью въ кредитъ. Собственникъ промышленнаго судна приглашаетъ товарищей, которые уплачиваютъ [ему] за право ловли на его суднѣ $^1/_7$ часть, а остальная сумма, вырученная [отъ]

ловъ, дѣлится на равныя части по количеству душъ, принявшихъ участіе
ь немъ (отъ 4—5 чел.). Малолѣтніе работаютъ за жалованье. Каждый
ыбакъ продовольствуетъ самъ себя. Яруса пріобрѣтаются на общій счетъ
внесеніемъ равныхъ суммъ. Потери ярусовъ относятся на общій счетъ.
ри ярусной ловлѣ хозяинъ судна получаетъ $^1/_9$ часть. Листерботъ, на ко-
ромъ пришлось мнѣ промышлять весною, выручилъ вообще съ 1 марта
1 мая 1,654 кроны (827 руб.), т.-е. болѣе 200 руб. на человѣка (4
лов.). Онъ выходилъ въ море 12 разъ. Затрата промышленниковъ на
наети (удочки) равнялась 12 руб. Случается, что рыбакъ зарабатываетъ
есною 300 руб. Собственникъ листербота получилъ съ промышленниковъ
$^1/_7$ часть съ общей суммы.

Въ Норвегіи нѣтъ хозяевъ-рыбопромышленниковъ, какіе существуютъ у
асъ на Мурманѣ. Когда пришло время яруснаго промысла, каждый ры-
акъ внесъ по 15 руб.; получилась сумма въ 120 кронъ, на которую ры-
аки купили ярусъ. Въ Норвегіи есть промышленники и купцы—скупщики
ыбы, а «хозяевъ» нѣтъ.

Въ заключеніе, послѣднее преимущество норвежцевъ состоитъ въ томъ,
то они имѣютъ нѣсколько рынковъ сбыта: въ Испаніи, Италіи, Остъ-Ин-
іи, Бразиліи и даже въ Германіи, производя коммерческія операціи по-
редствомъ гамбургскихъ коммиссіонеровъ. Въ Испанію идетъ соленая, вы-
ушенная треска; въ Италію—сухая рыба. Она солится въ Вардэ въ трю-
ѣ судовъ, и такъ какъ уловъ бываетъ ранній, то успѣваютъ перевозить
е на югъ Норвегіи, гдѣ соленая рыба сушится подъ солнцемъ на скалахъ
отправляется въ сухомъ видѣ въ Испанію. Правда, французы дѣлаютъ
мъ большую конкурренцію, но и норвежцы сильны на европейскомъ рынкѣ.

Наши поморы поставлены въ отчаянное положеніе—продавать рыбу не-
ремѣнно въ Архангельскѣ или въ Петербургѣ. Заграничныхъ рынковъ они
е знаютъ, приготовлять рыбу для заграничнаго потребленія не умѣютъ,
а еслибъ и научились, то не успѣли бы приготовить рыбу по краткости
лѣта и влажности весенняго воздуха на Мурманѣ. Треска имѣетъ малое
аспространеніе среди русскаго народа. Астраханская рыба, донская и
азовская вытѣсняютъ треску по дешевизнѣ. Поморы не ищутъ новыхъ
рынковъ сбыта въ Россіи и не стараются о томъ, чтобы народъ внутрен-
нихъ губерній узналъ вкусъ трески и пристрастился къ ней.

Переходя къ способамъ торговли, практикуемымъ нашими поморами, къ
экономическимъ отношеніямъ ихъ къ купцамъ, необходимо выяснить роль
омора въ торговой жизни Сѣвера и положеніе, занимаемое имъ среди куп-
довъ. Помором называется собственно житель бѣломорскаго порта, села
ли деревни: мѣщанинъ или крестьянинъ. Всѣ жители бѣломорскаго город-
ка, села или деревни существуютъ исключительно на счетъ рыбныхъ про-
мысловъ. Они не знаютъ, что такое земледѣліе, и держатъ коровъ и лошадей
ля домашнихъ надобностей. Поля приморскихъ деревень, встарину распа-
ханныя, въ настоящее время запущены. Жители Сумскаго посада, Нюхчи,
Шуи, с. Сороки и Кеми пользуются зимою рыбными промыслами: сельдя-

нымъ, неважьимъ, а осенью — семужьимъ. Промыслы даютъ имъ хорошіе доходы. На лѣто они отправляются на Мурманскій берегъ. Имъ нѣтъ разсчета уходить съ родныхъ пепелищъ и переселяться на берегъ океана; поэтому колонизація мурманскихъ береговъ не можетъ развиваться естественнымъ образомъ, какъ она развилась, наприм., въ Финмаркенѣ. Если правительство наше заинтересовано серьезно колонизаціей сѣверной окраины, то ему придется развивать ее искусственнымъ образомъ. Постройка порта на Мурманѣ, помимо политическихъ соображеній, могла бы привлечь купцовъ средняго состоянія, а за ними пришла бы и рабочая сила. Такимъ образомъ, оживилось бы, по крайней мѣрѣ, мѣсто, на которомъ суждено быть порту. Благодаря же присутствію военныхъ командъ, морскимъ парусным ученьямъ и практическимъ плаваніямъ, въ поморскую среду ворвались бы и морскія знанія и развились бы практическія понятія. Поморы, предоставленные самимъ себѣ, никогда не разовьются непосредственно въ этомъ направленіи. Будучи въ большинствѣ раскольниками, приверженными къ старой вѣрѣ, они хотятъ жить по-старинѣ, относятся враждебно ко всякому нововведенію, крайніе рутинёры, отрицатели всякой прогрессивной попытки.

Во всякомъ поморскомъ мѣстечкѣ есть люди состоятельные, обладатели нѣкотораго капитала, затѣмъ есть люди средняго состоянія, а большинство— бѣдняки. Но когда о поморѣ говорятъ, что онъ богатъ, то это значитъ, что онъ обладаетъ среднимъ капиталомъ (такихъ немного; они на перечетъ), а когда говорятъ, что поморъ обладаетъ среднимъ состояніемъ, это значитъ, что у него есть парусное судно и ни гроша въ карманѣ. Обладать судномъ—это идеалъ всякаго помора, подымающагося изъ бѣдняковъ. Это переходная ступень отъ нищеты къ капиталу, притомъ, очень скользкая ступень, на которой спотыкаются многіе поморы и летятъ кувыркомъ въ омутъ банкротства, прежде нежели они подымутся до капиталистической независимости. Переписавъ по фамиліямъ всѣхъ поморовъ, хозяевъ судовъ и капиталистовъ, бывшихъ и настоящихъ, я замѣчаю удивительную смѣну лицъ, быструю и странную. Прежніе дѣятели сошли со сцены, новые выступаютъ; эти банкротятся, на сцену являются слѣдующіе. Молодое поколѣніе развращается въ пьянствѣ, не поддерживая отцовскаго дѣла. Капиталы стариковъ сохраняются послѣ смерти, если они переходятъ въ руки женщинъ; но отъ женщинъ они попадаютъ часто въ чужія руки или по родству, или по вѣрѣ, когда столбъ раскола, проповѣдуя грѣховность помѣщенія капитала въ банкъ, переводитъ его изъ чужихъ рукъ въ свои собственныя подъ предлогомъ вспомоществованія единовѣрцамъ или веденія дѣла по довѣренности вдовы.

Поморъ способенъ подняться быстро. Скопить вначалѣ денженокъ настолько, чтобы завести шняку. Но и для шняки-то не находитъ нужнымъ копить деньги, а обзаводится ею, ярусомъ и провіантомъ въ кредитъ. Удачный уловъ, смотришь — поморъ не только выкрутился въ одно лѣто, но и нажилъ еще нѣсколько сотъ рублей. Зимній промыселъ дома (но-

важій, семужій или сельдяной) даетъ ему возможность поднять на слѣдующее лѣто двѣ, а, быть можетъ, и три шняки, смотря по смѣлости, съ которой онъ способенъ залѣзать въ долги. Если промыселъ удаченъ, поморъ близокъ къ достиженію своего идеала, а послѣ третьяго удачнаго промысла онъ заводитъ судно: строитъ новое или покупаютъ у банкрота. Послѣ этой-то покупки и начинаются его торговыя мытарства. Онъ принимается играть роль торговаго посредника между архангельскимъ купцомъ и норвежскими купцомъ и промышленниками. Если онъ работаетъ на фрахтахъ, онъ еще кое-какъ перебивается, буде не разобьетъ судна. Если онъ, пренебрегая Норвегіей, идетъ на Мурманъ «на лѣтнюю», то онъ скупаетъ рыбу въ обмѣнъ на товаръ, насколько товаръ расходится. Куда бы онъ ни шелъ, въ Норвегію или на Мурманъ, начинающій судовладѣлецъ оперируетъ на чужой капиталъ, пользуясь кредитомъ отъ архангельскихъ купцовъ и не имѣя собственныхъ денегъ.

Поморы-судовладѣльцы (посредники-мореплаватели) раздѣляются на три партіи. Самая меньшая партія оставляетъ свои суда на зимовку въ Вардэ или гдѣ-нибудь на Мурманѣ, поближе къ Финмаркену. Въ эту партію входятъ обладатели нѣкотораго наличнаго капитала. Они имѣютъ, кромѣ парусныхъ судовъ, промышленныя суда, по нѣсколько шнякъ. Хозяева эти задаютъ въ Поморьѣ крестьянамъ задатки и подымаютъ покрученниковъ на началѣ покрута раннею весной на берегъ Финмаркена, преимущественно въ становище Кибергъ. Норвежское законодательство допускаетъ «мѣновую торговлю», въ сущности, вообще торговую операцію, будь она на обмѣнъ или на наличныя деньги, для русскихъ въ Вардэ до 15 іюня «при содѣйствіи мѣстныхъ купцовъ», а съ 15 іюня русаки могутъ вести мѣновую торговлю во всѣхъ городахъ и становищахъ Финмаркена непосредственно съ промышленниками, не прибѣгая къ содѣйствію мѣстныхъ купцовъ. По климатическимъ условіямъ Финмаркена, рыба (Rundfisk и Klippfisk), приготовляемая для европейскаго рынка, не можетъ быть заготовлена въ прокъ обыкновенно позже 15 іюня; наступающая часто съ этого времени сырая погода и туманы препятствуютъ достаточной просушкѣ рыбы и способствуютъ развитію въ ней червей—*make*, откуда и предоставленный русскимъ свободный срокъ для непосредственныхъ мѣновыхъ сношеній съ норвежскими промышленниками получилъ названіе *Maketied*. Изъ этого вы можете заключить о преимуществахъ норвежскихъ купцовъ, которые, благодаря вышеприведенному закону, имѣли всегда возможность держать въ своихъ лапахъ нашихъ поморовъ. Но такъ какъ норвежцы не могли обойтись безъ русскаго хлѣба, крупъ, дровъ, лѣса и бересты, а поморы безъ норвежской рыбы, то между ними существовали, все-таки, до извѣстной степени сносныя сношенія. Законодательство не позволяло нашимъ поморамъ промышлять рыбу на шнякахъ въ Вардэ, а предоставляло это право русскимъ въ становищахъ: Кибергъ, Гавнингбергъ, Бодсфіордъ, Берлевогъ, Гамвигъ и Генсвигъ. Между тѣмъ, у береговъ Вардэ происходитъ самый лучшій промыселъ, гдѣ можно нагрузиться въ скорѣйшее время. Пока между помо-

рами и норвежскими купцами существовали сносныя отношенія, вышеприведенный законъ обходили такимъ образомъ: норвежскій купецъ, быть можетъ, заинтересованный %, позволялъ помору записывать его шняки на свое имя. Благодаря этой фиктивной сдѣлкѣ, наши поморы пріобрѣтали возможность стоять въ Вардэ и грузить суда продуктами своего промысла. Весеннія операціи всегда удавались поморамъ, потому что на архангельскомъ рынкѣ малосольная треска весенняго улова всегда бываетъ въ цѣнѣ, въ особенности послѣ неурожайнаго года, когда не родятся овощи, а такіе года бываютъ на сѣверѣ часто. Но норвежскіе купцы пришли вскорѣ къ заключенію, что обогащеніе поморовъ, посредниковъ между ними и архангельскими купцами, вовсе не входитъ въ ихъ интересы. Они рѣшили держать поморовъ въ черномъ тѣлѣ, предписывать имъ новые стѣснительные законы и назначать цѣны за товаръ, не ожидая требованій помора. Отношенія стали портиться, поморы начали нести убытки, переставали ходить на весенній промыселъ въ Норвегію и обратились къ Мурману. Такъ поступили болѣе состоятельные, поморы же, которымъ терять было нечего, «безсеребренники», какъ ихъ называютъ здѣсь, оперировавшіе въ обмѣнъ на товаръ, взятый въ кредитъ, продолжали ходить «на лѣтнюю» въ Норвегію, банкротились, но ходятъ еще и до сихъ поръ изрядною эскадрой. Норвежскіе купцы, слѣдуя своей политикѣ, съинтриговали такъ, что промышленники города Вардэ подали въ прошломъ году правительству петицію: Въ результатѣ петиціи было, то, что норвежское правительство прислало русскому правительству, зимою прошлаго года, черезъ посланника, циркуляръ, касающійся русскихъ промышленниковъ. Циркуляръ этотъ, пересланный черезъ архангельскаго губернатора, былъ обнародованъ во всѣхъ приморскихъ городахъ, селахъ и деревняхъ. Въ этомъ циркулярѣ говорилось, что впредь фиктивныя сдѣлки, имѣвшія мѣсто при сношеніяхъ норвежскихъ купцовъ съ поморами, въ смыслѣ записи русскихъ промысловыхъ судовъ на имя норвежскаго купца, будутъ строго преслѣдоваться по закону, и, въ случаѣ нарушенія этого, суда будутъ конфискованы. Русскимъ промышленникамъ предоставлялось право ловли въ Вардэ не иначе, какъ на норвежскихъ ёлахъ и непремѣнно съ норвежскимъ кормчимъ. А такъ какъ наши промышленники никогда не занимались удобнымъ способомъ ловли, принятымъ норвежцами, то они и не имѣютъ никакого кредита какъ промышленники. Русскимъ шнякамъ предоставлялось циркуляромъ право ловли въ становищахъ: Кибергъ, Гавнингбергъ, Бодсфіордъ, Берлевогъ, Гамвигъ и Стенсвигъ, и то не иначе, какъ въ разстояніи одной географической мили отъ берега и непремѣнно съ норвежскимъ кормчимъ. Бо́льшаго стѣсненія придумать невозможно. Лучшіе люди были заняты на норвежскихъ ёлахъ. Русскимъ доставали кормщиками пьяницы и негодяи, которые забирали деньги впередъ и уходили. Наши промышленники теряли время на пріисканіе другого кормщика, который продѣлывалъ съ ними ту же штуку. Циркуляръ нанесъ окончательный ударъ русскимъ въ Финмаркенѣ. Въ 1891 г. русскихъ судовъ въ Кибергѣ было 74 и людей—296. Въ 1892 г., послѣ обнародованія циркуляра

русскихъ судовъ въ Финмаркенѣ было 17 и людей—67. Замѣчательно, что циркуляръ былъ изданъ административнымъ образомъ и содержаніе закона, приведеннаго въ циркулярѣ, не было обсуждаемо въ парламентѣ народными депутатами, что не согласуется съ основными законами страны, равно какъ содержаніе циркуляра не было опротестовано и нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Христіаніи, г. Тетерманомъ.

Жалка роль помора среди норвежскихъ купцовъ.

Опредѣлимъ значеніе помора во время лѣтнихъ его операцій въ Норвегіи, когда онъ пріобрѣтаетъ право производить мѣновую торговлю непосредственно съ промышленниками, безъ содѣйствія мѣстныхъ купцовъ. Право это чрезвычайно не нравится норвежскимъ купцамъ, потому что много барышей уходитъ изъ рукъ, когда промышленникъ беретъ у помора муку, лѣсъ и другіе матеріалы въ обмѣнъ на рыбу, которая лѣтомъ не имѣетъ уже цѣны на норвежскомъ рынкѣ. Благодаря вышеприведенному циркуляру, норвежскіе купцы, отстранивъ русскихъ конкуррентовъ-скупщиковъ, достигли того, что держали весной на рынкѣ такую цѣну, какую хотѣли. Цѣна на треску была все время 40 коп. Уловъ у Лофотенскихъ острововъ, оканчивающійся къ 1 марта, оказался въ прошломъ году хуже предшествующихъ лѣтъ. Тамъ выловили трески менѣе на десять милліоновъ рыбъ. Рыбаки бросились изъ Лофотена въ Вардэ. Въ 1891 г. въ Вардэ судовъ было 300, промышленниковъ—1,000 чел., въ 1892 г. судовъ было 1,300, промышленниковъ—5,200 чел. Покупатели были тѣ же, предложеніе стало больше. Успѣхъ торговой операціи или дурныя послѣдствія зависятъ всегда отъ конкурренціи спроса. Такъ это случается и съ нашими поморами. Когда они стоятъ лѣтомъ въ Вардэ большою эскадрой, то каждому хочется нагрузиться поскорѣе. Каждый набиваетъ цѣну другъ передъ другомъ. Но такъ какъ уловъ рыбы лѣтомъ бываетъ сравнительно малый, то большинство поморовъ не догружается. У помора остается архангельскій товаръ. Куда его дѣть? Надо сложить въ купеческій амбаръ или продать купцу за безцѣнокъ, чтобы выручить сколько-нибудь денегъ, на которыя можно было бы, отойдя на Мурманскій берегъ, догрузиться по мѣрѣ возможности. Рискнуть, понадѣяться на «авось», которое, быть можетъ, выручитъ въ сентябрѣ на ярмаркѣ, продать товаръ за безцѣнокъ тѣмъ легче, чѣмъ больше взято его въ кредитъ у архангельскаго купца. Всякій образованный купецъ руководствуется при покупкахъ различными соображеніями: зависимостью отъ урожая, степенью конкурренціи, остатками прежнихъ лѣтъ, цѣнами и т. д. Поморъ ничѣмъ не руководствуется. Онъ заботится только о томъ, чтобы не возвращаться въ Архангельскъ съ забраннымъ товаромъ и захватить какъ можно больше рыбы. Покупателей - промышленниковъ мало сравнительно съ количествомъ привезенной муки; лофотенскіе рыбаки ушли домой въ началѣ мая. Вотъ почему бываетъ часто, что въ Финмаркенѣ мука оказывается дешевле, нежели въ Архангельскѣ. Мы только что пережили голодный годъ. Когда въ концѣ 1891 г. стоимость муки въ Архангельскѣ была 18 руб. за куль, этотъ куль продавался въ Вардэ за 16 руб.

И такъ, поморы оказываются опять въ лапахъ норвежскихъ кущовъ, но благоразумные и состоятельные давно уже отказались отъ Норвегіи и обратились къ Мурману.

— Зачѣмъ вы ходили лѣтомъ въ Норвегію?—спрашиваю у помора.

— Торговать,—отвѣчаетъ тотъ.

— Разскажите, какъ вы торговали.

— Я взялъ въ кредитъ въ Архангельскѣ 300 штукъ бревенъ, обтесанныхъ съ двухъ сторонъ, длиною 9 аршинъ, толщиною 4—6 вершковъ. 20 мая вышелъ въ Тромсе. Продавалъ эти бревна по 2 кроны за штуку (1 р.).

Замѣтьте, что каждое бревно (6-ти вершковое) вытесано изъ 7-ми вершковаго дерева, а за 7-ми вершковое дерево заводчикъ платитъ въ казну по таксѣ 2 руб. 95 коп. Кромѣ того, онъ долженъ же взять съ помора барышъ. Слѣдовательно, поморъ продаетъ бревна въ убытокъ. На что же онъ надѣется?

— Нѣкоторыя бревна я обмѣнивалъ на соль. Бочка соли въ 7 пудовъ оцѣнивалась при обмѣнѣ въ 3 кроны 25 öръ (приблизительно 1 рубль 65 коп.).

Во всякомъ случаѣ, убытокъ. Но поморъ считаетъ, что онъ продалъ, при обмѣнѣ, съ барышомъ, потому что, если бы ему пришлось покупать соль на Мурманѣ, то онъ принужденъ былъ бы платить 20, 25, 35 и 40 к. за пудъ.

— Потомъ я отправился шхерами,—продолжалъ разсказывать поморъ,—на югъ, въ становище Хольменъ. Здѣсь я обмѣнивалъ муку на рыбу. За одинъ пудъ муки (1 руб. 50 коп., если куль стоитъ 13½ р.) мнѣ давали 6 пуд. сайды, которую я продавалъ на ярмаркѣ по 65 коп. за пудъ.

Положите фрахтъ, стоимость соли (5 пуд. соли на 20 пуд. рыбы), за трудъ посолки и получится, все-таки, барышъ. Фрахтъ остается въ его пользу.

— За одинъ пудъ муки мнѣ давали одну палтусину, больше пуда. Палтусина продается средняя за 3 руб. пудъ, а крупная—за 4 руб. пудъ. Палтусины было малость, и я ее оставилъ для себя. За одинъ пудъ муки мнѣ давали 2 пуда свѣжей трески, которую, посоливъ, я продавалъ за 1 руб. 50 коп. пудъ.

Слѣдовательно, и при этомъ онъ имѣлъ нѣкоторый барышъ, да фрахтъ остался въ его пользу. Когда онъ возмѣстилъ убытки, понесенные при продажѣ бревенъ, то много ли барыша осталось въ его пользу? Онъ работалъ изъ-за фрахта. И такъ, поморъ надѣется всегда выкрутиться изъ бѣды при продажѣ рыбы, какія бы невыгодныя сдѣлки онъ ни совершалъ, пользуясь чужимъ товаромъ. Если случается плохой промыселъ или слишкомъ обильный на Мурманѣ, или урожай грибовъ и овощей въ губерніи, то надежды помора, торгующаго въ Норвегіи, лопаются, какъ мыльный пузырь, и онъ банкротится. Интересы двухъ партій поморовъ—мурманскихъ и лѣтне-норвежскихъ—до нѣкоторой степени противуположны. Все это не служитъ признаками нормальности торговли.

— Довольно попользовались норвежцы нашимъ добромъ,—говорятъ поморы изъ числа состоятельныхъ и болѣе осторожныхъ спекулянтовъ.

Они обратились къ Мурману. Стѣснительная мѣра, выраженная послѣднимъ циркуляромъ норвежскаго правительства, отзовется еще тяжелѣе на положеніи поморовъ, посѣщающихъ Норвегію, и они придутъ, рано или поздно, къ заключенію, что на Мурманѣ оперировать выгоднѣе. Безвыходность положенія заставляетъ ихъ ходить въ Норвегію. Для операцій на Мурманѣ нужны деньги, на которыя можно было бы покупать рыбу и соль. У большинства поморовъ есть суда, но нѣтъ денегъ. И никто ему денегъ не даетъ даже подъ залогъ судна. Поневолѣ онъ обращается къ архангельскому купцу, пользуясь товаромъ котораго, онъ, все-таки, перемогается изъ кулька въ рогожку.

Консулы, купцы и промышленники чрезвычайно дорожатъ мѣновою торговлей въ Норвегіи. Они находятъ ее «естественною» торговлей. Отмѣнить трактатъ о мѣновой торговлѣ — это значитъ причинить Норвегіи большую непріятность. Но опасно дѣлать этотъ шагъ. Тогда норвежскіе купцы постараются завести непосредственныя сношенія съ архангельскими. Это бы ничего. Норвежцы, все-таки, подчинились бы русскимъ цѣнамъ на муку и тогда не было бы такихъ ненормальностей, чтобы русская мука была въ Вардэ дешевле, чѣмъ въ Архангельскѣ. Но бѣда заключалась бы въ томъ, что большинству поморовъ нечего было бы дѣлать и норвежскій коммерческій флотъ могъ бы ворваться въ Бѣлое море. Теперь этотъ флотъ занятъ только перевозкою бревенъ и досокъ изъ Архангельска за границу, а тогда онъ повезъ бы доски и муку въ Норвегію. Прежде всего, необходимо постараться помочь поморамъ въ смыслѣ облегченія ихъ участи во время весенняго въ Норвегіи улова, а затѣмъ приложить всѣ старанія, чтобы поднять промыселъ на Мурманѣ. Организація общества взаимнаго кредита въ Архангельскѣ принесла бы поморамъ огромную пользу. Реформа мореходныхъ классовъ въ смыслѣ закрытія существующихъ въ разныхъ бѣломорскихъ мѣстахъ и открытія четырехъ спеціальныхъ курсовъ и одного общаго по математикѣ при строющемся въ Архангельскѣ ремесленномъ училищѣ,—эта реформа должна стоять на очереди и принесла бы огромную пользу сѣверной окраинѣ. Устройство верфи при содѣйствіи правительства, даже съ субсидіей, великолѣпно отразилось бы на коммерческомъ флотѣ поморовъ. Таковы ближайшія задачи. А чтобы сказать о мѣрахъ для подъема рыбнаго промысла на Мурманѣ, необходимо предварительно выяснить, отъ чего зависитъ успѣхъ промысла на Мурманѣ.

Отчасти мы уже знаемъ: отъ типа промышленнаго судна и отъ морской практичности. Прислушаемся къ тому, что было высказано по поводу Мурмана и что было сдѣлано вслѣдствіе выраженныхъ мнѣній.

Говорилось, что поморамъ пришлось пережить цѣлый рядъ тяжелыхъ въ промыслово-рыболовномъ отношеніи годовъ. Въ эти годы рыбы вылавливалось въ четыре, пять разъ меньше, чѣмъ необходимо было для годичнаго прокормленія; между тѣмъ, потребности въ хлѣбѣ оставались тѣ же; поэтому

приходилось кредитоваться. Купецъ не отказывалъ дать хлѣбъ подъ будущій уловъ, но цѣны на рыбу назначалъ по своему усмотрѣнію произвольно низко, а за хлѣбъ непомѣрно высоко. Сперва поморы крѣпились, но когда новый уловъ принесъ одни разочарованія, пришлось уступить, ибо помощи ни откуда не являлось. Выступивъ съ организованнымъ кредитомъ, государство въ тотъ моментъ могло бы спасти Поморье отъ разоренія, но врядъ ли центральныя вѣдомства знали даже, что творилось тогда на далекой окраинѣ. Въ результатѣ получилась полная капитуляція передъ кредиторателемъ. Прежніе артельные распорядки почти исчезли и уступили свое мѣсто капиталистическимъ, предпринимательскимъ. Появились и вполнѣ созрѣли уже рѣзко очерченные типы хозяина и рабочаго.

Такъ говорили новѣйшіе историки сѣвернаго края и правительство прислушивалось къ ихъ рѣчамъ. Они, видимо, объясняли причину разоренія, прежде всего, плохими уловами. Эта причина высказывается часто. Спросите любого: «Почему промыслы на Мурманѣ плохи?» Всякій отвѣтитъ вамъ: «Промысловыхъ годовъ не стало, съ народомъ нѣтъ сладу никакого. Онъ, каналья, выѣдетъ въ море, спитъ въ шнякѣ, заберетъ впередъ, а не думаетъ, какъ бы съ хозяиномъ разсчитаться». Рабочій будетъ жаловаться на хозяина, и всѣ, въ концѣ-концовъ, подтвердятъ, что «промысловыхъ годовъ не стало».

Эта жалоба совершенно не основательна. На Мурманѣ ежегодно хорошій уловъ бываетъ или весною, или лѣтомъ, или осенью. Если іюнь плохъ, а май вѣтренный, то іюль и августъ выручаютъ. Если осень плоха—лѣто хорошее. Если лѣто плохо — весна хороша. Въ большей же части случаевъ бываетъ такъ, что весна, лѣто и осень подраздѣляются на хорошіе дни и дурные. Если одинъ весенній мѣсяцъ плохъ, то другой хорошъ. Іюнь плохъ—іюль хорошъ и т. д. Если бы поморы пріѣзжали на «вешнюю», на «лѣтнюю» и на «осеннюю», они не имѣли бы причинъ жаловаться на промыселъ. Но они раздѣляются на двѣ партіи. Одни, меньшинство, являются на вешнюю; другіе, большинство, на лѣтнюю. На вешнюю приходятъ обыкновенно смѣлые, болѣе или менѣе состоятельные хозяева, люди средняго состоянія; вешній промыселъ считается рискованнымъ. На лѣтнюю идутъ (большинство) всѣ подымающіеся, мелкіе капиталисты или самые большіе и, наконецъ, вся бѣднота, самостоятельно занимающаяся промысломъ на карбасахъ. Въ первыхъ числахъ августа всѣ удаляются на зимнія квартиры. Не мудрено, что лѣтняки несутъ убытки, если выпадетъ полтора лѣтнихъ мѣсяца дурной погоды. Но если выпадетъ одинъ мѣсяцъ дурной погоды, то всѣ успѣваютъ нагрузиться (петербургскіе и архангельскіе экспедиторы) въ продолженіе одного хорошаго мѣсяца и рыба падаетъ вслѣдъ затѣмъ въ цѣнѣ, потому что не находитъ покупателей «за ненадобностью». Въ прошломъ году, напримѣръ, промыселъ сложился такимъ образомъ: съ 1 апрѣля по 1 іюля всѣ промышленники достали рыбы въ Гаврилово: трески—53,671 пуд. (средняя цѣна 45 коп. пудъ), пикшуя—13,230 п. (23 коп.), вокуксы—7,793

(65 коп. пудъ), зубатки и камбалы—3,750 (40 коп.) и палтусины—820 пуд. (1 р. 50 коп. за пудъ). Въ іюлѣ наступила хорошая погода и въ одинъ мѣсяцъ было выручено столько, сколько было выручено въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, т.-е. съ 1 апрѣля по 1 іюля. Но бываетъ и наоборотъ. Случись весенній уловъ, выгодный для ограниченнаго меньшинства, все большинство закричало бы: «Пропалъ нашъ промыселъ на Мурманѣ! Мы разорились!» и т. д. Вотъ почему надо скептически относиться къ показаніямъ поморовъ, въ особенности, если на основаніи этихъ показаній задумывать какіе-нибудь организованные кредиты.

И какъ легко поморскому хозяину разориться, если онъ подыметъ рабочихъ на одинъ лишь періодъ лѣтняго улова, а лѣто измѣнитъ ему! Надо знать его расходы, чтобы остеречься отъ односторонняго сужденія, которое приводитъ къ заключенію, что все разореніе помора происходитъ отъ его полной капитуляціи передъ кредитодателемъ, архангельскимъ купцомъ, или вслѣдствіе тяжелыхъ въ промыслово-рыболовномъ отношеніи годовъ, бывшихъ когда-то встарину. Прежніе дѣятели перемерли, давно уже сошли съ арены дѣятельности, а новые бьются, смѣняя другъ друга въ качествѣ предпринимателей.

Вотъ сколько надо израсходовать денегъ, чтобы снарядить одну шняку и основаться на Мурманѣ на время промысла:

На постройку избы въ становищѣ. .	120 р.	— к.
На постройку шняки	90 »	— »
Якорь и цѣпь.	20 »	— »
Парусъ.	20 »	— »
Брезенты носовой и кормовой. . . .	4 »	30 »
Ляпы и клепки (для подъема рыбы изъ воды).	— »	75 »
Два котла для ухи и каши и чайникъ.	7 »	— »
Три ушата для воюксы	1 »	— »
Ушатъ для воды.	— »	30 »
Два анкерка для кваса	2 »	— »
Стоянки для яруса въ 40 тюковъ, подлески, уды, нитки и проч. . . .	123 »	— »
Всего. .	388 р.	35 к.

Затѣмъ идутъ расходы во время улова:

Пять кулей муки (на 4 челов. рабочихъ), по 12 руб. куль (9-ти пуд. вѣса).	60 р.
Два мѣшка крупы	20 »
Дровъ	20 »
Итого. . .	100 р.

Хозяинъ затрачиваетъ, кромѣ того: жалованье двумъ рабочимъ по 40— р. за лѣто; кормчій получаетъ 50 р. да 25 р. награды и мальчикъ— р. за лѣто. Итого 180 р. Общій расходъ—668 р. 35 к. Шняка зара-

батываетъ въ лучшемъ случаѣ за лѣто 1,000 р. Поморъ-хозяинъ пріобрѣтаетъ 330 руб. Конечно, въ слѣдующее лѣто его барышъ увеличивается, если шняка заработаетъ ту же сумму. Но представьте себѣ, что во время лѣта выпали полтора мѣсяца дурной погоды. Шняка не заработала 1,000 руб. Хозяинъ ничего не пріобрѣтаетъ или терпитъ убытокъ, прежде нежели встанетъ на ноги, если онъ начинающій хозяинъ. Случается, что рабочіе забираютъ впередъ, а уловъ не оправдываетъ надежды, они остаются хозяину должны, заболѣваютъ, иногда (рѣдко) тонутъ, обманываютъ и уходятъ. И такъ, промыселъ не представляется хозяину выгоднымъ предпріятіемъ, если онъ ограничивается періодомъ одного лѣта. Рискованно. Вотъ почему раздаются постоянныя жалобы хозяевъ на плохіе года.

Допустимъ, что хозяинъ не платитъ рабочимъ жалованье, а находится въ отношеніи «покрута» къ нимъ. Тогда, въ лучшемъ случаѣ улова, очищается сумма въ 611 р. 75 к. $^2/_3$ этой суммы идутъ въ пользу хозяина (т.-е. 407 р. 82 к.), а $^1/_3$, за вычетомъ 25 руб. на мальчика, идетъ въ пользу трехъ рабочихъ, т.-е. каждый рабочій получаетъ по 67 р. 97 коп. Кормчій получитъ больше. Но въ 1891 г. покрутъ былъ отъ 80 до 100 р. И такъ, система экономическихъ отношеній хозяина къ рабочему, называемая «покрутомъ», оказывается лучше, нежели та, когда хозяинъ приглашаетъ рабочихъ на жалованье.

Тѣмъ не менѣе, новѣйшіе историки сѣвернаго края говорятъ, что «морскіе промыслы находятся въ рукахъ нѣсколькихъ хозяевъ, отношенія которыхъ къ своимъ рабочимъ (по старой памяти все еще составляющимъ артели или, по-здѣшнему, «покруты») проникнуты самою безсовѣстною эксплуатаціей. Артели эти находятся въ полной зависимости отъ своихъ хозяевъ и работаютъ не на себя, а на нихъ. На самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ хозяева получаютъ всю выловленную рыбу, у рабочихъ же въ результатѣ не остается почти ничего. Какъ бы рабочій изъ кожи ни лѣзъ, онъ въ неоплатномъ долгу у «богателя», и эти въ своемъ родѣ «временно-обязанныя» отношенія не рѣдко переходятъ на сына и даже на внука». Но хозяева не могутъ получать рыбу на очень выгодныхъ для себя условіяхъ, потому что хозяева-промышленники продаютъ рыбу другимъ хозяевамъ-скупщикамъ и всегда по цѣнѣ, устанавливающейся на рынкѣ сбыта. Нельзя смѣшивать хозяевъ-промышленниковъ съ хозяевами-скупщиками, собственниками парусныхъ судовъ. Всѣ мурманскіе капиталисты пришли къ заключенію, что содержаніе шнякъ и рабочихъ невыгодно. Они ограничиваются скупкою рыбы на Мурманѣ и продажею ея въ Архангельскѣ и въ Петербургѣ. А хозяевами-промышленниками остаются тѣ, которымъ терять нечего: начинающіе предприниматели или поддерживающіе свое предпріятіе при помощи кредита. Правда, хозяева-скупщики стараются втянуть въ долги себѣ хозяевъ-промышленниковъ, посредствомъ задатковъ хлѣба зимою, снастей—лѣтомъ и, вообще, товаровъ. Они покупаютъ, такимъ образомъ, постояннаго или «временно-обязаннаго» продавца и пріобрѣтаютъ возможность, заручившись такимъ продавцомъ, предлагать свою

цѣну, вѣрнѣе—уменьшать цѣну за рыбу. Но хозяева-промышленники крѣпятся, остерегаются должать своимъ поморамъ, и если нуждаются въ кредитѣ, то стараются пріобрѣсти его у архангельскихъ купцовъ.

Что касается «неоплатныхъ долговъ» «временно обязанныхъ» покрученниковъ своимъ хозяевамъ, то не вѣрно, что долги отца переходятъ на сына и даже на внука. Я не знаю другого рабочаго, который относился бы къ долгамъ такъ цинично, какъ относится покрученникъ. Понятіе о чести, это — культурное понятіе, которое никогда не воспитывалось въ безграмотной поморской средѣ. Поморскій народъ вовсе не простодушенъ и не довѣрчивъ, а извѣстно, что только простодушный и довѣрчивый народъ ссылается на свою совѣсть. Утративъ совѣсть, какъ первѣйшій стимулъ къ сдержанію обѣщанія, слова, договора, поморскій народъ не пріобрѣлъ никакихъ нравственныхъ цѣнностей. При недостаткахъ правосудія на сѣверѣ, при вѣковомъ отсутствіи гласности, при отсутствіи воспитанія общественной совѣсти, при удаленности судей отъ мѣстъ отправленія правосудія, при отсутствіи путей сообщенія, безошибочно можно сказать, что понятіе о законности утратилось въ народѣ совершенно. Одною изъ главнѣйшихъ причинъ банкротствъ хозяевъ-промышленниковъ бываетъ чрезмѣрная задолженность рабочихъ, при частыхъ на сѣверѣ голодовкахъ, когда промыселъ не оправдываетъ надеждъ. Правда, что рабочіе не выходятъ изъ долговъ у хозяевъ и долги переходятъ изъ года въ годъ, иногда возростая, но отъ этого теряютъ хозяева, которымъ нечего бываетъ получить съ покрученника, а не покрученники, у которыхъ нѣтъ ничего и которымъ терять нечего. Надо помнить, что, по окончаніи промысла на Мурманѣ, всякій болѣе или менѣе состоятельный хозяинъ-поморъ идетъ въ Архангельскъ, продаетъ рыбу (если онъ судовладѣлецъ) на ярмаркѣ, забираетъ провіантъ, необходимый для зимы, и уходитъ во-свояси; зимою же выдаетъ покрученникамъ задатки мукою, чаемъ, сахаромъ, товаромъ.

Еслибъ архангельскій продовольственный комитетъ удовлетворялъ нужды народа, какъ требуютъ того мѣстныя обстоятельства, то роль хозяевъ-поморовъ, какъ кормильцевъ народныхъ, значительно умалилась бы. Разумѣется, народу было бы легче, да и самимъ хозяевамъ было бы лучше, такъ какъ уменьшились бы задолженность покрученниковъ хозяевамъ и рискъ банкротства, происходящій въ значительной мѣрѣ отъ задолженности рабочихъ. Но чтобы дать понятіе о томъ, какъ продовольственный комитетъ удовлетворяетъ нужды народа, я приведу выдержку изъ оффиціальнаго отчета за минувшій 1891 г. «Вторая половина августа упомянутаго года,—оворится въ отчетѣ,—стояла холодная. Вслѣдствіе этого хлѣбъ снимался едозрѣвшимъ и зеленымъ (Поморьемъ считаются берегъ Онежскаго и Кемкаго уѣздовъ). Въ Онежскомъ уѣздѣ хлѣбъ на половину былъ скошенъ коту, на половину требовалась примѣсь прежняго хлѣба. Въ Кемскомъ ѣздѣ большая часть посѣвовъ была скошена на кормъ скоту, а снятый ь полей хлѣбъ оказался годнымъ въ пищу только съ примѣсью хорошей уки урожая прежнихъ лѣтъ. Въ дирекціонныхъ хлѣбныхъ магазинахъ къ

началу 1891 г. хлѣбныхъ запасовъ было 163,396 пуд., въ теченіе года пріобрѣтено 23,548 пуд., израсходовано 111,545 пуд. и затѣмъ къ 1892 г. осталось 75,398 пуд. (по губерніи).

«Долга продовольственному комитету къ 1891 г. было 184,974 руб. 19 коп.; причислено къ тому за новыя ссуды въ отчетномъ году 46,650 руб. 19¼ коп.; поступило въ уплату 29,188 руб. 25¼ коп.; оставалось въ долгу къ 1892 г. 202,436 руб. 13 коп. Долговъ общему по имперіи продовольственному капиталу къ 1891 г. было 243,842 руб. 49 коп.; въ теченіе года взыскано въ уплату 13,341 руб. 92 коп. и къ 1892 г. осталось въ долгахъ 230,500 руб. 57 коп.».

Относительно Онежскаго уѣзда сказано глухо: «Въ Онежскій уѣздъ потребовали 21,467 пуд. 33 ф. хлѣба. Изъ Архангельска отправили 5,000 пуд., а недостатокъ изъ Олонецкой губ., на что израсходовано 29,611 руб. 7 к.».

Относительно Кемскаго уѣзда сказано откровенно: «Всего болѣе расходовъ потребовалъ Кемскій уѣздъ. Хотя запасы хлѣба обезпечивали до весны (?), но такъ какъ доставка зимою дорога, то и цѣна на хлѣбъ дорога. Свободные запасы хлѣба оказались у богатыхъ поморовъ, согласившихся уступить комитету рожь и ржаную муку цѣною отъ 1 руб. 80 коп. до 2 руб. за пудъ. Операція эта съ передвиженіемъ хлѣба на мѣсто обошлась въ 76, 442 руб.» (и это на одинъ уѣздъ!).

Это значитъ, что комитетъ не выслалъ вò-время хлѣба въ Кемскій уѣздъ, а поморы привезли его изъ Архангельска съ сентябрьской ярмарки. Проѣзжая зимою 1891 года черезъ Корелію, я убѣдился, что и запасы, оставшіеся отъ предъидущаго 1890 года, были отчасти попорчены въ сельскихъ магазинахъ (слежались и зацвѣли), а отчасти скуплены деревенскими кулаками лѣтомъ 1890 г., такъ что когда пришла зима, то хлѣба въ магазинахъ не оказалось. Чиновнику по крестьянскимъ дѣламъ пришлось ѣздить по зимнему первопутку и скупать хлѣбъ у тѣхъ же поморовъ и деревенскихъ кулаковъ, которые скупили хлѣбъ лѣтомъ изъ магазиновъ. Разумѣется, при такой операціи казенный хлѣбъ, предназначенный для урегулированія цѣнъ, для помощи народу, чтобы кулаки не могли поднять цѣну до невозможнаго, оказывался дороже въ казнѣ, нежели въ частныхъ рукахъ. Представимъ, что этотъ хлѣбъ остался до слѣдующаго года. Случился лучшій урожай, цѣна на хлѣбъ въ частныхъ рукахъ понизилась еще болѣе, а казна принуждена была продавать по болѣе высокой цѣнѣ. Народу приходится все равно должать въ урожайный или въ неурожайный годъ на сѣверѣ. Разумѣется, покрученникъ предпочтетъ должать какъ можно больше хозяину-помору, потому что хлѣбъ у него всегда дешевле, нежели въ казнѣ. Неурожайные годы на сѣверѣ часты. Теперь вы понимаете, почему мы вправѣ назвать хозяина-помора народнымъ кормильцемъ. Вотъ эта-то роль его въ Поморьѣ и дѣлаетъ его господиномъ своихъ рабовъ, а покрученниковъ обращаетъ во «временно-обязанныхъ». Но когда покрученникъ залѣзетъ въ долги по горло, то ему ровно ничего не значитъ бросить своего

хозяина, перейти къ другому, и тѣмъ легче это сдѣлать, чѣмъ болѣе долженъ онъ хозяину.

Говорили, что пріѣзжавшій въ Поморье повѣренный одной французской компаніи долженъ былъ однажды отказаться отъ мысли организовать на Мурманѣ крупное торговое предпріятіе, такъ какъ выкупить рабочихъ отъ ихъ хозяевъ стоило бы ему громадныхъ издержекъ. Въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Каждый хозяинъ просто зарывается въ задаткахъ изъ боязни, чтобы рабочій не ушелъ отъ него, а вмѣстѣ съ уходомъ его не пропали бы его прежніе задатки и надежды на будущій уловъ. Принимая во вниманіе эту неразрывную связь покрученника съ поморомъ-хозяиномъ, продолжающуюся изъ года въ годъ, постигаешь причину паденій милліонныхъ предпріятій на Мурманѣ. Пришлые капиталисты не пользуются никакимъ значеніемъ въ глазахъ померовъ-покрученниковъ, которымъ отъ нихъ ни тепло, ни холодно. Послѣдніе смотрятъ на нихъ какъ на пришлыхъ людей, которые израсходуютъ на нихъ пустяковое жалованье въ періодъ короткаго лѣта, а тамъ хоть трава не расти въ Поморьѣ, капиталистамъ все равно. Между тѣмъ, хозяева-поморы—свои люди; какъ они ни кулачествуютъ, а, все-таки, накормятъ. Поэтому покрученники работали дурно у пришлыхъ затѣйниковъ и шли неохотно къ нимъ на службу. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ заключалась одна изъ главныхъ причинъ разоренія петербургскихъ предпринимателей на Мурманѣ.

И такъ, резюмируя сказанное, приходится заключить, что разореніе Поморья происходитъ, правда, отчасти отъ задолженности, но не въ ущербъ покрученниковъ, а въ ущербъ хозяевъ, хотя не буду отрицать, что при задолженности хозяева могутъ относиться къ рабочимъ крайне недобросовѣстно, т.-е. приписывать, обманывать и т. д.

Правительство обратило вниманіе на вѣчныя жалобы на каторжныя условія труда въ Поморьѣ. При кратковременномъ управленіи губерніей Н. М. Барановымъ, единственнымъ раціональнымъ исходомъ изъ всякихъ затрудненій представился опросъ самого населенія. Созывъ особой коммиссіи изъ свѣдущихъ людей удостоился утвержденія. Въ результатѣ работы коммиссіи получилось 43 проекта. Проекты направлены были преимущественно «на созданіе матеріальнаго достатка,—какъ выражается новѣйшій историкъ сѣвернаго края,— на обезпеченіе строгой законности въ краѣ (гласное судоустройство) и самоуправленіе (земство) и, наконецъ, на просвѣщеніе (элементарное, реальное и техническое)». По отношенію къ вопросамъ, касающимся собственно Поморья, коммиссія признала себя не компетентной и высказалась за созывъ спеціальныхъ представителей отъ поморовъ. Такъ какъ интересы сосредоточивались въ трехъ рѣзко-обособленныхъ группахъ: хозяевъ, колонистовъ и рабочихъ, то и положено было, чтобы каждая группа прислала въ съѣздъ по десяти депутатовъ. Всего больше заинтересовались съѣздомъ покрученники. Группа хозяевъ не обнаружила особенной энергіи; колонисты же приняли по отношенію къ съѣзду враждебную позицію. И немудрено. На съѣздѣ предсто-

яло разрѣшить вопросъ о запрещеніи торговли на Мурманѣ норвежскимъ ромомъ и вообще спиртными напитками. Начальникъ губерніи сказалъ на съѣздѣ рѣчь, въ заключеніе которой выразилъ: «Для полнаго развитія вашихъ промысловъ, т.-е. для того, чтобы море стало давать вамъ капиталъ, а не ничтожный процентъ съ своего богатства, вамъ нужно отрезвить вашу жизнь на Мурманѣ. Затѣмъ, вамъ надо улучшить самые способы лова; суда ваши и промысловые снаряды должны дойти до одинаковаго состоянія съ промысловыми судами и снарядами иностранныхъ промышленниковъ. Конечно, все это возможно для васъ лишь при пособіи отъ правительства и я твердо вѣрю, что въ такомъ пособіи вамъ отказано не будетъ» и т. д.

Покрученники признали, что улучшить свое положеніе безъ посторонней помощи они не могутъ. Помощь эту можетъ оказать только правительство. Установленіе нормальныхъ отношеній между хозяевами и рабочими въ дѣлѣ производства промысловъ и дѣлежа продуктовъ путемъ «правилъ» покрученники сочли, по мѣстнымъ условіямъ, недостижимымъ, потому что экономическая зависимость «правилами» не уничтожится. Питать особыя надежды на административныхъ агентовъ, которые будутъ постоянно, безпристрастно и ревниво охранять ихъ интересы, они, въ силу горькаго опыта, не видятъ основанія. По этимъ соображеніямъ покрученники склонились больше на сторону матеріальной помощи. Правительственное вмѣшательство должно быть направлено къ тому, чтобы вырвать покрученниковъ изъ экономической зависимости и сдѣлать ихъ самостоятельными промышленниками. Путь къ этому слѣдующій: такъ какъ заниматься морскими промыслами каждому помору въ отдѣльности нѣтъ возможности, вслѣдствіе необходимаго въ этомъ дѣлѣ раздѣленія труда, то правительство возьметъ на себя оказывать денежную помощь не отдѣльнымъ поморамъ, а артелямъ изъ нихъ; сумма выдается въ ссуду за круговою порукой всей артели; погашеніе ея долгосрочное. Для выдачи ссудъ правительство открываетъ промысловый банкъ въ Колѣ. Размѣръ ссуды на артель не менѣе 800 руб. Предполагали, что осуществленіе этой мѣры совершенно измѣнитъ экономическую физіономію Поморья. Рядомъ съ артельною формой промысловаго дѣла устойчивость капиталистической болѣе чѣмъ сомнительна уже вслѣдствіе отсутствія рабочихъ, такъ какъ каждый поморъ предпочтетъ работать на себя, а не на хозяина.

Результатомъ этого ходатайства явились «Правила о выдачѣ ссудъ поморамъ на Мурманскомъ берегу». Согласно этимъ правиламъ, артели, составившейся изъ 4 человѣкъ, для промысла на шнякѣ, ссуда можетъ быть выдана въ размѣрѣ не свыше 430 руб.; высшій же размѣръ ссуды для артели, ведущей промыселъ на карбасѣ, опредѣляется въ 215 руб. Размѣръ роста по ссудамъ опредѣляется въ $^1/_2\%$ въ мѣсяцъ. Ссуды выдаются на срокъ одиннадцати мѣсяцевъ, считая съ 1 ноября по 1 октября слѣдующаго года. Выданныя ссуды обезпечиваются: а) имуществомъ артели, которое впредь до полнаго погашенія ссуды не подлежитъ продажѣ на пополненіе частныхъ долговъ участниковъ артели, и б) личнымъ имуществомъ

участниковъ, отвѣтствующихъ круговымъ ручательствомъ за исправный возвратъ ссуды. Хотя правительство и выразило намѣреніе обезпечить возвратъ ссуды правиломъ взысканія въ порядкѣ, установленномъ для взысканія казенныхъ податей и сборовъ, въ случаѣ невозврата выданной ссуды, но на практикѣ не было случаевъ, чтобы взысканіе обращалось на артельное имущество, а затѣмъ, «въ случаѣ недостаточности сего послѣдняго» (разумѣется, недостаточности,—шняка и бѣла при покупкѣ стоятъ дороже, нежели при продажѣ), на личное имущество кормщика и, наконецъ, на личное имущество прочихъ участниковъ артели. Порядокъ взысканія казенныхъ податей и сборовъ, какъ извѣстно, предписываетъ, какъ правило, взыскивать съ крестьянина только то, что возможно взыскать съ него, не подвергая публичной продажѣ его недвижимаго имущества, чтобы не разорить его окончательно и не обратить въ пролетарія. И такъ, выдача ссудъ, въ сущности, ничѣмъ не гарантировалась: ни артельнымъ имуществомъ, которое теряло свою цѣнность, ни личнымъ имуществомъ кормщика и прочихъ участниковъ артели, которымъ нечѣмъ гарантировать свои долги при неприкосновенности ихъ недвижимаго имущества. А такъ какъ при этомъ правительство не открывало промысловаго банка въ Колѣ, какъ это было рѣшено на съѣздѣ поморовъ, и не рѣшилось выдавать ссуды на артель «не менѣе 800 руб.», а, напротивъ, сократило размѣръ ссуды до 430 руб. и еще предоставило комитету, состоящему подъ предсѣдательствомъ архангельскаго губернатора, изъ управляющаго мѣстною конторой государственнаго банка, непремѣннаго члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и другихъ лицъ, по приглашенію губернатора, право уменьшать ссуду по своему усмотрѣнію, то размѣръ ссуды не соотвѣтствовалъ потребностямъ промысла при обязательномъ для прогресса видоизмѣненіи типа промысловаго судна и раціональномъ веденіи дѣла; самое же опредѣленіе, кому слѣдуетъ выдать ссуду и кому не слѣдуетъ ее выдавать, перешло, въ сущности, на усмотрѣніе самихъ крестьянъ, по ихъ приговорамъ, при формальномъ содѣйствіи чиновъ волостного правленія и чиновника по крестьянскимъ дѣламъ. Хотя правила и предписываютъ указывать въ приговорахъ: 1) семейное и имущественное положеніе заемщика, 2) участвовалъ ли онъ раньше въ рыбныхъ промыслахъ, 3) насколько образъ жизни заемщика и его поведеніе могутъ обезпечивать правильное употребленіе и своевременный возвратъ ссуды и 4) не имѣетъ ли заемщикъ самостоятельнаго промысловаго заведенія на Мурманѣ, для котораго онъ нанимаетъ рабочихъ,—хотя эти предписанія и стремились, съ одной стороны, какъ бы гарантировать возможность обратнаго полученія ссуды, а съ другой—обезпечить справедливость выдачи ссуды именно достойнымъ и нуждающимся, но, вѣдь, мы знаемъ, какъ составляется приговоры, по какой цѣнѣ выставленной водки они продается и за какія взятки оформливаютъ эти приговоры чины волостного правленія. А что такое чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ? Могъ ли онъ, сидя въ бѣломорскомъ уѣздномъ городѣ и не имѣя понятія о томъ, какъ идутъ дѣла на Мурманѣ, при ка-

кихъ условіяхъ промысловое дѣло можетъ считаться выгоднымъ и невыгоднымъ, и достойна ли такая-то личность ссуды по его способностямъ къ труду и по правильному употребленію средствъ,—могъ ли онъ, чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ, рѣшать правильно эти вопросы и представлять именно достойныхъ? Вопросы эти могъ бы съ успѣхомъ разрѣшить, напримѣръ, инспекторъ рыбныхъ промысловъ, зная наперечетъ всѣхъ промышленниковъ на Мурманѣ, способности ихъ къ труду, ихъ морскую опытность и т. д.; но инспектора нѣтъ на Мурманѣ и выдача ссудъ зависѣла, такимъ образомъ, отъ лица, ничего общаго съ промысломъ не имѣющаго, и отъ комитета, дѣйствовавшаго формально по рутинѣ заведеннаго въ служебномъ мірѣ порядка представленія лицъ.

Н. Максимовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Новыя работы по исторіи Греціи.

(*E. Abbott:* «A History of Greece». Part I, and II. London, 1890—1892. *A. Holm:* «Griechische Geschichte». Bände I, II und III. Rerlin, 1886, 1889, 1891).

Названныя сочиненія оба еще не окончены; англійская работа доведена до 445 года и полнаго преобладанія Перикла, нѣмецкая до смерти Александра Македонскаго. Въ первомъ случаѣ едва пройдена половина пути; во второмъ—остается еще ожидать четвертаго тома, посвященнаго эллинизму. И та, и другая книга, однако, уже достаточно охарактеризованы вышедшими до сихъ поръ томами; вполнѣ выяснились задачи, пріемы, способности и недостатки авторовъ. При ознакомленіи русской публики съ этими работами я буду преимущественно имѣть въ виду вторую часть Аббота и вторую—Гольма, такъ какъ при этомъ можно будетъ на частныхъ примѣрахъ составить понятіе о значеніи и характерѣ этихъ новыхъ обработокъ исторіи Греціи.

Прежде всего, является вопросъ, зачѣмъ понадобились такія новыя обработки? Вѣдь, и безъ того, повидимому, исторія Греціи находится въ завидномъ положеніи. Имѣются обширныя и очень замѣчательныя общія изложенія Грота, Курціуса, Дункера; недавно еще Бузольтъ далъ намъ тщательный обзоръ съ драгоцѣнными указаніями на источники и спеціальную литературу; руководства по такъ называемымъ древностямъ Шеманна, Гильберта, Германна изображаютъ въ систематическомъ порядкѣ матеріалъ по исторіи учрежденій. И, между тѣмъ, на двухъ концахъ западноевропейскаго ученаго міра, въ Лондонѣ и Берлинѣ, одновременно, хотя и безъ предварительнаго соглашенія, возникаютъ двѣ новыя общія обработки все того же, повидимому, исчерпаннаго предмета. Надо думать, что въ наукѣ сказывается какая-нибудь настоятельная потребность пересмотра или измѣненія того, что было сдѣлано раньше. Обращаясь къ только что перечисленнымъ произведеніямъ литературы, не трудно будетъ, конечно, указать, что каждое изъ нихъ въ отдѣльности страдаетъ нѣкоторыми чувствительными недостатками. Руководства по древностямъ, во всякомъ случаѣ, могутъ имѣть только вспомогательное значеніе, потому что они раз-

сматриваютъ факты съ особой, неисторической точки зрѣнія: ихъ прямая цѣль—представить состояніе государственнаго, административнаго права, судоустройства и судопроизводства извѣстныхъ эпохъ, а не условія и причины развитія, тѣмъ менѣе общій синтезъ исторической жизни, въ которой учрежденія входятъ только однимъ изъ нѣсколькихъ элементовъ. Книга Бузольта суха, отрывочна, болѣе полезна какъ собраніе примѣчаній, чѣмъ какъ связный текстъ. Гротъ въ значительной степени устарѣлъ при всей громадной эрудиціи; Дункеръ злоупотребляетъ современными соображеніями и растянутымъ до болтливости изложеніемъ, особенно въ послѣднихъ томахъ, посвященныхъ Греціи. Курціусъ пишетъ не только исторію, но диѳирамбъ, и въ своемъ преклоненіи передъ всѣми эпохами и проявленіями греческаго духа очень слабо мотивируетъ переходы отъ одной формы къ другой, а вслѣдствіе этого процессъ политическаго развитія распадается у него на случайно соединенныя другъ съ другомъ картины.

Всѣ эти недостатки очень замѣтны и давно отмѣчены критикой, но едва ли нѣмецкій и англійскій ученые, о которыхъ намъ приходится говорить, выступили бы съ собственными попытками представить общую обработку предмета, по которому сдѣлано, во всякомъ случаѣ, такъ много, если бы не побуждали къ тому другія причины. Задача сводится не на борьбу талантовъ и личной учености: и Абботъ, и Гольмъ, въ сущности, исходятъ изъ принципіальной противуположности господствовавшему до нихъ направленію. И тотъ, и другой недовольны постояннымъ соединеніемъ дѣйствительно переданнаго источниками матеріала съ комбинаціями ученыхъ XIX столѣтія. До переворота, совершеннаго Нибуромъ, историки безхитростно передавали содержаніе древнихъ писателей, наивно подновляя ихъ слогъ и пользуясь безъ дальнихъ разсужденій годнымъ и негоднымъ, раннимъ и позднимъ въ ихъ разсказахъ. Послѣ Нибура насталъ вѣкъ критики: начались предварительныя изысканія о достовѣрности и освѣдомленности свидѣтелей, указанія пробѣловъ и противорѣчій въ преданіи, попытки пополнить пробѣлы и устранить противорѣчія. Рядомъ съ матеріаломъ выросла цѣлая масса предположеній и комбинацій. Въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ эта сложная критика дѣлала свое дѣло и обойтись безъ нея въ настоящее время невозможно, хотя не слѣдуетъ чрезмѣрно увлекаться ею. Но въ общихъ обработкахъ, предназначенныхъ для большой публики, оговорки, гипотезы, аргументы устранялись какъ ненужные лѣса, изложеніе шло ровно, гладко, краснорѣчиво, безъ всякаго предупрежденія, что читателю преподносятся въ значительной степени соображенія англійскихъ литераторовъ и нѣмецкихъ профессоровъ.

Изъ отрезвляющей реакціи противъ ученыхъ фантазій и вышли работы Аббота и Гольма. Между ними поэтому много общаго въ самыхъ частностяхъ. Но различіе индивидуальностей и школы сказываются также очень опредѣленно.

Различія эти даютъ себя особенно чувствовать, когда присматриваешься

не къ способу изложенія, а къ пріемамъ изслѣдованія. Абботу пришлось не такъ далеко отступать отъ принятыхъ въ Англіи точекъ зрѣнія, какъ Гольму отъ нѣмецкихъ. Англичане, со своимъ большимъ политическимъ тактомъ, практическимъ отношеніемъ ко всѣмъ вопросамъ и слабымъ развитіемъ профессорскаго цеха, всегда были предубѣждены противъ ухищреній критики. Сочиненіе Грота въ данномъ случаѣ характерно: оно обходитъ цѣлый рядъ построеній, которыя чрезвычайно занимали нѣмецкую науку; совершенно не пытается, наприм., раздѣлить историческую правду и вымыселъ въ сказаніяхъ о богахъ и герояхъ. Абботъ, такимъ образомъ, дѣйствуетъ, до нѣкоторой степени, въ духѣ англійской традиціи противъ увлеченій нѣмцевъ, хотя и старается познакомиться съ изысканіями послѣднихъ. Но знакомство это не много помогаетъ ему. Онъ, въ сущности, просто откладываетъ въ сторону бо́льшую часть новѣйшихъ критическихъ работъ, поскольку изъ нихъ вытекаютъ попытки положительныхъ построеній. «Часто пытаются,— говоритъ онъ, напримѣръ,— опредѣлить съ большимъ остроуміемъ и ученостью, въ какой степени Діодоръ и Плутархъ слѣдовали Эфору и Θеопомпу; но если бы эти попытки были даже гораздо успѣшнѣе, чѣмъ онѣ выходятъ на самомъ дѣлѣ, что̀ достигается ими? Вѣдь, мы не знаемъ, откуда черпали Эфоръ и Θеопомпъ. Мы продвинулись до IV вѣка и не въ состояніи идти дальше. Эти историки могли бы воспользоваться государственными документами, но это не было у нихъ въ обычаѣ; они, безъ сомнѣнія, опирались на устное преданіе, литературные источники и собственный талантъ. Сочиненія ихъ погибли и мы можемъ составить о нихъ только весьма неясное и неопредѣленное сужденіе» (II, стр. 517). Поэтому Абботъ не затрудняетъ себя и своихъ читателей разсужденіями о томъ, кто собственно отвѣчаетъ за поздніе и сборные разсказы Плутарха и Діодора. Онъ такъ и ссылается на Плутарха или Діодора. Тѣмъ не менѣе, онъ на каждомъ шагу замѣчаетъ несообразности и противорѣчія и съ избыткомъ сообщаетъ о нихъ читателямъ. Осторожность столько же запрещаетъ ему скрывать неясность или ошибку источниковъ, сколько мѣшаетъ искать первоначальныхъ свидѣтельствъ въ позднихъ компиляціяхъ. При такихъ основныхъ принципахъ обработка получаетъ своеобразный видъ. Когда попадается важный подлинный актъ, Абботъ вставляетъ его въ текстъ дословно и съ возможно краткимъ комментаріемъ (наприм., постановленія аѳинскаго собранія объ устройствѣ Халкиды на Эвбеѣ, колоніи Бреа). Сплошь и рядомъ онъ очень близко переводитъ и пересказываетъ Геродота, хотя не ручается за подлинность выраженій: ему важны живость и характерность почти современнаго событіямъ разсказа. Но затѣмъ, въ случаѣ сколько-нибудь серьезнаго разногласія между источниками, остается только передать мнѣнія того и другого, и третьяго изъ древнихъ писателей и въ заключеніе замѣтить, что дѣло очень неясно. Абботъ положительно злоупотребляетъ нерѣшительностью. Описаніе Делосскаго союза, наприм., и его постепеннаго превращенія въ Аѳинское государство онъ ведетъ такъ, что читатель остается въ недоумѣніи относительно сущности принятыхъ мѣръ,

значенія выкупа корабельной службы, подавленія возстаній и т. п. Между тѣмъ, хотя возможны разногласія относительно второстепенныхъ подробностей, ходъ дѣла въ главномъ достаточно ясенъ и нѣтъ никакого коренного противорѣчія между источниками. Въ этомъ случаѣ, притомъ, имѣется основное описаніе Ѳукидида, которое должно было давать тонъ всему остальному. Абботъ просто разрушилъ перспективу между свидѣтельствами, противупоставляя разсказъ Плутарховой біографіи Аристида Ѳукидиду, что совершенно недопустимо, и очень недостаточно воспользовался надписями. Подобное же отсутствіе перспективы замѣчается въ описаніи Мараѳонскаго сраженія, гдѣ Геродотъ, Діодоръ, Корнелій Непотъ просто пересказаны другъ за другомъ.

Абботъ уже имѣлъ возможность ссылаться во второй части на вновь открытый (въ 1891 году) трактатъ Аристотеля о *Государствѣ аѳинянъ*. Осторожность предостерегла его отъ злоупотребленія этимъ труднымъ, хотя и весьма цѣннымъ, источникомъ. Онъ отказался занести, наприм., анекдотическій разсказъ объ участіи Ѳемистокла въ сверженіи ареопага, который не ладится съ установленными хронологическими данными. Точно также указана искусственность въ передачѣ дѣятельности Аристида, будто бы убѣдившаго аѳинянъ переселяться въ городъ и разсчитывать на помощь государства для прокормленія. Самая принадлежность трактата Аристотелю очень сомнительна для нашего автора. Но его короткій экскурсъ о пользованіи трактатомъ и его составѣ совершенно недостаточны. Онъ не идетъ дальше «загадки»: «на какомъ основаніи писатель второй половины четвертаго вѣка даетъ показанія относительно ранней исторіи Аѳинъ?»

Недоборы, происходящіе отъ узкаго примѣненія критическихъ пріемовъ, Абботъ старается пополнить при помощи внимательнаго разсмотрѣнія извѣстій, не возбуждающихъ сомнѣнія, а также при помощи сравненій съ условіями жизни другихъ эпохъ и народовъ. И то, и другое приводитъ къ цѣннымъ наблюденіямъ, хотя иногда авторъ впадаетъ въ нѣкоторую искусственность и привлекаетъ для аналогій факты, мало похожіе на тѣ явленія греческой исторіи, которыя онъ хочетъ изъяснить (см., наприм., II, стр. 9, 15 и 20). Наконецъ, ему нельзя не поставить въ упрекъ склонность къ общимъ политическимъ оцѣнкамъ, которыя подсказаны общими мѣстами современной политики и политической нравственности, притомъ, съ нѣкоторою спеціально - англійскою окраской. Дѣло идетъ, напримѣръ, объ общественныхъ работахъ, предпринятыхъ Периклемъ и доставившихъ ему большое вліяніе на народъ. Абботъ замѣчаетъ: «Употребленіе государственныхъ денегъ на общественныя работы можетъ быть оправдано, если эти работы дѣйствительно нужны, а деньги, потраченныя на нихъ, доставлены тѣми лицами, которыя распорядились ими... Совсѣмъ иное дѣло, когда общественныя работы устраиваются для того, чтобы доставить продовольствіе людямъ, которымъ иначе было бы трудно найти работу или, по крайней мѣрѣ, найти ее на такихъ же выгодныхъ условіяхъ» и т. д. (II, стр. 405). Даже въ настоящее время бываютъ случаи, когда приходится поступиться подоб-

ными соображеніями. Или, наприм., Абботъ разсуждаетъ по поводу того, что аѳиняне употребляли на украшеніе города подати союзниковъ. По его мнѣнію, «единственнымъ честнымъ опроверженіемъ было бы заявленіе, что средства на украшеніе города ничего не имѣютъ общаго съ взносами союзниковъ. Такого заявленія Периклъ не дѣлалъ. Напротивъ, онъ отвѣчалъ на упреки противниковъ нахальнымъ (impudent) утвержденіемъ, что городъ не обязанъ отдавать союзникамъ отчетъ въ употребленіи ихъ взносовъ, разъ онъ выполняетъ принятыя на себя обязанности. Союзники избавлены отъ всякихъ опасеній относительно варваровъ и, въ то же время, не держатъ ни конницы, ни войска, ни кораблей; они платятъ за это деньги, и такого рода плата принадлежитъ не имъ, а тѣмъ, кто получаетъ ее, если получающіе дѣйствительно исполняютъ службу, за которую она дается» (II, стр. 407). Мнѣ кажется, что Абботъ изъ добросовѣстности такъ сильно передалъ аргументаціи Перикла, что эпитетъ «нахальный» является по меньшей мѣрѣ неожиданнымъ.

Въ общемъ, новая англійская работа едва ли можетъ считаться значительнымъ шагомъ впередъ, хотя она не лишена достоинствъ. Главныя свидѣтельства сведены и переданы хорошо, всюду обнаруживается любовь автора къ описываемому предмету и пониманіе его основныхъ началъ, нѣтъ недостатка въ интересныхъ соображеніяхъ и новыхъ сопоставленіяхъ (см., наприм., II, стр. 20, 22, 26, 30, 35, 146 и 401), наконецъ, большимъ достоинствомъ является толковое сообщеніе свѣдѣній по исторіи второстепенныхъ государствъ. Но реакція противъ нѣмецкой критической работы пошла слишкомъ далеко и привела къ устраненію не только недостатковъ, но и полезныхъ результатовъ.

Книга Гольма представляется мнѣ гораздо болѣе интересной и важной. Любопытно, что и онъ готовъ до нѣкоторой степени примкнуть къ англійскому направленію. Въ предисловіи ко второму тому онъ высказываетъ особенное удовольствіе по поводу благопріятныхъ отзывовъ англійской критики. Въ отношеніи къ аѳинской жизни онъ особенно приближается къ взглядамъ Онкена (Athen und Hellas), который въ Германіи является послѣдователемъ Грота. И опять-таки онъ съ самаго начала высказываетъ свое несогласіе съ тѣми «многими, которые смотрятъ на грековъ какъ на народъ, всегда и во всѣхъ отрасляхъ жизни нашедшій лучшее». Пересмотръ критической литературы, отдѣленіе комбинацій отъ документальныхъ данныхъ, разсмотрѣніе греческой исторіи, какъ жизни даровитаго народа, не имѣющаго притязанія на непогрѣшимость, — вотъ цѣли, которыя ставитъ себѣ Гольмъ. Его наблюденія и замѣчанія по поводу критической литературы заслуживаютъ всякаго вниманія. Совершенно вѣрно, что современные ученые, особенно нѣмецкіе, ведутъ свои изысканія слишкомъ въ разбродъ и при этомъ теряютъ изъ вида цѣлое. Разбираютъ писателей, но не для того, чтобы сообразно съ этимъ построить историческое изложеніе, а для того, чтобы сочинить себѣ воображаемаго Эфора или Ѳеопомпа, которые, притомъ, отчасъ и распадаются, такъ какъ всякая новая диссертація придаетъ имъ

новый видъ. Самые пріемы критики не подвергаются общему обсужденію и остаются какъ бы «неписанными законами», относительно которыхъ каждый имѣетъ свое мнѣніе. По поводу отдѣльныхъ случаевъ ссылаются на эти законы, не позаботившись объ опредѣленіи ихъ точнаго значенія и примѣненія: такой пріемъ не можетъ быть оправданъ. Слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, подобрать въ исторіографіи примѣры примѣненія различныхъ, наиболѣе распространенныхъ критическихъ правилъ и провѣрить ихъ цѣну. Гольмъ не ограничивается общими указаніями и пожеланіями, а самъ постоянно отмѣчаетъ не только отношеніе критики къ матеріалу, но и выдающіеся признаки ея съ формальной, логической стороны. Въ этомъ отношеніи его работа можетъ служить подготовкой къ дѣйствительно необходимымъ изслѣдованіямъ по методологіи дѣйствующей въ наше время исторіографіи (см., наприм., разборъ пріема *Статистики культовъ*, пущеннаго въ ходъ Оттфридомъ Мюллеромъ, I, стр. 48 и сл.).

Сознательное и благоразумное отношеніе къ критическимъ изслѣдованіямъ нисколько не мѣшаютъ Гольму самому пользоваться съ необходимыми предосторожностями этимъ острымъ орудіемъ. Онъ подобно Абботу часто приводитъ подлинные разсказы древнихъ писателей ради ихъ «поэтической» правды, хотя бы существовали серьезныя сомнѣнія относительно ихъ фактической достовѣрности (I, стр. 14; II, стр. 4). Случается, что онъ разскажетъ событіе по Геродоту, и затѣмъ вернется къ нему еще разъ, чтобы отбросить явно-сказочное, подставить кое-какіе вѣроятные мотивы, извлечь общій смыслъ, —однимъ словомъ, раціонализировать повѣствованіе (II, стр. 13 и сл.). Но Гольма никакъ нельзя упрекнуть въ отсутствіи перспективы, въ безпомощной нерѣшительности, въ неумѣніи поставить свидѣтельства на должныя мѣста. Сравненіе съ Аббатомъ выходитъ очень поучительно. Тотъ, наприм., въ описаніи Мараѳонскаго сраженія, какъ мы видѣли, приводитъ нѣсколько разсказовъ одинъ за другимъ; Гольмъ выдвигаетъ передачу Геродота и пользуется остальными для второстепенныхъ подробностей. Вообще говоря, нашъ авторъ предпочитаетъ внимательное разсмотрѣніе надежныхъ источниковъ отыскиванію и возстановленію утраченныхъ. Но когда нужно, онъ тонко и умѣло пользуется изысканіями въ этой послѣдней области и пополняетъ ихъ собственными изслѣдованіями. Онъ отлично понимаетъ, наприм., что нельзя ограничиться двумя-тремя замѣчаніями о противорѣчіяхъ и трудностяхъ въ исторіи пятидесяти лѣтъ, прошедшихъ между персидскими походами на Грецію и началомъ Пелопонесской войны. И его прибавленія даютъ рядъ интересныхъ экскурсовъ объ источникахъ и способѣ работы Діодора и Плутарха, которыми приходится пользоваться для этого періода. Выходитъ, что анализъ писателя второго вѣка по Р. Х. совсѣмъ не такъ безнадеженъ и не такъ безразличенъ, какъ думаетъ Абботъ. Блестящій примѣръ полезныхъ результатовъ, которыхъ можно достигнуть подобнымъ осторожнымъ и интензивнымъ изслѣдованіемъ, представляетъ у Гольма изображеніе Аристида въ партійной борьбѣ. Нашъ ученый совершенно самостоятельно и вѣрно опредѣлилъ его положеніе, какъ руководителя

демократической партіи въ противуположность взгляду, встрѣчающемуся уже въ источникахъ, по которому Аристидъ былъ аристократъ. До открытія трактата Аристотеля такая постановка дѣла была заслугой: послѣ того, какъ Гольмъ опубликовалъ свой второй томъ, былъ изданъ Аристотелевскій трактатъ, который совершенно подтверждаетъ именно такой взглядъ на дѣло. Въ оцѣнкѣ избранія жребіемъ (II, стр. 114) Гольмъ высказалъ, правда, только мимоходомъ, соображеніе, которое Фюстель де-Куланжъ положилъ въ основу своего объясненія этого института: жребій имѣетъ не просто демократическую цѣль открыть всѣмъ доступъ къ извѣстной должности, а стоитъ въ связи съ воззрѣніемъ на случайность, какъ на произволеніе боговъ (ср. *Шеффферъ*: «Аѳинское гражданство и народное собраніе»). Очень сильно выставлено одно существенное ограниченіе, которое налагала сама на себя верховная аѳинская демократія: лицо, предложившее народному собранію извѣстную мѣру, отвѣчало за ея законность и даже цѣлесообразность. Если въ теченіе года выяснялось, что былъ нарушенъ какой-нибудь законъ, то внесшему предложеніе грозило уголовное преслѣдованіе. Народъ наказывалъ даже тогда, когда считалъ, что его ввели въ заблужденіе. Эти условія очень стѣсняли политическихъ дѣятелей; они составляютъ рѣзкій контрастъ съ современнымъ порядкомъ, по которому личная отвѣтственность вполнѣ покрывается разъ состоявшимся голосованіемъ и образованіемъ большинства (ср. замѣчанія Брайса въ его книгѣ объ американской республикѣ по поводу безотвѣтственности современныхъ демократическихъ политиковъ).

Было бы невозможно отмѣтить въ настоящей статьѣ всѣ многочисленныя заслуги Гольма въ его живомъ и интересномъ сочиненіи. Надо сказать два слова и о недостаткахъ. Иногда нашъ авторъ не свободенъ отъ склонности къ отвлеченнымъ опредѣленіямъ, которыя такъ любятъ нѣмцы. Онъ отказался, наприм., отъ преклоненія передъ греками, какъ избраннымъ народомъ культурной исторіи. Но взамѣнъ этого онъ называетъ ихъ самыми пытливыми изъ людей (die vorzugsweise Suchenden). Характеристика такъ обща, что теряетъ всякую опредѣленность. Развѣ менѣе пытливости обнаружили, наприм., западно-европейскія общества въ послѣдніе три, четыре столѣтія? Да и сами греки не всегда отличались пытливостью. Долгое время они удовлетворялись очень грубымъ политеизмомъ, преклонялись передъ закономъ, какъ божественною истиной, развивали гражданскіе идеалы, забывая о человѣческихъ. Внесеніе подобныхъ «обобщеній» въ исторію только обезличиваетъ ея содержаніе.

Затѣмъ нашего автора можно упрекнуть въ слишкомъ большомъ желаніи освободиться отъ взглядовъ, которые кажутся ему предразсудками. Какъ часто бываетъ съ несомнѣнно способными и оригинальными людьми, онъ слишкомъ поспѣшно раздѣлывается съ данными источниковъ и мнѣніями ученыхъ. Со времени Аристотеля установились убѣжденія, что развитіе торговли и мореплаванія способствовало росту демократіи, выдвигало богатыхъ и неимущихъ капиталистовъ, усиливало притокъ чужестранцевъ, придавало

значеніе такъ называемому четвертому классу, служившему на корабляхъ. Цѣлый рядъ фактовъ подтверждалъ эти соображенія. Это не помѣшало Гольму объявить, что между исторіей демократіи и вліяніемъ моря нѣтъ ничего общаго (II, стр. 108). Всѣ думали, что раздѣленіе аѳинянъ на партіи горы, прибрежья, равнины относится ко времени до Клисѳена и устранено его законодательствомъ. У Гольма Кимонъ является вождемъ равнины, а Аристидъ—вождемъ прибрежья. Издавна смотрѣли на ареопагъ, какъ на учрежденіе, которому до Эфіальта были поручены охрана законовъ и надзоръ за нравами. Нашъ авторъ считаетъ и то, и другое недоказанными и видитъ въ ареопагѣ нѣчто вродѣ англійскаго судилища, которое по поводу частнаго случая можетъ высказать общія юридическія и нравственныя соображенія (II, стр. 172). Периклъ выставляется, съ легкой руки новѣйшихъ нѣмецкихъ изслѣдователей (Дельбрюкъ, Гартунгъ), плохимъ полководцемъ, запустившимъ союзныя дѣла. Писистратъ безъ всякаго доказательства становится стратегомъ, первымъ носителемъ этой должности, который придалъ ей руководящее значеніе въ государствѣ (II, стр. 237). Въ противуположность Абботу, такъ строго осудившему Перикла за расходованіе союзническихъ взносовъ, Гольмъ силится доказать, что преобладаніе аѳинянъ въ союзѣ было истиннымъ благодѣяніемъ во всѣхъ отношеніяхъ. Деньги тратились на украшеніе храма Аѳины-Паллады, и ни одному древнему человѣку не пришло бы въ голову жаловаться на такое ихъ употребленіе (однако, жаловались!). Притомъ, всякая столица украшается на счетъ провинцій. Аѳиняне привлекали на свой судъ важнѣйшія дѣла изъ всѣхъ областей. Тѣмъ лучше для послѣднихъ, потому что судьи были, навѣрное, безпристрастнѣе въ Аѳинахъ, чѣмъ дома, а издержки по доставленію доказательствъ и веденію процесса должны были отучать союзниковъ отъ непроизводительныхъ тяжбъ. Съѣздъ участниковъ былъ мало-по-малу упраздненъ и члены союза лишились голоса въ управленіи дѣлами. Къ чему имъ были голоса и съѣздъ, когда окончилась война съ Персіей? (II, стр. 248—269).

Не мало наберется у Гольма софизмовъ и искаженій, но, тѣмъ не менѣе, его книга дѣйствительно интересна, какъ пересмотръ установившихся мнѣній и попытка опредѣлить достовѣрное, вѣроятное и просто возможное въ исторіи Греціи.

Павелъ Виноградовъ.

О пессимизмѣ въ современной литературѣ.

Съ легкой руки Шопенгауэра и Гартмана, въ наши литературныя сферы, прикосновенныя къ философской мысли, заронился и съ тѣхъ поръ тлѣетъ болѣе или менѣе серьезный пессимизмъ. Конечно, разочарованіе, признаніе въ мірѣ большого зла и неизбѣжности страданій звучатъ давно въ нашей литературѣ; но послѣдніе годы знаменуются широкимъ распространеніемъ пессимистическаго настроенія и попытками его систематическаго оправданія. Общеевропейская болѣзнь отразилась и у насъ. Для ея исцѣленія необходимъ, прежде всего, правильный діагнозъ, а его сдѣлать всего удобнѣе на Западѣ, гдѣ болѣзнь протекаетъ давно и въ очень опредѣленныхъ формахъ.

Нѣмецкая философія непосредственно вліяла у насъ, во всякомъ случаѣ, на немногихъ. Въ этомъ отношеніи гораздо сильнѣе дѣйствовала французская беллетристика. Въ недавно вышедшей книгѣ Жоржа Пеллиссье находится очень интересный очеркъ пессимизма въ современной французской литературѣ, съ которымъ я и познакомлю читателей *Русской Мысли* *).

Пессимизмъ во Франціи, — говоритъ Пеллиссье, — не облекается въ форму систематическаго ученія, но имъ проникнута французская литература въ послѣднія двадцать или тридцать лѣтъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ пессимизмъ является модою, которая сама составляетъ довольно характерный признакъ времени.

Пессимизмъ, какъ настроеніе, какъ склонность ума, не есть, разумѣется, что-либо новое. Во всѣхъ странахъ и во всѣ вѣка раздавались искреннія и краснорѣчивыя жалобы на печали человѣческаго существованія. Въ наши дни пессимизмъ безличенъ и холоденъ. Онъ не издаетъ криковъ, онъ спокойно констатируетъ неизбѣжность несчастія и требуетъ, чтобы его переносили безъ упрековъ и горькихъ сожалѣній.

Съ небольшимъ двадцать лѣтъ тому назадъ во Франціи съ позоромъ рухнула имперія. Молодое поколѣніе, вступавшее тогда въ жизнь, испытало тягостную скорбь, состояніе, близкое къ отчаянію въ будущемъ своей на-

*) *Georges Pellissier:* „Essais de littérature contemporaine". 1893. Legène, Oudin et C-ie éditeurs.

ціональности. Къ войнѣ съ чужеземцами, къ ненависти, которую возбудили нѣмцы, присоединились ужасы междоусобной войны, яростная классовая вражда. Къ этимъ вліяніямъ Пеллиссье присоединяетъ вліяніе того детерминизма, который отрицалъ всякое значеніе человѣческой воли, личныхъ усилій въ нравственной и въ общественной области. На разслабленную страшными несчастіями отечества душу поколѣнія, о которомъ идетъ рѣчь, ученіе о безплодности и безсмысленности внутреннихъ усилій и личной борьбы должно было подѣйствовать окончательно угнетающимъ образомъ.

Пеллиссье оговаривается, что о французскомъ обществѣ нельзя судить по одной литературѣ: произведеніе нѣсколькихъ, она обращается къ немногимъ. Пессимизмомъ заражены люди образованные, у которыхъ есть досугъ и навыкъ къ размышленію. Кто не размышляетъ, тотъ безсознательный оптимистъ, потому что въ природѣ нашей заключается любовь къ существованію.

Само собою разумѣется, что мышленіе вовсе не ведетъ роковымъ образомъ къ пессимизму: бѣда заключается въ томъ, что въ нашу эпоху разнородныхъ броженій и стремленій жизнь страшно усложнилась и умственное переутомленіе сдѣлалось обычнымъ явленіемъ. Старыя доктрины разрушены, и пылью ихъ обломковъ мы теперь дышемъ. Чрезмѣрное напряженіе ума, которому надо разобраться во всѣхъ жизненныхъ вопросахъ, нарушаетъ гармонію и душевныхъ, и тѣлесныхъ силъ, ослабляетъ волю и поэтому дѣлаетъ человѣка добычею пессимизма.

Къ этимъ словамъ французскаго писателя мы прибавимъ, что указанному имъ злу содѣйствуетъ школа средне-образовательная, которая переутомляетъ дѣтей, лишаетъ ихъ мысль бодрости и силы, внушаетъ равнодушіе и даже отвращеніе къ знанію и мышленію.

Приведенная выше оговорка Пеллиссье не мѣшаетъ ему, конечно, придавать литературѣ громадное значеніе. На искусствѣ отражаются общія условія духовной дѣятельности. Чисто-объективнаго искусства,—говоритъ Пеллиссье,—не существуетъ: каждое художественное произведеніе предполагаетъ природу и человѣка; если исключить второго, останется одна природа, не будетъ искусства. Чѣмъ сильнѣе и живѣе впечатлѣніе, производимое предметами на художника, тѣмъ менѣе способенъ онъ на тотъ нейтралитетъ, который хочетъ наложить на него химерическій объективизмъ.

Вслѣдствіе этого, художники, люди съ утонченными нервами, съ сильно развитою воспріимчивостью, въ эпоху, подобную нашей, особенно склонны къ пессимизму. Даже сравнительно неважныя печальныя явленія дѣйствуютъ на нихъ болѣзненно, напрягаютъ до крайности ихъ нервы и отражаются на художественномъ творчествѣ сильными преувеличеніями. Менѣе подвергается этому вліянію драматическое искусство, которое имѣетъ въ основѣ дѣйствіе, движеніе, т.-е. по природѣ своей противуположно пессимизму, призывающему къ бездѣйствію, къ апатіи, къ нирванѣ. Въ пьесахъ мы видимъ поэтому не пессимистовъ, а мизантроповъ,—не скуку отъ существованія, а ненависть и презрѣніе къ человѣчеству. Современный театръ

грѣшить тѣмъ, что въ этой формѣ пессимизмъ занялъ въ немъ значительное мѣсто.

Ясная, бодрая мысль, которая характеризуетъ названную книгу Пеллиссье *), выразилась и въ полномъ осужденіи декадентовъ, символистовъ и всѣхъ психопатическихъ явленій, которыми богата теперь Франція и заразилась, къ сожалѣнію, и Россія. При этомъ сильно достается Боделеру и другимъ основоположникамъ литературнаго декадентства.

Если бы пессимизмъ состоялъ лишь въ признаніи существованія зла, то въ этомъ не было бы ничего дурного. Наоборотъ, указаніе на зло, на необходимость борьбы съ нимъ заключаетъ въ себѣ высокое нравственное требованіе, весьма полезное и для отдѣльнаго человѣка, и для всего человѣчества. Быть пессимистомъ въ этомъ смыслѣ значитъ составить себѣ возвышенный идеалъ, видѣть въ грядущемъ человѣчество и лучшимъ, и болѣе счастливымъ. Такое представленіе даетъ силу для труда и борьбы, вмѣняетъ этотъ трудъ и борьбу въ непремѣнную обязанность. Вѣра въ то, что прогрессъ самъ собою совершается безъ насъ, безъ нашихъ усилій, есть вредный предразсудокъ, поощряющій лѣнивую и низкую трусость.

Въ другой статьѣ этой же книги Пеллиссье говоритъ объ эволюціи, совершающейся въ современной французской литературѣ **). Онъ отмѣчаетъ реакцію, которую вызвали творенія декадентовъ, мистиковъ и символистовъ, т.-е. возвращеніе разума и здороваго чувства красоты въ область искусства, куда декаденты ввели нелѣпѣйшія и безсмысленныя ухищренія и отвратительный цинизмъ. Вмѣстѣ съ разумомъ и одухотворенною имъ красотой возвращается въ творчество и культъ справедливости, расширенный нѣжностью,—возвращается, какъ говоритъ Пеллиссье, *сантиментальный идеализмъ* (idéalisme sentimental). Волѣ, замѣтимъ мы, новѣйшая психологія отводитъ достаточную автономію, чтобъ идеалы и идеи вновь получили подобающее значеніе руководителей личной жизни и общественныхъ порядковъ. Естественно, что это значеніе возвращается имъ и въ области искусства. Идеальное и дѣйствительное—два равноправные и основные принципы искусства. Идеализмъ, оторванный отъ реальнаго, превращается въ нѣчто отвлеченное, расплывчатое, нелѣпое; реализмъ, устраняющійся отъ идеала, впадаетъ въ убогую незначительность и въ грубость, потому что несвязанные идеей факты ничего не значатъ, какъ бы ни было велико ихъ число, а изображеніе, лишенное идеализаціи, поневолѣ впадетъ въ противуположную крайность, будетъ идеализаціей навыворотъ, т.-е. преувеличеніемъ самыхъ низменныхъ сторонъ человѣческой природы.

Любопытно, что наши защитники самодовлѣющаго искусства соединяютъ эту защиту съ борьбою противъ позитивизма и либерализма. Метафизика и искусство для искусства являются таранами, которыми доморощенные Поліоркеты хотятъ разрушить незыблемыя основанія научнаго мышле-

*) Другое сочиненіе автора: *Le mouvement littéraire au XIX Siècle,* увѣнчано французскою академіей.

**) *L'évolution actuelle de la littérature.*

нія и гуманныхъ политическихъ идей. Но гораздо больше правды въ утвержденіи тѣхъ сторонниковъ метафизики, которые признавали ее могучимъ двигателемъ политической свободы. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ юристовъ, ожесточенный врагъ позитивизма, г. Чичеринъ, въ своей книгѣ *Собственность и государство,* утверждаетъ, что именно метафизикѣ новые народы обязаны своею свободой. Въ такой исключительной постановкѣ есть большая односторонность, но часть истины, во всякомъ случаѣ, въ этомъ мнѣніи заключается. Если правое крыло гегеліанцевъ обоготворяло существующее государство и преклонялось передъ прусскою казармой, то изъ лѣваго крыла выходили убѣжденнѣйшіе защитники либерализма, радикализма и соціализма. Воистину можно сказать, что правое крыло не знало, что дѣлаетъ лѣвое. *Система пріобрѣтенныхъ правъ* Лассаля и *Капиталъ* Маркса написаны подъ очевиднымъ вліяніемъ гегелевской философіи. У насъ Чернышевскій опирался въ защитѣ общиннаго землевладѣнія на гегелевскій законъ діалектическаго развитія. И теперь лучшіе, благороднѣйшіе представители метафизическаго мышленія отстаиваютъ и свободу личности, и ея общественное достоинство, вполнѣ сходясь въ этомъ отношеніи съ тѣмъ строемъ политической мысли, въ основу котораго кладется точное ознакомленіе съ условіями здороваго, нормальнаго развитія и отдѣльнаго человѣка, и всего общества. Это совпаденіе показываетъ, что метафизика, при всей произвольности своихъ абсолютовъ, въ лицѣ своихъ геніальныхъ представителей съумѣла во многихъ случаяхъ глубоко заглянуть въ природу человѣка и въ ходъ всемірной исторіи. Поэтому къ нѣкоторымъ произведеніямъ философовъ-метафизиковъ, вопреки утвержденіямъ, которыя и теперь раздаются иногда въ лучшихъ нашихъ повременныхъ изданіяхъ (въ *Русскомъ Богатствѣ,* напримѣръ), къ величайшимъ представителямъ метафизической мысли, къ Спинозѣ или Канту, необходимо обращаться и въ настоящее время. И не пессимизму, конечно, научатъ такіе философы, а глубокому уваженію передъ человѣкомъ, передъ его умственными усиліями, передъ величіемъ такого характера, какъ знаменитый творецъ *Этики.* Какой позитивистъ не прочтетъ съ удовольствіемъ слѣдующаго, напримѣръ, утвержденія Спинозы: «Одни только люди свободные всего болѣе полезны другъ другу и бываютъ связаны между собою самою крѣпкою дружбой. Только они одни стараются дѣлать добро другъ другу съ одинаковымъ рвеніемъ любви. А потому одни только люди свободные бываютъ благодарными по отношенію другъ къ другу»? Неблагодарный метафизикъ, стало быть, въ особенности если онъ почитатель Спинозы (на словахъ), есть добровольный рабъ, т.-е. холопъ, по современному значенію послѣдняго слова.

Какія же причины нашего пессимизма, почему Шопенгауэръ, Гартманъ, Банзенъ пользовались въ послѣдніе годы довольно значительнымъ вліяніемъ въ русскомъ обществѣ? То переутомленіе въ школѣ и въ жизни, о которомъ говорилось выше, объясняетъ многое, но не все. Несомнѣнно, что не мало у насъ было (и есть) пессимистовъ, которые на самомъ дѣлѣ москвичи въ гартмановскомъ плащѣ. Но не безъ вины и у насъ событія внѣшнія,

условія, которыя налагаются на образованное меньшинство. Высокія ожиданія, когда они не сбылись, напряженіе мысли и чувства, совершенно не достигшее предположеннаго результата, нравственно надрываютъ человѣка. Если это дѣлается по недостатку личныхъ силъ или вслѣдствіе неблагопріятной случайности, опустятся руки лишь у малодушнаго или тщеславнаго; бѣда глубже, когда добрый результатъ предполагаетъ дружное сочетаніе *способныхъ къ благодарности людей*, а именно такого сочетанія въ данный моментъ не полагается.

Многимъ—и неглупымъ—людямъ можетъ при этомъ показаться, что мы теперь толчемся на мѣстѣ, что изсякъ источникъ животворной воды, идеальныхъ стремленій. Это будетъ большою ошибкой, ложнымъ основаніемъ для унынія и разочарованія. Вы видите истокъ рѣки. Она ростетъ и быстро стремится впередъ. Русло углубляется и ширится. Но вотъ рѣка встрѣчаетъ препятствія. Начинаются пороги, громоздятся скалы, сдавливая теченіе, превращая его въ клокочущій потокъ. И вдругъ рѣка исчезаетъ. Мрачно высятся скалы, печально и зловѣще шумятъ на нихъ деревья. Не бойтесь: еще нѣсколько усилій — и рѣка снова выйдетъ на свѣтъ Божій, сильная, свѣтлая, быстрая.

Конечно, сравненіе—не утѣшеніе; но развѣ на самомъ дѣлѣ незамѣтно усиленіе и углубленіе нашей личной и общественной мысли? Наши литературные противники по-своему признаютъ это: они утверждаютъ, что недавніе у насъ гуманные завѣты отвергнуты и забыты, что либерализмъ давно умеръ и погребенъ. Если бы такъ было въ дѣйствительности, то какая же была бы надобность изо дня въ день, изъ года въ годъ все хоронить похороненнаго, съ ненавистью, съ недобросовѣстностью набрасываться на побѣжденнаго, въ прахъ поверженнаго врага?

Нѣтъ, мы не умерли, даже не больны. Мы стараемся пристально вглядываться въ нашу народную жизнь, мы стремимся внести въ нее, въ мѣру нашихъ силъ, знаніе и справедливость, мы увѣрены въ томъ, что общественные порядки удесятеряютъ личныя силы въ одномъ случаѣ, расточаютъ ихъ понапрасну въ другомъ. Мы охотно готовы были бы поучиться и у метафизиковъ, и у реакціонеровъ. У нѣкоторыхъ метафизиковъ мы и учимся, что же касается нашихъ реакціонеровъ, то, быть можетъ, они и въ ротъ хмѣльного не берутъ, но говорятъ явно нелѣпыя и позорныя вещи. Вотъ эти торжествующіе голоса, вотъ эта какофонія дѣйствительно можетъ иного слушателя поневолѣ привести въ унынie, такъ какъ уйти отъ этой музыки некуда. Тутъ ужь надо потерпѣть. Эти самые музыканты,—по крайней мѣрѣ, многіе изъ нихъ,—знавали и играли въ былое время настоящія мелодіи. По всей вѣроятности, они успѣютъ и еще разъ исполнить ихъ. Желать этого отнюдь, конечно, не слѣдуетъ: фальшивые голоса испортятъ самую художественную композицію. Пусть ужь лучше допѣваютъ нынѣшнія пѣсни.

О. Т. В.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Что говорилось на международномъ уголовно-антропологическомъ конгрессѣ въ Брюсселѣ *).

Второй день работъ конгресса, вслѣдствіе происшедшаго столкновенія взглядовъ представителей двухъ противуположныхъ направленій въ уголовномъ правѣ: новаго или уголовно-антропологической школы и стараго или такъ называемой классической школы, былъ днемъ самыхъ оживленныхъ и горячихъ преній.

Поводомъ къ столкновенію послужилъ представленный мною докладъ объ основныхъ принципахъ первой школы. Въ немъ я старался формулировать по возможности въ краткихъ положеніяхъ основныя начала, которыя общи всѣмъ или, по меньшей мѣрѣ, значительному большинству послѣдователей новаго направленія, разнящихся въ деталяхъ ихъ мнѣній. При этомъ я указывалъ, что если, по научнымъ воззрѣніямъ нашего времени, въ основѣ всѣхъ безъ исключенія душевныхъ движеній лежитъ неразрывно связанный съ ними органическій элементъ, то онъ же неминуемо долженъ лежать и въ основѣ человѣческой преступности и ея разновидностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я указывалъ и на всю несостоятельность дѣленія на двѣ теоріи преступности—соціальную и органическую, тогда какъ живая дѣйствительность знаетъ лишь одну—соціально-органическую.

Основные принципы уголовно-антропологической школы я формулировалъ въ слѣдующихъ 7 положеніяхъ: 1) Основаніемъ наказанія и его первенствующею цѣлью новое направленіе признаетъ не возмездіе, а необходимость огражденія общества отъ зла преступленія. 2) Антропологическая школа стремится изучить при помощи всѣхъ точныхъ научныхъ методовъ разновидности дѣйствительныхъ преступниковъ, производящія ихъ причины, ихъ дѣятельность, ихъ преступленія и наиболѣе дѣйствительныя средства воздѣйствія на нихъ. 3) Въ преступленіи антропологическая школа видитъ результатъ взаимодѣйствія особенностей психо-физической организаціи преступника и внѣшнихъ воздѣйствій. 4) Антропологическая школа разсмат-

*) *Русская Мысль*, кн. II.

риваетъ преступника, какъ въ большей или меньшей мѣрѣ несчастную, порочную, неуравновѣшенную и недостаточную организацію, которая вслѣдствіе того мало приспособлена къ борьбѣ за существованіе въ легальныхъ формахъ. 5) Причины преступленія антропологическая школа дѣлитъ: a) на ближайшія — порочности психо-физической организаціи дѣятеля; b) болѣе отдаленныя—неблагопріятныя внѣшнія условія, подъ вліяніемъ которыхъ постепенно вырабатываются первыя; c) предрасполагающія, подъ вліяніемъ которыхъ порочныя организаціи наталкиваются на преступленія. 6) Уголовно-антропологическая школа изучаетъ преступниковъ и совершаемыя ими преступленія, какъ естественно-общественныя явленія, во всей совокупности ихъ разнообразныхъ факторовъ, даже наиболѣе отдаленныхъ. Этимъ она сливаетъ вопросъ о преступности съ великимъ соціальнымъ вопросомъ нашего времени и настаиваетъ на необходимости широкихъ мѣръ предупрежденія для успѣшности борьбы съ преступленіемъ. 7) Исходя изъ этихъ положеній, уголовно-антропологическая школа отрицаетъ разумность напередъ опредѣленныхъ мѣръ репрессіи и ставитъ ихъ въ зависимость отъ изученія индивидуальныхъ особенностей каждаго дѣятеля преступленія.

Развивая свой докладъ въ изустной рѣчи передъ конгрессомъ, я остановился, главнымъ образомъ, на четвертомъ положеніи, причемъ разсматривалъ особенности предрасположенныхъ организацій преимущественно съ психической стороны, — со стороны дефектовъ ихъ сложнаго общаго чувства или самочувствія, особенностями котораго, какъ и у всѣхъ людей вообще, опредѣляются особенности ихъ дѣятельности и въ основѣ которыхъ лежитъ неблагопріятное и дурно уравновѣшенное развитіе различныхъ органическихъ системъ, зависящее отъ особенностей упражненій какъ въ теченіе индивидуальной жизни, такъ и въ теченіе жизни восходящихъ.

Рѣшительными противниками выставленныхъ мною положеній выступили нашъ соотечественникъ г. Закревскій и бельгійскій товарищъ прокурора г. Meyers. Г. Закревскій заявилъ, не колеблясь, что уголовно-антропологической школы не существуетъ. Если говорятъ объ итальянской школѣ, то она уже умерла и представляетъ собою фактъ прошлаго. Отъ возмездія всѣ уже давно отказались и потому безполезно говорить о таліонѣ. Новаторы возстаютъ противъ метафизики, а сами даютъ лишь рискованныя гипотезы.

Г. Meyers рекомендовался «прирожденнымъ классикомъ, повинующимся импульсамъ своей организаціи», и послѣдователемъ Thonissen'a, нравственныя и соціальныя теоріи котораго онъ раздѣляетъ. Онъ объявилъ себя рѣшительнымъ сторонникомъ ученія о неограниченной свободѣ воли (libre arbitre). Въ противность г. Закревскому, онъ призналъ возмездіе основаніемъ наказанія и не менѣе рѣшительно утверждалъ, что уголовно-антропологическая школа будто бы расшатываетъ нравственность и, усиливая строгость репрессіи въ теоріи, ослабляетъ ее на практикѣ.

Эти взгляды не встрѣтили, однако, благопріятнаго пріема въ собраніи , притомъ, настолько, что г. Закревскій счелъ нужнымъ воспользоваться

случаемъ, чтобы сгладить впечатлѣніе собранія. Черезъ два дня по поводу другого вопроса онъ заявилъ, что его неосновательно приняли за реакціонера. Онъ, конечно, не ломброзіанецъ, но онъ послѣдователь научно-антропологической школы.

Третій ораторъ, говорившій по поводу представленнаго мною доклада, былъ молодой и очень талантливый аббатъ De Baëts. Указавъ, что въ настоящее время существуютъ двѣ школы—старая юридическая и новая и, притомъ, уже очень сильная—уголовно-антропологическая. Онъ высказалъ мнѣніе, что необходимо искать ихъ въ пунктѣ соприкосновенія. Наука энциклопедична. Она не медицина, не физіологія, она—совокупность всѣхъ знаній, исходнымъ пунктомъ которыхъ должно служить изслѣдованіе явленій. Старая юридическая школа, по мнѣнію оратора, должна будетъ взять назадъ нѣкоторыя свои апріорныя положенія, но и школа антропологическая должна отказаться отъ нѣкоторыхъ своихъ слишкомъ абсолютныхъ положеній. Преступленія суть явленія нравственной области. Необходимо, чтобы юристы, ученые и священники изучали утвержденія положительныхъ наукъ.

Послѣдующіе ораторы возражали противъ воззрѣній гг. Закревскаго и Meyers, такъ что мнѣ не пришлось почти отвѣчать на нападки.

Проф. van Hamel справедливо замѣтилъ, что уголовная антропологія и теперь представляетъ положительныя данныя, а вовсе не гипотеза. Къ числу такихъ данныхъ принадлежитъ, наприм., вліяніе особенности организаціи на наши дѣйствія, доказываемое фактами. Идея правосудія, противуполагаемая ораторами идеямъ новой школы, сама представляетъ крупную гипотезу. Сколько злоупотребленій совершено во имя этой идеи хотя бы въ Брюсселѣ! Идея защиты общества вовсе не представляетъ собою низкопробной идеи. Дѣло идетъ вовсе не о защитѣ чего-либо отжившаго и мертваго, а, напротивъ, о защитѣ сложнаго и живого соціальнаго организма и его мирнаго умственнаго и нравственнаго преуспѣнія и развитія, съ которымъ неразрывно связано развитіе и благо всѣхъ и каждаго.

Всѣ послѣдующіе ораторы съ особеннымъ вниманіемъ и съ особеннымъ удовольствіемъ отнеслись къ мысли De Baëts о необходимости соглашенія двухъ школъ.

Устами проф. Gauckler'a и Nyssen'a представители юридической школы заявили, что противуположенія между школами не существуетъ и что есть полная возможность соглашенія. Въ свою очередь предсѣдательствовавшій проф. Heger заявилъ, что соглашеніе представляетъ собою осуществленіе надеждъ всѣхъ антропологовъ. Но проф. van Hamel совершенно основательно замѣтилъ при этомъ, что относительно методовъ изслѣдованія не можетъ быть никакихъ уступокъ и что этими методами должны быть методы положительныхъ наукъ, критеріемъ же для отвѣтственности, по не менѣе справедливому замѣчанію Otlet, должна быть разумная наука, а не одинъ лишь ничѣмъ не вооруженный здравый смыслъ.

Противъ самой идеи соглашенія, которое, по мнѣнію проф. Houzé, составляетъ славу брюссельскаго конгресса, конечно, возразить ничего нельзя; напротивъ, его скорѣйшее осуществленіе представляется крайне желательнымъ. Разъ криминалисты-классики усвоятъ точные методы изслѣдованія и признаютъ его задачи, указываемыя уголовно-антропологическою школой,— задачи, состоящія въ томъ, чтобы вскрыть всестороннюю причинность явленій въ сферѣ человѣческой преступности, тогда всѣ послѣдователи новаго направленія могутъ съ легкимъ сердцемъ присоединиться къ соглашенію. Эта мысль вполнѣ удачно выражена проф. Houzé, который остроумно замѣтилъ, что онъ принимаетъ разумный бракъ, освященный аббатомъ De Baëts, но если бы бракъ долженъ былъ освѣщаться г. Meyers, то немедленный разводъ былъ бы неминуемъ.

При сдѣланныхъ оговоркахъ, провозглашенное соглашеніе несомнѣнно есть крупная уступка со стороны криминалистовъ-классиковъ, сдѣланная подъ давленіемъ фактовъ. Но этимъ уступка не можетъ ограничиться. Она должна будетъ идти далѣе до выставленныхъ мною положеній, которыя представляютъ собою только выводъ изъ фактически вполнѣ обоснованныхъ работъ антропологической школы. Къ этому съ необходимостью приведутъ сами громко говорящіе факты, причемъ, по мѣткому замѣчанію проф. Benedikt'a, конечно, не будетъ побѣжденныхъ, а только убѣжденные.

Въ заключеніе преній нашъ соотечественникъ проф. Мержеевскій вполнѣ основательно замѣтилъ, что вырожденіе, о которомъ такъ много говорилось, не есть ни преступленіе, ни сумасшествіе; оно только почва, на которой развиваются причины, предрасполагающія къ тому и другому.

Въ связи съ вопросами, затронутыми въ моемъ докладѣ, стояли доклады: проф. Gauckler'a объ относительной важности соціальнаго и антропологическаго элементовъ, чрезвычайно интересный докладъ проф. Liszt'a и докладъ проф. Benedikt'a о примѣненіи уголовной антропологіи. Всѣ эти доклады обсуждались въ одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій.

По взгляду проф. Liszt'a, преступность представляетъ собою продуктъ двухъ факторовъ—особенностей прирожденной или благопріобрѣтенной организаціи и общественныхъ условій. Чтобъ успѣшно бороться съ преступленіемъ, необходимо дѣйствовать на его факторы—на соціальныя причины и на особенности самого преступника. Первыя, т.-е. общественныя условія, дѣйствуютъ трояко. Они вліяютъ на восходящихъ преступника и тѣмъ самымъ на наслѣдственность отъ нихъ. Они опредѣляютъ также и личное физическое и нравственное развитіе преступника и, наконецъ, воздѣйствуютъ во время, близко предшествующее преступленію. Устраненіе соціальныхъ причинъ преступности есть задача соціальной политики, выясненіе важнаго значенія которой есть заслуга уголовной антропологіи.

Въ средѣ преступниковъ наблюдаются двѣ различныя группы. Первая— группа случайныхъ преступниковъ, которые наталкиваются на преступленіе преимущественно неблагопріятными внѣшними условіями, хотя, конечно,

и особенности организаціи при этомъ играютъ нѣкоторую роль. Безъ этихъ особенностей не было бы преступленій, но ихъ носители значительно не отличаются отъ средней другихъ людей. Вторая группа—преступники профессіональные. Въ ихъ преступленіяхъ преобладаетъ вліяніе дурныхъ особенностей психо-физической организаціи и преступленіе является вѣрнымъ отраженіемъ индивидуальности дѣятеля. Хотя наклонность къ преступленію въ этой группѣ тѣсно связана и съ привычкою, но послѣдняя не исчерпываетъ ея.

Случайный преступникъ во внѣшности не отличается отъ другихъ людей и не представляетъ оттиній. Преступникъ профессіональный, напротивъ, отмѣчается разнообразными признаками вырожденія прирожденнаго или благопріобрѣтеннаго.

Въ примѣненіи къ случайнымъ преступникамъ наказаніе имѣетъ цѣлью привить понятіе о ненарушимости права, а въ примѣненіи къ преступникамъ по натурѣ оно должно имѣть въ виду исправленіе, если оно возможно, или огражденіе отъ нихъ какъ общества, такъ и ихъ самихъ.

Не вдаваясь въ оцѣнку доклада проф. Liszt'a, замѣчу только, что сдѣланная имъ классификація вовсе не исчерпываетъ разновидности группъ преступниковъ и что самая основа ея несущественна.

Основныя мысли доклада проф. Benedikt'a можно передать въ немногихъ словахъ. Прежде психологія преступника не изучалась и судьи, и прокуроры сами создавали себѣ эту психологію въ соотвѣтствіи съ практическими нуждами. Благодаря этому, множество даже больныхъ приносились въ жертву правосудію, что и неудивительно при такомъ положеніи. Но, чтобы дѣйствительно побѣждать враговъ общества, надо ихъ знать, и не только поверхностно, но надо имѣть возможность дать себѣ отчетъ въ основаніяхъ ихъ враждебности, въ силѣ ея и въ средствахъ примирить этихъ враговъ съ нормальнымъ порядкомъ, побѣдить ихъ или сдѣлать ихъ побѣжденными. Достиженіемъ такого знанія и задается уголовная антропологія, вмѣшательство которой въ развитіе науки уголовнаго права представляетъ собою одно изъ важнѣйшихъ явленій научнаго прогресса. Антропологическія и біологическія изслѣдованія безусловно необходимы, чтобы прочно обосновать науку уголовнаго права, уголовное законодательство и практику.

Послѣ предшествующихъ горячихъ дебатовъ всѣ эти доклады не вызвали очень оживленныхъ преній, потому что затрогиваемый ими вопросъ былъ уже въ значительной мѣрѣ исчерпанъ для настоящаго конгресса. Въ виду этого я не остановлюсь на преніяхъ и отмѣчу только высказанное во время нихъ мнѣніе д-ра Winkler'a о необходимости ввести уголовную антропологію въ психо-патологическую клинику и сдѣлать ее обязательною для студентовъ медиковъ и юристовъ. Нельзя не сочувствовать и не желать скорѣйшаго осуществленія этой мысли и особенно въ его послѣдней части. Образованіе юристовъ нашего времени слишкомъ еще грѣшитъ со стороны сообщенія знаній естественныхъ особенностей составныхъ единицъ того цѣлаго, изученію явленій котораго они посвящаютъ себя.

На четвертый день работъ конгресса, въ присутствіи бельгійскаго короля, обсуждался весьма интересный и важный вопросъ о преступной толпѣ, который, вслѣдствіе упорныхъ изученій гипнотизма, до нѣкоторой степени является какъ бы вопросомъ дня. Вопросъ этотъ былъ поставленъ докладомъ Tard'a. Онъ интересенъ въ научномъ отношеніи, какъ вопросъ о взаимодѣйствіи въ массахъ, а важенъ въ практическомъ отношеніи особенно въ наше время, когда толпа такъ не рѣдко выступаетъ въ активной роли.

Основная мысль Tard'a состоитъ въ томъ, что всякое, даже самое совершенное соціальное соединеніе обыкновенно представляетъ собою низкій типъ организаціи, сравнительно съ его составными элементами, и что коллективный умъ никогда не сравнится съ умомъ наиболѣе посредственнаго изъ своихъ членовъ. Отсюда и пословица: «Senatores boni viri, senatus autem mala bestia». Тѣмъ болѣе это надо сказать о самомъ низкомъ изъ соціальныхъ аггрегатовъ—толпѣ, т.-е. о болѣе или менѣе многочисленномъ собраніи людей, объединенныхъ общностью вѣрованія, страсти или цѣли, которое, даже по сравненію съ цивилизованною націей, есть явленіе ретроградное. Въ совокупности людей, составляющихъ толпу, проходитъ, какъ кровь въ средѣ клѣтокъ организма, экзальтированное чувство ихъ солидарности, токъ ихъ взаимнаго чрезмѣрнаго возбужденія, немедленно выдѣляющіе ихъ изъ среды всего остального человѣчества и дѣлающіе ихъ чуждыми ему. Члены толпы какъ бы возвращаются къ нравственному состоянію лицъ, входившихъ въ исключительныя связи первобытной семьи, объединявшейся единствомъ крови. Вотъ почему, по мнѣнію Tard'a, самыя возвышенныя цѣли и чувства, сводящія людей въ толпу, не препятствуютъ значительному пониженію ихъ нравственности, какъ это, напримѣръ, наблюдалось хотя бы въ XVI вѣкѣ въ средѣ нѣмецкихъ крестьянъ, шедшихъ во имя братства и любви къ ближнему, а въ то же время предававшихся грабежамъ и кражамъ.

Еще болѣе ретроградное явленіе представляетъ собою толпа по сравненію съ отдѣльнымъ индивидуумомъ. Сравненіе въ отношеніи организаціи, напримѣръ, полипа—животнаго, съ полипникомъ — почти растеніемъ, пчелы съ роемъ, муравья съ муравейникомъ и т. д. То же имѣетъ мѣсто и по отношенію къ человѣку. Даже секта, состоящая изъ либераловъ, наклонна къ нетерпимости и деспотизму, а тѣмъ болѣе наклонна къ нимъ толпа, которая не терпитъ со стороны отдѣльнаго индивидуума ни противодѣйствій, ни возраженій, но которая при встрѣчѣ съ вооруженною силой охватывается страхомъ и легко разсыпается, переходя, такимъ образомъ, отъ деспотизма къ подлости. Толпа, какъ и первобытные люди, не знаетъ ни сомнѣній, ни колебаній. Она въ существѣ своемъ догматична и страстна, но, въ то же время, и противорѣчива. Съ нею отъ Капитолія и до Тарпейской скалы всегда одинъ только шагъ. По своимъ быстрымъ переходамъ къ противуположнымъ чувствамъ, толпа проявляетъ присущую ей неуравновѣшенность, такъ что, состоя изъ людей достаточно душевно здоровыхъ, она легко становится однимъ сумасшедшимъ.

Но почему толпа, какъ показываетъ наблюденіе, выражаетъ свое внутреннее согласіе только унисономъ? Почему она не знаетъ гармоніи убѣжденій и уравновѣшенности при посредствѣ взаимной терпимости? Почему она не знаетъ середины между единомыслiемъ и анархіей? Потому, отвѣчаетъ Tarde, что единомыслiе есть результатъ односторонняго подражанія, результатъ вліянія нѣсколькихъ вожаковъ почти безъ взаимности, тогда какъ гармонія цивилизованной націи есть результатъ обмѣна различныхъ вліяній между изобрѣтателемъ и подражателями.

Въ толпѣ изъ всѣхъ стимуловъ дѣятельности до наибольшаго возбужденія и экзальтаціи усиливается стимулъ низшаго порядка—самолюбіе, и, притомъ, въ низшей его формѣ—стремленія блистать въ сферѣ близко насъ окружающихъ, не заботясь объ одобреніи общества въ широкомъ смыслѣ слова. Уже одинъ фактъ собранія вмѣстѣ значительно повышаетъ смѣлость и чувство силы, но при этомъ, къ сожалѣнію, онъ возбуждаетъ вовсе не лучшія стороны ума и сердца.

И такъ, въ массѣ люди нравственно и умственно хуже, нежели въ одиночку. Но, спрашивается, отчего же зависитъ это? Докладчикъ отвѣчаетъ намъ указаніемъ на наиболѣе заразительныя явленія и наиболѣе вліяющія натуры. По его мнѣнію, наиболѣе заразительны не удовольствія и страданія, а желанія, любовь, ненависть, убѣжденія положительныя или отрицательныя, выраженія довѣрія или недовѣрія, похвалы или порицанія. При этомъ ненависть, какъ показываетъ опытъ, заразительнѣе любви, порицанія заразительнѣе похвалъ. Вотъ почему хорошія движенія толпы такъ легко и часто переходятъ въ дурныя и отвратительныя, и это тѣмъ болѣе, что заразительнѣйшее изъ человѣческихъ дѣйствій есть убійство и половыя безобразія, которыя нерѣдко взаимно возбуждаютъ другъ друга и совершаются совмѣстно.

Толпа живетъ не умомъ, а преимущественно чувствами, и на нее вліяютъ вовсе не избранники, а большею частью подонки общества. Объяснить это вліяніе столь же трудно, какъ и объяснить способность гипнотизировать. При этомъ болѣе важную роль, повидимому, играетъ сила воли, а не способности и силы ума. Къ первой присоединяются, вѣроятно, и какія-либо другія неуловимыя вліянія особенностей чертъ лица и тѣлесной конструкціи, а можетъ быть и неуловимыя половыя вліянія.

Аггрегаты, называемые толпами, разнятся другъ отъ друга, и на это различіе оказываютъ вліяніе причины физическія и физіологическія, какъ, наприм., времена года, особенности національности и т. д. Но душа толпы—цѣль, которая ее сформировала и безъ которой она не составится. Цѣль эта и эти страсти являются обыкновенно результатомъ продолжительно пропаганды идей, вульгаризаціи той или другой болѣе или менѣе искусственной потребности, а также и свѣжія воспоминанія о ближайшихъ предшествующихъ такихъ же движеніяхъ. Вотъ что придаетъ одинаковую окраску толпамъ часто на очень обширной территоріи.

На поведеніе толпы въ значительной степени вліяетъ профессія ея чле

новъ, ихъ общественное положеніе, ихъ привычка жить въ городѣ или деревнѣ и т. д. Въ городской толпѣ заразительность достигаетъ высшей степени быстроты и силы. Городская толпа состоитъ изъ личностей болѣе нервныхъ, женственныхъ, впечатлительныхъ, рѣзко измѣнчивыхъ, нестойкихъ и легко переходящихъ изъ одной крайности въ другую. Такими именно толпами и совершаются революціи. Деревенская толпа, напротивъ, труднѣе возбудима, но за то она болѣе настойчива и упорна. Та и другая одинаково подвержены бреду величія, преслѣдованія и галлюцинаціямъ, но въ городской толпѣ чаще наблюдается то, что можно назвать нравственнымъ помѣшательствомъ, и именно въ ея средѣ надо искать спесимены того, что называютъ коллективною преступностью.

Одна изъ важнѣйшихъ разновидностей преступной толпы—это шайка.

Что касается коллективной отвѣтственности, то, по мнѣнію докладчика, при опредѣленіи ея, необходимо различать вожаковъ отъ водимыхъ. На вожакахъ, главнымъ образомъ, и должно разражаться наказаніе. Но и водимые не могутъ быть свободны отъ него. Они, можетъ быть, и дѣйствовали несвободно, но эта несвобода зависѣла отъ ихъ личныхъ особенностей и потому причина дѣятельности лежала въ нихъ. Отвѣтственность ихъ будетъ тѣмъ менѣе, чѣмъ болѣе будетъ преступность цѣлаго, потому что чѣмъ болѣе усиливается организація толпы, тѣмъ болѣе стирается индивидуальность составляющихъ ее водимыхъ. Напротивъ, чѣмъ болѣе увеличивается преступность цѣлаго, тѣмъ болѣе увеличивается и отвѣтственность вожаковъ, которые вдохнули въ него свою душу.

Таковъ въ общихъ чертахъ докладъ Tard'a. Въ немъ затрогивается очень сложный и трудный вопросъ. Въ немъ не мало интересныхъ соображеній, остроумныхъ и вѣрныхъ взглядовъ, но въ общемъ затронутый вопросъ, все-таки, разработанъ, какъ мнѣ кажется, очень недостаточно. На конгрессѣ я не счелъ возможнымъ высказаться, потому что познакомился съ докладомъ только передъ самымъ засѣданіемъ, а ранѣе я не занимался вопросомъ о преступности толпы. И теперь я не имѣю въ виду пытаться разрѣшить столь сложный и трудный вопросъ; выскажу лишь нѣсколько соображеній.

Замѣчу, прежде всего, что толпа до крайности индивидуальна и что она варьируетъ въ своихъ особенностяхъ отъ случая къ случаю, подобно тому, какъ варьируютъ отдѣльныя личности, и, слѣдовательно, варьируетъ, какъ мнѣ кажется, въ гораздо бо́льшихъ предѣлахъ, нежели это допускаетъ Tarde, если только я вѣрно понялъ его.

Особенности толпы зависятъ отъ особенности натуръ, составляющихъ ее членовъ, отъ особенностей условій, предшествовавшихъ ея сформированію, сопровождавшихъ его и т. д., а потому рѣшительное утвержденіе Tard'a, что толпа умственно и нравственно всегда ниже каждаго изъ своихъ членовъ, едва ли можетъ быть признано вѣрнымъ. Стоитъ, наприм., указать хотя бы на случаи распредѣленія толпою матеріальныхъ благъ, когда первое мѣсто отдается больнымъ, старымъ, малымъ и вообще слабымъ. Такая

справедливость у единичнаго средняго человѣка при распредѣленіи, въ которомъ онъ самъ лично заинтересованъ, далеко не всегда наблюдается. Ссылаться въ видѣ образцовъ исключительно на ужасы, совершаемые иногда толпами, особенно толпами большихъ городовъ, во время народныхъ возмущеній, едва ли основательно. Не будемъ забывать, что во время такихъ движеній обыкновенно поднимается и загнанное, обездоленное отребье общества, которое обычно ютится въ различныхъ норахъ и берлогахъ, а теперь на время становится дѣятельнымъ общественнымъ элементомъ. Это несчастное отребье въ теченіе долгаго предшествующаго времени какъ бы систематически портится и совращается всѣми ужасными невзгодами своего жалкаго положенія и въ немъ, особенно подъ разрушительнымъ вліяніемъ злоупотребленій алкоголемъ, постепенно сохнутъ лучшія чувства и замѣняются органическою раздражительностью, завистью и глухою злобой ко всему сытому, сколько-нибудь радостному и счастливому.

Немудрено поэтому, что толпа, состоящая преимущественно изъ такихъ элементовъ, проявляетъ себя различными ужасами, особенно если она сформировалась и поднялась подъ вліяніемъ какого-нибудь акта несправедливости. Но, спрашивается, всякая ли толпа должна быть и бываетъ такой? Я далеко не поклонникъ дѣятельности толпы, но не могу не замѣтить, что совершеніе ужасовъ вовсе не лежитъ въ природѣ толпы. Въ подтвержденіе попытаемся присмотрѣться къ общимъ особенностямъ толпы, свойственнымъ ей по самому ея существу.

Остановимся, прежде всего, на усиленной склонности къ подражанію, которая, какъ извѣстно, наблюдается и охватываетъ всѣхъ входящихъ въ составъ толпы. Въ основѣ этой общей человѣческой склонности лежатъ, повидимому, общность организаціи и общее стремленіе двигательныхъ представленій переходить въ дѣйствія и проявляться въ соотвѣтствующихъ мускульныхъ движеніяхъ. Между тѣмъ, въ то время, когда мы видимъ болѣе или менѣе комбинированныя движенія другихъ, у насъ въ мозгу получаются впечатлѣнія отъ этихъ движеній, то-есть тѣ же двигательныя представленія, только болѣе яркія и сильныя. Естественно, что они, какъ и всѣ другія двигательныя представленія, будутъ также стремиться перейти въ соотвѣтствующія дѣйствія, иначе говоря, въ дѣйствія, какія мы только что видѣли, и тѣмъ самымъ вызовутъ подражательность. Поэтому-то въ толпѣ, при множественности совершающихся въ ней движеній и дѣйствій, такъ усиленно и развивается подражательность, причемъ наибольшее стремленіе къ подражанію, конечно, вызываютъ дѣйствія, выдѣляющіяся изъ среды другихъ, болѣе рѣзко бросающіяся въ глаза, потому что ихъ болѣе сильныя впечатлѣнія преодолѣваютъ всѣ остальныя.

Въ толпѣ постоянно совершаются многочисленныя движенія и волнуется цѣлое море звуковъ, вслѣдствіе чего каждый изъ составляющихъ ее членовъ ежеминутно и ежесекундно получаетъ множество разнообразныхъ сильныхъ впечатлѣній, которыя единовременно вліяютъ, тѣснятся, выталкиваютъ одни другія, повышаютъ своею силой общее возбужденіе и отвлекаютъ

вниманіе во внѣ, къ окружающему. Такія условія вовсе не способствуютъ, а, напротивъ, препятствуютъ сосредоточиванію сколько-нибудь сложнымъ разсужденіямъ и мышленію. Поэтому послѣднее почти отпадаетъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, отпадаетъ и его направляющая и задерживающая власть. Тому же самому способствуетъ и быстрота движеній, происходящихъ въ толпѣ, которая не оставляетъ времени для раздумья. Въ особо невыгодномъ положеніи находятся въ этомъ отношеніи люди болѣе или менѣе медленно думающіе и соображающіе и наоборотъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ условій дѣятельности въ толпѣ, возбужденія, сопровождающія всѣ воспріятія, у лицъ, входящихъ въ ея составъ, почти не восходятъ къ высшимъ разсудочнымъ центрамъ, а непосредственно распространяются по установившимся упражненіями ассоціаціоннымъ путямъ къ тѣмъ или другимъ среднимъ центрамъ чувствованій и внутренностей, а отъ нихъ и къ центрамъ движеній. При множественности же и разнообразіи набѣгающихъ впечатлѣній, въ толпѣ происходитъ сравнительно быстрая смѣна чувствъ, которыми она почти исключительно живетъ и движется. При этомъ каждое разъ пробужденное чувство, пока оно не смѣнилось другимъ, можетъ легко и быстро возрости до степени страсти, что обусловливается тѣмъ, что у каждаго отдѣльнаго лица оно возбуждается не только начальнымъ толчкомъ,—тѣмъ или другимъ воспріятіемъ,—а, напротивъ, еще подогрѣвается и усиливается вліяніемъ проявленій во внѣ въ движеніяхъ и звукахъ того же чувства и у всѣхъ окружающихъ.

Быстрымъ и непосредственнымъ переходомъ возбужденныхъ чувствъ въ соотвѣтствующую дѣятельность, помимо ослабленія и отпаденія разсудочной дѣятельности, содѣйствуетъ, повидимому, и чувство силы, охватывающее толпу. Это чувство вызывается въ ней какъ личнымъ возбужденіемъ, а, слѣдовательно, и подъемомъ органической дѣятельности у составляющихъ ее лицъ, такъ и ихъ инстинктивною увѣренностью во взаимной поддержкѣ.

Движенія въ сторону движенія толпы въ ней физически и нравственно до крайности облегчены. При этомъ индивидуумъ не встрѣчаетъ препятствій и не видитъ противъ себя множества, которое силою исходящаго отъ него сложнаго впечатлѣнія дѣйствуетъ подавляюще. Напротивъ, движенія противъ движеній толпы въ ней до крайности затруднены. При нихъ индивидуумъ всегда встрѣчаетъ противъ себя множество и живо ощущаетъ свое устрашающее одиночество.

Таковы главнѣйшія физіологическія, если можно такъ выразиться, особенности толпы. Вдумываясь въ нихъ и опредѣляя ихъ вліяніе, необходимо приходишь къ заключенію, что особенности дѣйствій той или другой толпы, прежде и больше всего, будутъ зависѣть и опредѣляться особенностями такъ называемой инстинктивной природы составляющихъ ее членовъ. Неравномѣрнымъ развитіемъ различныхъ органическихъ системъ съ ихъ иннерваціей, зависящимъ отъ предшествующихъ жизненныхъ опытовъ, обусловливается большее или меньшее развитіе и потому полнота и сила различныхъ чувствъ

и влеченій и ихъ болѣе или менѣе легкая возбудимость. Одни чувства сравнительно легко возбуждаются въ одной толпѣ и мало или почти не возбуждаются въ другой.

Кромѣ этого наиболѣе важнаго фактора—степени и особенностей нравственно-физической культуры членовъ толпы, не малое вліяніе оказываетъ и ихъ предшествующая соціальная подготовка. Поводомъ къ образованію толпы можетъ послужить до извѣстной степени случайное обстоятельство и имъ, напротивъ, можетъ быть, обстоятельство, уже давно глубоко волновавшее каждаго изъ ея членовъ, вызывавшее въ немъ тѣ или другія чувства и установившее тѣ или другія ассоціаціи послѣднихъ съ представленіями и т. д.

Наконецъ, важную роль играютъ и лица, которыя, въ силу своихъ особенностей, *находящихся всегда въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ особенностями самой толпы*, увлекутъ ее за собою и будутъ являться ея вожаками. Прежде всего, качества ихъ инстинктивной природы, затѣмъ ихъ большая или меньшая подготовленность, наличность или отсутствіе у нихъ опредѣленнаго плана, обдуманныхъ и систематизированныхъ воззрѣній на предметъ въ то время, когда они становятся во главѣ толпы, — все это окажетъ не малое вліяніе на ея послѣдующую дѣятельность. Одни будутъ толкать ее на путь совершенія ужасовъ, тогда какъ другіе будутъ способствовать соотвѣтственно мѣрѣ своихъ силъ подъему въ ней благороднѣйшихъ чувствъ на значительную высоту, на которую, благодаря отсутствію взаимодѣйствія, они обычно не поднимаются у отдѣльныхъ ея членовъ средняго и даже болѣе высокаго уровня, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, будутъ способствовать реализаціи этихъ чувствъ въ соотвѣтствующихъ дѣйствіяхъ. Конечно, и въ этомъ случаѣ толпа, въ силу своихъ основныхъ особенностей, будетъ сравнительно мало способна къ послѣдовательному обсужденію и зрѣло обдуманнымъ рѣшеніямъ. Но не будемъ забывать, *что содержаніе и та или иная окраска мышленія даются ему движеніями чувства, а, слѣдовательно, и того, что называютъ инстинктивною и нравственною природой человѣка.*

Таковы замѣчанія, которыя, по моему мнѣнію, необходимо сдѣлать и тѣмъ самымъ значительно обограничить утвержденія Tard'a, смотрящаго на всякую толпу съ полнымъ презрѣніемъ.

Во время преній, возникшихъ по докладу Tard'a, д-ръ Дегтеревъ указалъ, что рекомендуемыя докладчикомъ правила коллективной отвѣтственности часто не соотвѣтствуютъ особенностямъ явленій дѣйствительности. При этомъ онъ привелъ въ примѣръ послѣдніе безпорядки въ Астрахани, гдѣ вожаками явились алкоголики и личности деградированныя.

Въ свою очередь д-ръ Garnier указалъ на одну изъ чрезвычайно важныхъ причинъ совершенія различныхъ звѣрствъ толпами. Такія толпы въ значительной мѣрѣ формируются изъ алкоголиковъ, вырождающихся и неуравновѣшанныхъ личностей, которыя, вслѣдствіе своей впечатлительности,

стремительности и дурныхъ особенностей натуры, увлекаютъ толпу къ совершенію различныхъ звѣрствъ и ужасовъ.

Г. Tarde настаиваетъ на превосходствѣ отдѣльнаго человѣка,—замѣтилъ проф. Benedikt,—но не будемъ забывать, что человѣкъ—животное общественное, которое въ обществѣ и совершенствуется. Ассоціація, какъ и все остальное, имѣетъ свои невыгоды, но лѣкарство противъ нихъ она находитъ въ самой себѣ. Не будемъ же слишкомъ восхвалять обособленіе и индивидуализмъ. Что касается меня, то я предпочитаю заблужденія филантроповъ истинамъ эгоистовъ. Конечно, толпа иногда способна совершать злодѣянія, передъ которыми остановился бы каждый изъ ея членовъ, но, вѣдь, преступленія и жестокости отдѣльныхъ лицъ, облеченныхъ властію, съ избыткомъ стоятъ жестокостей толпы. Если революціи совершали ужасы, то развѣ меньшіе ужасы совершали реакціи, притомъ, вполнѣ хладнокровно и обдуманно? При обсужденіи звѣрствъ толпы надо всегда помнить о большихъ запасахъ ненависти, накопленныхъ долгими годами въ каждомъ изъ ея членовъ, которые и увлекаютъ ихъ къ звѣрствамъ. Образованія этихъ капиталовъ ненависти и необходимо избѣгать, если мы не хотимъ видѣть проявленій жестокости.

Вопросъ о такъ называемыхъ неисправимыхъ, который очень занималъ нашъ петербургскій международный тюремный конгрессъ, остановилъ на себѣ и вниманіе конгресса брюссельскаго. По этому вопросу было представлено 4 доклада. Но, прежде нежели говорить о нихъ, считаю нужнымъ предварительно сдѣлать одно замѣчаніе.

Во время преній, предшествовавшихъ докладамъ о неисправимыхъ, не разъ высказывалась мысль о виновности въ совершонныхъ преступленіяхъ самого общества, т.-е. того, кто судитъ, караетъ, а иногда и извергаетъ изъ своей среды преступника. Мысль эта, постепенно назрѣвающая, какъ результатъ болѣе тщательнаго изученія явленій преступности, раздѣлялась, насколько я могъ замѣтить, многими членами конгресса въ этой ея безотносительной формѣ. А, между тѣмъ, въ ней заключаются зародыши коренного переворота въ нашихъ воззрѣніяхъ на преступленіе, наказаніе и мѣры предупрежденія. Этимъ, однако, я вовсе не хочу сказать, чтобы мысль о виновности общества вела къ отрицанію мѣръ борьбы съ преступленіемъ *въ лицѣ самого преступника*. Отнюдь нѣтъ. Съ преступленіемъ, какъ однимъ изъ величайшихъ общественныхъ золъ, необходимо бороться со всею энергіей, и потому необходимо принимать мѣры противъ преступниковъ. Каковы бы ни были причины, а дурной и вредный продуктъ, все-таки, остается дурнымъ и вреднымъ. На это я считаю нужнымъ теперь же обратить особое вниманіе, для избѣжанія всякихъ дальнѣйшихъ недоразумѣній.

Мысль о виновности самого общества измѣняетъ наши понятія въ другомъ направленіи. Пока мы признаемъ виновность, т.-е. причинность, лишь на сторонѣ самого преступника, до тѣхъ поръ мы болѣе или менѣе злобно и раздражительно возмущаемся только его порочностью и преступностью и

подъ вліяніемъ этого негодующаго чувства считаемъ справедливымъ и нужнымъ отмщать и издовоздавать ему страданіемъ, большею частью по принципу возможнаго уравненія двухъ золъ—зла наказанія и зла преступленія. Напротивъ, наше отношеніе значительно измѣняется, какъ только мы относимъ виновность, т.-е. причинность, главнымъ образомъ, на сторону самого общества и улавливаемъ истинную связь и зависимость явленій. Въ послѣднемъ случаѣ мы уже выходимъ изъ-подъ вліянія плохого совѣтника—охватывавшаго насъ злобнаго чувства, и хотя, попрежнему, относимся къ преступленію и преступнику вполнѣ отрицательно и всѣми силами стараемся устранить ихъ, но дѣлаемъ это безъ прежняго озлобленія, подобно тому, какъ мы относимся, наприм., къ падающему камню, дальнѣйшія паденія котораго, а равно и паденіе всѣхъ другихъ такихъ же камней мы стремимся предотвратить всѣми возможными, но только разумными и потому цѣлесообразными средствами.

И такое отношеніе находитъ свое полное оправданіе въ наблюдаемой связи и зависимости явленій. Каждый изъ насъ, а въ томъ числѣ и преступникъ, прежде всего, уже родится на свѣтъ съ нѣкоторыми опредѣленными задатками, которые не имъ вырабатываются, а ему передаются. Унаслѣдованное, разъ появившись на свѣтъ, начинаетъ дальнѣйше развиваться въ зависимости отъ вліяній окружающихъ его внѣшнихъ условій, которыя въ свою очередь дурны или хороши независимо отъ его желанія и которыя также независимо отъ его желанія будутъ налагать неизгладимую печать на все его дальнѣйшее развитіе и будутъ направлять послѣднее. Первоначально онъ малъ, безсиленъ, неразуменъ и не имѣетъ возможности понимать и оцѣнивать по достоинству того, что мы называемъ добромъ и зломъ, порокомъ и добродѣтелью въ явленіяхъ жизни. Когда же онъ приходитъ въ возрастъ пониманія и оцѣнки, тогда онъ уже достаточно опредѣляется предшествовавшими вліяніями и начинаетъ дѣйствовать въ соотвѣтствіи съ ранѣе развившимися особенностями его натуры. Въ то время, когда только начиналась его порча, онъ ничего преступнаго въ точномъ смыслѣ слова еще не совершалъ, когда же эта порча,—результатъ унаслѣдовавшаго и независимо отъ его воли и желанія привитаго къ нему его воспитаніемъ,—уже достаточно развилась, тогда она-то и стала необходимою, ближайшею причиной его преступности.

Этотъ вполнѣ вѣрный взглядъ, вытекающій изъ изученія связи явленій, заставляетъ насъ, прежде всего, обращать вниманіе на общественныя условія, при которыхъ зарождаются, развиваются и живутъ различные члены общества. Онъ заставляетъ стремиться всѣми силами устранять и ослаблять условія неблагопріятныя и, напротивъ, увеличивать и усиливать условія благопріятныя. Онъ же заставляетъ насъ видѣть въ преступникѣ, прежде всего, несчастнаго, самою его порочностью и преступностью неминуемо осужденнаго на неудачи и страданія и заслуживающаго не истязаній, а необходимой ему помощи для нравственнаго подъема и исправленія.

Но взглядъ этотъ, повторяю опять, нисколько не устраняетъ необходи-

мости самой энергичной борьбы съ преступленіемъ, которое разъѣдаетъ общество, а также не уничтожаетъ и въ самомъ преступникѣ спасительнаго, хотя и весьма тяжелаго чувства, сопровождающаго сознаніе своего нравственнаго уродства и убожества, какъ это ясно показываютъ многочисленные клиническіе случаи. Чему бы ни приписывалъ человѣкъ свои, справедливо порицаемые окружающими, недостатки, сознаніе ихъ одинаково можетъ быть тягостно для него и онъ съ одинаковою силой можетъ желать и стремиться къ ихъ улучшенію. Все будетъ зависѣть отъ силы сознанія и ощущенія ихъ наличности, которая, какъ насъ учитъ и нашъ собственный опытъ, вовсе не обусловливается тѣми или другими объясненіями причинности. Послѣ этого отступленія вернемся къ вопросу о неисправимыхъ.

Всѣ доклады по этому вопросу были представлены юристами. Двое изъ докладчиковъ, проф. Thiry и van Hamel, пришли къ заключенію о необходимости уничтоженія для неисправимыхъ опредѣленія напередъ мѣры наказанія. Признакомъ неисправимости всѣ докладчики считали рецидивъ. Проф. Thiry присоединилъ еще и другой признакъ. Причиной повторенія, по его мнѣнію, должно служить постоянное нравственное вліяніе (une influence morale permanante) на волю преступника.

Неисправимые, по мнѣнію проф. Thiry, 1) должны содержаться въ пенитенціаріяхъ до тѣхъ поръ, пока это оказывается нужнымъ; 2) они могутъ быть освобождаемы только тогда, когда освобожденіе оказывается заслуженнымъ, и 3) они должны быть снова возвращаемы, какъ только это вызывается ихъ дурнымъ поведеніемъ на свободѣ. Неопредѣляемыя напередъ наказанія, естественно, не могутъ быть отбываемы въ одиночныхъ кельяхъ. Для нихъ необходимы колоніи съ совмѣстнымъ трудомъ въ теченіе дня и съ раздѣленіемъ на ночь. Для исправленія заключенныхъ на нихъ необходимо вліять правильно организованнымъ трудомъ, обученіемъ, нравственнымъ воспитаніемъ, а также и медицинскими средствами, поскольку послѣднія могутъ имѣть успѣхъ. Право присуждать къ наказанію должно принадлежать суду, а выборъ средствъ воздѣйствія и освобожденіе—членамъ тюремной администраціи въ соединеніи съ членами наблюдательной коммиссіи и членами комитетовъ патроната.

Проф. van Hamel предлагаетъ нѣсколько иную систему. Признакомъ неисправимости, и по его мнѣнію, служитъ рецидивъ. Имъ можетъ служить и стеченіе многихъ преступленій, когда при этомъ существуютъ еще указанія на дурныя особенности натуры дѣятеля, и даже одно преступленіе, когда въ немъ проявляется исключительное извращеніе. Въ этомъ случаѣ послѣдующее изслѣдованіе можетъ восполнить недостаточность первичныхъ указаній.

Примѣненіе мѣръ противъ неисправимыхъ, по мнѣнію проф. van Hamel, должно происходить слѣдующимъ образомъ. Въ указываемыхъ закономъ случаяхъ судъ назначаетъ обычное наказаніе, но при этомъ прибавляетъ, что, по истеченіи извѣстнаго срока, должно имѣть мѣсто по-

слѣдующее обсужденіе. При этомъ новомъ обсужденіи судъ принимаетъ во вниманіе всѣ данныя, какъ-то: наслѣдственность, все прошлое преступника, его поведеніе въ тюрьмѣ, всѣ его особенности и т. д., и если признаетъ необходимымъ примѣненіе къ нему мѣръ противъ неисправимыхъ, то постановляетъ о продолженіи содержанія въ тюрьмѣ и назначаетъ новый срокъ для новаго обсужденія и т. д. Но и ранѣе назначеннаго срока можетъ послѣдовать условное освобожденіе. Право постановлять о примѣненіи мѣръ противъ неисправимыхъ и о продолженіи срока содержанія должно принадлежать судебной власти при участіи защиты и съ выслушаніемъ мнѣнія тюремной администраціи и тюремнаго врача.

Третій докладчикъ, проф. Maus, видитъ въ преступникѣ не только злодѣя, но и несчастнаго. Онъ совѣтуетъ никогда не отчаяваться, все испытывать для его исправленія и поражать зло со всѣхъ сторонъ и всѣми средствами. Онъ не вѣритъ, чтобы въ такъ называемыхъ неисправимыхъ все доброе было подавлено вполнѣ, и думаетъ, что возвратъ возможенъ и для нихъ. Мѣры противъ рецидива, по его мнѣнію, могутъ быть двоякія: мѣры противъ общихъ причинъ, т.-е. противъ общественныхъ факторовъ преступности, какъ-то: бѣдности, алкоголизма, проституціи, крайней скученности въ нездоровыхъ жилищахъ и пр., и мѣры противъ самихъ рецидивистовъ. Послѣдніе, прежде нежели появиться передъ судомъ, должны быть предметомъ самаго серьезнаго изслѣдованія, которое должно направляться на ихъ душевное состояніе, ихъ особенности, а также на нравственныя и соціальныя причины ихъ рецидива. Вниманіе при этомъ должно быть обращаемо на наслѣдственность изслѣдуемаго, особенности его дѣтства, воспитанія, послѣдующей жизни, на предшествующія наказанія, ихъ вліяніе и т. д.

Изслѣдованіе, вслѣдствіе его важности для общества и обвиняемаго, должно быть поручаемо широко образованному слѣдственному судьѣ, который знакомъ съ преступниками, и при немъ должно быть допускаемо участіе защиты. Собранный матеріалъ долженъ служить основаніемъ для доклада слѣдственнаго судьи о рецидивистѣ и о причинахъ его рецидивизма, а докладъ въ свою очередь долженъ служить основаніемъ для принятія тѣхъ или другихъ мѣръ.

Лица, принадлежащія къ области душевной патологіи, должны обязательно передаваться въ вѣдѣніе спеціальныхъ лечебницъ и пріютовъ. Лица, пораженныя сравнительно легкими степенями вырожденія, и алкоголики должны помѣщаться въ тюрьмы-азили,—учрежденія среднія между тюрьмой и больницей, гдѣ они должны оставаться до полнаго излеченія и исправленія. Привычные рецидивисты, впадающіе въ преступленія *по слабости воли*, должны помѣщаться въ тюрьмы, но здѣсь они должны подвергаться мягкому режиму съ характеромъ нравственнаго и профессіональнаго воспитанія. Для профессіональныхъ рецидивистовъ должна служить та же тюрьма, но съ режимомъ болѣе суровымъ и строгимъ. Сроки для всѣхъ рецидивистовъ вообще должны быть болѣе продолжительны и должны увеличиваться по

мѣрѣ повторенія, доходя до пожизненнаго заключенія, которое, однако, не должно исключать возможности условнаго освобожденія.

Выборъ режима, его индивидуализація, назначеніе одиночнаго заключенія, переводъ исключенныхъ изъ тюремъ въ рабочіе дома, назначеніе условнаго освобожденія и т. д.,—все это должно принадлежать тюремной администраціи, а произнесеніе приговора—судебной власти.

Таково въ самыхъ общихъ чертахъ содержаніе докладовъ о такъ называемыхъ неисправимыхъ. Ясно даже съ перваго взгляда, что въ нихъ заключаются зародыши новой, болѣе раціональной и цѣлесообразной системы отношенія къ преступникамъ, не похожей на систему дѣйствующую, систему отмщенія и уравненія по произвольнымъ и неизвѣстно на основаніи чего устанавливаемымъ соотносительнымъ мѣрамъ предполагаемой тяжести преступленія и наказанія. Доклады, правда, предлагаютъ примѣненіе новой системы не ко всѣмъ, а только къ одной группѣ преступниковъ. Но очевидно, что зародыши реформы, будучи разъ приняты, не могутъ остановиться въ началѣ пути. По самому существу своему они предназначены по логической необходимости къ дальнѣйшему широкому развитію въ томъ же направленіи и, конечно, какъ съ качественной, такъ и съ количественной стороны.

Во время послѣдовавшихъ за докладами дебатовъ я счелъ не безполезнымъ взглянуть на вопросъ о неисправимыхъ нѣсколько съ иной стороны, руководствуясь древнимъ правиломъ—audiatur et altera pars. При этомъ я указалъ, что въ нашихъ понятіяхъ о наказаніи есть много завѣщаннаго намъ вѣками далекаго прошлаго, и что, не отрицая вполнѣ устрашенія, лично я мало надѣюсь на его спасительное вліяніе. Страхъ не дѣйствуетъ и не можетъ дѣйствовать постоянно. У другихъ натуръ легко возникаютъ увлеченія, вытекающія изъ особенности ихъ существа, и наступаютъ моменты забвенія, когда представленія опасности и чувство страха отпадаютъ и не говорятъ въ нихъ, и тогда они все снова и снова впадаютъ въ преступленія. Необходимо, чтобы въ самомъ человѣкѣ существовали внутренніе задерживающіе моменты. Но многое ли дѣлается въ направленіи развитія послѣднихъ? Когда совершается преступленіе, общество приходитъ въ безпокойство и считаетъ нужнымъ само защищаться. Но гдѣ было и что дѣлало оно, когда нужно было приспособлять къ жизни въ обществѣ этого уже готовившагося преступника? И, потомъ, что дастъ оно весьма многимъ въ ихъ жизни, слѣдующей за періодомъ воспитанія? Наибольшій грѣхъ современныхъ обществъ состоитъ въ томъ, что они слишкомъ мало заставляютъ вибрировать въ человѣкѣ хорошія и благородныя чувства, а, напротивъ, возбуждаютъ въ немъ изо-дня въ день чувства дурныя. Припомнимъ хотя бы тѣхъ поистинѣ несчастныхъ, которые шатаются по улицамъ нашихъ большихъ городовъ, ловя всѣ случаи пріобрѣсти себѣ кусокъ хлѣба, и которые встаютъ каждый день утромъ, не зная, какъ и чѣмъ они проживутъ до вечера. Окруженные при этомъ на каждомъ шагу невольно манящею

ихъ роскошью и избыткомъ, они, конечно, ничего, кромѣ недобрыхъ чувствъ къ окружающимъ ихъ счастливцамъ, питать не могутъ.

Но вотъ кто-либо изъ этихъ несчастныхъ падаетъ и совершаетъ преступленіе. Что дѣлаетъ общество тогда? Оно сажаетъ его въ тюрьму. Я видѣлъ тюрьмы въ Германіи, Англіи, Франціи, Италіи, Бельгіи, Швейцаріи и Австріи. Многія изъ нихъ поистинѣ прекрасны съ внѣшней стороны и даютъ значительно больше, нежели даетъ многимъ изъ нихъ жизнь на свободѣ; для такихъ онѣ—пристанища. Но что̀ даютъ онѣ со стороны нравственной? Въ большинствѣ случаевъ, очень мало, а если и много, то въ отрицательномъ направленіи. Онѣ даютъ однообразную работу, келью или совмѣстное развращеніе. Въ нихъ обыкновенно не существуетъ классификаціи по особенностямъ характеровъ, не существуетъ индивидуализаціи нравственныхъ вліяній и никакого сколько-нибудь серьезнаго изученія личности и основныхъ причинъ ея паденія. Но развѣ одна работа и келья достаточны для нравственнаго подъема? Развѣ для воспитанія и исправленія вашего ребенка вы запрете его на долгіе годы въ одиночную келью? Конечно, нѣтъ. На время и келья можетъ быть полезна, какъ одно—и, притомъ, одно изъ самыхъ сильныхъ—средствъ, но она не панацея.

А что ожидаетъ выпущенника за дверями тюрьмы? Надо быть справедливымъ и признать, что мы почти ничего или очень мало сдѣлали для дѣйствительнаго поднятія падшаго. Освобожденнаго ожидаютъ на свободѣ крайнее недовѣріе и презрѣніе; часто его ждутъ всякія лишенія и тяжелый изнурительный трудъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всякіе соблазны, какъ бы нарочно разсчитанные на его совращеніе. Натуры, отъ природы одаренныя большимъ или меньшимъ избыткомъ нравственныхъ силъ, еще могутъ противустоять и съ нѣкоторымъ успѣхомъ бороться за свое существованіе въ установленныхъ формахъ и при очень неблагопріятныхъ условіяхъ, но такихъ натуръ нѣтъ или почти нѣтъ въ тюрьмѣ. Натуры же слабыя легко подавляются и падаютъ. Если и въ первый разъ, находясь относительно въ болѣе благопріятномъ положеніи, онѣ не устояли въ борьбѣ, то тѣмъ легче теперь онѣ снова падутъ.

Что же дѣлать?—спросите вы. Кромѣ исправляющаго правосудія, необходимо проводить и политику, ту высшую политику, которая состоитъ въ принятіи широкихъ мѣръ предупрежденія, предназначенныхъ дѣйствовать на уничтоженіе даже наиболѣе отдаленныхъ причинъ преступности. И это должно быть впереди всего. Мы же всего болѣе надѣемся на устрашеніе и на поправленіе уже совершившагося. Но вѣренъ ли такой разсчетъ? Отв*-чу сравненіемъ. Что мы можемъ сдѣлать съ усиленно-развитою чахотк Ничего или очень мало, но предупреждать чахотку мы можемъ, и, притом очень успѣшно. То же и въ сферѣ преступленія, гдѣ важнѣе всего и чать и воздѣйствовать на причины, производящія такъ называемые оп ные классы. Безъ этого невозможна сколько-нибудь успѣшная борьба преступленіемъ, развивающимся на почвѣ физическаго и психическаго ух

шенія и деградаціи породы. Дѣйствительно, взглянемъ хотя бы на вліяніе машины. Постоянно врывающаяся машина почти ежедневно выкидываетъ изъ производства множество рукъ и дѣлаетъ ихъ обездоленными. Имъ нельзя сказать, что не надо ѣсть; большинству изъ нихъ нельзя и сказать, что должно честнымъ трудомъ зарабатывать свой кусокъ хлѣба. Они и сами не желаютъ ничего лучшаго. Но какъ?

Взглянемъ далѣе на вопросъ алкоголизма. Силы человѣческія ограничены вообще и въ частности, ограничены по индивидуальностямъ, а, между тѣмъ, множество людей вынуждены за свой кусокъ хлѣба переступать данную мѣру и уподобляться тому рентьеру, который расходуетъ не только проценты, но и капиталъ, и потому съ каждымъ днемъ становится бѣднѣе. Немудрено, что они ищутъ укрѣпляющихъ средствъ и легко находятъ ихъ въ алкоголѣ. Сначала употребляютъ его, а потомъ, слабые, злоупотребляютъ имъ и становятся алкоголиками. А кто виноватъ?

Можно идти далѣе, но остановимся здѣсь. Говоря все сказанное, я, конечно, рѣшительно не имѣлъ въ виду дѣлать и самой слабой попытки и хотя бы сколько-нибудь оправдывать порокъ и преступленіе. Я хотѣлъ лишь обратить вниманіе на одну изъ сторонъ вопроса о рецидивизмѣ, слишкомъ часто забываемую.

Я не стану останавливаться на другихъ докладахъ, обсуждавшихся конгрессомъ, хотя многіе изъ нихъ представляли весьма большой интересъ. Таковы, наприм., пренія и докладъ о гипнотизмѣ проф. Benedikt'a, Berillon'a и Voisin'a. Къ сожалѣнію, при столкновеніи противуположныхъ мнѣній, не было представлено ни одного вполнѣ доказательнаго факта гипнотическаго внушенія того или другого преступленія съ его послѣдующимъ осуществленіемъ.

Таковы же доклады объ одержаніяхъ Magnan'a и Ladom'a, по поводу которыхъ нѣкоторыми ораторами было указано, что одержанія, какъ имъ показываютъ ихъ наблюденія, значительно чаще являются стимулами преступленій, нежели это обыкновенно полагаютъ, доклады о половыхъ извращеніяхъ Hubert'a и Rode и нѣкоторые другіе.

Кромѣ научной работы обсужденія представленныхъ докладовъ, конгрессъ вотировалъ и нѣкоторыя пожеланія практическаго характера. Приведу важнѣйшія.

Конгрессъ высказался за то, чтобы курсы уголовной антропологіи были введены въ университетахъ и сдѣланы обязательными для студентовъ медиковъ и юристовъ. Онъ высказался также за учрежденіе тюремъ-убѣжищъ и за введеніе, по примѣру Бельгіи, наблюденія душевнаго состоянія заключенныхъ, а также и за собираніе болѣе тщательныхъ и всесторонніхъ свѣдѣній объ обвиняемыхъ, которыя бы могли характеризовать ихъ физіологическую и психологическую личность. Конгрессъ высказался и за

приведеніе въ соотношеніе уголовной статистики съ указаніями экономическихъ колебаній, которыя могутъ вліять на развитіе преступности.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ работы конгресса, происходившаго при дѣятельномъ участіи весьма многихъ юристовъ. Не трудно видѣть, какъ велико вліяніе, уже оказанное уголовною антропологіей на измѣненіе взглядовъ въ сферѣ уголовнаго права. Благодаря въ значительной мѣрѣ сильному толчку, данному проф. Lombroso, въ этой области теперь происходитъ настоящая революція, тенденціямъ которой, очевидно, предстоитъ дальнѣйшее широкое и благодѣтельное развитіе. Повторяю то, чѣмъ я закончилъ одну изъ своихъ рѣчей на конгрессѣ: «Я люблю уголовную антропологію всѣми силами моей души потому, что, изучая причины человѣческой преступности, даже самыя отдаленныя, она съ доказательными фактами въ рукахъ ясно и наглядно показываетъ обществу, что принципъ общественной нравственности и идеалы не суть пустыя слова, а неизбѣжныя слѣдствія или, правильнѣе, выводы изъ самыхъ явленій общественной жизни».

Дмитрій Дриль.

Два воспитанія *).

Даровитый актеръ игралъ въ пьесѣ дѣйствующее лицо, которое по волѣ автора много дѣйствовало и говорило, но по винѣ того же автора не умѣло достаточно выяснить смыслъ своихъ словъ и дѣйствій, осталось лицомъ безъ физіономіи. По окончаніи спектакля пріятель упрекнулъ актера въ томъ, что онъ, зритель, въ его игрѣ не узналъ его героя.

— Да и нельзя было узнать,—отвѣчалъ актеръ,—потому что мой герой и не появлялся на сценѣ, а выходилъ я своею собственною, не загримированною персоной... Когда актеръ не понимаетъ, кого играетъ, онъ поневолѣ играетъ самого себя.

Въ подобномъ затруднительномъ положеніи могутъ очутиться и педагоги извѣстной школы. Сами по себѣ они могутъ быть разными людьми, такими и этакими. Но всѣ они должны понимать идею своей школы и понимать ее одинаково, чтобы знать, кого они воспитываютъ, т.-е. кого вырабатываютъ изъ своихъ воспитанниковъ соединенными усиліями. Соединенныя усилія могутъ не быть дружными дѣйствіями, и тогда изъ нихъ не выйдетъ цѣльнаго и складнаго дѣла. На сценѣ актеры играютъ каждый свою роль и каждый понимаетъ ее, разумѣется, по-своему, но всѣ они должны одинаково понимать пьесу, чтобы стройно сыграть ее. Воспитатели и учители должны знать, кого имъ нужно воспитать и выучить, знать не только тотъ педагогическій матеріалъ, который сидитъ или бѣгаетъ подъ ихъ руководствомъ, но и тотъ умственный и нравственный идеалъ, къ которому они обязаны приближать эти ввѣренныя имъ маленькія живыя будущности, смотрящія на нихъ полными смутныхъ ожиданій глазами. Воспитатель, который не знаетъ, кого онъ долженъ воспитать, воспитываетъ только самого себя, т.-е. продолжаетъ собственное воспитаніе. Такая педагогія похожа на извѣстную дѣтскую игру, гдѣ у того, кто долженъ ловить всѣхъ, завязаны глаза, и онъ, съ методологическою растерянностью растопыривъ руки, самъ не знаетъ, кого поймаетъ, и, вѣроятнѣе всего, что не поймаетъ никого, потому что ловитъ только собственные призраки,

*) Публичная лекція, читанная 1 февраля 1893 г. въ пользу московскаго комитета грамотности.

т.-е. самого себя. Если наставникамъ неясна задача ихъ школы и одинъ не знаетъ, что дѣлаетъ другой, куда ведетъ свой классъ,—каждый будетъ выдѣлывать изъ своего класса то же, что нѣкогда выдѣлывали изъ него самого на классной скамьѣ, и никто изъ нихъ не будетъ знать, что выходитъ изъ ихъ питомцевъ, такъ какъ, по всей вѣроятности, изъ нихъ ничего и не выходитъ, какъ не движется съ мѣста тѣло, влекомое въ разныя стороны. Но то несомнѣнно, что этими разносторонними влеченіями воспитательная программа будетъ разорвана на отдѣльные безсмысленные клочки, ибо въ программѣ, лишенной органической связи своихъ частей, столько же смысла, сколько поэзіи въ разсыпанномъ типографскомъ наборѣ лучшей пьесы Пушкина.

Идея школы слагается изъ извѣстной цѣли, къ которой направляются всѣ образовательные средства, знанія, навыки, правила, и изъ прилаженныхъ къ этой цѣли пріемовъ, которыми эти средства проводятся въ воспитываемую среду. Каждый изъ наставниковъ-товарищей долженъ живо и цѣльно представить себѣ тотъ умственный и нравственный типъ, который схематически предначертанъ воспитательною программой и въ которомъ онъ призванъ осуществить какую-нибудь маленькую подробность, и каждый долженъ постоянно держать въ воображеніи этотъ мысленный манекенъ, чтобъ его частичное дѣло гармонировало съ такими же частичными дѣлами другихъ наставниковъ, и дружныя усилія всего товарищества должны быть устремлены къ одной цѣли—сдѣлать каждаго воспитанника возможно точнымъ снимкомъ съ этого программнаго образца.

Да это—обезличеніе, а не воспитаніе, подумаютъ нѣкоторые; это не школа, а казарма; изъ такой школы могутъ выходить нумера, а не люди, статистическія количества, а не нравственныя величины. Такое опасеніе иногда высказывается и какъ упрекъ тревожитъ нашихъ педагоговъ, но совершенно напрасно. Въ этомъ упрекѣ нѣтъ ничего для нихъ обиднаго. Во-первыхъ, боязнь школьнаго обезличенія учащагося юношества предполагаетъ въ учителяхъ достаточную педагогическую силу, которою не слѣдуетъ злоупотреблять, но которую не грѣшно имѣть. Во-вторыхъ, забывается одно обстоятельство: въ школѣ дѣти не родятся, а только учатся и воспитываются. Они туда приходятъ откуда-то уже готовыми, хотя еще не зрѣлыми организмами, и опять куда-то уходятъ. То, откуда приходятъ дѣти въ школу и гдѣ они родятся, называется *семьей*.

Мы довольно спокойно говоримъ о нашей семьѣ, сохраняемъ то же спокойствіе, когда заходитъ рѣчь и о нашей школѣ. Но мы всегда нѣсколько волнуемся, когда въ нашихъ бесѣдахъ встрѣчаются семья и школа. Мы чувствуемъ, что въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ у насъ есть какое-то недоразумѣніе, стоитъ какой-то вопросъ, котораго мы не въ силахъ разрѣшить и даже не умѣемъ хорошенько поставить. Что, кажется, можетъ быть яснѣе и проще отношенія между семьей и школой? Сама природа провела разграничительную черту между ними, раздѣлила работу человѣчества надъ самимъ собой между этими двумя величайшими питомниками

человѣческаго ума и сердца. Оба эти учрежденія не могутъ замѣнить другъ друга, но могутъ помогать или вредить одно другому. У того и другого свое особое дѣло; но дѣла обоихъ такъ тѣсно связаны между собою, что одно учрежденіе помогаетъ или вредитъ другому уже тѣмъ, что свое дѣло дѣлаетъ хорошо или худо. Все это какъ будто просто и понятно само по себѣ, и, однако, нерѣдко слышатся недоумѣнія и споры какъ о сущности, такъ и о границахъ, о взаимномъ отношеніи педагогическихъ задачъ семьи и школы. Можно услышать такое разграниченіе этихъ задачъ: семьѣ принадлежитъ *воспитаніе,* школѣ—*обученіе.* Я не говорю, вѣрно ли это; я спрошу только, ясно ли это? Вѣдь, мы столько же обучаемъ, воспитывая, сколько воспитываемъ, обучая. Образованіе составляется изъ воспитанія и обученія; но эти составные образовательные процессы легче разграничиваются въ психологическомъ анализѣ, чѣмъ въ педагогической практикѣ. Учитель и воспитатель очень отчетливо и внятно говорятъ другъ съ другомъ о различіи задачъ и пріемовъ своихъ профессій, и, однако, ихъ общій питомецъ послѣ затруднится сказать, кто изъ нихъ его больше училъ или воспитывалъ. Въ чемъ дѣло? Очевидно, еще не всѣ стороны вопроса стали у насъ на виду и эти недосмотры родятъ недоразумѣнія.

Когда исчезаетъ изъ глазъ тропа, по которой мы шли, прежде всего, мы оглядываемся назадъ, чтобы по направленію пройденнаго угадать, куда идти дальше. Двигаясь ощупью въ потемкахъ, мы видимъ передъ собою полосу свѣта, падающую на нашъ дальнѣйшій путь отъ кого-то сзади насъ. Эта проводница наша—исторія съ ея свѣточемъ, съ уроками и опытами, которые она отбираетъ у убѣгающаго отъ насъ прошедшаго. Въ исторіи нашего образованія были сдѣланы два поучительные опыта, въ которыхъ семья и школа были поставлены въ совершенно различныя и очень своеобразныя отношенія другъ къ другу и отъ которыхъ получились несходные результаты. Древняя Русь стремилась утвердить школу у домашняго очага и включить ея задачи въ число заботъ и обязанностей семьи; во второй половинѣ XVIII в. предпринята была попытка оторвать школу отъ семьи, даже сдѣлать первую соперницею послѣдней. Можетъ быть, обѣ постановки дѣла и ихъ результаты помогутъ намъ разсмотрѣть во взаимномъ отношеніи этихъ учрежденій такія стороны, которыхъ мы не замѣчаемъ только потому, что недостаточно наблюдали ихъ въ дѣйствительности.

Я намѣренъ сопоставить двѣ испытанныя у насъ системы воспитанія съ цѣлью показать отношенія, какія устанавливались между семьей и школой. При этомъ я имѣю въ виду только общеобразовательную школу, которую желательно чтобы проходили всѣ. Только такая школа, а не спеціальная ремесленная, можетъ служить продолженіемъ начальнаго воспитанія, какое обязана давать всякая семья. Разумѣется, я могу говорить только объ общемъ идеальномъ планѣ такого дальнѣйшаго воспитанія, какъ его чертили устроители и руководители народнаго образованія въ древней и новой Руси, а не какъ ихъ предначертанія осуществля-

лись въ воспитательной практикѣ. Чтобы понять духъ и планъ древнерусскаго воспитанія, надобно на минуту отрѣшиться отъ того, какъ мы теперь понимаемъ содержаніе и цѣли общаго образованія. По нашему привычному представленію, общее образованіе слагается изъ нѣкоторыхъ научныхъ знаній и житейскихъ правилъ,—изъ знаній, подготовляющихъ умъ къ пониманію жизни и къ усвоенію избраннаго или доставшагося житейскаго занятія, ремесла, и изъ правилъ, образующихъ сердце и волю, умѣнье жить съ людьми и дѣйствовать на всякомъ поприщѣ. Знанія касаются необъятнаго круга предметовъ, міросданія, исторіи человѣчества, природы человѣческаго духа въ ея разнообразнѣйшихъ проявленіяхъ, въ пріемахъ и процессахъ мышленія, въ исчисленіи и измѣреніи количественныхъ величинъ и отношеній, въ строеніи человѣческой рѣчи и въ художественныхъ произведеніяхъ человѣческаго слова. Не такъ многообразна образовательная работа, задаваемая сердцу и волѣ. Въ эстетическомъ чувствѣ еще нѣсколько возбуждается критическое чутье. За то чувство нравственное и религіозное находитъ себѣ готовое питаніе только развѣ въ урокахъ закона Божія, притомъ, разобщенныхъ съ другими предметами, преподаватели которыхъ опасаются касаться этого отдѣла образовательной программы, такъ что питательный матеріалъ, какой могутъ дать другіе предметы для удовлетворенія потребностей едва пробудившагося сердца и неокрѣпшей воли, воспитанникъ долженъ добывать и обрабатывать самъ, своими собственными неумѣлыми усиліями.

Въ древнерусскомъ воспитаніи все это было поставлено значительно иначе. Главное вниманіе педагогіи обращено было въ другую сторону, на житейскія правила, а не на научныя знанія. Кодексъ свѣдѣній, чувствъ и навыковъ, какіе считались необходимыми для усвоенія этихъ правилъ, составлялъ науку о «христіанскомъ жительствѣ», о томъ, какъ подобаетъ жить христіанамъ. Этотъ кодексъ состоялъ изъ трехъ наукъ или *строеній:* то были строеніе *душевное*, ученіе о *домѣ душевномъ*, или дѣло спасенія души, строеніе *мірское*, наука о гражданскомъ общежитіи, и строеніе *домовное*, наука о хозяйственномъ домоводствѣ. Усвоеніе этихъ трехъ дисциплинъ и составляло задачу общаго образованія въ древней Руси. Школой душевнаго спасенія для мірянъ была приходская церковь съ ея священникомъ, духовнымъ отцомъ своихъ прихожанъ. Его преподавательскія средства — богослуженіе, исповѣдь, поученіе, примѣръ собственной жизни. Въ составъ его курса входили три части: богословіе—*како вѣровати*, политика—*како царя чтити*, нравоученіе—*како чтити духовный чинъ и ученія ею слушати, аки отъ Божіихъ устъ*. Эта школа была своего рода учительскою семинаріей. Ученіе, преподаваемое приходскимъ священникомъ, разносилось по домамъ старшими его духовными дѣтьми, домовладыками, отцами семействъ. Онъ не только дѣлалъ дѣло ихъ собственнаго душевнаго спасенія, но и училъ, какъ они, помогая ему, должны подготовлять къ этому и своихъ домашнихъ. Хозяинъ дома, отецъ семейства, былъ настоящій народный учитель въ древней Руси, потому что

семья была тогда народною школой или, точнѣе, народная школа заключалась въ семьѣ. Это было не простое естественное семейство, а довольно сложный юридическій союзъ, чрезвычайно туго стянутый дружными вѣковыми усиліями церкви и государства. Домовладыка считалъ въ составѣ своей семьи, своего дома, не только свою жену и дѣтей, но и *домочадцевъ*, т.-е. жившихъ въ его домѣ младшихъ родственниковъ и слугъ, зависимыхъ отъ него людей, съ семействами тѣхъ и другихъ. Это было его домашнее царство, за которое онъ несъ закономъ установленную отвѣтственность предъ общественною властью: здѣсь онъ былъ не только мужъ и отецъ, но и прямо назывался *государемъ*. Этотъ домовый государь и былъ домашнимъ учителемъ, его домъ былъ его школой. Въ древнерусскихъ духовныхъ поученіяхъ очень выразительно опредѣлено его педагогическое назначеніе. Онъ обязанъ былъ беречь ихъ чистоту тѣлесную и душевную, во всемъ быть ихъ стражемъ, заботиться о нихъ, какъ о частяхъ своего духовнаго существа, потому что связанъ со всѣми ними одною вѣрой и долженъ вести къ Богу не себя одного, но многихъ. Трудъ воспитанія дома онъ дѣлилъ съ женой, своею непремѣнною совѣтницей и сотрудницей. Въ древнерусскихъ взглядахъ на жену можно найти очень тонкія черты, изображающія ея значеніе для мужа и дома. Она также государыня для дома, только при мужѣ неотвѣтственная передъ общественною властью. Мужъ распоряжается въ домѣ, жена держитъ порядокъ. Онъ тратитъ, чтобы пріобрѣсти; она пріобрѣтаетъ, сберегая, чего можно не тратить. Онъ работаетъ весь день среди чужихъ людей, чтобы отдохнуть дома; она хлопочетъ, задавая и наблюдая работу своихъ домашнихъ, и не угасаетъ свѣтильникъ ея всю ночь. Онъ кормитъ домъ; она одѣваетъ его. Онъ создаетъ себѣ достатокъ, вырабатывая необходимое для дома; она удѣляетъ бѣдному избытокъ, не расходуя лишняго. Мужъ такъ ведетъ дѣла въ обществѣ, чтобы была спокойна семья; жена такъ ведетъ домъ, чтобы мужъ внѣ дома былъ спокоенъ за семью. Онъ направляетъ умъ жены, даетъ ей домашнюю указку; она настраиваетъ сердце мужа, внушаетъ ему общественный тактъ, и, находясь въ сонмищѣ, сидя среди знакомыхъ, онъ знаетъ, что говорить, понимаетъ, что дѣлать, помня свою поджидающую его домосѣдку. Дома мужъ глава и государь своей жены; на людяхъ жена вѣнцомъ блеститъ на головѣ своего государя. Вы видите, древнерусская мысль не боялась и не скучала думать о женщинѣ и даже расположена была идеализировать образъ доброй жены. Кто знаетъ, можетъ быть, древнерусская женщина была такъ устроена психологически, что когда ей показывали идеалъ и говорили, что это ея портретъ, въ ней рождалось желаніе стать его оригиналомъ и отыскивалось умѣнье быть его хорошею копіей.

Такова была идеальная нравственная атмосфера, которою дышали и въ которой воспитывались дѣти по древнерусскому педагогическому плану. Объемъ воспитанія въ этой семейной школѣ ограничивался предметами вѣдѣнія и назиданія, какіе могли умѣститься въ стѣнахъ дома, быть наблю-

даемы и усвояемы въ домашнемъ кругу. Весь міръ Божій въ этой школѣ сводился подъ домашній кровъ и домъ становился малымъ образомъ вселенной: можетъ быть, поэтому на потолкѣ древнерусскаго зажиточнаго дома иногда и рисовали небесныя свѣтила, планетную систему, круги и бѣги небесные, какъ говорили древнерусскіе астрономы. Домохозяинъ обучалъ жену, дѣтей и домочадцевъ закону Божію и благонравію, или «бо̀жеству и вѣжеству и всякому благочинію», какъ тогда выражали составныя части этого курса примѣнительно къ тремъ общеобразовательнымъ *строеніямъ*. Прежде всего, онъ, какъ педагогическій помощникъ священника, долженъ былъ преподать своему дому начатки того *строенія душевнаго*, которое онъ самъ усвоялъ у своего руководителя, пополняя подъ его руководствомъ уроки, полученные еще до женитьбы въ родительскомъ домѣ. Затѣмъ слѣдовало *мірское строеніе*, «какъ жити православнымъ христіаномъ въ міру съ женами и съ дѣтьми и съ домочадцами и ихъ учити». Доселѣ хозяинъ велъ дѣло воспитанія съ женой, своею старшею ученицей и сотрудницей. Далѣе, въ *домовномъ строеніи* ихъ педагогическій трудъ раздѣлялся какъ бы на параллельныя отдѣленія: когда дѣти подростали, родители обучали ихъ «промыслу и рукодѣлію», отецъ—сыновей, мать—дочерей, каковъ кому далъ Богъ смыслъ, «просугъ». Выборъ и порядокъ изученія этихъ рукодѣлій или ремеслъ соображались съ возрастомъ и съ пониманіемъ дѣтей, какъ и съ общественнымъ положеніемъ родителей. Отцовское и дѣдовское преданіе и строгая раздѣльность общественныхъ состояній служили здѣсь руководящими началами. Въ наше время можетъ не понравиться такое подчиненіе судьбы подростающихъ поколѣній инерціи мысли отцовъ и застоявшемуся консерватизму ихъ общественнаго поведенія. Для объясненія и смягченія ихъ вины надобно припомнить, что въ древней Руси при отсутствіи публичнаго техническаго образованія отецъ поневолѣ обучалъ сына только тому, что̀ самъ умѣлъ, или долженъ былъ отдавать сына другому мастеру, писать *ученическую запись*, нотаріальный контрактъ о выучкѣ, который ставилъ его сына въ положеніе близкое къ холопу, дворовому человѣку, между прочимъ, предоставлялъ мастеру-учителю право своего ученика «смирять, по винѣ смотря». Зная только бытъ и нравы нынѣшнихъ мастерскихъ, можно живо почувствовать печальный смыслъ этихъ юридически-осторожныхъ словъ *смирять, по винѣ смотря*. Можетъ быть, древнерусскій отецъ, по-своему сложно понимая житейскія пользы сына, и готовъ былъ на такое тяжелое условіе, но противъ него должно было мятежно возставать простое материнское чувство, непривычное къ сложнымъ комбинаціямъ и житейскимъ софизмамъ, но умѣвшее говорить, когда приходилось на много лѣтъ бросать родного ребенка въ чужой домъ, на произволъ чужой воли. Все это могло быть или должно было бывать. За то безъ оговорокъ можно утверждать, что современное педагогическое чувство рѣшительно противъ одного изъ основныхъ пріемовъ древнерусской методики домашняго воспитанія. Это—извѣстный пріемъ, состоящій во внѣшнемъ дѣйствіи на умъ, волю и чувство посредствомъ производимаго бить-

емъ нервнаго ощущенія. *Любя сына, учащай ему раны, не жалѣй жезла; дщерь ли имаши, положи на ней грозу свою*... Впрочемъ, какъ скоро дѣло дошло до дочери, у меня не хватаетъ духа продолжать изложеніе тѣхъ изысканныхъ формулъ, въ которыхъ выражали этотъ пріемъ древнерусскія педагогическія руководства. Древнерусская педагогика, очевидно, много думала объ этомъ воспитательномъ средствѣ, лелѣяла его, возлагая на него преувеличенныя надежды, какъ на «злобы искоренителя и насадителя добродѣтелей». Едва ли кто изъ насъ по характеру полученнаго имъ воспитанія пойметъ эту вѣру въ чудодѣйственную силу педагогическаго *жезла*, т.-е. простой глупой палки. Мы уже слишкомъ далеко отодвинулись отъ понятій и нравовъ, питавшихъ эту странную вѣру, чтобы понять ее, и намъ остается только благодарить исторію за свое непониманіе. Впрочемъ, для устраненія возможнаго недоразумѣнія здѣсь, кажется, нуженъ историческій комментарій. Читая эти изысканныя педагогическія наставленія, сводившіяся къ одному общему правилу, какъ дѣтей «страхомъ спасати, уча и наказуя», полезно помнить, что мы имѣемъ дѣло съ *планомъ*, а не съ *практикой* домашняго воспитанія. По жестокому педагогическому плану еще нельзя судить о суровости педагогіи, даже о жестокости самихъ начертателей плана. Планометрическая, начертательная педагогія доводитъ иной воспитательный принципъ или пріемъ до крайнихъ, практически невозможныхъ, а только метафизически мыслимыхъ послѣдствій не по жестокости сердца, а просто въ интересѣ логической послѣдовательности; но эти излишества такъ и остаются въ области метафизическаго мышленія, знаменуя силу мысли, но не портя жизни. Дѣло въ томъ, что педагоги при составленіи педагогической программы только размышляютъ о дѣтяхъ, а при ея исполненіи еще и видятъ ихъ, т.-е. любятъ, потому что видѣть дѣтей и любить ихъ—это одно и то же, два неразлучные психологическіе акта. На такое объясненіе древнерусской теоріи педагогическаго жезла наводитъ одна обмолвка древнерусскихъ воспитательныхъ руководствъ, изъ которой видно, что они смотрѣли на тѣлесное наказаніе дѣтей, какъ на воспитательно-гигіеническую операцію, какъ бы дополнительное гимнастическое средство: «любя сына,—читаемъ мы тамъ,—учащай ему раны, ибо отъ жезла твоего онъ не умретъ, а еще здоровѣе станетъ». Извѣстно, что любящая рука бьетъ не больно и, во всякомъ случаѣ, больнѣе бьетъ того, кому принадлежитъ, чѣмъ того, на кого поднимается.

Гораздо плодотворнѣе былъ другой пріемъ древнерусской педагогіи — живой примѣръ, наглядный образецъ. Древнерусская начальная общеобразовательная школа—это домъ, семья. Ребенокъ долженъ былъ воспитываться не столько уроками, которые онъ слушалъ, сколько тою нравственною атмосферой, которою онъ дышалъ. Это было не пятичасовое, а ежеминутное дѣйствіе, посредствомъ котораго дитя впитывало въ себя свѣдѣнія, взгляды, чувства, привычки. Какъ бы ни была неподатлива природа питомца, эта непрерывно капающая капля способна была продолбить ка-

кой-угодно педагогическій камень. На это и разсчитанъ былъ порядокъ домашней жизни, какъ его рисовали въ идеальной схемѣ древнерусскіе моралисты. Это была извѣстная среда обычая и обряда, вѣками сложенная плотная и чинная, массивная бытовая кладка. Все здѣсь было обдумано и испытано, выдержано, размѣрено и разграничено, каждая вещь положена на свое мѣсто, каждое слово логически опредѣлено и нравственно взвѣшено, каждый шагъ разученъ, какъ танцовальное па, каждый поступокъ предусмотрѣнъ и подсказанъ, подъ каждое чувство и помышленіе подведена запретительная или поощрительная цитата изъ писанія или отеческаго преданія, всѣ эти шаги, помышленія и чувства расписаны по церковному календарю,—и человѣкъ, живой человѣкъ съ индивидуальною мыслью и волей, съ свободнымъ нравственнымъ чувствомъ, двигался по этому церковно-житейскому трафарету автоматическимъ манекеномъ или какъ движется шашка подъ рукой искуснаго игрока по разграфленной на клѣтки доскѣ. При такомъ общемъ направленіи жизни и при тогдашнихъ образовательныхъ средствахъ семьи воспитанію грозила опасность уклониться отъ указаннаго ему пути, погасить духъ обрядомъ, превратить заповѣди въ простыя привычки и такимъ образомъ выработать автоматическую совѣсть, нравственное чувство, дѣйствующее по памяти и навыку, выдержку, при которой знаютъ, какъ поступить, прежде чѣмъ подумаютъ, для чего и почему такъ поступаютъ.

Конечно, священникъ могъ ослаблять такое направленіе домашняго воспитанія. Вся семья ежегодно бывала у него *на духу*; здѣсь онъ могъ провѣрять и исправлять результаты воспитанія, указывать, какъ вносить живую душу въ механическую выправку совѣсти. Это былъ своего рода инспекторскій смотръ домашняго воспитанія, ибо весь приходъ составлялъ какъ бы одну школу, распадавшуюся на размѣщенные по домамъ параллельные классы, общимъ надзирателемъ и руководителемъ которыхъ былъ приходскій священникъ. И помимо исповѣди родителямъ внушалось «совѣтоватися съ нимъ часто о житіи полезномъ», какъ учить и любить дѣтей своихъ. Древнерусскихъ воспитателей трудно упрекнуть въ излишнемъ довѣріи къ природѣ человѣка, ея силамъ и влеченіямъ. Напротивъ, они направляли свои усилія къ тому, чтобы выбить изъ питомца *свою волю*, замѣнивъ ее послушаніемъ установленному порядку жизни. Очевидно, они разсчитывали свой планъ на слабѣйшія силы, брали за единицу измѣренія достижимыхъ успѣховъ худшій изъ возможныхъ субъектовъ. Это понятно: семейная школа не могла выбирать воспитательный матеріалъ, потому что всѣ члены семьи имѣютъ одинаковое право существованія и одинаковую воспитательную цѣну и за всѣхъ одинаково отвѣчаетъ глава семьи. Въ этомъ существенная разница домашняго воспитанія отъ публичной школы: послѣдняя можетъ выбирать и равнодушно бросать отсталыхъ или негодныхъ; это своего рода учебный лагерь, для котораго одинъ солдатъ въ строю нужнѣе десятка паціентовъ въ повозкѣ «Краснаго Креста».

Таковъ планъ воспитанія, какъ онъ развивался въ древнерусскихъ по-

ученіяхъ и какъ былъ сведенъ въ общую программу въ *Домострои* священника Сильвестра. А гдѣ же настоящая школа, публичное училище съ книгами и другими орудіями грамотности, книжнаго ученія? Домострой предполагаетъ присутствіе грамотныхъ людей въ составѣ древнерусской семьи, но не считаетъ этого необходимымъ и совсѣмъ умалчиваетъ о такой школѣ. Грамотность не входила въ составъ общеобязательнаго воспитанія, какъ необходимое образовательное средство; она причислялась къ техническимъ промысламъ и рукодѣліямъ, къ «механическимъ хитростямъ», какъ выражались у насъ позднѣе, и нужна была только на нѣкоторыхъ житейскихъ поприщахъ, напримѣръ, для духовнаго и приказнаго чина. Такъ смотритъ на книжное ученіе и современный Домострою *Стоглавъ*: онъ предположилъ устроить по всѣмъ городамъ книжныя училища въ домахъ избранныхъ духовныхъ лицъ, которыя учили бы дѣтей духовенства и всѣхъ православныхъ христіанъ «грамотѣ и книжному письму и церковному пѣнію псалтырному и чтенію налойному», чтобы эти ученики, пришедши въ возрастъ, достойны были священническаго чина. Здѣсь указаны и учебная программа, и спеціальное назначеніе этихъ училищъ. Нѣкогда древнѣйшій русскій лѣтописецъ, говоря о любви кн. Ярослава I къ книгамъ, написалъ превосходную страничку о душевной пользѣ книжнаго ученія, какъ источника мудрости. Позднѣе даже въ азбукахъ проводилось строгое различіе между книжною и истинною мудростью: «не ищи, человѣче, мудрости, ищи кротости; аще обрящеши кротость, то и одолѣеши мудрость; не тотъ мудръ, кто много грамотѣ умѣетъ; тотъ мудръ, кто много добра творитъ».

Эта-то некнижная мудрость древней Руси была поколеблена преобразовательнымъ движеніемъ XVII и XVIII вв. и изъ сферы общественныхъ отношеній и интересовъ отодвинута была въ тѣсные предѣлы домашней жизни или въ составъ личной нравственности. Старая домашняя школа съ своими *строеніями* стала архаическимъ украшеніемъ старомодной жизни. Возникли публичныя школы съ иноземными учителями, напечатаны грамматики, ариѳметики, геометріи, изданы законы объ обязательномъ обученіи духовенства и дворянства, грамотность, цифирь и геометрія объявлены были необходимыми элементами общаго образованія; заморскія «механическія хитрости» закрыли собою прежнюю приходскую и домашнюю науку душевнаго спасенія. Русская мысль, ошеломленная крутымъ переворотомъ, весь XVIII в. силилась придти въ себя и понять, что съ нею случилось. Толчокъ, ею полученный, такъ далеко отбросилъ ее отъ насиженныхъ предметовъ и представленій, что она долго не могла сообразить, гдѣ она очутилась. Чуть не въ одинъ вѣкъ перешли отъ *Домостроя* попа Сильвестра къ *Энциклопедіи* Дидро и Даламбера. Такой переходъ можно было сдѣлать только прыжками, а въ области мысли прыжки совершаются всегда насчетъ логики и самообладанія. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, русскіе преобразованные люди XVIII в., растерявшіеся отъ неожиданности и новизны своего положенія, чтобы найтись въ немъ, принялись обсуждать не столько сдѣланный ими пробѣгъ, сколько собственное смут-

ное ощущеніе, изъ него вынесенное. Вмѣсто того, чтобы точно опредѣлить направленіе и протяженіе пройденнаго пути, они, измѣряя его степенью своей усталости, просто безъ всякихъ измѣреній рѣшили, что ушли безконечно далеко, и тогда старая позиція, съ которой они сорвались такъ поспѣшно, представилась имъ въ туманной невозвратной дали. Мнѣнія раздвоились: одни радовались, что такъ далеко ушли впередъ; другіе жалѣли, что вслѣдствіе далекаго ухода стало невозможно вернуться назадъ. Но тѣ и другіе больше думали о томъ, что они такъ далеко ушли, чѣмъ спрашивали себя о томъ, куда пришли, и ни тѣ, ни другіе не могли отдать себѣ отчета въ томъ, какъ совершился этотъ акробатическій перелетъ. Отъ одного склада понятій перешли къ другому такъ порывисто и суетливо, что по пути растеряли и свои путевыя впечатлѣнія и чувствовали себя въ положеніи лунатика, который не понимаетъ, какъ онъ попалъ туда, гдѣ очнулся.

Очнувшись, наши просвѣщенные лунатики прошлаго вѣка очутились въ шумномъ водоворотѣ самыхъ важныхъ идей и вопросовъ, какіе когда-либо волновали образованное человѣчество. То было начало царствованія Екатерины II. Ощущеніе дневнаго свѣта было первымъ впечатлѣніемъ очнувшихся, свободный вздохъ—ихъ первымъ движеніемъ. Наиболѣе капитальныя произведенія европейскаго ума, которыми ознаменовался вѣкъ свободнаго просвѣщенія, почти уже всѣ лежали на столѣ образованнаго читателя. Идеи и вопросы, которыми авторы этихъ произведеній поразили читающій міръ, не были внезапнымъ откровеніемъ, свыше озарившимъ европейскую мысль. Они имѣли достаточную историческую подготовку, выработались изъ продолжительныхъ усилій европейскаго ума и сердца, подсказаны были застарѣлыми, наболѣвшими язвами европейскаго общежитія, запутавшагося въ собственныхъ противорѣчіяхъ. Несмотря на блескъ новизны, они очень послѣдовательно и органически выросли изъ европейскаго прошлаго, хотя не только пораженные ими читатели, но и сами авторы не всегда подозрѣвали глубоко сокрытые историческіе корни тезисовъ и проблемъ, одинаково кружившихъ головы тѣмъ и другимъ. Но когда эти творенія попали въ предѣлы великой восточно-европейской равнины, на эту культурную tabula rasa, какою она представлялась западно-европейскому и даже иному туземному просвѣщенному взгляду, эта смѣлая литература показалась здѣсь настоящимъ откровеніемъ свыше, своего рода новою легендарною *Голубиною книгой*, упавшею съ неба послѣ проливного дождя и дававшею простые и ясные отвѣты на всѣ мудреные міровые вопросы, какіе цѣлые вѣка мучили и сушили умъ и сердце человѣка. Въ этой литературѣ смѣло ставился и разрѣшался и вопросъ о воспитаніи. Новыя педагогическія воззрѣнія также имѣли тѣсную связь съ ходомъ европейскаго образованія, хотя иногда являлись нетерпѣливымъ и запальчивымъ его отрицаніемъ. Въ основѣ этихъ воззрѣній явственно сквозили высказанныя еще въ концѣ XVII в. идеи старика Локка. Европейской культурѣ рѣдко доводилось выносить такія

насмѣшки надъ собой, какою была его книга о воспитаніи. Въ своихъ университетахъ и въ школахъ поменьше и пониже она цѣлые вѣка громоздила сложное и съ виду величественное зданіе школьной учености съ ея мудреными доктринами, диспутами, диссертаціями, теоріями, цитатами, комментаріями, а великій англійскій мыслитель, творецъ одной изъ самыхъ глубокихъ теорій познанія, въ легкой, совсѣмъ неученой книжкѣ повалилъ это громоздское зданіе, возвѣстивъ, что молодому англійскому джентльмену все это излишне и непригодно, а нужны ему самыя простыя вещи, нетолстая и нетеплая одежда, простая пища, пріученныя къ холоду ноги, жесткая постель, свѣжій воздухъ, здравый разсудокъ, знаніе людей и природы, привычка молиться Богу утромъ и вечеромъ, правдивое сердце и тому подобныя принадлежности благовоспитаннаго и добродѣтельнаго человѣка. Казалось, стоило только немножко подумать, чтобы тотчасъ придумать всѣ эти умныя и понятныя вещи, до которыхъ лишь теперь додумалась европейская мысль умомъ одного изъ своихъ величайшихъ мыслителей. Эти идеи и совѣты развивались писателями XVIII в., касавшимися вопроса о воспитаніи. Еще въ царствованіе Елизаветы русскій образованный читатель могъ прочитать у Дюкло въ его извѣстныхъ *Considérations sur les moeurs de ce siècle* замѣчательныя мысли: «У насъ много выучки, но мало воспитанія; изъ насъ образуютъ ученыхъ, всевозможныхъ художниковъ, но еще не надумались образовать людей, т.-е. воспитывать ихъ другъ для друга, полагать общее воспитаніе въ основу всякаго частнаго обученія». Задачи новаго воспитанія поставлены были прямо: здоровое и стройное развитіе физическихъ и духовныхъ силъ человѣка, вмѣсто безпорядочнаго многоученія, благовоспитанность, вмѣсто учености, нравственный тактъ и живое пониманіе дѣйствительности взамѣнъ устарѣлыхъ грамматикъ и риторикъ. Смѣлая педагогія!—подумаешь невольно: она шла увѣренными шагами къ тому, о чемъ только со вздохомъ мечтаютъ современные родители и воспитатели въ своихъ уединенныхъ размышленіяхъ. Кажется, такая смѣлость имѣла нѣкоторое отношеніе ко взгляду на духовную природу человѣка, сложившемуся въ прошломъ вѣкѣ и нашедшему себѣ блестящее философское выраженіе въ знаменитомъ *Трактатѣ объ ощущеніяхъ* Кондильяка (1754 г.). Продолжая и поправляя Локка, этотъ философъ предпринялъ прослѣдить зарожденіе и ростъ духовной жизни человѣка отъ простѣйшихъ чувственныхъ воспріятій до самыхъ сложныхъ операцій духа. Этотъ процессъ схематически изображенъ въ видѣ одухотворенной статуи съ готовыми дѣйствовать органами чувствъ, но еще безъ содержанія. Эта живая организованная пустота постепенно наполняется, соприкасаясь съ внѣшнимъ міромъ, который возбуждаетъ ея дремлющія чувства. Изъ воспринимаемыхъ внѣшнихъ впечатлѣній образуются ощущенія и идеи, а послѣдовательнымъ сцѣпленіемъ тѣхъ и другихъ сплетаются всѣ духовныя состоянія и отправленія, изъ простѣйшаго акта выходитъ болѣе сложный, низшая способность производитъ высшую и изъ этой постепенно самоосложняющейся работы чувствъ складывается вся жизнь че-

ловѣческаго духа. Ставъ около этой пробуждающейся отъ первобытной летаргіи статуи, педагогъ безъ труда могъ сообразить, какое употребленіе надлежало сдѣлать изъ вскрытой философомъ физіологіи духа. Педагогіи оставалось овладѣть функціями этого самоодушевляющагося психологическаго прибора, подставить ему цѣлесообразно подобранныя внѣшнія впечатлѣнія— и изъ статуи выходилъ готовый методологическій человѣкъ, какъ на заводѣ отливается бронзовое изображеніе по данной художникомъ модели. Можетъ быть, педагогія XVIII в. потому и была такъ смѣла, что Локкъ и Кондильякъ такъ наглядно раскрыли весь процессъ психологической отливки человѣка, а Локкъ, къ тому же, построилъ такую художественную педагогическую модель.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что умная и образованная женщина, вступившая на русскій престолъ въ 1762 году, поспѣшила подумать о воспитаніи юношества: кому же, прежде всего, и подумать о такомъ важномъ предметѣ, какъ не женщинѣ умной и образованной? Екатерина очень хорошо поняла сущность новыхъ педагогическихъ мнѣній, бродившихъ тогда на Западѣ и отражавшихся въ ея любимыхъ книгахъ. При спеціальномъ обученіи должно быть общее воспитаніе, подготовляющее къ гражданскому общежитію; это воспитаніе должно быть сосредоточено на разработкѣ нравственнаго чувства; это дѣло должно взять въ свои руки само государство. Такія мысли Екатерина высказала потомъ въ своемъ *Наказѣ*. Школы, которыя она нашла въ Россіи, могли только поддерживать ея помыслы и заботы объ устройствѣ новаго воспитанія. Нѣкогда Петръ Великій, сидя на новоспущенномъ кораблѣ съ своими сотрудниками, размечтался вслухъ о томъ, какъ науки, покинувъ свою древнюю родину Грецію, обойдутъ міръ и, наконецъ, совьютъ себѣ прочное гнѣздо въ Россіи. Но пріюты, приготовленные имъ для пріема наукъ, послѣ его смерти, казалось, перестали ждать такъ радушно приглашенныхъ имъ въ гости всемірныхъ странницъ. Въ университетѣ при академіи наукъ лекцій не читали, но студентовъ сѣкли. Въ морской академіи, устроенной для благороднаго шляхетства, училась такая бѣднота, которая за неимѣніемъ сапогъ не могла ходить въ классы. Новорожденный Московскій университетъ едва начиналъ дышать и еще весь жилъ въ своемъ будущемъ. Съ президентомъ академіи художествъ И. И. Бецкимъ, внимательно изучившимъ учебное дѣло за границей, Екатерина задумала цѣлую систему «воспитательныхъ училищъ», которая должна была сѣтью покрыть всю Россію. Тому же Бецкому поручено было разработать и исполнить задуманный планъ. Онъ изложилъ общія начала новаго воспитанія въ докладѣ подъ заглавіемъ: *Генеральное учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества*. Эту педагогическую теорію, созданную вѣкомъ и мало еще гдѣ испытанную на дѣлѣ, краткая надпись *Быть по сему* превратила въ простой законъ Россійской имперіи отъ 12 марта 1764 г. Эти общія начала потомъ переложены были въ статьи *Устава* сухопутнаго кадетскаго корпуса 1766 г. и подробно развиты въ приложенныхъ къ нему въ видѣ руководства *Разсужденіяхъ о установленіи* корпуса, и этотъ рядъ учено-педагогическихъ трактатовъ вмѣстѣ съ уставомъ объявленъ былъ

«неподвижнымъ закономъ» къ точному и непремѣнному исполненію. Казалось, никогда еще власть не подходила такъ близко къ ученой мысли и впервые ученая мысль становилась властью.

Воспитательный планъ, проведенный въ этихъ и другихъ педагогическихъ трудахъ Бецкаго, самъ по себѣ довольно простъ. Усилія и средства, потраченныя со времени Петра I на обученіе наукамъ и художествамъ, принесли мало добрыхъ плодовъ. Причина не въ недостаткѣ способностей у народа, а въ выборѣ непрямыхъ путей къ цѣли. Многіе быстро и отлично успѣвали въ наукахъ, но еще быстрѣе погружались въ прежнее невѣжество, потому что не могли или не умѣли ни продолжить, ни примѣнить пріобрѣтенныхъ знаній. Бѣда въ томъ, что изученію наукъ не сопутствовало «добродѣтельное воспитаніе», безъ котораго ждать прочныхъ успѣховъ въ наукахъ—суетная надежда, ибо опытомъ дознано, что «одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямого гражданина» и не предохраняетъ отъ пороковъ, которые дѣлаютъ научные успѣхи безплодными и даже иногда вредными. И такъ, «корень всему злу и добру—*воспитаніе*». Прямой путь къ цѣли—создать воспитаніемъ, «такъ сказать, новую породу, или новыхъ отцовъ и матерей», отъ которыхъ бы пошли въ безконечный рядъ дальнѣйшихъ поколѣній непрерывною нитью преданія правила истинной благовоспитанности. Имѣя въ виду эту великую цѣль, слѣдуетъ завести для дѣтей обоего пола не простыя школы, а *воспитательныя училища*, и принимать въ нихъ дѣтей не старше шестого года, когда въ дитяти пробуждается сознаніе: позднѣе становится уже неисправимъ *худой нравъ*, которымъ успѣло заразиться дитя. Припомнимъ, что живую статую Кондильяка педагогія должна захватить раньше, чѣмъ грѣшный внѣшній міръ успѣетъ начать надъ ней свою опасную воспитательную работу. Въ училищѣ питомецъ безысходно остается до 20 лѣтъ, не имѣя ни малѣйшаго общенія съ внѣшними людьми, даже съ ближайшими родственниками видаясь изрѣдка только въ училищѣ и то на глазахъ у начальства. Главное воспитательное средство—чтобы питомецъ «непрестанно взиралъ на подаваемые ему примѣры и образцы добродѣтелей». Эти примѣры и наставленія воспитателей должны вселить въ него страхъ Божій, укрѣпить въ сердцѣ похвальныя склонности, привить навыки къ трудолюбію, благопристойности въ словахъ и поступкахъ, учтивости, сострадательности къ бѣднымъ и несчастнымъ, пріучить къ домостроительству, къ опрятности и чистотѣ. Таковы элементы добраго воспитанія, добродѣтели прямого гражданина, полезнаго члена общества. Что касается просвѣщенія разума науками и художествами, то выборъ ихъ надобно предоставить самому питомцу, его охотѣ; его душевныя склонности здѣсь важнѣе всѣхъ другихъ соображеній; неволей здѣсь ничего не добьешься. Но благовоспитанный гражданинъ долженъ быть и здоровымъ, живымъ человѣкомъ, съ крѣпкимъ сложеніемъ, бодрымъ духомъ и веселымъ нравомъ. Поэтому въ школѣ должны быть чистый воздухъ,

здоровая пища, невинныя игры и забавы и не должно быть ничего, что нагоняетъ «скуку, задумчивость и прискорбіе».

Все это было ново и непривычно для многихъ въ прошломъ вѣкѣ и вмѣстѣ кажется все такъ легко и просто. Но простъ только планъ дѣла, а не самое дѣло. Процессъ оживленія статуи легче воспроизвести психологическимъ анализомъ, чѣмъ повторить педагогическимъ опытомъ. Ставилась трудная педагогическая проблемма: по мысли Бецкаго, задача педагогіи—въ юности научить тому, что должно дѣлать въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Но, вѣдь, для этого придется либо школьную юность продлить до зрѣлыхъ лѣтъ, либо зрѣлыя лѣта начать прежде минованія юности. Въ первомъ случаѣ питомецъ переростетъ свою школу, а во второмъ—школа обгонитъ его ростъ. Слѣдуетъ воздать должное нашимъ педагогамъ прошлаго вѣка, подобнымъ Бецкому: надобно было имѣть много любви къ людямъ, много вѣры въ свое дѣло, чтобы взяться за разрѣшеніе такой задачи съ надеждой на успѣхъ. Изъ всѣхъ педагогическихъ опытовъ, исполненныхъ Бецкимъ, наиболѣе обдуманнымъ является уставъ обновленнаго имъ сухопутнаго кадетскаго корпуса съ приложенными къ нему разсужденіями. Этотъ корпусъ долженъ былъ стать образцовымъ воспитательнымъ учрежденіемъ, приспособленнымъ къ общественному и государственному положенію русскаго дворянства. Посмотримъ, какъ здѣсь разрѣшалась педагогическая задача, такъ смѣло поставленная.

Затрудненіе являлось при первомъ же шагѣ. Новое воспитаніе строилось на естественности и непринужденности, а начиналось актомъ не совсѣмъ естественнымъ и довольно насильственнымъ: 5—6-ти лѣтній ребенокъ на цѣлыя 15 лѣтъ совершенно вырывался изъ семьи. Отдавая дѣтей въ корпусъ, родители обязывались подпиской до окончанія курса не требовать ихъ обратно «отнюдь ни подъ какимъ видомъ» даже во временный отпускъ. Семья должна была знать свое дѣло, поставить въ школу пустую человѣкообразную статую съ здоровыми органами чувствъ и терпѣливо ждать, когда школа воротитъ ей здороваго человѣка съ полнымъ гуманнымъ содержаніемъ. Весь курсъ дѣлился на пять трехлѣтнихъ возрастовъ. Въ первомъ ребенка встрѣчала взамѣнъ натуральной педагогическая мать въ лицѣ воспитательницы. При комплектѣ возраста въ 120 человѣкъ у каждой воспитательницы было по 12 питомцевъ; весь возрастъ состоялъ изъ 10 педагогическихъ семей, только безъ отцовъ. Въ двухъ дальнѣйшихъ возрастахъ дѣти становились подъ руководство воспитателей, педагогическихъ отцовъ безъ матерей. Составъ семей становился сложнѣе и потому число ихъ уменьшалось: во второмъ возрастѣ ихъ полагалось 8 по 15 дѣтей въ каждой, въ третьемъ 6 по 20 дѣтей. Въ двухъ послѣднихъ возрастахъ дѣти превращались въ молодыхъ людей и семейный строй воспитанія кончался, начиналась подготовка къ обществу и къ службѣ; въ пятомъ возрастѣ кадетъ по уставу долженъ былъ «зрѣло разсуждать, какое бы для себя избрать состояніе въ обществѣ на великомъ театрѣ свѣта». При переходѣ въ четвертый возрастъ кадеты расходились на два отдѣленія: одни

готовились къ военному званію, другіе къ гражданскому. Военные кадеты соединялись не въ семьи, а въ роты, отцы-воспитатели смѣнялись командирами, ротными капитанами, поручиками-инструкторами и вмѣстѣ воспитателями, прапорщиками-учителями наукъ. У гражданскихъ кадетовъ были свои руководители, общій инспекторъ для обоихъ возрастовъ и особые профессоры-воспитатели и преподаватели для того и другого возраста.

Въ образованіи кадетовъ уставъ строго различалъ воспитаніе и обученіе, разумѣя подъ первымъ нравственные и практическіе навыки, подъ вторымъ теоретическія познанія. Воспитанію отдавалось рѣшительное предпочтеніе передъ обученіемъ согласно съ главною цѣлью воспитательныхъ училищъ «не науки токмо и художества умножить въ народѣ, но и вкоренить въ нѣжныя сердца добронравіе и любовь къ трудамъ,—словомъ, новымъ воспитаніемъ новое бытіе намъ даровать и новый родъ подданныхъ произвести». Генералъ-директоръ корпуса дѣлилъ съ особымъ корпуснымъ полицеймейстеромъ спеціальную должность *цензора* или *наблюдателя нравовъ*, назначеніе которой «внушать добродѣтель благородному юношеству», а учебною частью завѣдывалъ особый директоръ наукъ. Воспитатель соединялъ въ себѣ двоякое значеніе дядьки и преподавателя наукъ; но гдѣ эти значенія раздѣлялись, учительская должность ставилась ниже воспитательской. Способности уставъ цѣнитъ ниже нравовъ и прямо требуетъ, чтобы «прилежаніе къ наукамъ было умѣренное». Уставъ назначаетъ для изученія довольно широкій кругъ наукъ, къ которымъ прибавляетъ еще 9 художествъ, въ томъ числѣ *изваяніе* и *дѣланіе статуй*. Но обученіе, какъ и весь воспитательный порядокъ въ корпусѣ, онъ рѣзко отличаетъ отъ обыкновеннаго школьнаго. Воспитаніе въ корпусѣ, по требованію руководства, должно быть больше практическое, чѣмъ теоретическое: юношество учится больше слухомъ и зрѣніемъ, чѣмъ затверживаніемъ уроковъ. Кадету предстоитъ исполнять, что онъ выучитъ, а не обучать другихъ; потому изгоняются изъ корпуса «всѣ метафизическія матеріи, выучиваніе наизусть, — словомъ, всѣ школьническія излишества». Въ росписи наукъ по уставу значатся логика и латинскій языкъ для желающихъ; но руководство сомнѣвается въ необходимости этихъ предметовъ, какъ и метафизики для кадетовъ. Изъ корпуса должны выходить не ученые, а воины-граждане. Поэтому научный арсеналъ давалъ только вспомогательныя средства для выработки дѣятельныхъ привычекъ, необходимыхъ для такого житейскаго назначенія. Главныя задачи воспитанія—укрѣпить физическія силы, привить надлежащіе практическіе навыки и нравственныя наклонности. Корпусное руководство прямо предписываетъ «больше тѣло пріучать къ трудамъ, нежели принуждать разумъ къ размышленіямъ и соображеніямъ». Оно учитъ, что, прежде всего, надобно въ ребенкѣ «соорудить по правиламъ натуры и физики» крѣпкое и выносливое сложеніе, потомъ вкоренить въ душѣ его страхъ Божій, спокойствіе, самообладаніе, «изящныя мысли», вдохнуть ненависть ко всему противному чести и добродѣтели и затѣмъ практически пріучить юношу «объ людяхъ раз-

суждать и распознавать ихъ», научить его, «что есть человѣкъ въ обществѣ, чего требуетъ чинъ, мѣсто или то состояніе, въ какомъ онъ находиться будетъ, какъ жить съ родителями, наставниками и властителями», знать и усердно исполнять свой долгъ на всякомъ поприщѣ, проходя его «съ честью и съ общимъ удовольствіемъ». Поэтому уставъ въ учебной программѣ второго возраста рядомъ съ ариѳметикой и геометріей ставитъ особую науку—*учтивство и долгъ благопристойности*, а во главѣ программы четвертаго возраста *упражненіе истиннаго христіанина и честнаго человѣка*. Цѣлямъ воспитанія соотвѣтствовали и его пріемы. Вся методика слагалась изъ чисто-нравственныхъ средствъ. Главное изъ нихъ—добрый примѣръ воспитателей. Но примѣръ, нравственное вліяніе можетъ дѣйствовать только при встрѣчѣ съ желаніемъ подражать, съ нравственною воспріимчивостью. Чтобы вызвать ее, необходимы со стороны воспитателей любовь и ласка, со стороны питомцевъ довѣріе и почтеніе. Воспитатели больше внушаютъ, чѣмъ приказываютъ, склоняютъ и пріучаютъ, а не запугиваютъ и не принуждаютъ. Руководство порицаетъ строгій и повелительный взглядъ и голосъ, надутый видъ воспитателя, а уставъ запрещаетъ суровое обхожденіе съ дѣтьми и предписываетъ даже необходимую въ военномъ быту строгость соединять съ пріятностью, «чтобъ не произвести въ юношахъ вредительныхъ воображеній страха». Выговоры слѣдуетъ дѣлать дѣтямъ «безъ свирѣпства и злобы»; *угрюмые педанты*, *свирѣпые школьные учителя* въ воспитатели не годятся; педантство, замѣчаетъ руководство, есть сущая пагуба воспитанію юношества. Бывшіе прежде въ практикѣ корпуса побои безусловно воспрещаются, потому что ими, по замѣчанію руководства, добродѣтели произвести невозможно: она дщерь кротости, любви и почтенія къ родителямъ, наставникамъ и знаемымъ. Уставъ вообще не допускаетъ тѣлесныхъ наказаній въ корпусѣ «отнюдь ни въ какомъ случаѣ»; кадеты не должны были ни испытывать, ни даже видѣть ни такихъ наказаній, ни другихъ примѣровъ строгости. Въ этомъ отношеніи русскій педагогъ превосходилъ даже самого Локка, который въ иныхъ случаяхъ разрѣшалъ побои. Самый видъ неволи не былъ терпимъ въ заведеніи: по уставу никому въ корпусѣ не позволялось ни подъ какимъ видомъ имѣть при себѣ крѣпостныхъ слугъ. Руководство предписываетъ составить для корпуса особый уставъ о наказаніяхъ на основаніи той главы *Esprit des lois* Монтескьё, гдѣ главнымъ карательнымъ орудіемъ признается собственный стыдъ виновнаго. Никогда ни въ какомъ женскомъ воспитательномъ заведеніи педагогія не предписывала болѣе осторожнаго, заботливаго и деликатнаго обращенія съ сердцемъ и впечатлѣніемъ воспитываемаго существа, чѣмъ какое предписывалось въ этомъ сухопутномъ шляхетномъ питомникѣ русскихъ офицеровъ-гражданъ. И какъ вѣнецъ столь заботливыхъ и человѣколюбивыхъ педагогическихъ усилій, автору руководства грезится въ отдаленной житейской перспективѣ образъ подготовленнаго въ корпусѣ воина-гражданина, искуснаго въ политической экономіи и законахъ своего оте-

чества, «такъ чтобы генералъ, одержавъ побѣду, могъ рѣшить судное дѣло въ сенатѣ, распоряжать теченіе доходовъ, поправлять земледѣліе, исполнять должность генералъ-полицеймейстера, чтобъ изъ военной коллегіи или другого правительственнаго учрежденія паки могъ ѣхать въ поле предводительствовать арміею и при назначеніи на сіи должности не было бы нужды разбирать время и особы». Очевидно, величавыя фигуры Сципіоновъ и Метелловъ мелькали при этомъ въ воображеніи русскаго педагога; можетъ быть, мелькнули бы и фигуры Воротынскихъ и Пожарскихъ, если бы недавняя московская старина была знакома ему также, какъ отдаленная римская.

Остановимся одну минуту на этомъ великолѣпномъ педагогическомъ построеніи. Въ основѣ его явственно выступаютъ двѣ великія теоремы вѣка, выражавшіяся терминами *человѣчество* и *добродѣтель*. Человѣчество представлялось полемъ дѣятельности для благовоспитаннаго сердца, добродѣтель—ея стимуломъ и содержаніемъ. Человѣчество, какъ его понимали въ XVIII вѣкѣ, конечно, не можетъ быть практическимъ полемъ какой-либо дѣятельности: это на половину историческая идея, на половину философское умозрѣніе; въ немъ больше воспоминаній и чаяній, чѣмъ практическихъ, уловимыхъ условій, вызывающихъ и направляющихъ какую-либо дѣятельность. Наши педагоги прошлаго вѣка, старалсь упростить и приблизить эту идею къ конкретному пониманію, реализировали ее въ понятіе *общества* или *отечества*, не исторической и географической Россіи, а отвлеченнаго, алгебраическаго отечества. Точно также и добродѣтель, философская добродѣтель XVIII вѣка — это академическое понятіе и много-много нравственный идеалъ. Это больше настроеніе, чѣмъ программа, не столько указка для воли, сколько способъ измѣренія температуры сердца. Моралисты прошлаго вѣка, которыхъ особенно любили наши педагоги, такъ и опредѣляли добродѣтель, какъ функцію сердца, а не воли, говоря, что это есть «чувство, умонаклоненіе къ добру, любовь къ человѣчеству». Она не задавала никакихъ исторически-нужныхъ и практически-разрѣшимыхъ задачъ, могла указывать направленіе дѣятельности, но не быть ея цѣлью. Это своего рода виѳлеемская звѣзда, которая вела волхвовъ, но вела не къ себѣ самой, не была концомъ пути, который указывала. Отвлеченная идея человѣчества мутила живое историческое чутье родины, а отъ холодной мысли о схематической добродѣтели застывала живая нравственная потребность простого добраго дѣла. Гуманный космополитъ созерцалъ небесную механику и не замѣчалъ исторіи и географіи, могъ съ размѣреннымъ вздохомъ скорбѣть о противорѣчіяхъ міроздания, даже граціозно плакать стереотипными слезами о страданіяхъ человѣчества, и не утереть ни одной конкретной, неопрятной слезы, встрѣченной на улицѣ. Въ такомъ міросозерцаніи нравственное чувство разлагается въ формулы, мораль замѣняется кодексомъ правилъ, побужденія—принципами, какъ музыкальные мотивы разыгрываются въ механическія мускульныя движенія пальцевъ. Эти формулы, правила и принципы въ прошломъ вѣкѣ и пытались посред-

ствомъ закрытаго школьнаго воспитанія разучить въ благовоспитанные навыки; но такъ какъ эти навыки прививались безъ самыхъ предметовъ, къ которымъ они относились, то они превращались въ безпредметныя чувствованія, въ простую гимнастику сердца. Оторванная отъ семьи воспитательная школа ставила себѣ задачей научить питомцевъ любить и почитать родителей и знаемыхъ, но научить любить ихъ безъ нихъ самихъ: для кадета Васильевскаго острова или для узницы Смольнаго монастыря родители и ближайшіе знаемые, братья и сестры, на которыхъ, прежде всего, пробуетъ свои силы маленькое сердце, въ продолженіе многолѣтняго педагогическаго плѣна превращались въ печальныя тѣни, бродящія гдѣ-то въ полузабытой глуши Щигровскаго или Мокшанскаго уѣзда. Навыки въ обѣихъ системахъ воспитанія почти одни и тѣ же: это—привычка къ труду, смиренію, кротости, повиновенію, сострадательности, опрятности и чистотѣ и даже къ невысокому взгляду на книжную мудрость, научное знаніе, которое и Локкъ считалъ самою маловажною вещью въ воспитаніи. Могутъ подумать: какъ? стало быть, наши педагоги надѣялись по правиламъ Монтэня, Локка и Руссо создать новую породу людей, непохожихъ ни на отцовъ, ни на матерей, и не догадывались, что въ этой репетиціи шестого дня міротворенія они реставрировали уже знакомыхъ намъ автоматовъ древней Руси, т.-е. только переодѣвали въ новенькое модное платьице старую педагогическую куклу попа Сильвестра? Нѣтъ, не совсѣмъ такъ и даже не слѣдуетъ такъ выражаться. Нравственные навыки, какіе вырабатывались обоими воспитаніями, были довольно сходны; но они прививались не къ одинаковымъ силамъ души человѣческой. Древнерусская педагогія *Домостроя* выбивала автоматическую *совѣсть*, а педагогія XVIII вѣка, говоря ея словами, сооружала по правиламъ натуры и физики автоматическое *сердце* съ безпредметною дѣятельностью, съ чувствомъ вѣчно дѣйствующимъ и ничѣмъ не питаемымъ. Въ дневнерусской домашней дѣтской старались такъ направить человѣка, чтобъ онъ и съ завязанными глазами зналъ, куда идти, а питомецъ закрытой философской школы, еслибъ онъ удался, былъ бы похожъ на человѣка, который, вышедши изъ дому съ желаніемъ пройтись, не знаетъ, куда идти, и потому вертится вокругъ самого себя, не двигаясь съ мѣста.

Такое движеніе безъ цѣли, хотя и съ направленіемъ—не только историческая ненужность, но и психологическая невозможность, хотя въ тотъ вѣкъ вообще расположены были вводить механику даже туда, гдѣ, казалось бы, должны дѣйствовать иные законы движенія. Дидро однажды писалъ Екатеринѣ II о томъ, какъ легко побѣдить два затрудненія, мѣшающія устройству учебнаго дѣла въ Россіи—недостатокъ учебниковъ и отсутствіе подготовленныхъ преподавателей: стоитъ только заказать русскимъ академикамъ и иностраннымъ ученымъ необходимые учебники, потомъ перевести ихъ на русскій языкъ, и тогда по нимъ всякій грамотный русскі будетъ въ состояніи преподавать какую угодно науку. Значитъ, автоматъ-воспитанникъ посредствомъ автомата-наставника! И Бецкій предвидѣлъ

оба затрудненія и также надѣялся легко сладить съ ними; но его надежда не оправдалась, новую породу людей сотворить не удалось, и печальнымъ пророчествомъ звучитъ его замѣчаніе въ *Разсужденіяхъ*, что если, «по несчастію», не найдутся дядьки и учители, искусные въ наукахъ и способные во всемъ служить примѣромъ для юношества, «тщетны будутъ всѣ предписанія и всѣ старанія о произведеніи благонравія и успѣховъ». Теперь не время разсказывать, какъ случилось это несчастіе съ русскою педагогіей прошлаго вѣка, какъ неудовлетворительно была исполнена ея воспитательная программа: пришлось бы разсказывать о затрудненіяхъ и недоразумѣніяхъ, которыя могутъ показаться не столько прискорбными, сколько забавными, а въ серьезномъ дѣлѣ воспитанія ничто не должно казаться забавнымъ. Но эта неудача имѣла свое историческое оправданіе. Представимъ себѣ на минуту, что планъ Бецкаго удался, что изъ его воспитательнаго училища вышли кадетъ или институтка, выправленные вполнѣ по правиламъ его педагогики, усвоившіе себѣ добродѣтель, какъ автоматическій моціонъ нравственнаго чувства: съ своимъ сердцемъ, готовымъ обливаться кровью при видѣ каждаго цвѣтка, сорваннаго и брошеннаго на дорогѣ, что стали бы дѣлать, какъ почувствовали бы себя онъ и она въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, среди тогдашнихъ условій русской жизни? Это было бы еще не самое худшее, еслибъ изъ него вышелъ тоскующій говорунъ Чацкій, кончившій рѣшимостью искать по свѣту уголка, который бы пріютилъ его бездомное оскорбленное чувство. Гораздо хуже, еслибъ изъ нея вышелъ живой оригиналъ *Бѣдной Лизы* Карамзина, въ печальной судьбѣ которой только и было русскаго, историческаго, что тотъ прудъ, въ которомъ, по волѣ автора, утонуло это красивое изваяніе изысканной чувствительности.

Планъ школы Бецкаго не былъ соображенъ ни съ ея наличными педагогическими средствами, ни съ историческимъ складомъ окружавшей ее дѣйствительности, и эта двойная несообразность, разстроивая школу, спасала общежитіе. Программа этой школы подкупаетъ своею задушевностью, вѣрой въ природу человѣка, любовью къ дѣтямъ и поучительна самыми своими ошибками. Она рисовала планъ теплицы воспитанія, педагогическаго зимняго сада среди сѣвернаго русскаго лѣса: это было излишество не по климату, культурная роскошь. Такъ и смотрѣли на школы Бецкаго опытные педагоги-современники, прямо сопоставляя ихъ съ затѣйливыми оранжереями въ тогдашнихъ помѣщичьихъ усадьбахъ. Идеи, на которыхъ онѣ были построены, не пропали безслѣдно, сослужили важную службу нашему образованію; но это было внѣ школы. Онѣ воспитательнѣе подѣйствовали на взрослыхъ, чѣмъ на дѣтей, заставивъ первыхъ позаботиться и подумать о послѣднихъ, о чемъ они не любили заботиться и думать. А, вѣдь, одна изъ великихъ заслугъ педагогіи въ томъ, что она заставляетъ взрослыхъ думать о дѣтяхъ. Педагогія—не нянька, а утренній будильникъ: слово дано ей не для того, чтобы, укачивая чужого ребенка, усыплять свою мысль, а для того, чтобы будить чужую. Опытъ Бецкаго убѣдилъ, что въ дѣлѣ воспи-

танія школа не можетъ оторваться отъ семьи, какъ опытъ древней Руси показалъ, что школѣ трудно и небезопасно слиться съ семьей. Семья и школа—не сожительницы и не соперницы; это—сосѣдки и сотрудницы. Школа не можетъ замѣнить семьи, какъ и семья не можетъ обойтись безъ школы. У той и другой свое особое воспитательное дѣло. Въ воспитаніи различаются два дѣла: одно—развитіе и выправка индивидуальныхъ особенностей, личныхъ свойствъ и наклонностей человѣка, другое—выработка общаго типа, прививка тѣхъ общеобязательныхъ правилъ, понятій и интересовъ, изъ которыхъ слагается культура времени и которые дѣлаютъ разнохарактерныя личности способными къ дружному общежитію. Школа Бецкаго брала на себя оба эти дѣла и на первомъ даже настаивала съ особенною силой, какъ на своей прямой и посильной задачѣ. Но эта школа потому не сдѣлала и своего дѣла, что бралась еще и за чужое. Школьный наставникъ въ каждой изъ сорока устремленныхъ на него паръ дѣтскихъ глазъ не можетъ прочитать тѣхъ маленькихъ чувствъ и помысловъ, отъ которыхъ она вчера вечеромъ, смотря въ учебную книжку, туманилась или загоралась, не можетъ уловить того уголка зрѣнія, подъ которымъ она привыкаетъ смотрѣть на людей и вещи; это могутъ подкараулить только отецъ и особенно мать. Подъ роднымъ кровомъ дитя получаетъ то, чего не можетъ дать школа; школа должна ему дать то, чего оно не находитъ дома. Дома оно привыкаетъ понимать и любить *своихъ*, въ школѣ пріучается жить съ *чужими* и, примѣняя къ нимъ привычку понимать и любить, выработанную на родныхъ объектахъ, учится превращать чужихъ въ своихъ *ближнихъ*. Школа Бецкаго поступала прямо наоборотъ: вырвавъ ребенка изъ родной среды, она на близкихъ чужихъ пріучала его любить покинутыхъ родныхъ. Это очень трудно, если только возможно. Но семья никогда не откажется отъ своего воспитательнаго дѣла, не захочетъ превратиться въ простую кустарную мастерскую, вырабатывающую педагогическое и рекрутское сырье для школы и казармы.

За то въ педагогическихъ уставахъ и разсужденіяхъ Бецкаго впервые у насъ если не высказывается, то съ такою настойчивостью проводится правило, за которое одно отпустится ему тысяча его педагогическихъ грѣховъ, логическихъ промаховъ и психологическихъ недосмотровъ: это—требованіе, чтобы воспитатели относились къ дѣтямъ «съ кротостію, учтивствомъ и любовію», всегда хранили при нихъ веселый видъ и въ нихъ поддерживали «бодрый духъ и веселый нравъ». Гдѣ этого нѣтъ, тамъ теперь не можетъ быть никакой педагогіи, никакой школы, а есть только казарма для малолѣтнихъ преступниковъ, даже не исправительная, а просто карательная.

Таковы выводы, какіе умѣю я извлечь изъ описанныхъ воспитательныхъ опытовъ; выводы болѣе глубокіе подскажутъ вамъ ваша опытность и ваша любовь къ дѣтямъ. Но каковы бы ни были наши педагогическіе опыты и наблюденія, мы не откажемся отъ сейчасъ указаннаго правила Бецкаго: материнское чувство поддержитъ его даже тогда, когда въ немъ

поколеблется отцовская мысль. Въ *Домостроѣ* священника Сильвестра есть очень сильное мѣсто, гдѣ наставникъ убѣждаетъ дѣтей покоить родителей въ старости, не забывать труда отцова и матерняго, помнить, что они никогда и ничѣмъ не съумѣютъ заплатить своего дѣтскаго долга, потому что не могутъ родить своихъ родителей, никогда не испытаютъ для нихъ тѣхъ болей, какими они болѣли за своихъ дѣтей. Современные отцы и матери едва ли потребуютъ уплаты долга съ своихъ дѣтей въ такихъ выраженіяхъ; но, по крайней мѣрѣ, за мать теперь можно сказать современнымъ дѣтямъ: она готова была умереть за васъ, прежде чѣмъ вы рождались; вы обязаны жить для нея, пока она жива. Если дѣти сердцемъ усвоятъ себѣ смыслъ стараго домостроевскаго совѣта, сами собой явятся веселый видъ старшихъ, бодрый духъ и веселый нравъ младшихъ, а учитель и учительница помогутъ тѣмъ и другимъ, заронятъ въ дѣтскій умъ побольше здоровыхъ мыслей и знаній, въ сердце побольше бодрыхъ чувствъ, въ учебный ранецъ взамѣнъ истрепанныхъ учебниковъ побольше веселыхъ, благодарныхъ воспоминаній. Намъ нѣтъ нужды опасаться, что жизненный путь нашихъ дѣтей по выходѣ изъ школы будетъ скудно усыпанъ печалью. У нашей молодежи того и другаго пола много сердца, а было бы сердце— печали найдутся.

В. Ключевскій.

Объ успѣхахъ идеи международнаго третейскаго суда въ наши дни *).

Въ истекшемъ году французская академія нравственныхъ и политическихъ наукъ разсматривала сочиненія, поданныя ей на соисканіе одной изъ премій (prix Bordin) на слѣдующую тему: *Международный третейскій судъ въ его прошломъ, настоящемъ и будущемъ.* Поступило на эту тему не менѣе *семи* работъ, различныхъ по формату (отъ 150 до 1120 и даже 1355 страницъ) и выполненію, но дающихъ богатѣйшій матеріалъ по вопросу, которому онѣ посвящены, и много новыхъ интересныхъ выводовъ въ отношеніяхъ историческомъ, теоретическомъ и практическомъ. Докладчикомъ о нихъ академіи явился ея членъ, Дежарденъ, адвокатъ кассаціоннаго суда въ Парижѣ, успѣвшій уже заявить себя нѣкоторыми дѣльными статьями и по международному праву. Докладъ этотъ, недавно напечатанный **), и самъ по себѣ заслуживаетъ вниманія тонкими критическими замѣчаніями и наблюденіями автора надъ общественною жизнью нашего времени.

Все это крайне характерно и любопытно. Изъ Франціи, которая съ франкфуртскаго мира 1871 г. не перестаетъ оплакивать потерю Эльзаса и Лотарингіи и почти ежегодно увеличиваетъ свои вооруженія, — изъ Франціи, говоримъ мы, доходятъ до насъ серьезные, авторитетные голоса въ пользу повсемѣстнаго распространенія и укрѣпленія международной третейской юрисдикціи, и движеніе это вызвано ея верховною научною коллегіей. Значитъ же, что духъ и потребности времени торжествуютъ даже надъ односторонними желаніями и интересами того или иного народа.

Дежарденъ не скрываетъ, что два вопроса болѣе всего лежатъ какъ кошмары надъ современною Европой: вопросъ восточный и эльзасъ-лотарингскій. Безъ ихъ устраненія немыслимо уменьшеніе милитаризма, а значитъ невозможенъ никакой настоящій и прочный миръ въ нашей части свѣта. Рѣшеніе послѣдняго изъ нихъ ему болѣе всего желательно мирнымъ

*) Лекціи, читанныя въ Московскомъ университетѣ въ сентябрѣ 1892 г.

**) *Desjardins:* „L'Arbitrage international. Rapport sur le concours ouvert pour le prix Bordin". 1892.

способомъ, хотя бы путемъ общаго конгресса, но, восклицаетъ онъ, «какой геній, какой благодѣтель рода человѣческаго, какой Карлъ Великій мира устранитъ это препятствіе? Мы этого не знаемъ, но мы должны мыслить, работать, дѣйствовать, какъ будто бы мы имѣли способность это предвидѣть и право на это надѣяться. Самый конгрессъ могъ бы его рѣшить не иначе, какъ съ предварительнаго согласія Германіи и Франціи». Идея международнаго третейскаго суда почти съ каждымъ годомъ дѣлаетъ быстрые успѣхи въ *палатахъ*, въ *трактатахъ* и въ *наукѣ* подъ непосредственнымъ давленіемъ самой *жизни*. И все это движеніе, столь разростающееся, тѣмъ любопытнѣе, что оно всецѣло принадлежитъ къ нашему столѣтію, говоря строго, даже ко второй его половинѣ.

Прежде чѣмъ обрисовать его въ главныхъ, сейчасъ нами названныхъ направленіяхъ, остановимся, хотя вкратцѣ, на вызвавшихъ его наружу *явленіяхъ жизни*.

I.

Тутъ на первомъ планѣ долженъ быть поставленъ характеръ современной *войны*. «Никогда національная ненависть, — восклицаетъ Дежарденъ,—не достигала такой степени остроты, какъ въ наши дни, но и никогда война не представлялась человѣчеству въ болѣе мрачныхъ краскахъ, поэтому и всякіе воинственные замыслы нынѣ менѣе, чѣмъ когда-либо, осуществимы. Объяснимся: мобилизація можетъ быть произведена быстро, сотни желѣзныхъ дорогъ весьма скоро доставятъ къ опредѣленному пункту сотни тысячъ людей на бойню, и, все-таки, никто иной, какъ самъ графъ Мольтке, заявилъ въ средѣ германскаго парламента 14 мая 1890 г. слѣдующее: «Мудрое правительство само никогда не предложитъ войны, послѣдствія которой были бы неисчислимы. Горе правительству, которое рискнуло бы первымъ бросить искру въ пороховой ящикъ современнаго положенія Европы!»

Мы уже не говоримъ о безчисленныхъ потеряхъ, которыя война неизбѣжно причинитъ промышленности, торговлѣ, земледѣлію. Но разсчитали, что мобилизація трехъ милліоновъ людей, лишь относительно ихъ прокормленія и жалованья, обошлась бы теперь не менѣе *шести милліоновъ* (франковъ) *въ день*. Къ этому слѣдовало бы еще прибавить расходы на обмундированіе, амуницію, интендантство, транспорты и проч., что, по меньшей мѣрѣ, составитъ новые шесть милліоновъ, т.-е. къ концу трехъ мѣсяцевъ болѣе милліарда, потопленнаго въ крови. Но къ этому прибавьте, по окончаніи войны, баснословныя, неслыханныя суммы вознагражденій за убытки,— суммы, которыя нельзя предвидѣть даже приблизительно, и въ результатѣ всего—Европа, въ концѣ разоренная къ выгодѣ одной Америки, не знающей военнаго бюджета и сосредоточивающей всю свою неутомимую дѣятельность на производительномъ трудѣ мира. Но мы приняли очень небольшое число военныхъ силъ: новѣйшія статистическія данныя го-

ворятъ намъ, что, въ случаѣ общей войны, онѣ дойдутъ до 10 милліоновъ человѣкъ. По извѣстному разсчету, сдѣланному Леруа-Больё, война съ 1853 по 1866 годъ поглотила у воюющихъ 48 милліардовъ. Фовилль показалъ намъ, что одна война 1870—71 г. обошлась лишь для одной Франціи въ 30 милліардовъ. Среди мира военные бюджеты государствъ достигли въ 1890 г. 4 милліардовъ и 75 милліоновъ. Но мы первые ставимъ матеріальные интересы на задній планъ. Никогда еще такія избіенія людей не обезчестили человѣчество, какъ это случится, вѣроятно, въ наступающую войну; никогда еще не проливались такія рѣки крови, какъ это намъ угрожаетъ будущее. Представьте себѣ только торпеды и мины, взрывающія на воздухъ въ нѣсколько секундъ цѣлые корабли съ ихъ экипажами; новыя ружья, отличающіяся, по словамъ проф. Бильрота (въ его лекціи, читанной въ Вѣнѣ 30 октября 1891 г.), такою пронизывающею способностью, что пули ихъ бьютъ три-четыре ряда людей *); недавно испытанныя дальнобойныя орудія, смущающія даже воображеніе военныхъ **); ожидаемыя въ ближайшемъ будущемъ чудеса разрушенія отъ динамита и мелинита, не говоря уже о сооружаемыхъ нашими заламанчскими сосѣдями воздушныхъ снарядахъ (торпедахъ и шарахъ), предназначенныхъ для того, чтобы низвергать на цѣлый край или, по крайней мѣрѣ, на арміи и крѣпости настоящій дождь изъ воспламеняющагося и разрывающагося вещества ***). Словомъ, теперь такъ готовятся къ войнѣ, стараются сдѣлать ее столь ужасною и кровопролитною, чудовищною, что вслѣдствіе того обратили ее не то что въ невозможность, но въ такое дѣло, къ которому нынѣ труднѣе приступить, нежели въ какую-либо иную эпоху исторіи. Нынѣ рѣшающій голосъ перешелъ къ людямъ мира. Прежде надъ ними смѣялись, по-

*) Современныя повторительныя или магазинныя ружья, по словамъ проф. Морозова, даютъ до 30 и болѣе выстрѣловъ въ минуту; прежнія свинцовыя пули замѣнены оболоченными или панцырными и имѣютъ дальность полета свыше $3^1/_2$ верстъ. (*Война, ея орудія и жертвы,* публичная лекція, читанная 5 февр. 1892 г. въ Кіевѣ въ пользу голодающихъ. Прекрасное изложеніе истребительной силы современныхъ орудій войны—ружей и пушекъ, ихъ устройства и дѣйствій. Напечатана въ *Кіевскихъ Универс. Извѣстіяхъ* 1892 г., февр.).

**) Они могутъ громить на разстояніи 5 — 6 верстъ, вмѣсто прежнихъ 2 — 3. Осадныя же орудія, назначенныя спеціально для разрушенія крѣпостей, бросаютъ свои 2-хъ и 5-ти пудовые снаряды на разстояніе 8 и болѣе верстъ. Наконецъ, орудія береговой артиллеріи, дѣйствующія противъ броненоснаго флота, бросаютъ свои чудовищные 20—40 и даже 60 пудовые снаряды на разстояніе 10—12 и болѣе верстъ. Вмѣсто прежнихъ обыкновенныхъ гранатъ и бомбъ, дававшихъ при своемъ разрывѣ 30 или 40 осколковъ, явились на сцену шрапнели (такъ названные отъ имени ихъ изобрѣтателя, англійскаго генерала Shrapnel) и двухстѣнныя, кольцевыя гранаты, дающія при разрывѣ 220—400 осколковъ (*Морозовъ,* тамъ же).

***) Поэтому г. Морозовъ вполнѣ вѣрно отвергаетъ софизмъ германскихъ хирурговъ, утверждающихъ, что, будто бы, благодаря этимъ усовершенствованіямъ военной техники, новѣйшія войны менѣе убійственны, чѣмъ прежнія. Напротивъ, онъ напоминаетъ, что помощь, оказываемая жертвамъ войны, сравнительно съ ея истребительностью, ничтожна. Введеніе бездымнаго пороха, по его мнѣнію, также сдѣлаетъ сраженія болѣе убійственными.

томъ стали ихъ слушать разсѣянно, а теперь начинаютъ принимать ихъ совѣты.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ положеніемъ, все болѣе проникающимъ въ общественное сознаніе, что такъ называемая «эволюція» войны, прежде всего, является краснорѣчивою пропагандой идей мира въ наши дни. По мнѣнію одного изъ защитниковъ этого воззрѣнія, непрерывно улучшаемыя орудія и средства борьбы дѣлаютъ положеніе обороняющейся стороны все болѣе и болѣе выгоднымъ и неуязвимымъ, а нападающей все болѣе и болѣе рискованнымъ и безнадежнымъ; а если это такъ, то война утрачиваетъ всякій raison d'être и превращается въ совершеннѣйшую безсмыслицу. Люди волей-неволей станутъ братьями, сперва по необходимости внѣшней (вслѣдствіе невозможности воевать), а потомъ и внутренней (въ силу привычки и связаннаго съ нею чувства) *).

Одинъ изъ конкуррентовъ на заданную академіей тему, удостоенный преміи, вполнѣ вѣрно взглянулъ на внутреннюю сущность вопроса о войнѣ. Война,—говоритъ онъ,—имѣетъ своихъ защитниковъ и отрицателей, но не трудно подмѣтить уже нынѣ, что воинствующіе живутъ воспоминаніями о прошломъ, миролюбивые же одушевлены надеждою на будущее. Въ прежнія эпохи война могла имѣть на человѣка облагораживающее дѣйствіе, пріучая его къ мужеству и великодушію, но понемногу она, глубоко измѣнившись, сама себя осудила съ тѣхъ поръ, какъ люди, даже не видя своихъ враговъ, стали истреблять другъ друга на громадномъ разстояніи и непосредственный личный бой уступилъ мѣсто массовымъ избіеніямъ посредствомъ невидимыхъ, дальнобойныхъ снарядовъ. Словомъ, войну можно еще оправдать въ прежнія, варварскія эпохи исторіи, ее можно еще, до извѣстной степени, допускать вплоть до нашего времени, но ее должно рѣшительно отвергнуть для будущаго.

Другими, не менѣе важными, факторами въ пользу мира, въ современной жизни, являются *дипломатія* и *природа современнаго государства*.

Многіе, весьма серьезные, интернаціоналисты доселѣ еще раздѣляютъ предубѣжденіе, будто *дипломатія* есть наиболѣе вѣрная и желанная рѣшительница, мирнымъ способомъ, споровъ собственно между государствами. Весьма мудро поступаютъ,—замѣчаетъ Гольцендорфъ,—когда эти споры не обостряютъ въ вопросы права, но оставляютъ ихъ какъ можно долѣе въ сферѣ международныхъ интересовъ. Этимъ сохраняютъ открытымъ путь къ ихъ мирному улаженію и избѣгаютъ опасности формальнаго процессуальнаго пораженія въ какомъ-либо важномъ спорѣ **).

Это мнѣніе вѣрно только съ извѣстными оговорками. Прежде всего,

---

*) Статья *Эволюція войны* въ *Русск. Вѣдом.* 30 мая 1892 г. Авторъ ея ошибается только въ томъ, будто надежду на умиротвореніе цивилизованнаго человѣчества надо возлагать не на успѣхи пропаганды мира, а на естественную эволюцію самого военнаго дѣла. Это два различные потока, которые призваны соединить свои воды ради большаго упроченія мира и справедливости въ сношеніяхъ народовъ.

**) *Holtzendorff:* „Handbuch des Völkerrechts". I, стр. 124 и 125.

слѣдуетъ помнить, что дипломатія, будучи, по существу, представительницею политическихъ интересовъ конкретнаго государства, часто, при враждебной коллизіи этихъ интересовъ многихъ правительствъ, не имѣетъ предъ собою никакого исхода; тогда она затягиваетъ споръ, идетъ на компромиссы, никого не удовлетворяющіе и вредные для самого дѣла, и, въ концѣ-концовъ, либо даетъ спору разрастись до огромныхъ размѣровъ, либо вызываетъ между противниками тѣмъ болѣе ожесточенную, убійственную войну. Для примѣра возьмемъ хотя бы тотъ же самый злополучный вопросъ объ Эльзасъ-Лотарингіи. Франція не можетъ помириться съ мыслью объ утратѣ этихъ прекрасныхъ провинцій. Германія, какъ ея побѣдительница въ послѣдней войнѣ, слышать не хочетъ даже о существованіи какого-либо вопроса относительно ихъ принадлежности. Съ точки зрѣнія интересовъ однѣхъ спорящихъ объ этомъ сторонъ возможно ли мирное рѣшеніе этого вопроса? Очевидно, нѣтъ; дипломатія, по своей природѣ, не обладаетъ для этого никакимъ высшимъ, нравственнымъ критеріемъ. Значитъ, война неустранима, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, а пока—безконечныя къ ней приготовленія и вооруженія.

Но станьте на почву права и взгляните на весь этотъ вопросъ съ высшей, настоящей точки зрѣнія общаго блага Европы и жителей самихъ спорныхъ областей. Никакой войны не нужно; честолюбіе и щепетильность противниковъ пощажены, а жертвы, ими принесенныя, искупляются безчисленными благами мира не только для всей Европы, но болѣе всего для нихъ самихъ. Въ печати давно уже дѣлаются различныя предположенія такого мирнаго и для всѣхъ безобиднаго и справедливаго перерѣшенія вопроса о положеніи Эльзасъ-Лотарингіи въ будущемъ. Такъ, наприм., говорили объ ихъ нейтрализаціи на двадцать лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи этого срока предоставить самимъ ихъ жителямъ право выбрать между окончательнымъ присоединеніемъ къ Германіи, или къ Франціи, или полученіемъ независимости. Послѣдній путь былъ бы наилучшій подъ условіемъ признанія ихъ Европою нейтрализованными, на положеніи, одинаковомъ съ Швейцаріею и Бельгіею.

Затѣмъ, поклонниковъ дипломатіи можно успокоить и тѣмъ соображеніемъ, что ея примирительная роль, насколько она къ таковой способна, не сократится отъ введенія правильной международной юрисдикціи (или третейскихъ судовъ), а только укрѣпится и расширится отъ плодотворной съ послѣдними конкурренціи.

Современное государство, съ конца прошлаго столѣтія, слагается все болѣе въ тотъ типъ общежитія людей, который технически называютъ *правовымъ*. Къ чертамъ, его наиболѣе характеризующимъ, относятся: подчиненіе политики и администраціи праву, такое уравновѣшеніе власти между ея верховными органами, что ни одному изъ нихъ не дается въ отдѣльности вся ея полнота, наконецъ, охрана и публичныхъ правъ, въ извѣстной мѣрѣ, способами собственно юридическими. Всѣмъ этимъ тенденціямъ строго соотвѣтствуетъ столь усиливающееся въ наши дни стремле-

ніе къ укрѣпленію *юстиціи*, внѣ которой немыслимъ никакой миръ, и на почвѣ международной. Другими словами, требованіе международнаго третейскаго суда встрѣчается все чаще и чаще, какъ мы сказали, въ палатахъ, въ трактатахъ и въ сочиненіяхъ публицистовъ.

II.

Обращаясь къ *палатамъ* *), мы, прежде всего, должны начать съ 1873 г. Въ этомъ году высказались въ пользу введенія на практикѣ международныхъ третейскихъ судовъ сперва англійскій парламентъ по почину Генри Ричарда, а потомъ итальянскій, по предложенію Манчини. Съ тѣхъ поръ эта идея обошла почти всѣ законодательныя собранія Европы, вездѣ поддерживаемая съ сочувствіемъ. Сущность этихъ заявленій сводится къ тому, что государствамъ слѣдуетъ признать, въ заключаемыхъ ими договорахъ, обязательнымъ для себя обращеніе къ третейскимъ (ими самими избираемымъ) судьямъ для рѣшенія возникающихъ между ними споровъ. Другими словами, этимъ рекомендуется заключеніе договоровъ о компромиссѣ (объ условіи обращенія къ такимъ судьямъ; traités à clause compromissoire). При этомъ имѣютъ въ виду сдѣлать третейскую практику какъ можно болѣе правильною, постоянною и примѣнимою къ возможно большему числу случаевъ.

Достойно вниманія, что законодательныя собранія трехъ великихъ державъ, особенно усиленно вооружающихся и поэтому болѣе другихъ угрожающихъ миру Европы, палаты Германіи, Франціи и Австріи до сего дня не принимали рѣшеній въ пользу установленія занимающихъ насъ судовъ. Въ средѣ ихъ отдѣльныя лица робко объ этомъ заговаривали, но ихъ скоро заглушали, вѣроятно, изъ боязни связать свободу дѣйствій правительствъ.

Съ другой стороны, Соединенные Штаты вступили на путь этой реформы еще ранѣе Европы: американскій сенатъ, по предложенію Эндервуда, еще въ 1853 г. высказался за условіе о компромиссѣ въ договорахъ, съ оговоркою, чтобы лица, избираемыя въ третейскіе судьи, были опытные юристы, мало или вовсе не причастные къ политикѣ.

Не должно создавать себѣ иллюзій на счетъ этихъ постановленій: они имѣютъ значеніе рекомендацій, обращаемыхъ къ правительствамъ, но со стороны наиболѣе авторитетныхъ въ государствахъ собраній. «На послѣднія нельзя смотрѣть,—замѣчаетъ Дежарденъ,—какъ на соединеніе какихъ-то фигурантовъ, проходящихъ въ различныхъ костюмахъ предъ одними и тѣми же зрителями: члены ихъ имѣютъ извѣстныя полномочія и они являются наиболѣе вѣрными выразителями общественнаго мнѣнія своей страны. Предлагаемое ими, вѣроятно, требуется ихъ избирателями, и если

*) Обо всемъ этомъ движеніи см. *Dreyfus*: „L'Arbitrage international", 1892, стр. 207 и сл.

народы хотятъ введенія третейскихъ судовъ, желаніе это будетъ, должно быть, скоро исполнено».

Само собою разумѣется, что скептики, особенно въ средѣ государственныхъ людей, никогда не исчезнутъ, но логика фактовъ будетъ все рѣшительнѣе свидѣтельствовать противъ нихъ. Любопытный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ недавній премьеръ Англіи, лордъ Салисбюри: въ 1887 г. онъ, возражая маркизу Бристоль, говорившему въ парламентѣ о пользѣ обобщенія третейскихъ судовъ въ международной области, назвалъ всѣ эти предложенія несостоятельными, потому что они будто бы въ дѣйствительности мало соотвѣтствуютъ настроенію умовъ среди цивилизованныхъ народовъ. Но 18 мая 1892 г. въ рѣчи, произнесенной имъ въ Гастингсѣ, онъ сказалъ: «Съ успѣхами цивилизаціи судебныя рѣшенія заняли мѣсто дуэлей между частными лицами и прежней между ними кулачной расправы. Также и международныя войны, при болѣе высокой цивилизаціи, призваны исчезнуть предъ третейскими судами».

Въ дѣятельности палатъ, по занимающему насъ вопросу, за эти послѣдніе годы примѣчателенъ новый шагъ впередъ: члены ихъ, не довольствуясь работою на пользу излюбленной ими идеи мира, такъ сказать, у себя дома, постановили ежегодно собираться на *(международно-парламентскія) конференціи* въ видахъ обмѣна мыслей и обсужденія сообща мѣръ, наиболѣе способныхъ подвинуть впередъ преслѣдуемую ими реформу—замиренія Европы и введенія международной юстиціи хотя бы въ формѣ добровольныхъ, третейскихъ судовъ. Такія конференціи изъ депутатовъ большинства европейскихъ парламентовъ, по почину ихъ англійскихъ и французскихъ товарищей, происходили: въ Парижѣ, Лондонѣ, Римѣ и Бернѣ (съ 1889 по 1892 г. включительно). На нихъ успѣло проявиться два теченія: правое и лѣвое, германское и латинское.

Интернаціонализмъ, по отзыву одного свидѣтеля, представлялся на этихъ собраніяхъ лишь легкою внѣшнею оболочкой, подъ которою ясно все еще сказывался патріотизмъ, сознательный у однихъ, безсознательный у другихъ, даже упорный и сильный у тѣхъ, которые на словахъ открѣщивались отъ него, какъ отъ устарѣлаго предразсудка. Нѣкоторые видятъ въ этихъ конференціяхъ приготовительные шаги къ созданію нѣкоего постояннаго международнаго органа съ юридическимъ, а не политическимъ характеромъ, въ какой превратился бы, предлагаемый многими, международный парламентъ. Мы,—говоритъ Дрейфусъ,—не идемъ такъ далеко: парламентскія конференціи имѣютъ предъ собою будущность, если онѣ не извратятся въ нѣкій оффиціозный международный парламентъ. Въ этомъ скрывается главная для нихъ опасность. Съ учрежденіемъ международнаго парламента надъ національными палатами, распри, волнующія ихъ членовъ, измѣнили бы, отъ перемѣщенія, центръ своей тяжести и, перейдя на гораздо болѣе обширную арену, не прекратились бы, а, напротивъ, обострились бы. Органъ, необходимо долженствующій быть созданнымъ, долженъ быть *юридическимъ*, а не политическимъ,—*судъ*, а не парламентъ. Тогда ему

удастся выяснить много недоразумѣній, разсѣять предубѣжденія и успокоить преходящее раздраженіе страстей *).

На римской конференціи постановлено учредить въ каждомъ государствѣ особый комитетъ, имѣющій завѣдывать рѣшеніемъ международныхъ споровъ путемъ третейскихъ судовъ. Онъ сносится съ такими же комитетами другихъ странъ, собираетъ матеріалы для парламентскихъ конференцій и изучаетъ всѣ вновь возникающія международныя несогласія. Рядомъ съ этими національными комитетами созданъ, въ видѣ связующаго ихъ звена, генеральный секретаріатъ. Функціи его пока весьма умѣренныя; на обязанности его лежатъ: храненіе архивовъ, собираніе статистическихъ данныхъ, отвѣты на разные запросы мѣстныхъ комитетовъ и приготовленіе, при ихъ помощи, новыхъ предметовъ для занятій будущихъ парламентскихъ конференцій.

На бернской конференціи нынѣшняго года постановлено: поручить своимъ членамъ въ парламентахъ, чтобы они добивались предъ ихъ правительствами: 1) о признаніи принципа неприкосновенности частной собственности на морѣ во время войны; 2) о включеніи въ договоры о торговлѣ и судоходствѣ, а также объ охранѣ промышленной, литературной и художественной собственности, статьи, въ силу которой всѣ споры, могущіе возникнуть изъ-за нарушенія этихъ договоровъ, подлежали бы третейскому суду, и 3) объ одобреніи и правительствами Европы недавняго предложенія Сѣверной Америки касательно установленія всеобщаго третейскаго суда.

III.

Трактаты съ условіями компромисса, т.-е. выражающіе согласіе государствъ обратиться къ третейскому суду, становятся чѣмъ ближе къ намъ, тѣмъ многочисленнѣе и обыкновеннѣе. За послѣднее столѣтіе насчитываютъ до 60 рѣшеній, третейскимъ путемъ, споровъ между государствами. Дрейфусъ, разбирая эти случаи **), располагаетъ ихъ въ такомъ порядкѣ: въ 1794—1848 г. было 9 третейскихъ рѣшеній, въ 1848—1870 г.—15, въ 1870—1880 г.—14 и въ 1880—1891 г.—20. «Не имѣя претензіи на статистическую точность, эта таблица,—замѣчаетъ авторъ,—свидѣтельствуетъ о ростѣ третейской практики въ международной области. Понемногу дипломатія начинаетъ занимать новое положеніе: она признаетъ въ международныхъ несогласіяхъ допустимость высшаго, до нѣкоторой степени, суда, спеціальнаго по каждому дѣлу и который ей слѣдуетъ съ начала убѣдить въ правотѣ отстаиваемаго ею дѣла. Она не стремится, какъ прежде, склонить на свою сторону лишь другіе кабинеты, но старается стать на почву права: она, въ своихъ требованіяхъ, подыскиваетъ принципы международнаго права и ищетъ ихъ провести съ возможною послѣдовательностью.

---

*) *Dreyfus*, стр. 230 и 231.

**) Назв. соч., стр. 154—206.

Развѣ это не значитъ, хотя часто, быть можетъ, и неискренно, признавать это право и преклоняться предъ его авторитетомъ?» *)

Изучая въ цѣломъ трактаты, упоминающіе о компромиссѣ, не трудно подмѣтить въ нихъ троякое направленіе, соотвѣтственно постепенному укрѣпленію самой идеи права: или государства заключаютъ ихъ для рѣшенія *какого-либо опредѣленнаго*, спеціальнаго *спора* (arbitrages spéciaux), или они вводятъ третейскія рѣшенія для *опредѣленнаго рода рѣшеній*, регулируемыхъ даннымъ трактатомъ (arbitrage général), или же, наконецъ, они заключаютъ *одинъ общій договоръ, въ которомъ*, не спеціализируя случаи и отношенія, *признаютъ вообще международный третейскій судъ для себя обязательнымъ* (это слѣдовало бы назвать arbitrage général et permanent). Въ этомъ движеніи замѣтно постоянное превращеніе третейскаго суда изъ *факультативнаго* въ *обязательный*. Такъ и должно быть по природѣ вещей: и для государствъ право должно быть не факультативнымъ, а обязательнымъ. Но договоры послѣдней, третьей категоріи еще очень малочисленны и заключаются они правительствами на извѣстные лишь, небольшіе сроки (20—30 лѣтъ). Это вполнѣ понятно: идея ихъ еще пока такъ нова, что правительствамъ надо ее предварительно провѣрить на опытѣ, а потомъ уже обобщить въ видѣ твердаго принципа права. Теоретически слѣды ея можно открыть еще въ прекрасномъ этюдѣ Канта: *О вѣчномъ мирѣ* (1795 г.); она была высказываема въ продолженіе настоящаго столѣтія многими писателями и собраніями; принятіе ея рекомендовано правительствамъ нѣкоторыми палатами, но въ трактаты она доселѣ введена лишь въ Америкѣ и болѣе всего благодаря усиліямъ Соединенныхъ Штатовъ **).

Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ бо́льшаго вниманія проектъ договора послѣднихъ съ Швейцаріею (1883 г.) и особенно вашингтонскій трактатъ 18 апрѣля 1890 г.

По первому документу стороны обязывались предоставлять на рѣшеніе третейскаго суда *всякіе между ними споры*, каковы бы ни были ихъ причины, природа и предметъ. Этотъ третейскій судъ составляется изъ трехъ лицъ; двое изъ нихъ назначаются сторонами, но не изъ числа ихъ подданныхъ и лицъ, живущихъ на ихъ территоріи. Эти лица избираютъ третьяго (sur-arbitre), но, въ случаѣ ихъ разногласія, выборъ этотъ дѣлаетъ нейтральное правительство по ихъ указаніямъ или по опредѣленію жребія. Стороны обязываются исполнять честно (loyalement) постановленія суда. Договоръ этотъ заключается на 30 лѣтъ, но, по истеченіи этого срока, онъ можетъ быть возобновленъ молчаливо. Достойно вниманія, что трактатъ

---

*) Тамъ же, стр. 191.

**) *Revon:* „Les traités d'arbitrage permanent“ въ *Revue de dr. intern.* 1892, стр. 406—424. Статья эта—отрывокъ изъ сочиненія, удостоеннаго французскою академіей въ нынѣшнемъ году преміи въ вышепоименованномъ конкурсѣ. Авторъ упоминаетъ еще о конвенціи Франціи съ Экуадоромъ (1888 г.), въ которой также говорится о постоянномъ общемъ третейскомъ судѣ, но она (до мая 1892 г.) не была еще утверждена французскими палатами.

этотъ названъ: traité permanent d'arbitrage. Частью смѣна лицъ, ведшихъ о немъ переговоры, помѣшала ему принять окончательную форму, но,—говоритъ Ревонъ,— мысль о немъ и по сей часъ не оставлена обоими кабинетами.

Гораздо важнѣе вашингтонскій договоръ 1890 г. Въ исторіи международнаго третейскаго суда онъ составляетъ, безспорно, самый крупный фактъ, по значенію превосходящій даже пресловутое Алабамское дѣло, рѣшенное женевскимъ судомъ въ 1872 г. Этотъ примѣчательный договоръ составляетъ главный результатъ вашингтонскаго конгресса, который, по приглашенію Соединенныхъ Штатовъ, засѣдалъ въ ихъ столицѣ со 2 октября 1889 г. по конецъ апрѣля 1890 г. На немъ участвовали представители 17 республикъ Сѣверной и Южной Америки. Проектъ занимающаго насъ договора внесенъ делегатами Аргентины и Бразиліи и, несмотря на оппозицію Чили, онъ принятъ конгрессомъ 18 апрѣля 1890 г. большинствомъ всѣхъ голосовъ, кромѣ одного. Хотя срокомъ его ратификаціи назначено 1 мая 1891 г., но уже 28 апрѣля 1890 г. онъ получилъ утвержденіе со стороны десяти республикъ-участницъ конгресса, а къ концу того же года и отъ остальныхъ. Любопытна подробность подписи его первою группой делегатовъ: она совершилась въ кабинетѣ Блена, причемъ делегаты, сознавая великость утверждаемаго ими акта, подписали его золотыми перьями. Эта внѣшняя подробность не лишена,—восклицаетъ Ревонъ,—трогательнаго смысла: она указываетъ на энтузіазмъ подписывавшихъ къ идеѣ, имъ принятой; мало ли трактатовъ, достойныхъ лишь стальныхъ перьевъ!

Какъ бы то ни было, но вашингтонскій договоръ отнынѣ составляетъ настоящій международный законъ для всего Новаго Свѣта, для 120 милл. людей. Какой урокъ Европѣ! Конечно, отъ словъ до дѣлъ еще далеко, и сами юныя, смѣлыя американскія республики далеко еще въ цѣломъ не на высотѣ этого великаго акта, ими столь торжественно провозглашеннаго. Мало того, онѣ успѣли уже его нарушить; не говоря о международной брани въ Буэносъ-Айресѣ, которую устранить не могъ бы никакой международный актъ, но послѣ подписанія договора 1890 г. мы видимъ вооруженія Сальвадора противъ Гватемалы и движенія въ Чили. Безпокойныя и даже внутри себя еще мало устойчивыя, заатлантическія республики представятъ міру, вѣроятно, еще не разъ подобныя печальныя уклоненія отъ ими же самими провозглашеннаго закона, но внутренній, нравственный авторитетъ его самъ по себѣ выше всякой похвалы. Никогда,—восклицаетъ Дрейфусъ,—дипломаты, облеченные оффиціальными полномочіями, не позаботились еще такъ искренно, какъ въ Вашингтонѣ при этомъ случаѣ, о введеніи идеала въ условія дѣйствительности. «Мы не полагаемъ, само собою разумѣется,— замѣчаетъ Дежарденъ,— чтобы миръ вдругъ могъ установиться между подписавшими этотъ актъ державами только вслѣдствіе этого, но для всякаго ясно, что имъ въ значительной степени затрудняется война и что онъ, вводя болѣе возвышенное пониманіе международнаго права въ область фактовъ, подаетъ этимъ великій примѣръ всему міру».

Вашингтонскій договоръ, кромѣ вступительныхъ замѣчаній, распадается на 19 статей. Наиболѣе важныя его постановленія слѣдующія: республики, подписавшія его, объявляютъ за принципъ международнаго права Америки обращеніе къ третейскому суду для рѣшенія всѣхъ, могущихъ возникнуть между двумя или многими изъ нихъ, недоумѣній, споровъ и столкновеній (ст. 1). Судъ этотъ обязателенъ въ пререканіяхъ о привилегіяхъ дипломатовъ и консуловъ, о границахъ, о территоріяхъ, о взаимныхъ убыткахъ, о правахъ судоходства, объ обязательной силѣ, толкованіи и исполненіи договоровъ (ст. 2), но онъ также примѣнимъ *ко всякимъ инымъ спорамъ, каковы бы ни были ихъ происхожденіе, природа и предметъ* (ст. 3), за единственнымъ исключеніемъ вопросовъ, которые, по сужденію одной изъ сторонъ, могутъ угрожать ея независимости. Въ этихъ случаяхъ обращеніе къ суду для этой стороны факультативно, но оно обязательно, если будетъ потребовано, для ея противника (ст. 4). Настоящій договоръ примѣняется ко всѣмъ спорамъ, возникшимъ или имѣющимъ возникнуть изъ фактовъ, которые совершились до его заключенія (ст. 5), но онъ не приложимъ къ дѣламъ уже состоявшимся и тутъ допустимо развѣ только обсужденіе вопросовъ объ обязательности, толкованіи и выполненіи тѣхъ соглашеній (arrangements), въ силу которыхъ были покончены такія дѣла (ст. 6). Выборъ третейскихъ судей не ограничился лишь американскими государствами. Всякое правительство можетъ быть судьею, лишь бы оно состояло въ дружественныхъ сношеніяхъ съ стороною противной для того, кто его изберетъ. Третейскими судьями могутъ также быть обыкновенные судьи, ученыя корпораціи, должностныя лица или даже просто частныя лица, независимо отъ того, будутъ ли они, или не будутъ гражданами избирающаго ихъ государства (ст. 7). Третейскій судъ можетъ состоять изъ одного или изъ нѣсколькихъ лицъ. Въ томъ и другомъ случаѣ выборы дѣлаются совмѣстно всѣми заинтересованными сторонами. Въ случаѣ неудачи общаго выбора, каждое государство, имѣющее въ дѣлѣ свой особый интересъ, вправѣ назначить отъ себя судью (ст. 8). Договоръ этотъ остается въ силѣ на 20 лѣтъ, по истеченіи которыхъ онъ будетъ продолжать дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока одна изъ принявшихъ его сторонъ не сообщитъ всѣмъ остальнымъ о своемъ намѣреніи отъ него отказаться. Въ такомъ случаѣ, онъ остается для стороны, это сдѣлавшей, обязательнымъ еще на годъ. Вообще же отказъ отъ него одного или нѣсколькихъ государствъ не лишаетъ его, по отношенію къ остальнымъ, обязательной силы (ст. 18). Договоръ допускаетъ приступленіе къ нему всякой иной (не американской) державы. Это дѣлается подписаніемъ его экземпляра, препровожденіемъ послѣдняго правительству Соединенныхъ Штатовъ, которое уже извѣщаетъ объ этомъ всѣхъ остальныхъ участниковъ (ст. 19).

Весьма интересенъ вопросъ: окажетъ ли вашингтонскій трактатъ вліяніе на Европу? Правительство Соединенныхъ Штатовъ, скоро послѣ его подписанія, сообщило оффиціально его текстъ всѣмъ европейскимъ кабинетамъ, обративъ ихъ вниманіе на его 19 статью, предусматривающую при-

ступленіе къ нему всякой посторонней державы путемъ простого о томъ заявленія. Сочувственно къ этому отношенію отнеслись пока въ Даніи: благодаря неутомимому тамъ защитнику идеи мира, Байеру, одна изъ коммиссій фолькетинга постановила просить свое правительство о томъ, чтобы оно присоединилось къ вашингтонскому договору и чтобы оно позаботилось о заключеніи подобныхъ же соглашеній съ странами Скандинавіи и съ остальными государствами Европы. Самъ фолькетингъ одобрилъ эти выводы 30 октября 1890 г. большинствомъ 58 голосовъ противъ 10. До насъ дошли свѣдѣнія о взглядахъ на это дѣло и нѣкоторыхъ другихъ правительствъ: Франція, заявивъ о своемъ полномъ сочувствіи идеѣ международнаго третейскаго суда, не пошла далѣе этихъ общихъ мѣстъ; Россія нашла, что вопросъ этотъ еще не достаточно назрѣлъ; другіе только отмѣтили о полученіи ими вышеназваннаго сообщенія; одна Швейцарія отвѣтила на него болѣе сочувственно. Словомъ, ни одно правительство Европы не присоединилось пока къ вашингтонскому договору, но собственное значеніе его таково, что можно утѣшиться отъ нѣкоторыхъ преходящихъ неудачъ *).

Такъ думаетъ Ревонъ. Намъ кажется, что европейскія правительства, при господствующей между ними натянутости, побоятся еще надолго связать себя такимъ актомъ, совершенно необычнымъ въ лѣтописяхъ ихъ дипломатіи. Помимо его содержанія, ихъ можетъ отпугнуть и введеніе къ нему, гдѣ, правда, въ формѣ желаній, конгресъ 1890 г. далъ свое освященіе самымъ смѣлымъ изъ внесенныхъ на него предложеній: завоеванія признаны несовмѣстимыми съ публичнымъ правомъ Америки; война не должна давать побѣдителю никакого права на части территоріи побѣжденнаго; третейскій судъ объявленъ компетентнымъ и въ вопросахъ объ уступкѣ территорій; всякіе акты, въ которыхъ государства обязались бы не прибѣгать къ третейскому разбирательству, должны съ самаго начала считаться недѣйствительными **).

Общественное мнѣніе Европы, въ ея передовыхъ представителяхъ, смотритъ на вашингтонской договоръ иначе, чѣмъ ея правительства: еще въ 1887 г. 234 члена палаты общинъ и 36 членовъ палаты лордовъ обратились къ президенту и конгрессу Соединенныхъ-Штатовъ съ адресомъ, въ которомъ они заявили о своемъ намѣреніи поддерживать предъ своимъ правительствомъ всякое соглашеніе Штатовъ съ Англіею въ видахъ окончанія третейскимъ разбирательствомъ такихъ между ними споровъ, которые не удастся уладить дипломатическимъ путемъ. Этотъ адресъ въ свое время надѣлалъ много шума. 112 депутатовъ во Франціи внесли подобное же предложеніе и въ свою палату ***).

---

*) *Revon*, стр. 415—418.

**) *Dreyfus*, стр. 151.

***) Тамъ же, стр. 225.

IV.

Успѣхамъ идеѣ международнаго третейскаго суда въ наши дни много содѣйствовала *наука*. Благодаря ей, вырабатываются объ этомъ любопытномъ учрежденіи болѣе здравыя и точныя юридическія понятія и они проводятся во все болѣе широкіе слои населенія. Въ этомъ отношеніи наука только прислушивается къ запросамъ жизни и даетъ имъ болѣе осмысленное удовлетвореніе.

Между тѣмъ какъ прежніе писатели по международному праву отводили третейскому суду самое небольшое мѣсто, новѣйшіе останавливаются на немъ все болѣе и болѣе. Это мы видимъ въ трудахъ такихъ интернаціоналистовъ, какъ Кальво *) и Бульмерингъ **). Даже высшія ученыя общества обращаютъ на него свое усиленное вниманіе и назначаютъ преміи для лучшихъ о немъ сочиненій. Институтъ международнаго права, едва возникнувъ, утвердилъ на своихъ первыхъ засѣданіяхъ примѣчательный, выработанный Гольдшмидтомъ, проектъ международнаго устава судопроизводства въ третейскихъ судахъ (1875 г.); юридическій факультетъ въ Парижѣ присудилъ премію Руаръ де-Кару за его монографію о тѣхъ же судахъ (1876 г.) ***); наконецъ, какъ мы видѣли выше, французская академія назначила изслѣдованіе о нихъ темою для соисканія одной изъ премій****). Этимъ она,—говоритъ Дежарденъ,—оказала настоящую услугу дѣлу научной обработки этого вопроса и общему миру. Она вызвала небольшую, но весьма замѣчательную литературу по заданному ей вопросу. Счастливецъ, удостоенный его преміи,—*Ревонъ* (Michel Revon), сочиненію котораго Дежарденъ воздаетъ горячую похвалу. Вмѣстѣ съ этимъ движеніемъ въ наукѣ выступаетъ на первый планъ необходимость всесторонняго обслѣдованія болѣе широкой и важной задачи—*юридической организаціи совмѣстной жизни государствъ*, какъ наилучшаго практическаго обезпеченія между ними *мира*. Этимъ вопросамъ посвящены блестящіе очерки Фіоре и Шлифа *****).

Но подведемъ итоги занимающему насъ теперь спеціальному вопросу.

Правительства понемногу привыкаютъ къ третейскимъ судамъ для рѣшенія своихъ споровъ. Изъ чисто-факультативныхъ, какъ это было до первой половины нашего вѣка, суды эти становятся для нихъ все болѣе и болѣе *обязательными*. Вашингтонскій договоръ 1890 г. вводитъ тутъ, пока для Америки, глубокую, рѣшительную реформу: по его постановленіямъ, рѣшеніе международныхъ споровъ не должно впредь зависѣть отъ

---

*) Въ послѣднемъ 4-мъ изданіи (1888 г.) его *Le droit international théorique et pratique*.

**) Въ IV томѣ изд. подъ ред. *Гольцендорфа*: „Handbuch des Völkerrechts“.

***) *Rouard de Card*: „L'Arbitrage international“.

****) Въ 2,500 франковъ.

*****) *Fiore*: „Il Diritto internazionale codificato e la sua sanzione giuridica“. 1889. Франц. перев. Chrétien (1890). *Schlief*: „Der Friede in Europa“. 1892.

произвола правительствъ или отъ измѣнчивыхъ, часто противорѣчивыхъ теченій палатъ, то увлекаемыхъ страстью, то страдающихъ отъ невѣжества. Названный договоръ прямо создаетъ законъ для рѣшеній этихъ споровъ. Обращеніе къ силѣ становится чрезъ это уже нарушеніемъ права. Во сколько разъ такой шагъ дѣлается нынѣ для всѣхъ болѣе предосудительнымъ и непростительнымъ *). Противники третейской практики особенно напираютъ на примѣнимость ея къ немногимъ, въ сущности, очень маловажнымъ, спорамъ между государствами. Писатели, слѣдуя въ этомъ отношеніи указаніямъ практики, держались также этой точки зрѣнія: по ихъ мнѣнію, третейскіе суды могутъ рѣшать споры *юридическіе*, но не *политическіе*. Теперь они рѣшительно стали *расширять область компетенціи* этихъ судовъ. Гдѣ провести границу,—восклицаетъ Дежарденъ,—между спорами юридическими и политическими? Не самая природа споровъ, а внѣшнія обстоятельства придаютъ имъ характеръ политическій. Большею частью отъ самихъ правительствъ зависитъ не давать имъ этотъ характеръ, если они дѣйствуютъ быстро и не допускаютъ разногласіямъ разростись и обостриться. Нѣтъ основанія для народовъ цивилизованныхъ, какъ утверждаютъ доселѣ многіе, изъимать изъ вѣдѣнія третейскихъ судовъ вопросы, связанные съ «національною частью». Пробѣгая исторію бывшихъ за послѣднее время третейскихъ рѣшеній, мы почти на каждой ея страницѣ видимъ, какъ народы преклоняли свою гордость предъ правомъ, или же уступали все усиливающимся чувствамъ человѣколюбія, воспрещающаго имъ высылать на избіеніе цѣлыя массы людей. Столь опытный дипломатъ, какъ сэръ Стаффордъ Норткотъ, и тотъ заявилъ недавно, что именно вопросы о народной чести должны бы подлежать рѣшенію третейскихъ судовъ. И такъ, лишь дѣла, касающіяся автономіи, независимости народовъ, никакимъ судамъ подлежать не могутъ. Суверенитетъ государствъ неотчуждаемъ, тутъ никакія сдѣлки недопустимы и отнятіе у народа, подъ личиною юстиціи, его свободы было бы чудовищнымъ преступленіемъ. Внѣ же этого пункта,—заключаетъ французскій авторъ,—компетенція третейскихъ судовъ въ международной области должна быть самая широкая и къ этому склоняются и нѣкоторые изъ нашихъ конкуррентовъ.

Сущность системы *постояннаго третейскаго суда* въ международныхъ распряхъ хорошо раскрываетъ Ревонъ: она покоится,—говоритъ онъ,—на слѣдующихъ трехъ основныхъ началахъ: на уваженіи государствами ихъ полной автономіи; на признаніи для себя формально-обязательнымъ обращаться къ третейскимъ судьямъ, которые въ послѣдней инстанціи и [illegible]ціонно должны рѣшать между ними всякіе споры и затрудненія, могущіе возникнуть за все время существованія трактата; чрезъ это [illegible]альное воспрещеніе на такой же срокъ прибѣгать, прямо или косвенно къ какому бы то ни было насильственному дѣйствію или средству; [illegible], согласіе подчиняться всѣмъ, указаннымъ въ договорѣ, пріемамъ и

*) [illegible]жарденъ.

формамъ разбирательства ихъ споровъ, какъ-то: избраніе судей, порядокъ разсмотрѣнія послѣдними дѣлъ, постановленіе приговоровъ, ихъ исполненіе. Прибавьте къ этимъ тремъ пунктамъ еще условіе о заключеніи договора объ этомъ на извѣстный срокъ, и вы получите систему международной третейской юстиціи, за которую, въ различныхъ формахъ, ратовало такъ много юристовъ и которую на нашихъ глазахъ освятилъ вашингтонскій договоръ.

Въ чемъ же теперь должно заключаться его дѣйствіе? Это, прежде всего, не есть договоръ о союзѣ наступательномъ или даже оборонительномъ; онъ не отнимаетъ у сторонъ полной ихъ свободы дѣйствія и даже не обязываетъ ихъ приступать къ разоруженію. Другими словами, онъ ни въ чемъ не посягаетъ на суверинитетъ государствъ, но онъ создаетъ между ними юридическій порядокъ (état juridique), сочетая свободу народовъ съ ихъ солидарностью. Выгоды подобной системы очевидны: обязывая стороны назначать для каждаго спора особый судъ, а не подчиняя ихъ разъ навсегда напередъ установленному, постоянному суду, вашингтонскій договоръ не угрожаетъ имъ никакимъ притѣсненіемъ; не возлагая на нихъ неосторожнаго обѣщанія немедленно разоружаться, онъ чрезъ это предоставляетъ имъ тѣмъ бо́льшую свободу сдѣлать опытъ съ разоруженіемъ частичнымъ и постепеннымъ,—опытъ, который, какъ можно надѣяться, будетъ сдѣланъ тѣмъ честнѣе, чѣмъ будетъ онъ добровольнѣе; наконецъ, не установляя между государствами федеративной связи, онъ всѣмъ имъ позволяетъ, какъ бы они ни были различны или малы, группироваться по ихъ внутреннему сродству, что̀ изъ всѣхъ способовъ соединеній является наиболѣе естественнымъ и плодотворнымъ.

Основная, наиболѣе оригинальная черта разсматриваемаго нами договора лежитъ именно въ гармоническомъ соединеніи юридическаго порядка съ суверенитетомъ. Это строго логично: всѣ реформаторы, желающіе создать на международной почвѣ новый юридическій порядокъ, должны, прежде всего, уважать порядокъ старый — государственный, но прежніе авторы мирныхъ проектовъ упускали изъ вида именно это: они мечтали о новомъ строѣ, возведенномъ на развалинахъ автономіи народовъ. Система постояннаго третейскаго суда, напротивъ, ищетъ примирить эти два интереса, или, говоря точнѣе, эти два права, одинаково почтенные: свободу народовъ и ихъ братство. Мы настаиваемъ на этомъ положеніи, ибо въ непониманіи его кроется, безспорно, главное препятствіе къ общему замиренію. Правительства, по честолюбію, писатели, по легкомыслію,—всѣ же, быть можетъ, по недомыслію, постоянно смѣшиваютъ суверенитетъ государствъ съ ихъ правомъ на развитіе, цѣною подавленія другихъ народовъ.

Ходячая доктрина всѣхъ правительствъ состоитъ въ томъ, будто всякое государство, поскольку оно суверенно, обладаетъ правами въ степени силы, имъ располагаемой, что оно—единый судья въ собственныхъ дѣлахъ, какъ таковой—непогрѣшимо и что зло, имъ дѣлаемое, должно считаться добромъ, такъ какъ къ нему, будто бы, примѣнимы иныя начала нравственности, а не тѣ, которыя управляютъ поступками всѣхъ честныхъ людей,—однимъ

словомъ, что его матеріальная мощь не встрѣчаетъ себѣ другихъ преградъ, кромѣ таковой же его враговъ.

Сравните теперь съ этимъ ученіемъ мрака свѣтлыя идеи новаго права: суверенитетъ признанъ, какъ способность каждаго государства существовать и развиваться свободно, но подъ условіемъ подчиненія нравственному закону; автономія народовъ не отвергнута, но обусловлена равнымъ ихъ всѣхъ правомъ на нее; истинная независимость государства объявлена, наконецъ, не въ томъ, чтобы каждое, съ оружіемъ въ рукахъ, отстаивало свое право, а въ томъ, чтобы оно подчинялось лишь судьямъ, имъ самимъ добровольно выбраннымъ. Въ такомъ подчиненіи нельзя не видѣть высшаго проявленія и торжества самого суверенитета. На какой же сторонѣ прошедшее и на какой будущее?

Ревонъ также вполнѣ одобряетъ и *срочность* новой реформы. Такіе опыты экспериментальной политики все чаще встрѣчаются теперь и въ области внутренняго законодательства. Не мало тутъ важныхъ реформъ вводится въ видѣ опыта на основаніи временныхъ (срочныхъ) законовъ. Этимъ дается законодателю бо́льшая возможность слѣдовать указаніямъ жизни и дѣлать должныя улучшенія болѣе благовременно.

Въ системѣ постоянной третейской юрисдикціи мы не видимъ для постановленій ея другой *санкціи,* кромѣ чисто-нравственной. Американско-швейцарскій проектъ 1883 г. говоритъ, что стороны «обязываются принять и исполнить третейское рѣшеніе честно» (ст. 5). Вашингтонскій же договоръ не только не указываетъ ни на какой способъ исполненія рѣшенія устанавливаемаго имъ суда, но даже не упоминаетъ о срокахъ и формальностяхъ, необходимыхъ для вступленія этого рѣшенія въ законную силу.

Ревонъ не видитъ въ этомъ пробѣла или недостатка: условія международной юрисдикціи,—замѣчаетъ онъ,—другія, чѣмъ требованія юрисдикціи обыкновенной. Чувство чести гораздо живѣе въ народахъ, въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, нежели между частными лицами. Можно, поэтому, ожидать, что государства всегда предпочтутъ скорѣе повиноваться рѣшенію суда, ими самими добровольно назначеннаго, нежели обезчестить себя нарушеніемъ даннаго на этотъ счетъ торжественнаго обѣщанія и вызвать чрезъ это войну. Поэтому предлагаемая многими писателями система различныхъ понуканій и даже принужденій, несмотря на ихъ чисто-юридическій характеръ, представляется автору, при теперешнихъ порядкахъ, скорѣе неудобною, нежели желательною. Все-таки, это повело бы,—возражаетъ онъ,—къ установленію настоящей исполнительной власти, которая, для урегулированія себя, потребовала бы извѣстной системы противовѣсовъ, немыслимыхъ внѣ правильной между государствами федераціи. Поэтому мы повторяемъ: самое главное—создать третейскую юрисдикцію и въ остальномъ можно положиться на чувство чести народовъ, что они будутъ повиноваться ея рѣшеніямъ *).

*) Назв. ст.

Съ послѣдними выводами автора можно согласиться лишь съ извѣстными оговорками. То же должно сказать и о мнѣніи Дежардена насчетъ этого капитальнаго вопроса о санкціи третейскихъ рѣшеній и обо всемъ, что съ нею связано. Ему вполнѣ нравятся многія скептическія замѣчанія авторовъ разобранныхъ имъ сочиненій по этому поводу. Они большею частью высказываются также противъ кодификаціи международнаго права и введенія одного постояннаго международнаго суда. «Насколько какому-нибудь юристу легко,—замѣчаетъ Дежарденъ,—составить проектъ международнаго кодекса, настолько для дипломатіи невозможно сдѣлать подобный кодексъ обязательнымъ для всего міра. Напрасно указываютъ при этомъ на институтъ международнаго права: Европа никогда не согласится предоставить этому обществу, на составъ котораго она не имѣетъ никакого вліянія, право какъ бы законодательной иниціативы и поручить ему предварительную выработку такого кодекса». Постоянный же международный судъ, по его мнѣнію, будетъ либо излишенъ, если его рѣшеніямъ не дадутъ принудительной санкціи, либо деспотиченъ, когда его снабдятъ таковою. Онъ, повидимому, склоняется къ мыслямъ того изъ конкуррентовъ на премію академіи, который стоитъ за введеніе не международнаго суда, а международнаго третейскаго жюри, и добавляетъ: «постоянною должно считать только юрисдикцію, но лица, имѣющія быть ею облеченными, и впредь должны быть избираемы, какъ это дѣлается донынѣ съ третейскими судьями». Всѣ подобные выводы намъ представляются односторонними. Болѣе вѣрно смотрятъ на дѣло тѣ, которые, какъ нѣкоторые изъ упомянутыхъ нами конкуррентовъ, полагаютъ, что институтъ третейскаго суда призванъ развиваться въ будущемъ въ той мѣрѣ, въ какой будетъ крѣпнуть солидарность между людьми и народами, факторомъ которой является ихъ большее преуспѣяніе въ области матеріальной, умственной и нравственной, и которые, съ другой стороны, утверждаютъ, что, при современныхъ условіяхъ политической жизни, общій международный кодексъ не можетъ быть составленъ за-разъ въ цѣломъ, а долженъ явиться продуктомъ долгой, непрерывной работы.

Изъ этого можно видѣть, какъ идея третейскаго суда соприкасается со многими другими важнѣйшими проблеммами международнаго права и какой живой, теоретическій и практическій интересъ представляетъ ея изученіе. Наиболѣе глубокій ея смыслъ лежитъ въ томъ, что она является первою формой той настоящей и болѣе совершенной *международной юстиціи*, которой принадлежитъ будущее.

Гр. Л. Камаровскій.

Вина или несчастіе?

(*Генрикъ Сенкевичъ:* «Безъ догмата». Романъ. Переводъ В. М. Лаврова. Изданіе 2-е. Москва, 1893 г.).

Что ты, человѣкъ,
Когда ты только означаешь дни
Сномъ и обѣдомъ? Звѣрь, не больше, ты.
Да, Онъ, создавшій насъ съ такимъ умомъ, что мы
Прошедшее и будущее видимъ,—Онъ не для того
Насъ одарилъ божественнымъ умомъ,
Чтобъ погубили мы его безплодно.
И если робкое сомнѣнье медлитъ дѣломъ,
И гибнетъ въ нерѣшительной тревогѣ,—
Три четверти здѣсь трусости постыдной
И только четверть мудрости святой.

Гамлетъ.

I.

Въ своей—когда-то знаменитой, а теперь полузабытой—книгѣ Бокль доказывалъ, что нравственное совершенствованіе людей идетъ, безъ всякаго сравненія, медленнѣе, нежели ихъ умственное развитіе. Въ то время, какъ смѣняются цѣлыя системы идей, возникаютъ новыя міросозерцанія, совершаются поразительныя научныя завоеванія и открытія,—люди, вообще говоря, не становятся ни добрѣе, ни честнѣе, ни участливѣе сравнительно съ прежнимъ и ихъ нравственный кодексъ остается безъ измѣненія. Исторія *цивилизаціи* человѣчества есть, такимъ образомъ, исторія его *умственнаго развитія*.

Вѣрна или невѣрна эта основная идея историка-мыслителя во всей ея полнотѣ и цѣлости, намъ до этого здѣсь дѣла нѣтъ. Намъ нужно лишь самое зерно этой идеи, заключающее въ себѣ несомнѣнную истину,—ту истину, что основныя психологическія свойства людей отличаются значительною устойчивостью, инертностью и очень мало зависятъ отъ степени ихъ умственнаго развитія: умный злодѣй или глупый добрякъ — это понятія одинаково мыслимыя и явленія одинаково возможныя. Но если нашъ нравственный міръ съ трудомъ поддается вліянію даже такого

могучаго фактора, какъ умственное развитіе, то, конечно, онъ еще болѣе недоступенъ для воздѣйствія менѣе серьезныхъ причинъ, какъ условія національности, эпохи, соціальнаго положенія и т. п. Вотъ почему такіе писатели, какъ Сервантесъ, Шекспиръ, Гёте, принадлежатъ почти одинаково всѣмъ литературамъ и почему главные типы, созданные ими: Донъ-Кихотъ, Гамлетъ, Фаустъ, не знаютъ возраста и врядъ ли когда-нибудь состарятся. Въ этихъ типахъ, какъ въ фокусахъ, сконцентрированы извѣстныя свойства человѣческой души, значеніе которыхъ можетъ измѣняться съ эпохой, формальное выраженіе которыхъ разнообразно до чрезвычайности, но основная психологическая сущность которыхъ остается всегда одна и та же.

Что такое Гамлетъ? Воплощенное невѣріе. Что такое Донъ-Кихотъ? Воплощенная вѣра. Идейное содержаніе гамлетовскаго скептицизма, такъ же точно, какъ и донкихотовской вѣры, можетъ быть какое угодно, но оно всегда укладывается въ эти два небольшія слова: вѣра и невѣріе. Только передъ шекспировскимъ Гамлетомъ стояла задача—отмстить убійцѣ своего отца, но Гамлеты всѣхъ вѣковъ, національностей и положеній терзаютъ себя вотъ этими сомнѣніями:

Быть иль не быть?—вотъ въ чемъ вопросъ!
Что благороднѣе: сносить ли громъ и стрѣлы
Враждующей судьбы, или возстать
На море бѣдъ и кончить ихъ борьбою?

Въ этихъ четырехъ стихахъ вся основная сущность гамлетизма. *Враждующая судьба* можетъ выразиться зсячески, ея *громы, стрѣлы* и *бѣды* могутъ явиться и въ формѣ личнаго несчастія, и въ формѣ общественной задачи, но гамлетовскій вопросъ во всевозможныхъ случаяхъ и комбинаціяхъ сохраняетъ всю свою силу. «Быть иль не быть?—вотъ въ чемъ вопросъ!» Этою формулой исчерпываются всѣ колебанія гамлетизма, въ ней заключается все объясненіе его практическаго безсилія, его органической неспособности не только къ иниціативѣ, но и вообще къ дѣйствованію.

Этотъ взглядъ кажется намъ и проще, и вѣрнѣе, нежели тотъ, который высказалъ Бѣлинскій въ своей знаменитой статьѣ о Гамлетѣ. Вотъ какъ судитъ Бѣлинскій: «Потерять вѣру въ людей, вслѣдствіе какого-нибудь горькаго опыта, еще не значитъ потерять все, и потерять безвозвратно: такая потеря кажется потерею только вслѣдствіе мгновеннаго ожесточенія, которое можетъ продолжаться болѣе или менѣе, но не можетъ быть всегдашнимъ состояніемъ великой души; но потерять вѣру въ самого себя, увидѣть свои убѣжденія въ совершенномъ разладѣ съ своею жизнью, это—потеря, и потеря ужасная. Таково было состояніе Гамлета». Нѣтъ, не таково было состояніе Гамлета Шекспира и совсѣмъ не таково состояніе многочисленныхъ Гамлетовъ дѣйствительной жизни. Гдѣ тотъ счастливецъ, который бы хотя временно не чувствовалъ разлада между своими идеями и своими поступками? Не чувствуетъ его, наприм., Полоній, но, конечно, потому только, что живетъ не идеями, а шаблонами,—не разумомъ,

а такъ называемымъ здравымъ смысломъ. Для людей, имѣющихъ доступъ въ область идеальнаго, не можетъ быть не замѣтенъ разладъ между идеаломъ и фактомъ, необходимость компромиссовъ не можетъ не мучить ихъ, но съ Гамлетомъ они, все-таки, не имѣютъ ничего общаго. Не въ противорѣчіи между убѣжденіями и жизнью заключается весь ужасъ положенія Гамлета, а въ отсутствіи убѣжденій, вѣрнѣе—въ томъ скептицизмѣ, съ какимъ онъ относится къ своимъ собственнымъ убѣжденіямъ. «Умереть—уснуть, не болѣе»,—вотъ, наприм., одно изъ убѣжденій Гамлета.

Уснуть?—
Но если сонъ видѣнья посѣтятъ?
Что за мечты на смертный сонъ слетятъ,
Когда стряхнемъ мы суету земную!

Видите: за убѣжденіемъ тотчасъ же слѣдомъ идетъ сомнѣніе, за сомнѣніемъ—раздвоеніе и колебаніе, а въ колебаніи-то, вѣчномъ, хроническомъ, неисцѣлимомъ колебаніи, и заключается мученіе, потому что, вѣдь, и Полонію извѣстно, что нѣтъ ничего хуже неизвѣстности. Таковъ Гамлетъ въ своихъ мысляхъ, въ своихъ *убѣжденіяхъ,* точно таковъ же онъ и въ своихъ чувствахъ. «Я любилъ тебя когда-то»,—говоритъ онъ Офеліи и тотчасъ же прибавляетъ:—«добродѣтель не привьешь къ намъ такъ, чтобы въ насъ и слѣда старыхъ грѣховъ не осталось. Я не любилъ тебя». Это не саркастическая жестокость, не ироническое издѣвательство — зачѣмъ имъ тутъ быть?—это дѣйствительное незнаніе, это опять то же колебаніе, которое составляетъ несчастіе (или вину) Гамлета. Такимъ онъ представляется самому себѣ, таковъ онъ кажется и всякому постороннему наблюдателю: это—сила, но, въ то же время, и тайна,—сила благодѣтельная или губительная, но почти всегда бездѣйствующая, утонченное сознаніе, которое безпомощнѣе полной безсознательности, потому что развилось до самоотрицанія; это—порядокъ, доведенный до хаоса, это—непрерывно анализирующій самого себя анализъ. Безспорно, тутъ есть разладъ, болѣе того—тутъ все содержаніе внутренней жизни заключается въ разладѣ, но въ разладѣ не между убѣжденіями и дѣйствіями, а между противуположными убѣжденіями, въ разладѣ самого сознанія. Если бы Гамлетъ прочно сжился съ убѣжденіемъ, что надо «быть» или надо «не быть», у него нашлось бы и достаточно мужества, и въ избыткѣ ума, чтобы поступить сообразно принятому убѣжденію. Но его скептицизмъ идетъ глубже, касается самаго содержанія убѣжденій, ему кажется равно достойнымъ или равно недостойнымъ и возстать на море бѣдъ, и сносить громы враждующей судьбы, а такъ какъ третьяго выхода нѣтъ и быть не можетъ, то онъ и останавливается въ нерѣшительности, не отдаваясь борьбѣ и не соглашаясь на покорность. Покориться? Но не благороднѣе ли бороться? Бороться? Но не благороднѣе ли покориться? Таково,—повторимъ мы слова Бѣлинскаго, — было состояніе Гамлета, колебавшагося между различными рѣшеніями (мщеніе, забвеніе, убійство, самоубійство), и таково состояніе

всякихъ Гамлетовъ и Гамлетиковъ, безпрестанно возвращающихся на свои собственные слѣды.

«Быть или не быть?» Это только видоизмѣненіе гораздо болѣе стараго и гораздо болѣе общаго вопроса: «что есть истина?» Ни одинъ Гамлетъ, съ сотворенія міра, не умѣлъ и не смѣлъ отвѣтить на этотъ вопросъ, точно также какъ ни одинъ Донъ-Кихотъ не затруднился надъ его рѣшеніемъ. Истина—это борьба со злыми волшебниками, это—завоеваніе шлема Мамбрина, это—преломленіе копій со встрѣчными рыцарями въ честь прекрасной Дульцинеи Тобозской, это, наконецъ, культъ благороднаго рыцарства, назначеніе котораго защищать слабаго противъ сильнаго. Пожалуйста не спѣшите съ ироніей: не всегда, далеко не всегда гиганты оказываются вѣтряными мельницами, а непріятельскія арміи идиллическими стадами барановъ. Галлюцинаціи, которыми страдалъ Донъ-Кихотъ Сервантеса, отнюдь не составляютъ типическаго признака рыцарей духа вообще. Настоящая, основная типическая черта Донъ-Кихотовъ состоитъ въ томъ, что они служатъ относительному такъ, какъ для насъ, обыкновенныхъ людей, можно было бы служить только абсолютному. Вспомнимъ героя Пушкина:

Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный,
Молчаливый и *простой*,
Съ виду сумрачный и блѣдный,
Духомъ смѣлый и прямой.

Это истинно-геніальная характеристика типа, въ которой нѣтъ ни лишняго эпитета, ни случайной черты, а въ подчеркнутыхъ нами словахъ выражена его глубочайшая психологическая сущность. Этотъ рыцарь привязался душою даже не къ относительному, не реальному, а просто къ фикціи:

Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердце врѣзалось ему.
Съ той поры, *сгорѣвъ душою*,
Онъ на женщинъ не смотрѣлъ,
Онъ до гроба ни съ одною
Молвить слова не хотѣлъ.

Если бы дѣло остановилось на этомъ,—все значеніе и все обаяніе типа было бы разрушено: гдѣ же подвигъ дѣятельной любви, безъ котораго немыслимъ Донъ-Кихотъ? гдѣ та борьба за избранный идеалъ, способность къ которой Донъ-Кихотовъ и неспособность къ которой Гамлетовъ именно и раздѣляетъ цѣлою бездной эти два типа? Пушкинъ дорисовалъ образъ:

И въ пустыняхъ Палестины,
Между тѣмъ какъ по скаламъ
Мчались въ битву паладины,
Именуя громко дамъ,
Lumen coeli, sancta Rosa!
Восклицалъ онъ, дикъ и рьянъ,
И какъ громъ его угроза
Поражала мусульманъ.

Теперь вспомнимъ опять Гамлета. Его зоветъ къ дѣйствію не иллюзія, а страшный фактъ,—голосъ крови, чувство сыновней любви, сознаніе непремѣннаго долга. Слабаго воздѣйствія хотя одного изъ этихъ импульсовъ было бы достаточно, чтобы побудить любого изъ Донъ-Кихотовъ ринуться очертя голову на призывъ, но Гамлетъ не двигается съ мѣста, презираетъ себя за это, съ полною искренностью и съ изумительною тонкостью анализируетъ свое душевное состояніе, но не выходитъ изъ нерѣшительности.

Какое я ничтожное созданье!
Комедіантъ, наемникъ жалкій и, въ дурныхъ стихахъ
Мнѣ, выражая страсти, плачетъ и блѣднѣетъ,
Дрожитъ, трепещетъ... Отчего?
И что причина?—выдумка пустая,
Какая-то Гекуба! Что-жъ ему Гекуба?
Зачѣмъ онъ дѣлитъ слезы, чувства съ нею?
Что, еслибъ страсти онъ имѣлъ причину,
Какую я имѣю? Залилъ бы слезами
Онъ весь театръ и воплемъ растерзалъ бы слухъ,
И преступленье ужаснулъ, и въ жилахъ
У зрителей онъ заморозилъ кровь!
А я? Ничтожный я, презрѣнный человѣкъ,
Безчувственный—молчу, молчу, когда я знаю,
Что преступленье погубило жизнь и царство
Великаго властителя, отца!

Это не слабость воли, какъ часто утверждаютъ, и не разладъ между убѣжденіями и дѣйствительностью, какъ говорилъ Бѣлинскій, это—слабость самаго убѣжденія, разъѣденнаго и подточеннаго скептицизмомъ, неувѣренность въ томъ, что на призывъ нужно, должно, необходимо откликнуться. Что благороднѣе — мстить или простить? Дайте непререкаемый отвѣтъ на этотъ вопросъ,—такой отвѣтъ, который бы стоялъ выше скептицизма,—и колебанія Гамлета кончатся. Дайте вообще ему абсолютную истину, которая бы стояла выше анализа, внѣ сомнѣнія, и Гамлетъ превратится въ самаго страстнаго Донъ-Кихота и жизнь его будетъ наполнена. Но истина, которая могла бы стать выше средствъ анализа, не можетъ выйти изъ анализа, какъ результатъ его процесса, и положеніе Гамлета безвыходно: онъ не знаетъ вдохновенія, для него не существуетъ интуиціи и онъ, вульгарно говоря, увѣренъ, что поймать воробья можно только насыпавъ ему соли на хвостъ. Никакое широкое убѣжденіе не можетъ быть прочнымъ, если его надѣются утвердить только на фундаментѣ знанія, безъ участія элемента непосредственной вѣры. Научная истина, для обладанія которой достаточно знанія, не можетъ быть предметомъ *убѣжденія*, содержаніе котораго непремѣнно соприкасается съ нравственными основами человѣческаго духа, съ вопросами справедливости, долга, права, морали. Площадь треугольника равняется произведенію изъ основанія на половину высоты — истины этого рода постигаются чисто-разсудочнымъ путемъ и ихъ достаточно знать, чтобы повѣрить въ нихъ. Должно любить ближняго какъ самого себя—истины этого порядка не могутъ быть дока-

заны удовлетворительно средствами анализа и для того, чтобы онѣ превратились въ убѣжденіе, нужно, чтобъ онѣ нашли отзвукъ въ сердцѣ человѣка.

Герои Сервантеса и Шекспира представляютъ собою крайнее выраженіе своихъ типовъ, ихъ квинтъ-эссенцію: Донъ-Кихотъ оказываетъ чудеса самаго реальнаго мужества въ борьбѣ съ фантомами, Гамлетъ не перестаетъ сомнѣваться передъ лицомъ самой вопіющей дѣйствительности. Въ огромномъ пространствѣ, раздѣляющемъ этихъ двухъ крайнихъ представителей, находитъ себѣ мѣсто масса болѣе или менѣе замѣчательныхъ людей, примыкающихъ къ тому или другому типу. Бѣлинскій былъ, можно сказать, чистокровный Донъ-Кихотъ; его близкій другъ и единомышленникъ Герценъ былъ, можно сказать, чистокровный Гамлетъ. По этому примѣру можно было бы разсортировать многихъ изъ нашихъ крупныхъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей, личности которыхъ ярко выступаютъ на фонѣ безчисленныхъ Полоніевъ и Санчо-Пансо. Вотъ почему романъ Сенкевича, отличаясь, повидимому, чисто-психологическимъ характеромъ, имѣетъ непосредственно общественное значеніе. Герой этого романа—даже до мельчайшихъ душевныхъ оттѣнковъ—представляетъ собою копію шекспировскаго Гамлета, но онъ поставленъ въ условія современной жизни,—онъ не только цивилизованный, но, по его собственному выраженію, *перецивилизованный* человѣкъ, и этимъ именно обстоятельствомъ объясняетъ безплодность своего существованія. Онъ, опять-таки по его выраженію, *геній безъ портфеля*, т.-е. сила безъ примѣненія, воля безъ стремленія, умъ безъ опредѣленнаго содержанія. Общая точка зрѣнія, съ которой авторъ освѣщаетъ своего героя,—та самая, которую мы устанавливали выше: Гамлетъ Сенкевича мучится не контрастомъ между дѣйствительностью и своими идеалами, не разладомъ между своими стремленіями и общимъ направленіемъ жизни, а своею неспособностью привязаться къ какому-нибудь идеалу, отсутствіемъ всякихъ серьезныхъ и не личныхъ стремленій. Причина этой неспособности лежитъ ли въ стихійныхъ свойствахъ натуры человѣка или въ условіяхъ цивилизаціи? *Перецивилизованъ* или не доцивилизованъ герой Сенкевича? *Вина или несчастіе*—его практическая безполезность?

II.

Недостаточное знакомство со всею совокупностью произведеній Сенкевича не позволяетъ мнѣ представить общую характеристику этого замѣчательнаго писателя. Сенкевичъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которые далеко не всегда равны самимъ себѣ, развиваются трудно и неправильно, уклоняются въ сторону, понижаются, почти падаютъ—какъ будто затѣмъ только, чтобы въ слѣдующемъ произведеніи подняться на неожиданную высоту. Если бы прослѣдить произведенія Сенкевича въ ихъ хронологической послѣдовательности, сложная литературная личность ихъ автора выяснилась бы передъ нами во всѣхъ своихъ привлекательныхъ и непривлекательныхъ чертахъ, но этого-то необходимаго матеріала и нѣтъ въ на-

шемъ распоряженіи. Сенкевичъ, какъ бытовой писатель, авторъ такихъ разсказовъ, какъ *За хлѣбомъ* и *Янко музыкантъ*, далѣе Сенкевичъ, какъ историческій романистъ, авторъ такихъ романовъ, какъ *Потопъ* и *Огнемъ и мечомъ*, наконецъ, Сенкевичъ, какъ романистъ-психологъ, авторъ романа *Безъ догмата*,—это три различныхъ писателя, не только не похожихъ между собою, но и неравноцѣнныхъ другъ другу. Первый изъ этихъ писателей—демократъ и гуманистъ, которому ничто человѣческое не чуждо и въ особенности человѣческое страданіе, главнымъ образомъ, такое, причина котораго лежитъ въ несправедливости общественнаго строя; второй писатель — это правовѣрный, зараженный всѣми аристократическими предразсудками и историческими предубѣжденіями шляхтичъ, который очень не прочь даже отъ мелодраматическихъ эффектовъ, если они даютъ пищу его ультра-патріотическому чувству; наконецъ, третій—это спокойный, объективный и глубокій аналитикъ самыхъ сложныхъ состояній человѣческаго духа.

Во всякой человѣческой, а стало быть и во всякой писательской личности разнородные элементы, которые легко раздѣлить механически, сливаются въ одно стройное цѣлое. Противорѣчіе между словами или понятіями не можетъ быть ничѣмъ уничтожено, но въ лабораторіи человѣческаго духа возможны самыя неожиданныя реакціи, самыя удивительныя комбинаціи и соединенія. Ненависть и любовь, наприм., какъ отвлеченныя, объективныя понятія, находятся въ противуположеніи другъ къ другу, но кто же не знаетъ, что, какъ субъективныя чувства, онѣ могутъ соединяться въ одну могучую, непосредственно цѣлостную страсть? Это не логично, но это дѣйствительно. Въ романѣ Сенкевича можно было бы найти превосходныя иллюстраціи на эту тему, но лучшею иллюстраціей является личность самого автора, сотканная изъ противорѣчій и, тѣмъ не менѣе, отмѣченная печатью сильной индивидуальности. Дѣло въ томъ, что въ этой личности очень много гамлетовскаго, но это Гамлетъ въ значительной степени уравновѣшенный и спаянный, благодаря именно своему большому и живому литературному таланту. Онъ—скептикъ и аналитикъ, какъ всякій Гамлетъ; но онъ, кромѣ того, писатель, т.-е. человѣкъ, анализъ котораго по необходимости долженъ выходить далеко за предѣлы собственнаго «я». Самая техника его искусства требуетъ по возможности обширнаго матеріала для анализа, и эта обширность естественно уменьшаетъ силу скептическаго яда. Оставьте любого Гамлета наединѣ съ какою-нибудь идеей—и рано или поздно отъ этой идеи останется только символъ, въ качествѣ какого-то надгробнаго креста. Оставьте Сенкевича долго съ идеей аристократизма или демократизма, или даже самого патріотизма—и скептическій анализъ писателя, всею своею силой направленный противъ этихъ идей, быстро обезцвѣтитъ, обезплодитъ, опустошитъ ихъ. Сенкевичъ можетъ быть аристократомъ, если ему не слишкомъ вникать въ сущность аристократизма, точно также и демократомъ—при томъ же непремѣнномъ условіи. Человѣку всякаго другого, не гамлетовскаго, типа мы можемъ пожелать возможно

болѣе глубокаго проникновенія въ сущность предмета, пожелать безъ опасенія, потому что, кромѣ силы анализа, у него есть и сила вѣры, тогда какъ настоящій гамлетовскій скептицизмъ представляетъ собою какую-то страшную, химически-чистую кислоту, разлагающую сосудъ, въ который она заключена, будетъ ли этотъ сосудъ изъ стекла или изъ золота. «Я искренень даже тогда, когда лгу»,—говоритъ герой Сенкевича. Я искренень даже тогда, когда противорѣчу себѣ,—можетъ сказать самъ Сенкевичъ.

Возьмемъ, наприм., хотя бы идею аристократизма. Герой романа пишетъ въ дневникѣ, въ формѣ котораго изложенъ романъ: «Общество наше (высшее польское, варшавское) блестящее. Лица попадаются и красивыя, и некрасивыя, но на всѣхъ лежитъ отпечатокъ старой и утонченной цивилизаціи. Женскія шеи и плечи, даже и юношески не сформированныя, напоминаютъ севрскій форфоръ. Очертанія изящны, чувствуется художественная законченность. Что за руки, что за ноги! Здѣсь не подражаютъ Европѣ, здѣсь сама Европа». Достаточно наивно, не правда ли? Усматривать печать высшей цивилизаціи въ плечахъ и шеяхъ, выставлять руки и ноги какъ доказательство принадлежности къ самой подлинной Европѣ—это достойно только какого-нибудь «коленкоровыхъ манишекъ безпощаднаго Ювенала». Но не прошло полныхъ трехъ мѣсяцевъ—и герой пишетъ въ своемъ дневникѣ: «Странная мысль приходитъ мнѣ въ голову,—я отворачиваюсь отъ нея, но, все-таки, выскажу ее открыто: по временамъ мнѣ кажется, что душа христіанина, хотя бы въ ней источникъ вѣры совершенно высохъ, не можетъ жить только одною красотой формы. Для меня это очень грустное открытіе, потому что если мое предположеніе осуществится, то изъ-подъ моихъ ногъ ускользнетъ почва, на которой я стою теперь. А мысль моя не даетъ мнѣ покоя. Мы—люди другой культуры. Въ нашихъ душахъ много готическихъ извилинъ, отъ которыхъ намъ не освободиться и которыхъ не было въ душахъ древнихъ грековъ. Тѣ изъ насъ, въ которыхъ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ, бьется пульсъ Эллады, требуютъ отъ жизни красоты и ревниво разыскиваютъ ее повсюду; но и они, хотя и безсознательно, желаютъ, чтобъ у Аспазіи были глаза дантовской Беатриче. Подобныя желанія живутъ и во мнѣ». Здѣсь, намъ кажется, ключъ или одинъ изъ ключей къ разгадкѣ творчества Сенкевича: это—творчество, изъ-подъ котораго постоянно «ускользаетъ почва», творчество, въ которомъ идеалы только временные гости, сначала желанные и пріятные, но довольно скоро дѣлающіеся утомительными. Между этими гостями хозяинъ-авторъ не имѣетъ почти ни одного интимнаго друга, такого, съ которымъ бы никогда не соскучился и не пожелалъ разстаться. Хозяинъ очень гостепріименъ, очень радушенъ и любезенъ, но немножко капризенъ, любитъ разнообразіе и не терпитъ, чтобъ у него черезъ-чуръ долго засиживались. Сенкевичъ вѣренъ только одному: своей національности, чувству или идеѣ патріотизма. Въ этомъ единственномъ случаѣ онъ отказывается отъ всякаго анализа и говоритъ взволнованнымъ языкомъ страстнаго чувства. Благовоспитанный и сдержанный герой романа *Безъ догмата* даже прямо

начинаетъ говорить рѣзкости, когда ему приходится дотронуться до этого больного мѣста. Говоря, наприм., о нѣмцахъ, у которыхъ теорія сама по себѣ, а практика сама по себѣ, герой прибавляетъ: «на практикѣ они отлично приспособляются къ условіямъ жизни. По Гартману, чѣмъ народъ сильнѣе, чѣмъ бо̀льшими свѣдѣніями обладаетъ онъ, тѣмъ болѣе несчастенъ,—и тотъ же самый Гартманъ спокойно науськиваетъ нѣмца-культуртрегера на совершенное поглощеніе жителей Познани. Но, исключая этотъ случай, принадлежащій, впрочемъ, къ категоріи человѣческихъ подлостей, нѣмцы вообще не принимаютъ близко къ сердцу теорію». Конечно, Гартману было бы не трудно оборониться отъ упрека въ *подлости*, пригласивши нашего героя воспользоваться столь знакомымъ ему орудіемъ анализа. А, все-таки, запальчивость Сенкевича или его героя привлекаетъ всѣ наши симпатіи, и мы рады за нихъ, рады, что и у нихъ есть идеалъ, который они любятъ «безъ размышленій, безъ тоски, безъ думы роковой, безъ коварныхъ и пустыхъ сомнѣній».

За этимъ единственнымъ исключеніемъ, нѣтъ идеи и нѣтъ явленія, къ которымъ Сенкевичъ или его герой (авторъ самъ далъ читателю право на такое отождествленіе) отнеслись бы безъ мягкой и остроумной иронiи. Мы уже видѣли это по отношенію къ аристократизму, а вотъ какъ достается демократизму: «Ходя по длиннымъ аллеямъ парка, мы (герой съ молодымъ демократомъ) завели такъ называемый идейный разговоръ, заключающійся, какъ извѣстно, въ большей степени, въ цитированіи заглавій разныхъ книжекъ. Хвастовскій (фамилія демократа) то, что знаетъ, конечно, знаетъ лучше меня, но я читалъ больше его и могу думать, что привелъ его въ изумленіе. По временамъ онъ смотрѣлъ на меня почти враждебно, какъ будто бы считалъ вторженіемъ въ чужія права то, что человѣкъ, котораго онъ занесъ въ число аристократовъ, позволяетъ себѣ знать такую-то книгу или такого-то автора. Вмѣсто этого, я очаровалъ его свободой моихъ воззрѣній. Правда, мой либерализмъ отличается уваженіемъ ко всякому мнѣнію, потому что сомнѣвается во всемъ; однако, уже одно то, что человѣкъ съ такимъ состояніемъ и положеніемъ, какъ я, не стоитъ на ретроградной точкѣ зрѣнія, совершенно привлекло ко мнѣ симпатіи молодого радикала. Я думаю, что современемъ стану для доктора Хвастовскаго исключеніемъ изъ правила. Давно я уже замѣтилъ, что въ Польшѣ какъ каждый шляхтичъ имѣетъ своего жида, котораго выдѣляетъ изъ общей массы жидовъ, такъ у каждаго демократа есть свой аристократъ, къ которому онъ питаетъ особенную слабость». Столь же остроумно, но уже не столь безобидно иронизируетъ Сенкевичъ надъ пессимизмомъ: «Я замѣтилъ, что величайшіе пессимисты, когда судьба или люди захотятъ отнять что-нибудь у нихъ, такъ отлично махаютъ и руками, и ногами и кричатъ благимъ матомъ, что хоть любому оптимисту въ пору». На ту же, въ сущности, тему Сенкевичъ дѣлаетъ другое, не менѣе остроумное замѣчаніе: «Какъ искусственные цвѣты имѣютъ тотъ недостатокъ, что не пахнутъ, такъ и искусственные терновые вѣнцы имѣютъ то достоинство, что не колятъ; ихъ также

охотно носятъ на головѣ, какъ шляпу, идущую къ лицу». Даже главную силу свою, ту стихію, которою онъ почти исключительно живетъ,—силу аналитическаго разума,—Сенкевичъ не оставляетъ безъ ироническаго опредѣленія: «На свѣтѣ существуетъ только одна логика—логика страсти. Разумъ до поры до времени только предостерегаетъ, а потомъ, когда кони начнутъ рваться, садится на козлы и наблюдаетъ только за тѣмъ, чтобы телѣга не разбилась».

Не правда ли, чѣмъ-то давно знакомымъ вѣетъ отъ этихъ изящныхъ, остроумныхъ и даже иногда глубокихъ афоризмовъ? Какъ будто не совсѣмъ то самое, но нѣчто похожее мы уже давно слышали или читали,—похожее не по содержанію, не по идейному, а по нравственному смыслу? Эта ирония, ежеминутно готовая обратиться противъ себя, это добродушное, но невеселое остроуміе, эти мысли, въ которыхъ почти всегда чувствуется что-то болѣзненное и надломленное, общій темный флеръ неизлечимой и неутѣшной грусти, покрывающій собою все міросозерцаніе,—все это мотивы, очень хорошо извѣстные въ русской литературѣ. Изъ нашихъ стариковъ разверните Тургенева, а изъ нашей молодежи г. Чехова, и вы сразу почувствуете, что между ними и Сенкевичемъ очень много общаго. *L'improductivité slave*, славянская непроизводительность,—такъ характеризуетъ Сенкевичъ эту черту, усматривая въ ней какую-то племенную особенность. Однако, шекспировскій Гамлетъ принадлежалъ къ германской расѣ, а что касается романцевъ, то вотъ вамъ характеристика писателя, *вообще* писателя, сдѣланная однимъ французскимъ романистомъ: «Ему не надо завидовать, его надо сожалѣть, потому что онъ совершенно отличается отъ остальныхъ людей. Въ немъ не существуетъ ни одного естественнаго чувства. Все, что онъ видитъ: его радости, наслажденія, горести и страданія—дѣлаются немедленно предметомъ наблюденія. Онъ разбираетъ вопреки всему и себѣ, безъ конца, лица, сердца, людей, оттѣнки голоса. Какъ только онъ увидѣлъ,—что бы онъ ни увидѣлъ,—ему надо знать причину явленій. У него нѣтъ ни одного естественнаго порыва, слова, поцѣлуя, ни одного внезапнаго движенія безъ того, чтобъ онъ не сознавалъ, не думалъ, не понималъ и не отдавалъ себѣ въ немъ отчета. Если онъ страдаетъ, онъ опредѣляетъ свое страданіе и отмѣчаетъ въ памяти. У него точно двѣ души, одна опредѣляющая, объясняющая и обсуждающая всякое чувство своей духовной сосѣдки, свойственной всѣмъ людямъ; онъ на всю жизнь осужденъ быть вездѣ и всегда отраженіемъ самого себя и другихъ, осужденъ смотрѣть, какъ онъ чувствуетъ, дѣйствуетъ, любитъ, мыслитъ, страдаетъ, и никогда не страдать, не мыслить, не любить, не чувствовать, какъ всѣ люди, просто и естественно, не анализируя себя послѣ каждой радости и каждаго горя». Фаустъ Гёте точно также говорилъ, что въ его груди живутъ двѣ души, и если, въ концѣ-концовъ, онъ, уступая требованіямъ нѣмецкаго благоразумія, съумѣлъ превратиться въ дѣловитѣйшаго гражданина, то не прежде, все-таки, какъ продавши себя чорту. Ясно, что мы имѣемъ дѣло не съ племенною чертой и не съ профессіональною особенностью,

а съ психологическимъ типомъ, встрѣчающимся во всѣхъ расахъ, во всѣхъ профессіяхъ и во всѣхъ поколѣніяхъ. Естественная среда и историческія условія могутъ благопріятствовать или неблагопріятствовать процвѣтанію этого типа, но, какъ всякое психологическое явленіе, онъ представляетъ собою результатъ дѣйствія индивидуальныхъ свойствъ личности. Сенкевичъ—одинъ изъ яркихъ представителей этого типа. Оттого такъ и неудовлетворительны его историческіе романы, что онъ, Гамлетъ по натурѣ, долженъ былъ явиться, не могъ не явиться въ нихъ въ иной роли, какъ только въ роли Донъ-Кихота. Наоборотъ, тема романа *Безъ догмата* вполнѣ отвѣчала основнымъ свойствамъ его натуры и его таланта, и оттого этотъ романъ—въ полномъ смыслѣ слова безукоризненное художественное произведеніе, которое, впрочемъ, надо прочесть умѣючи, съ неослабѣвающею критикой, не подчиняясь его эстетическому обаянію.

III.

Герой романа, Леонъ Плошовскій, на первой же страницѣ своего дневника отрекомендовываетъ себя такимъ образомъ: «Мнѣ тридцать пять лѣтъ, а я не могу припомнить ни малѣйшей услуги, которую я принесъ бы обществу». Почему бы это? Плошовскій уменъ, образованъ, здоровъ, богатъ. «Можетъ быть, потому,—отвѣчаетъ Плошовскій,—что вся моя жизнь послѣ университета, съ малыми перерывами, прошла за границей». *За границей*—не значитъ на лунѣ, и потому это объясненіе ничего не объясняетъ. «Я готовъ,—продолжаетъ Плошовскій,—многое претерпѣть для общества, но скучать для него—нѣтъ!» Вотъ это—важное признаніе!

Намъ, людямъ обыкновеннаго положенія и нормальнаго развитія, часто бываетъ нужно сдѣлать нѣкоторое усиліе мысли, чтобы допустить самую возможность тѣхъ понятій и чувствъ, которыя мы находимъ въ изображеніи иныхъ общественныхъ слоевъ. Когда Толстой увѣряетъ насъ, что его умница князь Болконскій больше всего на свѣтѣ боялся показаться смѣшнымъ, или что свѣтская кокетка согласится скорѣе быть изобличенной во лжи, жестокости, даже распутствѣ, нежели явиться въ дурно сшитомъ и некрасивомъ платьѣ,—мы должны вѣрить художнику, но, все-таки, недоумѣваемъ. Что это за удивительные *умные* люди, которые боятся насмѣшки перваго встрѣчнаго? Насмѣшка обидна тогда, когда подчеркиваетъ собою вашу пошлую сторону, а такою стороной можетъ быть только какое-нибудь внутреннее, а не внѣшнее свойство. Когда Бобчинскій упалъ въ присутствіи Хлестакова, онъ могъ вызвать смѣхъ своею неловкостью, но не насмѣшку; но когда тотъ же Бобчинскій на вопросъ Хлестакова: «вы, кажется, вчера были выше ростомъ?»—отвѣчалъ: «очень можетъ быть-съ»,—онъ такъ и напрашивался на сарказмъ, который былъ бы тѣмъ справедливѣе, чѣмъ ядовитѣе. Такова наша обыкновенная логика, но умный князь Андрей разсуждаетъ совершенно наоборотъ: ему безпрестанно и вполнѣ по-Бобчински приходится говорить: «очень можетъ быть-съ» (хотя бы, наприм.,

Кутузову и Аракчееву), но это его не мало не шокируетъ; а вотъ если бы онъ, танцуя съ Наташей на придворномъ балѣ, растянулся на паркетѣ,—это ужасное обстоятельство навсегда отравило бы ему жизнь. Тою же особенною, условною логикой руководствуется и Плошовскій. Онъ согласенъ даже пострадать за общество, потому что c'est grand, но поскучать для общества не согласенъ, потому что c'est ridicule. А такъ какъ нѣтъ труда, который бы не имѣлъ своей прозаической, *скучной* стороны, то Плошовскій и предпочитаетъ ничего не дѣлать. Это уже совсѣмъ не гамлетизмъ, а сословная испорченность и больше ничего. «Въ гостиныхъ легитимистовъ меня томила страшная скука»,—говоритъ Плошовскій о своей жизни въ Парижѣ, но *эту* скуку, скуку *для свѣта*, онъ мужественно выносилъ, а скуку труда, скуку *для общества*, онъ вынести былъ не въ состояніи. Послѣ этого понятно откровенное признаніе Плошовскаго, что его спеціальность—«*быть ничѣмъ*».

Эта прекрасная спеціальность не мѣшаетъ быть Плошовскому очень высокаго о себѣ мнѣнія. Онъ соглашается, и то условно («можетъ быть»), что онъ человѣкъ «немного испорченный», но за то онъ «идетъ на ряду съ умственнымъ движеніемъ вѣка». Изъ дальнѣйшаго изложенія оказывается, что герой идетъ даже впереди вѣка и ушелъ очень далеко, потому что называетъ «игрушками» такія вещи, которыя пресерьезно волнуютъ современныхъ людей. «Я—консерваторъ,—говоритъ Плошовскій,—насколько человѣкъ въ моемъ положеніи можетъ быть таковымъ и насколько консерватизмъ отвѣчаетъ моимъ вкусамъ. Не нужно говорить, какъ это далеко отъ воззрѣнія на застой, какъ на догматъ, къ которому нельзя даже и относиться критически. Я настолько цивилизованный человѣкъ, чтобы не стать безусловно на сторонѣ аристократіи или демократіи. Въ такія игрушки играютъ гдѣ-нибудь въ медвѣжьихъ углахъ или въ такихъ далекихъ странахъ, куда идеи, какъ моды, приходятъ, запаздывая на нѣсколько лѣтъ. Я люблю людей развитыхъ, съ чуткими нервами, и ищу ихъ тамъ, гдѣ легче найти. Я люблю ихъ такъ, какъ люблю произведенія искусства, красивые виды, красивыхъ женщинъ. Моя эстетическая впечатлительность даетъ мнѣ столько же наслажденій, сколько и непріятностей, но за то оказывала и оказываетъ мнѣ одну великую услугу: она охраняетъ меня отъ цинизма, то-есть отъ окончательной порчи, и покуда замѣняетъ мнѣ моральныя основанія. Я не рѣшился бы на нѣкоторые проступки, не потому, что видѣлъ бы въ нихъ зло,—они оттолкнули бы меня своею безобразною внѣшностью». Въ дополненіе къ этому нужно присоединить еще слѣдующее признаніе Плошовскаго: «Меня сюда (въ Парижъ) привлекали больше всего женщины, изящныя, съ тонко-настроенными нервами, алчущія новыхъ впечатлѣній и... почти лишенныя всякихъ идеаловъ».

Все это черты, конечно, типическія, но опять-таки совсѣмъ не гамлетовскія. Гамлетъ любилъ Горація не за изящество, не за чуткіе нервы, даже не за умъ, а за то, что онъ былъ *равенъ въ счастьи и въ несчастьи*, т.-е. за чисто-нравственныя свойства. Гамлетъ говорилъ Горація:

Ты благословенъ: разсудокъ съ кровью
Въ тебѣ такъ смѣшаны, что ты не служишь
Для счастья дудкою, не издаешь,
По прихоти его, различныхъ звуковъ.
Дай мужа мнѣ, котораго бы страсть
Не сдѣлала рабомъ, и я укрою
Его въ души моей святѣйшихъ нѣдрахъ,
Какъ я укрыла тебя.

Требованія героя Сенкевича отъ людей не этическія, а чисто-эстетическія: кто красивъ и изященъ, тотъ и есть настоящій человѣкъ, по его мнѣнію. Гамлетъ, кромѣ Горація, любилъ Офелію, *чистую душу*, а Плошовскій любитъ парижанокъ изъ тѣхъ, которыхъ зовутъ *шикарными*. *Пожуда*,— говоритъ нашъ тридцатипятилѣтній герой,— эстетика замѣняетъ мнѣ моральныя основанія. На которомъ же году эстетика уступитъ мѣсто этикѣ? *Вчужѣ*, глядя со стороны, Плошовскій прекрасно понимаетъ, что эстетика—плохая замѣна для этики, но это пониманіе не мѣшаетъ ему считать себя самого только «немного испорченнымъ». Говоря объ одной знакомой барынѣ изъ породы шикарныхъ, алчныхъ и изящныхъ, Плошовскій язвительно замѣчаетъ: «съ недѣлю тому назадъ я видѣлъ, какъ Лаура давала милостыню ребенку утонувшаго рыбака и подумалъ про себя: еслибъ она знала, что ей шло бы больше къ лицу выколоть глаза этому ребенку, то она и выколола бы, не теряя своего спокойствія и ясности». Это доказываетъ только, что Лаура гораздо послѣдовательнѣе Плошовскаго. Она до конца проводитъ эстетическій принципъ, замѣняющій для нея мораль, тогда какъ Плошовскій, отвергая этику, отвергаетъ, въ сущности, и эстетику, или, пожалуй, не отвергаетъ ни той, ни другой, а руководствуется единственно настроеніемъ духа: въ состояніи благодушія онъ поможетъ ребенку, въ состояніи ожесточенія выколетъ ему глаза, а въ обыкновенное время не сдѣлаетъ ни того, ни другого. Надъ помѣстьемъ нашего героя разразилась гроза. «Когда,— разсказываетъ Плошовскій, — вода немного сошла, я отправился къ пруду. Вдругъ весь паркъ зароился десятками людей. То крестьяне сбѣжались съ топорами за сваленными и поломанными деревьями. Въ сущности, это меня мало интересовало, но такъ какъ я находился въ злобномъ настроеніи, то началъ выгонять незванныхъ гостей съ гнѣвомъ, который возросталъ по мѣрѣ ихъ сопротивленія. Я пригрозилъ имъ войтомъ». Это одинаково напрасно и съ этической, и съ эстетической точки зрѣнія. Богатый помѣщикъ, не позволяющій бѣднякамъ воспользоваться совершенно ненужнымъ ему хламомъ, обнаруживаетъ вполнѣ безнравственную жестокость и скаредность. Утонченный джентльменъ, размахивающій руками въ изящныхъ перчаткахъ передъ носами оторопѣлыхъ мужиковъ, представляетъ собою безобразно-комическое зрѣлище. Гамлету стыдно спускаться до роли Собакевича и Гамлетъ смѣшонъ въ роли Собакевича. Только что осмѣянная Лаура, конечно, не стала бы, изъ одной эстетической брезгливости, сражаться съ мужиками, а, стало быть, не Плошовскому иронизировать надъ ней.

Ничего дѣйствительно не уважая, ничему крѣпко не вѣря (слова

Тургенева), ослабленные хроническою праздностью и деморализированные почти полною безответственностью, люди положенія (а не типа) Плошовскаго никакого иного критерія, кромѣ личнаго каприза, въ сущности, не признаютъ. Когда Анелька, дальняя родственница, въ которую влюбленъ Плошовскій, увидавши сцену въ паркѣ, сказала: «Развѣ тебѣ помѣшаетъ, Леонъ, если они очистятъ паркъ?»—гнѣвъ нашего героя «исчезъ въ одну минуту». «Я позволилъ бы имъ за одно ея слово вырубить весь паркъ»,—пишетъ Плошовскій, доказывая этимъ, что онъ воевалъ съ мужиками не отъ скупости и не по безпокойному чувству пропріетера, а просто потому, что такой стихъ нашелъ. Тѣмъ не менѣе, герой нашъ часто повторяетъ, что *разумъ всегда приводилъ его, куда слѣдовало,* хотя, впрочемъ, въ другое время и въ другомъ настроеніи, онъ столь же часто повторяетъ, что *вся бѣда заключается въ его черезъ-чуръ утонченномъ умѣ.* На самомъ дѣлѣ, его разумъ строгъ и проницателенъ только по отношенію къ другимъ, а своему обладателю онъ усердно доставляетъ какія угодно оправданія. «Мнѣ кажется,—писалъ Плошовскій о той же Лаурѣ,—что ея дѣйствительно необычайное развитіе есть развитіе мозга, а не души, что на самомъ дѣлѣ ее ничто не интересуетъ, кромѣ ея красоты и личнаго удобства. Я встрѣчалъ не разъ женщинъ, на видъ полныхъ вдохновенія, которыя, однако, въ концѣ-концовъ, смотрятъ на религію, философію и искусство, какъ на принадлежность туалета. Отъ времени до времени онѣ надѣваютъ на себя то то, то другое, думая, что имъ это къ лицу». Справедливо и остроумно. Но не встрѣчалъ ли Плошовскій и подобныхъ мужчинъ? Если бы онъ имѣлъ мужество съ такою же зоркостью взглянуть на самого себя, его плохо маскируемое самодовольствіе значительно поубавилось бы. Но самоизобличенія нашего героя какъ-то почти всегда кончаются самовосхваленіями, совершенно какъ у нашего Рудина, который, какъ помнитъ читатель, осыплетъ себя укорами и даже повеселѣетъ, точно рюмку горькой выпилъ.

Какъ настоящій и крупный художникъ, Сенкевичъ понялъ, что изображеніе какого бы то ни было характера въ его, такъ сказать, пассивномъ, будничномъ состояніи недостаточно. Нужно, чтобы человѣка взволновала какая-нибудь сильная страсть, и его хорошія и дурныя свойства, находившіяся въ скрытномъ состояніи, обнаружатся во всей полнотѣ. Сенкевичъ заставилъ своего героя влюбиться и психологическая исторія этой мучительной любви и составляетъ ядро романа. Читатель, который имѣетъ сколько-нибудь отчетливое понятіе объ этомъ типѣ «гамлетиковъ, самоѣдовъ, грызуновъ, головастиковъ», какъ выражался Тургеневъ, заранѣе сообразитъ, что исторія любви Плошовскаго будетъ исторіей мученій для обоихъ заинтересованныхъ лицъ. Еще до начала этой исторіи Плошовскій высказываетъ такой взглядъ: «женитьба — это такой баснословный актъ воли и вѣры въ женщину, что меня на него не хватитъ». Ему нѣтъ дѣла до того, что *баснословный актъ* ежедневно совершается тысячами: то мы, люди вульгарные, довольствующіеся относительнымъ, а то онъ—натура утончен-

ная, требующая безусловнаго совершенства. Съ возникновеніемъ чувства, начинаются тотчасъ же разныя вычурныя тонкости, наприм., такія: «Сегодня утромъ я увидалъ, какъ горничная несетъ Анелькѣ платье и башмаки, и собственно эти башмаки такъ растрогали меня, какъ будто ношеніе ихъ было вѣнцомъ всѣхъ добродѣтелей Анельки». Не человѣкъ, а просто эолова арфа какая-то! «Ни у одной женщины я не видалъ такихъ почти алебастровыхъ висковъ и такихъ жилокъ на вискахъ». Алебастровые виски, жилки на вискахъ! На такомъ языкѣ говорятъ только утонченные эстетики. Узнавъ отъ матери Анельки, что къ ея дочери сватался женихъ, нѣкто Кромицкій, нашъ герой приходитъ въ особаго рода негодованіе, — въ негодованіе эстетическое: «Я чувствовалъ (при разсказѣ) то же, что чувствуетъ порядочный человѣкъ, когда въ его присутствіи кто-нибудь чиститъ зубы вилкой. Эту обезьяну, Кромицкаго, я знаю уже нѣсколько лѣтъ и не люблю его. Фи, какъ это уронило въ моихъ глазахъ Анельку! Я знаю отлично, что за Кромицкаго и его намѣренія она отвѣчать не можетъ, но, тѣмъ не менѣе, мнѣніе мое о ней сильно понизилось. Я знаю, что она не виновата, но, тѣмъ не менѣе, обвиняю ее». Часто говорятъ объ особой логикѣ влюбленныхъ, о логикѣ людей, разумъ которыхъ подкупленъ или затуманенъ страстью. Но логика любви, если это дѣйствительная любовь, можетъ говорить только въ пользу любимаго человѣка, а не противъ него. Логика нашего героя — логика безправной и безсмысленной ревности,—ревности не отъ горя, не отъ боязни утратить счастье, а отъ преувеличеннаго самолюбія: какъ смѣть сойтись со мной во вкусахъ, поднять глаза на то, чѣмъ любуюсь я, *самъ* Леонъ Плошовскій! Дѣйствительно, любовь Плошовскаго была для него гораздо болѣе утѣхой самолюбія, нежели естественнымъ теплымъ и нѣжнымъ чувствомъ. Послѣ одного свиданія съ Анелькой онъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Говоря по правдѣ, она могла разсчитывать, что я закончу такъ: хочешь навсегда остаться со мною? Но я черезъ-чуръ дорожилъ этими головокружительными покатостями, этимъ созерцаніемъ огромной тяжести, висящей на тонкой нити и готовой каждую минуту оборваться, этимъ сердцемъ, которое трепетало чуть не на моей ладони,—мнѣ не хотѣлось кончить сразу». А черезъ день онъ еще пишетъ: «Я прикасался пальцами къ струнамъ ея души и, просто-на-просто, разыгрывалъ на нихъ концерты». А каково при этомъ было инструменту, до этого вопроса нашему виртуозу было мало дѣла и онъ ставилъ себѣ иной, слѣдующій: «Я люблю эту дѣвушку—зачѣмъ обманывать себя?—люблю! *А затѣмъ что же дѣлать... бѣжать?* Это значитъ обмануть ее, сдѣлать несчастною. Кто знаетъ, какъ глубоко запало въ ея сердце чувство? Жениться—это значитъ принести ее въ жертву себѣ и сдѣлать несчастною другимъ манеромъ». Нужно вдуматься въ эти размышленія, чтобъ оцѣнить всю ихъ прелесть. *Держать чужое сердце чуть не на ладони* и спрашивать: *кто знаетъ, какъ глубоко запало чувство?* Далѣе, *разыгрывать концерты на струнахъ души* и спрашивать себя: не пора ли *бѣжать?* Наконецъ, восклицать: *люблю,*

люблю! — и утверждать, что *жениться — это значитъ принести ее въ жертву себѣ и сдѣлать несчастной,* — все это внѣ границъ обыкновенной человѣческой логики.

Герой нашъ такъ и поступилъ, какъ намѣревался: *бѣжалъ* за границу, оставивъ позади себя смятеніе и неизвѣстность: можетъ быть, ему будетъ угодно снизойти до «баснословнаго акта», а, можетъ быть, онъ оставитъ «музыкальный инструментъ» сохнуть и стариться въ заброшенномъ углу. Никакихъ упрековъ совѣсти герой не испытываетъ, потому что «ей (Анелькѣ) плохо жить въ ожиданіи и неизвѣстности, но мнѣ еще горше, и тѣмъ горше, чѣмъ глубже я люблю ее». Хваленый тонкій анализъ не подсказалъ ему, что между его положеніемъ и положеніемъ Анельки разница огромная и вся въ его пользу: онъ можетъ выйти изъ своего «горькаго» положенія когда ему угодно, хоть завтра же, тогда какъ Анелька должна сидѣть у моря и ждать погоды: не покажется ли на горизонтѣ ея солнце красное? Помимо мучительной неизвѣстности, положеніе Анельки, устроенное ей руками нашего хитроумнаго философа, унизительно для ея человѣческаго достоинства. Это—положеніе одалиски, едва осмѣливающейся желать ласки своего повелителя. Эти азбучныя соображенія не приходятъ въ голову нашему «перецивилизованному» герою потому, конечно, что, вѣдь, у него вмѣсто морали—эстетика. Съ нравственной точки зрѣнія гнусно и возмутительно подвергать пыткѣ живое существо, милую, беззавѣтно любящую дѣвушку, ну, а съ эстетической выходитъ даже очень недурно.

Но дальше, дальше. За границей Плошовскій узналъ, что отвратительный Кромицкій, не обуреваемый никакими скептическими сомнѣніями, возобновилъ свои гнусныя искательства и мать Анельки, пани Целина, держитъ его сторону. «Меня,— пишетъ герой,— охватилъ гнѣвъ и вскорѣ заглушилъ всѣ остальныя чувства. Чѣмъ больше мой разумъ признавалъ, что пани Целина имѣетъ полное право не вѣрить мнѣ, тѣмъ болѣе я чувствовалъ къ ней негодованіе за то, что она дозволила себѣ подобное недовѣріе. Въ концѣ я дошелъ до какой-то отчаянной злобы противъ себя и всѣхъ живущихъ. Все, что я чувствовалъ и о чемъ мыслилъ, замкнулось въ нѣсколькихъ словахъ: хорошо же, пусть такъ и будетъ». Султанъ разгнѣвался,—трепещите, несчастные невольники! Къ несчастію для нашего султана, никто его капризной досады не испугался и Анелька, получивъ отъ него язвительно-краткое извѣщеніе, что онъ *желаетъ счастія пани Кромицкой,* разсудила, что ждать больше нечего и дала слово Кромицкому. Но какъ только слово было дано, Плошовскій спохватился и сталъ предлагать себя, причемъ, какъ всегда, на первомъ планѣ стояло тщеславіе и оскорбленное самолюбіе: «Развѣ Кромицкій лучше меня? Развѣ его пошлая, денежная невроза стоитъ дороже моей? Не въ первый уже разъ я мысленно сравниваю себя съ Кромицкимъ и это меня бѣситъ,—такъ искренно я считаю себя болѣе высокимъ существомъ». У прямодушной и чистосердечной Анельки оказалось, однако, не семь, а только одна пятница въ не-

дѣлѣ и повторилась—въ который разъ?—давно намъ, русскимъ читателямъ, извѣстная исторія: Онѣгинъ—Плошовскій.

Къ ея крыльцу, стеклянным сѣнямъ
Онъ подъѣзжаетъ каждый день,
За ней онъ гонится какъ тѣнь;
Онъ счастливъ, если ей накинетъ
Боа пушистый на плечо
Или коснется горячо
Ея руки, или раздвинетъ
Предъ нею пестрый полкъ ливрей,
Или платокъ подниметъ ей.

Да, Плошовскій послѣ свадьбы Анельки сначала, какъ водится, отправился путешествовать, а потомъ, тоже какъ водится, очутился около Анельки въ роли несправедливо-оскорбленнаго, въ тайнѣ страдающаго, но ничего—«о, ничего!»—не требующаго платоническаго обожателя. Сенкевичъ, однако, нисколько не мирволитъ своему герою и хладнокровно заставляетъ его снять маску. Именно, Плошовскій пишетъ въ своемъ дневникѣ: «Я старался разрѣшить загадку, имѣю ли, напримѣръ, я право совлечь пани Кромицкую съ пути долга или нѣтъ? Мы, мужчины, такъ привыкли всегда и вездѣ подстерегать женщинъ, что къ молодой и красивой никто изъ насъ не подходитъ безъ какой-нибудь задней мысли». Изъ этого можно заключить, что Плошовскій даже польстилъ себѣ, утверждая, что его спеціальность—«быть ничѣмъ». Нѣтъ, онъ спеціалистъ въ «наукѣ страсти нѣжной», т.-е. наполняетъ свое существованіе не безвредною праздностью обезпеченнаго человѣка, а интересными экспериментами надъ чужимъ покоемъ и счастіемъ. Дальше Сенкевичъ разоблачаетъ своего героя еще безпощаднѣе, съ изумительною силой выдерживая двойственный характеръ своего героя — какъ свѣтскаго сердцѣда и тонко-мыслящаго человѣка. «Я сознаю совершенно ясно, что, поступая такимъ образомъ, я вселяю въ душу Анельки мысли чуждыя ей, тревожныя мысли. Но съ удивленіемъ я вижу, что если, съ одной стороны, это возмущаетъ мою совѣсть, пробуждаетъ тревожное опасеніе за спокойствіе существа, за которое я отдалъ бы всю свою жизнь, то, съ другой, доставляетъ мнѣ какую-то кровожадную радость, какъ будто я удовлетворяю врожденному человѣку инстинкту разрушенія. Я также убѣжденъ, что тутъ мнѣ ни въ чемъ не могутъ помочь ни сознаніе творимаго мною зла, ни застарѣлые, наслѣдственные предразсудки». Врожденный инстинктъ разрушенія,—если только есть такой инстинктъ въ человѣкѣ,—конечно, тутъ не причемъ, но тутъ очень причемъ свѣтское легкомысліе, возведенное на степень признака хорошаго тона, скука празднаго человѣка, не знающаго куда дѣвать свои досуги, эгоизмъ самолюбиваго денди, желающаго во что бы то ни стало поставить на своемъ, и, наконецъ, дѣйствительное чувство искренней, хотя и уродливой любви. Снявши голову, Плошовскій плачетъ по волосамъ. «Счастье было такъ возможно, такъ близко»—и что же помѣшало союзу? А все то же, извѣстное:

Случайно васъ когда-то встрѣтя,
Въ васъ искру нѣжности замѣтя,
Я ей повѣрить не посмѣлъ.
Привычкѣ милой не далъ ходу;
Свою постылую свободу
Я потерять не захотѣлъ.
Чужой для всѣхъ, ничѣмъ не связанъ,
Я думалъ: вольность и покой —
Замѣна счастью. Боже мой!
Какъ я ошибся, какъ наказанъ!

Плошовскій объясняетъ дѣло замысловатѣе, но не глубже: «Когда разумъ спрашиваетъ меня, почему я прямо не женился на Анелькѣ, я отвѣчаю ему: не женился потому, что я не прямой, а исковерканный. Такимъ ужь выняньчили меня двѣ няньки—рефлексія и критика. Еслибъ Анелька сегодня стала свободною, я взялъ бы ее безъ колебанія; но еслибъ она совсѣмъ не выходила замужъ... кто знаетъ... мнѣ стыдно выговорить эту мысль, но, можетъ быть, она представлялась бы мнѣ менѣе желанною». Послѣднее замѣчаніе совершенно вѣрно, но напрасно Плошовскій говоритъ только о *двухъ*, и, притомъ, столь великолѣпныхъ, нянькахъ, какъ критика и рефлексія. Не двѣ, а цѣлыхъ семь или даже больше нянекъ ухаживали за нимъ, и изъ нихъ мы уже указывали на матеріальную обезпеченность, на абсолютную праздность, на наслѣдственность.

Всѣ рессурсы опытнаго Донъ-Жуана и всѣ ухищренія утонченной діалектики пустилъ въ ходъ Плошовскій для обольщенія Анельки — и потерпѣлъ полное пораженіе. Эстетика съ діалектикой соединились въ общемъ нападеніи на прямолинейную, чистосердечную этику — и должны были со стыдомъ ретироваться. Сначала Плошовскій говорилъ было очень свысока: «Ангельское заблужденіе, что на свѣтѣ можетъ быть только одна правда! Не вступай со мной, *моя* Анелька, ни въ какой споръ, потому что я если вѣрю въ какую-нибудь правду и въ какіе-нибудь аргументы, то развѣ въ правду и права любви, и достаточно ловокъ, чтобы каждый твой аргументъ вывернуть, какъ перчатку, и сдѣлать изъ него оружіе противъ тебя. Не спасутъ тебя ни твои умствованія, ни моя жалость къ тебѣ, потому что чѣмъ умнѣе окажешься ты, лучше, добрѣе, тѣмъ больше взволнуешь меня, тѣмъ больше я тебя полюблю, а чѣмъ больше полюблю, тѣмъ больше захочу обладать тобою». Настоящій *гимнъ торжествующей любви!* Торжество оказалось преждевременнымъ, и Плошовскому пришлось убѣдиться, что если у него не одна, а сто или тысяча одна истина, то это не мѣшаетъ существовать людямъ иного рода, людямъ съ догматомъ, съ моралью, съ сознаніемъ нравственной отвѣтственности. Ни къ какимъ *умствованіямъ*, которыхъ, судя по себѣ, ожидалъ нашъ герой, Анелька не прибѣгла, а просто повторила прозою и на свой ладъ классическій отвѣтъ русской героини:

. . . . . Для бѣдной Тани
Всѣ были жребіи равны,
Я вышла замужъ. Вы должны,

Я васъ прошу меня оставить.
Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть
И гордость, и прямая честь.
Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
Но я другому отдана —
Я буду вѣкъ ему вѣрна.

На этомъ, какъ извѣстно, Пушкинъ и остановился: «здѣсь героя моего, въ минуту злую для него, читатель, мы теперь оставимъ надолго... навсегда». Сенкевичъ рисуетъ намъ и слѣдующій моментъ, быть можетъ, самый серьезный, моментъ нравственнаго просвѣтленія своего героя, во-очію увидавшаго и великую мощь, и великое блаженство настоящей вѣры. «Обо что я разбился?»—съ недоумѣніемъ спрашивалъ себя Плошовскій, получивши неожиданный и суровый урокъ отъ Анельки. Привычная къ анализу мысль и та совѣстливость, которая просыпается въ насъ съ особенною силой при встрѣчѣ съ безукоризненно-чистыми людьми, быстро вывели Плошовскаго на прямой путь къ настоящему пониманію. Вотъ что онъ писалъ: «Мы — люди совершенно несходные другъ съ другомъ, сознаю это ясно, но мнѣ трудно сжиться съ этою мыслью. Однако, это правда. Я въ тысячу разъ больше похожъ на Лауру, чѣмъ на Анельку. Теперь понимаю, обо что разбился. Объ то, отсутствіе чего разнуздало и освободило всѣ мои мысли, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, привило ко мнѣ зачатки смертельной болѣзни и стало моею трагедіей,—о катехизическую прямоту ея души. Анелька понять не въ состояніи, какъ можно на правило, признанное и религіею, и людьми, смотрѣть не такъ, какъ на обязательную для всѣхъ заповѣдь. Мнѣ все равно, сознательный ли это у нея взглядъ или инстинктивный, выработала ли она своимъ умомъ или получила извнѣ,—достаточно, что онъ составляетъ неразрывную часть ея существа. У Анельки нѣтъ никакихъ колебаній, никакихъ сомнѣній. Ея душа такъ чисто отдѣляетъ плевелы отъ сѣмянъ, что сбить ее на словахъ нѣтъ силъ. Она не трудится надъ выработкой собственныхъ нормъ, беретъ ихъ готовыми изъ религіи и общихъ моральныхъ понятій, но проникается ими такъ сильно, что онѣ становятся ея собственными, входятъ въ ея плоть и кровь. Чѣмъ эти разсортировавія добра и зла проще, тѣмъ вѣрнѣе и тѣмъ неумолимѣе».

На этотъ разъ умъ или анализъ дѣйствительно оказалъ услугу нашему герою и вывелъ его на настоящую дорогу. Если бы не встрѣча съ Анелькой, Плошовскій до конца дней презиралъ бы Лауръ, не догадываясь, что онѣ ему близкая родня. До конца дней барахтался бы онъ въ своемъ скептицизмѣ, сохраняя высокомѣрное убѣжденіе, что хотя онъ и ровно ничего за душой не имѣетъ, но, тѣмъ не менѣе, представляетъ собою квинтъ-эссенцію человѣческой цивилизаціи. Мы не будемъ слѣдить дальше за романомъ Плошовскаго и Анельки, потому что дѣло достаточно выяснилось и состоитъ оно, конечно, не въ любовныхъ огорченіяхъ «его» и «ея», а въ трагической встрѣчѣ представителей двухъ противуположныхъ типовъ: если Плошовскій—Гамлетъ, то Анелька—чистокровный Донъ-Кихотъ. Это очень маленькій Донъ-Кихотъ, съ узкимъ умственнымъ кругозоромъ, съ

перспективой превратиться въ недалекомъ будущемъ въ очень обыкновенную хранительницу всякихъ традицій, но она вѣрила въ свой *догматъ* и вышла побѣдительницею: скептицизмъ ея Гамлета не отравилъ ея души,— наоборотъ, ея вѣра явилась для него противоядіемъ. Это былъ тотъ моментъ нравственнаго возрожденія, который съ такою красотой выраженъ Пушкинымъ:

Душѣ настало пробужденье,
И сердце бьется въ упоеньѣ,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Но и Сенкевичъ не докончилъ исторіи, а оборвалъ ее физическою смертью героя и героини.

IV.

Если бы мы ограничились тѣми указаніями, которыя сдѣланы выше относительно нравственныхъ свойствъ героя Сенкевича, мы повторили бы только ту ошибку, въ которую когда-то впалъ Писаревъ, анализируя характеръ Онѣгина. Очень убѣдительно Писаревъ доказывалъ и доказалъ ничтожество тѣхъ свойствъ Онѣгина, которыя были привиты къ нему воспитаніемъ, средой, спеціальною культурой, но онъ закрылъ глаза на внутреннія, лежавшія подъ спудомъ, силы пушкинскаго героя. Онѣгинъ не только свѣтскій франтъ, но и мыслящій и *тоскующій* человѣкъ, и вотъ этой-то тоски Писаревъ или не замѣтилъ, или не повѣрилъ ея искренности. Приведемъ примѣръ. Когда Онѣгинъ размышляетъ, «грустью отуманенъ»:

Зачѣмъ я пулей въ грудь не раненъ?
Зачѣмъ не хилый я старикъ,
Какъ этотъ бѣдный откупщикъ?
Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
Хоть ревматизма? Ахъ, Создатель!
Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка;
Чего мнѣ ждать? Тоска, тоска!...—

Писаревъ насмѣшливо спрашиваетъ: кто же мѣшаетъ Онѣгину получить въ грудь хоть дюжину пуль, отправившись, напримѣръ, на Кавказъ, который еще не былъ покоренъ въ то время? Очень не трудно отвѣтить на этотъ вопросъ: мѣшало именно отсутствіе убѣжденія въ разумности и надобности такого самопожертвованія. Если актеръ изъ-за какой-то Гекубы стонетъ и плачетъ, то *что же мѣшало* Гамлету отмстить не за Гекубу, а за собственнаго убитаго отца? Собственная трусость, быть можетъ? Такія ужъ слишкомъ упрощенныя рѣшенія психологическихъ вопросовъ совсѣмъ не убѣдительны. Фразы Онѣгина о пулѣ, о ревматизмѣ, о старости имѣютъ только метафорическое значеніе, характеризуютъ отсутствіе всякихъ интересовъ и всякой цѣли въ его жизни. Мы говоримъ, наприм.: *я хотѣлъ бы*

сквозь землю провалиться отъ стыда, но было бы очень наивно ловить насъ на словѣ и доказывать, что такъ какъ мы никуда не провалились, значитъ, и никакого стыда не чувствовали. Прямой, настоящій смыслъ жалобъ Онѣгина заключается въ этихъ словахъ: «я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка,—*чего мнѣ ждать?*» Это значитъ—есть силы, много силъ, но нѣтъ этимъ силамъ примѣненія. Почему нѣтъ примѣненія? Герой Сенкевича, говоря за себя, объясняетъ дѣло такъ: «Потомки выродившихся фамилій отличаются не недостаткомъ жизненныхъ силъ, а недостаткомъ гармоніи между ними. Я самъ — физически здоровый человѣкъ, не слабоумный, и зналъ людей моего общества, сложенныхъ какъ античныя статуи, способныхъ, талантливыхъ, которые, однако, не умѣли жить и кончали плохо, опять-таки, вслѣдствіе недостатка гармоніи между ихъ очень большими жизненными силами». Это одно изъ объясненій психо-физіологическаго свойства, но ихъ можно найти не мало въ примѣненіи къ различнымъ отдѣльнымъ случаямъ, и въ ряду этихъ объясненій писаревское объясненіе неискренностью, позерствомъ и фарсерствомъ Онѣгина является совершенно неудовлетворительнымъ. Правда, человѣческая, страдающая, высшая сторона Онѣгина представлена у Пушкина въ довольно неопредѣленныхъ намекахъ и, во всякомъ случаѣ, ей удѣлено меньше вниманія, нежели свѣтскому джентльменству Онѣгина. Все-таки, этихъ намековъ достаточно, чтобы въ восклицаніи Онѣгина: «Чего мнѣ ждать? Тоска, тоска!» — усмотрѣть не громкую фразу и не интересную позу.

Въ героѣ Сенкевича эти двѣ стороны его личности,—внѣшняя, свѣтская, искусственная и внутренняя, человѣческая,—представлены и анализированы авторомъ съ одинаковою силой. Прежде всего, Плошовскій искренно и глубоко несчастный человѣкъ, и уже одно это ставитъ его несравненно выше той свѣтской толпы, изъ которой любой счелъ бы себя вполнѣ счастливымъ, еслибъ обладалъ хотя половиной его преимуществъ. У Плошовскаго есть все, что нужно свѣтскому льву, и нѣтъ ничего, что нужно просто человѣку. «Положеніе мое такого рода,— говоритъ онъ,— что мнѣ нѣтъ надобности взбираться на какія-нибудь высоты или протискиваться куда-нибудь. Въ жизни я скептикъ и знаю, какая вещь чего стоитъ или, иначе говоря, знаю, что рѣшительно все стоитъ чортъ знаетъ какъ мало». Замѣтимъ здѣсь кстати, что Сенкевичъ съ изумительною тонкостью выдерживаетъ не только самый характеръ своего героя, но и его постепенное просвѣтленіе подъ вліяніемъ встрѣчъ съ людьми иного міра и иного типа, главнымъ образомъ, съ Анелькой. Самоувѣренность Плошовскаго, на первыхъ страницахъ дневника представляющаяся непоколебимою, постепенно ослабѣваетъ и замѣняется, наконецъ, полнымъ самоосужденіемъ. Въ соблюденіи всѣхъ оттѣнковъ этого сложнаго душевнаго процесса Сенкевичъ обнаружилъ первоклассное мастерство, такъ что ему, быть можетъ, оказалась бы по силамъ и послѣдняя часть задачи — показать намъ обновившагося для жизни человѣка. Къ сожалѣнію, какъ я уже замѣтилъ выше, онъ показалъ только возможность и первый фазисъ процесса обновленія.

«Рѣшительно все стоитъ чортъ знаетъ какъ мало»,— эта фраза написана Плошовскимъ въ самомъ началѣ дневника, и если, съ одной стороны, она свидѣтельствуетъ о его невѣжествѣ, то, съ другой, указываетъ на такую требовательность, которая, конечно, не можетъ удовлетвориться ни свѣтскими успѣхами, ни тщеславіемъ богатства, ни гордостью честолюбія и т. п. Все это у Плошовскаго подъ рукою и всего этого Плошовскому даромъ не надо. Ему нужно знаніе, и, притомъ, такое, которое бы могло замѣнить исчезнувшую вѣру, т.-е. *знаніе абсолютнаго*. Его невѣжество происходитъ не отъ того, что онъ читалъ, да не все, учился, да не доучился,— *такому* невѣжеству нѣтъ ничего легче помочь,— а отъ того, что онъ не въ ту дверь стучится. Вотъ какъ характеризуетъ Плошовскій свое умственное состояніе: «Не знаю, не знаю, не знаю! Человѣкъ мятется въ этомъ великомъ незнаніи, чувствуя, что если бы могъ перейти на какую-нибудь сторону, то ему стало бы легче и спокойнѣе. Но что-жь ему дѣлать? Винить ли философію за то, что она, вмѣсто построенія системъ, которыя каждый день разлетались, какъ карточные домики, сознала свою немощь и занялась изслѣдованіемъ и приведеніемъ въ порядокъ явленій, лежащихъ въ границахъ, доступныхъ разуму? Нѣтъ! Я думаю, что и всякій другой имѣлъ бы право придти къ ней и сказать: я удивляюсь твоей трезвости, преклоняюсь передъ точностью твоего анализа, но со всѣмъ этимъ *ты сдѣлала меня несчастнымъ*». Такимъ образомъ, не въ отсутствіи *знаній*, а въ отсутствіи *убѣжденій* заключается несчастіе героя. Его «не знаю, не знаю, не знаю» значитъ «не вѣрю, не вѣрю, не вѣрю», и онъ ошибается, надѣясь путемъ накопленія знаній придти къ убѣжденію, посредствомъ все болѣе и болѣе изощряемаго критическаго скептицизма придти къ вѣрѣ. Глубочайшее внутреннее противорѣчіе кроется въ самой постановкѣ вопроса. Наука и научная философія учатъ насъ правильному образу дѣйствій, но не ихъ дѣло ставить передъ нами послѣднюю цѣль этихъ дѣйствій. Тактикѣ и стратегіи жизни учитесь изъ книгъ, но идеалъ жизни можно обрѣсти только въ глубинѣ своего внутренняго сознанія. Если изсякъ или засорился источникъ этого сознанія, человѣкъ (если только онъ *человѣкъ*) теряетъ вкусъ къ жизни, и какому бы пожиранію книгъ ни предавался онъ, ему не вернуть утраченнаго блага. Нашъ герой, разочаровавшись въ помощи книгъ, только *ждетъ:* «Я жду, чтобы мнѣ даровалъ кто-нибудь такое душевное состояніе, при которомъ я могъ бы увѣровать безъ малѣйшей тѣни сомнѣнія, такъ глубоко, какъ вѣровалъ въ дѣтствѣ. Мною руководятъ благородныя соображенія, въ нихъ нѣтъ ни тѣни чего-нибудь дурного; напротивъ, мнѣ было бы выгоднѣе быть сытымъ и веселымъ звѣремъ». Это уже много для скептика: если онъ ждетъ наитія вѣры, это значитъ, что онъ переросъ скептицизмъ и тотъ ли, другой ли исходъ будетъ имъ вскорѣ найденъ. Разъ явилась мысль, что скептицизмъ годится, какъ методъ, и ничего не стоитъ, какъ содержаніе,— человѣкъ быстро освобождается отъ вліянія метафизическихъ фантасмагорій. Собственно Плошовскій былъ счастливъ на встрѣчи съ людьми, примѣръ которыхъ могъ цѣлительно по-

дѣйствовать на его больную душу. Таковъ былъ писатель Снятыньскій, изображенный въ романѣ Сенкевича мимоходомъ, эпизодически, и, тѣмъ не менѣе, ясный для читателя въ общихъ, коренныхъ устояхъ своего духовнаго существованія. Снятыньскій принадлежитъ къ тому же типу цѣльныхъ людей, къ которому принадлежитъ и Анелька, но онъ вооруженъ несравненно лучше ея. Онъ представляетъ собою счастливое соединеніе высшей сознательности съ нетронутою силой непосредственнаго чувства, и Плошовскій присматривается къ нему съ какою-то грустною задумчивостью: «Мнѣ не въ первый разъ хочется задать себѣ вопросъ: что, Снятыньскій глупѣй или умнѣй меня? Я изо всѣхъ жизненныхъ задачъ не разрѣшилъ ни одной, я—ничто, скептицизмъ изнуряетъ меня, я несчастливъ, чувствую себя утомленнымъ. У Снятыньскаго знаній не меньше, чѣмъ у меня, притомъ, онъ занимается дѣломъ, у него милая жена и, вѣроятно, есть какая-нибудь жизненная философія, которая поддерживаетъ его счастіе. Рѣшительно я глупѣе его. Ключъ къ философіи Снятыньскаго—его жизненные догматы. Еще передъ женитьбой онъ говорилъ мнѣ: есть одно, къ чему я не приближаюсь съ своимъ скептицизмомъ, одно, чего не критикую: какъ для общественнаго человѣка, догматомъ мнѣ служитъ общество, какъ для человѣка частнаго—любимая женщина. Я тогда подумалъ: однако, мой умъ смѣлѣе, коль скоро онъ не отступаетъ отъ критическаго разбора и такихъ чувствъ. А теперь я вижу, что эта-то смѣлость и привела меня ни къ чему». Опять-таки это не самосознаніе, а только первый шагъ къ нему. Плошовскій ясно видитъ свое несчастіе, но причину его полагаетъ въ злоупотребленіи критикой, какъ будто можно сказать себѣ: «не критикуй»—и какъ будто критика уничтожаетъ вѣру и любовь. Безъ критики невозможна разумная дѣятельность. Если для Снятыньскаго «общество» являлось догматомъ, то, конечно, лишь въ смыслѣ непремѣннаго служенія ему и только ему, но безъ поклоненія, безъ подчиненія, безъ ослѣпленія,—служенія, направляемаго ни чѣмъ инымъ, какъ критикой и анализомъ. Если, далѣе, для Снятыньскаго, какъ для частнаго лица, «догматомъ» была любимая женщина, то опять на тѣхъ же основаніяхъ: жить для нея, но совсѣмъ не молиться на нее. У Снятыньскаго за критикой не слѣдуетъ разочарованія, а за разочарованіемъ охлажденія: идея или явленіе привлекаютъ его къ себѣ своими истинными, лучшими сторонами, ради которыхъ можно извинить неизбѣжные недостатки. Но правда и то, что страстная потребность въ идеалѣ, отличающая людей этого типа, вырабатываетъ въ нихъ способность къ идеализаціи, которая у Донъ-Кихота, идеализировавшаго даже своего Россинанта, выразилась совершенно въ каррикатурномъ видѣ. Анализъ, какъ одинъ изъ методологическихъ пріемовъ, самъ по себѣ ничего не предрѣшаетъ: въ результатѣ анализа одного и того же явленія можетъ явиться и оптимистическое, положительное, и пессимистическое, отрицательное отношеніе къ этому явленію. Границы для анализа нѣтъ; но есть въ живомъ человѣкѣ сила болѣе дѣятельная, нежели анализъ, или, говоря общѣе, разумъ, есть нѣчто стоящее внѣ всякихъ сомнѣній и доводовъ. Въ комъ

отсутствуетъ это начало, тотъ можетъ, какъ Лаура, выколоть глаза ребенку ради собственнаго удовольствія; въ комъ оно придавлено, обезсилено безобразными условіями жизни, какъ въ Плошовскомъ, тотъ, глядя на чужое преступленіе, будетъ вопрошать: точно ли это преступленіе? Почему именно преступленіе? Не лучше ли для самого мальчика лишиться зрѣнія? Быть или не быть? Что благороднѣе: сносить ли удары судьбы, не противиться злу, или возстать на море бѣдъ? Наконецъ, въ комъ оно дѣятельно, въ видѣ ли простого нравственнаго инстинкта, какъ у Анельки, или въ видѣ сознательнаго нравственнаго идеала, какъ у Снятыньскаго, тотъ такъ или иначе постарается укротить Лауру и защитить беззащитнаго.

Чѣмъ несчастнѣе чувствуетъ себя Плошовскій, тѣмъ больше онъ примиряетъ насъ съ собою. «Ахъ, еслибъ я зналъ,—восклицаетъ онъ, — что какой-нибудь мой взглядъ, какое-нибудь убѣжденіе, какое-нибудь правило устоитъ противъ завтрашняго и послѣзавтрашняго дуновенія скептицизма, я ухватился бы за него обѣими руками, создалъ бы изъ него свою религію и поплылъ бы, какъ Снятыньскій, на всѣхъ парусахъ, при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, вмѣсто того, чтобы блуждать во мракѣ и пустотѣ». Нѣтъ, это не пресыщеніе «купчихи, которая выпила три самовара и жалѣетъ, что не можетъ выпить ихъ тридцать три», какъ иронизировалъ Писаревъ. Это языкъ настоящей грусти, дѣлающій честь человѣку, возвышенной и прекрасной грусти объ отсутствіи въ своей жизни цѣли, безъ которой она превращается въ простой физіологическій процессъ. Со стороны глядя, казалось бы, какъ не найти въ жизни работы по душѣ и по силамъ? Плошовскому, богатому человѣку, нѣтъ надобности въ личномъ трудѣ, и Снятыньскій не напрасно желалъ ему поскорѣе разориться. Но обезпеченность Плошовскаго—только одно изъ препятствій, мѣшающихъ его исцѣленію, но не коренная причина его несчастія. Евангельскій богатый юноша, раздавши свое имѣніе, все-таки, черезъ это не сдѣлался бы энергичнымъ послѣдователемъ Христа. Мгновенная вспышка энтузіазма еще не ручается за нравственное перерожденіе. Разорившійся Плошовскій, принужденный смѣшаться съ толпой людей, зарабатывающихъ свой хлѣбъ, почувствовалъ бы себя только болѣе несчастнымъ, потому что къ прежней отравѣ самомнѣній присоединился бы новый ядъ заботы о завтрашнемъ днѣ. Въ тридцать пять лѣтъ отъ роду человѣку мудрено измѣниться только и единственно подъ вліяніемъ измѣненія въ условіяхъ внѣшняго своего положенія. Нужно вытравить изъ своей души тѣ впечатлѣнія и привычки, которыя успѣли стать второю натурой, тѣ традиціи условной респектабельности, надъ которыми нашъ герой смѣется въ теоріи, но которымъ онъ подчиняется на дѣлѣ. Тридцать пять лѣтъ жизни нельзя сбросить механически, движеніемъ пальца, какъ косточки на счетахъ. Нужно новое и глубокое, не мгновенное чувство, которое смогло бы не только поставить человѣка на новый путь и не только поддержать его на немъ, но и заставить его по немъ идти, безъ разслабляющихъ воспоминаній о прошломъ. Такимъ чувствомъ можетъ быть любовь къ женщинѣ, какъ у Плошовска-

го, любовь къ родинѣ, проснувшаяся подъ вліяніемъ какихъ-нибудь историческихъ событій, любовь къ идеѣ, если эпоха выдвинетъ впередъ такую задачу, жизненность которой очевидна для самаго крайняго скептика. Въ благородныхъ, но пассивныхъ или обезсиленныхъ натурахъ, вродѣ натуры Плошовскаго, эти силы находятся въ потенціальномъ, дремотномъ состояніи. Для *священнаго огня* въ этихъ натурахъ сколько угодно матеріала, но искра, которая зажжетъ его, должна явиться со стороны. Плошовскій (или Сенкевичъ) это отлично понялъ и превосходно выразилъ: «Меня вдругъ охватило волненіе при видѣ той огромной разницы, которая существуетъ между мной и такими людьми, какъ Снятынъскій. Открываются горизонты положительно недоступные для меня. Какую громаду чувства эти люди носятъ въ себѣ! Съ этимъ чувствомъ имъ можетъ быть хорошо и худо, но, во всякомъ случаѣ, они гораздо богаче меня. Имъ не угрожаетъ ни пустота, ни ничтожество. У каждаго изъ нихъ запаса живучести на десятерыхъ. И я тоже чувствую нѣкоторую связь съ моею родиной, но это чувство не такъ непосредственно, оно не горитъ во мнѣ, какъ пламень въ лампадѣ, оно не стало частью моего существа. Я могу въ жизни обойтись безъ всякаго Козлувка, или Михны, или Плошова,—вѣрнѣе сказать, тамъ, гдѣ для Снятынъскаго бьютъ живые ключи, изъ которыхъ онъ черпаетъ смыслъ жизни, я нахожу сухой песокъ. Вещь почти невѣроятная, чтобы человѣкъ, обладающій тѣмъ, чѣмъ обладаю я, не только не былъ бы счастливъ, но просто не зналъ бы, для чего онъ живетъ. Несомнѣнно, это отчасти вина условій, въ которыхъ я воспитался, вина Рима, Меца, Парижа,—я точно дерево, вырванное съ корнемъ изъ родной почвы и плохо пересаженное въ чужую, но отчасти и моя, потому что я ставилъ вопросительные знаки и философствовалъ тамъ, гдѣ другіе только любятъ. И, въ концѣ-концовъ, я не выфилософствовалъ себѣ ничего и свое сердце обезплодилъ».

Какъ все это ни вѣрно и ни хорошо, требуются, все-таки, нѣкоторые комментаріи и дополненія къ объясненію Плошовскаго. *Живые ключи*, которые питаютъ людей дѣятельной любви, конечно, ближе и естественнѣе всего искать въ родной почвѣ. Но самые эти ключи—только пробившіяся наружу струи главнаго подземнаго родника, который называется не патріотизмомъ, а альтруизмомъ. Сохраняя связь съ *этимъ* родникомъ, человѣкъ обезпечиваетъ себѣ нравственную *живучесть* независимо отъ того, живетъ ли онъ въ польскомъ мѣстечкѣ Плошовѣ, или въ Парижѣ. Плошовскій находитъ, что «альтруизмъ»—*избитое слово*. Въ этомъ замѣчаніи уже не видно философа, а видѣнъ опять денди, который относится къ идеямъ, какъ къ перчаткамъ, и пуще всего боится старомодности. За терминъ было бы смѣшно вступаться,—сочиняйте какіе угодно,—но понятіе, заключенное въ немъ, стоитъ выше модъ. Евангеліе—книга старая, но не устарѣлая, и развѣ не выраженіе альтруизма этотъ, записанный въ немъ, призывъ: «пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Я успокою васъ»? Не въ томъ бѣда Плошовскаго, что онъ жилъ то на родинѣ, то за границей, а въ томъ, что ни на родинѣ, ни за границей ему не приходила мысль

о труждающихся и обремененныхъ, которыхъ во всѣхъ концахъ міра много. Онъ размышлялъ надъ альтруизмомъ, какъ надъ математическою задачей, но онъ былъ огражденъ китайскою стѣной отъ живыхъ впечатлѣній, которыя одни только и могли бы вызвать въ немъ желаніе «успокоить» людей, не получившихъ отъ жизни ничего, кромѣ труда и бремени. Плошовскій, съ своею обычною аналитическою смѣлостью, ставитъ точку и надъ этимъ і. Подаривши одному бѣдному семейству, въ которомъ принимала участіе Анелька, тысячу руб., Плошовскій сказалъ благодарившей его Анелькѣ: «Я, милая Анелька, сдѣлалъ это вовсе не по добротѣ, не изъ сочувствія къ людямъ, которыхъ вижу въ первый разъ въ жизни. Я сдѣлалъ это единственно потому, что ты интересуешься ими, и думаю, что этимъ доставилъ тебѣ удовольствіе. Иначе я отдѣлался бы отъ нихъ какою-нибудь незначительною подачкой». Именно—*отдѣлался бы*. Незначительность подачки явилась бы не отъ скупости, а отъ равнодушія пресыщеннаго человѣка, который голоднаго не разумѣетъ, потому что самъ никогда не голодалъ, отъ высокомѣрія аристократа, который съ молокомъ матери всосалъ понятія о бѣлой и о черной кости, наконецъ, отъ квіетизма метафизика-резонера, который ухитрится самъ себѣ доказать, что въ несчастьи-то и заключается счастье, что голодъ есть не голодъ, а искупленіе, что помогать надо не деньгами, а любовью и пр., и пр. И, конечно, чувство личной любви,— если ужь нашъ герой не могъ идти инымъ путемъ,—и въ этомъ сослужило бы свою службу: помогая своей возлюбленной въ ея филантропическихъ трудахъ, Плошовскій лицомъ къ лицу сталъ бы съ реальною нуждой, съ конкретною правдой и непосредственное чувство человѣческаго состраданія мало-по-малу проснулось бы въ немъ и среди «сухого песка» брызнулъ бы, наконецъ, желанный «живой ключъ».

Мы не будемъ останавливаться на той сторонѣ отношеній Плошовскаго къ Анелькѣ, которая обрисовываетъ его лучшія свойства: двойственность нравственной личности героя уже достаточно обнаружилась. Мы видѣли денди, восхищающагося башмачками и жилками на вискахъ своей возлюбленной, видѣли бездушнаго резонера, разыгрывавшаго *концерты* на довѣрившемся ему сердцѣ, но пусть читатель прочтетъ послѣднюю, предсмертную страницу дневника, чтобы примириться съ памятью несчастнаго героя Сенкевича. Эта страница исполнена мрачной поэзіи, которая напоминаетъ лучшія страницы Байрона. Каждая фраза проникнута тутъ глухимъ, безконечнымъ отчаяніемъ и мистическимъ ужасомъ передъ готовою раскрыться великою тайной жизни и смерти. Какъ послѣдній торжественный аккордъ реквіема, звучатъ эти заключительныя слова: «или мы вмѣстѣ погрузимся въ Ничто, или пойдемъ вмѣстѣ одною дорогой, а здѣсь, гдѣ мы столько настрадались, пусть послѣ насъ останется только молчаніе».

V.

Мы, живые, не можемъ, однако, молчать. Мы останавливаемся передъ этою могилой съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ, на которые во что бы то ни

стало должны быть найдены отвѣты. Самоубійство нашего героя окончательно доказало его полную искренность, но развѣ смерть—рѣшеніе? Намъ жалко этихъ талантливыхъ людей не только по человѣчеству, не только за нихъ самихъ, но и за себя, за общество. Намъ нужны эти прекрасныя силы и, видя ихъ погибель, мы спрашиваемъ себя: гдѣ тутъ вина и гдѣ тутъ несчастье? Мы чувствуемъ, что тутъ есть и то, и другое.

Если мы вспомнимъ Плошовскаго до его бесѣды со Снятыньскимъ и до его встрѣчи съ Анелькой, мы найдемъ въ немъ, конечно, очень умнаго, образованнаго, изящнаго, но совершенно празднаго, безполезнаго человѣка, *нисколько не стыдящагося* своего существованія паразита. *Моя спеціальность—быть ничѣмъ:* это говорится имъ не съ самоосужденіемъ, не съ горечью, а съ чувствомъ даже нѣкотораго самодовольствія. Онъ носитъ свой пессимизмъ точно красивый костюмъ, придающій его особѣ извѣстную оригинальность. Въ его сердцѣ есть «и гордость, и прямая честь», но какая-то странная гордость, странная честь, основанная не на общечеловѣческой морали, а на преемственныхъ предразсудкахъ. Онъ гордится не заслугами, а тѣмъ, что можетъ прожить безъ заслугъ; свою честь онъ полагаетъ въ томъ, чтобы не *впасть въ цинизмъ*, т.-е. попросту въ соблюденіе внѣшнихъ приличій. Его свѣтскому апломбу соотвѣтствуетъ его *философская* самоувѣренность: его пессимизмъ не пустота, не отсутствіе всякой философіи, которая немыслима безъ какого-нибудь положительнаго ядра, это—квинтъ-эссенція человѣческой мудрости, это, видите ли, высшая ступень человѣческаго развитія. Если *вина* не пустое слово, то въ этой самоувѣренности и заключается, прежде всего, вина Плошовскихъ. Вслѣдствіе этой самоувѣренности, для нихъ въ тридцать пять лѣтъ отъ роду могутъ открываться «горизонты положительно недоступные». Они съ искреннимъ изумленіемъ узнаютъ отъ пріятеля, что нужно каждому работать для общества, или отъ знакомаго мужика, что надо жить не для мошны, а для души. Тѣмъ не менѣе, нужны большія усилія или особыя обстоятельства, чтобъ убѣдить ихъ, что они не «перецивилизованные», а просто недоцивилизованные люди.

А несчастіе ихъ состоитъ въ томъ, что не только кастовыя, но и общія условія современной жизни способствуютъ выработкѣ типа безплодно-рефлектирующихъ людей. Философскія школы, политическія партіи, соціальныя системы, религіозныя секты и т. п. какъ бы раздробили истину на маленькіе отдѣльные кусочки, такъ что человѣку съ аналитическимъ складомъ ума представляется самое обширное поле для дѣятельности. Дѣятельность эта выражается въ томъ, что онъ беретъ одинъ изъ кусочковъ, довольно быстро растираетъ его между пальцами въ порошокъ, который и развѣваетъ по вѣтру. Затѣмъ беретъ другой, третій и т. д. и повторяетъ ту же операцію, о результатахъ которой не трудно догадаться. У всякаго современнаго «изма» есть противуположный «измъ»: реализмъ—идеализмъ, пессимизмъ—оптимизмъ, націонализмъ—сепаратизмъ, патріотизмъ—космополитизмъ, матеріализмъ—мистицизмъ, объективизмъ—субъективизмъ, пози-

тивизмъ, нигилизмъ, протекціонизмъ, капитализмъ, соціализмъ и пр., и пр. Какъ разобраться между ними, какъ выбраться на вольный воздухъ изъ этого лабиринта? Плошовскіе о любомъ изъ этихъ «измовъ» могутъ сказать, какъ объ альтруизмѣ, что это — «избитое слово», и останутся, такимъ образомъ, съ пустыми руками; но для человѣка съ живымъ нравственнымъ чувствомъ тутъ даже и затрудненія не будетъ. Примѣръ преподанъ; идеалъ поставленъ; сомнѣній быть не должно. Но и для сомнѣвающагося, и для вовсе заблудившагося возвратъ возможенъ. Этотъ мотивъ съ страшною лирическою силой выраженъ у Некрасова:

Войди! Христосъ наложитъ руки
И сниметъ волею святой
Съ души оковы, съ сердца муки
И язвы съ совѣсти больной.

Вотъ призывъ. Для всякаго болѣющаго совѣстью, это—драматическій моментъ жизни, о которомъ остается воспоминаніе, если даже за нимъ и не послѣдуетъ полнаго обновленія.

Я внялъ... и дѣтски умилился:..
И долго я рыдалъ и бился
О плиты старыя челомъ,
Чтобы простилъ, чтобъ заступился,
Чтобъ осѣнилъ меня крестомъ
Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ,
Богъ поколѣній, предстоящихъ
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ!

Богъ угнетенныхъ и скорбящихъ черезъ угнетенныхъ и скорбящихъ и познается...

М. Протопоповъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Оппозиція военному законопроекту въ германскомъ парламентѣ ведется съ прежнею настойчивостью и серьезностью. Комиссія рейхстага отвергаетъ самыя существенныя изъ правительственныхъ требованій, доказывая съ цифрами въ рукахъ, что и безъ того тяжесть милитаризма угнетаетъ нѣмецкій народъ. Свободомыслящіе, соціалисты, національ-либералы и партія центра не видятъ, кромѣ того, международныхъ основаній для новаго усиленія германской арміи: Франція занята болѣе, чѣмъ въ недавнее время, сложными внутренними дѣлами, а императорское россійское правительство въ достаточной уже мѣрѣ засвидѣтельствовало свое неуклонное миролюбіе. Нѣмецкія и въ особенности австрійскія газеты пытались придать угрожающее значеніе недавнему заявленію нашего правительства о болгарскихъ дѣлахъ, напечатанному въ *Правительственномъ Вѣстникѣ;* но такое толкованіе находится въ рѣшительномъ противорѣчіи съ буквою и духомъ этого заявленія. «Императорское правительство, — читаемъ мы въ *Правительственномъ Вѣстникѣ,* — неоднократно имѣло случай заявлять о взглядахъ своихъ на совершавшіеся въ Болгарскомъ княжествѣ перевороты и на тѣ начала, коими руководствуются въ своей политической дѣятельности софійскіе правители со времени захвата принцемъ Кобургскимъ княжеской власти. Нынѣ, по возвращеніи принца Фердинанда изъ заграничной поѣздки, вышеупомянутые правители предполагаютъ приступить къ созванію великаго народнаго собранія для измѣненія 38-й статьи тырновскаго устава, обезпечивающей принадлежность къ православной вѣрѣ князя болгарскаго и его потомства, за исключеніемъ лишь перваго избраннаго князя. Такимъ образомъ, подготовляется посягательство на одну изъ основъ, присущихъ болгарской національной жизни,—посягательство противъ народной вѣры, коей болгаре столькимъ обязаны въ своемъ прошедшемъ.

«Императорское правительство, твердо слѣдуя правилу не вмѣшиваться въ дѣла внутренняго управленія княжества, не входитъ въ разсмотрѣніе явно пристрастныхъ мотивовъ, побудившихъ принца Кобургскаго и лицъ, стоящихъ у власти въ Софіи, къ принятому ими прискорбному для самой Болгаріи рѣшенію. Оно не можетъ, однако, въ виду нравственныхъ

узъ, связующихъ Россію съ единовѣрнымъ и единоплеменнымъ съ нею болгарскимъ народомъ, оставаться безмолвнымъ свидѣтелемъ попытки, направленной къ тому, чтобы поколебать господствующее въ княжествѣ вѣроисповѣданіе».

Указавъ на сильное движеніе общественнаго мнѣнія въ Болгаріи противъ предположеннаго измѣненія конституціи,— движеніе, во главѣ котораго является духовенство, правительственное сообщеніе кончаетъ слѣдующими словами: «Императорское правительство убѣждено, что задуманный нынѣ поворотъ въ духовной и политической жизни княжества не можетъ сопровождаться благопріятными результатами и ведетъ лишь къ бѣдственнымъ послѣдствіямъ въ будущемъ путемъ внутренняго разлада и глубокихъ нравственныхъ недоразумѣній».

Только напуганное воображеніе можетъ заподозрить какую-либо угрозу европейскому миру въ этихъ спокойныхъ словахъ правительственнаго сообщенія, въ этомъ предостереженіи принцу Кобургскому и нынѣшнимъ болгарскимъ правителямъ. Поэтому заявленія графа Каприви о войнѣ на два фронта, о возможности зимней кампаніи и т. п. являются только болѣе или менѣе искусными пріемами давленія на рейхстагъ, чтобы дипломатическими средствами вырвать у парламента согласіе на военный законопроектъ, за который упорно держится императоръ Вильгельмъ II. Естественно, что при такихъ условіяхъ всякое предложеніе друзей мира не можетъ находить сочувствія въ германскомъ правительствѣ. Свободомыслящій депутатъ Бартъ, тѣмъ не менѣе, поднялъ въ рейхстагѣ вопросъ объ обязательныхъ третейскихъ судахъ при столкновеніяхъ между европейскими государствами и Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами. Бартъ напомнилъ, что подобное же предложеніе внесено нѣсколькими вліятельными народными представителями въ англійскій парламентъ. Сторонникомъ международнаго третейскаго суда является нынѣшній президентъ великой заатлантической республики. «Я прошу правительство, — сказалъ свободомыслящій депутатъ, — содѣйствовать съ своей стороны осуществленію великой культурной идеи; если въ настоящее время она не примѣнима еще къ отношеніямъ внутри Европы, то по отношенію къ Европѣ и Америкѣ она вполнѣ осуществима. Заключеніе такого договора будетъ имѣть большое значеніе для развитія цивилизаціи».

Представитель императорскаго правительства, статсъ-секретарь Маршаллъ, возразилъ на это, что брать на себя обязательство разрѣшать всѣ международныя столкновенія мирнымъ путемъ неисполнимо при нынѣшнемъ положеніи Европы. Затѣмъ другіе депутаты, высказавшіеся въ пользу предложенія Барта (Бебель), затронули вопросъ объ Эльзасъ-Лотарингіи, и графъ Каприви заявилъ по этому поводу, что если бы на международномъ судѣ постановили возвратить Франціи эти области, то германское правительство не подчинилось бы этому рѣшенію и предпочло бы биться до послѣдней капли крови.

При томъ милитаризмѣ, который составляетъ главную особенность пра-

вительства Германской имперіи, всѣ серьезныя культурныя задачи или отсрочиваются, или просто отвергаются. Фабричное законодательство не прогрессируетъ; робкія попытки смягчить крайне покровительственную систему встрѣчаютъ упорное сопротивленіе. Милитаризмъ и протекціонизмъ являются близнецами, опредѣляющими экономическую и политическую жизнь Гогенцоллернской имперіи.

Гладстоновскій билль объ ирландскомъ самоуправленіи продолжаетъ, конечно, вызывать стойкое и ожесточенное сопротивленіе со стороны англійскихъ консерваторовъ. Глубокій кризисъ, переживаемый Великобританіей, едва ли разрѣшится въ эту парламентскую сессію даже въ первой своей стадіи. Если гомруль пройдетъ въ палатѣ общинъ, это будетъ большою нравственною побѣдой лично Гладстона и англійской либеральной партіи; но уступитъ ли палата лордовъ, или придется распустить парламентъ для новыхъ общихъ выборовъ,— на эти жгучіе вопросы не могутъ дать сколько-нибудь точнаго отвѣта сами вожди борящихся между собою политическихъ партій.

Законодательный починъ гладстоновскаго кабинета далеко не ограничивается ирландскимъ гомрулемъ. Недавно министерство внесло законопроектъ, въ которомъ устанавливается начало отдѣленія церкви отъ государства въ Валлійскомъ княжествѣ. Депутаты Валлиса почти всѣ стоятъ за это отдѣленіе. Къ государственной церкви Великобританіи (протестантской, епископальной) въ настоящее время принадлежитъ въ Валлисѣ лишь 300,000 жителей изъ полуторамилліоннаго населенія. Къ справедливому принципу свободы вѣроисповѣданія у валлійцевъ у Гладстона присоединяется и практическое соображеніе: учрежденія господствующей церкви содержатся доходами со всего населенія,—иными словами, нонконформисты и другія религіозныя секты платятъ значительный налогъ въ пользу епископальной церкви и исповѣдующаго ее меньшинства населенія. Гладстонъ предлагаетъ теперь отмѣну этого привилегированнаго положенія, т.-е. установленія такого положенія вещей, какое, по его же иниціативѣ, создано было въ 1869 году въ Ирландіи.

Довольно существенныя улучшенія въ избирательной системѣ не стоятъ еще на ближайшей очереди. За то въ палату общинъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Асквитомъ, внесенъ законопроектъ объ отвѣтственности предпринимателей,—законопроектъ, по практичности и справедливости далеко оставляющій за собою нынѣ дѣйствующій законъ (1880 года). Что касается восьмичасового рабочаго дня, по крайней мѣрѣ, для рабочихъ въ шахтахъ, то Гладстонъ, выражая рабочей депутаціи свое сочувствіе установленію такой нормы въ принципѣ, не призналъ, однако, вопроса вполнѣ созрѣвшимъ для законодательнаго разрѣшенія.

Нѣкоторые признаки заставляютъ опасаться черезъ-чуръ страстной борьбы изъ-за ирландскаго самоуправленія. Конечно, еслибъ борьба эта выражалась лишь въ парламентскихъ преніяхъ, то она послужила бы

только для наилучшаго разрѣшенія вопроса сложнаго теоретически, а въ особенности практически, въ данный историческій моментъ, и въ высшей степени важнаго для всего существованія Англіи, какъ великаго государства, какъ представительницы политической свободы и міровой цивилизаціи. Англійскіе консерваторы утверждаютъ, что самостоятельная Ирландія ослабитъ единство и могущество имперіи, сдѣлается даже угрозою ея безопасности въ случаѣ войны Великобританіи съ какою-либо другою державой. Но на это опасеніе однимъ изъ ирландскихъ депутатовъ былъ данъ побѣдоносный отвѣтъ: полагаютъ ли англійскіе консерваторы, что обманутая въ своихъ ожиданіяхъ, раздраженная, озлобленная Ирландія будетъ содѣйствовать упроченію британскаго могущества, что, въ случаѣ упомянутой войны, она не можетъ безъ гомруля оказаться на сторонѣ враговъ Великобританіи?

Отмѣтимъ здѣсь одну мѣру нынѣшняго англійскаго правительства, которая идетъ совершенно въ разрѣзъ съ либеральными идеями, одушевляющими Гладстона и его товарищей. «Сильное возбужденіе,—читаемъ мы въ иностранныхъ извѣстіяхъ *Правительственнаго Вѣстника*,—вызвало среди многомилліоннаго индусскаго населенія состоявшееся недавно упраздненіе института присяжныхъ засѣдателей въ семи судебныхъ округахъ Бенгаліи. Въ этомъ неожиданномъ для индусовъ распоряженіи англо-индійской администраціи туземцы усмотрѣли посягательство на ихъ неотъемлемое право совѣсти судить провинившихся людей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и признакъ недовѣрія англійскихъ властей къ общественной честности индусовъ. Газета *Daily News*, въ своемъ нумерѣ отъ 26 февраля, называетъ упраздненіе присяжныхъ въ судебныхъ округахъ Бенгаліи «вопіющимъ самоуправствомъ», какого еще не позволяли себѣ британскіе чиновники со временъ лорда Литтона. Безъ малѣйшаго основательнаго повода, да, наконецъ, и безъ согласія статсъ-секретаря по дѣламъ Индіи, вице-губернаторъ Бенгаліи отнялъ у двѣнадцати милліоновъ жителей право, которымъ они пользовались въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ» *).

Распоряженіе это будетъ отмѣнено, но *Daily News* сожалѣетъ о томъ, что правительство не настояло на его немедленной отмѣнѣ. По мнѣнію либеральной газеты, если необходимый въ этомъ направленіи шагъ не будетъ сдѣланъ своевременно, то подобная отсрочка можетъ повести къ весьма опаснымъ для Англіи послѣдствіямъ.

Въ бельгійской палатѣ народныхъ представителей продолжается обсужденіе проекта измѣненій въ конституціи. Всѣ партіи согласны, что нынѣшняя избирательная система, въ основу которой положенъ высокій имущественный цензъ, не соотвѣтствуетъ нуждамъ современнаго государства. Министръ-президентъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Бернаертъ, открывая пренія, также высказался за пересмотръ конституціи, но противъ всеобщей

---

*) *Правительственный Вѣстникъ*, № 40.

подачи голосовъ. Въ странѣ агитація въ пользу всеобщаго и закрытаго голосованія принимаетъ обширные размѣры. Союзъ либеральныхъ бельгійскихъ ассоціацій рѣшилъ обратиться къ народу съ предложеніемъ высказаться за или противъ слѣдующихъ вопросовъ: 1) право всеобщаго голосованія для всѣхъ достигшихъ 21 года (предложеніе Янсона); 2) для достигшихъ 25 лѣтъ (предложеніе Нотомба); 3) исключеніе изъ числа избирателей тѣхъ, кто живетъ на счетъ благотворительности, и тѣхъ, кто не умѣетъ читать и писать (предложеніе Гро); 4) право голосованія только для тѣхъ, кто имѣетъ собственную квартиру извѣстной величины и обладаетъ нѣкоторымъ образовательнымъ цензомъ (предложеніе правительства); 5) исключеніе тѣхъ, кто не окончилъ первоначальной школы (предложеніе Фрера-Орбана).

Организаторы этого *referandum*'а обратились за содѣйствіемъ къ брюссельской городской думѣ, но правительство признало ея участіе въ этомъ дѣлѣ противорѣчащимъ закону. Тогда въ Брюсселѣ было устроено въ разныхъ мѣстахъ (въ томъ числѣ въ редакціяхъ либеральныхъ газетъ) сорокъ девять частныхъ бюро, куда населеніе приглашалось приходить въ назначенный день для подачи голоса. Результаты этого голосованія оказались таковы: записалось болѣе половины населенія Брюсселя; изъ этого числа (111,700) подали голосъ 60,279 человѣкъ, за предложеніе Янсона высказалось 48,660, за проектъ Нотомба—7,684, всѣ остальныя предложенія вмѣстѣ получили менѣе четырехъ тысячъ голосовъ. Около 50 тысячъ воздержавшихся отъ голосованія принадлежатъ къ католикамъ или къ умѣреннымъ либераламъ, не допускающимъ всеобщей подачи голосовъ. Правительственный законопроектъ подымаетъ число избирателей съ 130,000 (въ настоящее время) до 850,000. Нѣтъ сомнѣнія, что и такое измѣненіе явилось бы серьезнымъ улучшеніемъ конституціи; но, вѣроятно, сильное народное движеніе въ пользу всеобщаго голосованія не останется безъ вліянія на рѣшеніе палаты депутатовъ.

Интересенъ и важенъ исходъ выборовъ въ Испаніи. Республиканская партія сильно возросла и одержала такія побѣды, на которыя сама никакъ не разсчитывала. Для монархіи это является, конечно, тревожнымъ признакомъ. Если Испаніи суждено опять перейти въ республику, то можно лишь пожелать, чтобъ это совершилось мирнымъ путемъ, безъ военныхъ пронунціаменто и безъ уличной рѣзни. Оживленіе республиканскаго движенія въ Испаніи отразится, по всей вѣроятности, на положеніи дѣлъ въ Португаліи. Если не усиливается, то, во всякомъ случаѣ, не слабѣетъ республиканская партія и въ Италіи. Нечистыя банковскія дѣла, въ которыя оказываются замѣшанными и нѣкоторые настоящіе и бывшіе министры, естественно вызываютъ общественное негодованіе противъ правительства. Великодержавныя затѣи короля Гумберта, его упорная привязанность къ тройственному союзу, ради которой Италія разоряется на вооруженія, также понемногу расшатываютъ авторитетъ наслѣдника Виктора-Эммануила. Довольно сильное возбужденіе вызвалъ въ недавнее время и слѣдующій

эпизодъ. Извѣстный политическій дѣятель, Бонги, напечаталъ въ парижской газетѣ *Matin* статью, въ которой порицалъ двусмысленное отношеніе итальянскаго правительства къ банковскимъ продѣлкамъ и рѣшительно возставалъ противъ участія Италіи въ австро-германскомъ союзѣ. Король Гумбертъ обнаружилъ по этому поводу большое неудовольствіе: Бонги и его сыновья лишились приглашенія на какое-то придворное торжество; поступокъ бывшаго министра былъ переданъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Тогда римскіе журналисты, на общемъ собраніи, рѣшительно протестовали противъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ, и постановили такую резолюцію: «Ассоціація печати, имѣя въ виду случай съ Бонги, протестуетъ противъ дѣйствій, нарушающихъ принадлежащее всѣмъ гражданамъ право свободно выражать свое мнѣніе».

Печальное панамское дѣло продолжаетъ волновать французское общественное мнѣніе и привлекать къ себѣ вниманіе всей Европы. Правосудіе совершается своимъ порядкомъ, но всѣ враги республики, всѣ реакціонеры и искатели приключеній продолжаютъ яростно нападать на парламентарную республику, на кабинетъ Рибо-Буржуа, на президента Карно. Правительству до сихъ поръ удается отражать всѣ эти нападенія и находить большинство въ палатѣ депутатовъ, хотя, кромѣ явныхъ враговъ, ему приходится бороться съ врагами тайными, съ честолюбцами въ рядахъ республиканскихъ партій, для которыхъ интересы отечества служатъ предлогомъ для собственныхъ домогательствъ. Не мало толковъ и страшныхъ споровъ возбудило и неожиданное избраніе въ президенты сената вождя оппортюнистовъ, Жюля Ферри. Надобно замѣтить, однако, что рѣчь, которую произнесъ Ферри при вступленіи въ новую должность, отличалась большимъ тактомъ и примирительнымъ тономъ. Выражая благодарность за избраніе, новый президентъ сената сказалъ, что это избраніе положило конецъ долгому испытанію. Остракизмъ, гнѣвное порожденіе древняго государства, не можетъ имѣть мѣста въ современной демократіи, либеральной и полной духа терпимости. Парламентская жизнь,— продолжалъ Ферри,— научаетъ цѣнить и уважать политическихъ дѣятелей. Можетъ ли существовать лучшая школа взаимнаго уваженія, чѣмъ сенатъ республики, украшенный столькими великими именами, гдѣ встрѣчаются ораторы и государственные люди, которые какъ въ оппозиціи, такъ и на скамьяхъ правительства были украшеніемъ отечества? Сенатъ,—заявляетъ Ферри,—никогда не станетъ орудіемъ распри или реакціи, никогда не будетъ онъ врагомъ великодушныхъ новсведеній и смѣлаго почина.

Рѣчь Ферри была покрыта продолжительными рукоплесканіями. Его избраніемъ, тѣмъ не менѣе, сильно возмущены республиканцы-радикалы, сходящіеся въ этомъ отношеніи, хотя и по разнымъ, конечно, основаніямъ, с бонапартистами, клерикалами и орлеанистами. Для радикальной группы республиканцевъ Ферри ненавистенъ, какъ глава оппортюнизма, какъ «тонкинецъ», т.-е. государственный человѣкъ, втянувшій Францію въ далекія коло-

ніальныя завоеванія. Для всѣхъ враговъ республики Ферри является ея олицетвореніемъ, ненавистнымъ министромъ, который установилъ во Франціи государственную систему образованія, независимаго отъ вліянія римско-католическаго духовенства.

Органъ Жюля Ферри, *L'Estafette*, и другія оппортюнистскія газеты, конечно, ликуютъ вслѣдствіе занятія имъ такого почетнаго и вліятельнаго мѣста въ республикѣ. Эти газеты опровергаютъ, между прочимъ, въ самыхъ энергичныхъ выраженіяхъ, утвержденія противниковъ Ферри, будто онъ врагъ франко-русскаго союза. Монархическая *Soleil* поспѣшила съ серьезнымъ видомъ возвѣстить, что избраніе Ферри президентомъ сената Французской республики сейчасъ же вызвало полный разрывъ дружественныхъ отношеній между Франціей и Россіей. Особенно рѣзко и сильно обрушивается на *Soleil* за ту статью *Evenément*, справедливо разоблачая орлеанистскую интригу, которая направлена не столько противъ Жюля Ферри, сколько противъ самой республики. *L'Estafette* приводитъ по этому поводу выдержки изъ рѣчи Жюля Ферри, въ августѣ прошлаго года, при его избраніи президентомъ вогезскаго муниципальнаго совѣта, въ которой онъ рѣшительно и горячо выступилъ именно за франко-русскій союзъ *).

Пельтанъ утверждаетъ въ *Justice*, что избраніе Жюля Ферри президентомъ сената есть вызовъ, брошенный всеобщей подачѣ голосовъ системою ограниченнаго голосованія **). Органъ Клемансо требуетъ коренного измѣненія порядка избранія въ сенатъ или уничтоженія самого сената. Кассаньяковская *L'Autorité* также видитъ въ избраніи Ферри «наглый вызовъ общественному мнѣнію». Уже это совпаденіе мнѣній, высказанныхъ въ *Justice*, съ отзывомъ такого заклятаго врага республики, какъ Кассаньякъ, побуждаетъ посторонняго наблюдателя усомниться, чтобы выступленіе на политическую сцену новаго президента сената заключало въ себѣ какую-либо опасность для развитія и укрѣпленія либеральной демократіи и парламентарной республики во Франціи, и чтобы Жюль Ферри являлся помѣхою въ упроченіи дружественныхъ отношеній между Франціей и нашимъ отечествомъ ***). Покуда въ центрѣ Европы политика вооруженнаго съ головы до ногъ государства носитъ агрессивный характеръ, покуда Гогенцоллернская имперія стремится господствовать въ Европѣ, до тѣхъ поръ Франція и Россія не могутъ не держаться другъ за друга. Вмѣстѣ онѣ представляютъ такую силу, что даже нѣмецкіе шовинисты, толкуя о войнѣ на два фронта, въ союзѣ съ Австро-Венгріей и Италіей, требуютъ все новыхъ и новыхъ солдатъ и расходовъ. Когда придетъ конецъ долготерпѣнію германскаго народа, котораго развращаетъ и разоряетъ милитаризмъ, — на это конечно, отвѣтитъ нѣтъ возможности; но не подлежитъ сомнѣнію, что общественное мнѣніе Германіи все сильнѣе и сильнѣе возстаетъ противъ дикта-

*) *L'Estafette* 10 марта 1893 г.

**) *La Justice* 25 Février.

***) Когда наше обозрѣніе было сдано въ печать, телеграфъ принесъ извѣстіе томъ, что этотъ выдающійся государственный человѣкъ внезапно скончался.

торскихъ замашекъ императора Вильгельма II и противъ настойчиво проводимаго имъ расширенія милитаризма.

Поучительныя въ этомъ отношеніи свѣдѣнія сообщаетъ берлинскій корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* *). Въ рейхстагѣ происходили недавно пренія объ истязаніяхъ солдатъ въ нѣмецкой арміи. Депутаты Рихтеръ, Гейнце, Бебель нарисовали мрачную картину положенія нѣмецкаго солдата и ярко изобразили вопіющіе недостатки германскаго офицерства, его грубость и жестокость въ обращеніи съ подчиненною военною массой. По отношенію къ проступкамъ и преступленіямъ самихъ офицеровъ наблюдается необычайная, въ высокой степени несправедливая снисходительность властей. Такъ, начальникъ, принудившій солдата съѣсть, въ видѣ наказанія, горячій, какъ огонь, картофель,—солдатъ отъ этого умеръ,—приговоренъ къ девятимѣсячному заключенію. Одинъ лейтенантъ убилъ въ Дюссельдорфѣ, *изъ-за угла*, прикащика, и былъ за это посаженъ на годъ въ крѣпость. Онъ былъ помилованъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и теперь занимаетъ постъ въ Гамбургѣ. Вотъ до чего доводитъ милитаризмъ съ страненъ Лессинга и Канта, Фихте и Шиллера!

Иностранное обозрѣніе *Вѣстника Европы* (мартъ) отмѣчаетъ и другое перерожденіе въ нѣмецкомъ обществѣ: представители консерватизма и крупнаго землевладѣнія ожесточенно воюютъ съ графомъ Каприви, возставая противъ уменьшенія пошлинъ на привозный иностранный хлѣбъ и въ особенности противъ торговаго договора въ этомъ смыслѣ съ русскимъ правительствомъ. «Странно вообще,—говоритъ *Вѣстникъ Европы*,—что люди открыто добиваются установленія искусственной дороговизны хлѣба и другихъ необходимыхъ продуктовъ при помощи правительства, для увеличенія своихъ доходовъ». Подобное дѣлаютъ, конечно, не одни нѣмецкіе аграріи, а протекціонисты всѣхъ странъ, въ томъ числѣ и русскіе.

Вновь избранный президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ спокойно, просто и, въ то же время, торжественно вступилъ въ отправленіе своей высокой должности. Кливелендъ получилъ, по обычаю, приглашеніе явиться въ Бѣлый Домъ, гдѣ его ждалъ бывшій президентъ Гаррисонъ. Оттуда оба президента, въ простыхъ рединготахъ, въ одномъ ландо, запряженномъ четверкою бѣлыхъ лошадей, ѣдутъ въ Капитолій. За ними слѣдуютъ старый и новый вице-президенты республики. Сорокъ тысячъ войска,—почти вся армія великаго государства,—были разставлены по пути слѣдованія президентовъ. Масса народа наполняла разукрашенныя флагами улицы. Восторженныя привѣтствія смѣшивались съ пушечными залпами. Оба президента вступили въ Капитолій, и здѣсь, въ залѣ сената, Кливелендъ принесъ присягу, а затѣмъ, окруженный народными представителями, гражданскими и военными властями, въ присутствіи дипломатическаго кор-

*) *Русскія Вѣдомости* 4 (16) марта.

пуса, произнесъ обращенную къ американскому народу вступительную рѣчь. Затѣмъ кортежъ возвратился въ Бѣлый Домъ, бывшій президентъ Гаррисонъ дружески пожалъ руку Кливеленду и уѣхалъ, какъ частный человѣкъ, въ свое помѣстье въ Индіанополѣ.

Президентство Кливеленда (второе) начинается при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Всемірная выставка въ Чикаго будетъ великимъ національнымъ празднествомъ и торжествомъ просвѣщеннаго знаніемъ труда. Наше правительство посылаетъ къ берегамъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ военную эскадру, чтобы привѣтствовать великій и дружественный Россіи народъ.

В. Г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Значеніе съѣздовъ для русской общественной жизни.—Еще объ истощеніи нашихъ естественныхъ богатствъ.—О принципахъ, которыми должно руководиться русское общество въ заботахъ объ улучшеніи народнаго хозяйства.—Проектъ надзора за хлѣбною торговлей.—Народное образованіе въ Москвѣ и Московской губерніи.—Влеченіе народа къ школѣ.—Начальныя школы и распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній.—Юлій Эдуардовичъ Янсонъ †.

Послѣдніе года отмѣчены цѣлымъ рядомъ съѣздовъ свѣдущихъ людей по разнымъ вопросамъ нашей общественной жизни. Сельскіе хозяева, горно-промышленники, врачи, лица, соприкасающіяся съ желѣзно-дорожнымъ, съ водопроводнымъ дѣломъ, представители взаимныхъ страховыхъ обществъ, хлѣботорговцы приглашаются правительствомъ для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ, которые образуютъ особую самостоятельную группу частныхъ и общественныхъ интересовъ и нуждаются въ воздѣйствіи законодательной и административной власти. Мѣстами засѣданія съѣздовъ служатъ не только обѣ столицы, не только большіе университетскіе и торговые города, но отдаленныя окраины, отрѣзанныя многими тысячами верстъ отъ главныхъ средоточій русской общественной и государственной жизни. Въ Хабаровкѣ въ концѣ января и февраля засѣдалъ созванный скончавшимся 6 февраля генералъ-губернаторомъ барономъ Корфомъ съѣздъ «для выясненія нуждъ края». Въ съѣздѣ принимали участіе 84 лица изъ мѣстной администраціи, неслужащей интеллигенціи и купечества. Администрація все чаще и опредѣленнѣе высказываетъ мысль о полезности, о необходимости этихъ съѣздовъ, которые привлекаютъ къ оцѣнкѣ каждаго вопроса общественной жизни людей наиболѣе соприкасающихся съ данною областью. Эти люди способны, на основаніи всего пережитаго и передуманнаго, высказать опредѣленное убѣжденіе, подать дѣльный совѣтъ, помочь правительственной власти разобраться въ разнообразіи условій, которыя имѣютъ вліяніе на каждый сколько-нибудь крупный фактъ общественной жизни. Взглядъ правительства на значеніе съѣздовъ выразился въ рѣчахъ, которыми министръ финансовъ открывалъ съѣздъ хлѣботорговцевъ и совѣщаніе съ представителями петербургскихъ банковъ. Открывая 3 февраля засѣда

ніе хлѣботорговаго съѣзда, тайн. совѣтн. С. Ю. Витте сказалъ: «Въ настоящее время я никакой программы занятій не имѣю и рѣшился придти къ вамъ, чтобы съ вами побесѣдовать. Я готовъ принять участіе въ обсужденіи тѣхъ вопросовъ, которые вамъ угодно самимъ намѣтить». А закрывая первое засѣданіе, г. Витте съ удареніемъ высказалъ ту мысль, что нежелательно выслушивать однородныя мнѣнія, которыя нерѣдко могутъ быть слѣдствіемъ того, что участники совѣщанія воздерживаются отъ выраженія своихъ взглядовъ. «Если разногласія происходятъ по существу,—сказалъ министръ финансовъ,—вслѣдствіе различія въ возрѣніяхъ, то они меня не только бы не стѣснили, но я бы просилъ сохранить ихъ въ полномъ объемѣ». Бесѣдуя съ представителями биржевого купечества о мѣрахъ, способныхъ обуздать биржевую спекуляцію, С. Ю. Витте сказалъ, что «эти мѣры могли бы быть проектированы въ министерствѣ финансовъ, но желательно, чтобы купечество само подумало объ этихъ мѣрахъ, такъ какъ, разработанныя въ министерствѣ, онѣ могли бы случайно нанести вредъ интересамъ самой торговли».

Заявленія министра финансовъ не только краснорѣчиво говорятъ о значеніи, которое правительство придаетъ съѣздамъ свѣдущихъ людей, но откровенно выражаютъ мысль, что есть факты общественной жизни, которые должны быть упорядочены закономъ, должны быть предметомъ вѣдѣнія администраціи, но относительно которой администрація «не имѣетъ своей программы». И въ самомъ дѣлѣ, общественная жизнь такъ сложна, она съ каждымъ годомъ выдвигаетъ такъ много новыхъ вопросовъ, что администрація, честная, преданная своему дѣлу и благомыслящая, не преувеличиваетъ своихъ силъ и сознаетъ полную невозможность выступить съ готовою программой въ отвѣтъ на новые общественные запросы. Администрація можетъ быть исполнена самыхъ благихъ пожеланій; она можетъ имѣть достаточную научную подготовку; но ея обычная слабая сторона—та, что она часто не испытываетъ на себѣ всѣхъ перипетій, которыя выпадаютъ на долю частныхъ лицъ, которыя нарушаютъ, а иногда и потрясаютъ весь укладъ ихъ экономической жизни. Налетѣла саранча, появилась гессенская муха, чума рогатаго скота опустошила нѣсколько губерній, дешево цѣнится русскій хлѣбъ на иностранныхъ рынкахъ, кредитъ служитъ орудіемъ не торговли, а спекуляціи, несообразно построена система желѣзно-дорожныхъ тарифовъ, страдаетъ мѣстное самоуправленіе отъ того, что нѣкоторыя общественныя группы вовсе не имѣютъ политическихъ правъ, народная школа испытываетъ многочисленныя неудобства вслѣдствіе установленнаго надъ нею широко развѣтвленнаго контроля,—чиновники страдаютъ въ гораздо меньшей степени, нежели тѣ общественные слои, которые непосредственно испытываютъ всѣ эти невзгоды. 20 число обезпечено чиновникамъ; вздорожаніе жизни идетъ къ тому, что отыскиваются наградныя, которыя нѣсколько облегчаютъ эту тяготу; въ начальной школѣ чиновники не воспитываютъ своихъ дѣтей и, по условіямъ служебнаго положенія, даже рѣдко сталкиваются съ тѣми классами, которые почерпаютъ

изъ этого источника главные элементы своей духовной жизни. Такимъ образомъ, во многихъ, очень многихъ случаяхъ чиновникъ можетъ только продумать, какъ вліяютъ извѣстныя условія общественной жизни, но прямо не страдаетъ отъ нихъ. Именно этого рода опытъ, практическій въ высшемъ смыслѣ слова, результатъ не только передуманнаго, но и многократно пережитаго, нерѣдко глубоко прочувствованнаго, имѣетъ большую цѣну. Сельскій хозяинъ, заводчикъ, врачъ, торговецъ, мѣщанинъ, крестьянинъ, если предположить въ нихъ только среднія умственныя способности, могутъ во многихъ случаяхъ освѣтить предметъ обсужденія не только примѣрами, взятыми изъ книгъ, но и такими, гдѣ ихъ личныя и семейныя радости и страданія напоминали имъ о преимуществѣ одного порядка передъ другимъ, пробуждали ихъ мысль, вызывали страстное желаніе устранить тѣ или другія условія, которыя даже просвѣщенная администрація одобряетъ или осуждаетъ съ помощью только логически-правильныхъ умозаключеній. Между органами администраціи и общественными группами нѣтъ не только противуположности интересовъ, но даже и крупныхъ различій: есть только несходства, которыя позволяютъ первымъ пополнить пробѣлы вторыхъ. Люди, безсознательно относящіеся къ окружающему, люди, безъ разбора заучивающіе политическіе афоризмы (къ сожалѣнію, у насъ эти люди многочисленны), твердятъ на всѣхъ перекресткахъ «о различіи между государствомъ и обществомъ», и отсюда какъ бы о рѣзкой противуположности между чиновниками и обывателями. Но спросимъ этихъ людей о тѣхъ конкретныхъ случаяхъ, когда различіе и противуположность интересовъ обнаруживаются особенно ярко. Такъ бываетъ во всѣхъ случаяхъ, когда администрація относится къ обывателямъ съ недовѣріемъ, когда заподозриванія возводятся въ систему, когда есть склонность ко вмѣшательству въ тѣ проявленія частной жизни, которыя особенно страдаютъ отъ внѣшняго воздѣйствія. Именно тамъ, гдѣ мы наблюдаемъ недовѣрчивость, подозрительность, склонность къ насилію и чисто-формальное отношеніе къ дѣлу, съ одной стороны, мы находимъ раболѣпство, лживость, затаенную вражду—съ другой. Но какъ скоро администрація одушевлена любовью къ родинѣ, когда она сознаетъ всю важность своихъ обязанностей и относится къ гражданамъ просто и довѣрчиво,—такъ исчезаютъ всѣ противорѣчія; каждый добрый гражданинъ откликается на такой призывъ съ полною готовностью служить, по мѣрѣ силъ, интересамъ родной земли. Пристально всматриваясь въ окружающее, мы видимъ передъ собой такую громадную общественную работу, дабы обезпечить нашему отечеству даже медленное преуспѣяніе, что считаемъ необходимыми для нея не только силы всѣхъ, которые уже работаютъ на томъ или другомъ поприщѣ, не только тѣхъ русскихъ гражданъ, которые отъ времени до времени приглашаются къ участію въ съѣздахъ, коммиссіяхъ и совѣщаніямъ, но даже всѣхъ честныхъ и здравомыслящихъ русскихъ людей.

Подумаемъ только объ одной работѣ—о противодѣйствіи замѣтно ухудшающимся условіямъ внѣшней природы. Съ каждымъ днемъ накопляются новыя и новыя данныя, которыя убѣждаютъ, что здѣсь передъ нами бѣда, сравнительно съ которой самыя неудачныя войны являются только игрушками. Заглянемъ, наприм., въ памятную книжку по Воронежской губерніи на 1893 годъ. Мы находимъ тамъ статью г. Щербины *О разрушеніи почвенныхъ покрововъ*. Этотъ трудъ почтеннаго изслѣдователя отличается многосторонностью, ясностью и убѣдительностью, какъ и всѣ его предъидущія работы. Благодаря хищническому хозяйству,—говоритъ г. Щербина,—обширныя площади удобной земли перешли въ разрядъ неудобныхъ. Повсюду въ губерніи замѣчается осыпаніе овраговъ, засореніе рѣкъ, увеличеніе водомоенъ, рвовъ и обваловъ. Почвенные покровы разрушаются быстро, и тамъ, гдѣ прежде росли хлѣба, травы, лѣсъ, теперь часто нѣтъ никакой растительности. Этотъ процессъ совершается въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что въ настоящее время четыре уѣзда Воронежской губерніи—Богучарскій, Задонскій, Коротоякскій и Нижнедѣвицкій—на 1.381,000 десятинъ имѣютъ 119,000 десятинъ неудобной земли; изъ общей массы неудобныхъ таковыми стали 50,000 десятинъ за послѣднія 25 лѣтъ, т.-е. по 2,000 въ годъ. Эти измѣненія произошли на глазахъ у всѣхъ, и, однако, до сихъ поръ никто серьезно не позаботился о мѣрахъ, способныхъ предотвратить неправильное веденіе хозяйства. Мѣстами крестьяне дѣлаютъ опыты защиты овраговъ и рвовъ устройствомъ плетней, насажденіемъ лозы или вербы, но эти единичныя попытки остаются каплями въ морѣ. Къ голосамъ земскихъ статистиковъ присоединяются голоса администраціи. Вспомнимъ о сообщеніи, которое было сдѣлано оренбургскимъ губернаторомъ В. И. Ершовымъ московскому обществу сельскаго хозяйства о появленіи кобылки въ предѣлахъ Оренбургской губерніи. Докадъ выяснилъ, что губернія, кромѣ засухи, систематически страдаетъ отъ вредныхъ насѣкомыхъ и сусликовъ. Они привольно размножаются въ уральскихъ и тургайскихъ степяхъ; первоначально они перешли въ юго-восточную часть губерніи, а теперь ими заполнена вся губернія. Губернаторъ опредѣляетъ въ 12% убыль урожая въ мѣстности, пораженной кобылкой. Нужно думать, что эта цифра значительно ниже дѣйствительныхъ потерь: послѣднія вычислены по отношенію къ цифрамъ урожая, опредѣляемымъ волостными правленіями, которыя вообще держатся очень низкихъ нормъ при опредѣленіи средняго урожая. Борьба съ кобылкой и другими вредными насѣкомыми носитъ, по словамъ г. Ершова, вполнѣ случайный характеръ. Принимаемыя мѣры оказывались большею частью настолько *безуспѣшными*, что въ народѣ только упрочивалось убѣжденіе о *греховности борьбы съ кобылкой*, которая есть Божья кара. И въ 1892 году примѣнялась давно извѣстная мѣра—ловля кобылки руками и особыми снарядами, борьба велась энергично, истратили 7,000 рублей, изловили 370,000 пуд., но ни на одинъ волосъ не измѣнили условій, вслѣдствіе которыхъ появляются вредныя насѣкомыя, и не уничтожили ихъ зародышей. Г. Ершовъ указалъ на

одно бѣдствіе, поражающее нашего земледѣльца, а другой представитель администраціи, казанскій вице-губернаторъ А. Н. Энгельгардтъ, далъ цѣлую картину разоренія, которое обрушилось на среднее и нижнее Поволжье. Составивъ очеркъ крестьянскаго хозяйства въ Казанской губерніи, г. Энгельгардтъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что выводы о крестьянскомъ хозяйствѣ въ Казанской губерніи примѣнимы къ большинству поволжскихъ губерній, находящихся въ весьма сходныхъ климатическихъ, почвенныхъ и экономическихъ условіяхъ. Авторъ не касается вопроса о неблагопріятныхъ перемѣнахъ, которыя, вслѣдствіе неправильнаго хозяйства, совершились въ почвѣ и частью въ климатѣ; онъ даетъ рядъ поистинѣ угрожающихъ цифръ, которыя безъ пространныхъ поясненій знакомятъ съ размѣрами народнаго бѣдствія. Къ 1 января 1891 г. у крестьянъ Казанской губерніи числилось около 410,000 лошадей, а къ 1 января 1892 г. осталось 280,000; 130,000 лошадей (около $^1/_3$) погибло вслѣдствіе безкормицы. Понятно, въ какихъ размѣрахъ должно было увеличиться число безлошадныхъ дворовъ: въ Спасскомъ уѣздѣ въ 1885 г. было 6,3% безлошадныхъ дворовъ, а въ 1892 — 23,6%, въ Тетюшскомъ число такихъ дворовъ возросло съ 9,8 на 30,3%. Другимъ признакомъ большого разоренія служитъ ростъ недоимокъ. Въ 1891 году недоимки по государственнымъ платежамъ составляли $8^1/_2$ милл. рублей, а по продовольственнымъ ссудамъ $2^1/_2$ милліона. Въ 1892 году сумма первыхъ увеличилась до 15 милліоновъ, вторыхъ—также до 15. Общій итогъ долговъ казнѣ и земству достигъ 30 милліоновъ рублей. Къ этому нужно пріобщить огромные долги крестьянства ростовщикамъ, но эти долги не легко поддаются учету. Авторъ смотритъ на положеніе дѣлъ съ совершенно правильной точки зрѣнія. Неурожаи въ предъидущія десятилѣтія, наприм., въ 40-хъ годахъ, могли быть забыты сравнительно скоро. Были налицо запасы хлѣба, почвенныя богатства не были истощены, а потому народный трудъ могъ скоро возстановить въ хозяйствѣ равновѣсіе, нарушенное неурожаемъ. *Малоземелье* и *тяжесть* налоговъ—таковы, по мнѣнію этого просвѣщеннаго администратора, главныя причины угнетеннаго положенія крестьянства. Въ 1861 году только 3% сельскихъ обществъ имѣли надѣлъ ниже трехъ десятинъ, который признавался недостаточнымъ; теперь таковыхъ насчитывается уже около 25%; 30 лѣтъ тому назадъ было 11,4% общинъ съ высшимъ надѣломъ — около 7 десятинъ; въ настоящее время эта группа исчезла. Весь валовой доходъ отъ земли даетъ крестьянамъ Казанской губерніи около $33^1/_2$ милліоновъ; изъ нихъ $13^1/_2$ милл. затрачиваются на расходы по веденію хозяйства и повинности; на домашнія потребности семьи остается только 20 милліоновъ, что составляетъ 10 рублей на наличную душу. На эту сумму нужно прокормиться, одѣться, а, между тѣмъ одинъ хлѣбъ, котораго нужно 21 пудъ на душу, при цѣнѣ въ 50 копѣекъ требуетъ 10 р. 50 к. По мнѣнію г. Энгельгардта, налоги крайне обременительны: они поглощаютъ не меньше $^1/_6$ части валового дохода. Чистаго дохода въ крестьянскомъ хозяйствѣ, по словамъ автора, нѣтъ; на исчис-

ленную доходность съ сельско-хозяйственныхъ капиталовъ налоги падаютъ колоссальною тяжестью въ 53%.

Перейдемъ опять въ среднюю Россію и послушаемъ, что говорилось на орловскомъ губернскомъ земскомъ собраніи и на уѣздныхъ собраніяхъ Орловской губерніи. Коммиссія, избранная въ августѣ 1892 года чрезвычайнымъ ливенскимъ земскимъ собраніемъ, представила докладъ о положеніи уѣзда. Этотъ докладъ рисуетъ такую же безотрадную картину, какую далъ намъ казанскій вице-губернаторъ. Оказывается, что, вслѣдствіе прироста населенія, на наличную душу приходится только 0,99 десятины пахотной земли, что только въ одной изъ волостей Ливенскаго уѣзда крестьяне сдали міроѣдамъ за долги 2,307 десятинъ, которыя сконцентрировались въ рукахъ немногихъ лицъ. Оказывается, что бѣдность быстро ведетъ къ физическому вырожденію: изъ призывавшихся къ отбыванію воинской повинности въ 1875 году было забраковано 16,4%, а въ 1890 г.—35,9%. Такова степень, въ какой прогрессируетъ тѣлесное вырожденіе. Закончимъ этотъ обзоръ только двумя-тремя цифрами изъ отчета богородицкаго (Тульской губерніи) уѣзднаго попечительства. Отчетъ свидѣтельствуетъ о полномъ разореніи крестьянъ Богородицкаго уѣзда: въ нѣкоторыхъ волостяхъ, какъ показываетъ произведенная попечителями подворная опись, число рабочихъ лошадей уменьшилось за 1891—92 г. на 30—55%, коровъ—на 50—70%, овецъ—на 40—72%. И если бы мы хотѣли еще дольше остановиться на аналогичныхъ цифрахъ, то могли бы охватить всю страну, за исключеніемъ рѣдкихъ счастливыхъ оазисовъ.

У насъ возникла уже цѣлая литература мѣропріятій, которыми нужно врачевать недуги нашего народнаго хозяйства. Книги, брошюры, газеты, проекты земства, мнѣнія и заключенія сельско-хозяйственныхъ обществъ, докладныя записки, представляемыя отдѣльными лицами и цѣлыми учрежденіями,—вотъ пестрый матеріалъ мѣропріятій. Въ немъ много нелѣпаго, но въ немъ есть и такія указанія, которыя имѣютъ большую практическую цѣну. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ серьезнаго вниманія мѣры, предложенныя ливенскимъ земскимъ собраніемъ. Въ основу всѣхъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію народнаго хозяйства, ливенское земство кладетъ переселенія. Организація этого дѣла правительствомъ, и, притомъ, въ широкихъ размѣрахъ, съ выселеніемъ изъ Ливенскаго уѣзда 35,000 мужчинъ и 35,000 женщинъ,—вотъ предѣлы, до которыхъ должна идти переселенческая политика относительно только одного уѣзда. Администрація вполнѣ присоединяется къ постановленію земства: орловскій губернаторъ, открывая въ минувшемъ январѣ орловское губернское земское собраніе, указалъ на организацію переселеній, какъ на дѣло первостепенной важности. Согласно съ программой ливенскаго земства, переселеніе должно быть добровольное. Право на него должно быть предоставлено не только тѣмъ селеніямъ, гдѣ ощущается недостатокъ въ надѣльной землѣ, но и тѣмъ, вокругъ которыхъ нѣтъ достаточнаго количества владѣльческой земли для

арендованія. Право на переселеніе должно быть предоставлено независимо отъ имущественнаго ценза; переѣздъ на новыя мѣста долженъ быть даровой. Давая своимъ членамъ согласіе на переселеніе, сельское общество должно уплачивать выселяющемуся за его надѣлъ такую сумму, которая соотвѣтствуетъ средней арендной платѣ за 10 лѣтъ. Въ случаѣ слишкомъ большого числа лицъ, желающихъ переселиться, учрежденія, вѣдающія крестьянское дѣло, должны устанавливать между ними очередь. На ряду съ этою мѣрой ливенское земство предлагаетъ еще такія средства для улучшенія крестьянскаго хозяйства: 1) объ обмѣнѣ между селеніями и отдѣльными (четвертными) владѣльцами земельныхъ участковъ (для устраненія черезполосности); 2) о выселеніи отдѣляющихся отъ семей домохозяевъ на дальніе участки; 3) объ ограниченіи правъ сельскихъ обществъ на слишкомъ мелкую разбивку земли; 4) объ установленіи болѣе длинныхъ сроковъ общихъ передѣловъ (не менѣе 25 лѣтъ); 5) о воспрещеніи сдачи крестьянами своихъ земель какъ обществами, такъ и отдѣльными лицами; 6) о воспрещеніи посѣва хлѣба по хлѣбу; 7) о воспрещеніи запахивать выгоны, косогоры, берега рѣкъ, ручьевъ и прудовъ; 8) объ установленіи наказаній за нарушеніе предъидущаго воспрещенія и усиленіи наказаній за нарушеніе правъ собственности. Далѣе коммиссія предлагаетъ мѣры, входящія въ компетенцію земства: учрежденіе образцовыхъ фермъ съ опытными полями, пріобрѣтеніе производителей рабочаго и рогатаго скота, лѣсоразведеніе и засаживаніе враговъ и неудобныхъ для пашни мѣстъ, учрежденіе ремесленныхъ школъ, образованіе при земской управѣ особаго бюро для упорядоченія передвиженія народа на заработки, преобразованіе сельскихъ училищъ, субсидируемыхъ земствомъ. Большая часть этихъ мѣръ одобрена орловскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ и рекомендована имъ земствамъ и другихъ черноземныхъ уѣздовъ губерніи, находящихся въ однородныхъ условіяхъ съ Ливенскимъ.

Не слѣдуетъ пройти молчаніемъ попытокъ, которыя сдѣланы въ Шадринскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, съ цѣлью улучшенія крестьянскаго хозяйства. Шадринскіе земскіе дѣятели, съ г. Ѳедотовымъ во главѣ, устроили нѣсколько десятковъ крестьянскихъ артелей. Дѣло началось лѣтомъ 1892 года. Артели слагаются изъ 6 членовъ каждая, съ обязанностью высѣять не менѣе 2 десятинъ подъ яровой хлѣбъ. Для начала дѣла артели получили хорошія посѣвныя сѣмена, которыя обезпечиваютъ полученіе лучшаго урожая, нежели обычный въ данной мѣстности. Каждая артель получила заимообразно 2 лошади для обработки земли подъ артельный посѣвъ. Урожай предположенъ къ раздѣлу такимъ образомъ, что часть поступаетъ для уплаты продовольственныхъ ссудъ и казенныхъ взысканій, другая часть идетъ въ запасъ на продовольствіе на случай неурожайнаго года, часть въ вознагражденіе старосты, а послѣдняя часть распредѣляется между членами. По примѣрному разсчету, на долю каждаго приходится не менѣе 10 пудовъ ржи и столько же ярового хлѣба. Каждая артель выбираетъ изъ своей среды старосту, который сосредоточиваетъ въ своихъ

рукахъ сильную власть; сверхъ того, каждая артель имѣетъ попечителемъ кого-нибудь изъ мѣстной интеллигенціи. Въ настоящее время въ Шадринскомъ уѣздѣ сформировалось уже около 50 такихъ артелей. Будущее покажетъ, могутъ ли онѣ имѣть значительное вліяніе на хозяйственный бытъ своихъ членовъ. Но слѣдуетъ отмѣтить одну особенность: мѣстные крестьяне, какъ то удалось наблюсти организаторамъ артелей, отдаютъ предпочтеніе артельнымъ запашкамъ предъ общественными. Шадринскіе земскіе дѣятели объясняютъ неудачи многихъ общественныхъ запашекъ разнородностью элементовъ, которые входятъ въ составъ сельскаго общества. Состоятельные крестьяне убѣждены, что никогда не будутъ нуждаться ни въ какой помощи, а потому и подаютъ голосъ противъ общественныхъ запашекъ. Къ нимъ часто примыкаютъ средніе домохозяева, которые указываютъ, что должны обрабатывать поле подъ общественную запашку на своихъ лошадяхъ, тогда какъ они, въ случаѣ нужды, получаютъ для продовольствія не больше, чѣмъ и безлошадные хозяева. А такъ какъ начало солидарности во многихъ общинахъ развито не довольно сильно, то, подъ вліяніемъ этихъ условій, общественная запашка или вовсе не вводится, или вводится, но участники работаютъ очень небрежно. Артельныя запашки соединяютъ людей одинаковаго имущественнаго положенія. Бѣдняки, составляя артель, понимаютъ, что она даетъ имъ большое преимущество передъ бѣдняками, которые остались внѣ артели, а потому, разъ артель сложилась, то всѣ участники, увѣренные, что только они будутъ всецѣло пользоваться плодами своего труда, начинаютъ дружно работать и исполнять безусловно всѣ требованія устава. Въ этомъ есть доля истины: пока начало солидарности мало развито, общественныя запашки не могутъ имѣть большаго успѣха. Земледѣльческія артели, распространяясь среди крестьянъ, могутъ способствовать воспитанію и чувства солидарности.

---

18 февраля состоялось послѣднее засѣданіе съѣзда хлѣботорговцевъ. Съѣздъ постановилъ надзоръ за торговлею хлѣбомъ и масляничными сѣменами на внутреннихъ рынкахъ возложить на хлѣбныя биржи, хлѣботорговые комитеты и попечительства, городскія и уѣздныя земскія управы или мѣстныя организаціи, ихъ замѣняющія. Въ городахъ и крупныхъ хлѣботорговыхъ пунктахъ, гдѣ, по размѣрамъ торговыхъ оборотовъ и многочисленному составу торговцевъ, образованіе хлѣбныхъ биржъ окажется возможнымъ, послѣднія учреждаются и организуются общимъ порядкомъ, для этого установленнымъ. Въ тѣхъ хлѣботорговыхъ пунктахъ, гдѣ хлѣбныхъ биржъ не имѣется, по ходатайствамъ мѣстныхъ общественныхъ учрежденій, а гдѣ такихъ нѣтъ, по представленію подлежащихъ мѣстныхъ властей, образуются, съ разрѣшенія министерства финансовъ, хлѣботорговые комитеты. Въ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, хлѣботорговые комитеты состоятъ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя уѣздной управы или лица, выбраннаго соединеннымъ засѣданіемъ городской думы и уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, одного члена, избираемаго сельско-хозяйствен-

нымъ обществомъ, а если его нѣтъ, то уѣзднымъ земскимъ собраніемъ изъ мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ, и одного члена, избираемаго городскою думой изъ мѣстныхъ хлѣбныхъ торговцевъ. Причемъ могутъ быть избираемы лишь только тѣ торговцы, которые платятъ гильдію и участвуютъ въ раскладочномъ сборѣ не менѣе двухъ лѣтъ. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ нѣтъ думъ, члены хлѣботорговаго комитета отъ торговцевъ избираются мѣстнымъ купеческимъ обществомъ изъ мѣстныхъ хлѣбныхъ торговцевъ, съ соблюденіемъ условій, необходимыхъ для этого. Въ губерніяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія, наприм., Западный край, Прибалтійскія губерніи и проч., хлѣботорговые комитеты образуются подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, члены же отъ сельскихъ хозяевъ избираются сельско-хозяйственнымъ обществомъ, если такое есть, или дворянскимъ собраніемъ, а гдѣ и этихъ не существуетъ, съѣздомъ мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ, созываемыхъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства; въ мѣстностяхъ же, гдѣ нѣтъ предводителя дворянства и земскихъ или дворянскихъ учрежденій, члены хлѣботорговыхъ комитетовъ отъ сельскихъ хозяевъ назначаются по представленію мѣстныхъ властей министерствомъ по соглашенію съ министерствомъ государственныхъ имуществъ, члены же отъ хлѣботорговцевъ избираются на основаніи вышесказанныхъ правилъ.

Въ торговыхъ пунктахъ, внѣ городскихъ поселеній, надзоръ за хлѣбною торговлей можетъ быть возлагаемъ на хлѣботорговыя попечительства. При учрежденіи попечительствъ сохраняется принципъ равнаго представительства сельско-хозяйственныхъ и торговыхъ интересовъ. Предсѣдателемъ попечительства состоитъ или особое лицо, избранное земскимъ собраніемъ, или же одинъ изъ членовъ хлѣботорговаго попечительства, если это по мѣстнымъ условіямъ окажется возможнымъ. Члены отъ сельскаго хозяйства выбираются порядкомъ, изложеннымъ выше, а отъ хлѣбной торговли—городскою думой или мѣстными хлѣботорговцами.

На хлѣботорговые комитеты возлагается, а на попечительства могутъ быть возлагаемы: 1) Выработка и измѣненіе правилъ о внутренней хлѣбной торговлѣ, примѣнительно къ мѣстнымъ обычаямъ и положеніямъ. 2) Наблюденіе за исполненіемъ правилъ и распоряженій, до внутренней хлѣбной торговли относящихся, а равно преслѣдованіе нарушителей этихъ правилъ и распоряженій. 3) Выборъ маклеровъ и присяжныхъ надзирателей и другихъ служащихъ, гдѣ это потребуется. 4) Составленіе инструкцій какъ для комитетовъ и попечительствъ, такъ и для исполнительныхъ органовъ, а равно и наблюденіе за точнымъ исполненіемъ этихъ инструкцій. 5) Наблюденіе за тѣмъ, чтобы при покупкѣ и продажѣ продуктовъ сельскаго хозяйства взимались лишь сборы, установленные въ законномъ порядкѣ. 6) Установленіе правилъ для разцѣнки хлѣбовъ по ихъ качеству, примѣнительно къ порту тяготѣнія, а равно выработка градацій скидокъ и бонификаціи для отступленій противъ условій сдѣлки. Установленіе бонификацій. 7) Разборъ и разрѣшеніе споровъ, возникающихъ по хлѣбнымъ сдѣлкамъ, и разныя другія мѣры, относящіяся до хлѣбной торговли. Упорядоченіе торговли можно

признать цѣлесообразнымъ. Но не будемъ забывать, что центръ тяжести лежитъ вовсе не въ регулированіи торговли хлѣбомъ, а въ улучшеніи условій сельскаго хозяйства. Его крайне малая производительность и бездоходность и служитъ одною изъ причинъ ухудшенія качества русскаго хлѣба.

Наши земства, стоя лицомъ къ лицу съ сѣрою, неподкрашенною жизнью крестьянина, обыкновенно вѣрно оцѣниваютъ причины невзгодъ, которыя обрушиваются на эту жизнь, и намѣчаютъ средства, способныя улучшить бытъ русской деревни. Люди образованныхъ классовъ, если они стоятъ довольно далеко отъ простолюдиновъ или стоятъ и близко, но придаютъ особенно большое значеніе техническимъ мѣрамъ, впадаютъ въ односторонность, и ихъ совѣты, проникнутые доброжелательствомъ, оказываются непрактичными. Такое впечатлѣніе получили мы отъ брошюры К. К. Вебера *Нужды нашего народнаго хозяйства*. Г. Веберъ подсмѣивается надъ тѣми печальниками о русскомъ мужикѣ, которые придаютъ малоземелью особенное значеніе. Онъ говоритъ съ удареніемъ о развитіи техническихъ производствъ въ связи съ сельскимъ хозяйствомъ и ссылается на высокій уровень, достигнутый западно-европейскимъ земледѣліемъ. Разсужденія г. Вебера отличаются иногда ненужною теоретичностью. Никто не отрицаетъ техническаго превосходства западно-европейской культуры предъ русскою. Но нельзя согласиться, чтобы русскій мужикъ могъ выкарабкаться изъ нынѣшняго положенія и измѣнить къ лучшему систему своего хозяйства безъ крупныхъ экономическихъ мѣропріятій, направленныхъ на расширеніе его земельнаго надѣла. Не всегда практичный при оцѣнкѣ нуждъ нашего земледѣлія, г. Веберъ высказываетъ мѣстами вѣрныя замѣчанія относительно русской кустарной промышленности. Онъ дѣлаетъ безошибочную оцѣнку тѣмъ непосильнымъ тягостямъ, которыя нашъ покровительственный таможенный тарифъ налагаетъ на мелкое производство. Авторъ ставитъ важный вопросъ о возможности для нашего кустаря занять прочное положеніе на всемірномъ рынкѣ и рѣшаетъ его въ утвердительномъ смыслѣ—въ смыслѣ возможности для нѣкоторыхъ промысловъ снабжать издѣліями заграничные рынки. «Для примѣра возьму,— говоритъ авторъ,— проволочныя издѣлія, составляющія продуктъ довольно крупной отрасли кустарной промышленности въ Германіи, вывозящей проволочныхъ издѣлій на нѣсколько милліоновъ марокъ, тогда какъ у насъ, несмотря на то, что мы, вслѣдствіе болѣе дешевой работы того же кустаря села Павлова, всегда въ состояніи не только вытѣснить эти германскія издѣлія съ нашего рынка, но и въ состояніи конкуррировать на міровомъ рынкѣ, производство проволочныхъ издѣлій, какъ отрасль кустарной промышленности, вовсе не развито. Почему? Главнымъ образомъ, благодаря пошлинѣ на ввозимую къ намъ проволоку. Снимите пошлину съ проволоки, обучите кустаря этому дѣлу, и онъ съумѣетъ и здѣсь, ежели только ему дадутъ должную подготовку, основать столь же прочную доходную статью, какъ это сдѣлалъ кустарь въ Германіи» (стр. 109). У насъ установлена очень высокая пошлина на проволоку, однако, у насъ

нѣтъ хорошей проволоки туземнаго производства. Германскій кустарь-проволочникъ зарабатываетъ 12 марокъ въ недѣлю. Русскій кустарь успѣшно конкуррировалъ бы съ нѣмецкимъ и даже выбилъ бы его съ міроваго рынка, еслибъ имѣлъ заработокъ хотя 3 рубля въ недѣлю. Но такой заработокъ возможенъ только при безпошлинномъ ввозѣ къ намъ проволоки. А при нынѣшней пошлинѣ по 1 р. 80 к. съ пуда кустарю остается заработокъ только по 20 к. въ день. Авторъ останавливается и на второмъ примѣрѣ—кустарномъ бумаго-ткацкомъ производствѣ. Нашъ ткачъ-кустарь могъ бы продолжать работу при невысокой таможенной пошлинѣ на пряжу. При нынѣшней же пошлинѣ въ 10 р. 72 к. на пудъ пряжи кустарь зарабатываетъ только 14 копѣекъ за 12-ти часовой рабочій день. Давленіе, которое производитъ таможенная политика Россіи именно на мелкаго производителя, заставляетъ напомнить о новыхъ и опасныхъ соперникахъ, которые въ недалекомъ будущемъ начнутъ угрожать нашей обрабатывающей промышленности. Такова Индія, гдѣ британское правительство дѣлаетъ серьезныя усилія и затрачиваетъ большія средства для упроченія кустарной промышленности. Одною изъ главныхъ мѣръ для развитія мелкой промышленности въ Индіи служитъ устройство промышленныхъ музеевъ, показывающихъ мѣстнымъ производителямъ то, чего требуетъ міровой рынокъ относительно производствъ, развитыхъ въ данной мѣстности. Первый музей былъ открытъ въ Калькуттѣ еще въ 1874 году. Въ настоящее время подобные музеи есть во всѣхъ значительныхъ городахъ Индіи.

Разъ мы затронули вопросъ о кустарной промышленности, то слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о мѣрахъ, принятыхъ на ея пользу за послѣднее время. Вятское земство особенно старается поддержать нашу сельскую промышленность. Въ этихъ видахъ вятскому губернскому земскому собранію 1892 года былъ представленъ докладъ о способахъ поддержанія промысловъ. Въ ряду намѣченныхъ средствъ выдающееся мѣсто занимаетъ земскій кустарный ломбардъ. Вятское уѣздное земство обращаетъ особенное вниманіе на необходимость развитія доступнаго кредита для многочисленныхъ кустарей губерніи. Они часто бываютъ вынуждены сбывать свой товаръ по пониженнымъ цѣнамъ въ неподходящее время и нерѣдко выручаютъ только за одинъ матеріалъ. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Вяткѣ былъ устроенъ складъ кустарныхъ издѣлій. Теперь же управа просила земское собраніе открыть при этомъ складѣ ломбардъ, въ которомъ кустари не только Вятскаго уѣзда, но и сосѣднихъ—Слободского, Орловскаго, Нолинскаго и другихъ, могли бы временно получать подъ свои издѣлія денежныя ссуды не дороже какъ изъ 6% годовыхъ и не болѣе 25 рублей въ однѣ руки. Кустарный ломбардъ не является въ той мѣстности новымъ учрежденіемъ; онъ служитъ продолженіемъ склада кустарныхъ издѣлій, тѣмъ болѣе, что складъ не только принимаетъ издѣлія на коммиссію, но и выдаетъ подъ нихъ безпроцентныя ссуды, въ размѣрѣ отъ 50 до 75% цѣны издѣлій. Разница же между складомъ и ломбардомъ та, что послѣдній выдаетъ ссуды не только подъ «ходовой» товаръ, но и подъ всякій товаръ

имѣющій цѣну, и уже сами производители и закладчики должны заботиться о своевременномъ сбытѣ этихъ издѣлій. Управа предположила ограничиться на первое время ассигнованіемъ 10,000 рублей для этой цѣли. Независимо отъ кустарнаго ломбарда, организуемаго (какъ показываютъ цифры, въ очень скромныхъ размѣрахъ) для 3—4 уѣздовъ, каждый уѣздъ ознаменовалъ истекшій годъ какими-нибудь мѣрами воспособленія кустарной промышленности. Одни земства (малмыжское, уржумское, слободское) постановили учредить сельско-хозяйственные и кустарные комитеты, съ отчисленіемъ небольшихъ суммъ на эту статью, а другія (котельническое, сарапульское) ассигновали небольшія суммы для улучшенія кустарнаго ткачества посредствомъ пріобрѣтенія усовершенствованныхъ ткацкихъ становъ и приглашенія опытныхъ мастеровъ, которые могли бы ознакомить кустарей съ лучшими пріемами работы.

Каждое изъ указанныхъ нами мѣропріятій можетъ принести извѣстную пользу; иногда польза будетъ ощущаться въ предѣлахъ одного, даже многихъ уѣздовъ, въ другой разъ она ограничится предѣлами волости или даже селенія. Но какъ бы ни была велика польза отъ отдѣльныхъ мѣръ или даже цѣлой системы мѣропріятій, она далеко не сравнится съ размѣрами разоренія нашего народнаго, особенно крестьянскаго хозяйства, до тѣхъ поръ, пока мы не проникнемся двумя убѣжденіями: во-первыхъ, что нужно смотрѣть правдѣ въ глаза, что нужно выносить соръ изъ избы, такъ какъ изба не дѣлается чище отъ усерднаго накопленія въ ней сора, и, во-вторыхъ, что тѣ права и привилегіи, которыя предоставлены у насъ наиболѣе просвѣщенному сословію дворянства, должны служить ему средствомъ не къ тому, чтобы замыкаться въ кругѣ узкихъ сословныхъ интересовъ, а чтобы содѣйствовать рѣшенію дѣйствительно широкихъ и общенародныхъ задачъ.

Говоря о необходимости смотрѣть правдѣ въ глаза, мы вспоминаемъ эпизоды изъ исторіи нашей земской статистики. Когда съ половины 70-хъ годовъ начали выходить въ свѣтъ земскіе статистическіе сборники по Московской, Черниговской и другимъ губерніямъ, то всѣ образованные и любознательные русскіе люди съ отрадой усматривали въ этихъ изданіяхъ источникъ точнаго и многосторонняго познанія родины и драгоцѣнное пособіе при всѣхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ на пользу русской общественной жизни. Молодые люди, призванные земствами изслѣдовать условія народнаго быта, отнеслись къ дѣлу такъ разумно и добросовѣстно, что съ каждымъ годомъ значительно расширялись программы статистическихъ работъ и въ кругъ изслѣдованій входили все новые вопросы общественной жизни. Конечно, состояніе крестьянскаго хозяйства, процвѣтаніемъ котораго опредѣляется внутренняя сила государства и его внѣшнее могущество, должно было сдѣлаться предметомъ особенно внимательнаго изученія. Такъ и случилось. Однако, когда статистики съ полнымъ безпристрастіемъ отмѣтили тяжелыя условія, на которыхъ крестьяне многихъ губерній арендуютъ земли,

то послышались негодующіе голоса, что такія цифры оскорбительны для землевладѣльцевъ. Начался протестъ противъ земской статистики. Всѣмъ извѣстно, что въ 1881 году этотъ протестъ принялъ въ Рязанской губерніи большіе размѣры и даже пріостановилъ статистическія изысканія въ томъ направленіи и съ тою полнотой, какъ они производились ранѣе. Съ половины 80-хъ годовъ статистическія изслѣдованія земства были подвергнуты значительнымъ ограниченіямъ и изъ программы были исключены многіе вопросы, касающіеся крестьянскаго хозяйства и его отношеній съ частно-владѣльческими хозяйствами.

Мы не ошибемся, если назовемъ протестъ противъ земскихъ статистическихъ изслѣдованій протестомъ противъ истины, намѣреннымъ зажмуриваніемъ глазъ передъ дѣйствительностью русской жизни. Частныя мелочныя соображенія, лежавшія въ основаніи этого протеста, совершенно заслонили сознаніе долга. Эти соображенія заставили протестовавшихъ забыть то мудрое и простое правило, что общественная дѣятельность только въ томъ случаѣ можетъ быть плодотворна, когда она опирается на всестороннее изученіе жизни, что если въ огромномъ и разнообразномъ матеріалѣ относительно условій народнаго быта есть многое, имѣющее въ данную минуту только отвлеченный интересъ, отвѣчающее на нашу любознательность, то, быть можетъ, завтра эти свѣдѣнія получатъ ближайшую практическую цѣну. Въ основѣ протеста лежало также непониманіе солидарности выгодъ всего населенія данной мѣстности. Протестовавшіе не сообразили, что если, въ угоду ихъ узко-эгоистическимъ интересамъ, статистическія изслѣдованія будутъ пріостановлены или отклонены съ пути, на который они первоначально были направлены, то они не будутъ производиться въ желанной полнотѣ и относительно тѣхъ явленій, которыя имѣютъ равно угрожающее значеніе для всѣхъ. Можно было предсказать, что, обрѣзанное въ правѣ производить статистическія изысканія, земство вообще не будетъ обладать уже тою энергіей, которую оно первоначально принесло на службу дѣлу. Мы убѣждены, что такой протестъ имѣлъ невыгодныя практическія послѣдствія. Еслибъ его не было, то еще въ началѣ 80-хъ годовъ нужды населенія были бы освѣщены болѣе ярко, необходимость энергической борьбы съ малоземельемъ и высокими арендными цѣнами заявили бы о себѣ еще болѣе громко и теперь мы располагали бы болѣе полнымъ переселенческимъ законодательствомъ, дѣло развитія народнаго кредита значительно подвинулось бы впередъ,—словомъ, было бы сдѣлано гораздо больше подготовительной работы для улучшенія народнаго хозяйства.

Мы припоминаемъ этотъ печальный эпизодъ изъ исторіи русской статистики не столько для того, чтобъ упрекнуть бывшихъ дѣятелей, сколько для того, чтобы предупредить настоящихъ и будущихъ. Пусть тяжелые годы, которые выпали на нашу долю, умудрятъ насъ. Пусть они навсегда внѣдрятъ въ насъ убѣжденіе, что необходимо возможно широкое ознакомленіе съ родиной, дабы наши мѣропріятія не были построены на пескѣ. Пусть всѣ слои нашего общества проникаются убѣжденіемъ, что никакіе разсче-

ты и соображенія не должны служить преградою въ этомъ важномъ и необходимомъ дѣлѣ. Критическая мысль должна со строгимъ научнымъ безпристрастіемъ разобрать причины нашего оскудѣнія. Узко-эгоистическія побужденія отдѣльныхъ партій, прихоти вліятельныхъ лицъ и учрежденій, доводы, что такое-то изслѣдованіе не имѣетъ ближайшей практической цѣны, что оно «теоретично», не должны задерживать внимательнаго и всесторонняго изученія народной жизни. Нужно помнить, что положеніе слишкомъ серьезно, что нужна дружная работа всѣхъ и что только ничѣмъ не стѣсняемая мысль и искреннее свободное слово расчистятъ путь къ нашему общему матеріальному преуспѣянію и духовному обновленію.

Не отворачиваясь отъ дѣйствительной жизни во всей ея непривлекательной наготѣ, не кривя душой, называя вещи заслуженнымъ именемъ; мы должны также заботиться о томъ, чтобъ избирать себѣ въ общей массѣ труда на пользу родины то, что оправдываетъ затрату силъ. Намъ приходятъ въ голову вопросы, которые занимали многія дворянскія собранія. Припомнимъ, напримѣръ, вопросъ о заповѣдности дворянскихъ имѣній, о способахъ пріобрѣтенія дворянскаго достоинства и другіе. О нихъ было говорено очень много. Но если вдуматься въ ихъ истинное значеніе, то слѣдуетъ сказать, что дворянство можетъ сохранить и упрочить за собой свое положеніе не заботой объ этихъ узко-сословныхъ интересахъ. Прошлое убѣждаетъ, что искусственныя мѣры къ поддержанію дворянства не приводили къ замѣтнымъ результатамъ и только заботы объ интересахъ всего населенія данной мѣстности могутъ принести дворянству обильные плоды. Не трудно привести убѣдительныя доказательства тому, что дворянство, какъ помѣстное сословіе, ближайшимъ образомъ заинтересовано въ судьбахъ населенія своей мѣстности. Возьмемъ такой примѣръ: крестьяне арендуютъ землю по несообразно высокой цѣнѣ, которая оставляетъ съемщику гораздо меньшій заработокъ, нежели плата сельскаго рабочаго. Высокая арендная плата, разрушая крестьянское хозяйство, заставляетъ поселянина дорожить всѣми мѣропріятіями, которыя расширяютъ его земельный надѣлъ и улучшаютъ способы веденія хозяйства. Но въ такихъ мѣрахъ на пользу крестьянъ прямо заинтересованъ и помѣщикъ: непомѣрно высокія арендныя цѣны связаны съ такою усиленною эксплуатаціей земли, что наступаетъ истощеніе почвы, со всѣми вредными послѣдствіями, которыя мы указали выше. Эти явленія обнаруживаются первоначально на крестьянскихъ земляхъ, а вскорѣ потомъ и на владѣльческихъ. И если, наприм., въ Воронежской или Курской губерніяхъ, гдѣ такъ рѣзко обозначилось ухудшеніе внѣшней природы, дворянство хотя немного сдѣлаетъ, чтобы задержать этотъ процессъ, если оно приложитъ старанія къ улучшенію хозяйства «малыхъ сихъ» добрымъ примѣромъ, сдачею земель въ аренду на болѣе нормальныхъ условіяхъ, то оно гораздо больше послужитъ и своимъ матеріальнымъ выгодамъ, и своему авторитету, нежели какимъ бы то ни было строемъ заповѣдныхъ имуществъ или перемѣнами въ способахъ, которыми пріобрѣтается дворянское званіе.

Отмѣчая всѣ успѣхи въ жизни нашей школы, мы съ грустью должны сознаться, что первопрестольная столица не можетъ за послѣднее десятилѣтіе похвастаться успѣшною дѣятельностью. Въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* напечатана статья г. Шестакова, доказывающая, что московская городская начальная школа очень мало подвинулась впередъ за 1883—92 годы. Московская городская дума послѣднихъ выборовъ относилась къ народной школѣ такъ безучастно, что въ послѣднія 5 лѣтъ явились осязательные признаки отсталости школьнаго дѣла. Въ 1883 году, которымъ начинается это десятилѣтіе, было открыто 10 новыхъ школъ, а за всѣ остальные годы только 11. Въ первой половинѣ этого десятилѣтія, когда городскіе доходы поднялись на 11,9%, расходы по учебному дѣлу увеличились на 82,6%, а за вторую половину десятилѣтія, когда доходы увеличились еще выше, на 26,4%, расходы на школы возросли въ меньшей пропорціи, только на 25,3%. Ежегодные отказы въ пріемѣ дѣтей убѣждаютъ, что отношеніе между числомъ школъ и запросомъ городского населенія на образованіе измѣнилось очень невыгодно: въ 1876—82 годахъ въ пріемѣ ежегодно отказывали 1,220 дѣтямъ, а съ 1883 по 92—уже 2,162. Очень неблагопріятное впечатлѣніе производитъ упадокъ вечерне-воскресныхъ классовъ, которые, распространяя грамотность, въ извѣстной степени восполняютъ недостатокъ нормальныхъ школъ. Въ зиму 1886—87 годовъ до 1,500 человѣкъ посѣщали эти классы; среди посѣщавшихъ было не мало дѣтей моложе 12 лѣтъ. Но совершившееся въ послѣдніе годы закрытіе многихъ классовъ и запрещеніе допускать въ нихъ дѣтей моложе 12 лѣтъ повели къ тому, что число посѣтителей сократилось въ 1892 году до 702. Этимъ явленіямъ во внѣшней исторіи московской городской школы соотвѣтствуютъ и недостатки ея внутренняго устройства. Очень большое число дѣтей (13—15%) оставляютъ школу до окончанія курса. Въ значительной мѣрѣ это объясняется тѣмъ, что московская школа даетъ своимъ питомцамъ въ теченіе 5-ти лѣтняго курса очень малый запасъ свѣдѣній. Неудовлетворительное состояніе библіотекъ при школахъ доказываетъ, что дѣти получаютъ очень мало вспомогательнаго матеріала для своего умственнаго развитія. Въ 4 школахъ вовсе нѣтъ книгъ для дѣтскаго чтенія, и въ остальныхъ оно колеблется между 79 и 846; во многихъ школахъ за послѣдній годъ не пріобрѣтено ни одной книги. Сверхъ того, многія школьныя библіотеки наполнены книгами, которыя, вродѣ октоиха, постной и цвѣтной тріоди, положительно недоступны для дѣтей. Поэтому московская городская школа далеко не можетъ оказывать на учащихся того благотворнаго вліянія, котораго можно требовать отъ нея.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ *Статистическій ежегодникъ Московской губерніи за 1892 годъ*. Статистическіе труды московскаго земства издавна считаются образцовыми; и каждымъ изданіемъ они еще болѣе укрѣпляютъ упрочившуюся за ними репутацію. Обширная статья г. Петрова даетъ отчетъ о состояніи училищъ Московской губерніи за прошлый годъ. Отчетъ убѣждаетъ, что школьное дѣло заявило о себѣ значительны

ми успѣхами. Къ концу 1892 учебнаго года общее число школъ въ губерніи достигло 820, увеличившись за годъ на 22. Изъ общаго числа—511 земскихъ училищъ. А изъ общаго числа учащихся въ 54,000 на долю земскихъ школъ приходится до 34½ тысячъ; число учащихся, увеличившееся во всѣхъ школахъ на 5,5%, возросло въ земскихъ училищахъ на 6,5%. Отчетъ по Московской губерніи знакомитъ также съ замѣтными улучшеніями въ школьной обстановкѣ. Сравнивая школы, помѣщающіяся въ собственныхъ зданіяхъ за 188⅞ и 189½ годы, мы находимъ для перваго періода 1,76 кв. арш. площади и 7,08 куб. арш. воздуха на 1 учащагося, а во второмъ періодѣ—1,93 и 8,09. Правда, отдѣльные уѣзды представляютъ въ этомъ отношеніи большія различія: сравнивая всѣ измѣренныя школы, помѣщающіяся какъ въ собственныхъ домахъ, такъ и въ наемныхъ, мы находимъ на 1 учащагося наименьшее количество воздуха въ Коломенскомъ и Серпуховскомъ уѣздахъ (5,7 и 5,8 куб. арш.), а наибольшее въ Дмитровскомъ и Рузскомъ (9,1 и 9,9 куб. арш.). Такимъ образомъ, сдѣланы замѣтные успѣхи, хотя среднее число учениковъ на школу увеличилось за этотъ періодъ на 2—3 въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, а въ иныхъ даже на 8—10—12 (Бронницкій, Верейскій, Волоколамскій уѣзды). Несмотря на сдѣланные успѣхи, школьныя помѣщенія оставляютъ еще многаго желать, такъ какъ площадь пола, приходящаяся на ученика, составляетъ 74% нормальной, а кубическое содержаніе—63% нормальнаго. Состояніе школьнаго дѣла въ Московской губерніи, которое имѣетъ полное право считаться образцовымъ по сравненію съ большинствомъ губерній, особенно ярко обнаруживаетъ нужды нашей народной школы: мы говоримъ о степени обезпеченности школъ библіотеками. Оказывается, что изъ 13 уѣздовъ только 2—Клинскій и Московскій—достаточно обезпечены библіотеками при школахъ; въ этихъ уѣздахъ есть только 1 школа, не имѣющая библіотеки. Въ нѣкоторыхъ же уѣздахъ дѣло стоитъ въ этомъ отношеніи крайне неудовлетворительно: въ Можайскомъ уѣздѣ только 32 школы имѣли библіотеки, а въ Звенигородскомъ—даже только 13. Средняя школьная библіотека содержала 170 книгъ. По числу книгъ земскія школы отстали отъ городскихъ и министерскихъ, которыя имѣютъ въ среднемъ 681 и 443 на библіотеку, но опередили училища церковно-приходскія и воспитательнаго дома (167 и 134 книги на школьную библіотеку). Но 170 книгъ на среднюю библіотеку представляютъ особенно скромную цифру, если припомнимъ, что изъ 511 школъ 140 вовсе не имѣли библіотеки. Московскимъ земствамъ нужно сдѣлать еще много, очень много для того, чтобы школа сполна удовлетворяла духовныя потребности населенія. Эти-то пробѣлы даже въ губерніи, имѣющей такое отзывчивое на народныя нужды земство, какъ московское, заставляютъ отнестись съ особеннымъ сочувствіемъ къ дѣятельности московскаго комитета грамотности по устройству народныхъ библіотекъ. Извѣстно, что это прекрасное начинаніе встрѣчено горячимъ сочувствіемъ всего московскаго образованнаго общества, и въ публичныхъ лекціяхъ, которыя были прочитаны московскими

профессорами въ пользу комитета грамотности, выразилась тѣсная связь русскаго университета съ народною школой. Отчетъ о школьномъ дѣлѣ въ Московской губерніи съ большою ясностью обнаружилъ одно явленіе, которое было наблюдаемо и раньше, но нигдѣ не выдѣлилось такъ рельефно, какъ здѣсь: мы говоримъ о связи общаго состоянія народнаго хозяйства съ числомъ дѣтей, выбывающихъ изъ школы до срока. Въ 1891—2 году число мальчиковъ, выбывшихъ изъ школы до окончанія курса, составляетъ только 14—15%, тогда какъ въ 1887—9 годахъ оно достигало 19%. Этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что въ прошломъ застой въ промышленныхъ и торговыхъ дѣлахъ открывалъ только очень узкое поле для примѣненія дѣтской рабочей силы. Родители, имѣя зимой небольшіе заработки, меньше отрывали дѣтей отъ школы, нежели въ концѣ 80 годовъ, когда былъ большой запросъ на издѣлія кустарей и родители охотно брали дѣтей изъ школы, чтобы воспользоваться ихъ трудомъ въ промысловыхъ занятіяхъ.

Указавъ на безостановочное развитіе народнаго образованія въ Московской губерніи, мы хотимъ отмѣтить также успѣхи школьнаго дѣла въ другихъ мѣстахъ нашего отечества. Среди нихъ видное мѣсто занимаетъ Сосницкій уѣздъ, Черниговской губерніи. *Южный Край* говоритъ, что въ періодъ. слишкомъ 20-ти лѣтняго существованія успѣли выпустить изъ своихъ стѣнъ не одну тысячу грамотнаго населенія и возбудили любовь къ грамотѣ. Въ настоящее время трудно найти въ уѣздѣ самую незначительную деревню, гдѣ бы не было двухъ-трехъ грамотныхъ, не говоря уже о селахъ, болѣе или менѣе населенныхъ. Насколько привилась въ средѣ крестьянъ любовь къ чтенію, можетъ послужить примѣромъ слѣдующій весьма отрадный въ сельской жизни фактъ. Восемь сельскихъ обществъ одной изъ волостей порѣшили выписывать, каждое въ отдѣльности, газету. Мотивомъ послужило то обстоятельство, что у крестьянъ въ праздничные и воскресные дни много свободнаго времени, а также и то, что молодежь, закончившая курсъ сельской школы, не имѣетъ надлежащаго матеріала для чтенія. Читальни предположено устроить въ сборняхъ. Такъ какъ есть основаніе предполагать, что наплывъ желающихъ послушать новостей и почитать газету будетъ болѣе или менѣе значительный, то въ принципѣ рѣшено устроить такъ называемыя окольныя сборни—по двѣ, по три на сельское общество—и завести библіотечки. Затѣя сельскихъ обществъ встрѣчена населеніемъ сосѣднихъ волостей весьма сочувственно и вызываетъ подражаніе. Этотъ фактъ знаменателенъ. Еще не очень давно, 10—15 лѣтъ назадъ, получающаго газету сторонились, какъ человѣка «вольнымъ мыслей», въ настоящее же время газета является необходимой не только для жителя города, но и для деревни.

Интересъ къ просвѣщенію проявляется также въ самыхъ отдаленныхъ захолустьяхъ Гродненской губерніи. Мы узнаемъ изъ корреспонденціи въ *Сынъ Отечества*, что за послѣднія 10—15 лѣтъ по слѣдамъ народной школы идутъ и народныя библіотеки, устраиваемыя на средства крестьянъ. Мы узнаемъ, что въ бездѣжскомъ народномъ училищѣ Кобринскаго уѣзда библіотека, основанная на пожертвованія крестьянъ, существуетъ

уже 10 лѣтъ и что въ прошломъ году она имѣла 90 читателей, окончившихъ мѣстную школу, которые прочли 892 книги, почти по 10 на каждаго. А вотъ и другой фактъ. Въ с. Житлинѣ, отдаленномъ отъ городовъ и мѣстечекъ, школа была открыта только въ 1885 году; до тѣхъ же поръ населеніе не имѣло понятія о грамотѣ. Когда вслѣдъ за тѣмъ при школѣ была открыта небольшая библіотека, то недѣли въ три взрослые и дѣти перечитали ее всю до 160 томовъ. Среди немногихъ отрадныхъ явленій русской жизни влеченіе народа къ знанію занимаетъ выдающееся мѣсто. Знаніе подвергается многосторонней оцѣнкѣ; слышатся изъ народа голоса, что школа и грамотность уменьшаютъ въ народѣ наклонность къ пьянству. Въ *Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* сообщено мнѣніе крестьянина-самоучки о томъ, что онъ самъ видѣлъ въ с. Туркахъ, Балашовскаго уѣзда, Саратовской губерніи. Въ началѣ 80 годовъ въ этомъ селѣ была земская школа съ 60 учениками, а теперь 5 училищъ, въ которыхъ учится 375 дѣтей. На ряду съ ростомъ просвѣщенія измѣнились къ лучшему привычки населенія. Прежде турковскіе крестьяне, справляя свадьбы и престольные праздники, уничтожали огромное количество водки, теперь же они пьютъ гораздо меньше. Грубая привычка пить безъ мѣры замѣнилась у нихъ слѣдованіемъ пословицѣ: «пей, да ума не пропивай». Авторъ сообщенія приписываетъ эту перемѣну въ нравахъ ни чему иному, какъ распространенію грамотности. Это воззрѣніе простого человѣка особенно характерно, если мы вспомнимъ, какъ мало значенія придаетъ народной школѣ наша печать извѣстнаго направленія.

Къ начальной школѣ предъявляютъ запросы во всѣхъ случаяхъ, когда заходитъ рѣчь о распространеніи въ народѣ сельско-хозяйственнаго образованія. Тотъ же запросъ дѣлаетъ къ ней и А. М. Калмыкова въ своемъ послѣднемъ докладѣ о задачахъ комитета грамотности въ дѣлѣ распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній. Г-жа Калмыкова дѣлитъ на 3 группы среду, которою будутъ восприниматься эти знанія: 1) группа малолѣтнихъ, учащихся въ школахъ; 2) группа подростковъ, обучавшихся въ школѣ; 3) группа взрослыхъ крестьянъ съ подавляющимъ процентомъ безграмотныхъ. Для насажденія знаній среди малолѣтнихъ въ рукахъ интеллигенціи существуетъ одно могущественное средство—начальная школа. А. М. Калмыкова намѣчаетъ слѣдующія мѣры: 1) изданіе стѣнныхъ таблицъ и другихъ дешевыхъ наглядныхъ пособій по различнымъ отдѣламъ естествознанія; 2) составленіе списка наиболѣе нужныхъ пособій для наблюденій и опытовъ, каковы, напримѣръ, лупа, термометръ, дождемѣръ и т. п.; 3) составленіе инвентаря наиболѣе дешевыхъ и простыхъ принадлежностей, необходимыхъ для составленія школьнаго естественно-историческаго и сельско-хозяйственнаго музея; 4) организація выставокъ коллекцій, составленныхъ учащимися въ народныхъ школахъ различныхъ частей Россіи, и выдача премій за лучшія изъ нихъ; 5) изданіе книгъ изъ области естествознанія для внѣкласснаго чтенія учащихся. По отношенію подростковъ докладчица, не видя никакой возможности устроить для нихъ въ настоящее

время практическіе курсы земледѣлія при каждой начальной школѣ, а также и возможности прохожденія значительнымъ числомъ изъ нихъ курса въ спеціальномъ низшемъ земледѣльческомъ училищѣ, предлагаетъ позаботиться о возможно болѣе крѣпкой связи подростковъ съ общеобразовательною начальною школой. Средствами для этого являются: 1) вечернія повторительныя занятія, имѣющія цѣлью расширеніе круга знаній, вынесенныхъ изъ школы; 2) бесѣды и чтенія съ волшебнымъ фонаремъ изъ области естествознанія, географіи и общихъ свѣдѣній по земледѣлію; 3) тщательно обставленные для этого возраста читателей особые отдѣлы въ школьныхъ библіотекахъ; 4) экскурсіи и практическія занятія съ учителемъ въ школьномъ саду, огородѣ, пчельникѣ и т. д.; 5) участіе въ составленіи школьнаго музея и самостоятельное составленіе коллекцій при указаніяхъ учителя; 6) занятія въ опытномъ полѣ и на агрономической станціи подъ руководствомъ агрономическаго смотрителя и учителя начальной школы. Въ осуществленіи вышеуказанныхъ мѣръ и нравственное, и матеріальное участіе комитета грамотности можетъ быть очень значительно. Наконецъ, для содѣйствія распространенію свѣдѣній, необходимыхъ для перехода къ болѣе правильному веденію сельскаго хозяйства въ средѣ взрослаго крестьянскаго населенія, комитетъ грамотности можетъ остановиться на слѣдующихъ мѣрахъ: 1) составить и издать брошюры по нѣкоторымъ общимъ вопросамъ сельскаго хозяйства для чтеній и бесѣдъ съ волшебнымъ фонаремъ и демонстраціей соотвѣтствующихъ тексту тщательно выбранныхъ иллюстрацій; 2) содѣйствовать открытію возможно большаго числа сельскихъ народныхъ школъ; 3) доставлять статьи и другой матеріалъ въ видѣ каталоговъ, указаній для помѣщенія въ *Сельскомъ Вѣстникѣ*,— въ единственномъ распространенномъ изданіи среди сельскаго населенія. Всѣ эти мѣры въ большой или меньшей степени полезны, но мы боимся, что сложныя обязанности, возлагаемыя на учителей народныхъ школъ въ дѣлѣ распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній, могутъ отвлечь ихъ отъ прямого назначенія и ослабить общеобразовательный характеръ начальной школы, который навсегда долженъ остаться ея отличительною чертой.

Въ хроникѣ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній за послѣдній мѣсяцъ нужно отмѣтить очень важное мѣропріятіе попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа: значительное сокращеніе учебной программы. Эти сокращенія коснулись почти всѣхъ классовъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ. Они распространились въ большей или меньшей степени на всѣ учебные предметы, кромѣ закона Божія, русской исторіи и французскаго и нѣмецкаго языковъ. Рекомендованныя сокращенія, какъ справедливо выражено въ циркулярѣ М. Н. Капустина, не только не понизятъ уровня знаній учащихся, но будутъ имѣть благопріятныя послѣдствія: не обремен[я] памяти, учащіеся лучше сосредоточатся на усвоеніи существеннаго по каждому учебному предмету. Мы уже имѣли случай (*Внутреннее Обозрѣ*[ніе] 1892 г., ноябрь) указать на полезность сокращеній учебной программы, а потому и не останавливаемся дальше на этомъ вопросѣ.

Русская наука понесла большую утрату въ лицѣ Юлія Эдуардовича Янсона, внезапно скончавшагося 31 января настоящаго года. Покойный родился въ Кіевѣ 5 ноября 1835 г., какъ значится въ послужномъ спискѣ; но покойный не задолго до смерти говорилъ, что ему 63 годъ; если такъ, то онъ родился въ 1830 или 1831 году. Окончивъ курсъ гимназіи, Ю. Э. поступилъ на медицинскій факультетъ Кіевскаго университета, но оставилъ его черезъ годъ и перешелъ на историко-филологическій факультетъ, который и окончилъ въ 1855 году со степенью кандидата. Назначенный учителемъ гимназіи, онъ посвящалъ свободное время занятію политическою экономіей и статистикой, которая въ то время еще не была въ нашемъ отечествѣ предметомъ научной разработки. Въ 1860 году онъ началъ преподавать политическую экономію въ Горыгорѣцкомъ земледѣльческомъ институтѣ, а въ 1864 году былъ переведенъ въ Петербургъ. Съ 1866 года началась преподавательская дѣятельность покойнаго въ Петербургскомъ университетѣ и Александровскомъ лицеѣ по каѳедрѣ статистики. Практическая дѣятельность Ю. Э. выразилась въ томъ, что онъ завѣдывалъ статистическимъ отдѣломъ петербургской управы и состоялъ товарищемъ предсѣдателя общества охраненія народнаго здравія. Научныя заслуги покойнаго побудили избрать его членомъ международнаго статистическаго института и членомъ-корреспондентомъ академій наукъ, а также почетнымъ членомъ нѣкоторыхъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ.

Съ большими дарованіями и пытливостью ума Янсонъ соединялъ рѣдкое трудолюбіе. «Я поставилъ себѣ за правило, — говаривалъ онъ,— работать каждый день надъ моими статистическими матеріалами». Такъ онъ и дѣлалъ: онъ не садился за письменный столъ только въ тѣ немногіе дни, когда отправлялся на охоту, которая давала ему необходимый отдыхъ, освѣжала его силы. Привычка къ правильному труду, умѣнье пользоваться временемъ помогли покойному выполнить огромное количество научной и практической работы. Первымъ печатнымъ трудомъ Янсона была его магистерская диссертація *Значеніе теоріи ренты Рикардо,* изданная въ 1864 году. Опираясь на Шторха, Тюнена и Рау, Янсонъ подвергъ разбору ученіе англійскаго экономиста. Окончательный поворотъ къ статистическимъ трудамъ покойный сдѣлалъ въ 1870 году, когда вышла въ свѣтъ его докторская диссертація *Направленія въ научной обработкѣ нравственной статистики.* Пользуясь трудами Кетле, Дюфо и другихъ, Янсонъ не столько останавливается на содержаніи ихъ изслѣдованій, сколько на ихъ пріемахъ. Съ 70-хъ годовъ стали появляться въ печати труды покойнаго по статистикѣ населенія. Первоначально они выходили отдѣльными очерками въ журналѣ *Знаніе* и затѣмъ вошли въ составъ его *Сравнительной статистики Россіи и западно-европейскихъ государствъ* (1878—1880 гг.). Первый томъ обнимаетъ статистику населенія, а второй — статистику землевладѣнія и сельскаго хозяйства. Особенно много самостоятельнаго труда было положено авторомъ на обработку второго тома, для котораго въ нашей литературѣ было очень мало подготовительныхъ работъ. Послѣдній

годъ жизни Ю. Э. посвятилъ подготовленію къ печати второго изданія перваго тома своей *Сравнительной статистики*. Значительная часть его уже напечатана. Въ рукописи, какъ намъ извѣстно, изданіе было закончено за нѣсколько дней до смерти. Есть, такимъ образомъ, надежда, что оно вскорѣ появится въ свѣтъ. Другой важный трудъ покойнаго—*Теорія статистики*, вышедшая въ 1891 году третьимъ изданіемъ. Эта книга содержитъ описаніе статистическихъ пріемовъ и учрежденій. Въ русской литературѣ она занимаетъ первое мѣсто среди трудовъ по методологіи статистики.

Янсону принадлежитъ также рядъ трудовъ, посвященныхъ вопросамъ русской экономической жизни. Въ концѣ 60-хъ годовъ онъ предпринялъ по приглашенію вольнаго экономическаго и географическаго обществъ поѣздку въ южныя и юго-западныя губерніи для изслѣдованія хлѣбной торговли. Нѣсколько книгъ, составившихъ результатъ этого изслѣдованія, содержатъ описаніе хлѣбной торговли въ Крыму, на Волыни, въ одесскомъ и пинскомъ районахъ, а также условій производства хлѣба. Въ 1877 году вышло его сочиненіе *Опытъ о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ*, гдѣ цѣлымъ рядомъ цифръ, почерпнутыхъ изъ трудовъ валуевской комиссіи, доказывается недостаточное обезпеченіе крестьянъ земельнымъ надѣломъ и большая обременительность платежей, лежащихъ на сельскомъ населеніи. Книга Янсона оказала русскому обществу ту важную услугу, что въ защиту положенія о *малоземельѣ*, какъ главной причинѣ удрученнаго положенія крестьянскаго хозяйства, привела огромное подавляющее количество данныхъ; эти данныя касаются не одного какого-либо уѣзда и не одной губерніи, а почти всей Европейской Россіи. Въ связи съ этою книгой стоитъ его *Очеркъ правительственныхъ мѣръ по переселенію крестьянъ послѣ 19 февраля 1861 года*, напечатанный въ 1881 году въ журналѣ *Русская Рѣчь*. Картина малоземелья при крайней рѣдкости населенія въ нашемъ отечествѣ естественно привела Янсона къ заключенію, что разумная переселенческая политика является одною изъ важнѣйшихъ мѣръ къ улучшенію быта нашего крестьянства.

Профессорская дѣятельность Янсона въ Петербургскомъ университетѣ не ограничивалась чтеніемъ лекцій: устроивъ въ университетѣ очень богатый статистическій кабинетъ, онъ охотно руководилъ практическими занятіями студентовъ. Стоя во главѣ петербургской городской статистики, Ю. Э. организовалъ правильныя наблюденія надъ разными явленіями столичной жизни, которыя печатались въ *Ежегодникахъ Петербурга*. Ежегодники содержатъ богатый матеріалъ по городской статистикѣ. Санитарная статистика, состояніе народнаго образованія, подвозъ главныхъ предметовъ потребленія, нѣкоторые столичные промыслы, городскіе финансы и многое другое нашли себѣ въ этомъ изданіи тщательную и всестороннюю разработку. Отмѣтимъ, наконецъ, руководство покойнаго переписями населенія Петербурга, произведенными въ 1881 и 1890 годахъ. Послѣдняя однодневная перепись удовлетворяетъ всѣ требованія, которыя ставитъ статистическая техника новѣйшаго времени.

Дѣтство и отрочество Т. Г. Шевченка.

Со дня смерти Т. Г. Шевченка проходитъ уже тридцать второй годъ, а у насъ не имѣется сколько-нибудь подробной біографіи этого, по справедливому выраженію покойнаго Аполлона Григорьева, «послѣдняго кобзаря и перваго великаго поэта новой великой литературы славянскаго міра» *). Достойно вниманія и то, что оцѣнка произведеній Шевченка появилась впервые за границей, да и впослѣдствіи въ этомъ отношеніи иностранцы сдѣлали, къ стыду нашему, гораздо болѣе, нежели мы. Правда и то: написать біографію Шевченка, а тѣмъ болѣе сдѣлать всестороннюю критическую, безпристрастную оцѣнку его поэтическихъ произведеній—значитъ написать исторію культуры и просвѣщенія въ Россіи вообще и въ частности на Украйнѣ за столѣтіе, начиная съ пятидесятыхъ годовъ XVIII вѣка. «Исторія моей жизни,—вполнѣ справедливо сказалъ самъ Шевченко,—составляетъ часть исторіи моей родины». Дѣйствительно, съ именемъ Шевченка тѣсно, неразрывно связана во всѣхъ отношеніяхъ судьба его народа. «Народъ какъ бы избралъ Шевченка,—говоритъ покойный Костомаровъ,—пѣть вмѣсто себя», и повѣдать цивилизованному міру свое горе, свои печали, свои бѣдствія, уничтоженныя отчасти лишь 19 февраля 1861 г. Пѣсня высоко-художественной поэзіи Шевченка есть «пісня-слезы» закрѣпощеннаго и поверженнаго въ тьму кромѣшную народа. Нельзя указать другого поэта въ исторіи всемірной литературы, который былъ бы къ народу болѣе близокъ *во всѣхъ* отношеніяхъ, болѣе понятенъ народу,—болѣе, такъ сказать, народенъ, чѣмъ Шевченко. Какъ бы высоко въ своихъ произведеніяхъ ни поднимался Шевченко въ сферу общечеловѣческихъ идеаловъ гуманности, онъ нигдѣ не отрывается отъ народа, нигдѣ не теряетъ своей народности, онъ вездѣ и всегда глубоко и истинно народенъ, потому что онъ родился и выросъ на почвѣ народной исторіи; онъ сосредоточилъ въ себѣ всѣ дурныя и хорошія свойства своего народа, въ немъ выразилась вся національно-народная душа. Вотъ почему въ средѣ народной массы ни одинъ поэтъ

*) *Время* 1861 г., апрѣль.

не былъ такъ понятенъ, какъ Шевченко, и такъ популяренъ «подъ сельскою стріхой» (кровлей), какъ онъ. Но при всемъ томъ слава Шевченка и популярность его имени и произведеній далеко еще не достигли своего зенита, вслѣдствіе многихъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій, какъ, наприм., невѣжества народной массы и т. п., и т. п.

Совершенно понятно, что для написанія біографіи такой выдающейся личности, вышедшей изъ темной закрѣпощенной массы «мужиковъ», тѣмъ болѣе для оцѣнки его произведеній въ связи съ исторіей культуры у насъ не настало еще время. Но можно и должно сдѣлать хотя опытъ критическаго изслѣдованія того біографическаго матеріала о Шевченкѣ, который въ продолженіе тридцати одного года появлялся на страницахъ русской, а отчасти и иностранной печати, и который, все-таки, далеко еще не весь опубликованъ.

Первыя свѣдѣнія о жизни Шевченка явились въ печати въ журналѣ покойнаго Александра Александровича Оболенскаго *Народное Чтеніе*, гдѣ въ февральской книжкѣ 1860 г. было напечатано коротенькое автобіографическое письмо Шевченка къ редактору, помѣченное 18 февраля 1860 г. Черезъ годъ послѣ этого письма, именно 26 февраля 1861 г., Шевченко умеръ и съ тѣхъ поръ началъ появляться въ печати біографическій матеріалъ, разбросанный по весьма многимъ періодическимъ изданіямъ, изъ которыхъ многія сдѣлались теперь библіографическою рѣдкостью. Прежде всего, въ *Основѣ* 1861 и 1862 гг. были напечатаны матеріалы, собранные А. М. Лазаревскимъ и М. К. Чалымъ и *Дневникъ* поэта, веденный имъ нѣкоторое время не задолго до смерти. Дневникъ представляетъ драгоцѣнный біографическій матеріалъ; но, къ сожалѣнію, *Основа* не могла напечатать его дословно. Я видѣлъ въ богатой коллекціи В. В. Тарновскаго подлинникъ этого *Дневника* и думаю, что едва ли когда-нибудь и гдѣ-нибудь *Дневникъ* явится въ печати безъ пропусковъ.

За прекращеніемъ *Основы* прекратилось было оглашеніе матеріаловъ для біографіи Шевченка, пока въ 1874 г. редакція *Грамотея* не издала въ Москвѣ краткаго очерка жизни Шевченка, составленнаго В. П. Масловымъ. При всей своей краткости, трудъ Маслова имѣетъ ту важную заслугу, что онъ оживилъ, такъ сказать, воспоминанія о Шевченкѣ и вызвалъ новыя оглашенія переписки поэта съ друзьями и знакомыми. Послѣ того въ 1876 г. было издано въ Прагѣ два тома произведеній Шевченка и при нихъ воспоминанія о поэтѣ Н. И. Костомарова, И. С. Тургенева, Я. П. Полонскаго и М. Микѣшина; но всѣ эти воспоминанія не давали ничего, или почти ничего, новаго для подробнаго освѣщенія дѣтскихъ и юношескихъ лѣтъ геніальнаго пѣвца Украіни. Вмѣсто очерка жизни Шевченка, издатели пражскаго *Кобзаря* ограничились перепечаткою названнаго выше автобіографическаго письма къ Оболенскому. Текстъ произведеній Шевченка въ этомъ *Кобзарѣ* не провѣренъ; музѣ Шевченка приписали чужія, и, притомъ, весьма плохія произведенія, какъ, наприм., стихотворенія Аѳанасьева-Чужбинскаго и Петренка, напечатанныя въ харьков

скихъ альманахахъ еще въ сороковыхъ годахъ. Наконецъ, въ 1882 г. въ Кіевѣ М. К. Чалый издалъ объемистую, въ 280 страницъ, книгу озаглавивъ ее совершенно правильно *Сводомъ матеріаловъ* для біографіи Шевченка. Трудъ г. Чалова вновь вызвалъ приливъ, по преимуществу на страницахъ *Кіевской Старины*, новыхъ воспоминаній о Шевченкѣ, оглашеніе новыхъ его писемъ и фактовъ его жизни. Такимъ образомъ, въ настоящее время представляется уже *нѣкоторая*, далеко, конечно, не полная возможность сдѣлать критическую оцѣнку опубликованныхъ біографическихъ матеріаловъ и составить если не подробную біографію Шевченка, то хотя нѣчто близкое къ ней.

Но предварительно надо сказать нѣсколько, разумѣется, самыхъ краткихъ словъ о состояніи украинско-русской литературы до Шевченка, ибо такое чрезвычайно крупное литературное явленіе, какъ Шевченко, и такой успѣхъ и вліяніе его музы находятся, прежде всего, въ прямой и неразрывной зависимости отъ той исторической почвы, которая взростила и Шевченка, и его музу.

Извѣстно, прежде всего, что украинско-русская устная народная словесность, думы и пѣсни, роскошно-богата и величественно-прекрасна, какъ роскошна и прекрасна природа Украйны, какъ величественна ея исторія. Богатство и разнообразіе содержанія и идейности, свѣжесть и художественность образовъ, высота духа, глубина чувства, изящество формъ народной рѣчи—вотъ главные элементы украинскихъ народныхъ думъ и пѣсенъ.

Писаная словесность южно-русская еще въ XII вѣкѣ оставила намъ всѣмъ извѣстное высоко-художественное поэтическое произведеніе *Слово о полку Игоревѣ*.

И мы, основываясь на этихъ памятникахъ народнаго творчества, смѣло можемъ сказать, что украинско-русская литература, развиваясь естественнымъ прогрессивнымъ путемъ, въ своемъ развитіи, навѣрное, опередила бы многія литературы другихъ народовъ, если бы развитіе ея не встрѣчало на своемъ пути внѣшнихъ препятствій, часто неодолимыхъ. Препятствія эти, начавшись еще въ XIII вѣкѣ, усиливались постепенно, особенно въ началѣ второй половины XVIII вѣка, и не устранены еще вполнѣ и въ настоящее время, а кое-гдѣ, перемѣнивъ лишь форму, оказываютъ свое вліяніе, еще болѣе, чѣмъ когда-либо, подтачивая главные корни русской культуры.

Въ давнее время и даже еще въ началѣ XVIII вѣка главнѣйшимъ препятствіемъ къ развитію украинско-русскаго народнаго слова были, прежде всего, внѣшнія, почти безпрерывныя войны съ сосѣдями и внутреннія междоусобицы на Украйнѣ. На защиту «волі і віри» и національно-народнаго бытія, на защиту, разумѣется, грубою матеріальною силой, край отдавалъ всѣ свои лучшія силы; объ оборонѣ другою силой, — силой духовной, орудіемъ культуры,—въ тѣ времена мало кто заботился на Украйнѣ, хотя къ тому и видимъ стремленіе еще въ началѣ XVII вѣка въ лицѣ извѣстнаго митрополита Петра Могилы, а позднѣе въ томъ же столѣтіи въ лицѣ

гетмана Ивана Выговскаго, который, подъ вліяніемъ европейски образованнаго Немирича, требовалъ отъ Польши организаціи на Украйнѣ высшихъ учебныхъ заведеній и признанія свободы книгопечатанія.

По прекращеніи войнъ, доведшихъ богатый хлѣбородный край до величайшаго экономическаго обѣднѣнія народной массы и до страшнаго голода, постигшаго Украйну во время гетманства Ивана Мазепы, начинается мало-по-малу измѣненіе соціальнаго и экономическаго быта. Духовенство утрачиваетъ свое просвѣтительное значеніе; руководимая имъ схоластическая школа, разъединенная съ народною массой языкомъ, не оказываетъ и не могла оказывать благотворнаго содѣйствія къ успѣшному развитію литературы. Далѣе наступаетъ полная оторванность отъ народа, полное разъединеніе съ нимъ почти всей интеллигенціи. Наступили такія обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ интересы высшихъ классовъ населенія сдѣлались діаметрально-противуположными интересамъ массы. Невѣжество народной массы сдѣлалось интересомъ высшихъ сословій — дворянства, а отчасти, хотя не поголовно, и духовенства.

Разъединеніе народа съ дворянствомъ и діаметральная противуположность интересовъ ихъ на правобережной Украйнѣ произошли гораздо ранѣе, нежели на лѣвобережной. Правобережные высшіе классы украинско-русскаго населенія, соблазняемые привилегіями польскихъ пановъ-католиковъ, отреклись отъ вѣры и языка предковъ, окатоличились и ополячились, пренебрегли народнымъ языкомъ и тѣмъ самымъ не только денаціонализировались, но стали во враждебное отношеніе къ народу и, конечно, не имѣли никакого побужденія заботиться о просвѣщеніи массы, а тѣмъ болѣе о развитіи науки и литературы на языкѣ «хлопа». Интеллектуальныя силы ополяченныхъ украинцевъ обогащали польскую литературу.

На лѣвомъ берегу Украйны окончательное разъединеніе высшихъ классовъ съ народомъ произошло вслѣдствіе превращенія «старшины» въ дворянство и еще болѣе вслѣдствіе введенія крѣпостного права. И здѣсь, какъ и на правомъ берегу, дворянство, да и вообще интеллигенція утратили тотъ органъ, который, прежде всего и *больше всего*, связываетъ народную темную массу съ просвѣщенными классами: я разумѣю народный языкъ, этотъ могущественный и единственно-вѣрный, незамѣнимый проводникъ свѣта и культуры сверху внизъ. Такимъ образомъ, на Украйнѣ образовалось два языка: «панській»—языкъ господъ и «хлопській», «мужичій»—языкъ народа. Это двоязычіе было причиной и другого зла: оно при всякомъ сношеніи «пана» съ «мужикомъ» напоминало послѣднему о порабощеніи его первымъ и поддерживало, не давало остывать естественной, но крайне нежелательной и вредной враждѣ двухъ сословій.

Такимъ образомъ, ко второй половинѣ XVIII вѣка народная масса въ Украйнѣ была порабощена панами. Благосостояніе края упало во всѣхъ отношеніяхъ. Очевидно, что при такихъ условіяхъ не могла не только развиваться, но и существовать мѣстная литература. Ни производить, ни

воспринимать ее было не кому: однимъ—вслѣдствіе денаціонализаціи, другимъ—вслѣдствіе крайняго невѣжества.

Но вотъ въ самомъ концѣ XVIII в., въ самый разгаръ царенія рабства и невѣжества народнаго, забытое украинское народное слово заявляетъ о своемъ существованіи, о своемъ правѣ на бытіе и развитіе, устами діаконскаго сына Ивана Котляревскаго, его «перелицованною» *Енеидою Виргилія* и его оригинальною *Наталкою-Полтавкой*. Вслѣдъ за Котляревскимъ выступаютъ и другіе писатели съ беллетристическими произведеніями на народномъ языкѣ: Боровиковскій, Квитка, профессора (впослѣдствіи) Гулакъ-Артемовскій, Бодянскій и другіе. Произведенія ихъ хотя и были встрѣчены сочувственно въ главныхъ центрахъ Украйны, но они не оказали большого вліянія на пробужденіе интеллигентныхъ силъ къ работѣ на полѣ возрожденія мѣстной литературы; въ массу же народа произведенія названныхъ писателей почти не проникли въ то время. Неграмотная масса не могла ихъ читать, а если изъ тысячи народа и былъ одинъ - другой грамотенъ, то книжка для него была недоступна по своей дороговизнѣ. Причиною слабаго вліянія на интеллигенцію произведеній Котляревскаго, Квитки и другихъ украинскихъ писателей, вплоть до Шевченка, было, между прочимъ, еще и то, что произведенія тѣ, при многихъ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, не лишены были и крупныхъ недостатковъ: они не были достаточно прогрессивны, не были настолько идейны, чтобы «возжечь сердца глаголомъ». Само собою разумѣется, что украинскихъ писателей XIX в. до Шевченка нельзя упрекать за то, что они не вывели въ своихъ произведеніяхъ на первое мѣсто мужика, какъ главнаго «сѣятеля и кормителя», не показали публикѣ первостепенныхъ, жгучихъ, общечеловѣческихъ нуждъ и потребностей мужика; нельзя, говорю я, осуждать писателей за то, что они были дѣтьми только своего времени и не опередили его. Не надо забывать, что въ то время и въ странахъ несравненно болѣе цивилизованныхъ и съ большею культурой поэты въ своихъ произведеніяхъ не занимались мужикомъ въ указанномъ мною смыслѣ. Хотя въ то время на горизонтѣ европейской литературы блистали такіе генін слова, какъ Байронъ въ Англіи, Мицкевичъ у поляковъ, Пушкинъ въ Россіи, но много ли въ ихъ произведеніяхъ встрѣтите героевъ изъ мужиковъ? Много ли въ нихъ *народнаго* (не въ національномъ лишь смыслѣ)? У кого изъ нихъ найдете указаніе на необходимость освобожденія народной массы изъ рабства духовнаго, экономическаго? У Пушкина, наприм., не найдете указанія на потребность уничтоженія даже крѣпостного права, хотя въ его время было уже не мало въ Россіи людей, признававшихъ ненормальность соціальнаго положенія 20-ти милліонной массы крѣпостныхъ... Во-вторыхъ, когда одинъ изъ украинскихъ писателей первой четверти XIX вѣка, Гулакъ-Артемовскій, попробовалъ въ художественной сатирѣ представить бытъ и положеніе крѣпостного *человѣка*, то долженъ былъ прикрыть этого человѣка шкурою собаки «Рябка». Но и въ этомъ замаскированномъ видѣ не прошелъ «Рябко» безнаказанно: крѣпостники подняли такой вой, что поэтъ долженъ

былъ замолчать и молча заглушить въ себѣ человѣческія страданія за участь милліоновъ «Рябковъ».

Когда позднѣе, уже въ другой четверти текущаго столѣтія, появился мужикъ въ произведеніяхъ западно-европейской литературы, то, почти одновременно съ Ауербахомъ, отозвались и на Украйнѣ голоса за «мужика-крепока» (крѣпостнаго); это былъ голосъ ясный, опредѣленный, сильный и тѣмъ болѣе могучій, что онъ былъ не просто голосъ писателя, но стонъ, вопль писателя изъ убогой темной избы крѣпостного крестьянина. Это былъ голосъ поэта-мужика, испытавшаго на собственной спинѣ всѣ ужасы крѣпостного ярма, все варварство человѣка надъ человѣкомъ; это былъ поэтъ, у котораго не было ни одного мускула, ни одного нерва, не болѣвшаго болью коллективной народной души. Поэтъ этотъ былъ Шевченко. Ему суждено было сдѣлаться геніемъ украинско-русскаго народнаго слова,—обновить его не только художественно, но и идейно, и украинскую литературу ввести въ семью не только славянскихъ, но и европейскихъ литературъ.

Поэтическія произведенія Шевченка заняли высокое мѣсто не только своею художественностью, но и своею идейностью; слово его «не ветхее, не древле слово, разтліннее» (не старое, древнее, растлѣнное), но слово новое:

„Неначе сріблo куте-бите
І семикрати перелите
Огнем в горнилі“,—

то слово, которое поставлено «на стражѣ» возлѣ

„Людей закованих моіх,
Убогих, нищих
Малих отих рабів німих“,

для того, чтобы «люд окраденій» спасти. Вотъ это-то *новое* слово дѣйствительно

„Огнем заговорило,
І людям серце разтопило
І по Украіні пронеслось“.

И послѣ этого *слова* дѣйствительно уже съ полною увѣренностью можно повторить за Шевченкомъ, что украинско-русское слово «не вмре, не поляже».

Но о значеніи Шевченка, какъ поэта вообще, не только національнаго, но общечеловѣческаго, рѣчь будетъ въ другомъ мѣстѣ, а теперь перехожу къ группировкѣ и обозрѣнію матеріаловъ, относящихся къ дѣтству и отрочеству генія украинско-русскаго слова.

I.

„...Як побачу
Малого хлопчика в сели:
Мов одірвалось од гіллі.

Одно однісеньке під тином
Сидить собі въ старій рядинині,
Мині здається, що се я,
Що се ж та молодість моя" *).

Шевченко: „Кобзарь", т. I, стр. 233.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко-Грушивскій родился въ Звенигородскомъ уѣздѣ. Изъ всѣхъ двѣнадцати уѣздовъ Кіевской губерніи уѣздъ Звенигородскій выдѣляется своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ и однородностью въ этнографическомъ и соціально-экономическомъ отношеніи господствующей массы населенія. Пространство уѣзда не велико: около 63 кв. миль, большею частью прекраснаго плодороднаго чернозема.

Отроги Карпатскихъ горъ, поднимающіеся до 700 футовъ, перерѣзываютъ уѣздъ съ запада на востокъ и съ сѣвера на югъ; поэтому и поверхность уѣзда возвышенная, мѣстами гористая, а вообще волнообразная, усѣянная курганами, бархатистыми долинами и оврагами, поросшими лиственными лѣсами. Въ настоящее время лѣса значительно истреблены; но лѣтъ пятьдесятъ назадъ, по словамъ старожиловъ, лѣса, особенно въ окрестностяхъ мѣстечка Ольшаной, были густые, съ вѣковыми деревьями. По характеру и красотѣ своей поверхности Звенигородскій уѣздъ представляетъ нѣчто среднее между лѣсистою и степною мѣстностью. Здѣсь не услышите стонущаго во время бури лѣсного рева, не испытаете того угнетающаго, подавляющаго вліянія, которое производитъ на васъ во время лѣтней жары рыжая, выжженная, безмолвная, словно мертвая пустыня—новороссійская степь. Прекрасна степь въ апрѣлѣ, даже въ первой половинѣ мая; но она ужасна въ іюлѣ, въ августѣ, когда ни на землѣ, ни подъ землею вы не видите ничего живого, воздухъ раскаленъ и неподвиженъ, солнце жжетъ немилосердно, какъ-то безпощадно, жестоко... Нѣтъ, въ Звенигородскомъ уѣздѣ не то: здѣсь вся природа какая-то мягкая, добрая, ласкающая и нѣжащая сердце, наполняющая душу лиризмомъ и желаніемъ жить въ мирѣ и любви съ людьми, съ природою и съ самимъ собою, и, любя людей, жить для нихъ... Въ особенности живописенъ сѣверо-восточный уголъ Звенигородскаго уѣзда отъ границы Каневскаго уѣзда къ мѣстечку Ольшаной. Уголъ этотъ заселенъ густыми многолюдными деревнями, окутанными садами. Не такъ еще давно населеніе этой мѣстности занималось, кромѣ обычнаго земледѣлія, чумачествомъ, пчеловодствомъ и садоводствомъ. Съ проведеніемъ желѣзной дороги чумачество, естественно, не могло выдержать конкурренціи пара и прекратилось. Аграрныя причины сильно вліяли на упадокъ садоводства и пчеловодства.

Еще одна особенность этого уголка, какъ и сосѣдняго съ нимъ угла Каневскаго уѣзда: это—распространенная между населеніемъ, въ особенно-

*) „Когда увижу въ деревнѣ маленькаго мальчика, словно оторвался онъ отъ вѣтки: сидитъ онъ одинъ-одинешенекъ въ рубищѣ подъ заборомъ,—мнѣ кажется, что это я; что это и есть моя молодость".

сти между низшимъ духовенствомъ, любовь къ занятію иконописаніемъ или, вѣрнѣе, вообще къ живописи. Впрочемъ, въ послѣдніе годы и эта профессія весьма значительно упала, а не далеко еще то время, когда чуть не каждая деревня имѣла своего и таки порядочнаго маляра. Изъ этихъ мѣстъ вышелъ не одинъ художникъ, вродѣ Н. М. Сошенка. Замѣчательно, что и въ средѣ племянниковъ Шевченка возникла страсть къ живописи и одинъ изъ нихъ, кажется, уже поступилъ, а другой готовится въ академію художествъ. Наконецъ, нельзя не замѣтить къ характеристикѣ уголка двухъ уѣздовъ, о которомъ я говорю, что въ теченіе послѣдняго вѣка и наука, и литература имѣли уроженцевъ изъ этой же мѣстности: наприм., тотъ же Гулакъ-Артемовскій, о которомъ упомянуто выше, братья Ѳ. Г. и П. Г. Лебединцевы (первый изъ нихъ былъ основателемъ *Кіевской Старины*, для которой не мало поработалъ). Извѣстный украинскій романистъ Н. С. Левицкій уроженецъ того же уголка.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть, что Звенигородскій уѣздъ, особенно окрестность возлѣ мѣстечка Лысянки, извѣстнаго еще во времена татарскихъ набѣговъ, былъ не одинъ разъ театромъ кровавыхъ историческихъ событій.

Вотъ въ этомъ-то живописномъ углу есть двѣ деревни: Моринцы и Кириловка, которыя на вѣки связаны съ украинско-русскою литературой и имена которыхъ не забудутся до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать украинско-русское слово, пока будетъ звучать украинская пѣсня. Въ началѣ XVIII в. обѣ эти деревни входили въ составъ (ключъ) огромнѣйшихъ ольшанскихъ имѣній коронной хорунжины княгини Яблоновской. Поселенія Моринцы и Кириловка возникли не позже XVII столѣтія; такъ я заключаю изъ того, что въ 1730 г. въ Моринцахъ уже было 30 крестьянскихъ дворовъ, а въ Кириловкѣ въ 1741 г. было 130 избъ съ населеніемъ въ 900 душъ. Наконецъ, въ обѣихъ деревняхъ во 2-й половинѣ XVIII в. были уже церкви. Впослѣдствіи ольшанскія имѣнія перешли въ собственность къ племяннику извѣстнаго Потемкина, Василію Энгельгарду, а съ 1830 г. къ сыну послѣдняго полковнику гвардіи Павлу Энгельгарду. Въ концѣ 50 и въ началѣ 60-хъ годовъ владѣльцемъ Кириловки былъ Флорковскій, но послѣ уничтоженія крѣпостного права имѣнія его проданы съ публичныхъ торговъ за долги.

Между крѣпостными крестьянами Василія Энгельгарда, въ селѣ Кириловкѣ, въ началѣ нашего столѣтія была семья Григорія Грушивскаго-Шевченка. По всей вѣроятности, коренную фамилію составляетъ первая; послѣдняя же — народное прибавленіе, «уличное призьвище», происшедшее отъ профессіи одного изъ Грушивскихъ: быть можетъ, дѣдъ Григорія былъ «швець» (сапожникъ); отсюда сынъ его и получилъ въ народѣ «призьвище» Шевченка, т.-е. сынъ шевця. Такъ сплошь и рядомъ произошли на Украйнѣ фамиліи: Ткаченко, Коваленко, Майстренко, Маляренко и др. Что коренная фамилія Шевченка была Грушивскій, въ этомъ убѣдили меня и церковныя метрическія и исповѣдныя книги, въ которыхъ семья Григорі

разъ только, въ 1817 г., записана подъ двойною фамиліей, а затѣмъ въ слѣдующіе годы идетъ уже одна только фамилія — Грушивскій. Григорій Шевченко, кромѣ земледѣлія, занимался, какъ и отецъ его, стельмашествомъ *); онъ былъ человѣкъ грамотный, т.-е. умѣлъ читать и любилъ читать церковныя книги (объ этомъ находимъ свидѣтельство въ поэмѣ Тараса Григорьевича *Гайдамаки* **). Не знаемъ достовѣрно, вслѣдствіе какихъ причинъ, но, конечно, не безъ воли помѣщика, а, быть можетъ, и по его приказанію, Григорій Шевченко съ семьею переселяется въ деревню Моринцы и здѣсь-то 25 февраля 1814 года жена его Екатерина родила сына, названнаго Тарасомъ. Таинство крещенія совершилъ 28 февраля ***) священникъ моринецкой Іоанно-Богословской церкви Иванъ Базаринскій; воспріемникомъ при крещеніи былъ крестьянинъ Григорій Дяденко.

До сихъ поръ происходили разнорѣчивыя показанія о мѣстѣ рожденія Тараса Григорьевича: самъ поэтъ въ автобіографическомъ письмѣ къ Оболенскому говоритъ: «я родился въ селѣ Кириловкѣ»; но скоро послѣ смерти поэта г. Лазаревскій въ *Матеріалахъ для біографіи Шевченка* ****) указалъ на эту неточность и мѣстомъ рожденія послѣдняго назвалъ Моринцы. То же самое подтвердили потомъ Масловъ, Варѳоломей Шевченко *****) и г. Чалый. Никто изъ нихъ, однако, не указалъ источника, по которому они за мѣсто рожденія Шевченка принимаютъ Моринцы, а не Кириловку. Вѣроятно, поэтому въ *Кіевской Старинѣ* г. Лебединцевъ въ 1882 г., а г. Талько-Гринцевичъ еще позднѣе, въ 1889 г., называютъ Кириловку мѣстомъ рожденія Шевченка. Оглашенная недавно, вполнѣ достовѣрная метрическая выписка изъ книгъ моринецкой церкви о родившихся въ 1814 г. не оставляетъ теперь ни малѣйшаго сомнѣнія на этотъ счетъ. Ошибка въ показаніи самого Шевченка произошла отъ того, что родители его вновь были переселены изъ Моринецъ въ Кириловку *не позднѣе*, какъ въ 1816 году (въ 1817 г. семья Григорія Шевченка и въ ней сынъ Тарасій 3 лѣтъ показана уже въ книгахъ кириловской церкви). Слѣдовательно, Тарасъ Григорьевичъ былъ такъ малъ, что совершенно не могъ помнить Моринецъ; начавши же себя помнить въ Кириловкѣ и проведя здѣсь дѣтскіе годы, онъ и считаетъ Кириловку мѣстомъ своего рожденія.

Во всей жизни Шевченка менѣе всего извѣстны его дѣтство и юность до переѣзда его въ Петербургъ. Вполнѣ достовѣрнаго біографическаго матеріала за это время весьма мало: самъ поэтъ, кромѣ коротенькаго письма къ Оболенскому, оставилъ немного воспоминаній о своемъ дѣтствѣ и юности, да и они разбросаны въ его стихотвореніяхъ и разсказахъ. Впослѣдствіи, по освобожденіи уже изъ крѣпостной зависимости, поэтъ хотя «ни

*) *Кіевская Старина* 1889 г., сентябрь, стр. 761.

**) *Кобзарь*, т. I, стр. 128, изд. 1876 г.

***) Замѣчательное совпаденіе! Шевченко умеръ 26 февраля; отпѣваніе тѣла его происходило въ Петербургѣ 28 февраля.

****) *Основа* 1862 г., кн. III, стр. 3.

*****) *Правда* 1876 г., стр. 69.

передъ кѣмъ не стыдился своего происхожденія, но не любилъ много говорить о немъ и многое, что онъ высказывалъ, излагалось всегда съ недомолвками» *). При всей своей разговорчивости и любезности, поэтъ, по словамъ Аѳанасьева-Чужбинскаго **), знавшаго его еще въ началѣ 40-хъ годовъ, не любилъ высказываться и вообще въ немъ была какая-то скрытность.

Воспоминанія о дѣтствѣ и юности поэта, записанныя отъ его братьевъ и сестеръ, людей неграмотныхъ, записанныя уже послѣ его смерти, не могли быть вполнѣ точными, ясными и подробными. О воспоминаніяхъ стороннихъ людей, которые помнили бы дѣтскіе и отроческіе годы Шевченка, не могло и не можетъ быть и рѣчи. Кто тамъ старался замѣчать и помнить какого-то оборвыша, сироту, мальчугана-пастуха?! Вотъ, напримѣръ, что говоритъ П. Г. Лебединцевъ ***): «Хотя я часто бывалъ въ домѣ отца Григорія Кошицы (у котораго служилъ Тарасъ Григорьевичъ, исполняя обязанности хлопця-погонича, присматривавшаго за скотиной и запрягавшаго буланую, широкохвостую кобылу его») и ѣздилъ (въ Богуславъ) на оной кобылѣ, но, къ сожалѣнію, не примѣтилъ я тогда ея погонича (кучера), въ душѣ котораго таился поэтическій геній».

Зная, что родители Тараса Григорьевича были крѣпостные крестьяне, зная, какъ въ то время крестьяне вообще были обременены работами и трудомъ не на себя, легко представить себѣ жизнь родителей поэта. Они не могли представлять исключенія изъ массы въ смыслѣ лучшей матеріальной обстановки или большей свободы отъ труда не на себя. Жили они, конечно, въ бѣдности, на работѣ съ утра до ночи. А семья Григорія Шевченка, состоящая, наприм., въ 1822 г. изъ 8 человѣкъ, не имѣла, кромѣ отца и матери, ни одного взрослаго работника или работницы; старшему изъ дѣтей шелъ только 14-й годъ. Жили они въ убогой старой избѣ, съ почернѣвшею соломенною крышей ****). Въ этой избѣ, по словамъ нашего поэта, была «неволя». Тяжкая работа не давала времени даже на молитву *****). Тамъ, въ этой избѣ, царствовали «нужда и праця» (трудъ), тамъ поэтъ видѣлъ адъ («бачивъ пекло»). Всѣ эти явленія при существованіи крѣпостного права были обычныя, такъ сказать, врожденныя рабству, и среди нихъ-то выросталъ геній украинско-русскаго слова, — выросталъ, можно сказать, безъ всякаго присмотра и попеченія. Кому же было смотрѣть и заботиться о немъ? Мать, конечно, ежедневно на барщинѣ, оторванная отъ избы и дѣтей; кромѣ того, у нея было еще трое дѣтей, моложе Тараса, всѣ почти погодки; весьма естественно, что имъ, какъ младшимъ, мать удѣляла больше вниманія. Къ счастью, у Тараса Григорьевича

*) *Кобзарь* 1876 г., стр. VII: „Воспоминанія Костомарова".

**) *Русское Слово* 1861 г.

***) *Кіевская Старина* 1882 г., сентябрь.

****) *Повѣсти Т. Г. Шевченка* (на великорусскомъ языкѣ). Кіевъ, 1888 г., стр. 660 (*Кулиша*).

*****) *Правда* 1876 г., стр. 126.

была сестра Екатерина, лѣтъ на восемь старше его; она-то и была его воспитательницею, его «няней незабвенною, терпѣливою, нѣжною» *).

Не говоря, конечно, о воспитаніи въ томъ смыслѣ, какъ понимается это въ приложеніи къ дѣтямъ людей интеллигентныхъ, невозможно не остановиться на вопросѣ о простомъ физическомъ присмотрѣ. Екатеринѣ Григорьевнѣ было, напримѣръ, едва 13 лѣтъ въ то время, когда нашему поэту шелъ 6-й годъ; на рукахъ у нея были и «хатне» (домашнее) дѣло, и всѣ младшіе братья и сестры. Много ли вниманія и присмотра могло быть у 13-ти лѣтней дѣвочки къ шестилѣтнему брату? Екатерина Григорьевна и сама еще нуждалась въ присмотрѣ... Безъ сомнѣнія, присмотръ ея за Тарасомъ не могъ идти далѣе того, чтобы утромъ умыть, «помолить Богу», да дать поѣсть ребенку, а затѣмъ уже весь день мальчикъ оставался подъ присмотромъ и руководительствомъ Господа Бога: онъ пользовался полною свободой; никѣмъ не стѣсняемый, онъ проводилъ время какъ хотѣлъ и гдѣ хотѣлъ: въ огородѣ, въ саду, на улицѣ со сверстниками, въ полѣ, въ лѣсу и, конечно, возвращался домой только тогда, когда ощущалъ потребность ѣсть или спать,—возвращался нерѣдко съ подбитымъ глазомъ или съ шишкой на лбу, нерѣдко же и съ болью въ желудкѣ, такъ какъ любилъ ѣсть глину. Словомъ, Тарасъ Григорьевичъ росъ при тѣхъ же, крайне неблагопріятныхъ для дѣтскаго организма, условіяхъ, при которыхъ ростетъ и вся масса крестьянскихъ дѣтей. Но полная свобода бродить гдѣ угодно имѣла для него и хорошія послѣдствія. Бродя по лѣсамъ и ярамъ, по горамъ и долинамъ, онъ, по природѣ своей впечатлительный и любознательный, несомнѣнно, присматривался ко всему окружающему: и къ голубому небу, усѣянному по вечерамъ міріадами сверкающихъ звѣздъ, и къ блѣдно-серебристому мѣсяцу, и къ мрачнымъ курганамъ; онъ прислушивался и къ завыванію вѣтра, и къ шуму древесной листвы, и къ «гоміну дубравы», и къ пѣснѣ соловья, гдѣ-нибудь вблизи «едва журчащаго ручья, окруженнаго вербами и калиною, окутаннаго широколиственными темно-зелеными лопухами» **). Красота природы несомнѣнно производила глубокое впечатлѣніе на душу ребенка, сѣяла въ немъ первыя сѣмена той широкой, богатой фантазіи, которая потомъ развернулась такъ роскошно. Въ пытливомъ умѣ мальчика не могли не возникать вопросы, отчего все это такъ, а не иначе? И они дѣйствительно возникали: разъ, лежа въ саду подъ деревомъ и углубясь въ созерцаніе яснаго голубого неба и находящейся въ полѣ противъ сада «могилы» (кургана), Шевченко - мальчикъ задался вопросомъ: «а что тамъ за горою?»—и, рѣшивши, что тамъ должны быть тѣ желѣзные столбы, «которые подпираютъ небо», онъ рѣшился отправиться къ нимъ и посмотрѣть, «какъ тамъ они подпираютъ небо». И вотъ онъ пошелъ. «Вышелъ за село, прошелъ *царину* ***), прошелъ съ полверсты полемъ, на полѣ стоитъ высокая черная могила, онъ

*) Повѣсть Шевченка *Княгиня*, стр. 661.

**) *Княгиня*, стр. 659.

***) Деревенскій шлахбаумъ, при въѣздѣ.

вскарабкался на могилу, чтобы оттуда посмотрѣть, далеко ли еще до тѣхъ столбовъ. Стоитъ мальчуганъ (говоритъ далѣе о себѣ Шевченко) на могилѣ, смотритъ во всѣ стороны: и по одну сторону село, и по другую сторону село, и тамъ изъ темныхъ садовъ выглядываетъ трехглавая церковь, крытая бѣлымъ желѣзомъ, и тамъ тоже выглядываетъ церковь изъ темныхъ садовъ и тоже крытая бѣлымъ желѣзомъ. Мальчуганъ задумался. «Нѣтъ, думаетъ онъ, сегодня поздно, не дойду я до тѣхъ столбовъ, а завтра, вмѣстѣ съ Катрею *). Она *до череды* (въ стадо) коровъ погонитъ, а я пойду къ желѣзнымъ столбамъ. Сегодня же—домой пора». Пошелъ, да не въ свое, а въ чужое село. Къ счастью, его встрѣтили чумаки и, остановивши, спросили:

«— А куда ты мандруешь? (бредешь).

«— Домой.

«— А гдѣ же твой домъ, небораче (горемыка)?

«— Въ Кириловкѣ.

«— Такъ зачѣмъ же ты идешь въ Моринцы?

«— Я не въ Моринцы, а въ Кириловку иду.

«— Ну, если въ Кириловку, такъ садись на мою телѣгу, мы тебя привеземъ домой къ тебѣ.

«Повезли. Подъѣзжая къ деревнѣ, онъ увидалъ свою хату (избу) на противуположной горѣ и весело закричалъ:

«— Вотъ она, вотъ она, наша изба!...

«— Ну, если ты видишь уже свою избу,—сказалъ хозяинъ телѣги,— то иди теперь съ Богомъ!

«На дворѣ уже смеркало,—продолжаетъ Шевченко,—когда я подошелъ къ нашему перелазу; смотрю на дворъ, а тамъ возлѣ хаты, на темно-зеленомъ бархатномъ *спорышѣ* всѣ наши сидятъ въ кружкѣ и ужинаютъ; только моя старшая сестра и нянька Катерина не ужинаетъ: стоитъ себѣ подлѣ дверей, подперши голову рукою, и какъ будто посматриваетъ на перелазъ. Когда я высунулъ голову изъ-за перелаза, то она вскрикнула: «прийшов, прийшов!» (пришелъ) и, подбѣжавъ ко мнѣ, схватила меня на руки, понесла черезъ дворъ и посадила въ кружокъ ужинать, сказавши: «сідай вечеряти, приблудо!» (садись ужинать, бродяга). Поужинавши, сестра повела меня спать и, уложивши въ постель, перекрестила, поцѣловала и, улыбаясь, назвала меня опять приблудою. Я долго не могъ заснуть, я все думалъ о желѣзныхъ столбахъ и о томъ, говорить ли мнѣ о нихъ Катеринѣ и Никитѣ **), или не говорить? Никита, думаю, былъ разъ съ отцомъ въ Одессѣ и тамъ, конечно, видѣлъ эти столбы. Какъ же я ему буду говорить о нихъ, когда я ихъ вовсе не видалъ? Катерину можно бы *одурить* (обмануть), но нѣтъ, я и ей не скажу ничего» ***).

---

*) Катря—Катя.

**) Никита Григорьевичъ—родной братъ нашего поэта, старше послѣдняго 1 три года.

***) *Княгиня*, стр. 660—1.

Этотъ эпизодъ, случившійся на 6 или 7 году жизни Шевченка, надо признать достовѣрнымъ: о немъ въ первый разъ разсказалъ г. Лазаревскій *), а потомъ Масловъ и Варѳоломей Шевченко **), въ то время, когда еще не была напечатана повѣсть Тараса Григорьевича *Княгиня*, въ которой переданъ этотъ случай, какъ взятый изъ жизни автора. И Варѳоломей Шевченко говоритъ, что приведенный случай онъ слышалъ изъ устъ самого Тараса Григорьевича. Но въ *Воспоминаніяхъ* Варѳоломея Шевченка есть такія указанія, которыя я долженъ отвергнуть, какъ прямо недостовѣрныя. Вмѣсто Катерины, онъ называетъ другую сестру Шевченка, Ирину Григорьевну, добавляя, что когда маленькій Тарасъ Григорьевичъ былъ привезенъ чумаками, то братъ его Никита хотѣлъ его побить, но вступилась сестра Ирина и не дала. За это-то Тарасъ Григорьевичъ и любилъ сестру Ирину болѣе другихъ сестеръ. Это не вѣрно. Ирина Григорьевна была почти на два года моложе Тараса Григорьевича, слѣдовательно, не могла взять его на руки и отнести въ постель. Тарасъ Григорьевичъ любилъ всѣхъ своихъ братьевъ и сестеръ одинаково, потому что у него было нѣжное, любящее сердце. Братьямъ и сестрамъ онъ, чѣмъ могъ, помогалъ цѣлую жизнь, какъ это мы увидимъ далѣе.

Словомъ, до девятилѣтняго возраста Шевченко находился на попеченіи природы, да отчасти сестры своей Катерины, личности, несомнѣнно, доброй, нѣжной и отчасти поэтической. Послѣднее я предполагаю потому, что она особенно любила цвѣты, о чемъ говоритъ въ *Княгинѣ* нашъ поэтъ. Описывая дворъ своихъ родителей, онъ говоритъ: «вокругъ яблони былъ цвѣтникъ—*любимецъ* моей незабвенной сестры, моей терпѣливой, моей нѣжной няньки».

Такимъ образомъ, въ это время портретъ 7—8-ми лѣтняго Т. Г. Шевченка можно, не опасаясь большой ошибки, представить себѣ въ слѣдующемъ видѣ: бѣлокурый крестьянскій мальчикъ, «кубическій», конечно, босоногій, довольно оборванный; добрый, любознательный, шаловливый, проворный, непосѣдливый и правдивый. Спустя непродолжительное время въ характерѣ его замѣчаются иныя черты, новыя, не уничтожающія, впрочемъ, названныхъ мною: упрямство, непослушаніе, задоръ, хитрость и замкнутость въ самомъ себѣ. Благопріятствовали этому несчастно сложившіяся семейныя обстоятельства, которыя, разъ забравшись въ семью Григорія Шевченка, не покидали уже ее, а только постоянно ухудшались и угнетали семью, а всего болѣе Тараса Григорьевича. Надъ головою его, уже съ 8—9-ти лѣтняго возраста, собирается облако несчастья и затѣмъ, почти во всю остальную жизнь поэта, «хмара» (туча) слезъ не расходится. Если же и случались въ его жизни ясные дни, то они были очень коротки и за нихъ Тарасъ Григорьевичъ дорого, очень дорого платился продолжительными годами неволи и тяжкихъ моральныхъ и матеріальныхъ страданій.

---

*) *Основа* 1861 г., кн. IV.

**) *Правда* 1876 г., стр. 68.

II.

Едва исполнилось Тарасу Григорьевичу девять лѣтъ, какъ его «добрую и молодую мать нужда и трудъ свалили въ могилу». Мать его, будучи только 32 лѣтъ, умерла въ Кириловкѣ 20 августа 1823 г. *). Умреть отецъ,— говоритъ украинская пословица, дитя — полсироты, а умреть мать — дитя полная сирота. По смерти матери не только Тарасъ Григорьевичъ, но всѣ его младшіе братья и сестры остались безъ всякаго женскаго присмотра; семья, хата, хозяйство остались безъ хозяйки. Легко понять, въ какомъ ужасномъ положеніи очутился Григорій Шевченко, обремененный, съ одной стороны, барщиною, нуждою и трудомъ, а съ другой—5-ю дѣтьми, изъ коихъ старшему было 10, а младшему едва наступилъ второй годъ. Положеніе его и семьи, а всего болѣе положеніе девятилѣтняго Тараса было тѣмъ тяжело, тѣмъ болѣе безрадостно, что старшая сестра Катерина Григорьевна **), этотъ ангелъ-хранитель Тараса, которая могла бы замѣнить сиротамъ мать, вышла замужъ въ деревню Зеленую за крестьянина Красицкаго, еще при жизни матери, именно 29 января 1823 года. Такимъ образомъ, всѣ условія сложились такъ, что Григорію Шевченку вторичная женитьба представлялась дѣломъ необходимымъ и единственнымъ средствомъ, могущимъ облегчить положеніе его и дѣтей его. На Украйнѣ, обыкновенно, вдовцу очень трудно, да еще если у него есть дѣти, жениться вторично на дѣвушкѣ; изъ дѣвушекъ пойдетъ за вдовца «развѣ ужь самая послѣдняя». Приходится жениться на вдовѣ. Такъ поступилъ и Григорій Шевченко; онъ женился на вдовѣ Ксеніи, которая была однихъ съ нимъ лѣтъ и имѣла отъ перваго мужа троихъ дѣтей, также малолѣтокъ; но главная бѣда заключалась въ

---

*) Смерть Катерины Грушивской записана въ метрической книгѣ кириловской церкви подъ № 6 (объ умершихъ) и оказалось, что она умерла „отъ натуральной болѣзни“,—слѣдуетъ послѣднее разумѣть: естественною смертью.

**) У Григорія Шевченка по смерти его жены остались, кромѣ дочери Екатерины, слѣдующія дѣти: Никита на 11 году, Тарасъ на 10, Ирина на 7, Марія на 3 и Іосифъ на 2 году жизни. Никому изъ нихъ и впослѣдствіи не улыбнулась судьба. Послѣ Никиты Григорьевича остались дѣти: Петръ, Прокофій и Ирина. Петръ Никитичъ еще кое-какъ ведетъ хозяйство и, по словамъ очевидцевъ, принадлежитъ къ зажиточнымъ крестьянамъ Кириловки, но Прокофій бѣдствуетъ. Тяжелѣе всѣхъ судьба Ирины Никитишны. Выйдя замужъ за крестьянина Ковтуна, она имѣла десять дѣтей, изъ коихъ семь человѣкъ слѣпыхъ. Всѣ они родились здоровыми, а на 7 году развилась слѣпота. Старшему слѣпому сыну теперь немного болѣе 30 лѣтъ. „Помутнѣніе хрусталика и дальнозоркость, по словамъ г. Талько-Гринцевича, составляютъ наслѣдственную болѣзнь въ семьѣ Шевченковъ. Меньшая сестра Тараса, Марія, страдала глазною болѣзнью“ и т. д. Благодаря энергическимъ хлопотамъ М. А. Кре мера и вниманію добрыхъ людей, матеріальная сторона *крестьянской* жизни внуко нашего поэта болѣе или менѣе обезпечена. Другой братъ Тараса, Іосифъ, также уп покойный, имѣлъ трехъ сыновей, изъ коихъ одинъ, Андрей, переселился въ Херсо скую губернію. Сестра Ирина Григорьевна вышла за Бойка, въ Херсонской губерні Одинъ изъ сыновей ея воспитывался въ Кіевѣ въ гимназіи на счетъ Тараса Гр горьевича, пока послѣдній былъ живъ. Наконецъ, Марья Григорьевна умерла еще д вушкою (*Кіевская Старина* 1889 г., сентябрь, ст. Ю. Д. Талько-Гринцевича).

томъ, что вторая жена Григорія Шевченка была женщина суровая и сварливая. И не принесла она въ семью Шевченка любви и спокойствія для мужа, ласкъ и нѣжнаго попеченія матери для сиротокъ; маленькимъ Шевченкамъ она не могла замѣнить «доброі нені». Напротивъ, она принесла къ нимъ въ своемъ характерѣ нѣчто ужасное. «Кто видѣлъ хотя издали мачиху и сводныхъ дѣтей, тотъ видѣлъ адъ въ самомъ отвратительномъ торжествѣ. Не проходило часа безъ слезъ и драки между нами, дѣтьми,—говоритъ самъ Шевченко,—не проходило часа безъ ссоры и брани между отцомъ и мачихою. Мачиха особенно ненавидѣла меня, вѣроятно, за то, что я часто тузилъ ея тщедушнаго Степанка»*). Этотъ Степанко былъ на два года моложе задорнаго Тараса Григорьевича и, какъ сейчасъ увидимъ, не отличался нравственными качествами.

Въ домѣ отца Шевченка квартировалъ какой-то солдатъ. У него было похищено «три злотыхъ» (45 коп.). Солдатъ, конечно, бѣднякъ, для котораго 45 к. составляли много, поднялъ бучу. Мачиха изъявила подозрѣніе на пасынка Тараса. Тарасъ клятвенно увѣрялъ въ своей невиновности, но мачиха стояла на своемъ: «гроши укралъ Тарасъ». Предвидя незаслуженное наказаніе, послѣдній убѣжалъ со двора и скрылся въ кустахъ между деревьями заброшеннаго сада крестьянина Жениха, гдѣ и просидѣлъ четверо сутокъ. Объ убѣжищѣ Тараса знала только младшая сестра его Ирина, но она никому не говорила, тайкомъ приносила брату пищу и играла съ нимъ. Въ кустахъ калины Тарасъ устроилъ себѣ какой-то шалашъ, подѣлалъ возлѣ него дорожки и усыпалъ ихъ пескомъ. На пятый день убѣжище поэта было открыто дѣтьми мачихи и Тараса взяли на допросъ. Связавъ мальчику руки и ноги, дядя его Павелъ Грушивскій, «великій катюга» (палачъ), началъ щедро стегать его розгами, добиваясь признанія. Мальчикъ не выдержалъ боли и принялъ на себя вину, говоря, что деньги закопалъ въ землю. Его развязали и требовали указать мѣсто, гдѣ деньги закопаны, чего, конечно, онъ исполнить не могъ. Истязаніе вновь возобновилось, разумѣется, безъ результатовъ, или, вѣрнѣе, результатъ былъ тотъ, что побитаго до полусмерти Тараса заперли въ темный амбаръ, а изъ одежды его матери взяли «юпку», продали и вырученными деньгами удовлетворили солдата. Потомъ уже оказалось, что дѣйствительнымъ воромъ былъ никто иной, какъ тотъ же Степанко **). Естественно, какія чувства къ мачихѣ, къ ея дѣтямъ и къ дядѣ Павлу этотъ случай, эта отвратительная несправедливость должны были вызвать въ дѣтскомъ сердцѣ Тараса Григорьевича, и нѣтъ совершенно ничего удивительнаго, что онъ до самой смерти сохранилъ нелюбовь къ этимъ людямъ. Тотъ же случай долженъ былъ заставить и отца Шевченка подумать о необходимости удалить Тараса изъ глазъ ненавидѣвшей его мачихи. Отецъ отдалъ его въ школу, но едва ли, какъ утверждаетъ г. Лазаревскій, «къ

*) *Кипиня*, стр. 664.

**) *Основа* 1862 г., мартъ. *Чалый*, стр. 10—11.

мѣщанину Губскому», у котораго Тарасъ и принялся за букварь. Во время приведеннаго случая истазанія Тарасу Григорьевичу не могло быть менѣе одиннадцати лѣтъ: это слишкомъ поздній возрасть для *первоначальнаго* обученія грамотѣ. Тарасъ Григорьевичъ началъ учиться ранѣе этого, еще при жизни матери. Первымъ учителемъ его былъ, быть можетъ, дѣйствительно Губскій; но кто этотъ Губскій? Въ то время въ Кириловкѣ существовала церковно-приходская школа; трудно допустить рядомъ съ нею существованіе другой школы мѣщанина Губскаго. Несравненно правдоподобнѣе слѣдующее предположеніе. Съ 1814 до конца 1818 г. священникомъ въ Кириловкѣ (тамъ ихъ было два) былъ Василій Губскій, сынъ священника того же села; слѣдовательно, человѣкъ свой, мѣстный. Въ декабрѣ 1818 г., неизвѣстно мнѣ за что именно, Василій Губскій былъ отрѣшенъ отъ прихода. Легко допустить, что, не имѣя средствъ къ жизни, Василій Губскій, оставаясь въ Кириловкѣ, учительствовалъ въ церковной школѣ. Вѣроятно, это и есть тотъ Совгирь, о школѣ котораго разсказываетъ Шевченко въ *Княгинѣ*. Хотя онъ и называетъ Совгиря дьякомъ, но онъ приписываетъ ему такія свойства, которыми могъ обладать и священникъ Василій Губскій, уволенный изъ риторики, бывшій долгое время при отцѣ псаломщикомъ и попавшій, наконецъ, въ «отрѣшенные отъ прихода». Въ школу Совгиря, или Губскаго, Шевченко поступилъ на 8 или 9 году жизни. Въ этой школѣ наставникъ каждую субботу послѣ вечерни кормилъ своихъ питомцевъ «березовою кашей» (сѣкъ розгами). «Бьетъ, бывало, и велитъ самому лежать, да не кричать и явственно читать четвертую заповѣдь. Бывало, когда дойдетъ до меня очередь,—говоритъ Шевченко,—то я не прошу уже о помилованіи, а прошу только, чтобы умилосердился и велѣлъ придержать меня хоть немножко. Иной разъ онъ и согласится, да ужь такъ выпоретъ, что лучше бы было и не просить о милосердіи». Въ этой школѣ Шевченко выучилъ псалтырь и когда, по распоряженію начальства, на мѣсто Совгиря былъ присланъ изъ Кіева дьячокъ, онъ же и учитель, оказавшійся «горькій пьяница», то Тарасъ Григорьевичъ оставилъ школу. Въ это время мать его еще жила *). Къ какому учителю вторично былъ отданъ Тарасъ Григорьевичъ? По словамъ А. М. Лазаревскаго, а за нимъ и **) М. К. Чалаго, мачиха уже послѣ смерти отца Шевченка отдала Тараса къ дьячку Богорскому, «у котораго мальчикъ выучилъ часловецъ и псалтырь, а затѣмъ перешелъ къ священнику Нестеровскому. Но г. Лебединцевъ ***) возражаетъ противъ ученія Шевченка у Нестеровскаго, говоря, что у Нестеровскаго Шевченко и не могъ учиться, такъ какъ Нестеровскій былъ уже старъ для того, чтобы учить грамотѣ». Здѣсь тоже неточность. Дѣло въ томъ, что Богорскій поступилъ въ Кириловку за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Григорія Шевченка,—слѣдовательно, Тарасъ Григорьевичъ не могъ у него учиться часловцу и псалтырю; священникъ и

*) См. *Княгиня*, стр. 661—664.

**) *Основа* 1862 г., книга 3, стр. 7.

***) *Чалый*, стр. 13. *Кіев. Стар.* 1882 г., сентябрь, стр. 563.

Нестеровскій поступилъ въ Кириловку въ началѣ 1819 года и во время оставленія Шевченкомъ перваго учителя ему было не болѣе 50—51 года, а это не такая еще старость, чтобы нельзя уже было учить дѣтей.

Во всякомъ случаѣ, въ настоящее время нельзя опредѣлить съ *полною достовѣрностью*, когда именно и у кого началось первоначальное обученіе Шевченка грамотѣ и долго ли онъ находился въ школѣ *до* смерти отца. Отецъ же его, отправившись разъ въ Кіевъ, простудился, занемогъ въ дорогѣ и, возвратясь, «не выдержалъ злой судьбы, умеръ на барщинѣ». Это случилось 21 марта 1825 года, когда, слѣдовательно, Тарасу Григорьевичу едва наступилъ 12 годъ. Тутъ является для насъ очевидно ошибочнымъ показаніе самого поэта въ автобіографическомъ письмѣ, гдѣ онъ говоритъ, что лишился родителей на *восьмомъ* году жизни.

Отецъ Шевченка, будучи на смертномъ одрѣ, высказалъ замѣчательное пророчество о будущности Тараса Григорьевича; распредѣляя между дѣтьми свое мизерное состояніе, онъ сказалъ: «Сынові Тарасу з мого хозяйства нічого не треба, він не буде абияким чоловіком; з его буде або щось дуже добре, або велико ледащо; для его моя спадщина, або нічого не значитиме, або нічого не поможе» *). Правдоподобно предположить, что такое предсказаніе отецъ вывелъ изъ наблюденій, зная неусидчивую, задорную и непослушную натуру сына, который, будучи въ школѣ, такъ проказилъ, что ни учитель Губскій, ни отецъ не могли его унять отъ проказъ: онъ то и дѣло уходилъ отъ учителя и проказилъ, но учился хорошо **).

III.

Если уже при жизни отца Шевченку такъ хорошо было жить съ мачихой и ея Степанкомъ, что родная хата представлялась ему адомъ, то чего могъ онъ ожидать теперь, оставшись круглымъ сиротою? О жизни съ мачихой нечего было и думать. Одинъ изъ дядей его, быть можетъ, тотъ же Павелъ, «желая вывести сироту въ люди», предложилъ ему въ лѣтнее время пасть свиней, а зимою за хлѣбъ помогать его работникамъ. Но какъ ни тяжело было Тарасу Григорьевичу, предложеніе дяди не соблазнило его. А бѣдствовалъ онъ до такой степени, что когда приходилъ къ сестрѣ Катеринѣ въ село Зеленую, то былъ босой, полунагой и со всякою нечистью на головѣ ***). Куда же было ему дѣваться? Его душу тянуло въ школу, къ свѣту, и, кромѣ того, не могли не возникнуть въ головѣ у него и такія побужденія. Онъ хорошо, «голосно и выразне» (громко и выразительно) умѣлъ читать псалтырь надъ покойниками. Онъ и по слухамъ, и

*) *Основа* 1862 г., кн. 3, стр. 6. „Сыну Тарасу изъ моего имущества ничего не надо, онъ не будетъ человѣкомъ какимъ-нибудь; изъ него выйдетъ или что-либо хорошее, или же большой негодяй. Для него мое наслѣдство или ничего не составитъ, или ничего не поможетъ".

**) Ibidem.

***) *Кіевская Старина* 1882 г., сентябрь.

по опыту уже не могъ не знать, что такое чтеніе цѣнится крестьянами, слѣдовательно, оно можетъ доставить ему средства къ существованію, хотя и очень скудныя. Но чтеніе псалтыря надъ покойниками составляло привилегію дьячка и только по уполномочію послѣдняго онъ могъ являться чтецомъ. Поэтому-то поступленіе къ дьячку въ школу представлялось вдвое выгоднымъ. Онъ и отправился «къ пьяницѣ-дьячку въ школу въ качествѣ ученика и работника» [1]).

Церковно-приходская школа въ Кириловкѣ помѣщалась въ обыкновенной крестьянской избѣ, стоявшей особнякомъ, безъ двора, на площади возлѣ церкви. Она была ободрана, не обмазана, стекла въ окнахъ выбиты. Отъ сосѣднихъ крестьянскихъ избъ она отличалась только тѣмъ, что была обширнѣе ихъ, а на кириловскій кабакъ не похожа была только потому, что была болѣе запущена и содержалась болѣе грязно, нежели онъ. Учителями были въ ней въ описываемое время кириловскіе дьячки Андрей Зневеличъ и Петръ Богорскій. Богорскій училъ лучше, поэтому и учениковъ у него было больше [2]). Богорскій, сынъ священника изъ сосѣдняго села Берещакъ, учился въ кіевской духовной семинаріи; но, «дойдя до средняго класса риторики», вышелъ на 24 г. жизни дьячкомъ въ Кириловку. Семинарія того времени не могла воспитать изъ Богорскаго педагога особенно гуманнаго и человѣка особенно трезваго, тѣмъ еще болѣе, что Богорскій находился нѣкоторое время въ архіерейскомъ хорѣ [3]). Пребываніе мое въ школѣ,—говоритъ Шевченко [4]),—было довольно не комфортабельное. Школяры въ отношеніи къ дьячкамъ то же самое, что мальчики, отданные на выучку къ ремесленникамъ. Права надъ ними мастера не имѣютъ никакихъ опредѣленныхъ границъ; они полные рабы его. Всѣ домашнія работы и выполненіе всевозможныхъ прихотей самого хозяина и его домочадцевъ лежатъ на нихъ безусловно [5]). Поэтому и Шевченко «долженъ былъ исполнять съ рабскою покорностью» всѣ приказанія дьячка, «горькаго пьяницы», не имѣя ни единаго существа въ мірѣ, которое заботилось бы или могло бы заботиться о его, Шевченка, существованіи [6]). Шевченко носилъ ведрами воду, рубилъ дрова, топилъ печь и былъ посылаемъ Богорскимъ читать псалтырь надъ покойниками. Его считали въ деревнѣ лучшимъ чтецомъ и приглашали охотнѣе другихъ [7]). Не было въ селѣ покойника, надъ которымъ онъ не прочиталъ бы псалтыря. За прочтеніе получалъ *книшъ* и *копу* [8]) грошей. Эту

---

1) *Княгиня*, стр. 664.

2) *Правда* 1876 г. *Воспомин. Варѳоломея Шевченка.*

3) *Кіевская Старина*, ibidem.

4) *Княгиня*, ibidem.

5) *Кобзарь* 1876 г., стр. XVI.

6) Ibidem.

7) *Кіевскій Телеграфъ* 1875 г., № 25.

8) *Княгиня. Книшъ*—особой формы пшеничный хлѣбъ праздничный и заупокойный, *копа*—50 коп.

плату отбиралъ Богорскій, а чтецу удѣлялъ изъ нея десятую копѣйку. Отсюда мы видимъ, что принятіе Богорскимъ Шевченка въ школу не было со стороны перваго безкорыстнымъ. Я согласенъ съ П. Г. Л—ъ *), что за науку Шевченка никто ничего не платилъ Богорскому; вѣдь, и платить было некому, но Богорскій получалъ плату изъ заработковъ Шевченка.

Читая псалтирь, Шевченко иногда и тутъ не удерживался, чтобы не напроказить: «чтобы ускорить эту скучную работу, онъ иногда на половинѣ псалма начиналъ: «пріидите поклонимся». Слушатели клали поклоны, а онъ, пользуясь тѣмъ, что отвлекъ ихъ вниманіе, перевертывалъ нѣсколько листковъ нечитанныхъ **). Заработокъ отъ чтенія псалтыря былъ, однако, такъ скуденъ, что его не достаточно было для удовлетворенія первыхъ потребностей: ходилъ тогда Шевченко въ сѣренькой дырявой свиткѣ ***) и въ вѣчно грязной рубашкѣ, а о шапкѣ и сапогахъ и помину не было ни лѣтомъ, ни зимою. Разъ какой-то мужикъ за прочтеніе псалтыря подарилъ ему ременю (кожи) на сапоги, но подарокъ отобралъ дьячокъ, какъ свою собственность ****). Терпѣлъ нашъ поэтъ недостатокъ и въ пищѣ; случалось по нѣсколько дней голодать. Голодъ, по словамъ Козачковскаго *****), заставлялъ его красть куръ, гусей и т. п. и стряпать изъ нихъ для себя ужинъ ночью въ пещерѣ за селомъ. Кириловцы, замѣтивши по ночамъ въ пещерѣ огонь, предположили, что тамъ поселилась «нечистая сила», и просили священника изгнать чорта. Священникъ, собравши народъ, отправился къ пещерѣ, окропилъ святою водой входъ въ нее и совѣтовалъ кому-нибудь полѣзть въ пещеру и посмотрѣть, что тамъ происходитъ. Никто, конечно, не отваживался. Тогда устроили складчину и собрали нѣсколько денегъ въ награду смѣльчаку, который полѣзетъ въ пещеру. Вызвался Шевченко, но просилъ привязать къ нему веревку, для того, чтобы, въ случаѣ надобности, могли вытащить его изъ когтей «чертяки». Полѣзъ; убравъ въ пещерѣ слѣды своей стряпни, онъ вылѣзъ назадъ благополучно, объявилъ, что въ пещерѣ ничего и никого нѣтъ, и получилъ собранныя деньги ******). Случай этотъ, разсказанный другомъ Шевченка, Козачковскимъ, записанъ имъ со словъ самого поэта, но я долженъ отнестись къ нему скептически. Мнѣ извѣстно, что въ то время священникомъ въ Кириловкѣ былъ Кошица, человѣкъ довольно просвѣщенный; по крайней мѣрѣ, онъ окончилъ семинарію богословомъ перваго разряда. Трудно допустить, чтобы онъ такъ легковѣрно отнесся къ приглашенію изгнать чорта изъ пещеры. Развѣ ужъ предположить, что окропленіе пещеры святою водой сдѣлано имъ съ цѣлью успокоить обезкураженныхъ темныхъ и суевѣрныхъ прихожанъ. Но всего болѣе бѣдствовалъ Тарасъ Григорьевичъ въ школѣ отъ жестокости Богор-

*) *Кіев. Стар.* 1882 г., сентябрь.
**) *Кіевск. Телегр.* 1875 г., № 25.
***) Свитка—верхняя одежда, нѣчто вродѣ зипуна.
****) *Княгиня.*
*****) *Кіевск. Телегр.* 1875 г., № 25.
******) *Кіевск. Телегр.* 1875 г., № 25.

скаго, котораго онъ называетъ «исчадіемъ деспотическихъ семинарій». Дьячокъ обходился съ своими питомцами жестоко и всѣ они глубоко его ненавидѣли. «Мое дѣтское сердце было оскорбляемо милліоны разъ»,—говоритъ Шевченко въ автобіографіи. Однако же, не для оправданія, конечно, жестокого обращенія пьянаго дьячка съ своими учениками, а ради исторической правды, надо помнить, что самъ Богорскій выросъ на розгѣ. Надо помнить нравы того времени вообще, а школьные въ частности. Не только во времена Богорскаго, но спустя тридцать лѣтъ у насъ было еще много такихъ педагоговъ, которые признавали розгу какъ элементъ неотдѣлимый отъ школьнаго образованія; даже въ средней школѣ, въ гимназіяхъ, наказаніе розгами признавалось до такой степени неизбѣжно-потребнымъ, что, наприм., въ 1858 г. въ житомирской гимназіи въ теченіе года было высѣчено изъ 600 гимназистовъ 290 *). А, вѣдь, въ гимназіи того времени учились почти исключительно дѣти помѣщиковъ и чиновниковъ; крестьянскихъ дѣтей не было, конечно, и 1%. Въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ дѣло стояло еще лучше. Въ этомъ случаѣ сошлемся на *Воспоминанія* о духовныхъ училищахъ конца тридцатыхъ годовъ, напечатанныя въ 73 № *Церковно-общественнаго Вѣстника* за 1870 г. Авторъ *Воспоминаній* разсказываетъ о воспитательныхъ пріемахъ Поликарпа Волосіевича, бывшаго смотрителемъ сперва лубенскаго, а потомъ полтавскаго духовнаго училища. Кромѣ порки учениковъ розгами, въ ежедневномъ употребленіи была еще «тройчатка», т.-е. «плеть въ три конца изъ подошвеннаго ремня; она постоянно мокла въ водѣ и вынималась оттуда только для сѣченія». Смотритель своеручно въ передней своихъ покоевъ отпускалъ питомцамъ, не спѣша, никакъ не менѣе двадцати ударовъ тройчаткою. «Не дай Богъ попасть бывало подъ тройчатку, а попасть ничего не стоило, потому что удары ею сыпались за каждую ошибку въ урокѣ». Не только для современнаго намъ гимназиста или семинариста, но даже для ученика сельской школы воспитательные пріемы въ школахъ нашихъ отцовъ покажутся, конечно, дикими и легендарными,—такъ измѣнились за сравнительно короткое время и школьные, и общественные нравы.

Пріемы дьячка Богорскаго для того времени были—обычное явленіе и возмущались ими только исключительныя натуры, какова была и натура Тараса Григорьевича. Школа Богорскаго вліяла на дѣтей дурно еще и съ другой стороны: въ ней (и въ этомъ, отношеніи она не составляла исключенія) практиковалось взяточничество. Шевченко, будучи уже въ ссылкѣ, во время аральской экспедиціи Бутакова, разсказывалъ слѣдующее: «По субботамъ передъ роспускомъ по домамъ всѣхъ насъ, и правыхъ, и виноватыхъ, сѣкли, причитывая четвертую заповѣдь. Обязанность эту исполнялъ «консулъ», т.-е. старшій въ классѣ. Я никогда не ходилъ въ отпускъ; но когда былъ сдѣланъ консуломъ, то зажилъ отлично; всѣ мнѣ приносили изъ дому гостинцы, чтобы не больно сѣкъ, и скоро я обратился въ страш-

*) *Журналъ для воспитанія* 1859 г., кн. XI.

наго взяточника. Кто приносилъ мнѣ довольно, тому давалъ не болѣе двухъ легкихъ розогъ, въ теченіе которыхъ успѣвалъ скороговоркой прочитать извѣстную заповѣдь; но кто приносилъ мало или ничего не приносилъ, надъ тѣмъ я съ чувствомъ, съ разстановкою читалъ: «помни... день... суб-ботній» и т. д. Разумѣется, званіе «консула» не освобождало отъ розогъ и самого «консула». Можно смѣло предположить, что Шевченку, особенно до «консульства», перепадало «березовой каши» отъ рукъ Богорскаго болѣе, чѣмъ кому другому изъ школяровъ, потому что онъ выдавался шалостями и частыми отлучками изъ школы, во время которыхъ, бродя по лѣсамъ и по «ярахъ», несомнѣнно призадумывался о своей судьбѣ, о своей тяжелой зависимости отъ дьячка, о жестокости послѣдняго и о средствахъ къ улучшенію своей участи. Отрощеніе волосъ на головѣ и стрижка ихъ, какъ у взрослыхъ, «въ кружокъ», и сшитая имъ самимъ шапка вродѣ чего-то похожаго на польскую конфедератку,—все это было ничто иное, какъ внѣшнее выраженіе протеста противъ окружающаго гнета, знаки того душевнаго волненія, которое испытывала нѣжная и глубоко-впечатлительная душа поэта. Сумма всей жизненной обстановки въ школѣ Богорскаго была поистинѣ крайнѣ тяжела; но Шевченко выносилъ ее въ теченіе двухъ лѣтъ, пока, наконецъ, терпѣніе его не порвалось, и онъ «кончилъ съ своимъ дьячкомъ-учителемъ такъ, какъ вообще оканчиваютъ выведенные изъ терпѣнія беззащитные люди—местью и бѣгствомъ». Найдя однажды дьячка своего безчувственно пьянымъ, Шевченко связалъ его и, насколько хватило дѣтскихъ силъ, высѣкъ его розгами и тѣмъ отплатилъ за всѣ его жестокости. Тогда же ночью онъ убѣжалъ въ мѣстечко Лысянку *).

На этомъ закончилось школьное образованіе Тараса Григорьевича.

IV.

Конечно, не одна только школьная обстановка, не одно только жестокое обращеніе Богорскаго принудили Шевченка къ побѣгу. Были и другія причины, причины болѣе глубокія, болѣе высокаго, благороднаго свойства. Еще въ раннемъ дѣтствѣ зародилась у него страсть къ рисованію и онъ, гдѣ могъ, рисовалъ углемъ или мѣломъ «разныя каракульки». Страсти этой не могъ не замѣтить въ немъ и Богорскій; по крайней мѣрѣ, нельзя было не замѣтить ее, потому что, какъ говоритъ самъ о себѣ поэтъ:

„...Ще в школі,
Таки в учителя-дяка,
Гарненько вкраду пьятака
(Бо я було трохи не голе,
Таке убоге!), тай куплю
Паперу аркуш і зроблю

*) *Автобіограф. Кобзаря*, 1876 г., стр. XVII.

Маленьку книжечку, хрестами
І візерунками з квітками
Кругомъ листочки обведу,
Тай списую „Сковороду“,
Або „Три царіе со дары“,
Та сам собі у бурьяні,
Щоб не почув хто, не побачив,
Висшівую одни та плачу“ *).

Изъ рисунковъ Шевченка того времени хранились нѣкоторые у его школьнаго товарища Тараса Гончаренка. Видѣлъ ихъ В. Г. Шевченко и говоритъ (*Правда* 1876 г.), что то были лошади и солдаты, намалеванные на грубой сѣрой бумагѣ.

Между гостями Богорскаго бывали маляры изъ сосѣднихъ деревень Тарасовки, Хлипновки и дьяконъ изъ Лысянки; съ ними, конечно, познакомился и Шевченко. И вотъ, убѣжавши отъ Богорскаго, онъ отправился въ Лысянку къ маляру-дьякону, съ желаніемъ научиться у него живописи. «Но скоро убѣдился, что дьяконъ своими правилами и обычаями очень мало отличался отъ Богорскаго. Три дня я,—говоритъ Шевченко,—терпѣливо таскалъ на гору ведрами воду изъ рѣки Тикача и растиралъ на желѣзномъ листѣ краску мѣдянку. На четвертый день терпѣніе мнѣ измѣнило и я ушелъ въ село Тарасовку къ дьячку-маляру, славившемуся въ околоткѣ изображеніемъ великомученика Никиты и Ивана Воина. Къ сему-то Апеллесу обратился я съ твердою рѣшимостью перенести всѣ испытанія, какъ думалъ я тогда, неразлучныя съ наукой. Усвоить себѣ его великое искусство хоть въ самой малой степени желалъ я страстно. Но, увы, Апеллесъ посмотрѣлъ внимательно на мою лѣвую руку и отказалъ мнѣ наотрѣзъ. Онъ объяснилъ мнѣ, къ моему крайнему огорченію, что во мнѣ нѣтъ способности ни къ чему, ни даже къ шевству (сапожничеству) или къ бондарству» **).

Огорченіе Шевченка было очень велико: отказъ маляра разрушалъ въ немъ лучшую и, какъ казалось ему, послѣднюю надежду когда-нибудь выбиться на лучшую жизненную ниву, сколько-нибудь подняться надъ тяжелымъ уровнемъ окружавшей его крѣпостной массы. Съ «сокрушеннымъ сердцемъ» возвратился онъ въ родную Кириловку, въ отцовскую избу. Въ виду у него была скромная участь, которой воображеніе придавало, однако же, простодушную прелесть: онъ «хотѣлъ сдѣлаться пастыремъ стадъ непорочныхъ, съ тѣмъ, чтобы, ходя за общественнымъ стадомъ, читать свою любезную съ картинками книжку, украденную у Богорскаго при побѣгѣ

*) „Еще когда я былъ въ школѣ у учителя-дьячка, сворую, бывало, хорошенько пять копѣекъ (я былъ почти нагой,—такъ бѣденъ), куплю листъ бумаги, сошью тетрадку, вокругъ страницъ подѣлаю виньетки и копирую портретъ Сковороды или „Три царя съ дарами“. И, спрятавшись гдѣ-нибудь въ сорныхъ растеніяхъ, чтобъ никто не услышалъ, не увидѣлъ, пою тамъ себѣ да плачу“. Сковорода — извѣстный украинскій философъ начала XIX вѣка.

**) *Кобзарь*, 1876 г., стр. XVIII.

отъ него» *). Нѣкоторое время онъ и былъ пастухомъ. Объ этой порѣ поэтъ вспоминаетъ въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній:

„Мині тринадцятий минав,
Я пасъ ягнята за селом".

Но не до пастьбы ягнятъ (барашковъ) было тому, кого природа такъ щедро надѣлила высшими дарами. Неспособность къ «пастырской» профессіи обнаружилась очень скоро. Сидя въ полѣ возлѣ стада, геній украинскаго слова такъ углублялся въ чтеніе краденой книжки или въ созерцаніе окружающей природы, что не замѣчалъ, какъ стадо его расходилось въ разныя стороны, а собирать потомъ разбредшихся овецъ и коровъ стоило и хлопотъ, и труда не только самому пастуху, но и владѣльцамъ «непорочныхъ». Братъ поэта, Никита Григорьевичъ, убѣдившись въ непригодности Тараса быть пастухомъ общественнаго стада, пробовалъ пріучить его къ земледѣлію или къ ремеслу стельмаха, но изъ этого тѣмъ болѣе ничего не вышло. Тарасъ нерѣдко бросалъ въ полѣ воловъ безъ присмотра, а самъ уходилъ бродить. Разумѣется, такая небрежность не могла не вызывать въ семьѣ ссоры, особенно изъ устъ сварливой мачихи, и скоро Тарасъ Григорьевичъ вновь и уже навсегда бросилъ родительскую хату и поступилъ къ священнику Григорію Кошицѣ въ качествѣ «хлопца-погонича, присматривавшаго за скотиной и запрягавшаго буланую и широкохвостую кобылу его» **). Кошица былъ человѣкъ весьма достаточный; онъ, какъ и жена его, были люди патріархальные, добрые; когда у нихъ не было гостей, они проводили время вмѣстѣ съ прислугою въ большой чистой кухнѣ, занимавшей половину дома. Здѣсь находился и Шевченко и, какъ грамотный мальчикъ, въ зимніе вечера всегда что-нибудь читалъ. Здѣсь онъ ничѣмъ не былъ обиженъ, но и здѣсь не обнаружилъ никакихъ способностей къ какому-либо хозяйственному дѣлу. Отецъ Кошица и впослѣдствіи называлъ его «ледащимъ». Какъ долго Шевченко служилъ у Кошицы, я съ достовѣрностью опредѣлить не могу, но думаю, что не очень долго, такъ какъ школу Богорскаго онъ оставилъ не ранѣе 1828 г., а въ 1829 г. онъ былъ уже взятъ «ко двору» Энгельгарда.

Оставивши Кошицу, Шевченко отправился въ село Хлипновку, чтобы еще разъ у тамошняго маляра попытать счастья. Хлипновскій маляръ оказался не столь дальновиднымъ, какъ тарасовскій его собратъ, и вопросъ о способностяхъ Шевченка къ занятію малярскою наукой рѣшилъ на основаніи не хиромантіи, а опыта. Двѣ недѣли держалъ онъ у себя Тараса, наблюдая его способности, и, наконецъ, рѣшилъ, что способности у Шевченка есть и надо взять его въ науку. Тутъ, однако, представилось новое крупное препятствіе: Шевченко былъ крѣпостной крестьянинъ и находился въ такомъ уже возрастѣ, когда его могли потребовать на барскія работы. Маляръ не иначе могъ принять его къ себѣ, какъ въ томъ случаѣ, когда

*) Ibid.
**) *Кіевская Старина* 1882 г., сентябрь.

онъ будетъ имѣть письменное дозволеніе отъ своего владѣльца. Иначе и быть не могло: Шевченко, не имѣя дозволенія, могъ оказаться «бѣглымъ», а маляръ — «пристанодержателемъ», и за послѣднее могъ бы поплатиться очень дорого. Осторожный маляръ посовѣтовалъ Шевченку заручиться сперва письменнымъ дозволеніемъ помѣщика и тогда уже приходить къ нему.

Владѣлецъ Шевченка, старикъ Василій Энгельгардъ, доживалъ свои годы въ мѣстечкѣ Ольшаной, гдѣ находился и центръ администраціи его имѣній, которыми въ это время управлялъ нѣкто Дмитренко. Послѣдній, безъ всякаго сомнѣнія, когда явился къ нему Шевченко, не могъ не удивиться, что оборвышъ проситъ позволенія учиться живописи. И, конечно, Дмитренко, хотя изъ простого любопытства, началъ разспрашивать его о его жизни, а изъ разспросовъ не могъ уже не замѣтить, что Шевченко—мальчикъ проворный, бойкій и по своему развитію стоитъ выше массы своихъ сверстниковъ-крестьянъ. Такіе именно бойкіе мальчики и нужны были въ ту пору Дмитренку: по порученію сына владѣльца Ольшаной, гвардіи полковника Павла Энгельгарда, Дмитренко долженъ былъ набрать способнѣйшихъ изъ крестьянскихъ дѣтей и сформировать изъ нихъ «гвардію» для молодого Энгельгарда въ качествѣ поваровъ, лакеевъ, козачковъ и т. п. челяди. Такимъ образомъ, Дмитренко, вмѣсто выдачи Шевченку дозволенія поступить къ маляру, приказалъ ему поступить въ число его дворовой челяди, изъ которой потомъ способнѣйшіе должны были перейти уже въ «гвардію» самого владѣльца. Это было въ 1829 г., когда Шевченку шелъ 16 годъ.

Легко понять, какое чувство должно было вызвать въ душѣ Тараса Григорьевича распоряженіе Дмитренка. Конечно, представилось ему, что надежда сдѣлаться «хоч обиякым малярем» теперь у него совершенно исчезла. Онъ, который привыкъ бродить на свободѣ, очутившись теперь въ господской передней, долженъ былъ чувствовать нѣчто похожее на то, что чувствовалъ бы молодой орелъ, запертый въ позолоченную клѣтку. Но онъ былъ рабъ безправный и долженъ былъ безусловно подчиниться волѣ и приказанію управляющаго имѣніями его владѣльца. Шевченко въ это время не могъ не вспомнить и не пожалѣть о томъ времени, когда онъ пасъ овецъ и ему

„Так весело було:
Господне небо і село,
Ягня, сдается, веселилось,
І сонце гріло, не пекло“ *).

Для человѣка съ тѣми способностями, съ тѣмъ глубокимъ и нѣжнымъ чувствомъ, съ тою воспріимчивостью и впечатлительностью, какія были свойственны Шевченку, свобода, хотя бы и въ качествѣ «чабана» (пастуха овецъ), неизмѣримо выше и обаятельнѣе сидѣнія въ передней, хотя бы и въ роскошной, но все же на «крѣпостной» цѣпи. Тамъ, въ полѣ, полная свобода духу, чувству, мысли; здѣсь—постоянное бдѣніе и молчаніе въ

*) „Такъ было весело, что, казалось, веселится и Господне небо, и деревня, и барашекъ, а солнце не жжетъ, а только грѣетъ“.

ожиданіи приказанія подать трубку, налить въ стаканъ воды и т. п. Переходъ съ поля въ господскую переднюю не могъ не опечалить глубоко Тараса Григорьевича. Да, онъ несомнѣнно опечалилъ его больше, нежели отказъ тарасовскаго Апеллеса.

V.

Если мы остановимся на стихотвореніяхъ Шевченка, какъ на вспомогательномъ источникѣ матеріаловъ для описанія и изученія жизни нашего великаго поэта, то замѣтимъ, что и онъ, какъ и другіе великіе поэты, наприм., Дантъ, Байронъ, Гюго, въ раннемъ дѣтствѣ имѣлъ подругу сердца, какую-то «кучерявую» Оксану. «Съ нею,—говоритъ нашъ поэтъ,—

Ми в купочці колись росли,
Маленькими собі любились,
А матери на нас дивились
І говорили, що колись
Одружимо їх" *).

Такъ какъ мать Шевченка умерла въ 1823 г., то, слѣдовательно, первая любовь его относится къ его 8—9-ти лѣтнему возрасту. Въ такомъ же возрастѣ впервые былъ влюбленъ и Байронъ.

Сердце Оксаны (Ксенія) отвѣчало взаимностью. Поэтъ оставилъ намъ одно прелестное стихотвореніе, въ которомъ описалъ вліяніе, какое производила на него Оксана. Разъ, когда онъ пасъ овецъ, на него нашли такія тяжелыя думы, что у него «изъ глазъ хлынули слезы». Вблизи дѣвушка выбирала пеньку, услыхала, что онъ плачетъ, подошла къ нему и поцѣловала, утирая его слезы. Отъ этого поцѣлуя поэту

„Неначе сонце засіяло;
Неначе все на світі стало
Мое: лани, гаї, сади.
І ми, жартуючи, погнали
Чужі ягнята до води" **).

Но, увы, имъ не суждено было соединиться... Первая любовь никогда не забывается. Черезъ много лѣтъ, будучи въ ссылкѣ и находясь на пустынномъ азіатскомъ берегу Каспійскаго моря, Тарасъ Григорьевичъ вспомнилъ свою первую любовь и у него вылилось чувство въ прелестномъ стихотвореніи:

„А я так мало, не богато
Благав у Бога: тільки хату,
Одну хатиночку в гаю
Да дві тополі коло неї,
Та безталанную мою,—

*) „Мы вмѣстѣ когда-то росли и маленькими любили одинъ другого. Наши матери, глядя на насъ, говорили: „когда-нибудь повѣнчаемъ ихъ".

**) „Какъ будто солнце стало сіять, какъ будто все на свѣтѣ сдѣлалось моимъ: поля, лѣса, сады. И мы, веселясь, погнали къ водопою чужихъ овецъ".

Мою Оксаночку, щоб я неї
У двох дивитися з гори
На Дніпр широкій..." *).

Спустя опять долгое время, когда, уже по возвращеніи изъ ссылки, Шевченко былъ на родинѣ, онъ снова вспомнилъ Оксану и спросилъ у брата о ея судьбѣ. Крайне грустный отвѣтъ услышалъ онъ: «Пошла въ походъ за солдатами, да и погибла»...

Оглядывая теперь всю совокупность, какая намъ извѣстна изъ дѣтскихъ и отроческихъ лѣтъ Т. Г. Шевченка, мы видимъ, что дѣтство и отрочество его прошли среди ужасной обстановки. Неволя, ужасающая бѣдность, раннее сиротство, ссоры, брань, незаслуженные побои и дома, и въ школѣ... Босыя ноги, непокрытая голова, на ней «всякая нечисть», вѣчно грязная рубаха, изорванная свитка... Пьяный дьякъ, голодъ, кражи птицы, взятки, розги... Наконецъ, все это приводитъ въ переднюю барскаго управителя. Едва ли мы можемъ указать какого другого поэта съ такимъ темнымъ, угнетающимъ, тяжелымъ и безотраднымъ дѣтствомъ и отрочествомъ. Надъ дѣтскимъ и отроческимъ возрастомъ Шевченка соединилось въ одну густую тучу все то, что способно навсегда убить въ человѣкѣ всѣ его лучшія побужденія, всѣ благородные порывы его къ свѣту, добру, правдѣ, свободѣ и къ любви къ людямъ, какъ къ братьямъ. Густымъ облакомъ собралось и заволокло дѣтство и отрочество Шевченка все то, что озвѣряетъ человѣка противъ человѣка, искореняя въ сердцѣ естественную искру любви къ людямъ. Да, поистинѣ тяжкіе годы! Но все же мы видимъ, что люди и обстоятельства не сломали Тараса Григорьевича: мы видимъ у него святые порывы къ свѣту и не видимъ ни малѣйшей поддержки имъ со стороны людей, не видимъ ни одного яснаго луча, нѣжащаго и ласкающаго, согрѣвающаго и ободряющаго молодое сердце, вливающаго въ душу энергію и силу и ведущаго къ свѣту. Нѣтъ, этого ничего нѣтъ! Только темнота и неволя, неволя и темнота... Ужасно!

Зная, при какихъ условіяхъ прошли первыя 15 лѣтъ жизни Шевченка, мы не можемъ не изумляться его необыкновенно крѣпкой природѣ духовной, которая устояла противъ всѣхъ бѣдствій, вынесла такую страшную борьбу и вышла изъ нея побѣдительницею. Не можемъ не удивляться необычайной нѣжности сердца и гуманности души, сохранившихъ и теплоту чувства, и силу вдохновенія и фантазіи, и свѣжесть любви къ природѣ и къ людямъ.

Кто же и что сохранило такъ Шевченка? Изъ людей единственнымъ добрымъ хранителемъ и воспитателемъ поэта въ дѣтскомъ возрастѣ была сестра его Екатерина Григорьевна до выхода ее замужъ, а потомъ уже сердце и душу поэта, его пытливый умъ, весь его духовно-нравственный

---

*) „А я такъ мало, такъ немного молилъ у Бога: только одну избушку въ лѣсу, возлѣ нея двѣ тополи и несчастливую мою Оксаночку, чтобы вмѣстѣ съ нею съ горы смотрѣть на широкій Дрѣпръ".

организмъ кормила и воспитывала украинская природа, и только она одна. Она одна не давала угаснуть въ Шевченкѣ искрѣ высшаго дара, поддерживала огонь до той поры, пока искра вспыхнула пламенемъ «огненнаго слова». Вотъ почему страсть Шевченка къ живописи обнаружилась гораздо раньше, нежели даръ поэтическаго творчества. Къ живописи влекли его и примѣры, а о поэзіи онъ въ отроческіе годы, безъ сомнѣнія, и не слыхалъ. По крайней мѣрѣ, неизвѣстно ни одного факта, чтобы онъ до выѣзда изъ Кириловки (т.-е. до 1830 г.) читалъ какія-нибудь поэтическія произведенія. Чтеніе ограничивалось, безъ сомнѣнія, церковными книгами и по преимуществу псалтыремъ. Мысль о поэтическихъ его способностяхъ въ то время не только никому постороннему, но и ему самому въ голову не приходила. Муза его проснулась гораздо позднѣе, подъ вліяніемъ иныхъ уже условій, мѣстъ и людей, зерна же, изъ которыхъ выросли поэтическія произведенія Шевченка, были положены еще въ Кириловкѣ: зернами тѣми была народная пѣсня, сказка, разсказы отца и дѣда и, наконецъ, псалтырь.

Такъ «не пролетѣла, а проползла въ нищетѣ, въ невѣжествѣ и въ униженіи» *) первая молодость генія украинско-русскаго слова Т. Г. Шевченка...

А. Конисскій.

---

*) *Кіевлянинъ.*

Контора журнала „Русская Мысль“ (*Москва, Леонтьевскій переулокъ, 21*) принимаетъ объявленія: для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ,

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб. Разсчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ, прикладываемыхъ къ журналу объявленій, взимается съ каждой 1000 экз. за 1 лотъ вѣсу 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы между собой или вброшюровываться въ журналъ.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1883, 1886, 1887 и 1888 гг. цѣна которымъ, съ пересылкою, слѣдующая: 1883 и 1886 г. за 1 экз. по 6 руб; 1887 г. за 1 экз 7 руб., 1888 г. за 1 экз. 8 р. Цѣна за всѣ означенные года вмѣстѣ 26 руб. съ пересылкою.